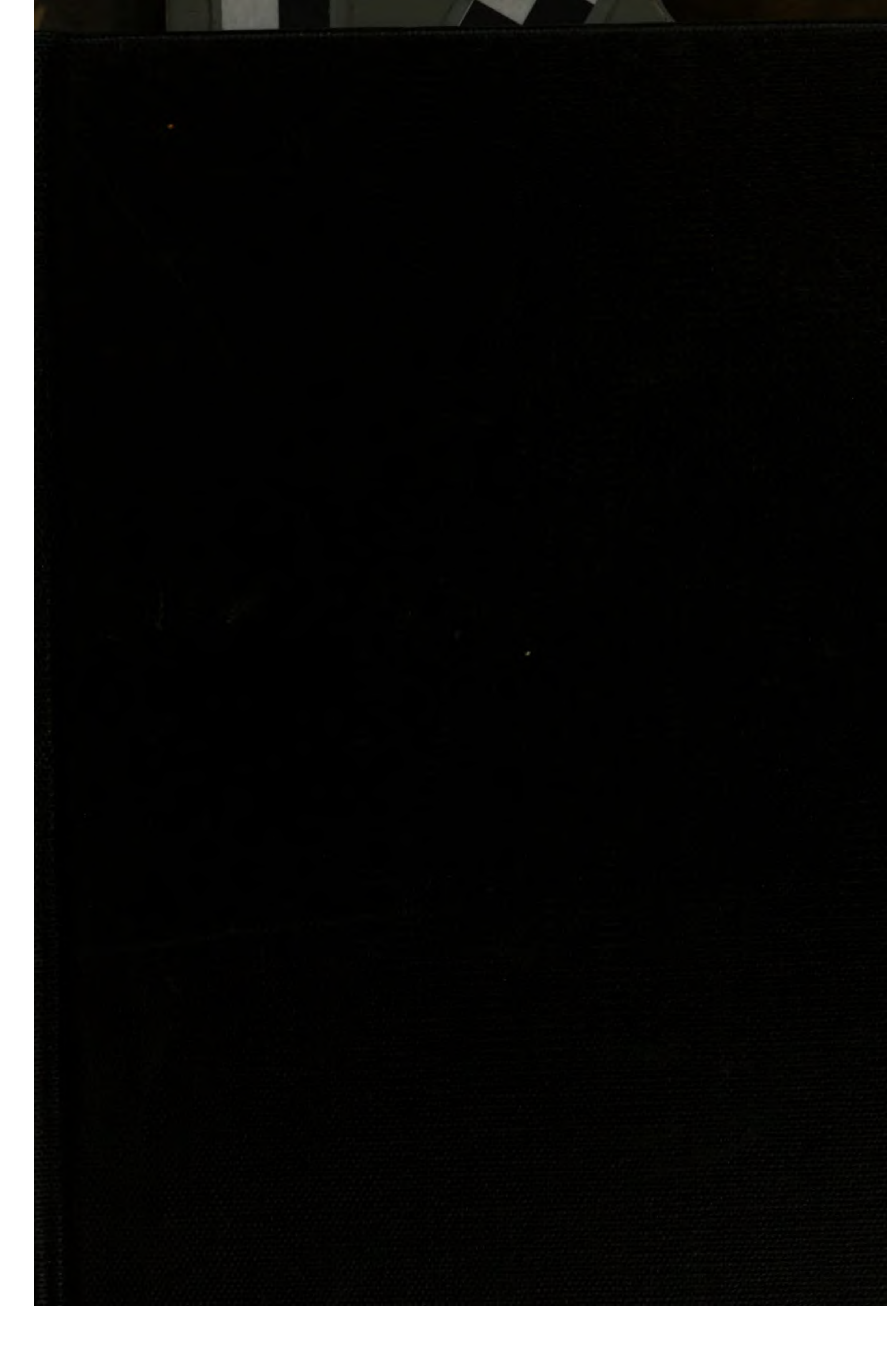


Годъ XI-й. № 10-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ОКТЯБРЬ

1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ XI-й. № 10-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

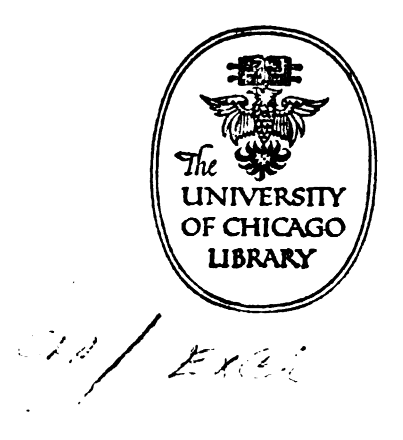
САМООБРАЗОВАНІЯ.

ОКТЯБРЬ

1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

Дозволено цензурою 27-го сентября 1902 года С.-Петербургъ.



СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ПО ПОВОДУ „ЗАПИСОКЪ ВРАЧА".

(Моимъ критикамъ).

«Was wir zu schaffen streben, ist schon dadurch ungemein schwierig weil wir da mit dem schwierigsten Material, nämlich mit Menschen für die Menschheit arbeiten» *).

Изъ письма *Бильрота* къ проф. Гису (1893 г.).

Опубликованныя мною въ прошломъ году «Записки врача» вызвали въ печати большое количество отзывовъ и возраженій со стороны товарищей-врачей. Часть этихъ отзывовъ носила, къ сожалѣнію, характеръ чисто личныхъ нападокъ, ни по тону, ни по содержанію не имѣвшихъ ничего общаго съ критикой. Вмѣсто того, чтобъ разбирать книгу по существу, главное свое вниманіе «критики» обратили на меня самого; тщательнѣйшимъ образомъ старались, напр., выяснить вопросъ, что могло меня побудить написать мою книгу. По мнѣнію д-ра М. Камкева, мотивы были вотъ какіе: «Ругать не только легче, чѣмъ хвалить, но и выгоднѣе». Это, кажется, еще Бѣлинскій сказалъ Что въ томъ, что вы будете хвалить Шекспира? Его всѣ хвалятъ. Но попробуйте ругать Шекспира, и вы сразу станете центромъ общаго вниманія: «Шекспира не признаетъ... Должно быть, голова!..»**) По мнѣнію «Медицинскаго Обозрѣнія», цѣлью моею было щегольнуть передъ публикою своимъ «мягкимъ сердцемъ»: все время непрерывное «позированіе», «красивыя фразы», «жалкія слова, разсчитанныя на эффектъ въ публикѣ». Разсказываю я, напр., объ обезьянѣ, на которой я дѣлалъ опыты. «Къ чему эти трогательныя страницы для публики?—спрашиваетъ рецензентъ.—Чтобъ увеличить количество антививисекціонистовъ, или же только затѣмъ, чтобъ показать: смотрите,—я экспериментирую сердечно, даже со слезами, а другіе, менѣе меня «мягкосердечные», мучаютъ животныхъ безъ состраданія и не могутъ написать такого трогательнаго мартиролога» ***). Самого меня разобрали по косточкамъ и неопровержимо доказали, что я—преступ-

---

*) «То, къ чему мы стремимся, потому необычайно трудно, что мы работаемъ для человѣчества надъ самымъ труднымъ матеріаломъ, именно надъ человѣкомъ».

**) Еженедѣльникъ «Практической Медицины», 1901, № 17, стр. 299.

***) «Медицинское Обозрѣніе, 1902, № 2. Рец. г-на Алелекова.

ный, безнравственный, безцеремонный и легкомысленный врачъ *), человѣкъ безчестный и необыкновенно развязный, «дикарь» съ громаднымъ самомнѣніемъ, несомнѣннымъ эгоизмомъ, съ повышенною половою раздражительностью, носящій въ себѣ всѣ признаки вырожденія**).

Сколько озлобленія и негодованія вызвала книга въ нѣкоторой части врачебнаго сословія, хорошо показываетъ письмо одного врача, напечатанное въ № 5501 «Одесскихъ Новостей».

«Г. Редакторъ!—пишетъ этотъ врачъ.—Вы выражаете желаніе имѣть передъ глазами серьезный отзывъ о книгѣ Вересаева. Прочтите «Врачебную Газету» за прошлый мѣсяцъ: тамъ помѣщенъ чудный фельетонъ, въ которомъ достаточно ясно доказано, что каждый порядочный врачъ относится съ презрѣніемъ къ дегенеранту Вересаеву. Печально, что въ наше время является такой фруктъ, позорящій медицинское сословіе; къ счастью, между врачами почти нѣтъ разногласія на этотъ счетъ».

Подобные отзывы слишкомъ характерны, чтобъ не быть отмѣченными, но отвѣчать на нихъ, разумѣется, нечего. Перехожу къ отзывамъ и возраженіямъ, имѣющимъ предметомъ мою книгу.

Возраженія эти носятъ въ общемъ поразительно-однообразный характеръ и совершенно лишены индивидуальности: можно бы, изрѣзавъ статьи въ куски, перетасовать ихъ самымъ прихотливымъ образомъ,— и получились бы новыя статьи, по сути своей нисколько не отличающіяся отъ прежнихъ. Ясно, что передъ нами—нѣчто типическое, общее большому количеству врачей, и возражать приходится не противъ того или другого автора, а противъ цѣлаго міросозерцанія, цѣлаго душевнаго уклада, одинаково выражающагося въ многочисленныхъ статьяхъ моихъ русскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ критиковъ.

За основу своихъ возраженій я возьму направленную противъ «Записокъ» работу д-ра Н. В. Фармаковскаго, первоначально напечатанную въ «Врачебной Газетѣ» и вышедшую затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ («Врачи и общество». Спб., 1902). Работа эта—наиболѣе обширная и систематическая, она представляетъ не рядъ отрывочныхъ возраженій, а шагъ за шагомъ разсматриваетъ всѣ главы «Записокъ». Благодаря этому, и міросозерцаніе самого автора вырисовывается особенно ярко. Кое-гдѣ я буду дополнять его работу выдержками изъ статей другихъ моихъ оппонентовъ.

I.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько замѣчаній, относительно которыхъ я вполнѣ согласенъ съ моими оппонентами. Такъ, они ука

*) Д-ръ С. Вермель. «Русское Слово», 1902, № 6.

**) «Медицинское Обозрѣніе», l. c.

***) Проф. Н. А. Вельяминовъ въ рѣчи на годовомъ собраніи петербургскаго медико-хирургическаго общества 30-го ноября 1901 г.

зываютъ на то, что «Записки» мои нельзя назвать «Записками врача *вообще*», что это—лишь «Записки врача *Вересаева*». Но я никогда и не брался говорить отъ лица «врача вообще». Да и что такое—«врачъ вообще»? Одинъ совсѣмъ молодой врачъ, когда его знакомый, разсмѣявшись за столомъ, подавился кускомъ мяса, тутъ же сдѣлалъ ему перочиннымъ ножомъ трахеотомію и спасъ ему жизнь. Другой, уже старый врачъ, когда въ его присутствіи дама упала въ обморокъ, такъ растерялся, что сталъ кричать: «доктора! Пошлите скорѣе за докторомъ!..» Врачами были скептикъ Боткинъ и оптимистъ Эйхвальдъ, безсребренникъ Гаазъ и алчный Захарьинъ, Манассеинъ, неустанный боецъ за врачебную этику, и Шатуновскій, втоптавшій въ грязь самую элементарную этику. Какъ можно всѣхъ ихъ объединить подъ однимъ словомъ «врачъ»? Конечно, мои «Записки» суть только «Записки врача Вересаева». Но само собою понятно, что я не сталъ бы ихъ опубликовывать, если бы видѣлъ въ нихъ отрывокъ изъ своей автобіографіи, что ли. Мнѣ кажется, что и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи я стою на уровнѣ, на которомъ стоитъ обыкновенный средній врачъ. Мои оппоненты старательно доказываютъ, что я не обладаю спеціальною врачебною одаренностью, что я «не родился врачомъ» Доказывать это совершенно излишне,—я самъ вполнѣ ясно говорю это въ моей книгѣ; но думаю, что врачами не родилось и большинство тѣхъ людей, которые имѣютъ у насъ врачебные дипломы, какъ не родилось художниками и артистами большинство тѣхъ лицъ, которыя кончаютъ курсъ въ академіяхъ художествъ и консерваторіяхъ. Настоящихъ врачей у насъ въ Россіи, можетъ быть, всего нѣсколько сотенъ, а врачебные дипломы имѣетъ около двадцати пяти тысячъ человѣкъ, они занимаются врачебною практикою и, въ предѣлахъ возможнаго, дѣлаютъ свое неблестящее, но несомнѣнно полезное дѣло. Сравнивая себя съ этими ординарными врачами, я никакъ не могу признать себя стоящимъ много ниже ихъ. Поэтому думаю, что пережитое мною переживалось далеко не́ мною однимъ.

Тѣмъ не менѣе, спорить и доказывать, что такое-то переживаніе типично для врача,—совершенно безцѣльно. Я говорю: «я испыталъ то-то», мои оппоненты возражаютъ: «а мы этого не испытали». Каждый правъ, и спорить тутъ не о чемъ. Но въ нѣкоторыхъ изъ этихъ возраженій слишкомъ ясно сказывается тотъ идеальный шаблонъ, который въ готовомъ видѣ всегда имѣется у всякой профессіи. Человѣкъ нашей профессіи *долженъ быть* такимъ-то и такимъ-то, и по идеальной схемѣ этого *должнаго* требуютъ изображать то, что *есть*; каждый въ дѣйствительности переживалъ все совсѣмъ иначе, но думаетъ: «я это пережилъ случайно, всѣ же остальные переживали совсѣмъ не такъ». И вотъ, если изображаешь пережитое, не вѣдаясь съ указаннымъ шаблономъ, то всѣ говорятъ, что это—ложь и клевета на сословіе.

Особенно возмутило моихъ критиковъ описаніе впечатлѣнія, произ-

*

водимаго на студентовъ обнаженіемъ больныхъ женщинъ. Всѣ въ одинъ голосъ заявляютъ, что ни они, и никто изъ студентовъ ничего подобнаго не испытывали, что я — необыкновенно развратный человѣкъ, и своимъ описаніемъ компрометирую все врачебное сословіе. «Интересно бы знать,—ядовито спрашиваетъ одинъ изъ критиковъ,— въ какомъ университетѣ учился г. Вересаевъ и какого мнѣнія о немъ были его товарищи-студенты?» Мнѣ кажется, въ томъ, что я разсказываю, нѣтъ ничего, позорящаго врачебное сословіе. Конечно, начинающій студентъ *долженъ* смотрѣть объективно на все, что изучаетъ,— на страдающихъ больныхъ, на трупы, на обнаженныхъ женщинъ. Но недостаточно надѣть мундиръ студента-медика, чтобъ сразу начать глядѣть на все глазами врача; для этого требуется привычка. И не можетъ студентъ на перваго же оперируемаго больного, вопящаго и корчащагося отъ боли, смотрѣть, какъ на научный объектъ, не можетъ безъ мистическаго трепета сдѣлать перваго разрѣза на кожѣ трупа; не можетъ онъ и безстрастнымъ взглядомъ смотрѣть на обнаженную передъ нимъ молодую женщину, когда до этого времени такое обнаженіе неразрывно соединялось у него съ представленіемъ о совершенно опредѣленномъ моментѣ. Было бы неестественно и невѣроятно, если бы было иначе. Большинство моихъ оппонентовъ увѣряетъ, будто, по моимъ словамъ, «при изслѣдованіи женщины, у студентовъ и *врачей* возбуждается эротическое чувство». О *врачахъ* я ничего подобнаго не говорю. Врачи къ этому привыкли, настолько привыкли, что имъ ужъ кажется даже непонятнымъ, какъ возможно было при этомъ что-нибудь испытывать. Не заподозрѣвая искренности заявленій моихъ оппонентовъ, я думаю, что отчасти именно этимъ обстоятельствомъ и объясняется категоричность ихъ отрицанія. Отчасти этимъ, а отчасти еще вотъ чѣмъ.

Когда вышла въ свѣтъ «Война и миръ» Толстого, то романъ вызвалъ взрывъ негодованія среди людей, бывшихъ свидѣтелями и участниками кампаніи 1812 года. Между прочимъ, А. С. Норовъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, участвовавшій въ молодости въ бородинской битвѣ, напечаталъ въ «Военномъ Сборникѣ» статью, гдѣ, опираясь на свой авторитетъ очевидца, рѣзко обвинялъ Толстого въ извращеніи событій. Черезъ годъ послѣ напечатанія статьи, въ 1869 году, Норовъ умеръ, и вотъ какое любопытное сообщеніе помѣстилъ въ «Всемірной Иллюстраціи» одинъ хорошій знакомый Норова, извѣстный впослѣдствіи беллетристъ Григ. П. Данилевскій. Особенно въ «Войнѣ и мирѣ» возмущалъ Норова разсказъ Толстого о томъ, какъ Кутузовъ, принимая въ Царевѣ-Займищѣ армію, болѣе всего былъ занятъ чтеніемъ французскаго романа г-жи Жанлисъ. «До Бородина и послѣ него, — говорилъ Норовъ Данилевскому, — мы всѣ, отъ Кутузова и до послѣдняго подпоручика артиллеріи, какимъ былъ я, горѣли однимъ священнымъ огнемъ любви къ отечеству, смотрѣли на свое призваніе, какъ на нѣкое священнодѣйствіе, и я не знаю, какъ бы

приняли товарищи такого изъ насъ господина, который бы въ числѣ своихъ вещей имѣлъ книгу для легкаго чтенія, да еще французскую!» И вотъ, послѣ смерти Норова, разбирая его библіотеку, Данилевскій развернулъ крошечную книжечку, романъ конца прошлаго столѣтія «Aventures de Roderik Random», и на оберткѣ ея прочелъ слѣдующую надпись, сдѣланную рукою Норова: «Lu à Moscou, blessé et fait prisonnier de guerre chez les Français, au mois de Septembre, 1812» (Читалъ въ Москвѣ, раненый и попавшій военноплѣннымъ къ французамъ, въ сентябрѣ 1812 года). «То, что было съ подпоручикомъ артиллеріи въ 1812 году,—пишетъ Данилевскій,—забылось маститымъ сановникомъ въ 1867 году, *потому что не подходило подъ понятіе, составленное имъ впослѣдствіи объ эпохѣ 1812 года!..*»

Обращаюсь къ работѣ д-ра Фармаковскаго, въ которой, какъ я говорилъ, наиболѣе полно представлены всѣ существеннѣйшія возраженія противъ «Записокъ».

Принимаясь за чтеніе моей книги, г. Фармаковскій, какъ самъ онъ сообщаетъ, заранѣе представилъ себѣ, что̀ онъ въ ней найдетъ: авторъ, будучи врачомъ, несомнѣнно, «встанетъ на субъективную сторону врача» и изобразитъ передъ публикою его внутреннюю жизнь «живо-картинно и правдоподобно». Съ первыхъ же страницъ его постигаетъ разочарованіе: лично мнѣ присущія нехорошія свойства я «совершенно несправедливо обобщаю на всѣхъ врачей и тѣмъ самымъ компрометирую ихъ». Это обстоятельство совершенно измѣняетъ отношеніе г. Фармаковскаго къ моей книгѣ; у него является опасеніе, какъ бы читатели не вынесли изъ нея недовѣрія къ врачамъ. Мысль эта немедленно подавляетъ въ немъ все остальное, всецѣло овладѣваетъ имъ и доводитъ его до того состоянія, когда человѣкъ перестаетъ понимать самыя простыя вещи. Достаточно ему теперь встрѣтить въ моей книгѣ слово, которому можно придать неблагопріятный смыслъ,—слово, которое въ связи съ другими имѣетъ совершенно невинное значеніе,—и г. Фармаковскій усматриваетъ въ немъ опаснѣйшее колебаніе авторитета медицины и врачебнаго сословія.

Разсказываю я, напр., о томъ, что, въ бытность мою студентомъ, мнѣ съ непривычки было тяжело первое время смотрѣть на льющуюся при операціяхъ кровь и слышать стоны оперируемыхъ, но что привычка къ этому вырабатывается скорѣе, чѣмъ можно бы думать, «И слава Богу, разумѣется,—замѣчаю я,—потому что такое относительное «очерствѣніе» не только необходимо, но прямо желательно; объ этомъ не можетъ быть и спора». Казалось бы, что можетъ быть невиннѣе и безопаснѣе того, что я говорю? Но нѣтъ, я употребилъ слово «очерствѣніе». Употребилъ я его въ ковычкахъ, ясно этимъ показывая, что не признаю даннаго явленія дѣйствительнымъ очерствѣніемъ. Но ужъ все кончено: г. Фармаковскій услышалъ слово «очерствѣніе» и спѣшитъ выступить на защиту врачебнаго сословія.

«Не то «очерствѣніе»,—заявляетъ онъ,—когда мы спокойно подходимъ къ больному съ благими намѣреніями облегчить его болѣзнь или, по крайней мѣрѣ, ободрить его угнетенный духъ, а то—худшее «очерствѣніе», когда мы разводимъ свои сентиментальныя идеи, вооружая и отвлекая несчастныхъ страдальцевъ отъ тѣхъ quasi-«очерствѣлыхъ» сердецъ, которыя своимъ «очерствѣніемъ» попытались бы возвратить имъ потерянное здоровье!» (стр. 9).

Я разсказываю далѣе, какъ на третьемъ курсѣ, *при первомъ моемъ знакомствѣ съ медициной*, я обратилъ преимущественное вниманіе на ея темныя стороны, какъ постепенно я убѣдился въ несправедливости такого взгляда и совершенно измѣнилъ свое отношеніе къ медицинѣ. Г. Фармаковскій это первоначальное мое отношеніе, которое самъ я называю «жалкимъ и ребяческимъ», которое характеризую, какъ «нигилизмъ, столь характерный для всѣхъ полузнаекъ», приписываетъ мнѣ и длинно, старательно доказываетъ неосновательность такого отношенія

«Несмотря на то, что Вересаеву, какъ человѣку, компетентному въ медицинскомъ дѣлѣ, была извѣстна степень невиновности профессора, допустившаго сдѣланный имъ при операціи недосмотръ отверстія въ кишкѣ, онъ все-таки счелъ себя въ правѣ восклицать: какъ можно такъ «вполнѣ спокойно» разсуждать «о погубленной жизни?..» «Смѣетъ ли подобный операторъ заниматься медициной?..» (стр. 23). И затѣмъ г. Фармаковскій обстоятельно разъясняетъ, что во многихъ ошибкахъ врачи совершенно неповинны, что ошибки возможны и въ судейской области, и въ желѣзнодорожной жизни, поучаетъ меня, что, если я ношу званіе врача, то долженъ связывать съ нимъ обязанность не быть столь легкомысленнымъ въ своихъ сужденіяхъ и словахъ.... Одного только г. Фармаковскій не сообщаетъ своимъ читателямъ: что *вся одиннадцатая глава моихъ «Записокъ»* посвящена разъясненію того, что врачи часто совершенно неповинны въ ошибкахъ, въ которыхъ ихъ обвиняютъ.

«Столь же непонятнымъ съ точки зрѣнія врача, — продолжаетъ г. Фармаковскій,—является еще *осужденіе Вересаевымъ безсмысленнаго будто бы изслѣдованія тяжелыхъ больныхъ*»... Противъ назначенія больнымъ безразличныхъ средствъ опять-таки *возмущается* авторъ «Записокъ»... «Авторъ «Записокъ» напрасно *такъ зло смѣется* надъ указаніемъ для каждой болѣзни нѣсколькихъ лекарствъ...»

Возраженія все больше принимаютъ совершенно водевильный характеръ. Я говорю: «студентомъ третьяго курса я считалъ медицину шарлатанствомъ», а г. Фармаковскій возражаетъ мнѣ: «напрасно вы, коллега, считаете медицину шарлатанствомъ»—и старательно доказываетъ, что медицина не есть шарлатанство... Какъ объяснить такую странную непонятливость? Объясняется она очень просто: до испуганнаго слуха г. Фармаковскаго долетѣло слово «шарлатанство», и это слово непрогляднымъ туманомъ скрыло отъ его глазъ все остальное.

«Въ концѣ описанія своей студенческой жизни,—говоритъ г. Фармаковскій,—Вересаевъ хочетъ снять съ себя отвѣтственность за всѣ нарисованныя имъ тенденціозныя картины врачебнаго быта, называя ихъ слѣдствіемъ своего студенческаго «нигилизма полузнайки». Неужели онъ и самъ вѣритъ въ возможность такимъ признаніемъ стереть все впечатлѣніе, которое оставилъ на читателяхъ своими вышеописанными картинами?» (стр. 27).

Представьте себѣ, г. Фармаковскій,—вѣрю, и думаю, что вѣру мою не признаетъ лишенною основанія всякій, кто *просто* будетъ читать мою книгу, а не хвататься испуганно за каждую фразу и обсуждать, какъ можетъ понять ее неподготовленный читатель. Вотъ какое впечатлѣніе выноситъ этотъ «неподготовленный» читатель при связномъ чтеніи моей книги:

«Шагъ за шагомъ раскрываетъ г. Вересаевъ трудный путь врача, начиная со школьной скамьи, съ молодой, горячей вѣры въ науку медицины, до полнаго отчаянія передъ безсиліемъ ея, и заканчивая спокойною увѣренностью въ несомнѣнной пользѣ врачебнаго искусства» (А. С. «О врачахъ». «Курьеръ», 1901, № 132).

«Авторъ подробно разсказываетъ о томъ, какъ первое знакомство съ медициной, на студенческой скамьѣ, вызвало въ немъ отрицательныя, пессимистическія впечатлѣнія, которыя онъ характеризуетъ названіемъ «медицинскаго нигилизма»... Но, по мѣрѣ того, какъ онъ углублялся въ медицинскую науку, она обращалась къ нему другой своей стороной,—и преувеличенный скептицизмъ смѣнялся вѣрой въ могущество упорнаго стремленія къ истинѣ» (Сѣверовъ. «Русская литература». «Новости», 1901, № 134).

«Но этотъ кризисъ сомнѣнія тянется недолго,—говоритъ г. Т. де-Вызева въ предисловіи къ французскому переводу «Записокъ врача».— Студентъ вскорѣ начинаетъ понимать, что, если медицина знаетъ и мало, то онъ-то самъ, во всякомъ случаѣ, не знаетъ совсѣмъ ничего и не имѣетъ права судить о наукѣ, ему неизвѣстной... Вскорѣ въ немъ не остается и слѣда наивнаго скептицизма «полузнайки» *).

Такъ приблизительно понимаетъ мой разсказъ и большинство «неподготовленныхъ» критиковъ. Удивительное дѣло! Пишетъ о «Запискахъ врача» не врачъ, и онъ совершенно ясно и правильно понимаетъ то, что я хочу сказать; пишетъ врачъ,—и онъ, подобно г. Фармаковскому, не понимаетъ самыхъ ясныхъ вещей и въ каждомъ, самомъ невинномъ словѣ видитъ обвиненіе медицины въ ужаснѣйшихъ грѣхахъ.

Приведенные примѣры избавляютъ меня отъ необходимости слѣ-

*) «Mémoires d'un médecin». Paris. 1902, pp. V—VI. Кстати: въ томъ же предисловіи г. Вызева сообщаетъ, что «Записки врача» «sont publiés, sous un pseudonyme, par un des plus savants médecins de St.-Petersbourg». Для чего понадобилась г-ну Вызевѣ эта выдумка?

довать дальше за г. Фармаковскимъ въ его возраженіяхъ на мое пониманіе медицины. Я отмѣчу только еще два образчика его критики. По г. Фармаковскому, «оказывается, что медицину, если ее поподробнѣе разобрать и если вникнуть въ суть ея значенія и смысла, придется приравнять къ галстуху европейскаго костюма» (стр. 108).

Это мнѣніе, по словамъ г. Фармаковскаго, я привожу «какъ бы съ одобряющей улыбкой» (стр. 67), и г. Фармаковскому «больно слышать это изъ устъ врача». Я попрошу читателя раскрыть мои «Записки» на стр. 198, и онъ увидитъ, что указанное сравненіе высказываетъ отчаявшійся въ медицинѣ больной, а я подробно доказываю неосновательность такого сравненія. Какъ могъ г. Фармаковскій не замѣтить этого? Онъ, конечно, замѣтилъ, но—ему доподлинно извѣстно, что «изъ всѣхъ сопутствующихъ разсужденій эта фраза возьметъ главенство надъ чувствомъ непосвященнаго читателя» (стр. 67),—такъ вѣрно извѣстно, что въ дальнѣйшемъ онъ ужъ считаетъ себя въ правѣ говорить, будто это *я* доказываю читателю, что медицина подобна галстуху... Г. Фармаковскій либо непослѣдователенъ, либо слишкомъ самоувѣренъ: зачѣмъ онъ въ своей брошюрѣ приводитъ это гибельное для медицины сравненіе ея съ галстухомъ? Чѣмъ онъ гарантированъ, что «изъ всѣхъ его сопутствующихъ разсужденій» эта фраза также не «возьметъ главенства надъ чувствомъ непосвященнаго читателя»? Или онъ такъ ужъ увѣренъ, что его «разсужденія» убѣдительнѣе моихъ?

На стр. 200—205 «Записокъ» я разсказываю, какъ тяжело мнѣ было притворяться передъ больными и обманывать ихъ, и какъ я убѣдился, что иначе не можетъ быть, что обманъ часто необходимъ. Г. Фармаковскій, по своему обыкновенію, подхватываетъ одно слово «обманъ»—и длинно, обстоятельно начинаетъ доказывать... что обманъ часто необходимъ! И онъ поучаетъ меня, что «такой обманъ, разъ онъ необходимъ для пользы самихъ же паціентовъ, едва ли можетъ считаться порокомъ и ставиться медицинѣ въ укоръ»! (Стр. 33).

Но вѣдь, серьезно-то говоря, что же это, наконецъ, такое,—наивная слѣпота или злостная недобросовѣстность?!. Скучно вести такого рода полемику, спорить не по существу, а лишь возстановлять смыслъ твоихъ словъ. Я не сталъ бы этого дѣлать, если бы склонность къ подобнымъ извращеніямъ была лишь спеціальною особенностью г. Фармаковскаго. Но какъ разъ онъ—еще одинъ изъ сравнительно добросовѣстныхъ моихъ оппонентовъ; другіе же позволяютъ себѣ такія извращенія моихъ словъ и мыслей, что непріятно и возражать имъ. Предлагаю читателю прочесть, напр., уже отмѣченную выше рецензію г. Алелекова въ «Медицинскомъ Обозрѣніи», и онъ увидитъ, до какихъ неприличныхъ передержекъ способны унижаться нѣкоторые изъ моихъ оппонентовъ.

II.

Въ девятой главѣ «Записокъ» я разсказываю, что, взявшись за практику, я живо почувствовалъ, какая громадная область знаній намъ недоступна, какъ мало мы еще понимаемъ въ человѣческомъ организмѣ. «Такъ же, какъ при первомъ моемъ знакомствѣ съ медициною, меня теперь опять поразило безконечное несовершенство ея діагностики, чрезвычайная шаткость и неувѣренность всѣхъ ея показаній. Только *раньше я преисполнялся глубокимъ презрѣніемъ къ кому-то «имъ», которые создали такую плохую науку*; теперь же ея несовершенство встало передо мною *естественнымъ и неизбѣжнымъ фактомъ*, но еще болѣе тяжелымъ, чѣмъ прежде, потому что онъ наталкивался на жизнь». Г. Фармаковскій, съ своею обычною добросовѣстностью, излагаетъ это мѣсто такъ: «слѣдуетъ выводъ, что въ медицинской наукѣ все еще темно и непонятно, а потомъ указывается на *заслуженное презрѣніе къ врачамъ, которые создали такую плохую науку*» (стр. 47).

«Врачи,—продолжаетъ г. Фармаковскій,—не достигли до такого полнаго пониманія человѣческаго организма, чтобъ каждое нарушеніе его функцій и дѣйствіе на него различныхъ средствъ являлось бы для нихъ совершенно понятнымъ. *А это, по мнѣнію Вересаева, не даетъ намъ права приступать къ леченію больныхъ, такъ какъ мы всегда рискуемъ сдѣлать ту или иную ошибку*» (стр. 69). И длинно, длинно, на протяженіи двадцати пяти страницъ, съ удручающимъ многословіемъ, переходящимъ положительно въ пустословіе, г. Фармаковскій доказываетъ, что, если нужно опорожнить кишечникъ больного, то врачъ въ правѣ дать ему касторку, хотя и не знаетъ точно сути ея дѣйствія, что, если у больного пораженъ ревматизмомъ суставъ, то для врача «раціональнѣе тотчасъ же приступить къ леченію этого сустава, чѣмъ изнывать надъ тѣмъ, почему пораженъ именно суставъ, а не мозгъ». «Такимъ образомъ,—побѣдоносно заключаетъ г. Фармаковскій,—обязанность каждаго врача должна заключаться вовсе не въ сокрушеніи о томъ, что онъ не можетъ вознестись на небо и собрать съ него всѣхъ блистающихъ звѣздъ. Нѣтъ, врачъ долженъ въ предѣлахъ возможнаго исполнять свое дѣло и облегчать участь страждущихъ людей» (стр. 70).

Все это, разумѣется, святая истина, плоская до самой образцовой банальности, и читателю, прочитавшему мою книгу, не къ чему объяснять, что всѣми своими двадцатью пятью страницами г. Фармаковскій выстрѣлилъ на воздухъ. Я привелъ это мѣсто не для того, чтобъ продолжать опровергать тѣ нелѣпости, которыя г. Фармаковскій мнѣ приписываетъ. Но на этихъ двадцати-пяти страницахъ очень ярко выдѣляется одна характерная черта, объединяющая г. Фармаковскаго съ большинствомъ моихъ оппонентовъ,—это именно чрезвычайно ироническое

отношеніе къ «небу и блистающимъ на немъ звѣздамъ», т.-е. къ жаждѣ широкаго и коренного пониманія окружающаго. Въ чемъ тайна зарожденія и развитія болѣзни? Въ чемъ суть дѣйствія вводимыхъ въ организмъ лекарственныхъ средствъ? Г-на Фармаковскаго такіе вопросы приводятъ въ крайне смѣшливое настроеніе и напоминаютъ ему вопросы хемницеровскаго «метафизика», интересовавшагося «сущностью» брошенной ему въ яму веревки. Отравился больной, ну, и нужно ему впрыснуть апоморфинъ, чтобы вызвать рвоту. Г. Фармаковскій увѣряетъ, что я въ подобномъ случаѣ долженъ только всплеснуть руками и начать «изнывать» надъ вопросомъ: «какъ могу я впрыснуть больному апоморфинъ, если не знаю, почему онъ дѣйствуетъ именно на рвотный центръ?» Нечего, конечно, опровергать эту фантазію г. Фармаковскаго, но какъ характеренъ самый его пріемъ, которымъ онъ пытается доказать вздорность всякихъ сколько-нибудь широкихъ запросовъ, всякой неудовлетворенности даннымъ состояніемъ знанія. Къ чему все это? Безконечное количество шаткихъ теорій о дѣйствіи желѣза на малокровіе и научно установленный фактъ дѣйствія микроорганизмовъ на нагноеніе,—для г. Фармаковскаго это рѣшительно одно и то же, самъ онъ всѣмъ одинаково доволенъ. Что за «метафизика» дѣлать тутъ какое-нибудь различіе!

Wie könnt ihr Euch darum betrüben!
Thut nicht ein braver Mann genug,
Die Kunst, die man ihm übertrug,
Gewissenhaft und pünktlich auszuüben? *)

«Какъ часто намъ, врачамъ, приходится говорить себѣ, сколько прорѣхъ въ нашемъ знаніи и нашей дѣятельности!—писалъ Бильротъ проф. Гису въ 1861 г.—Преслѣдуемый такимъ настроеніемъ, я опять и опять испытываю потребность въ положительномъ изслѣдованіи, опять и опять берусь за микроскопъ: тутъ я знаю, что я вижу, и знаю, что оно именно таково, какимъ я его вижу. Вомъ вамъ причина, почему мнѣ мои анатомическія работы милы и становятся все милѣе». «Я часто ловлю себя на томъ,—писалъ онъ же проф. Бауму въ 1877 г.,—что естественно-научный патологическій процессъ, собственно, больше интересуетъ меня въ больномъ, чѣмъ терапевтическій результатъ. *Какъ ни утопична мысль*: «если мы узнаемъ причины всѣхъ нарушеній природныхъ процессовъ, то изъ этого уже само собою вытечетъ вѣрное леченіе», но мнѣ очень трудно отдѣлаться отъ нея».

Не правда-ли, г. Фармаковскій, какой «метафизикъ» этотъ Бильротъ? Самъ же признаетъ, что мысль «утопична», а не можетъ отъ нея отдѣлаться! И какъ это онъ не способенъ понять, что «обязанность

*) «Какъ можете вы этимъ огорчаться! Развѣ не довольно для честнаго человѣка, если онъ добросовѣстно и точно будетъ примѣнять къ дѣлу искусство, которому его обучили?»

врача заключается вовсе не въ сокрушеніи о томъ, что онъ не можетъ вознестись на небо, а въ томъ, чтобы въ предѣлахъ возможнаго исполнять свое дѣло и облегчать участь страждущихъ людей»!

Не всѣмъ намъ, врачамъ, суждено обладать талантомъ Бильрота,— это зависитъ не отъ насъ; но всѣ мы одинаково должны хранить въ душѣ его «святое недовольство», и горе той профессіи, гдѣ на мѣстѣ этого «святого недовольства» воцаряется безмятежное, любующееся собою научное самодовольство гетевскаго Вагнера.

III

Нѣтъ ни одной науки, которая приходила бы въ такое непосредственно близкое и многообразное соприкосновеніе съ человѣкомъ, какъ медицина. Всѣ прикладныя науки своею конечною цѣлью имѣютъ, разумѣется, благо людей, но *непосредственно* каждая изъ нихъ стоитъ отъ человѣка болѣе или менѣе далеко. Совсѣмъ не то видимъ мы въ медицинѣ. Реальный, живой человѣкъ все время, такъ сказать, заполняетъ собою все поле врачебной науки. Онъ является главнѣйшимъ учебнымъ матеріаломъ для студента и начинающаго врача, онъ служитъ непосредственнымъ предметомъ изученія и опытовъ врача изслѣдователя; конечное практическое примѣненіе нашей науки опять-таки сплетается съ массою самыхъ разнообразныхъ интересовъ того же живого человѣка. Словомъ, отъ человѣка медицина исходитъ, черезъ него идетъ и къ нему приходитъ.

Такое тѣсное и многообразное соприкосновеніе медицины съ живымъ человѣкомъ, естественно, ведетъ къ тому, что интересы медицины, какъ науки, постоянно сталкиваются съ интересами живого человѣка, какъ ея объекта; то, что важно и необходимо для науки, т.-е. для блага человѣчества, сплошь да рядомъ оказывается крайне тяжелымъ, вреднымъ или гибельнымъ для отдѣльнаго человѣка. Изъ этого истекаетъ цѣлый рядъ чрезвычайно сложныхъ, запутанныхъ противорѣчій. Противорѣчія эти били мнѣ въ глаза, били, казалось мнѣ, и каждому врачу, не потерявшему способности смотрѣть на жизнь съ человѣческой, а не съ профессіональной точки зрѣнія; и противорѣчія эти я изложилъ въ своей книгѣ.

Посмотримъ же, какъ отнесся къ нимъ г. Фармаковскій. Я указываю, что въ обученіи на больныхъ у насъ входитъ значительный элементъ принужденія,—что, напр., невѣжественная мать, для которой вскрытіе ея умершаго ребенка представляется самымъ ужаснымъ его поруганіемъ, принуждается идти на это горькою необходимостью. Но вѣдь это предразсудокъ! возражаетъ г. Фармаковскій. «А разъ это предразсудокъ, то всякій развитый, интеллигентный человѣкъ долженъ противъ него бороться, а не раздувать его» (стр. 20). И г. Фармаковскій говоритъ уже, что я «проповѣдую походъ противъ вскрытій», и

скорбитъ о «плохой услугѣ», которую я этимъ оказываю публикѣ. Читатель видитъ, что г. Фармаковскій самымъ старательнымъ образомъ *обходитъ* вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь: конечно, «съ предразсудками нужно бороться», но то же ли это самое, что *заставлять* человѣка съ предразсудкомъ наступать ногою на его предразсудокъ? Я вотъ лично глубоко, напр., убѣжденъ, что наша стыдливость есть предразсудокъ; значитъ ли это, что я имѣю нравственное право заставить человѣка раздѣться до-нага и выйти въ такомъ видѣ на улицу? Смѣшно предполагать, чтобъ г. Фармаковскій не понималъ этой разницы,—почему же онъ ея не видитъ? Потому, что во всемъ вопросѣ его интересуетъ только одно,—какъ бы отъ обсужденія вопроса въ публикѣ не увеличилась боязнь вскрытій; до остальною ему рѣшительно нѣтъ дѣла. Ужъ совершенно откровенно высказывается на этотъ счетъ другой мой критикъ, д-ръ К. М. Горелейченко; онъ прямо спрашиваетъ: «*Почему это Вересаеву понадобилось стать на точку зрѣнія отца-бѣдняка? Непонятно!*»—и утѣшается вполнѣ справедливою мыслью, что бѣдняку же будетъ хуже, если онъ, изъ боязни вскрытій, не понесетъ и другого своего ребенка въ больницу *).

Переходимъ къ вопросу, который составляетъ одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ врачебной жизни,—къ вопросу о поразительной неподготовленности молодыхъ врачей къ практической дѣятельности. Я разсказываю въ своей книгѣ о рядѣ ошибокъ, надѣланныхъ мною въ началѣ моей практики. Мои оппоненты подвергаютъ эти ошибки самой уничтожающей критикѣ, доказываютъ, что онѣ были ошибками, и что, сдѣлалъ я ихъ лишь потому, что я—исключительно плохой, неспособный врачъ; обобщать же эти ошибки никакъ не слѣдуетъ. Конечно, практическая подготовка врачей несовершенна, «но,—пишетъ г. Фармаковскій,—въ большинствѣ случаевъ неопытность молодого врача обыкновенно выражается скорѣе отсутствіемъ всякой помощи больному, чѣмъ принесеніемъ ему вреда» (стр. 28).

«Для того, чтобы «не вредить»,—пишетъ и д-ръ С. Вермель,—каждый врачъ, средній врачъ вполнѣ подготовленъ! Ошибка всегда возможна. но отъ ошибокъ до труповъ такъ же далеко, какъ отъ неба до земли, Надо ужъ очень быть храбрымъ, чтобъ вредить» **).

Также и по мнѣнію д-ра И. И. Бинштока, я долженъ былъ предупредить читателя, что это только я вышелъ изъ университета такимъ

*) «За и противъ «Записокъ врача» Вересаева». Спб., 1902 г., стр. 12. Тощая брошюрка, малограмотная и безсвязная, по содержанію не имѣющая ничего общаго съ даннымъ ей заглавіемъ.—Г. Фармаковскій отмѣчаетъ у меня, между прочимъ, одну «фактическую неточность». «Въ больницахъ,—говоритъ онъ,—послѣ смерти вскрываются только безродные больные; у тѣхъ же, которые имѣютъ родственниковъ, вскрытіе производится лишь съ разрѣшенія этихъ послѣднихъ». Смѣю увѣрить г. Фармаковскаго, что у насъ много больницъ, въ которыхъ совершенно не считаютъ нужнымъ вѣдаться съ желаніемъ родственниковъ.

**) «Записка врача о «Запискахъ врача». «Русское Слово», 1902 № 6.

мало знающимъ врачомъ, неопытность же другихъ врачей больше выражается лишь въ томъ, что они «обливаются холоднымъ потомъ при первыхъ своихъ назначеніяхъ». И опять выдвигается на сцену грозный призракъ «читателя», «который долженъ придти въ ужасъ при мысли, кому приходится довѣрять свое здоровье, жизнь, и къ тѣмъ безконечнымъ обвиненіямъ, которыя въ такомъ изобиліи сыплются на врачей, прибавляется еще одно, быть можетъ, самое ужасное, удостовѣренное врачемъ» *).

Мои ошибки доказываютъ лишь одно,—что я плохой врачъ. Хорошо. Но гг. Фармаковскій, Вермель, Бинштокъ! Разскажите же о *вашихъ* ошибкахъ, но только разскажите искренно; это было бы важнѣе и нужнѣе для дѣла, чѣмъ ломиться въ открытую дверь и съ торжествомъ доказывать, что мои ошибки были ошибками. Право же, это слишкомъ нетрудно! Напомню вамъ, что, когда Пироговъ опубликовалъ свои «Анналы», гдѣ вполнѣ откровенно разсказалъ о всѣхъ своихъ ошибкахъ, то нашлись критики, которые, разобравъ эти ошибки, убѣдительнѣйшимъ образомъ доказали, что онѣ были совершенно «непозволительны». А вѣдь Пироговъ былъ несомнѣнный геній, а критики его были столь же несомнѣннымъ ничтожествомъ. Мы же съ вами одинаково—обыкновенные средніе врачи.

Но допустимъ, что вы, дѣйствительно, имѣете право такъ побѣдоносно критиковать мои ошибки, что у васъ въ прошломъ нѣтъ воспоминаній, которыя бы тяжелымъ камнемъ лежали у васъ на душѣ. Но вы утверждаете, что и всѣ врачи вообще—такіе же хорошіе врачи, какъ вы, что это только я одинъ представляю печальное исключеніе. Къ счастью, въ врачебномъ сословіи немало людей, которые дѣйствительные, идеальные интересы нашего сословія ставятъ выше трусливаго соображенія,—что скажетъ о насъ публика.

«До сихъ поръ,—пишетъ проф. П. В. Буржинскій о «Запискахъ врача»,—не приходилось встрѣчаться съ такимъ правдивымъ изложеніемъ нѣкоторыхъ отрицательныхъ сторонъ медицинскаго образованія. Несомнѣнно, что авторъ дѣйствительно пережилъ и перечувствовалъ все или почти все разсказанное. *Да и кто изъ насъ врачей не пережилъ того же въ большей или меньшей степени?*.. По окончаніи курса,—разсказываетъ профессоръ о себѣ,—я вынесъ убѣжденіе, что среди насъ, только что получившихъ лекарскій дипломъ, врядъ ли былъ хоть одинъ, который бы не зналъ, что такое saccus coecus retro-sternocleidomastoideus, но многіе ли умѣли сдѣлать горлосѣченіе задыхающемуся ребенку и увѣренно опредѣлить положеніе плода?» **).

«27-го апрѣля,—читаемъ мы въ «Врачебной Газетѣ» (1902, № 19 стр. 455),—состоялось второе засѣданіе общества кременчугскихъ

*) «Практическій Врачъ», 1902, № 1.
**) Письмо въ редакцію. «Врачъ», 1901, № 9.

врачей, посвященное, главнымъ образомъ, преніямъ по поводу «Записокъ врача» Вересаева. Старшій врачъ губернской земской больницы, А. Т. Богаевскій, говорилъ очень пространно о неподготовленности врача къ практической дѣятельности, иллюстрируя это фактами изъ личной практики, о заслугѣ Вересаева, поднявшаго этотъ вопросъ передъ обществомъ и тѣми, «кому вѣдать надлежитъ» и т. д.

Д-ръ Григорій Гордонъ пишетъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1902, № 25): «*То, что разсказываетъ Вересаевъ о началѣ своей практики, могъ бы повторить каждый изъ насъ о себѣ.* Ясно, что современная постановка медицинскаго образованія требуетъ коренной реформы, которая должна явиться въ самомъ недалекомъ будущемъ. *Нужно удивляться, какъ можетъ и далѣе существовать такой порядокъ вещей.* Не странно ли, что врачи, ежегодно собирающіеся на съѣзды, до сихъ поръ ни разу не выбрали этого вопроса предметомъ своихъ обсужденій и, возбуждая постоянно массу ходатайствъ, никогда не хлопотали объ его упорядоченіи. Какъ объяснить себѣ это?»

Я приведу еще почти цѣликомъ одно письмо молодого врача, напечатанное въ № 347 «Новостей» за 1901 г. Оно нѣсколько длинно; но рисуетъ чрезвычайно ярко ту безпомощность, съ какою начинающій врачъ принужденъ вступать въ практику.

«Въ № 49 «Врача»,—пишетъ этотъ врачъ,—напечатана рѣчь проф. Вельяминова, касающаяся «Записокъ врача» Вересаева. Въ этой рѣчи, между прочимъ, сказано: «Молодыхъ врачей допускаютъ къ операціямъ, вѣдь, не прямо съ улицы; они подготавливаются къ этому годами, пользуются руководствомъ болѣе опытнаго хирурга и, приступая къ своему дѣлу, дѣйствуютъ сознательно и цѣлесообразно». Когда я прочиталъ эти строки, мнѣ стало невыносимо грустно. Я не могу допустить, что проф. Вельяминовъ заблуждается искренно, что ему въ дѣйствительности неизвѣстенъ тотъ багажъ опытности и знаній, съ какимъ молодые врачи вынуждены иногда приступать къ труднымъ и отвѣтственнымъ операціямъ. Неужели онъ находитъ постановку обученія хирургіи на медицинскихъ факультетахъ правильною и думаетъ, что врачи сейчасъ по окончаніи курса могутъ относиться сознательно и цѣлесообразно къ больнымъ?! И какимъ образомъ могло бы выработаться подобное сознательное отношеніе у студентовъ, которые не продѣлали ни одной, хотя бы самой пустячной, операціи за все время своего обученія, и вся хирургическая дѣятельность которыхъ сводилась исключительно къ созерцанію того, какъ оперировали профессоръ и его ассистенты. Тотъ студентъ, которому удалось вскрыть нарывъ на пальцѣ, считается счастливымъ. Но счастливъ и тотъ студентъ, который могъ хорошо прослѣдить ходъ нѣсколькихъ операцій, произведенныхъ его учителями, такъ какъ вокругъ больного склоняется обыкновенно нѣсколько головъ ассистентовъ, заслоняющихъ совершенно поле операціи. Студенты въ такихъ случаяхъ подобны зрителямъ, сидящимъ на галеркѣ, откуда видны однѣ только ноги актеровъ.

«Я сильно интересовался хирургіей въ университетѣ и употреблялъ всѣ усилія, чтобы прослѣдить возможно большее число операцій. Съ этою цѣлью я приходилъ пораньше въ аудиторію, занималъ наилучшее мѣсто, а во время операціи взлѣзалъ на столы, вытягивалъ шею, принимая самыя неудобныя позы, и... ничего не могъ разглядѣть, несмотря на свое превосходное зрѣніе. Что то рѣзали, текла кровь, что-то вытирали губками, а потомъ набивали тампонами или зашивали. Операціи, къ тому же, производились въ большинствѣ случаевъ самыя сложныя и доступныя только для самыхъ опытныхъ техниковъ, какъ напримѣръ: удаленіе больной почки, вскрытіе нарыва въ печени, изсѣченіе омертвѣвшей кишки, удаленіе зоба и т. п. Такія операціи, конечно, способствовали усовершенствованію техники ассистентовъ, но для студентовъ являлись не болѣе, какъ фокусомъ, сеансомъ черной магіи. Такъ какъ я обратилъ на себя вниманіе ассистентовъ своимъ усердіемъ, то мнѣ позволяли иногда присутствовать на перевязкахъ, и тогда я имѣлъ возможность ясно видѣть теченіе операціонной раны. А нѣсколько разъ позволили даже произвести вскрытіе нарыва. И я считался однимъ изъ самыхъ опытныхъ хирурговъ на курсѣ...

«Когда же я, по окончаніи университета, побуждаемый острой нуждой, вынужденъ былъ занять мѣсто земскаго врача, жизнь зло подшутила надо мной. На первой же недѣлѣ ко мнѣ доставленъ былъ крестьянинъ, который во время рѣзки свиней упалъ и накололся на острый ножъ. Ножъ вонзился въ грудь подъ ключицей. Кровь брызнула фонтаномъ. Увидавъ это раненіе, я сообразилъ, что у больного перерѣзана подключичная артерія, и что ее необходимо перевязать. На трупахъ я продѣлывалъ эту операцію неоднократно, на живомъ человѣкѣ никогда. Зная, какъ опасна эта операція, я не рѣшился ее сдѣлать и, наложивъ давящую повязку, чтобы остановить кровотеченіе, отправилъ больного въ губернскую земскую больницу, за сорокъ верстъ. Больной по дорогѣ скончался отъ потери крови.

«Вскорѣ затѣмъ я призванъ былъ къ роженицѣ, которая нуждалась въ акушерской помощи. Пришлось накладывать щипцы. Я многократно ихъ накладывалъ на куклахъ, но никогда на человѣкѣ. Щипцы никакъ не укладывались и все соскакивали. Я бился, бился, и ничего не могъ подѣлать. Я плакалъ отъ сознанія своей безпомощности, но принужденъ былъ уложить несчастную женщину въ телѣгу и отправить ее въ губернскую больницу (въ позднюю осень, сырую и холодную!). Къ счастью, женщина осталась въ живыхъ, но ребенокъ погибъ. Я бросилъ послѣ этого земскую службу и поѣхалъ на-ново учиться...

«Горько сознавать мнѣ, что я не имѣлъ возможности обучиться хирургіи. Я эту горечь испытываю всегда,—и вдругъ я прочиталъ полное спокойствія заявленіе проф. Вельяминова о томъ, что берутся за операцію люди не съ улицы, и поэтому опытные... Зачѣмъ же глумиться надъ молодыми врачами, надъ ихъ безпомощностью и ду-

шевными мученіями?! Они достойны сожалѣнія и участія, но не издѣвательства. Они нуждаются въ помощи старыхъ и ученыхъ товарищей, но не въ насмѣшливо-торжественныхъ комплиментахъ, построенныхъ на обломкахъ искаженной истины».

Само собою разумѣется, что все это пишутъ и говорятъ такіе же плохіе, бездарные врачи, какъ *я*. Но вѣдь оказывается, въ врачебномъ-то сословіи не только я одинъ такъ плохъ,—значитъ, это не исключительное явленіе, съ этимъ нельзя не считаться... Нѣтъ, какъ хотите, а это страшно: вопросъ съ зловѣщею настойчивостью бьетъ въ глаза, пахнетъ кровью и трупомъ, а гг. Фармаковскіе, Бинштоки и Вельяминовы ясными глазами, не сморгнувъ, смотрятъ на него и говорятъ: тутъ все совершенно благополучно! «Неопытность молодого врача обыкновенно выражается скорѣе отсутствіемъ всякой помощи больному, чѣмъ принесеніемъ ему вреда». Что такое? Да развѣ отсутствіе помощи не есть принесеніе вреда? Развѣ *не* сдѣлать въ нужную минуту трахеотомію, *не* опредѣлить положенія плода, *не* перевязать подключичной артеріи, *не* наложить щипцовъ—не значитъ принести больному вредъ? Пусть такъ, но дѣло совсѣмъ не въ этомъ, дѣло въ томъ, можно ли объ этомъ говорить? А ну, какъ объ этомъ узнаетъ «читатель» и «придетъ въ ужасъ при мысли, кому приходится довѣрять свое здоровье и жизнь!..»

IV.

Но вотъ другой вопросъ,—вопросъ чрезвычайно сложный, трудный и запутанный, вытекающій изъ самой сути медицины, какъ науки, такъ тѣсно связанной съ человѣкомъ,—вопросъ о границѣ дозволительнаго врачебнаго опыта на людяхъ, о тѣхъ трупахъ, которые устилаютъ путь медицины. Вѣдь этотъ вопросъ необходимо выяснить во всей его безпощадной наготѣ, потому что только при такомъ условіи и можно искать путей къ его разрѣшенію... Нѣтъ! — заявляютъ мои оппоненты,— никакого и вопроса-то такого нѣтъ, вся же суть опять только въ томъ, что самъ Вересаевъ — очень плохой врачъ, да притомъ еще страдающій неврастеніей; потому-то первыя операціи его такъ неудачны, потому-то примѣненіе имъ новыхъ средствъ ведетъ къ гибели больныхъ. Устилая лишь свой путь трупами, онъ, какъ и подобаетъ неврастенику, сваливаетъ свою личную вину не на себя, а на ни въ чемъ неповинную медицину.

«Между тѣмъ,—пишетъ д-ръ И. И. Бинштокъ,—сотни врачей, вдали отъ университетовъ, нерѣдко по однимъ только описаніямъ, дѣлаютъ самыя сложныя операціи въ крайне неблагопріятной обстановкѣ. Врачи эти безропотно несутъ свой тяжелый трудъ, въ сознаніи той пользы, которую они приносятъ ближнему. Безспорно, и у этихъ скромныхъ тружениковъ бываютъ неудачи, и у нихъ больные умираютъ, и въ

нихъ многіе готовы бросить камень, но это дѣлаетъ публика; а г. Вересаевъ, обобщая свои личныя неудачи, какъ-бы выступаетъ, самъ того не сознавая, въ помощь публикѣ и выдвигаетъ противъ врачей *весьма тяжкія обвиненія*».

Какъ видите, г. Бинштокъ самого вопроса совершенно не хочетъ замѣчать, его опять-таки интересуетъ здѣсь исключительно лишь одно,— какъ бы по этому поводу противъ врачей не выдвинули «тяжкихъ обвиненій». Совершенно такъ же смотритъ на дѣло и г. Фармаковскій.

«Тамъ, гдѣ ради пользы человѣка берутъ на себя рискъ спасти его отъ смерти и тяжелыхъ страданій,—жалуется онъ,—тамъ совершается великое преступленіе! Тамъ говорятъ, что члены сословія идутъ «по трупамъ», что ихъ карьера составлена на множествѣ «погубленныхъ ими жизней» (стр. 36). И опять возвращается онъ къ этому на стр. 44: «Много напрасныхъ обвиненій приходится выслушивать намъ, врачамъ, отъ непонимающихъ сути дѣла людей, но никогда не было еще такъ больно, какъ теперь, когда все это слышишь со стороны врача, знакомаго со всею сутью вещей».

Я спрошу г-на Фармаковскаго: что же онъ, въ концѣ концовъ, признаетъ или нѣтъ, что наши успѣхи идутъ черезъ трупы? Замѣчу кстати, что фраза: «наши успѣхи идутъ черезъ горы труповъ» принадлежитъ не мнѣ, а Бильроту; замѣчу, что я привожу эту фразу вовсе не въ «обвиненіе» врачей, а только указываю ею на тотъ сложный, трудный и, къ сожалѣнію, совершенно игнорируемый вопросъ, который выростаетъ изъ самой сути нашей дѣятельности. Признаетъ существованіе этого вопроса г. Фармаковскій или нѣтъ? «Признаетъ-ли»... Да онъ его вовсе и не хочетъ знать, и когда его пытаются поднять, г. Фармаковскій испытываетъ только ощущеніе чуть не личной обиды. Что же касается самого вопроса, то что же въ немъ особеннаго? «А какія другія стороны человѣческой дѣятельности не сопряжены съ жертвою цѣлаго ряда человѣческихъ жизней? Развѣ наша желѣзная дорога не идетъ по насыпямъ, укрѣпленнымъ зарытыми въ нихъ костями погибшихъ при ея постройкѣ и крушеніяхъ людей? Развѣ то золото, которое въ видѣ браслетъ облекаетъ пухлыя ручки нашихъ дамъ, не задушило въ нѣдрахъ земли цѣлыхъ сотенъ и тысячъ несчастныхъ людей? Развѣ наши трюмо и зеркала... Развѣ тѣ письма, которыя разносятъ почтальоны... (и т. д., и т. д.). Во всѣхъ этихъ случаяхъ гибнетъ народъ, приступающій къ каждому дѣлу въ полномъ расцвѣтѣ здоровья и силъ и теряющій все это уже тамъ, за своимъ дѣломъ. И все-таки не говорятъ, что развитіе этихъ дѣлъ идетъ «по грудамъ труповъ загубленныхъ ими людей» (стр. 36)...

Не говорятъ? Полно, г. Фармаковскій, такъ ли? Могу васъ увѣрить,—есть много людей, которые усиленно говорятъ объ указанныхъ вещахъ. Но, къ сожалѣнію, рядомъ съ ними есть еще больше людей, которые, подобно вамъ, лишь киваютъ при этомъ на сосѣдей и возра-

жаютъ: «у нихъ такъ же скверно, какъ у насъ, — слѣдовательно, у насъ все благополучно, и люди, утверждающіе противное, руководствуются исключительною цѣлью нанести намъ обиду».

Говоря о первыхъ операціяхъ начинающихъ хирурговъ, я привожу слова Мажанди, рекомендующаго врачамъ предварительныя упражненія на живыхъ животныхъ. «Кто привыкъ къ такого рода операціямъ,— говоритъ Мажанди, — тотъ смѣется надъ трудностями, передъ которыми безпомощно останавливается столько хирурговъ». По этому поводу мнѣ пришлось слышать отъ одного молодого хирурга чрезвычайно любопытное наблюденіе. Онъ ужъ нѣсколько лѣтъ занимается хирургіей; въ прошломъ году ему пришлось для докторской диссертаціи произвести рядъ сложныхъ операцій въ брюшной полости кроликовъ и собакъ; и его поразило, насколько увѣреннѣе и искуснѣе сталъ онъ себя чувствовать послѣ этого въ операціяхъ на людяхъ.

Казалось бы, невозможно оспаривать, что непосредственный переходъ отъ трупа къ живому человѣку слишкомъ великъ, что совѣтъ Мажанди, чрезвычайная важность котораго совершенно ясна даже a priori, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія и самой тщательной провѣрки. Оказывается, все это совершенный вздоръ, начинающіе врачи нисколько не нуждаются въ подобныхъ упражненіяхъ, суть же дѣла опять-таки въ томъ, что я, Вересаевъ, — очень плохой врачъ и ничего толкомъ не умѣю сдѣлать. «Напрасно, поэтому,— говоритъ д-ръ М. Камневъ,—г. Вересаевъ дѣлаетъ изъ своихъ неудачъ выводъ о негодности молодыхъ врачей къ хирургіи и о необходимости учиться операціямъ на животныхъ, по совѣту Мажанди» *).

По увѣренію г. Камнева, это совершенно излишне... А вотъ что говоритъ приватъ-доцентъ московскаго университета А. П. Левицкій, преподаватель хирургіи, вотъ уже нѣсколько лѣтъ предоставляющій своимъ слушателямъ-студентамъ оперировать на живыхъ животныхъ:

«Трудно представить себѣ хорошую технику у врача, которому приходится впервые производить операцію у человѣка, еще труднѣе допустить у него полное самообладаніе при операціи, что, конечно, необходимо. Говорю объ этомъ такъ увѣренно на основаніи многолѣтнихъ наблюденій... Это побудило меня, при чтеніи лекцій по хирургической патологіи, ввести занятія на животныхъ съ цѣлью пріучить слушателей владѣть ножомъ, останавливать кровотеченіе, производить трахеотомію, разобраться во вскрытой брюшной полости и т. д. Мои выводы изъ этихъ занятій таковы: 1) слушатели довольно быстро освоиваются съ необходимою элементарною техникою (безупречно накладывались швы на кишечникъ и на венозныя стѣнки), 2) скоро пріобрѣтали увѣренность при своихъ дѣйствіяхъ ножомъ, чего не было въ началѣ занятій. *Отъ самихъ слушателей, изъ которыхъ многіе уже*

---

*) «Еженедѣльникъ», 1901, стр. 300.

врачи и специалисты-хирурги, я не разъ слышалъ, что предварительныя занятія на животныхъ сослужили имъ хорошую службу, когда пришлось впервые оперировать на человѣкѣ» *).

V.

Идемъ далѣе. Прививки болѣзней здоровымъ людямъ съ научною цѣлью. Тутъ всѣ мои оппоненты единогласно заявляютъ, что подобные опыты заслуживаютъ безусловнаго порицанія, но... Но,—пишетъ д-ръ Максъ Нассауеръ изъ Мюнхена,—Вересаевъ «весь врачебный міръ дѣлаетъ отвѣтственнымъ за промахи отдѣльныхъ лицъ и не отмѣчаетъ, что большинство врачей не имѣетъ къ этимъ опытамъ никакого отношенія» **). То же самое заявляютъ и другіе мои оппоненты, и только г. Фармаковскій, выразивъ свое безусловное порицаніе опытамъ, опять спѣшитъ прибавить: «Да если и принять во вниманіе преступленіе только этихъ отдѣльныхъ лицъ, то больше ли оно тѣхъ преступленій, которыя совершаются въ другихъ сословіяхъ общества?»—и слѣдуетъ обстоятельное перечисленіе преступленій «другихъ сословій общества» (стр. 43—44).

Разъ эти опыты всѣми осуждаются, то для чего я говорю о нихъ?—спрашиваютъ меня мои оппоненты. «Ну, скажи самъ: какая отъ этого польза намъ, какая польза, прежде всего, міру?—спрашиваетъ меня д-ръ Л. Кюльцъ, обращаясь ко мнѣ по-товарищески, на «ты».—Скверная ты птица, которая гадитъ въ собственное гнѣздо!.. Подумай о томъ, что цитированные тобою изслѣдователи, правда, сдѣлали промахъ въ выборѣ средствъ, но что они стремились при этомъ къ цѣли, которая послужила къ добру тысячамъ. Подумай о томъ, что всѣ эти дѣла *принадлежатъ прошлому*. Зачѣмъ ты снова разрываешь старыя, зарубцевавшіяся раны, зачѣмъ выгребаешь изъ угловъ истлѣвшіе остатки прошлаго?» ***).

«Поступокъ врачей-фанатиковъ безчеловѣченъ,—заявляетъ и д-ръ К. М. Горелейченко.—Онъ медицинской прессой осужденъ, это *дѣло прошлаго, нѣсколькихъ десятилѣтій*, и въ настоящее время едва ли можетъ повториться что-либо подобное» ****).

Это дѣло прошлаго!.. Въ данное время я не могу пользоваться сколько-нибудь богатою медицинскою библіотекою, поэтому приведу опыты надъ людьми, совершенные за послѣдніе два года (1900—1901) такъ, какъ они изложены во «Врачѣ», органѣ энергичнаго и неутомимаго борца противъ

---

*) «Операціи на животныхъ въ цѣляхъ преподаванія хирургіи». «Вѣстникъ Спб. Врач. Общества взаимной помощи». 1902, № 1, стр. 23.

**) «Bekenntnisse eines Arztes». «Frankfurter Zeitung», 1902, 24 mai.

***) *Dr. L. Küls.* «Antwort auf die Beichten des Arztes Weressajew». Leipzig-Reudnitz. 1902, p. 30.

****) «За и противъ Вересаева», стр. 14.

*

такихъ опытовъ, покойнаго проф. В. А. Манассеина; вмѣстѣ съ этимъ я буду приводить и соотвѣтственныя замѣчанія Манассеина.

«Врачъ», 1900, № 3, стр. 95. Недавно въ Вѣнѣ разбиралось дѣло д-ра Грасса. Дѣло было возбуждено по жалобѣ больного, которому Грассъ позволилъ себѣ впрыснуть подъ кожу убитую разводку гонококковъ (по счастью, безъ всякаго вреда). Судъ оправдалъ врача, но единственно потому, что прошелъ уже срокъ, въ теченіе котораго можно было предъявить автору обвиненіе.

№ 5, стр. 144. Д-ръ Цанони, желая изучить сочетаніе микробовъ въ легкихъ при чахоткѣ, счелъ себя въ правѣ (?! *Ред.*) брать для этого содержимое изъ пораженныхъ участковъ легкаго. Дезинфицировавъ кожу, онъ вкалывалъ въ легкія чахоточныхъ больныхъ полыя иглы и такимъ образомъ извлекалъ содержимое. Проколъ дѣлался иглами въ 7—8 сант. длиною «и не очень тонкими». (*Подстр. примѣч.* Работа д-ра Ц. еще разъ заставляетъ насъ подчеркнуть, казалось бы, не требующее доказательствъ положеніе, что больные—не матеріалъ для опытовъ, какъ бы интересны эти опыты сами по себѣ ни были, и все, что не прямо необходимо для помощи имъ, допустимо лишь съ *полнаго* вѣдома и согласія ихъ самихъ. *Ред.).*

№ 6, стр. 178. Д-ръ де-Симони, желая выяснить, составляетъ ли такъ называемая Фришевская палочка специфическій возбудитель риносклеромы, вводилъ ватныя пробки, пропитанныя разводками этой палочки, въ носъ людей, страдавшихъ сильно развитою чахоткою легкихъ. (Опять непростительные и возмутительные опыты! *Ред.*). Результатъ опытовъ былъ всегда отрицательный.

№ 7, стр. 213. Д-ръ Гердеръ (въ Парижѣ) испытывалъ новый способъ леченія бугорчатки впрыскиваніями глицериновой вытяжки изъ тресковой печени. Сначала авторъ испытывалъ эти впрыскиванія у чахоточныхъ и получалъ нѣкоторое улучшеніе; у нѣкоторыхъ, однако, «реакція» сопровождалась повышеніемъ температуры до 39° и 40°; впрочемъ, у этихъ больныхъ наблюдались повышенія температуры и отъ впрыскиваній соленой воды (ради чего дѣлались впрыскиванія этой соленой воды? Очевидно, больные служили «матеріалами» для опытовъ! *Ред.*). Для выясненія способа дѣйствія этихъ впрыскиваній авторъ произвелъ рядъ опытовъ на кроликахъ и свинкахъ (не правильнѣе ли было бы начать съ опытовъ на животныхъ, а не на людяхъ? *Ред.).*

№ 24, стр. 737. Желая опредѣлить давленіе въ легочныхъ мѣшкахъ здороваго человѣка, д-ръ Э. Аронъ (изъ Берлина) счелъ себя въ правѣ (!! *Ред.*) произвести опытъ на двухъ лицахъ, предварительно объяснивъ имъ, ради чего подобные опыты надъ ними производятся. Аронъ убѣжденъ, что при тщательномъ соблюденіи чистоты всякая опасность такого опыта устраняется. Впрыснувъ подъ кожу кокаинъ, онъ вкалывалъ въ межреберье троакаръ, соединенный съ манометромъ;

при этомъ больной могъ дѣлать вдохи лишь не очень глубокіе, такъ какъ при глубокихъ легкое задѣвало за кончикъ троакара, что вызывало сильнѣйшую боль (хороша безопасность опыта! *Ред.*)... Несмотря на безвредность (?) употребленнаго способа, едва-ли кому-нибудь представится случай примѣнить его на большомъ числѣ лицъ. Поэтому, Аронъ выражаетъ сожалѣніе о томъ, что хирурги при операціяхъ въ грудной полости не производятъ подобныхъ измѣреній. (Хирургъ нравственно обязанъ не осложнять операціи и даже не удлиннять ея ничѣмъ, что не нужно для блага больного. *Ред.*).

№ 26, стр. 814. Общая, а за нею и врачебная печать Германіи *) крайне взволнованы обвиненіями терапевтической клиники проф. Штинтцинга въ непозволительныхъ опытахъ надъ больными. Поводомъ къ этимъ обвиненіямъ послужила статья бывшаго ассистента клиники д-ра Штрубеля. Въ статьѣ этой, дѣйствительно, встрѣчаются прямо невѣроятныя мѣста. Вотъ два изъ нихъ (рѣчь идетъ о леченіи сахарнаго мочеизнуренія сухояденіемъ): «Уже въ первые же дни для меня стало ясно, что безъ запиранія на ключъ моего перваго больного точное изслѣдованіе будетъ невозможно. Поэтому, больной былъ помѣщенъ въ небольшую комнату на чердакѣ клиники, имѣющую два окна съ крѣпкой желѣзной рѣшеткой. Дверь комнаты хорошо и крѣпко запирается. Ключъ отъ нея былъ всегда у меня въ карманѣ. Но, думая, что я такимъ образомъ предохранилъ себя отъ обмана, я ошибался: два или три раза, когда результаты изслѣдованія не согласовались между собою, я приналегъ на больного съ допросомъ, и онъ признался, что во время сильнаго дождя онъ высунулъ въ окно сосудъ и изъ проходившей по крышѣ полутрубы добылъ такимъ образомъ полъ-литра дождевой воды. Однажды я убѣдился, что больной пилъ воду, данную ему для мытья; съ тѣхъ поръ во время дней опыта я не давалъ ему мыться. Однажды ночью больной, мучимый жаждою, выпилъ 1.400 кб. см. собственной мочи, а въ послѣдній день опыта надъ обмѣномъ веществъ больной, въ теченіе нѣсколькихъ дней получавшій очень мало питья, сломавъ рѣшотку у окна, вылѣзъ на крышу и затѣмъ, сломавъ рѣшотку въ другомъ окнѣ, пробрался въ комнату служанки, гдѣ его накрыли какъ разъ еще во время, когда онъ подходилъ къ крану водопровода...» «Второго моего больного я тоже держалъ подъ замкомъ, предварительно вставивъ въ окно тройную желѣзную рѣшетку. Въ этомъ опытѣ,—правда, съ существованіемъ уже грозныхъ разстройствъ въ общемъ состояніи больного,—мнѣ удалось существенно ограничить постоянное отдѣленіе мочи и даже на полтора часа совсѣмъ прекратить его, причемъ я отлично сознавалъ, что при постоянномъ надзорѣ за пульсомъ и сердцемъ, я дошелъ до границъ дозволеннаго (!*Ред.*). Если бы больной промучился жаждою еще

*) Общая, а *за нею* уже и врачебная печать!.. В. В..

часа два, то отдѣленіе мочи, быть можетъ, и совсѣмъ бы прекратилось, а, вѣроятно, вмѣстѣ съ нимъ прекратилась бы и работа сердца *).

№ 42, стр. 1286. Интересуясь вопросомъ о невоспріимчивости къ болотной лихорадкѣ, проф. Челли продѣлалъ такіе опыты. Одному человѣку авторъ, «впрыснувъ большое количество крови, взятой отъ больныхъ съ легкой и тяжелой трехдневными лихорадками, не могъ вызвать у него никакихъ признаковъ заболѣванія...» Далѣе, Челли испробовалъ вліяніе разныхъ лекарственныхъ веществъ на невоспріимчивость къ *искусственной* болотной лихорадкѣ. (Мы не разъ уже высказывали наше глубокое убѣжденіе въ непозволительности подобныхъ опытовъ. Даже и при *вполнѣ сознательномъ* согласіи на опытъ лицъ, ему подвергаемыхъ, врача должно бы остановить то простое соображеніе, что онъ отнюдь не можетъ быть увѣреннымъ въ безвредности производимаго опыта. *Ред.*). Различныя вещества дали самыя разнообразные результаты: іодистый калій и антипиринъ, напр., оказались совершенно безполезными въ смыслѣ предохраненія отъ заболѣванія **) и т. д.

«Врачъ», 1901, № 15, стр. 578. Франкъ и Веландеръ, изслѣдуя вопросъ о предупрежденіи гонорреи, производили слѣдующіе (непозволительные по нашему мнѣнію (*Реф.*) опыты: двумъ лицамъ въ отверстіе мочеиспускательнаго протока на платиновомъ ушкѣ вводилось перелойное отдѣляемое, содержавшее гонококки; затѣмъ, по прошествіи пяти минутъ, одному изъ этихъ лицъ вкапывали двѣ капли раствора протаргола, другому же вкапыванія не дѣлалось. Первый изъ подвергшихся опыту оставался здоровымъ, *второй же заболѣвалъ перелоемъ*.

№ 30, стр. 949. Эд. Муръ, занимаясь вопросомъ о леченіи сифилиса специфическою сывороткою, впрыснулъ одной больной съ неоперируемымъ ракомъ сыворотку, послѣ чего послѣдовательно привилъ ей отдѣляемое всѣхъ трехъ основныхъ періодовъ сифилиса. Зараженія не послѣдовало.

№ 32, стр. 987. Д-ръ Кистеръ (въ Гамбургѣ) изучалъ значеніе для здоровья борной кислоты. Тремъ здоровымъ лицамъ авторъ давалъ по три грамма борной кислоты въ сутки; уже спустя короткое время здоровье у нихъ разстраивалось: появлялись рвота и поносъ, а на 4—10 дни—бѣлокъ въ мочѣ. Назначеніе одного грамма въ сутки въ теченіе нѣсколькихъ дней четыремъ лицамъ не оставалось безъ вліянія

---

*) Проф. Штинтцингъ, вынужденный печатью дать объясненія, напечаталъ удивительное оправдательное письмо, гдѣ утверждалъ, что «опытъ былъ предпринятъ для леченія больного, а не ради научнаго изслѣдованія», что больной добровольно согласился на опыты и во всякое время могъ ихъ прекратить. Достаточно прочесть само описаніе опытовъ, чтобъ увидѣть, сколько правды въ письмѣ профессора. В. В..

**) *Искусственной* болотной лихорадкой,—т.-е. больному прививали ее, и онъ заболѣвалъ! В. В..

на здоровье: являлись поносъ и рвота... Такимъ образомъ, борная кислота, принимаемая даже въ небольшихъ количествахъ, оказывается не безвредной.

№ 35, стр. 1073. Проф. Тенниклайфъ и д-ръ Розенгеймъ изслѣдовали вліяніе борной кислоты и буры на общій обмѣнъ у дѣтей, въ виду того, что мнѣнія о безвредности этихъ веществъ расходятся. Возрастъ дѣтей въ опытахъ авторовъ колебался отъ $2^1/_2$ до 5 лѣтъ. При этомъ выяснилось, что ни борная кислота, ни бура въ среднихъ пріемахъ не оказываютъ никакого вреднаго дѣйствія на общее состояніе дѣтей.

№ 37, стр. 1151. Газеты сообщаютъ объ опытахъ, продѣлываемыхъ американскими врачами на людяхъ. Изъ восьми лицъ, согласившихся за деньги подвергнуться укусамъ комаровъ, завѣдомо зараженныхъ чужеядными желтой лихорадки, двое умерли, трое при смерти, двое выздоравливаютъ послѣ тяжкаго заболѣванія, одинъ остался здоровымъ.

№ 39, стр. 1202. Въ виду все учащающагося примѣненія формальдегида для предохраненія отъ порчи пищи, особенно молока, проф. Тенниклайфъ и д-ръ Розенгеймъ сдѣлали попытку выяснить, путемъ прямыхъ опытовъ на дѣтяхъ, вліяніе этого вещества на питаніе и обмѣнъ. Опыты были произведены на трехъ дѣтяхъ (вполнѣ здоровый мальчикъ $2^1/_2$ лѣтъ, вполнѣ здоровый мальчикъ 5 лѣтъ и «слабоватая дѣвочка четырехъ лѣтъ, дурного питанія, поправлявшаяся послѣ пнеймоніи»). *Выводы*: 1) У здоровыхъ дѣтей формальдегидъ, прибавляемый къ молоку въ количествѣ до 1 : 5000, не обнаруживаетъ замѣтнаго вліянія на обмѣнъ азота и фосфора и на усвоеніе жира. 2) При слабоватомъ здоровьѣ это вещество дѣйствуетъ на упомянутые процессы *замѣтно пагубно*, по всей вѣроятности, измѣняя панкреатическое пищевареніе и слегка раздражая кишечникъ и т. д.

Вотъ они—истлѣвшіе остатки прошлаго, вотъ онѣ—старыя, давно зарубцевавшіяся раны!.. Мои оппоненты усиленно корятъ меня въ томъ, что я въ своей книгѣ взвожу на врачебное сословіе массу самыхъ тяжкихъ обвиненій. Я рѣшительно утверждаю, что никакихъ такихъ обвиненій я не взвожу; нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, подобно г. Фарваковскому, въ указаніи на трагическіе конфликты медицинскаго дѣла видѣть чуть не личное себѣ оскорбленіе. Не обобщаю я также отдѣльныхъ поступковъ единичныхъ лицъ. Если бы изъ приводимыхъ мною опытовъ вытекалъ лишь выводъ, что сотня - другая безсердечныхъ врачей забыли свои элементарныя обязанности по отношенію къ больнымъ, я-бъ не сталъ приводить этихъ опытовъ, какъ не привожу случаевъ производства нѣкоторыми врачами преступныхъ выкидышей, участія врачей въ казняхъ, присутствія ихъ при тѣлесныхъ наказаніяхъ и т. п.

Но изъ приводимыхъ опытовъ вытекаетъ совсѣмъ другой выводъ,

и это есть единственное, дѣйствительно, *обвиненіе*, которое я возвожу на наше сословіе,—обвиненіе въ поразительномъ равнодушіи, какое встрѣчаютъ описанные опыты въ врачебной средѣ. На этомъ обвиненіи я настаиваю, да и какъ не настаивать на немъ? Какъ были бы возможны подобные опыты, если бы мы относились къ нимъ должнымъ образомъ? У насъ есть богатая печать, безчисленныя общества и съѣзды,—гдѣ же и когда выступали они противъ такого позорнѣйшаго предательства врача по отношенію къ больному? Борьба съ этимъ составляетъ лишь единоличную заслугу покойнаго Манассеина *). Если бы вся врачебная печать, всѣ общества и съѣзды такъ же безпощадно и энергично, какъ онъ, выступали противъ каждой попытки врача обращать больного въ предметъ своихъ опытовъ, то вѣдь только сумасшедшему могло бы придти въ голову печатать о такихъ опытахъ, какъ только сумасшедшему можетъ придти въ голову разсказывать въ газетахъ о совершенномъ имъ, скажемъ, убійствѣ ребенка. Между тѣмъ, въ дѣйствительности всѣ подобныя сообщенія проходятъ такъ мирно и тихо, что вотъ оказывается даже возможнымъ утверждать, будто все это уже миновало, и теперь ничего подобнаго не происходитъ. Кругомъ десятками творятся форменныя живосѣченія надъ людьми, а гг. Кюльцъ и Горелейченко *даже ничего не слышали объ нихъ*! Развѣ это не характерно?..

«Опытовъ надъ людьми,—пишетъ г. Алелековъ въ своей рецензіи на «Записки»,—никто не оправдывалъ и никогда не оправдаетъ; но поголовное обвиненіе врачей въ «бездѣйствіи», въ отсутствіи протеста и борьбы противъ такихъ опытовъ есть совершенно несправедливый укоръ медицинѣ, не отвѣтственной за проступки немногихъ личностей; а призывъ общества къ «принятію мѣръ, къ огражденію своихъ членовъ отъ ревнителей науки»,—есть только несправедливый и позорный призывъ къ борьбѣ со всѣми врачами, столь же логичный, какъ крикъ толпы: «Бей ихъ всѣхъ, тамъ послѣ разберемъ, кто воровалъ и кто помогалъ!» Намъ стыдно за прибѣгающаго къ такимъ пріемамъ человѣка, притомъ же врача!» **)

Вдумайтесь въ смыслъ этихъ словъ. Обвинять врачей въ бездѣйствіи—несправедливо, потому что «медицина не отвѣтственна за проступки немногихъ личностей» (т.-е., значитъ, врачи въ правѣ бездѣйствовать?); а призывать общество къ борьбѣ—не только несправедливо, но даже позорно и нелогично... Удивительное дѣло! Тутъ такой туманъ, такая притупленность самаго элементарнаго нравственнаго чувства, что положительно начинаешь теряться. Вѣдь вопросъ

---

*) Просмотрите вышеприведенное описаніе опытовъ во «Врачѣ». Въ февралѣ 1901 года Манасеинъ умеръ; еще одно примѣчаньице, и редакція замолкаетъ, и дальнѣйшіе опыты съ самымъ «объективнымъ» равнодушіемъ приводятся наравнѣ съ сообщеніями о новой теоріи рахита и о случаяхъ нервнаго выпаденія волосъ.

**) «Медицинское Обозрѣніе», 1902, № 2, стр. 169.

ясенъ и голъ до ужаса: совершается позорнѣйшая гнусность, которой, какъ соглашаются всѣ мои оппоненты, «никто не оправдываетъ» (какъ мягко!). Что же дѣлать? Казалось бы, и отвѣтъ не менѣе ясенъ, чѣмъ самъ вопросъ: нужно всѣмъ соединиться, поднять общественное мнѣніе, не успокоиваться, пока съ корнемъ не будетъ вырвана эта гнусность, пока она не отойдетъ въ область невѣроятныхъ преданій,—сказать: «да, наша вина, что мы терпѣли до сихъ поръ на своемъ тѣлѣ эту позорную болячку...»

Но нѣтъ, тутъ есть нѣчто еще болѣе ужасное: а ну, какъ публика подумаетъ, что «медицина отвѣтственна за проступки немногихъ личностей» и закричитъ: «бей ихъ всѣхъ, не разбирая!» Лучше ужъ потщательнѣе прикрыть свою болячку и—молчать, молчать...

VI.

Мои критики дружно указываютъ на «непозволительное сгущеніе красокъ» и «несомнѣнныя преувеличенія», которыми полна моя книга. Отвѣчать на этотъ упрекъ было бы крайне трудно и совершенно безцѣльно, если бы вопросъ носилъ, такъ сказать, количественный характеръ. Я, скажемъ, совершилъ пять врачебныхъ ошибокъ, другой—двѣ, третій—десять; у меня было столько-то несчастныхъ операцій, у другого—столько-то. Какъ доказать, какъ провѣрить, какое количество типично для средняго врача? Но дѣло тутъ совершенно въ другомъ... «Врачебная Газета», въ которой печаталась разобранная выше статья д-ра Фармаковскаго, заявляетъ въ № 51 (1901 г.), что статья это «ясно доказываетъ несомнѣнныя преувеличенія г. Вересаева». Въ чемъ же заключаются эти преувеличенія? Вотъ что говоритъ о нихъ самъ г: Фармаковскій.

«Вересаевъ отрицаетъ свое сгущеніе красокъ. И въ доказательство того, что этого сгущенія нѣтъ, онъ приводитъ свои ссылки на цѣлый рядъ документальныхъ данныхъ. Но на этотъ доводъ можно было бы возразить такимъ примѣромъ. Представимъ себѣ, что мы имѣемъ передъ собою назначенную врачомъ микстуру, содержащую въ себѣ сѣрную кислоту. И вдругъ къ такому больному приходитъ химикъ-диллетантъ. Прочтя на сигнатуркѣ страшное названіе сѣрной кислоты, этотъ химикъ сталъ бы увѣрять больного, что въ его лекарствѣ находится страшный ядъ; и въ доказательство своихъ доводовъ онъ обычными химическими путями извлекъ бы эту кислоту въ чистомъ видѣ и показалъ бы ея ѣдкія свойства на дѣлѣ. То самое лекарство, которое имѣло пріятный кисловатый вкусъ, вдругъ содержитъ вещество, прижигающее даже грубую кожу руки. И если бы кто-нибудь сталъ упрекать доброжелателя-химика въ произведенномъ имъ сгущеніи положенной въ лекарство кислоты, въ силу чего она и приняла такія ѣдкія свойства, то химикъ, подобно Вересаеву, всегда бы могъ возразить, что

онъ документальными данными докажетъ присутствіе этого ѣдкаго вещества въ лекарствѣ, и что въ своихъ химическихъ манипуляціяхъ онъ не вносилъ его извнѣ» (стр. 137).

Г. Фармаковскій своимъ примѣромъ чрезвычайно удачно охарактеризовалъ различіе точекъ зрѣнія, съ которыхъ мы смотримъ на дѣло. Тотъ напитокъ, отъ котораго мы вмѣстѣ съ г. Фармаковскимъ пьемъ, вызываетъ въ насъ совершенно различныя ощущенія. У г. Фармаковскаго онъ вызываетъ лишь ощущеніе «пріятнаго кисловатаго вкуса»; «ѣдкія свойства» можно въ немъ обнаружить лишь совершенно непозволительнымъ путемъ искусственнаго экстрагированія «всѣхъ слабыхъ и дурныхъ сторонъ медицины»; въ дѣйствительности такими свойствами напитокъ не обладаетъ. Тутъ, дѣйствительно, наше коренное, главнѣйшее разногласіе, изъ котораго вытекаютъ всѣ остальныя. Читатель видѣлъ, что г. Фармаковскій, какъ и прочіе мои оппоненты, спорилъ не о томъ, *насколько* ѣдокъ нашъ напитокъ,— онъ именно спорилъ и доказывалъ, что нашъ напитокъ есть очень пріятная на вкусъ кисловатая водица.

Но читатель видѣлъ и тѣ пріемы, къ которымъ для этого приходилось прибѣгать г. Фармаковскому. Одни вопросы онъ старался подкрасить, другіе отметалъ въ сторону успокоительнымъ замѣчаніемъ: «а развѣ въ другихъ профессіяхъ лучше»?—третьихъ, наконецъ, просто не хотѣлъ замѣчать, закрывалъ на нихъ глаза. И вотъ вопросы, полные самаго глубокаго трагизма, самой «ѣдкой кислоты», благополучно растворились въ его брошюрѣ въ невинную и пріятную на видъ кисловатую водицу...

Авторъ «Общественной хроники» въ «Вѣстникѣ Европы» (1902, № 3), отмѣчая предпринятый противъ «Записокъ» «профессіональный походъ», съ недоумѣніемъ спрашиваетъ: «что, собственно, не понравилось въ нихъ значительной части медицинскаго міра?» Подробно разобравъ содержаніе книги, онъ не находитъ въ ней ничего, что оправдывало бы вызванное ею негодованіе; единственное объясненіе оказанному ей пріему, по мнѣнію уважаемаго автора, «поневолѣ» приходится видѣть въ слѣдующемъ: «Кто забылъ тяжелыя впечатлѣнія, испытанныя въ молодости, кто хорошо устроилъ свою личную жизнь и привыкъ убаюкивать себя мыслью, что такъ же хорошо все устроено и въ окружающемъ его мірѣ, того не могла не потревожить,—а слѣдовательно, и раздражить,—книга г. Вересаева».

Я рѣшительно не могу согласиться съ такимъ объясненіемъ. Правда, въ злобныхъ инсинуаціяхъ нѣкоторыхъ изъ моихъ критиковъ слишкомъ ясно сказывается потревоженное благодушіе людей, для которыхъ ихъ личное благополучіе обозначаетъ и благополучіе всего окружающаго. Но таковы далеко не всѣ мои критики. Взять хоть бы того же г. Фармаковскаго: насколько можно судить по его брошюрѣ, онъ, повидимому, человѣкъ хорошій и симпатичный; таковы же, несомнѣнно, и

большинство моихъ оппонентовъ. Мнѣ кажется, суть здѣсь не въ эгоистической неподвижности сытаго благополучія, суть дѣла гораздо глубже и печальнѣе: она заключается въ той изсушающей, калѣчащей душу печати, которую накладываетъ на человѣка его принадлежность къ профессіи.

На всѣ явленія широкой жизни такой человѣкъ смотритъ съ узкой точки зрѣнія непосредственныхъ практическихъ интересовъ своей профессіи; эти интересы, по его мнѣнію, наиболѣе важны и для всего міра, попытка стать выше ихъ приноситъ, слѣдовательно, непоправимый вредъ не только профессіи, но и всѣмъ людямъ. Конечно, на лунѣ и солнцѣ пятна есть,—есть они и въ его профессіи; но если ихъ и можно касаться, то нужно дѣлать это чрезвычайно осторожно и келейно, чтобъ въ постороннихъ людяхъ не поколебалось уваженіе къ профессіи и лежащимъ въ ея основѣ высокимъ принципамъ... Но вѣдь всякая профессія имѣетъ дѣло съ людьми, ея темныя стороны отзываются на людяхъ страданіями и кровью? Что же дѣлать,—пусть такъ, но для тѣхъ же людей еще важнѣе, чтобы въ нихъ прочно было довѣріе къ столь необходимой для нихъ профессіи.

Такое настроеніе разумѣется, меньше всего способствуетъ энергичной и плодотворной борьбѣ съ темными сторонами профессіи; какъ возможна такая борьба, если на каждомъ шагу приходится пугливо оглядываться, не доносится ли шумъ борьбы до уха непосвященнаго человѣка. А ухо этого «непосвященнаго», какъ нарочно, удивительно чутко на такой шумъ. И вотъ самые жгучіе вопросы профессіи начинаютъ замалчиваться, начинаютъ рѣшаться каждымъ лицомъ отдѣльно, втихомолку, и наконецъ совершенно теряютъ для него всю свою «ѣдкую кислоту». И онъ ужъ вполнѣ искренно испытываетъ отъ нихъ только «пріятный кисловатый вкусъ», и съ невозмутимымъ самодовольствомъ утверждаетъ, что въ его профессіи все очень хорошо и благополучно.

Есть старое правило Канта: «дѣйствуй такъ, чтобы можно было представить себѣ, что правила твоей дѣятельности могутъ быть возведены во всеобщій законъ, обязательный для всѣхъ, чтобы при этомъ не выходило никакого противорѣчія». Это правило совершенно чуждо и не можетъ не быть чуждымъ всякому человѣку профессіи. Для такого человѣка *его* профессія есть нѣчто совершенно другое, чѣмъ всѣ остальныя. Если онъ, напр., врачъ, то будетъ искренно негодовать и удивляться, для чего это нужно скрывать отъ кого-нибудь темныя стороны судейской, адвокатской, путейской, духовной профессіи; будетъ, подобно г. Фармаковскому, отъ души восхищаться, «какъ глубоко проникаетъ великій писатель въ своемъ «Воскресеніи» въ душу засѣдающихъ за столомъ судей» (стр. 102). Но если этотъ человѣкъ принадлежитъ къ судебному міру, то по поводу того же «Воскресенія» онъ (какъ это въ дѣствительности и было) съ негодованіемъ станетъ

утверждать, что психологическая проницательность измѣнила на этотъ разъ великому писателю, что онъ съ непозволительнымъ легкомысліемъ нарисовалъ рядъ каррикатуръ, не подумавъ о томъ, что «непосвященный читатель» по прочтеніи его романа потеряетъ всякое уваженіе къ высокимъ принципамъ состязательнаго процесса и гласнаго суда.

VII.

Критики мои настойчиво указываютъ еще на тѣ противорѣчія, которыми полна моя книга. На протяженіи почти всего своего фельетона въ «Frankfurter Zeitung» д-ръ Нассауеръ занимается сопоставленіемъ разныхъ мѣстъ моей книги съ указаніемъ на ихъ «противорѣчивость» и на мое «колеблющееся мышленіе». Въ чемъ же заключаются эти противорѣчія? Я выступаю, напр., защитникомъ живосѣченій, доказываю ихъ неизбѣжную необходимость для науки и въ то же время разсказываю о мученіяхъ, которыя испыталъ, дѣлая научные опыты надъ обезьяной. Я говорю о трупахъ, которыми сопровождается введеніе новыхъ средствъ и изобрѣтеніе новыхъ операцій, и въ то же время заявляю: «Путемъ этого риска медицина и добыла большинство изъ того, чѣмъ она теперь по праву гордится. Не было бы риска, не было бы и прогресса; это свидѣтельствуетъ вся исторія врачебной науки». И все въ такомъ родѣ.

Противорѣчія ли это? Конечно, противорѣчія. Но дѣло въ томъ, что это противорѣчія не логическія, а противорѣчія *жизни*. Противорѣчія перваго рода устранить было бы очень легко. «Живосѣченія необходимы», «прогрессъ науки невозможенъ безъ риска». Мои противники такъ и поступаютъ. Логически выходитъ гладко, но при этомъ ни на каплю не уничтожаются тѣ жизненныя противорѣчія, которыя остаются лежать невскрытыми подъ логически безупречными фразами. Для многихъ изъ указанныхъ жизненныхъ противорѣчій я не могу найти рѣшающаго выхода. Нѣкоторыхъ изъ моихъ критиковъ это обстоятельство приводитъ въ самое веселое настроеніе. Вотъ, напр., какими вставками сопровождаетъ одинъ изъ моихъ французскихъ критиковъ выдержку изъ моей книги:

«И я думалъ: нѣтъ, вздоръ всѣ мои клятвы! Что же дѣлать? Правъ Бильротъ,—«наши успѣхи идутъ черезъ горы труповъ» (*Тремоло въ оркестрѣ!*). Другого пути нѣтъ... Но въ моихъ ушахъ раздавался скрежетъ погубленной мною дѣвочки, и я съ отчаяніемъ чувствовалъ, что у меня не поднимется рука на новую операцію» (*Занавѣсъ опускается*). «Мелодрама» закончилась.

«Что же дѣлать? Гдѣ граница дозволеннаго?—продолжаетъ цитировать меня тотъ же критикъ.—Каждую дорогу мнѣ загораживаетъ живой человѣкъ; я вижу его и поворачиваю назадъ». Нечего сказать прелестно поставленный вопросъ! Хотите вы знать отвѣтъ Вересаева?

Вотъ онъ во всей своей сложности: *я ничего не знаю!..* Мы удовлетворены *)...»

Удовлетвориться этимъ, конечно, нельзя. Но слѣдуетъ ли отсюда, что можно игнорировать или, еще хуже, высмѣивать самый вопросъ о «живомъ человѣкѣ, загораживающемъ пути медицины»? Вѣдь какъ ни стараться отнести этотъ вопросъ въ сторону, какъ ни высмѣивать его, онъ все-таки чернымъ призракомъ будетъ стоять надъ нашею наукою и неуклонно требовать къ себѣ всего вниманія людей, для которыхъ этическіе вопросы нашей профессіи не исчерпываются маленькимъ кодексомъ профессіональной этики.

Какъ это ни печально, но нужно сознаться, что у нашей науки до сихъ поръ нѣтъ этики. Нельзя же разумѣть подъ нею ту спеціально-корпоративную врачебную этику, которая занимается лишь нормировкою непосредственныхъ отношеній врачей къ публикѣ и врачей между собою. Необходима этика въ широкомъ, философскомъ смыслѣ, и эта этика прежде всего должна охватить во всей полнотѣ указанный выше вопросъ о взаимномъ отношеніи между врачебною наукою и живою личностью. Между тѣмъ даже частичные вопросы такой этики почти не поднимаются у насъ и почти не дебатируются. Не странно ли, что такой трудный и сложный вопросъ, какъ, напр., вопросъ о границѣ дозволительнаго врачебнаго опыта на людяхъ, оставляетъ совершенно безучастнымъ къ себѣ всѣ наши общества и съѣзды, что на нихъ сказано по этому вопросу, несомнѣнно, во сто разъ меньше, чѣмъ хотя бы по вопросу о врачебной таксѣ? Что же касается указаннаго общаго вопроса, то онъ, сколько мнѣ извѣстно, даже никогда и не ставился. Между тѣмъ именно онъ-то долженъ бы занимать въ медицинской этикѣ центральное мѣсто.

Но для этого прежде всего, разумѣется, нужно не скрывать и не смазывать тѣхъ противорѣчій, изъ которыхъ вытекаетъ указанный вопросъ; напротивъ, противорѣчія должны быть выяснены вполнѣ, во всей ихъ тяжелой и мучительной остротѣ. Мнѣ возражаютъ: «но вѣдь они неразрѣшимы, эти противорѣчія, они подавляютъ своею жуткою безысходностью; для чего ихъ поднимать, если выхода, все равно, нѣтъ?» А какой вообще вопросъ возможно рѣшить, если его не поднимать? Какой сколько-нибудь сложный вопросъ, будучи поднятъ, можетъ быть легко и быстро приведенъ къ окончательному рѣшенію? Рѣшенъ ли трудный вопросъ о врачебной тайнѣ,—единственный усердно дебатируемый врачами этическій вопросъ, выходящій изъ рамокъ узко-профессіональной этики? Конечно, нѣтъ. А между тѣмъ, развѣ обсужденіе его не оказалось полезнымъ? Если онъ и не рѣшенъ, то вся масса доводовъ за и противъ даетъ каждому отдѣльному врачу возможность

*) «La médecine moderne», 1902, № 24, p. 200.

легче и правильнѣе придти къ опредѣленному рѣшенію въ каждомъ данномъ случаѣ.

Иногда же и выхода-то изъ противорѣчія нѣтъ только потому, что его не ищутъ, онъ оказывается даже найденнымъ, но почти никому неизвѣстнымъ. Таковъ, напр., вопросъ о первой операціи; предварительное оперированіе на живыхъ животныхъ, какъ мы видѣли, значительно упрощаетъ его. Еще семьдесятъ лѣтъ назадъ на это мимоходомъ указалъ Мажанди, уже нѣсколько лѣтъ д-ръ А. П. Левицкій въ Москвѣ примѣняетъ это на практикѣ. Но вопросъ не поднимаемый, замалчиваемый, не требуетъ и отвѣта, и все потихоньку идетъ прежнимъ путемъ.

Какъ видимъ, среди указанныхъ «неразрѣшимыхъ» вопросовъ есть вопросы, для которыхъ существуетъ совершенно опредѣленное практическое разрѣшеніе, только нужно его поискать; возможно, что и для нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ найдется, при желаніи, столь же удовлетворительное рѣшеніе. Оставляя въ сторонѣ возможность такого коренного, практическаго рѣшенія частичныхъ вопросовъ нашей этики и возвращаясь къ ея общей задачѣ, повторю еще разъ, что главная задача ея, по моему мнѣнію, заключается въ всестороннемъ теоретическомъ выясненіи вопроса объ отношеніи между личностью и врачебною наукою, о тѣхъ границахъ, за которыми интересы отдѣльнаго человѣка могутъ быть приносимы въ жертву интересамъ науки. Понятно, что это не есть спеціальный вопросъ какой-то особенной врачебной этики; это—большой, вѣковѣчный, общій вопросъ объ отношеніи между личностью и выше его стоящими категоріями,—обществомъ, наукою, правомъ и т. д. Но, не составляя спеціальной особенности медицинской науки, вопросъ этотъ въ то же время слишкомъ тѣсно сплетается съ нею и не можетъ быть ею игнорируемъ, не можетъ, какъ это есть теперь, въ одиночку и втихомолку, въ полной темнотѣ, рѣшаться каждымъ врачомъ отдѣльно для его собственныхъ надобностей.

Съ другой стороны, вопросъ этотъ не можетъ быть только придаткомъ на тѣлѣ медицины, онъ долженъ быть соками и кровью, насквозь проникающими весь организмъ врачебной науки. Ея тѣсная и разносторонняя связь съ живымъ человѣкомъ дѣлаетъ необходимымъ, чтобы всѣ, даже чисто научные вопросы рѣшались при свѣтѣ этого основного этическаго вопроса. И даже простая постановка его,—и та ужъ имѣла бы огромное значеніе, потому что создала бы ту этическую атмосферу, въ которой бы ярко и чутко сознавалась нами вся тонкость нашей нравственной отвѣтственности передъ обращающимся къ намъ за помощью человѣкомъ *).

---

*) Мысли, выраженныя въ этой главѣ, были изложены мною въ небольшой статьѣ «Объ этикѣ въ медицинѣ», помѣщенной въ *Вѣстникѣ С.-Пет. Врач. Об—ва взаим. помощи* (1902, № 1).

«Не думай,—обращается ко мнѣ въ своемъ «Отвѣтѣ» д-ръ Л. Кюльцъ, типическій нѣмецкій Фармаковскій,—не думай, что вопросъ успѣшнаго отправленія врачебной практики, прежде всего, долженъ рѣшаться съ философской точки зрѣнія. Куда приведетъ это? Куда это привело тебя? У насъ есть на этотъ счетъ прекрасная пословица, гласящая: суди, дружокъ, не выше сапога,—ne sutor supra crepitam...» *).

«Помилуйте, мы съ вами не ребята»,—не ребята, г. Кюльцъ, и не сапожники! Къ чему такое скромное мнѣніе о нашемъ «ремеслѣ»; къ чему такой трепетъ передъ философіей? Вы спрашиваете,—куда приведетъ это, куда это привело меня? Меня это привело къ глубокому убѣжденію, что узкіе вопросы врачебной практики *прежде всего* должны рѣшаться именно съ философской точки зрѣнія; и только въ этомъ случаѣ мы съумѣемъ, наконецъ, создать настоящую медицинскую этику, въ основу которой ляжетъ глубокое изреченіе одного изъ самыхъ привлекательныхъ по душевному строю врачебныхъ дѣятелей,—то изреченіе Бильрота, которое я привелъ въ эпиграфѣ:

«Мы работаемъ для человѣчества надъ самымъ труднымъ матеріаломъ, именно надъ человѣкомъ».

VIII.

Въ заключеніе—еще одно замѣчаніе по поводу брошюры г. Фармаковскаго. Послѣднюю, заключительную главу «Записокъ», какъ это ни невѣроятно, г. Фармаковскій понялъ вотъ какъ:

«Наблюдая всѣ бѣдствія нищеты, нельзя же намъ, врачамъ, подобно Вересаеву, не считать себя въ правѣ стремиться къ улучшенію своего быта лишь только потому, что мы встрѣчаемъ людей, живущихъ еще хуже насъ. Не слѣдуетъ *стараться унизить свое соціальное положеніе до нихъ*. Не могу согласиться съ Вересаевымъ, что если дѣятельность описаннаго имъ литейщика вогнала его въ чахотку, то *и ему, Вересаеву, нельзя заботиться о своемъ здоровьѣ и объ улучшеніи своего быта...*» «Нѣтъ!—бодро восклицаетъ г. Фармаковскій,—покуда не всѣ мы дошли до такого отчаянія, какъ Вересаевъ, встанемъ мы за свои права! Улучшивъ свой бытъ, мы улучшимъ и судьбу тѣхъ несчастныхъ страдальцевъ, о которыхъ Вересаевъ упоминаетъ въ заключеніи своихъ «Записокъ» и тяжелое положеніе которыхъ не позволяло его разстроенной фантазіи заботиться о своей собственной жизни» (стр. 146—148).

Нужна большая, столь характерная для г. Фармаковскаго беззаботность по отношенію къ «небу и блистающимъ на немъ звѣздамъ», чтобъ умудриться *такъ* понять мои слова. Съ чувствомъ глубокаго

*) «Antwort», p. 31.

удовлетворенія могу отмѣтить, что все-таки не всѣ врачи, по крайней мѣрѣ, за границей, такъ безнадежно увязли въ засасывающей топи узкаго и близорукаго профессіонализма. «Изображая оборотную сторону врачебной практики,—пишетъ д-ръ Линзмайеръ о «Запискахъ»,—авторъ какъ будто грозитъ заѣхать въ фарватеръ обычныхъ врачебно-соціальныхъ статей послѣдняго времени, сосредоточивающихся въ призывѣ: «врачи, соединяйтесь противъ врага!» Но въ заключительной главѣ, гдѣ отъ маленькаго горя маленькаго врачебнаго сословія онъ обращаетъ взглядъ на большое горе большинства народа и признаетъ, что «исключительно лишь въ судьбѣ и успѣхахъ этого цѣлаго мы можемъ видѣть и свою личную судьбу и успѣхъ»,—въ этой главѣ авторъ поднимается на высоту, которая должна увлечь каждаго чувствующаго и думающаго человѣка» *).

Я глубоко убѣжденъ, что на эту «высоту», рано или поздно, необходимо должны будутъ подняться всѣ, сколько-нибудь думающіе и чувствующіе люди нашего сословія. Но почему,—спрошу я еще разъ то, что уже спрашивалъ въ «Запискахъ»,—почему такъ трудно понять это намъ, которые съ дѣтства росли на «широкихъ умственныхъ горизонтахъ», когда это такъ хорошо понимаютъ люди, которымъ каждую пядь этихъ горизонтовъ приходится завоевать тяжелымъ трудомъ?

В. Вересаевъ.

P. S. Предлагаемая статья была уже отослана въ редакцію, когда я ознакомился съ только что вышедшимъ объемистымъ трудомъ д-ра Альберта Молля «Врачебная этика» («Aerztliche Ethik». Stuttgart. Verlag v. Ferd. Enke. 1902). Книга представляетъ собою чрезвычайно отрадное явленіе: наконецъ-то громко и недвусмысленно высказывается въ врачебной печати мысль, что наша такъ наз. «врачебная этика» главнымъ образомъ занята чѣмъ угодно, только не вопросами этики. «Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ,—пишетъ авторъ въ предисловіи,—въ различнѣйшихъ странахъ появилось множество статей и книгъ, трактующихъ о врачебной этикѣ. *Но прямо поразительно, съ какою послѣдовательностью большинство авторовъ совершенно игнорируетъ важнѣйшіе вопросы врачебной этики или отдѣлывается отъ нихъ нѣсколькими строчками.* Главное свое вниманіе они обращаютъ на вопросы сословные и вопросы этикета. Существеннѣйшія этическія проблемы врачебной практики оставляются безъ всякаго вниманія». «Именно то обстоятельство,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—что попытки обращаться съ людьми, какъ съ кроликами для опытовъ, вызываютъ въ врачебной средѣ такъ мало протеста, тогда какъ въ нарушеніи сословныхъ обязанностей усматривается оскорбленіе врачебнаго сословія

---

*) *„Wiener Klinische Rundschau“*, 1902, № 19, p. 404.

или нанесеніе ему ущерба, показываетъ, какъ необходимо изслѣдовать истинныя этическія обязанности врача». Экспериментаторъ, спокойно привившій умирающему или душевно-больному гонноррейный ядъ, совершенно искренно считаетъ себя въ правѣ съ негодованіемъ смотрѣть на врача, у котораго дощечка на дверяхъ нѣсколько превосходитъ принятый размѣръ (стр. 5).

Книга д-ра Молля есть книга о *настоящей* врачебной этикѣ; она обстоятельно разсматриваетъ тѣ тонкіе и сложные нравственные вопросы, которые въ такомъ обиліи встаютъ на каждомъ шагу нашей дѣятельности. Мнѣ пріятно отмѣтить, что въ числѣ ихъ находятся также положительно всѣ вопросы, которыхъ я касался въ «Запискахъ», и въ которыхъ мои крѣпкіе сердцемъ и нервами оппоненты видѣли лишь безцѣльное «сантиментальничаніе» и «неврастеническое копаніе въ собственныхъ ощущеньицахъ».

Авторъ обладаетъ широкимъ, гуманнымъ міросозерцаніемъ, совершенно исключающимъ кастовую узость и профессіональное мраколюбіе. Для него чѣмъ шире борьба съ темными сторонами профессіи, тѣмъ лучше. «Мы хотимъ надѣяться,—пишетъ онъ по поводу тѣхъ же опытовъ на людяхъ, — что возможно-единодушный отпоръ этимъ опытамъ какъ со стороны врачей, такъ и стороны остальной публики, положитъ имъ конецъ. Чѣмъ болѣе всеобщимъ будетъ осужденіе, тѣмъ рѣже будутъ происходить такія злоупотребленія» (стр. 570). Предоставимъ господамъ Алелековымъ испытывать «стыдъ за прибѣгающаго къ подобнымъ пріемамъ человѣка, притомъ же врача», мы же съ своей стороны можемъ только горячо привѣтствовать автора какъ за это отсутствіе свѣтобоязни, такъ и вообще за его попытку подвергнуть всестороннему разсмотрѣнію существеннѣйшіе этическіе вопросы нашей профессіи. Нельзя не пожелать, чтобъ эта полезная книга была переведена на русскій языкъ.

В. В.

НА ОКРАИНАХЪ СИВАША.

Сонетъ.

Багряная печальная луна
Виситъ вдали, но степь еще темна.
Луна во тьму свой теплый отблескъ сѣетъ
И надъ болотомъ красный сумракъ рѣетъ...
Ужъ поздно—и какая тишина!
Мнѣ кажется, луна оцѣпенѣетъ:
Она какъ будто выросла со дна
И допотопной лиліей краснѣетъ...
Но меркнутъ звѣзды. Даль озарена.
Равнина водъ на горизонтѣ млѣетъ
И въ ней луна столбомъ отражена;
Склонивъ лицо прозрачное, свѣтлѣетъ
И грустно въ воду смотрится она...
Поетъ комаръ. Съ болота гнилью вѣетъ...

Ив. Бунинъ.

ВЪ СНѢГА.

Повѣсть.

Посвящается Р. Д.

I.

— Наконецъ-то!.. Да что же это вы, въ самомъ дѣлѣ, Елена Сергѣевна!.. Помилуйте! Вы намъ все разстроили! Вѣдь какихъ-нибудь десять минутъ до отхода поѣзда осталось!.. Мы тутъ уже цѣлый часъ васъ ждемъ...

Говоря это, докторъ Снарскій отобралъ у Елены маленькій кожаный саквояжъ и быстро пошелъ съ нею черезъ вокзалъ къ выходу на платформу.

— А билетъ есть? Нѣтъ? Такъ куда же вы! Вотъ что значитъ хорошенькая женщина! А еще героиня, подвигъ совершить хочетъ... Не туда, не туда! Къ кассѣ!... А багажъ?

— Меня задержали,—отвѣтила Елена виноватымъ растеряннымъ тономъ, и съ удивленіемъ посмотрѣла на протянутую къ ней руку Снарскаго, который уже заказывалъ билетъ кассиру.— Ахъ, деньги! Вотъ!..

Снарскій, какъ всегда веселый, довольный собою и фамильярный, быстро взглянулъ на нее черезъ свои голубоватые очки и, засмѣявшись, неодобрительно качнулъ головою:

— Ну, идите скорѣе! Я сейчасъ догоню... Багажъ...

— Елена Сергѣевна! Да что же это вы?—раздались голоса съ другой стороны, среди суматохи вокзала.

Елена увидѣла еще знакомыя лица: двухъ врачей, товарищей по больницѣ, потомъ влюбленную въ нее курсистку съ короткими, обрѣзанными послѣ тифа волосами, и брата ея, краснощекаго студентика. Всѣ торопились, волновались, имѣли смущенный, растерянный видъ.

— Елена Сергѣевна, голубушка! Что же это? Вѣдь теперь едва проститься успѣемъ!—говорила курсистка, крѣпко схвативъ обѣими руками руку Елены.

*

— А докторъ вотъ бутылку шампанскаго привезъ! Распить хотѣли!...—сказалъ студентикъ, указывая рукою на подбѣгавшаго Снарскаго и глядя на Елену ласковыми, вопрошающими и огорченными глазами.

— Да гдѣ же она, наконецъ?—раздались еще голоса, когда всѣ гурьбою шли уже по платформѣ.

Елена видѣла всѣхъ, какъ сквозь сонъ, отвѣчала невпопадъ и нервно оглядывалась по сторонамъ.

— Измѣнница!—проговорила высокая, блѣдная блондинка въ черепаховомъ пенснэ.

— Ахъ, и вы, Клавдія Андреевна!—сказала Елена, вдругъ измѣнившись въ лицѣ.—Какъ это мило...

— Сюда! Сюда!.. Сейчасъ второй звонокъ...

— Шампанскаго выпить не успѣемъ!

— Нѣтъ, уже раскупориваетъ... Стаканчики скорѣе!.. Эй, человѣкъ! сюда!..

— Входите скорѣе, Елена Сергѣевна! Только мѣсто посмотрѣть и назадъ... Пустите, кондукторъ...

Снарскій, путаясь въ своей медвѣжьей шубѣ, откупоривалъ бутылку, оффиціантъ изъ вокзальнаго буфета подставилъ подносъ со стаканчиками. Кучка провожающихъ толпилась у дверей вагона. Какіе-то любопытные нашлись среди общей суматохи.

— Ну вотъ! Слава Богу! Все устроено?—раздались голоса, когда Елена вышла изъ вагона.—Берите стаканъ!.. Уфъ, облился!.. Елена Сергѣевна!

— За отъѣзжающую!—провозгласилъ Снарскій, становясь въ позу съ поднятымъ стаканчикомъ шампанскаго.—За женщину, которая рѣшилась покинуть нашъ славный шумный Питеръ и своихъ многочисленныхъ поклонниковъ ради глухой деревушки и страждущей меньшой братіи нашей...

Раздался второй звонокъ. Снарскій хотѣлъ продолжать, но всѣ уже чокались съ Еленой, которая, напряженно, болѣзненно улыбаясь, расплескивала свой стаканъ.

— Ну, путь добрый! Путь добрый! Отъ всей души!..—говорилъ маленькій докторъ, сосредоточенный и взволнованный.

— Голубушка!—сквозь слезы сказала курсистка, обхвативъ одной рукой шею Елены и цѣлуя ее...—Спасибо!..

— Полноте,—отвѣтила Елена слабымъ, сдавленнымъ голосомъ, но въ эту минуту взглядъ ея встрѣтился съ холодными глазами блондинки въ черепаховомъ пенснэ, и ей показалось, что глаза эти насмѣшливо прищурились.

— Ну, выпью и я за вашъ подвигъ!—сказала блондинка, протягивая къ ней стаканъ, и въ ту минуту, какъ Елена, почти не глядя на нее, чокнулась съ нею, прибавила вполголоса:

— Мнѣ показалось, что Николай Гавриловичъ прошелъ по платформѣ! Онъ не провожаетъ?

Елена вспыхнула и поблѣднѣла.

— Не можетъ быть!—тихо проговорила она.

Кругомъ шла послѣдняя предъотъѣздная суета, прощанье, напоминанья, рукопожатія. Елена вошла уже на площадку вагона. Лица провожающихъ стояли передъ нею, какъ въ туманѣ, нѣсколько рукъ сразу тянулось къ ней еще и еще разъ. Курсистка глядѣла на нее восторженными, полными слезъ глазами, и дрожащія губы ея не могли произнести какихъ-то словъ. Маленькій взволнованный докторъ поймалъ и крѣпко трясъ ея руку. Краснощекій студентикъ, съ вѣчно короткими рукавами и озябшимъ лицомъ, старался выглянуть изъ-за махающаго шапкою Снарскаго. Раздался третій звонокъ, свистокъ...

— Не такое бы прощанье мы вамъ устроили, кабы вы, разбойница, не такъ...—крикнулъ Снарскій. Поѣздъ тронулся. Курсистка и студентикъ побѣжали по платформѣ, махая платками...

Еленѣ вдругъ показалось, что она не успѣла проститься съ ними, стало до слезъ жалко ихъ. „Никогда больше не увидимся", мелькнуло у нея. Что-то оторвалось отъ души, она покачнулась и, подавляя душившія ее рыданія, быстро вошла въ вагонъ.

II.

Здѣсь было тепло, почти жарко, и послѣ долгой дороги на извозчикѣ по морозу и послѣднихъ минутъ на вокзалѣ, среди общаго волненія, эта удушливая спертая жара охватила Елену, какъ внезапно подступившій сонъ. Не снимая ротонды и шапочки, осыпанныхъ брызгами растаявшаго снѣга, она устало опустилась на сѣрую пружинную скамью и на секунду закрыла горячія, измученныя бозсонницею глаза. Но сумбурная сцена торопливыхъ, неудавшихся проводовъ сейчасъ же тяжело всколыхнулась въ ней, и среди хаоса впечатлѣній мелькнули холодные сѣрые глаза за черепаховымъ пенснэ и эти, словно опалившія ее слова: «Кажется, Николай Гавриловичъ прошелъ по платформѣ». Что это? Она нарочно сказала? Чтобъ подразнить, испытать? Значитъ, догадалась?.. Или...—?

— Вы бы раздѣлись. Жарко въ вагонѣ,—ласково сказала старая дама, сидѣвшая на противоположномъ диванѣ. Елена только въ эту минуту замѣтила ее.

— Да, да, благодарю васъ,—сказала она, чувствуя безпокойство при мысли, что ей помѣшаютъ думать, и торопливо сбросила ротонду въ угоду этой ласковой дамѣ.

«Что это значитъ: прошелъ по платформѣ? Случайно? Или узналъ про ея отъѣздъ и хотѣлъ проводить...»

Сердце сжалось у Елены отъ боли при этой мысли. Уѣхать, не простившись—какой борьбы съ собой ей это стоило! За полъ часа до отъѣзда на вокзалъ она уже готова была отказаться отъ этой рѣшимости, отложить отъѣздъ на одинъ день, или хоть написать... Чуть на поѣздъ не опоздала изъ-за этихъ колебаній и попытокъ написать ему, сообщить о своемъ отъѣздѣ въ запискѣ. Ничего не выходило. Каждая написанная ею строка выдавала ея тайну или звучала натянуто и фальшиво. Нѣтъ, дѣйствительно, лучше было уѣхать, не простясь. А потомъ, когда она уже ѣхала по Невскому, все время мучилъ ее страхъ увидѣть его, и все вновь и вновь казалось, что вотъ—это его лицо мелькнуло въ встрѣчныхъ саняхъ или среди толпы на тротуарѣ.

— Насколько я поняла, вы въ деревню врачомъ ѣдете?— заговорила опять старая дама.

— Да, врачомъ.

— Далеко?

— Въ Ярославскую губернію.

— На земскую службу?

— Да.

— Такая молоденькая!.. И не боитесь вы?.. Вотъ ужъ, подлинно, наши русскія женщины!.. Дай вамъ Богъ силъ на этотъ подвигъ...

Елена молчала. Мучительно было слышать эти слова, также какъ и рѣчь Снарскаго, и все, что говорили ей передъ отъѣздомъ товарищи по больницѣ и немногіе знакомые, съ которыми она успѣла проститься. Стыдно было: словно она обманывала ихъ всѣхъ. Никто не понялъ. Одна эта Клавдія Андреевна, можетъ быть. Она рада! Она-то не уѣдетъ, она будетъ добиваться своего, хоть и разсуждала тогда, у нихъ на журъ-фиксѣ, что взаимная любовь сентиментально-смѣшна, что красива только гордая нераздѣленная любовь. Въ дѣйствительности она не задумается разбить эту семью, погубить эту маленькую Маню. Она только при немъ, изъ приличія, сдерживается, а за глаза ехидно называетъ ее «черной овечкой»; даже во время ея болѣзни говорила разныя словечки на ея счетъ... Словно она не видѣла, что тутъ и безъ того драма, неравенство, непониманіе... Чего же она хочетъ? Чтобы онъ прогналъ отъ себя эту безпомощную одинокую женщину, которая не перестаетъ плакать о своемъ ребенкѣ? Или...—?

И вдругъ Еленѣ представилось, что эта умная, недобрая дѣвушка уже добилась своего. Можетъ быть, оттого онъ и былъ такой странный, смущенный въ послѣднее время... Судорожная

боль ревности схватила душу Елены—той ревности, которая заставила ее недѣлю тому назадъ понять все безуміе своей любви и рѣшиться на этотъ отъѣздъ.

Все теперь ясно. Но какъ глупо и стыдно, что она не разобралась во всемъ этомъ съ самаго начала, что она даже собственнаго сердца не поняла... Первые дни ея любви ярко вспомнились ей, и этотъ глупый вопросъ, который вдругъ вспыхнулъ въ ней тогда среди жаркаго, радостнаго волненія: «Что это такое? Онъ любитъ? Я люблю?..» Стыдно и смѣшно...

Но отчего же при каждомъ свиданіи вновь и вновь вспыхивало въ ней это смутное, томительное и радостное ощущеніе? Даже потомъ, когда она ясно сознавала, куда завела бы ее эта любовь... И даже тогда, когда она уже все поняла, когда вмѣстѣ съ ревностью лихорадка страсти охватила ея душу, и она проклинала и самое себя, и эту Клавдію, способную отнять мужа у несчастной, страдающей женщины, и уже рѣшилась ѣхать—и тогда все еще дрожала въ ней минутами какая-то тайная надежда, и словно неразразившаяся гроза висѣла въ воздухѣ... Оттого такъ страшно трудно было уѣхать, особенно—уѣхать, не простясь. Безумно хотѣлось видѣть его, посмотрѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на него извѣстіе объ ея отъѣздѣ...

Поѣздъ остановился. Елена взглянула въ окно, по стеклу котораго морозъ уже раскидалъ легкіе прозрачные узоры. Какой-то занесенный снѣгомъ полустанокъ. За нимъ кладбище. Кто-то пробѣжалъ по деревянной платформѣ. Въ вагонѣ распахнулась дверь...

— Елена Сергѣевна!—громко, слегка задыхаясь, окликнулъ знакомый голосъ.

Елена вскочила, смертельно блѣдная, какъ пораженная внезапнымъ видѣніемъ: тотъ, о комъ она думала, стоялъ передъ нею.

— Пойдемте со мною. Скорѣе. Я васъ прошу,—проговорилъ онъ.—Скорѣе!

Елена ничего не понимала. Сердце тяжело колотилось у нея въ груди. Карамышевъ схватилъ ея ротонду.

— Въ сосѣдній вагонъ. Пока поѣздъ стоитъ.

Онъ набросилъ ротонду ей на плечи и быстро пошелъ къ выходу мимо удивленныхъ пассажировъ. Елена едва поспѣвала за нимъ. У нея нѣмѣли и дрожали колѣни. Она съ трудомъ перешла по маленькой скользкой площадкѣ, соединявшей вагоны. Карамышевъ, не оборачиваясь, прошелъ по узкому корридору и отворилъ дверь въ купэ.

— Сюда. Войдите пожалуйста. Я васъ прошу... Мнѣ нужно говорить съ вами...

Онъ продолжалъ задыхаться, какъ отъ быстрой ходьбы. Елена,

покачнувшись на ходу поѣзда, опустилась на мягкую красную скамью и, словно прячась, подвинулась въ полутемный уголъ. Каріе глаза Карамышева лихорадочно блестѣли передъ нею на поблѣднѣвшемъ, словно измѣнившемся лицѣ.

— Елена Сергѣевна! Я... испугалъ васъ? Простите! Но вѣдь вы... Мнѣ только сегодня сказали, случайно... За часъ до отхода поѣзда...

— Кто сказалъ?—глухо проговорила Елена, глядя передъ собой остановившимся взглядомъ.

— Кто? Не все ли равно!.. Ну, Клавдія Андреевна.

— Зачѣмъ она сказала?

Въ голосѣ ея прозвучалъ гнѣвъ, отчаяніе. Пристально устремленный на нее, серьезный, почти строгій взглядъ Карамышева словно выпытывалъ ея тайну. Ей было душно, больно въ груди.

— Зачѣмъ? Какъ зачѣмъ?.. Постойте я сброшу шубу, жарко. Я стоялъ на площадкѣ все время...—Онъ нервно отеръ платкомъ мокрые отъ инея усы и бороду и отшвырнулъ шапку.—Вы не ожидали?.. Почему вы такъ разстроены?.. Постойте, словъ совсѣмъ не нахожу... Или это одно недоразумѣніе?.. Почему вы такъ уѣхали? Не сказавъ?

Елена дышала все глубже и глубже.

— Почему вы рѣшились ѣхать?—повторилъ онъ тихо, наклоняясь къ ней съ противоположной скамейки и протягивая руки къ ея безсильно упавшимъ рукамъ. Онъ быстро пересѣлъ къ ней и продолжалъ говорить скоро, отрывисто, все тише и тише:

— Скажите правду, Елена Сергѣевна! Надо же объясниться, по крайней мѣрѣ! Неужели... Господи Боже мой!.. Неужели... неужели полюбить такъ страшно?

Елена сидѣла неподвижно, какъ бы не смѣя вѣрить тому, что звучало въ его взволнованномъ, нѣжно укоряющемъ и умоляющемъ голосѣ. Онъ схватилъ ея руку и крѣпко, до боли сжалъ ее. Вдругъ по ея лицу разлилась горячая краска. Она сдѣлала усиліе, чтобы взглянуть на него, но глаза ея налились слезами.

— Я не хотѣла, чтобы вы догадались!—прошептала она непослушными губами.

— Чтобъ я догадался? Какъ?.. Что вы говорите!.. Вы скрыть отъ меня думали?.. Зачѣмъ? И развѣ это возможно? Развѣ возможно, когда это такъ... Развѣ родныя души могутъ не полюбить другъ друга?.. Развѣ это такъ просто у насъ съ вами?.. Полноте, что вы говорите!

Елена слушала эти простыя, страстныя, убѣжденныя слова, и душа ея наполнялась чувствомъ безконечной близости къ нему. Она вспомнила о своихъ ревнивыхъ сомнѣніяхъ, и они показались ей такими мелкими, такими недостойными его.

— Я не знала!—тихо воскликнула она.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ, не выпуская ея руки.

— Я думала... совсѣмъ другое...—прибавила она, и рука ея задрожала въ его рукѣ и довѣрчиво сжала его пальцы.

— Милая!..—тихо сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.—Что вы могли думать?.. Вѣдь все такъ ясно было съ самаго начала!.. Клевещите вы на себя, что ли? Вѣдь я съ первыхъ же дней по вашимъ глазамъ видѣлъ, что вы все поняли... все положеніе вещей... всю эту мучительную драму...

— Я не о томъ!—быстро перебила Елена, и невольно отняла свою руку.

— Такъ что же тогда?—спросилъ онъ съ изумленіемъ, и замолчалъ.—Моя жена сказала вамъ, что я влюбленъ въ эту... въ эту переводчицу съ испанскаго, Клавдію?—спросилъ онъ вдругъ съ негодованіемъ, словно вспомнивъ что-то.—И вы повѣрили? Могли повѣрить?

— Нѣтъ, нѣтъ, она ничего мнѣ не говорила, клянусь вамъ!—воскликнула Елена и посмотрѣла прямо въ глаза ему широко открытыми глазами.—Ахъ, вы не знаете, какая я сумасшедшая!.. Если бы вы знали...

— Боже мой! И вы могли уѣхать, не объяснившись!—задумчиво сказалъ Карамышевъ.—Неужели вы настолько, настолько меня не поняли?

Въ словахъ его прозвучалъ грустный упрекъ.

— О, нѣтъ, не потому, что я васъ не понимаю!—порывисто отвѣтила Елена.—А потому... что когда любишь... такъ любишь... Господи, еслибъ вы только знали, какъ я мучилась!..

Онъ схватилъ ея руки, быстро поцѣловалъ ихъ и прижалъ къ своимъ глазамъ.

— Теперь все хорошо!—сказалъ онъ, помолчавъ.

Лицо его было серьезно и блѣдно, горячія вѣки слабо вздрагивали подъ ея пальцами.

— Ты не уѣдешь?—тихо спросилъ онъ.

Елена молчала. Ощущеніе его близости, его любви, здѣсь, въ этомъ уединеніи, вытѣснило всѣ мысли. Въ душѣ ея трепетало горячее, свѣтлое, робкое счастье.

— Ты не уѣдешь?—повторилъ онъ, опуская ея руки и глядя ей прямо въ глаза. Въ глубинѣ его прозрачно-карихъ глазъ Елена прочла грустную мысль и тревогу, которыя она такъ часто видѣла въ нихъ съ перваго же дня знакомства. И этотъ взглядъ напомнилъ ей всѣ настоящія, серьезныя причины ея отъѣзда. Но теперь все такъ измѣнилось и такъ несомнѣнно было ощущеніе его любви, что прежнія мысли о необходимости отъѣзда, всплывъ

въ сознаніи, казались безболѣзненными. Онѣ были ясны и отчетливы, эти мысли, но самая разлука стала какъ будто пустымъ словомъ.

— Развѣ я могу не ѣхать!—тихо выговорила она со свѣтлымъ лицомъ.

— Почему?

Взглядъ его и затуманился, и загорѣлся острою грустью.

— Вы сами знаете!—прошептала Елена. Его грусть сообщалась и ей.—Развѣ вы не думали обо всемъ этомъ?—прибавила она съ усиліемъ.

— Думалъ. Я знаю, что это ужасно сложно.

Грусть быстро разросталась въ душѣ, какъ темная туча, заслоняющая солнце. То, о чемъ нужно было еще и еще думать и говорить, было такъ сложно и такъ тяжело...

Наступило молчаніе. У Елены кружилась голова. Она встала и прислонилась горячимъ лбомъ къ оконному стеклу.

Въ купэ постепенно стемнѣло, и кондукторъ вставилъ въ фонарь зажженную свѣчу.

— Елена Сергѣевна!—окликнулъ Карамышевъ.

Елена обернулась.

— Сядьте. Поговоримъ, по крайней мѣрѣ,—продолжалъ онъ, и подвинулся, указывая ей мѣсто недалеко отъ себя.—Мнѣ о многомъ спросить васъ надо... Я былъ такъ ошеломленъ вашимъ отъѣздомъ. Вѣдь вы ничего не говорили о такомъ проектѣ.

— О такомъ проектѣ?—отозвалась Елена съ грустной усмѣшкой.—Да вѣдь раньше мнѣ и въ голову не приходило ничто подобное. Я такъ отвыкла отъ деревни. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Цюрихъ уѣхала, совсѣмъ не была въ деревнѣ. Признаюсь, мнѣ всегда казалось, что нужна какая-то особенная рѣшимость, чтобы поѣхать туда, на земскую службу. У меня бы на это геройства не хватило, если бы такъ... попросту. Оттого такъ скверно было на душѣ это время, особенно сегодня... Хорошо, что вы не видѣли! Эти проводы, фальшь... Вѣдь они всѣ подумали, что я... по убѣжденію ѣду.

— Елена Сергѣевна! Да развѣ же можно дѣлать такія вещи безъ убѣжденія, безъ призванія настоящаго?—почти строго сказалъ Карамышевъ.

— Безъ призванія?—сказала она, опустивъ голову.—Какъ же быть?.. Вѣдь въ этомъ смыслѣ я вообще... Какъ странно, что я никогда не говорила вамъ этого раньше, никому не говорила, хотя это мое вѣчное мученіе... Вѣдь я вообще... какъ бы это сказать?—не чувствую себя настоящимъ врачомъ! Я могу лѣчить, конечно, иногда и удачно, можетъ быть... потому что я училась, ну и отъ добросовѣстности многое зависитъ. Но я по-

стоянно чувствую, что для меня это не то, что я безсильна въ этой области, бездарна, если хотите. И потомъ... это такіе сложные вопросы, трудно такъ, наскоро высказать... Теперешняя медицина мнѣ кажется... мертвою, почти мертвою. И все, о чемъ я сама постоянно думаю, что меня интересуетъ, всѣ мои лучшія мысли идутъ совсѣмъ въ другомъ направленіи, не пригодны для моего дѣла. Иногда думается: что-жъ тѣло отъ смерти спасать, если душу нельзя спасти отъ смерти или отъ мученій ужасныхъ!..

— Я понимаю,—сказалъ Карамышевъ.

Елена поймала его свѣтящійся, вдумчивый взглядъ, и вдругъ просіяла.

— Ахъ, это счастье!—сказала она.—Это счастье, когда понимаютъ! Никогда я не могла говорить ни съ кѣмъ по настоящему. Мнѣ кажется иногда, если бы я не была такъ одинока, если бы не такъ трудно сходилась съ людьми, совсѣмъ другое было бы изъ меня, совсѣмъ другое! Такъ—я ничто. Можетъ быть, это потому, что я женщина.

— Нѣтъ, Елена Сергѣевна, не потому только. Вѣдь и я тоже...—совсѣмъ оживать сталъ въ послѣднее время. Не подъ силу одиночество. Мысли стынутъ, пересыхаютъ какъ-то. Можетъ быть, и есть люди, которымъ это не такъ важно. Но мнѣ кажется, что способность къ одиночеству не въ нашемъ, не въ русскомъ характерѣ. Намъ въ одиночествѣ жутко. Очень ужъ глухо у насъ, если нѣтъ близкихъ людей. Точно какая-то снѣжная пустыня кругомъ. Словно одинъ въ полѣ остался, и мятель тебя заноситъ...

Елена молчала.

— Вы не должны уѣзжать!—заговорилъ опять Карамышевъ съ горячностью.—Вѣдь вы сами сказали... Развѣ вы вынесете при такихъ условіяхъ?.. Да нѣтъ, и не въ этомъ только суть. А просто... вы же знаете теперь, какъ вы мнѣ нужны! Вѣдь нѣтъ оправданія вашему отъѣзду!.. Даже если такъ разсуждать — не съ личной точки зрѣнія только, не говоря уже объ этомъ,—вѣдь въ Петербургѣ вы настоящее дѣло сдѣлали бы, со мной вмѣстѣ сдѣлали бы. Разрѣшить страшный, назрѣвшій вопросъ помогли бы мнѣ, свой умъ, свою совѣсть въ это внесли бы... Помните, я заговорилъ съ вами тогда объ этомъ проклятомъ вопросѣ — объ моей фабрикѣ. Вѣдь нельзя этого такъ оставить или заняться жалкими компромиссиками. Вѣдь хорошо теоретически разсуждать объ этомъ тѣмъ, которые вдали отъ этого стоятъ или которые не чувствуютъ, какъ слѣдуютъ. Но если судьба въ самый центръ этого безобразія поставила, и видишь, и чувствуешь это... и жутко, и гадко на самого себя становится!.. Тутъ вѣдь всю свою жизнь надо перевернуть, самого себя вглубь и вширь измѣрить, всѣ силы собрать—и рѣшить, и сдѣлать что-нибудь, настоя-

щее что-нибудь, чтобы не остаться жалкимъ пошлякомъ передъ самимъ собою. Или вы не вѣрите, что я настоящій человѣкъ?

— Вѣрю!—сказала Елена, и взглядъ ея загорѣлся.

— А если вѣрите, Елена, такъ зачѣмъ же тогда... зачѣмъ вамъ ѣхать въ эту глушь, гдѣ вы будете чужими знаніями орудовать, а не своею душою, и сами застынете постепенно? Помните, мы говорили о томъ, что такое подвигъ и что такое мученичество? Такъ вѣдь и въ такомъ смыслѣ не подвигъ это, то, что вы теперь сдѣлать рѣшились... Не подвигъ бѣжать отъ меня потому только, что я женатъ...

— Но какъ же тогда?—проговорила Елена, вспыхнувъ.

— Я не знаю, Елена Сергѣевна! Я не знаю еще въ эту минуту! Я знаю только, что дольше тянуть эту мою жизнь, по старому, я все-равно не могу... Слишкомъ измучился...

— Сколько лѣтъ вы женаты?—быстро перебила Елена.

— Вы развѣ не знаете? Три года. Какимъ страннымъ тономъ вы это спросили! Вы словно упрекаете меня. Но вѣдь нужно знать, какъ все это сложилось...

— А! все-равно, все-равно, какъ это сложилось!—заговорила Елена съ гнѣвнымъ отчаяніемъ. — Такъ недавно!.. И неужели вы тогда?...

— Не зналъ, что дѣлаю? Зналъ, конечно, не мальчикъ былъ! То-есть зналъ и не зналъ. Теперь долго разсказывать. И тяжело. Тяжело, что оправдываться передъ вами приходится, когда чувствуешь, что и нельзя, можетъ быть, оправдаться, — теперь, когда всѣ ошибки такъ ясны стали и все такъ осложнилось! Прежде просто казалось. Я не думалъ, не вѣрилъ, что любовь опять придетъ—настоящая, глубокая, спасающая... Она одинока была,—отецъ у нея умеръ тогда, никого не осталось. Молода была. Воспитать ее надѣялся, сдѣлать изъ нея развитого человѣка, здороваго, молодого товарища себѣ. Усталъ жить съ изломанными современными людьми... Долго разсказывать, вы не знаете моего прошлаго. Позорнаго въ немъ не было,—муки много было, безнадежной, безплодной муки. Новую жизнь хотѣлъ начать...

— И что же?—перебила опять Елена.

— Что же? Пустяки изъ виду упустилъ! Забылъ, что по мѣрѣ того, какъ она развиваться будетъ, я тоже пойду впередъ, можетъ быть, скорѣе, чѣмъ она. Въ обществѣ ребенка еще сильнѣе чувствуешь свое одиночество. До поры до времени это ничего. Но когда душа и голова ломятся отъ серьезныхъ вопросовъ, когда стоишь на распутьѣ, и нужно, можетъ быть, всю жизнь перевернуть...—ужасно! за одну банальную фразу можно возненавидѣть въ иную минуту...

— Но вѣдь она не виновата!—робко сказала Елена.

— Нѣтъ, не виновата, конечно. Развѣ я виню?.. Но оставить все по старому, жить съ ней вмѣстѣ, при этомъ вѣчномъ взаимномъ непониманіи... и теперь, теперь!.. когда вся душа, все существо... Я думалъ объ этомъ, — тихо продолжалъ Карамышевъ, помолчавъ,—ночи напролетъ думалъ послѣднее время... Ничего сказать вамъ не смѣлъ, пока не рѣшу. Но вѣдь надо же на что-нибудь рѣшиться, если... если не могу я безъ васъ жить!..

Елена низко склонила голову и закрыла лицо руками. Она едва слышала его слова. Она собирала послѣднія силы, стараясь удержать ускользающіе образы грустной живой дѣйствительности. Все зависѣло теперь отъ нея самой.

— Нѣтъ!—сказала она вдругъ, уронивъ на колѣни руки и широко раскрывъ глаза.—Нѣтъ, нѣтъ!.. О Боже мой!.. Куда же она тогда?.. Вѣдь у нея нѣтъ никого... Нѣтъ, никогда бы я не могла, никогда!.. Вѣдь когда я думала, что эта Клавдія...— я осуждала ее!.. И потомъ... я лѣчила... я и познакомилась то изъ-за этого... я бы и не знала васъ...

— Это случайность!—глухо проговорилъ Карамышевъ.

— Нѣтъ! Все-равно! Черезъ нее... перейти...—отстранить... Нѣтъ!.. Я бы не нашла себѣ покоя... Я бы свою душу потеряла. Вѣчная тоска была бы, вѣчная, вѣчная...

Карамышевъ молчалъ.

— Вы какъ будто думаете, что счастье у нея отнимаете!— сказалъ онъ, наконецъ, съ горечью. — Развѣ такъ, какъ теперь, ей хорошо?

— Постарайтесь что-нибудь сдѣлать для нея!—грустно, почти умоляюще отвѣтила Елена.

— Сдѣлать? Боже мой! Что тутъ можно сдѣлать? Вѣдь ей любовь моя нужна. Въ ней женщина проснулась. Я хотѣлъ человѣка въ ней разбудить, а разбудилъ только женщину. Ей теперь ребенокъ былъ бы всего нужнѣе... Ахъ, зачѣмъ я вамъ это говорю! Вы сами это поняли... Но вы не поняли, не видите, на что вы меня обрекаете, уѣзжая отъ меня...—на какое одиночество... и на какое безсиліе...

— Вы не должны быть безсильны! Вы должны...

— А! долженъ! Боже ты мой, конечно, долженъ! Перевернуть всю жизнь надо, нерѣшенные вопросы рѣшить... Легко сказать! Когда ни одной живой души не видишь подлѣ себя! Я васъ о помощи прошу, а вы...

— Николай Гавриловичъ!—перебила его Елена съ внезапно просвѣтлѣвшимъ лицомъ. — Такъ развѣ же я... Вѣдь я сама ничего не знаю! Вѣдь я отъ васъ перваго услышала о многомъ... Вѣдь я только слушать могла, когда вы говорили!

— Но какъ слушать! Въ этомъ-то и дѣло. Или вы не понимаете, что это значитъ для мужчины? Вѣдь я въ вашихъ глазахъ самъ себя впервые увидѣлъ, впервые по настоящему мыслямъ своимъ вѣрить сталъ... Потому что я вѣрю имъ, вашимъ глазамъ, Елена, душѣ вашей, совѣсти вашей вѣрю....

Онъ протянулъ къ ней руки, быстро всталъ и, опустившись подлѣ нея, съ неожиданною силою привлекъ ее къ себѣ. Елена отшатнулась, взглянула испуганными, широко раскрытыми глазами въ его глаза и вдругъ, обхвативъ руками его голову, прижала сомкнутыя губы къ его горячимъ губамъ.

Все забылось. Ничто не противилось въ ней больше. Вся ея душа шла навстрѣчу его стремительнымъ поцѣлуямъ, разносившимъ по тѣлу жгучую радость. Теперь она чувствовала, что это хорошо, что такъ надо... Пальцы ея дрожали на его волосахъ, и сердце тихо смѣялось. „Вѣдь это ты, ты!“—хотѣла она сказать, чувствуя потребность выразить словами то безконечное довѣріе, съ какимъ она прижималась къ нему и искала его поцѣлуевъ. Но эти слова прозвучали нѣжнымъ голосомъ только внутри нея, она ничего не сказала... Она вдругъ замерла, потому что, схвативъ ея руку, онъ до боли стиснулъ ее и слегка отстранилъ отъ себя. Лицо его поблѣднѣло...

Елена взглянула на него—судорога страсти пробѣжала и по ея сердцу. Она вскочила.

— Что это!—проговорила она, задыхаясь.—Нельзя!..

Онъ молча смотрѣлъ на нее, словно не понимая.

— Нельзя! Нельзя!—громко проговорила она.—Вѣдь я же ѣду. Вѣдь я уже сказала. Я не хочу... Мнѣ страшно!..

Лицо его сразу измѣнилось. Взглядъ померкъ.

— Полноте, что вы говорите, Елена!—сказалъ онъ съ тихимъ упрекомъ.—Развѣ я... насильно!

— Ахъ, нѣтъ!—воскликнула Елена,—протянула къ нему руки, но сейчасъ же быстро подняла ихъ и стиснула свою горящую голову.—Простите меня!—быстро и страстно заговорила она, стараясь устоять противъ той силы, которая опять влекла ее къ нему.—Простите меня! Я сама не помню, что говорю. Я только знаю, что разстаться нужно... сейчасъ же, сейчасъ. Потому что у меня въ головѣ путаться начинаетъ. Я сейчасъ забуду—забуду все, что думала объ этомъ. Вѣдь мы же рѣшили! Вѣдь нѣтъ другого спасенья. Я не могу иначе... Я васъ прошу—сейчасъ...

Она смотрѣла ему въ лицо умоляющими сумасшедшими глазами.

— Почему сейчасъ?—спросилъ Карамышевъ глухимъ голосомъ.—Мы еще не поговорили, какъ слѣдуетъ.

— Нѣтъ, вѣдь все ясно! Мнѣ все ясно. Я бы зарѣзалась, если бы... если бы осталась. Я не могла бы забыть объ ней... я бы... Я не хочу отнимать васъ у нея,—я же сказала!.. Какъ это мучительно, что поѣздъ идетъ...

— Поѣздъ сейчасъ остановится. Я могу уйти, если вы этого требуете,—сказалъ Карамышевъ. Онъ порывисто всталъ и надѣлъ шубу.

Елена закрыла глаза. Ей казалось, что она сейчасъ лишится сознанія.

— Мы могли бы остаться друзьями!—услышала она тихій голосъ Карамышева.

Она взглянула на него, хотѣла что-то сказать, но губы ея дрожали. Она отрицательно качнула головой.

— Почему нѣтъ?—сказалъ Карамышевъ тѣмъ же тихимъ тономъ.—Неужели полное одиночество лучше для васъ и для меня?..

Елена опять качнула головой.

— Почему?—настойчиво спросилъ онъ.—Развѣ вы... моему самообладанію не довѣряете?

Елена сдѣлала какое-то протестующее движеніе: „своему самообладанію не довѣряю", хотѣла она сказать, но у нея вырвался только отрывистый, стонущій вздохъ. — Это была бы мука!—тихо выговорила она, наконецъ.—И... самообманъ!

Поѣздъ засвистѣлъ и сталъ замедлять ходъ.

Теперь ей показалось, что она должна что-то объяснить ему, что между ними осталось недоразумѣніе, что онъ не понялъ всей силы и муки ея любви, что онъ оскорбленъ и уже не любитъ ее такъ, какъ нѣсколько минутъ тому назадъ..

Но поѣздъ былъ уже у станціи.

— Я ухожу,—съ усиліемъ выговорилъ Карамышевъ..

Елена опустила лицо на руки. Онъ подошелъ и склонился надъ нею.

— Я не могу вѣрить, что мы разстанемся,—заговорилъ онъ, торопясь.—Теперь—это ваше рѣшеніе, но вѣдь... вы напишете мнѣ?

На платформѣ раздался звонокъ.

— Идите! вскрикнула Елена.

— Вы будете писать мнѣ?—повторилъ онъ, уже распахнувъ дверь въ корридоръ вагона.

Ужасъ вѣчной разлуки сжалъ ея сердце, судорога безсильнаго негодованія на судьбу и злого отчаянія:

— Нѣтъ!—крикнула она на его вопросъ и выбѣжала за нимъ на площадку вагона.

— Идите, вы простудитесь!—быстро и глухо проговорилъ онъ, поцѣловавъ ея руку, и въ ту секунду, когда раздался свистокъ

кондуктора, внезапно обернулся, нѣсколько разъ поцѣловалъ ея лицо и на ходу поѣзда спрыгнулъ на платформу...

Елена шатаясь вернулась въ пустое купэ, задернула за собой дверь нетвердой рукою и бросилась внизъ лицомъ на длинную бархатную скамью.

III.

... Что это было? Сонъ?

Елена приподнялась: передъ ней стоялъ кондукторъ и что-то спрашивалъ.

Ей показалось, что все пережитое, на минуту задернувшееся тяжелымъ, недолгимъ забытьемъ, просто пригрезилось ей. Но она была въ томъ же купэ, куда онъ привелъ ее и откуда ушелъ, и мысль, что это былъ не сонъ, а правда, въ первое мгновеніе охватила ее счастьемъ.

— Господинъ вамъ билета на купэ не оставили?—вѣжливо сказалъ кондукторъ.

— Нѣтъ!—отвѣтила Елена, вспыхнувъ.—У меня билетъ второго класса. Я перейду.

— Все равно. Можете и остаться, ежели желаете. Билетъ былъ до Бологова,—сказалъ кондукторъ.—Такъ что мы васъ не побезпокоимъ. Вещи, можетъ быть, перенести прикажете?

— Да пожалуйста,—съ нѣкоторымъ смущеніемъ сказала Елена, и объяснила, гдѣ найти ея вещи.

Ей не хотѣлось уходить изъ этого купэ. Мысль, что оно было взято имъ для нея на такое большое разстояніе, отозвалась въ ея сердцѣ грустью и теплотою. Она чувствовала себя здѣсь словно подъ его покровительствомъ.

Кондукторъ принесъ ея вещи. Она размѣстила ихъ и легла на диванъ. Лицо ея горѣло, вѣки отяжелѣли. Измученная душа хотѣла отдаться покою. Она закрыла глаза, но вдругъ содрогнулась и вся затрепетала, словно онъ вновь обжегъ ее поцѣлуемъ. Она старалась вспомнить все, что было, все, что онъ говорилъ, но воспоминанія путались,—все сливалось въ волнующее сознаніе и ощущеніе его любви. „Ахъ, если бы я знала!“ думала она. Муки предыдущихъ дней казались ей напрасными.

Но вдругъ она приподнялась, какъ бы вновь просыпаясь: она ѣдетъ, да, вѣдь она ѣдетъ—въ эту даль, въ неизвѣстное глухое мѣстечко, и она не вернется больше. Она ясно сознавала это, и все-таки не вѣрила... Но вѣдь его уже больше нѣтъ съ нею! Все уже кончено. Она сама сказала, сама требовала, чтобы онъ ушелъ скорѣе. Она могла бы еще побыть съ нимъ, и тогда, можетъ быть, все повернулось бы иначе... Непонятнымъ казалось

ей теперь, какъ она могла съ нимъ разстаться, ускорить эту разлуку. Теперь у нея не хватило бы воли. Она сама словно чувствовала въ ту минуту, что черезъ полъ-часа разлука станетъ непосильной. Когда неожиданное счастье раскрывается передъ человѣкомъ, все кажется ему легко, онъ на все готовъ, готовъ даже отречься отъ этого счастья, словно не понимаетъ, что это значитъ—лишиться его... А теперь поздно... Онъ просилъ ее остаться, онъ говорилъ, что она нужна ему, что онъ одинъ безъ нея! И у нея хватило духу отказаться, отказать ему? Непонятно!..

Елена съ трудомъ приподняла и положила на горячій лобъ свои оледенѣвшія руки. Все ея тѣло было теперь какъ бы сковано. Голова казалась пустой и тяжелой. „Кажется, я заболѣваю", подумала она, не имѣя силъ вернуться къ настоящимъ своимъ мыслямъ. Ей хотѣлось вновь вызвать въ себѣ то жгучее и радостное содроганіе, которое она испытывала нѣкоторое время тому назадъ при воспоминаніи о его поцѣлуяхъ, но она уже не могла себѣ больше представить, какъ это было и дѣйствительно ли это было. Сознаніе туманилось дремотой...

Вдругъ въ воображеніи ея отчетливо прозвучалъ его взволнованный, трепетный голосъ: „...Неужели полюбить такъ страшно?.." Сердце ея дрогнуло. Да, такъ сказалъ онъ ей, раскрывая сразу и свое, и ея чувство, сразу отбросивъ всѣ преграды, стоявшія между ними... Глаза ея подернулись слезами. Онъ понялъ, онъ догадался, что она полюбила его. Она старалась скрыть и не смогла! Смущеніе, похожее на стыдъ, шевельнулось въ ней: вѣдь она думала, что онъ ее не любитъ, и все-таки выдала свою тайну. Но этотъ стыдъ сейчасъ же перешелъ въ радостное довѣріе къ нему, и ей хотѣлось вновь прижаться къ нему и спрятать свое лицо на его груди. Вѣдь это ничего, что она выдала свою тайну: онъ любилъ ее.

„А если и другіе догадались?" вдругъ подумала она, и поблѣднѣла. Все сразу воскресло въ памяти, всѣ муки послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, все, что заставило ее рѣшиться на разлуку. Маленькая хорошенькая женщина съ заплаканными и недоумѣвающими глазами стояла передъ нею. Первыя впечатлѣнія отъ нея—во время ея родовъ, потомъ во время смерти этого жалкаго, недоношеннаго ребенка,—вновь ожили въ ея душѣ.

Вотъ оно—то живое, безспорное, неустранимое, что стояло между ними съ самаго начала! Непонятно даже было теперь, какъ могла въ ней зародиться любовь при такихъ условіяхъ, какъ она не задушила въ себѣ эту любовь съ первой же минуты. Но какъ и когда это случилось? Развѣ можно уловить, остановить! И развѣ можно не любить, когда вдругъ почувствовалъ эту

близость, когда ощутилъ въ человѣкѣ что-то такое, что выдѣляетъ его изъ всѣхъ людей въ мірѣ, чего, быть можетъ, никто не ощутилъ въ немъ, чего онъ, можетъ быть, самъ въ себѣ не знаетъ, но что дѣлаетъ его внезапно такимъ необходимымъ нашей душѣ...

Елена видѣла передъ собою это дорогое лицо, эти прозрачные каріе глаза, всегда задумчивые, то грустные, то безпокойные. Съ перваго же раза она поняла, что онъ страдаетъ. Теперь, послѣ сегодняшняго разговора, все стало ей ясно: и его отношеніе къ женѣ, и его трудно осуществимыя стремленія. Одинъ коротенькій разговоръ съ нимъ, въ присутствіи жены и этой, влюбленной въ него Клавдіи Андреевны, вспомнился ей. Онъ говорилъ съ волненіемъ, съ какимъ-то раздраженіемъ—тогда она не поняла, къ кому относится это раздраженіе, теперь ей стало ясно, что онъ раздражался на жену, которая не сочувствовала его мыслямъ. Онъ говорилъ: „Это несчастье—получить фабрику въ наслѣдство. Наше положеніе хуже, чѣмъ положеніе порядочныхъ помѣщиковъ до освобожденія: тѣ могли отпустить на волю своихъ крестьянъ; при нашихъ условіяхъ, у насъ, теперь все будетъ палліативомъ, если не рѣшиться на полное разореніе!..“ Онъ не выслушалъ возраженія жены, всталъ, вышелъ въ свой кабинетъ, принесъ оттуда нѣсколько англійскихъ книжекъ и положилъ ихъ на столъ. Клавдія Андреевна стала перелистывать ихъ и сдѣлала какія-то замѣчанія объ авторахъ, въ то время, какъ она, Елена, могла разсматривать только прелестные оригинальные переплеты этихъ книгъ. Онъ догадался, что она не читаетъ по-англійски. „Жаль, я хотѣлъ предложить вамъ одну новую книжку о Моррисѣ“, прибавилъ онъ. Тогда это задѣло ея самолюбіе, теперь ей было почти пріятно сознавать, что онъ знаетъ гораздо больше ея... „Идите, не простудитесь“, вспомнились ей вдругъ его прощальныя слова, и ощущеніе его нѣжной заботливости, прозвучавшей въ этихъ словахъ, горячей волной пробѣжало по сердцу... Милый!—воскликнула она и испугалась собственнаго голоса: ей показалось, что она бредитъ.

„Я, кажется, два дня ничего не ѣла“, подумала она. „Скоро, должно быть, большая станція...“

У нея кружилась голова. Она сѣла у самаго окна и приложила лобъ къ холодному стеклу. Ничего не было видно въ небольшой прозрачный промежутокъ окна, затянутаго по краямъ пушистымъ инеемъ: черный мракъ спустился на равнины. И только огненныя искры, летѣвшія изъ локомотива, быстро, быстро проносясь мимо, казались то огненными проволоками, то цѣлыми снопами огненныхъ колосьевъ.

— Сейчасъ Бологое, сударыня!—сказалъ кондукторъ, отворивъ дверь.

Елена вскочила.

Послѣдніе три часа прошли въ мучительной полу-дремотѣ. Все тѣло ея онѣмѣло и словно заснуло отъ усталости, вѣки тяжело сомкнулись. Но сознаніе не засыпало и безсильно возвращалось къ одной и той же мысли, не доводя ее до конца: если бы они объяснились раньше, если бы она могла свободно обдумать этотъ вопросъ объ отъѣздѣ... Воображеніе начинало рисовать ей возможность счастья, тревожнаго, украденнаго у судьбы счастья... Но вѣдь это счастье не могло продолжаться, оно было бы отравлено, она перестала бы уважать себя, значитъ...—И Елена начинала искать въ себѣ новаго мужества, новой рѣшимости на разлуку, какъ если бы разлука еще не совершилась...

Поѣздъ подошелъ къ ярко освѣщенной станціи. За окномъ послышался гулъ голосовъ, шарканье ногъ по каменному дебаркадеру, въ вагонахъ захлопали двери.

Нужно было уйти отсюда, позвать носильщика, ждать на вокзалѣ другого поѣзда, который повезетъ ее по новому, неизвѣстному пути. Какъ трудно все это было, какъ смутно представлялось, что она точно должна это сдѣлать: ни разу еще съ тѣхъ поръ, какъ она рѣшилась уѣхать, не представляла она себѣ ясно того мѣста, куда ѣдетъ. Глушь, сугробы снѣга, чужіе темные люди—что-то въ родѣ ссылки, медленнаго умиранія ждало ее тамъ. На это она рѣшилась, не видя для себя никакого другого спасенія отъ обидныхъ мукъ безнадежной любви. Но теперь...

Ей хотѣлось бы не выходить изъ этого теплаго краснаго купэ, остаться здѣсь, ѣхать прямо, какъ она ѣздила по этой дорогѣ въ дѣтствѣ, въ подмосковное имѣніе отца, ѣхать, отдавшись движенію этого поѣзда, не дѣлать никакихъ усилій, только думать, думать... Какъ это тяжело, что жизнь не ждетъ, что ничего нельзя обдумать до конца, на свободѣ, въ покоѣ,—всегда приходится раньше рѣшать, дѣлать, чѣмъ понять какъ слѣдуетъ, что нужно, что лучше...

„Надо же, наконецъ, идти", сказала себѣ Елена, держась за ручку двери и глядя прямо передъ собою: знакомый милый обликъ неуловимой тѣнью мелькнулъ въ покидаемомъ купэ. Быть можетъ, въ новыхъ чужихъ мѣстахъ, гдѣ онъ никогда не былъ, воображеніе не сможетъ представить его...

Елена сдѣлала усиліе надъ собой и вышла. Шумная, суетливая, чуждая душѣ жизнь большого вокзала схватила ее, грубо оборвавъ всѣ ея настроенія и недодуманныя мысли.

Въ большой дамской комнатѣ, куда Елена велѣла перенести свои вещи и гдѣ ей приходилось провести болѣе двухъ часовъ въ ожиданіи поѣзда перекрестной дороги, было безпорядочно и тѣсно. На диванахъ спали дѣти. Елена вышла было въ буфетный залъ, но шедшій на Москву поѣздъ еще не отошелъ,— суета закусывающихъ пассажировъ и лакеевъ, блескъ канделябровъ на столахъ,—все это показалось ей невыносимымъ. Ей хотѣлось забиться въ какой-нибудь темный уголъ, и, вернувшись въ дамскую, она пріютилась на неудобномъ креслѣ у стола...

Крикъ локомотива и гулъ уходящаго поѣзда заставилъ ее съ испугомъ открыть глаза.

— Какой это поѣздъ ушелъ?—спросила она, оборачиваясь къ сидѣвшей подлѣ нея дамѣ.

— Поѣздъ? Да на Москву! Вѣдь вы, кажется, съ нимъ и пріѣхали.

— Ахъ, этотъ!.. Отошелъ?..

Что-то снова оторвалось въ душѣ.

— А вы что же? Въ Рыбинскъ?—спросила дама.

— Нѣтъ, до Родіонова,—сухо отвѣтила Елена.

— Вы что же—постоянно тамъ живете? Или погостить?— бойко и словоохотливо продолжала дама.

— Нѣтъ. Я... служить тамъ буду!—сказала Елена, сердясь на себя за то, что не нашла отвѣта, который прекратилъ бы дальнѣйшіе разспросы.

— Служить? Кѣмъ же? Телеграфисткой?

— Земскимъ врачомъ.

— Врачо-омъ!—протянула дама, и съ любопытствомъ стала разсматривать платье Елены.—Гдѣ же? На самой станціи?

— Нѣтъ, въ селѣ... За шестьдесятъ верстъ... Извините меня, я очень устала,—прибавила она и откинула голову на спинку кресла.

Говорившая съ нею дама сейчасъ же обратилась къ другой, хилой и утомленной дамѣ, сидѣвшей на диванѣ подлѣ спящаго ребенка, и съ оживленіемъ заговорила, продолжая прерванный разговоръ:

— Нѣтъ, знаете, я держусь такого правила: мужу спуска не давать. Зазнаются они, негодяи. Вѣдь что ни говорите—негодяи! Правда, мой мужъ большой добрякъ, но иногда тоже заберетъ себѣ что-нибудь въ голову. Я когда въ Петербургъ вздумала съѣздить, а онъ говоритъ: не ѣзди... Конечно, взяла да и уѣхала! А передъ тѣмъ сцену ему хорошенькую!..

— Да вѣдь не всегда тоже можно! Все-таки—мужъ!—нерѣшительно возразила другая дама.—Хоть и тиранъ, а все-таки мужъ...

Елена сидѣла, полузакрывъ глаза, и слушала этотъ женскій

разговоръ съ горькой усмѣшкой въ душѣ. Вотъ она жизнь, настоящая обывательская жизнь, съ мѣщанской откровенностью при всякой встрѣчѣ, съ мѣщанскимъ самодовольствомъ или мѣщанской покорностью! Съ дѣтства были ей невыносимы всѣ эти женскіе разговоры. Какъ она уважала свою мать за то, что она была такъ непохожа на своихъ многочисленныхъ родственницъ и разныхъ барынь, со своими обстриженными волосами и простымъ чернымъ платьемъ. Она и ей часто говорила въ дѣтствѣ: „Будь лучше похожа на мальчишку,—только не на дѣвчонокъ...“ Твердый, низкій голосъ покойной матери ясно прозвучалъ въ ея воспоминаніи... О, если бы она была похожа на свою мать! Насколько проще, насколько легче была бы для нея жизнь. Она бы не тяготилась такъ своимъ одиночествомъ, какъ мать не тяготилась имъ, ее бы не томила вѣчная жажда любви. О, мучительная, постоянно звенящая въ душѣ мечта о прекрасной, неизмѣнной, настоящей любви, о настоящемъ человѣкѣ! Всю жизнь она ждала такой любви, такого человѣка... И нашла, наконецъ, нашла свое счастье,—то самое, что она искала, во что вѣрила...

„Нѣтъ, нѣтъ, я не уйду отъ тебя, я не могу уйти“,—думала она, и слова ея обращались къ нему въ какомъ-то воображаемомъ письмѣ, въ которомъ она изливала всю душу. „Ты сказалъ мнѣ, что я нужна тебѣ, что я душѣ твоей нужна, что я должна помочь тебѣ. Вѣдь ты настоящій подвигъ совершить хочешь... Развѣ я могу уйти? И зачѣмъ?.. Чтобы погибнуть въ одиночествѣ? Потому что настоящее мое дѣло — подлѣ тебя, настоящее мое дѣло можетъ быть только тамъ, гдѣ я понимаю и люблю... И вѣдь это такое рѣдкое счастье, чтобы встрѣтились два человѣка, дѣйствительно понимающихъ другъ друга...“

Маленькій ребенокъ, спавшій на колѣняхъ у няньки, громко заплакалъ. Въ набитой женщинами комнатѣ было нестерпимо душно. Въ углу храпѣла, положивъ голову на узелъ, какая-то толстая баба. Одна изъ болтавшихъ передъ тѣмъ дамъ задремала, безобразно свѣсивъ впередъ голову.

Свѣтлая мечта, витавшая надъ затихшею душою, сразу разсѣялась. „Вѣдь я сказала ему, что все кончено“, подумала вдругъ Елена, „что я даже писать ему не буду... Неужели даже писать не буду, когда такъ хочется написать?..“

Она закрыла руками глаза, чтобы не видѣть того, что было въ этой чужой противной комнатѣ.

„...Ну, а если я напишу ему?“ спросила она себя. „Если я напишу, что я передумала?..“ Но въ ту же минуту ей ясно представилась вся его жизнь, его жена, вся ихъ обстановка. Нѣтъ, этого нельзя написать туда! Можно только просто написать, по-дружески. Вѣдь онъ сказалъ: будемъ друзьями...

Ребенокъ продолжалъ жалобно плакать, терзая нервы и душу.

„...Друзьями!—повторила Елена, чувствуя, что она рѣшаетъ въ эту минуту нѣчто безконечно важное и серьезное...—Друзьями!.. Почему я сказала ему тогда—нѣтъ? Ахъ да, потому, что онъ сказалъ: не уѣзжайте! потому что онъ говорилъ о дружбѣ—не въ письмахъ только. Постоянно видѣться, быть подлѣ и не смѣть подойти!..“ Горячая волна крови поднялась въ груди ея и разлилась краской по лицу. Страстные поцѣлуи снова ожили на губахъ, руки дрогнули, сжимаясь въ объятія...

„Нѣтъ, я не способна была бы на такую дружбу,—произнесла она про себя.—Я не могла бы, нѣтъ, я слишкомъ женщина. Я любви хочу, если любить нельзя, лучше разстаться, навсегда разстаться...“ Ей показалось, что все кругомъ темнѣетъ, холодѣетъ. Въ эту минуту она поняла, что въ душѣ ея все еще жила какая-то лукавая надежда.

„Но дружба на разстояніи, въ разлукѣ?—спросила она себя, цѣпляясь за предыдущую мысль.—Дружба, простая дружба?—И вдругъ съ ожесточеніемъ, съ отчаяніемъ произнесла:—Нѣтъ! Къ чему?.. Не надо!.. Все или ничего. Если любить нельзя, ничего не надо. Такъ легче! Все-равно жизнь кончена, сломана. Онъ женатъ... женился... не любя, женился, свою жизнь разбилъ, мою жизнь разбилъ... Ничего не надо!.. Съ ума можно сойти, если не рѣшить этого какъ-нибудь... Кончено! Теперь все кончено...“

И вся душа ея вдругъ затихла и застыла. Она поднялась, посмотрѣла на часы и вышла въ залу позвать носильщика. Скоро долженъ былъ подойти поѣздъ.

IV.

Большой роскошный кабинетъ съ многочисленными книжными полками и зеленымъ бронзовымъ Гермесомъ на высокомъ темномъ постаментѣ у окна... Елена хорошо знаетъ, гдѣ она: это квартира Карамышевыхъ, это его кабинетъ. Но невысокій старикъ въ бархатномъ пиджакѣ, мягко и быстро прохаживающійся передъ ней по комнатѣ,—это ея покойный отецъ. „Это надо понимать!—говоритъ онъ, останавливаясь передъ нею.—Это надо понимать! Но ты поймешь меня лучше, чѣмъ другія. Россія—это вотъ! Другой Россіи я не знаю и знать не хочу...“ И онъ протягиваетъ ей книжку въ англійскомъ матерчатомъ переплетѣ. Но взявъ книжку въ руки, Елена видитъ, что это ея старый затрепанный Пушкинъ. Отецъ беретъ его и, раскрывъ, начинаетъ что-то читать, мѣрно и раздѣльно, но вдругъ обры-

ваетъ чтеніе и, поднявъ кверху свой тонкій сухой палецъ съ длиннымъ полированнымъ ногтемъ, говоритъ: „Ты слышишь, что тутъ есть ритмъ: та-рамъ, та-рамъ! та-рамъ, та-рамъ...“.

Вдругъ все сбилось. Елена открыла глаза. Долгій, словно испуганный, тоскующій и зовущій крикъ локомотива разбудилъ ее. Она не сразу поняла, гдѣ она и что съ нею. Была ночь. Фонарикъ слабо просвѣчивалъ сквозь зеленую занавѣску. Поѣздъ шелъ неторопливымъ, ровнымъ ходомъ съ мѣрнымъ постукиваніемъ колесъ. Въ сосѣднемъ отдѣленіи, за невысокой стѣнкою, слышенъ былъ разговоръ: Голоса звучали спокойно и самодовольно, какъ у чужихъ, случайно встрѣтившихся людей, которые на время стали пріятны другъ другу и беззаботно и безцѣльно разсказываютъ о себѣ разныя разности, впадая минутами въ легкую рисовку.

Елена вслушивалась нѣсколько минутъ, словно сквозь сонъ, въ этотъ негромкій разговоръ, и вдругъ сообразила, гдѣ она. Разбудившій ее и давно уже замолкшій крикъ локомотива отдался въ ея душѣ тоскою душевнаго разрыва и одиночества. Но казалось, что давно уже совершился этотъ разрывъ, и только старая, не вполнѣ затянувшаяся рана на минуту больно заныла въ душѣ...

Но вотъ боль уже затихла, все расплылось въ чувствѣ глубокой усталости, а въ воображеніи опять пронесся оборвавшійся сонъ: покойный отецъ, черезчуръ мѣрно читающій Пушкина... „Почему это вдругъ Пушкина?“ подумала Елена, но сейчасъ же вспомнила, какъ она укладывалась передъ отъѣздомъ—кажется, уже столько времени съ тѣхъ поръ прошло!—и, сидя на полу, у ящика съ книгами, развернула Пушкина и прочла наугадъ нѣсколько стиховъ; и потомъ два стиха долго и мучительно-непроизвольно повторялись въ ней... Что это было? Ахъ да! Опять они заговорили, запѣли своими горячими тонами и красками:

Горитъ ли раскаленный день,
Свѣжѣетъ ли ночная тѣнь...

Откуда это? Какая-то знойная южная страна описывается... Ей показалось, что отецъ читалъ во снѣ эти самые стихи, и она подумала:—Это подходитъ къ отцу, я всегда представляю его себѣ на югѣ, подъ солнцемъ, среди какого-то большого прекраснаго города съ башнями и мраморными дворцами...

И она стала думать о давно умершемъ отцѣ, котораго она видѣла только въ дѣтствѣ, до того, какъ онъ разошелся съ матерью и уѣхалъ въ Италію. Мать не любила говорить о немъ: какое-то смѣшанное съ горечью презрѣніе къ нему чувствовалось въ ея отзывахъ о немъ, а бракъ свой она назвала однажды глупостью. Но они были такіе различные люди—отецъ и мать! Она

называла его не серьезнымъ человѣкомъ, мотомъ и эгоистомъ и осуждала его праздную жизнь въ Италіи. Можетъ быть, онъ и дѣйствительно былъ мотомъ и эгоистомъ, но Елена съ дѣтства тайно сочувствовала его увлеченіямъ и склонности къ широкой жизни и огорчала мать пристрастіемъ къ красивымъ бездѣлушкамъ, которыя онъ иногда присылалъ ей. Попасть къ нему въ Италію, повидать его ей такъ и не удалось. Но она часто думала о немъ, представляя себѣ при этомъ не лицо его, не голосъ, а его письма, которыя она нашла и перечла послѣ смерти матери. Онъ садился иногда писать женѣ по дѣлу,—и заговаривалъ объ оперѣ, объ Италіи, объ искусствѣ, и тогда писалъ длинно и восторженно, то поднимающимися кверху, то падающими строками неровнаго старческаго почерка, съ невѣрно разставленными запятыми, съ такими плохими оборотами рѣчи, что казалось иногда непонятнымъ, какъ могъ писать такимъ образомъ просвѣщенный человѣкъ, страстный любитель и извѣстный знатокъ живописи. Быть можетъ, онъ уже сталъ забывать русскій языкъ...

Въ сосѣднемъ отдѣленіи вагона, за стѣнкою, раздался смѣхъ. Елена словно вторично очнулась отъ сна и, увидѣвъ на противоположномъ диванѣ чужія вещи, вспомнила болтливаго господина, который сѣлъ съ нею вмѣстѣ въ Бологомъ. Это его голосъ раздается теперь за стѣною. Съ нею разговоръ не склеился, а ему непремѣнно нужно говорить! Не успѣли они сѣсть въ вагонъ, какъ онъ присталъ къ ней съ разспросами, и какъ это глупо, что она и отъ него не съумѣла отдѣлаться и сказала ему правду,—что она ѣдетъ служить земскимъ врачомъ. Никогда она не умѣла солгать и не рѣшалась оборвать разспросы! Какая глупая слабость: боишься обидѣть человѣка и запутываешься этимъ въ какое-то ненужное общеніе съ нимъ, а потомъ становится такъ гадко на душѣ! Вѣдь своей, настоящей правды все равно не скажешь. И съ этимъ господиномъ вышла та же противная фальшь, которая окружала ее все послѣднее время, съ тѣхъ поръ, какъ она рѣшилась ѣхать. И онъ твердилъ: подвигъ! подвигъ! и при этомъ заговаривалъ объ ея молодости, объ ея наружности, объ ея прелестныхъ золотистыхъ волосахъ. Сколько разъ уже слышала она эти комплименты въ какой-то особенной связи съ тѣмъ, что она врачъ. Словно это какая-то особенная заслуга—быть врачомъ, имѣя хорошіе волосы! И всегда становилось гадко и стыдно,—стыдно за эту человѣческую пошлость, и за себя, за то, что она какъ будто незаслуженно пользуется этою честью — называться врачомъ. Вѣдь давно уже созналась она себѣ въ томъ, что она не настоящій врачъ, что она сдѣлала ошибку, когда пошла по этому пути. Пошла потому, что съ дѣт-

ства—подъ вліяніемъ матери отчасти—мечтала о независимости, о самостоятельной дѣятельности, а главное потому, что самую медицину и роль врача совсѣмъ невѣрно себѣ представляла: шире, глубже, могущественнѣе. Казалось, что это ключъ, открывающій двери въ тайники человѣческой жизни, человѣческихъ страданій. Казалось, что врачъ, настоящій врачъ, съ любящею душою и свѣтлымъ умомъ, несетъ съ собою исцѣленіе не однимъ только физическимъ недугамъ, но и всему злу земному. Какъ тихій ангелъ, входитъ онъ въ домъ и залечиваетъ раны, и укрѣпляетъ души, и просвѣтляетъ умъ мудрымъ словомъ, овладѣваетъ сердцами спасенныхъ имъ людей и указываетъ имъ новые пути въ жизни. Свѣтъ любви и разума льется отъ него во всѣ стороны, всѣ глаза обращены на него съ благодарностью, съ восторгомъ и обожаніемъ... Фантазіи! Фантазіи мечтательнаго ребенка, не знающаго границы своимъ силамъ и способностямъ, не имѣющаго понятія о томъ, какъ ограничены и безпомощны даже тѣ, которыхъ называютъ сильными и великими! Фантазіи того возраста, когда сердце вѣрило и въ возможность спасти родъ человѣческій, и въ сказочнаго принца, который придетъ на помощь этимъ стремленіямъ со своею безмѣрною любовью и со своими неистощимыми богатствами; когда въ безсонныя, волнуемыя грезами ночи легко писались стихи, и такими прекрасными, такими выразительными казались эти столь несовершенные собственные стихи!.. Давно разсѣялись эти фантазіи, ничего не осталось отъ прежней вѣры въ собственныя силы. Былъ даже моментъ, когда хотѣлось все бросить, искать чего-то другого: чувствовать себя безсильнымъ каждую минуту, быть посредственностью въ своемъ дѣлѣ, хоть и добросовѣстной посредственностью,—какая это мука, какая тоска!.. Если нельзя по настоящему,—такъ, какъ мечталось,—не надо вовсе, ничего не надо! Все бросить, остановиться!.. А жизнь дѣлала свое дѣло: тихо тащила впередъ по немилой, но уже проложенной дорогѣ, какъ этотъ поѣздъ, который, не торопясь, мѣрно гремя и постукивая колесами, катится въ темную даль...

Елена лежала, вытянувшись на длинной скамьѣ, укутавшись до подбородка теплой ротондой: ее немножко лихорадило. Мысли тихо качались въ головѣ, и далекою отъ нея казалась вся ея собственная жизнь, всѣ недавнія волненія, муки и судороги разлуки. Иногда мысли словно болѣзненно встряхивались въ головѣ и обрывались. Она приподнималась на локтѣ и начинала прислушиваться къ неумолкающему разговору за стѣнкою, къ звукамъ на станціи во время остановки. Но скоро она уставала, легкая дремота застилала сознаніе, и опять пѣлись въ головѣ ни къ чему больше не относящіеся пушкинскіе стихи:

Горятъ ли раскаленный день,
Свѣжѣетъ ли ночная тѣнь...

И больно становилось въ глазахъ отъ жаркаго свѣта, и внезапный холодъ пробѣгалъ по спинѣ... «Я такъ устала!» проговорила про себя Елена, словно жалуясь кому-то—„Женщина!" отвѣтилъ докторъ Снарскій тѣмъ же галантно-насмѣшливымъ тономъ, какъ говорилъ съ ней всегда, даже на платформѣ передъ отъѣздомъ, и громко засмѣялся... Ахъ, это тамъ, въ сосѣднемъ отдѣленіи смѣются,—догадалась Елена, открывая глаза. Но образъ этого разсмѣявшагося незнакомаго господина почему-то сливался съ образомъ Снарскаго. Что-то общее есть между ними, и что-то такое мучительно-несносное... Да! Это противное слово и у того, и у другого: подвигъ! «Зачѣмъ они говорятъ это слово,—подумала она съ раздраженіемъ.—Вѣдь они сами не вѣрятъ... въ меня не вѣрятъ, и вообще... Вѣдь они не вѣрятъ въ то, что это бываетъ: развѣ такіе люди понимаютъ, что такое подвигъ?..»

И вдругъ посторонніе, навязчивые образы разступились, мысль очистилась отъ тумановъ, что-то серьезное, тихое, дорогое заговорило въ душѣ. Передъ глазами встало милое лицо,—и такъ отчетливо, такъ ясно. Радость и боль на минуту перемѣшались въ сердцѣ, потомъ боль затихла... Одинъ давній уже разговоръ съ Карамышевымъ вспомнился ей: онъ говорилъ о подвигѣ... По какому поводу онъ говорилъ это? Не вспомнить, да и не все ли равно, по какому поводу. То, что онъ говорилъ, было нужно и важно ей теперь, и безконечно утѣшительно было думать, что нашелся таки человѣкъ, который понимаетъ эти вещи и думаетъ о нихъ, для котораго это не пустыя слова, а суть и смыслъ жизни. И она съ жаднымъ вниманіемъ вслушивалась въ эти слова, не умѣя уже различить, изъ его ли души, или изъ ея собственной они теперь звучали. Подвигъ, — тихо говорилъ серьезный, глубокій голосъ,—подвигъ—это безконечно дорогое намъ дѣло, до того дорогое, что самое трудное въ немъ кажется легкимъ. Въ немъ и муки похожи на восторгъ, и напряженіе кажется блаженствомъ. Подвигъ — это радостное усиліе, воплощающее нашу мечту, подъемъ духовныхъ силъ, пробившихся на свою настоящую дорогу. Подвигъ это не то, что мученичество,—пассивное, хотя и утончающее душу страданіе. Только здоровыя свѣтлыя натуры ищутъ подвига и понимаютъ, что это такое. Подвигъ—это творчество, это созиданіе, это обновленіе нашего истерзаннаго міра. Страданія сами по себѣ уродливы,—подвигъ прекрасенъ...

Елена приподнялась. Свѣтлая мечта опять трепетала въ ней: найти свой настоящій путь, ссвершить подвигъ. Никогда

не умирала въ ней эта мечта, никогда не хотѣла она отдаться во власть сѣрой случайной жизни. Широкія фантазіи юности разсѣялись, вѣра въ свои дарованія исчезла, но сердце не переставало жаждать подвига. И теперь, послѣ того, какъ все уже казалось ей безнадежно разбитымъ, опять оживала эта мечта, эта потребность духа. «Можетъ быть, я могу что-нибудь?» пронеслось у нея внутри съ надеждою и тревогою... «Но что же? Что же именно?"

Ничто не шевелилось въ отвѣтъ на это въ ея воображеніи: будущее стояло передъ глазами въ какомъ-то тоскливомъ сумракѣ, какъ тусклый, чуть брезжущій зимній разсвѣтъ, глядѣвшій въ окно... «Нѣтъ, я ничего не могу,—подумала Елена, и опять душа ея болѣзненно сжалась.—Тамъ, въ одиночествѣ, съ какими то чужими людьми... нѣтъ! Я только тогда могу что-нибудь, когда я люблю, для того, кого люблю...»

Теперь ей было ясно, что только этимъ она жила послѣдніе годы: надеждою на любовь, на подвигъ любви къ настоящему человѣку. Мечта о великомъ общечеловѣческомъ подвигѣ умерла, и она знала, что никакой сказочный принцъ не придетъ къ ней на помощь и не поможетъ исполнить эту неисполнимую задачу. Но найти настоящаго человѣка, который знаетъ куда идти, полюбить его, ощутить и понять его во всякую минуту, отдать всю свою жизнь ему въ помощь, всю жизнь, всю кровь свою, всѣ силы свои—вотъ какой подвигъ ей мерещился... Это, конечно, „по-женски"; и товарки ея, женщины-врачи, вѣроятно, посмѣялись бы надъ нею, если бы узнали; да и многіе въ обществѣ. Теперь вѣдь это считается постыднымъ—отдаться личной любви, любви къ одному человѣку. Хорошъ подвигъ—женская любовь! Долгъ требуетъ отречься отъ всего личнаго, отдаться на служеніе людямъ... Ахъ, въ этомъ часто такъ много лицемѣрія и такъ много самолюбія! Не все ли равно: самому ли сдѣлать, или другому помочь сдѣлать что-нибудь высокое. Въ одиночествѣ такъ трудно, иногда невозможно...

Вдругъ ослѣпительная, рѣжущая мысль пронеслась въ душѣ Елены: слова Карамышева объ одиночествѣ вспоминались ей, его мольбы не уходить, помочь ему душевно, остаться его другомъ... «Другомъ его остаться!—повторила она, какъ бы впервые увидѣвъ весь смыслъ этихъ словъ. — Любить его, понимать его, поддержать его духомъ, хоть издали поддержать! А я сказала: не надо, не могу... Сказала: лучше сразу порвать, такъ легче... Легче! Какъ будто бы въ этомъ дѣло, какъ будто бы..."

Краска стыда и боли заливала ея лицо, сердце билось частыми, тупыми ударами... «Легче!.. Оборвать все самое дорогое,

затоптать въ себѣ душу свою человѣческую, святыню свою, вмѣсто того, чтобы только отъ порывовъ страстнаго чувства отказаться, отъ соблазновъ счастливой любви! Порвать, оттолкнуть, обречь на одиночество и себя, и его—вмѣсто того, чтобы побороть себя и горѣть, страдая и радуясь, неизмѣнной, безкорыстной любовью... О, какая слѣпота, какая позорная, малодушная женская слабость!..»

Горячія слезы брызнули у нея изъ глазъ; она бросилась лицомъ на подушку и дала волю этимъ слезамъ. Грудь разрывалась отъ рыданій и муки. И вдругъ словно что-то проломилось въ глубинѣ ея существа—какое-то дно ея души распалось: чувство тихаго, яснаго простора прошло по сердцу... Она закрыла глаза, и скоро глубокій, ровный сонъ окуталъ ее своею тьмою.

V.

— Далеко еще?—спросила Елена.

— Нѣ. Теперь не далече. Верстъ съ десятокъ будетъ, не болѣ,—отвѣтилъ ямщикъ и, обернувшись, лукаво и ласково взглянулъ на нее изъ-подъ запушенныхъ инеемъ бровей и рѣсницъ.— Смерзли?

— Нѣтъ, теперь ничего. На послѣдней станціи отогрѣлась.

Ямщикъ хлеснулъ двухъ своихъ лошадокъ. Сани тихо поскрипывали по промерзлой дорогѣ, врѣзавшейся въ пухлые снѣга, сверкающіе подъ яснымъ, блѣднымъ, холоднымъ небомъ. «Въ самомъ дѣлѣ, теперь какъ будто не такъ холодно», подумала Елена.

Уже нѣсколько часовъ, какъ она ѣхала въ этихъ небольшихъ саняхъ, съ этимъ добродушнымъ ямщикомъ, который старательно укутывалъ ее на станціяхъ и ласково журилъ за неподходящую для деревни одёжу. День былъ солнечный и тихій, но заповдавшій крещенскій морозъ нестерпимо рѣзалъ лицо, леденилъ члены, стѣснялъ дыханіе, слѣпилъ непривыкшіе къ широкому снѣжному блеску глаза. Все существо Елены съежилось и закоченѣло. Какой-то бѣлый сонъ сковалъ ея душу, и только одна маленькая точка—слабо свѣтящееся сознаніе—жила въ ней, слѣдя за болью холода то въ лицѣ, то въ конечностяхъ. Безжизненными, безразличными видѣніями неслись ей навстрѣчу бѣлыя равнины, отяжелѣвшіе подъ инеемъ хвойные лѣса, какая-то подслѣповатая сторожка, придавленная снѣжными сугробами; бѣловато-лиловый дымъ лѣниво ползъ изъ ея трубы и клонился къ крышѣ; черная ворона каркала на деревѣ, отряхая снѣгъ съ

омертвѣвшей вѣтки. Сани ныряли по ухабамъ... Опять тянулись заиндѣвѣвшіе лѣса и жиденькіе, прозрачные перелѣски. Опять открывались снѣжныя равнины, не разобрать—поля, луга или замерзшія болота. Торчавшіе изъ-подъ сугробовъ прутья и тонкія сухія былинки чуть-чуть покачивались отъ слабаго, но рѣжущаго лицо вѣтерка, и по искрящейся ледянистой корѣ снѣговъ струился матовый порошистый налетъ.

Теперь солнце склонялось уже къ закату. Снѣжные бугры свѣтились желто-розовыми отливами, голубоватыя тѣни разливались въ долахъ, и заячьи слѣды на снѣгу темнѣли издали, какъ чернильныя пятна. Глазамъ было уже не такъ больно отъ свѣта. Елена посмотрѣла кругомъ, и въ ушахъ ея слабо зазвенѣло. Страннымъ и неожиданнымъ показалось ей все кругомъ, какъ будто она только что пришла въ себя или какъ будто она впервые сознала, что̀ видитъ во снѣ. И прошедшее, и будущее были далеко за горизонтомъ. Ничего живого кругомъ, ничего знакомаго. Ямщикъ, должно быть, дремалъ, примостившись на поклажѣ, сгорбившись и покачиваясь впередъ головою... Вокругъ стояла глубокая бездыханная тишина, и казалось, что никогда еще отъ сотворенія міра не нарушалась эта тишина живымъ человѣческимъ голосомъ, никогда еще земля не освобождалась здѣсь отъ этого мертвящаго, пухлаго, бѣлаго покрова и не цвѣла лѣтними цвѣтами.

Давнее, совсѣмъ заглохшее воспоминаніе шевельнулось въ душѣ Елены: что-то подобное она уже испытывала или думала когда-то. И вдругъ стало ясно, когда именно: когда она возвращалась изъ-заграницы и послѣ пестрыхъ картинъ ранней южной весны вдругъ увидѣла себя среди нерастаявшихъ снѣговъ своей спящей, глухо-молчаливой Россіи. Тихо, спокойно шелъ поѣздъ съ полупустыми вагонами, подолгу останавливаясь на мертвыхъ станціяхъ; и такъ же, какъ теперь, молчали непривѣтливыя, скудныя равнины; и бѣдныя деревушки, придавленныя снѣгомъ, темнѣли издали, какъ муравейники,—и трудно было представить себѣ, что въ нихъ живутъ люди... Тоска защемила сердце, жалкимъ, маленькимъ, безсильнымъ показался человѣкъ со своими стремленіями...

И теперь мысль остаться одинокою въ этихъ мѣстахъ обдала Елену испугомъ и внутреннимъ холодомъ. Что можно сдѣлать тутъ, даже и не съ ея силами, въ этой снѣжной пустынѣ? Кому и какъ можно помочь въ этихъ жалкихъ, грязныхъ, темныхъ муравейникахъ? Ей показалось это невозможнымъ, какъ невозможно растопить своимъ дыханіемъ эти безбрежные снѣга или разогнать тьму спускающейся ночи.

А ночь спускалась. Солнце закатилось, розовые отливы на снѣгу и въ туманахъ горизонга погасли, небо потеряло краски и казалось пустымъ. Снѣжныя равнины въ сизомъ сумракѣ стали какъ будто еще холоднѣе. Замѣтный вѣтерокъ подулъ навстрѣчу и тихо засипѣлъ, пробираясь подъ платокъ, мимо ушей, и больно рѣзнулъ лицо. Какъ страшно здѣсь, должно быть, во время мятели,—подумала Елена, и слова Карамышева вспомнились ей: „Жутко въ одиночествѣ, очень ужъ глухо кругомъ, словно одинъ въ полѣ остался, и мятель тебя заноситъ...“

Внезапно послѣдняя полоса мыслей—все передуманное этою ночью—ожило въ ея сознаніи:—Да вѣдь я же знаю теперь: я могу писать ему! — сказала она, и сердце ея дрогнуло и расширилось отъ глубокаго вздоха.

Будущее стало понемногу проясняться передъ нею. Да, жить здѣсь, въ этой глуши, въ одиночествѣ, но писать ему; знать все, что онъ дѣлаетъ тамъ, въ Петербургѣ, гдѣ творится новая жизнь для всей этой необъятной земли; любить, не видя его и ничего не говоря о своей любви, но издали благословляя и согрѣвая его своею вѣрою, своимъ восторгомъ передъ его высокими мыслями и стремленіями... Теперь это не казалось уже труднымъ. Теперь въ этомъ была безконечная отрада, какое-то скорбное счастье. Вѣдь и онъ любитъ меня, — думала Елена, и вмѣстѣ съ живою болью разлуки въ сердцѣ загоралось радостное сознаніе духовной неразлучимости. Она уже не чувствовала себя одиноко затерянною среди этихъ темныхъ полянъ: его образъ былъ съ нею, его душа... Что-то соединяло ихъ черезъ всѣ эти огромныя пространства, черезъ эти пустынныя равнины и спящіе лѣса... Елена раздвинула платокъ, укутывавшій голову и лицо, вдохнула чистый холодный воздухъ и подняла голову. Въ глубокой густой синевѣ совсѣмъ потемнѣвшаго неба уже сіяли звѣзды и созвѣздія, все тѣ же, съ дѣтства знакомыя, отовсюду видныя... Глухія новыя мѣста перестали казаться такими чужими и мрачными: высокое, далекое, но родное небо было надъ ними.

Вдругъ вдали засвѣтился красноватый огонекъ человѣческаго жилья,—другой, третій. Что-то робкое и теплое было въ этихъ огняхъ, прорѣзывающихъ сквозь маленькія окошечки тьму холодной ночи, что-то трепетное и зовущее...

— Ну вотъ, и пріѣхали, слава Богу,—сказалъ оборачиваясь ямщикъ.—Довезъ свою барыню, не заморозилъ!

— Пріѣхали?—тихо воскликнула Елена, и голосъ ея дрогнулъ отъ внезапно подступившихъ теплыхъ слезъ. Огни этого занесеннаго снѣгомъ села пробудили въ ней нѣжную жалость. Ей показалось, что она наклеветала на кого-то, думая объ этихъ бѣд-

ныхъ деревняхъ, какъ о грязныхъ муравейникахъ,—объ этихъ спящихъ зимнихъ поляхъ, какъ о мертвой снѣжной пустынѣ: слабая, чуть-чуть копошившаяся жизнь была здѣсь и звала на помощь...

Сухая горечь, глодавшая сердце въ дни тяжелыхъ мукъ, безслѣдно исчезла. Горячая любовь къ людямъ, къ слабымъ, покинутымъ и страдающимъ, заливала душу. Вспомнилась вдругъ почему-то курсистка, плакавшая при прощаньѣ съ нею на вокзалѣ, и ея братъ, краснощекій студентикъ съ вѣчно короткими рукавами. Вспомнилась маленькая, хорошенькая женщина, рыдавшая надъ своимъ мертвымъ ребенкомъ,—женщина, изъ-за которой она уѣхала сюда... „Я и ей напишу, такъ лучше будетъ!—подумала Елена, и изъ глазъ ея лились теплыя слезы.—Вѣдь тутъ нѣтъ фальши, вѣдь я уѣхала... А дружба, дружба съ нимъ,—развѣ она кому-нибудь мѣшаетъ?... И развѣ можно отнять ее у людей?..."

Во дворахъ залаяли собаки. Сани, поскрипывая по укатанному снѣгу улицы, въѣхали въ село.

Л. Гуревичъ.

МЕТТЕРНИХЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

(Историческій очеркъ).

I.

Обыкновенно мы оцѣниваемъ историческія личности съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: общечеловѣческой и частной. Въ первомъ случаѣ мы разсматриваемъ, насколько ихъ дѣятельность являлась полезной для прогресса, способствовала совершенствованію общественныхъ и политическихъ формъ и приблизила насъ къ искони намѣченной просвѣщеннымъ человѣчествомъ великой цѣли сближенія людей. Если приложимъ этотъ первый критерій къ Меттерниху, отвѣтъ будетъ вполнѣ отрицательный. Исторія уже давно произнесла свой неумолимый приговоръ надъ знаменитымъ австрійскимъ канцлеромъ; надѣлавшая такъ много шуму «система Меттерниха» была сметена вихремъ событій еще при жизни ея создателя.

Другая точка зрѣнія—смотрѣть на историческія личности не съ высоты общечеловѣческаго идеала, а съ высоты цѣли, которой они задаются. Эта цѣль можетъ не совпадать съ общечеловѣческой, можетъ даже ей противорѣчить, какъ это было съ Меттернихомъ, но если эти личности для ея достиженія проявили большое искусство, умѣнье и постоянство, они вполнѣ заслуживаютъ, конечно, не нашихъ симпатій, а наше удивленіе. Въ этомъ смыслѣ личность и дѣятельность Меттерниха представляла и будетъ всегда представлять глубокій историческій и психологическій интересъ.

Очевидно, обыкновеннымъ человѣкомъ не былъ тотъ, кто въ теченіе тридцати восьми лѣтъ съумѣлъ не только сохранить прежнее вліяніе такого шаткаго государства, какъ Австрія, но и сдѣлаться фактическимъ руководителемъ политики всей Европы.

Для своихъ современниковъ Меттернихъ былъ психологической загадкой. Онъ принадлежалъ къ категоріи людей, обладающихъ «двумя я», или, какъ онъ самъ выражается, «о внутреннемъ мірѣ которыхъ нельзя было судить по ихъ внѣшнимъ дѣйствіямъ» *). Въ обществѣ

*) Mémoires, documents et ecrits divers laissés par le prince de Metternich chan-

онъ являлся человѣкомъ съ утонченными манерами свѣтскаго сеньора XVIII столѣтія, ровный, спокойный съ холодной маской на лицѣ, освѣщенный однообразной самодовольной улыбкой, смущавшей не одного проницательнаго наблюдателя.

«Моя біографія, составленная Капефигомъ»,—пишетъ Меттернихъ, «очень мало похожа на меня. Выходитъ, что у художниковъ пера я также не пользуюсь успѣхомъ, какъ и у художниковъ карандаша и красокъ, и что такъ же трудно схватить мой нравственный обликъ, какъ и мои физическія черты».

Теперешніе біографы въ этомъ отношеніи счастливѣе своихъ предшественниковъ. Они не только избавлены отъ естественной склонности къ преувеличиванію, которою отличались живо затронутые современники Меттерниха, но и располагаютъ громаднымъ историческимъ матеріаломъ, неизвѣстнымъ послѣднимъ и бросающимъ яркій свѣтъ на личность и политику австрійскаго канцлера.

Центральное мѣсто среди этихъ матеріаловъ занимаютъ мемуары самого Меттерниха, изданные въ восьмидесятыхъ годахъ его наслѣдниками и содержащіе, кромѣ замѣтокъ автобіографическаго характера, большую часть его личной и дипломатической переписки.

Несомнѣнно, Меттернихъ старался въ своей автобіографіи выставить себя въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, умалчивая о множествѣ фактовъ, ложно освѣщая другіе, но есть одна сторона, которую онъ не могъ скрыть, это свою психологію, свой образъ мысли и чувствъ.

Въ душѣ всякаго человѣка имѣется какая-нибудь центральная идея, якорь, брошенный въ бездну нашего внутренняго міра, съ которой крѣпкой цѣпью причинности связаны его помышленія и дѣйствія. Такимъ основнымъ мотивомъ психики Меттерниха является его колоссальное, доходившее до чудовищныхъ размѣровъ, самомнѣніе и естественно отсюда проистекающая самоувѣренность. Онъ увѣренъ, что только онъ одинъ все знаетъ, все предвидитъ. Ему было двадцать лѣтъ, когда случайно онъ посѣтилъ англійскій дворъ и сейчасъ же выступилъ въ роли наставника, по отношенію наслѣдника престола, который принималъ сторону парламентской оппозиціи. «Молодость мнѣ мѣшала,—пишетъ Меттернихъ,—выразить принцу мое неодобреніе его поведенію, но все-таки я нашелъ случай высказаться ему объ этомъ, что онъ мнѣ припомнилъ тридцать лѣтъ спустя, прибавляя: «Вы тогда были вполнѣ правы». Годъ послѣ этого, Меттернихъ ѣдетъ въ Вѣну, гдѣ тоже замѣчаетъ, «что управленіе страной ведется не такъ, какъ

---

celier de cour et d'état publiés par son fils, le prince Richard de Metternich. Paris 1881, t. III, p. 337.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ постоянно пользоваться этимъ важнѣйшимъ для біографіи Меттерниха документомъ, почему во избѣжаніе повтореній не будемъ дѣлать на него постоянныхъ сносокъ.

слѣдовало бы... но скромность мнѣ не позволяла,—пишетъ онъ,—обвинять въ неспособности людей, поставленныхъ во главѣ правительства».

Проявившееся уже въ юномъ возрастѣ самомнѣніе еще больше разросталось и укрѣплялось, послѣ его дипломатическихъ успѣховъ. Онъ ставитъ себя выше Ришилье, Мазарини, а о своихъ «болѣе или менѣе знаменитыхъ современникахъ», какъ Таллейранъ, Каннингъ, Каподистрія, выражался съ видимымъ презрѣніемъ. Ихъ политику онъ считаетъ «политикой эгоизма, своеволія, мелкаго тщеславія, политикой, которая ищетъ только выгоду и попираетъ самые элементарные законы справедливости, насмѣхаясь надъ данной клятвой, однимъ словомъ, политикой, разсчитывающей на силу и на ловкость».

Абсолютная увѣренность въ своемъ нравственномъ и умственномъ превосходствѣ сказывается въ его дневникѣ и въ его частныхъ письмахъ, гдѣ онъ расточаетъ похвалы по своему собственному адресу: «Моя душа отличается историческимъ чутьемъ, что помогаетъ мнѣ переносить трудности настоящаго,—пишетъ онъ съ лайбахскаго конгресса 7-го февраля 1821 года.—Я всегда имѣю передъ глазами будущее и увѣренъ, что могу меньше ошибиться на его счетъ, чѣмъ на счетъ настоящаго. Никогда въ исторіи, можетъ быть, не было такого печальнаго изобилія мелкихъ личностей, *дѣлающихъ глупости*, какъ теперь. Господи! Какой стыдъ для насъ всѣхъ будетъ... въ день второго пришествія... А этотъ день наступитъ. Но, можетъ быть, тогда найдется честный человѣкъ, который откопаетъ мое имя и откроетъ міру, что все-таки и въ этомъ дальнемъ прошломъ жилъ человѣкъ, менѣе ограниченный многихъ своихъ современниковъ, воображавшихъ, что они находятся въ апогеѣ цивилизаціи». «Самое курьезное въ нашемъ положеніи,—пишетъ онъ годъ спустя послѣ конгресса,—что никто въ точности не знаетъ, какъ ему добиться своей цѣли. Что касается меня, я знаю, что хочу и что другіе *могутъ сдѣлать*. Я вооруженъ съ ногъ до головы; шпага моя обнажена, перо очинено, мои идеи ясны и свѣтлы, какъ хрустальная вода чистаго источника». «Если бы я могъ дѣйствовать одинъ,—писалъ онъ въ 1825 году по поводу греческаго движенія,—я обязался бы придти къ быстрому и хорошему рѣшенію, ибо въ спорѣ, насъ занимающемъ, весь свѣтъ ошибается, исключая меня одного».

Мы ограничиваемся этими цитатами, но такимъ же чувствомъ проникнута вся его переписка. Послѣ мартовской революціи 1848 года, такъ жестоко подшутившей надъ даромъ предвидѣнія его одаренной «историческимъ чутьемъ» души, можно было ожидать, что онъ, наконецъ, сознается въ своихъ ошибкахъ. Но вѣра въ своей непогрѣшимость была у него такъ тверда и непоколебима, что онъ возлагалъ отвѣтственность за мартовскія событія на всѣхъ другихъ, но только не на себя, фактическаго правителя Австріи въ теченіе тридцати

восьми лѣтъ. «Никогда заблужденіе не касалось моего разума»,—говорилъ онъ Гизо въ Брюсселѣ, гдѣ искалъ убѣжища отъ гнѣва вѣнскаго народа *).

Два года спустя онъ такъ же выразился и Тьеру: «Я никогда не отдалялся отъ непреложнаго пути моихъ принциповъ».

Ни Гизо, ни Тьеръ, какого бы мнѣнія они о себѣ ни были, не претендовали на папскую непогрѣшимость. «Вы очень счастливы,—отвѣтилъ Меттерниху Гизо,—что касается меня, то я нерѣдко ошибался». «Вотъ разница между нами обоими,—замѣтилъ Тьеръ,—вы не мѣняли своихъ принциповъ, а я ихъ часто мѣнялъ!»

Въ дѣйствительности, Меттерниху легко было не измѣнять своимъ принципамъ, ибо ихъ у него не было, если не считать таковымъ его крайній и дѣйствительно послѣдовательный консерватизмъ — защиту старины во что бы то ни стало. Но для этого не нужно имѣть принциповъ, а только умъ, недоступный пониманію духа времени. «Il n'y a que l'homme absurde qui ne change pas», говорятъ французы и въ этомъ смыслѣ Меттернихъ былъ поистинѣ «нелѣпымъ» человѣкомъ. Онъ обладалъ необыкновенно глубокой проницательностью относительно людей, но не понималъ идей, которыми были проникнуты эти люди; за частнымъ онъ не видѣлъ общаго.

Нигдѣ такъ хорошо не видна духовная нищета Меттерниха, какъ при его попыткахъ обосновать теоретически свои принципы. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ самъ опредѣляетъ свою систему. «Въ сущности, то, что называютъ системой Меттерниха, не было системой, а только приложеніемъ законовъ, которые управляютъ міромъ. Революціи держатся на системахъ; вѣчные законы находятся выше и внѣ того, что имѣетъ характеръ системы» *). Смыслъ же этихъ «вѣчныхъ законовъ» заключается въ сохраненіи средневѣковаго режима, хотя въ сущности онъ такъ же мало могъ претендовать на вѣчность, какъ и всякая политическая система.

«Я твердо рѣшилъ бороться съ революціей до послѣдняго моего вздоха», писалъ Меттернихъ. А революцію онъ видѣлъ повсюду, сплошь до распространенія... библейскихъ обществъ, и первыми разсадниками революціонныхъ началъ онъ считалъ... нѣмецкихъ иллюминатовъ XVII столѣтія. Какъ ни кажется страннымъ на первый взглядъ, но именно въ этой отрицательной чертѣ Меттерниха, въ этомъ полномъ отсутствіи у него воспріимчивости къ идеямъ заключалось и его превосходство надъ современниками. Дипломаты другихъ государствъ были въ той или иной степени проникнуты новыми вѣяніями. Отсюда и нѣкоторое колебаніе въ ихъ политикѣ послѣ паденія Наполеона. Одинъ только Мет-

*) H. Welschinger. «Les dessous du Congrés de Vienne». («Revue Hebdomadaire», 10 Fev., 1900, p. 253).

**) Mémoires, t. I, épigraphe.

*

терниxъ, — который ничего не понялъ, такъ какъ не вѣрилъ ни въ какіе принципы, — могъ рѣшительно и спокойно, безъ угрызеній совѣсти стать хоругвеносцемъ средневѣковой реставраціи. «Я былъ скалой общественнаго порядка, скалой порядка», говорилъ онъ слабымъ замогильнымъ голосомъ, за нѣсколько дней до смерти *).

Современники Меттерниха называли его человѣкомъ «лѣнивымъ» **). Физической лѣности у него, можетъ быть, и не было, это показываетъ его огромная переписка, но у него была лѣность и неподвижность мысли. «Дорогая моя, пишетъ Меттернихъ изъ Бриксена 15-го іюля 1819 года графинѣ Ливенъ,—все движется и мѣняется вокругъ меня, но я остаюсь неподвижнымъ. Этимъ, можетъ быть, я и отличаюсь отъ многихъ другихъ людей. Я думаю, что моя душа имѣетъ цѣну, *потому что она неподвижна*. Мои друзья знаютъ, гдѣ ее найти во всякое время и во всякомъ мѣстѣ» ***). Здѣсь Меттернихъ понимаетъ, конечно, подъ «неподвижностью» вѣрность принципамъ, но это въ силу свойственной ему иллюзіи принимать за идеи то спокойствіе духа, которое обусловливается ихъ полнымъ отсутствіемъ. Онъ даже былъ консерваторомъ, не вслѣдствіе какой-нибудь продуманной и обоснованной доктрины, а вслѣдствіе своего лишеннаго всякаго энтузіазма темперамента.

Въ его письмахъ встрѣчается очень часто фраза: «во всей моей жизни мнѣ не было знакомо чувство честолюбія». Было бы наивностью думать, что онъ не желалъ почестей, власти, богатства: вся жизнь канцлера говоритъ противъ подобнаго толкованія. Но слово «ambition» значитъ еще стремленіе къ славѣ—чувство, которое Меттерниху дѣйствительно было незнакомо. Для этого у него не хватало полета мысли, вѣры въ могущество принциповъ; онъ былъ лишенъ той демонической силы, какъ ее называетъ Гёте въ разговорахъ съ Эккерманомъ, которая толкала историческія личности къ безпрерывной дѣятельности, возбуждая въ нихъ новыя желанія, создавая передъ ними новыя цѣли. Меттернихъ чувствовалъ себя хорошо только среди малыхъ дѣлъ — большихъ онъ не любилъ. Отсюда и его презрѣніе къ дипломатамъ болѣе высокаго полета. Каподистрію онъ иронически называлъ «поэтомъ конгрессовъ», а знаменитаго Каннинга, смотря по настроенію, «романтикомъ», «человѣкомъ изворотливымъ», увлекающимся «политикой приключеній». «Есть два рода мыслителей, — пишетъ въ другомъ мѣстѣ Меттернихъ—первый касается всего и ни во что не вникаетъ, второй останавливается на вещахъ и проникаетъ въ ихъ суть. Каннингъ при-

---

*) Послѣдніе дни Меттерниха. Письмо Александра Гюбнера помѣщенное въ мемуарахъ t. VIII p. 646.

**) Гервинусъ. «Исторія девятнадцатаго вѣка, отъ вѣнскаго конгресса». Спб. 1863, т. I. стр. 352.

***) Ernest Daudet. «Un roman du prince de Metternich» (1819) «Revue Hebdomadaire», 29 Iuillet, 1899, p. 663.

надлежитъ къ первой категоріи, а я, можетъ быть, болѣе ограниченный, чѣмъ онъ, но и со своими познаніями, какъ они ни малы, принадлежу скорѣе ко второй. Каннингъ летитъ, а я иду; онъ паритъ въ необитаемыхъ сферахъ, я же держусь на уровнѣ человѣческаго общества. Слѣдствіемъ этой разницы—то, что на сторонѣ Каннинга будутъ всѣ романтики, я же долженъ довольствоваться обыкновенными прозаиками. Его роль блестяща, какъ молнія, моя неослѣпительна, но сохраняетъ то, что первая губитъ. Люди какъ Каннингъ, двадцать разъ будутъ падать и подниматься, *люди, какъ я, освобождены отъ труда подниматься, ибо они не такъ часто подвержены паденію*».

Меттернихъ любилъ то равновѣсіе, которое въ политикѣ сводится къ абсолютному покою. Все нужно было дѣлать безъ шума, безъ гласности. Свои реакціонныя мѣры онъ проводилъ постепенно, тихо. Онъ не любилъ «драконовыхъ законовъ», потому что своей суровостью они могутъ разбудить общественное мнѣніе и вызвать подозрѣніе въ слабости правительствъ. «Гнѣвъ очень плохой совѣтчикъ при составленіи законовъ», писалъ онъ 14-го августа 1835 года своему посланнику Апоніи въ Парижѣ, по поводу изданнаго Луи-Филиппомъ закона противъ свободы печати. «Дѣйствительна только цензура,—продолжаетъ Меттернихъ,—а законъ производитъ впечатлѣніе подавленія».

Политическая близорукость Меттерниха проистекала изъ того, что его духъ, именно былъ лишенъ «историческаго чутья». Вся его политика была размѣрена на прошломъ и поэтому каждое новое требованіе жизни вызывало у него ужасъ. «Я ненавижу все, что является неожиданнымъ образомъ», писалъ онъ 18-го января 1824 года.

Въ его письмахъ есть множество разбросанныхъ афоризмовъ, характерныхъ для косности и лѣности его ума. «Чтобы побѣждать людей, нужно только одно умѣніе ждать». «Чтобы добиться цѣли, не нужно двигаться съ мѣста!»

Вотъ характерныя мечты интеллектуальнаго облика Меттерниха: колоссальное самомнѣніе и косность, неспособность къ какому бы то ни было отвлеченному мышленію—это были черты отрицательныя, но онѣ дѣлались почти достоинствами, въ виду цѣли, которой онъ добивался. Онъ былъ канцлеромъ монархіи, единственное спасеніе которой заключалось въ сохраненіи абсолютной неподвижности европейской системы. Его вліяніе дошло до апогея въ эпоху, когда послѣ продолжительныхъ разорительныхъ войнъ и революцій Европа, истощенная и уставшая, впала въ естественную летаргію. Меттернихъ воображалъ, что эту реакцію вызвалъ онъ, благодаря благодѣтельнымъ казематамъ свей Шпильбергской крѣпости. Послѣдующія событія показали, какъ глубоко онъ ошибся.

II.

Отрицательными являются и большая часть чертъ его нравственнаго облика. Къ нему вполнѣ приложима та оцѣнка, которую онъ высказывалъ о своихъ противникахъ. Его политика дѣйствительно была «политикой эгоизма, своеволія и мелкаго честолюбія, ищущая только выгоды, политикой, которая попирала элементарные законы справедливости и издѣвалась надъ данной клятвой». «Меттернихъ, почти государственный мужъ,—говорилъ про него Наполеонъ,—ибо онъ отлично вретъ». О немъ можно сказать то, что говорилъ турецкій визирь Кючукъ Саидъ паша въ 1876 г. по адресу одного иностраннаго дипломата. «Когда человѣкъ вретъ, то обыкновенно обратное—правда, но г. X. такъ отлично вретъ, что неправда и то, что онъ говоритъ, и даже обратное». Обманъ, доходившій до вѣроломства, хитрость, лукавство, были обыкновенными пріемами политики Меттерниха. Таллейранъ его называлъ «politique de semaine», такъ какъ онъ мѣнялся каждую недѣлю. «Страсть къ проискамъ Меттернихъ принимаетъ за дипломатическое искусство», отозвался однажды Наполеонъ.

Въ своей личной жизни онъ такъ же мало слѣдовалъ предписаніямъ «вѣчныхъ законовъ», морали, какъ и въ своей дипломатической дѣятельности. Онъ занимался всякими нечистыми финансовыми операціями, получалъ подачки отъ всѣхъ европейскихъ монарховъ, въ результатѣ чего получилось, что онъ изъ разорившагося сеньора, векселя котораго никто не хотѣлъ брать, сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ австрійскихъ собственниковъ *).

Какъ большинство аристократовъ стараго режима, Меттернихъ считалъ религію и нравственность вещами прекрасными для народа, но самъ въ глубинѣ души былъ человѣкомъ невѣрующимъ. «Признаюсь я не понимаю,—писалъ онъ своей женѣ 10-го апрѣля 1819 года изъ Рима,—какъ протестантъ, пріѣхавшій въ Римъ, можетъ принять католичество. Римъ—самый великолѣпный театръ въ мірѣ, но только съ очень плохими актерами. Сохраните мое мнѣніе про себя, иначе оно обойдетъ всю Вѣну, а я слишкомъ люблю религію и ея торжество, чтобы желать вредить ей какимъ бы то ни было образомъ».

Меттернихъ и его ближайшій помощникъ Генцъ обратили австрійскую государственную канцелярію въ настоящій будуаръ, гдѣ наряду съ дипломатическими комбинаціями завязывались амурныя интриги. «Я доволенъ, что не проводилъ свою молодость печально, какъ нищій,—писалъ Генцъ знаменитой красавицѣ Рахили Фарнгагенъ.—И всегда буду утѣшаться тѣмъ, что наслаждался во всю на жизненномъ пиру, и что смогу подняться отъ трапезы, какъ насыщенный гость».

*) Гервинусъ, I, 349 и слѣд.

«Генцъ—нашъ романтикъ, — писалъ Меттернихъ своей будущей супругѣ графинѣ Зичи,—увеличилъ двумя красавицами списокъ пятнадцати дамъ. Онъ теперь ищетъ новыхъ побѣдъ». «Ахъ, какъ онъ мнѣ надоѣлъ!—пишетъ на этотъ разъ въ своемъ дневникѣ Генцъ о Меттернихѣ.—Сегодня опять ничего о дѣлахъ, а все время онъ мнѣ разсказывалъ объ этой простит... дамѣ». Здѣсь Генцъ подразумѣваетъ герцогиню Саганъ, за которой такъ усердно ухаживалъ Меттернихъ во время вѣнскаго конгресса. Свѣтская скандальная хроника того времени была наполнена похожденіями Меттерниха въ Парижѣ, Лайбахѣ и Вѣнѣ. Будучи посланникомъ въ Парижѣ, онъ завязалъ близкія отношенія съ Каролиной, сестрой Наполеона. Этимъ объяснялъ потомъ Таллейранъ покровительство, которое оказывалъ Меттернихъ на вѣнскомъ конгрессѣ мужу Каролины, неаполитанскому королю Мюрату. «Это самый постыдный фактъ, который исторія когда-либо отмѣчала,—писалъ Людовикъ XVIII-ый въ отвѣтъ Таллейрану.—Если Антоній малодушно бросилъ свой флотъ и свою армію, Клеопатра, по крайней мѣрѣ, соблазнила его самого, а не его министра» *). Когда Меттернихъ разлучался съ властительницами своего сердца, онъ продолжалъ вести съ ними длинную переписку. Рядъ такихъ писемъ Меттерниха къ супругѣ одного иностраннаго представителя въ Лондонѣ былъ напечатанъ года три тому назадъ. Они пересылались вмѣстѣ съ дипломатическими бумагами, съ большою осторожностью черезъ Парижъ. Французская полиція, имѣвшая свои тайные ходы въ канцелярію австрійскаго посольства, открывала ночью шкапы, распечатывала скрытыя въ четырехъ конвертахъ письма, снимала съ нихъ копіи, а затѣмъ укладывала ихъ въ прежнемъ порядкѣ. И когда Меттернихъ былъ увѣренъ въ полномъ сохраненіи его тайны, Людовикъ XVIII потѣшался надъ его любовными изліяніями **). Да, князь Клементій Меттернихъ былъ великимъ жизнепрожигателемъ передъ небеснымъ Отцомъ. Желанія высшаго свойства ему были незнакомы, но съ тѣмъ большимъ наслажденіемъ онъ предавался мелкимъ страстямъ и соблазнамъ. Жизнь для него заключалась въ наслажденіи, и ему больше, чѣмъ Генцу, не хотѣлось оставлять «трапезы... жизненнаго пира». Меттернихъ боялся смерти, какъ большинство эпикурейцевъ. «Я нахожу Клементія грустнымъ, печальнымъ,—отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ 14-го октября 1836 года жена его княгиня Меланія Меттернихъ,—и какъ мнѣ кажется, его тревожатъ мрачныя мысли, касающіяся его личности. Я боюсь, что онъ безпокоится своимъ возрастомъ и предается ужаснымъ предчувствіямъ. Богу извѣстно, какъ все это

---

*) Письмо Люд. XVIII, 7-го января 1815 г. (Correspondance de Talleyrand et Louis XVIII etc).

**) Эта переписка Меттерниха находится теперь во французскомъ государственномъ архивѣ. См. вышеупомянутую статью Эрнеста Доде: «Un roman du prince de Metternich».

меня безпокоитъ, но чѣмъ больше меня тревожитъ подавленное состояніе, которое съ грустью я замѣчаю у него, тѣмъ больше дѣлаю видъ, что ничего не вижу» *). Восемь лѣтъ спустя, 16-го августа 1843 года она опять пишетъ: «Я замѣчаю, что Клементій поглощенъ опять печальными мыслями; мое сердце разрывается; на каждомъ шагу онъ какъ бы прощается съ жизнью. Это страшно тяжело, главное нужно, чтобы я молчала, а это мнѣ стоитъ очень многаго». Однажды онъ началъ ей разсказывать, что совѣтовалъ англійскому регенту поставить своему отцу Георгу III памятникъ, и при этомъ разрыдался, какъ ребенокъ.

По временамъ хорошая сторона человѣческой природы беретъ верхъ у Меттерниха, и тогда его внутренній міръ дѣлается доступнымъ и даже близкимъ намъ. У него были личныя несчастія въ жизни; ему суждено было пережить трехъ супругъ, сына и двухъ дочерей, красота которыхъ поражала современниковъ. Особенно потрясенъ былъ Меттернихъ смертью одной изъ нихъ, одноименной съ нимъ, Клементины. «Я работаю, но все время думаю о моемъ несчастіи. Міръ потерялъ одно изъ своихъ чудныхъ созданій. Есть одна дама, имѣющая сходство съ моей дочерью. Встрѣтивъ ее сегодня, я съ большимъ трудомъ могъ удержать свои слезы. Я не могу войти въ комнату Клементины, чтобы не разрыдаться».

Дѣла, интриги, похожденія быстро поглощали Меттерниха, онъ снова бросался въ омутъ жизни, и боясь, чтобы его не обвинили въ безсердечности, начинаетъ говорить о своихъ двухъ «я». «Въ трудные моменты, какъ этотъ, я долженъ проявить мою двойственную натуру, которая заставляетъ многихъ думать, что я человѣкъ безъ сердца. Они сказали бы, что у меня и головы нѣтъ, если бы при случаѣ я не показалъ имъ, что моя голова солидно держится на плечахъ, когда они объ нее ударяются».

Отмѣтимъ, наконецъ, тѣ положительныя черты характера Меттерниха, которыя много способствовали его дипломатическимъ успѣхамъ. Сюда нужно прежде всего отнести его проницательность. Онъ отлично понималъ людей. Онъ не могъ оцѣнивать ихъ дѣятельность съ точки зрѣнія прогресса, въ который онъ не вѣрилъ, но онъ проникалъ въ ихъ намѣренія и побужденія. Это видно изъ характеристикъ, которыя онъ нерѣдко даетъ о своихъ современникахъ. Проницательность Меттерниха находится несомнѣнно въ связи съ его собственнымъ положительнымъ и прозаическимъ складомъ мысли, гдѣ не было мѣста увлеченіямъ и «романтизму», но именно это придавало ему ту легкость и ловкость, которыми онъ отличался въ своихъ сношеніяхъ съ людьми. Со всѣми ими онъ умѣлъ обращаться, благодаря не только

*) Дневникъ княгини Меланіи (бывшей графини Зичи). Memoires etc., t. II, p. 127.

своему свѣтскому воспитанію, но еще и потому, что онъ одаренъ былъ въ высшей степени самообладаніемъ, находчивостью, переходившей подчасъ въ тонкое остроуміе. Онъ зналъ, гдѣ ему слѣдовало молчать, гдѣ говорить, а главное, что говорить. «Вы пользуетесь успѣхомъ у меня и у общества,—сказалъ ему однажды Наполеонъ,—потому что вы не говорите лишняго и ни одной сплетни нельзя приписать вамъ». «Вы слишкомъ молоды, милостивый государь, чтобы быть представителемъ самой древней монархіи»,—сказалъ Наполеонъ Меттерниху еще при первой ихъ встрѣчѣ. «Государь, я въ томъ же возрастѣ, въ которомъ ваше величество были при Аустерлицѣ» *). Другой разъ Наполеонъ жаловался, что въ Вѣнѣ не оказываютъ достаточнаго вниманія его посланнику, т.-е. ему самому. «Я васъ увѣряю, государь, что очень скоро мнѣ будетъ поручено передать вамъ нѣсколько вазъ, если онѣ могутъ послужить къ закрѣпленію хорошихъ отношеній между нами».

Относительно умѣнья Меттерниха держаться всѣ его современники согласны, и поэтому мы можемъ ему вѣрить, когда онъ самъ разсказываетъ о себѣ, что во время конгрессовъ сохраняетъ невозмутимое спокойствіе. «Я слушаю все съ спокойствіемъ римскаго сенатора; ни одинъ мускулъ моего лица не двигается; я выслушиваю и *отвергаю*».

Вотъ различныя стороны характера Меттерниха. Его умственный и нравственный обликъ теперь намъ достаточно ясенъ, чтобы безъ затрудненій мы могли оріентироваться въ событіяхъ его жизни.

III.

«*Я создавалъ исторію* — вотъ почему у меня не было времени ее писать»,—говоритъ Меттернихъ въ началѣ своей автобіографіи, и отчасти это такъ **). Его политическія комбинаціи не отличались глубиной и прочностью, но въ исторіи почти нѣтъ примѣра, чтобы дѣятельность какого-нибудь государственнаго человѣка охватывала такой широкій кругъ пространства и времени, какъ дѣятельность австрійскаго канцлера. Онъ былъ поистинѣ «скалой», остававшейся на своемъ мѣстѣ, когда отливы и приливы бурной политической жизни все разрушали и все измѣняли вокругъ. Ему было 24 года, когда онъ выступилъ на политическую сцену, и 74—когда сошелъ съ нея. За этотъ длинный періодъ падали государства за государствомъ, система рушилась за системой, политическіе дѣятели умирали одинъ за другимъ, только Меттернихъ оставался неуязвимъ. Онъ пережилъ многихъ императоровъ и королей, былъ свидѣтелемъ всѣхъ фазисовъ француз-

*) Ch. de Mazade (de l'academie française). «Un chancelier d'ancien régime. Le règne diplomatique de». M. de Metternich. P. 1889. p. 53.

**) Mémoires etc. Предисловіе къ первому тому. Нужно замѣтить, что Меттернихъ доводитъ свою автобіографію только до 1815 года.

ской революціи, видѣлъ паденія Наполеона, Карла X, Луи-Филиппа, второй республики; на его глазахъ возвышалась и рушилась популярность знаменитыхъ государственныхъ дѣятелей Франціи, Англіи, Германіи и Россіи, а онъ стоялъ неподвижный, какъ столбъ, поставленный исторіей, чтобы на немъ отмѣчать тѣ превратности, которыя судьба скрывала для другихъ.

Жизнь Меттерниха—это хронологія Европы за цѣлое полстолѣтіе, отсюда и глубокій историческій интересъ, который представляетъ его личность.

Князь Клементій-Венцеславъ-Лотарій-Непомукъ Меттернихъ родился въ Кобленцѣ 15-го іюня 1773 г. въ богатой и древней дворянской семьѣ. Его отецъ, графъ Францъ-Георгъ Меттернихъ, состоялъ на австрійской службѣ. Онъ былъ посланникомъ австрійскаго императора при рейнскихъ владѣтельныхъ графахъ и князьяхъ. Отецъ Меттерниха отличался жизнерадостностью, веселостью и слабостью къ прекрасному полу—черты, перешедшія и къ его сыну.

Воспитаніемъ Меттерниха занималась сначала его мать, графиня Кагенегъ; его домашними учителями были два монаха, а позже французъ Фредерикъ Симонъ, будущій членъ якобинскихъ клубовъ въ Страсбургѣ и Парижѣ. Какъ и для всѣхъ аристократовъ той эпохи, главными предметами занятій были французскій языкъ, танцы, музыка и подробное изученіе правилъ свѣтскаго этикета.

Въ дѣтствѣ Меттернихъ не проявлялъ никакихъ особенныхъ дарованій, наоборотъ, скорѣе отличался лѣностью и небрежностью, за что ему приходилось выслушивать упреки отъ отца. Такъ, напримѣръ, въ одномъ письмѣ послѣдній предупреждаетъ молодого Клементія не писать по нѣсколько разъ одной и той же фразы, въ другой разъ онъ ему совѣтуетъ заняться серьезнѣе нѣмецкимъ языкомъ, которымъ будущій австрійскій канцлеръ владѣлъ очень плохо.

Для пополненія своего образованія, молодой Меттернихъ поѣхалъ вмѣстѣ со своимъ братомъ въ Страсбургъ. Этому университету нѣмецкая аристократія оказывала предпочтеніе, такъ какъ тамъ занятія происходили—одновременно на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Когда вспыхнувшая революція охватила всѣ французскіе города, въ томъ числѣ и Страсбургъ, родители Меттерниха перевели его въ Майнцъ. Тутъ, какъ и въ Страсбургѣ, онъ числился на юридическомъ факультетѣ. Къ научнымъ занятіямъ Меттернихъ не чувствовалъ большого влеченія. Свидѣтели его жизни въ Страсбургѣ говорятъ, что онъ любилъ больше веселіе и праздность, чѣмъ римское или каноническое право *). Онъ самъ впрочемъ, не скрываетъ, что проводилъ въ Майнцѣ половину своего времени въ обществѣ, «члены котораго отличались

*) Adolf Berr. «Fürst Clemens Metternich» («Der neue Plutarch», fünfter Theil, Leipzig, 1877, S. 258.

какъ умомъ, такъ и своимъ высокимъ положенiемъ». Нѣкоторое время спустя, въ 1794 г. онъ уѣзжаетъ въ Вѣну, гдѣ продолжаетъ вести тотъ же образъ жизни. «Я посѣщалъ—пишетъ Меттернихъ—преимущественно салоны, гдѣ завязывались прiятные разговоры. Я былъ убѣжденъ, что именно тамъ изощряется умъ, исправляются ложныя идеи и человѣкъ прiучается избѣгать пустыя сплетни». Въ это время Меттерниху было 21 годъ. Несмотря на юный возрастъ, онъ женился на внучкѣ австрiйскаго канцлера Кауница, и не столько по своему собственному желанiю, какъ въ угоду родителямъ.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ самыя крупныя событiя раннихъ лѣтъ Меттерниха. Какъ мы уже замѣтили, онъ не отличался никакими выдающимися дарованiями, а между тѣмъ, уже въ это время о немъ говорили, какъ о будущемъ дипломатѣ. Что дало поводъ этому?

Прежде всего дипломатическая карьера была традицiей его рода. Кромѣ того, онъ обладалъ личными качествами, которыя и теперь, а еще больше въ тогдашнее время, считались лучшими условiями дипломатическихъ успѣховъ. Онъ былъ «красивымъ, прiятнымъ человѣкомъ и отличнымъ кавалеромъ», какъ о немъ выражался канцлеръ Кауницъ. При томъ же Меттернихъ отличался остроумiемъ, находчивостью и важнымъ для дипломата качествомъ—самообладанiемъ. Наконецъ, Меттернихъ уже тогда проникся тѣми охранительными началами, которымъ остался вѣренъ до конца жизни и которыя сдѣлали изъ него ревниваго служителя интересовъ Габсбургскаго дома. Благодаря всѣмъ этимъ качествамъ, онъ скоро обратилъ на себя вниманiе какъ аристократическихъ круговъ, такъ и самого императора. Когда онъ еще былъ студентомъ, его два раза подъ рядъ выбирали представителемъ вестфальскихъ католическихъ графовъ, на коронацiяхъ императора Леопольда и его прiемника императора Франца. Послѣ того, какъ Меттернихъ поселился въ Вѣнѣ, императоръ Францъ неоднократно приглашалъ его на службу, а когда Меттернихъ по тѣмъ или инымъ причинамъ уклонялся, императоръ шутя называлъ его лѣнтяемъ.

Однако, необходимость, въ которой была скоро поставлена Австрiя, *мобилизировать*, если можно такъ выразиться, не только всѣ свои военныя, но и всѣ дипломатическiя силы, вывела изъ пассивности и молодого Меттерниха. Не трудно догадаться, что эта необходимость была вызвана событiями, которыя происходили во Францiи.

Описанiе этихъ событiй не входитъ въ нашу задачу, но нельзя лучше оттѣнить мiровоззрѣнiе Меттерниха, какъ противопоставивъ ему идеи какого-нибудь современнаго ему французскаго дѣятеля. Этотъ антитезъ двухъ психологiй резюмируетъ, нѣкоторымъ образомъ, политическую исторiю прошлаго столѣтiя.

«Измученные двадцативѣковой жаждой—писалъ Камиллъ Демуленъ въ первомъ нумерѣ «La France Libre»,—мы бросились къ источнику, какъ только онъ намъ былъ указанъ. Нѣсколько лѣтъ тому

назадъ я искалъ повсюду республиканскую душу и былъ въ отчаяніи, что не родился грекомъ или римляниномъ... Но теперь иностранцы будутъ жалѣть, что не родились французами. Мы превзойдемъ гордыхъ своей конституціей англичанъ, презиравшихъ насъ за наше раболѣпіе. Больше нѣтъ подкупныхъ судей, нѣтъ наслѣдствевеннаго дворянства, нѣтъ денежныхъ привиллегій, нѣтъ наслѣдственныхъ правъ, нѣтъ тайныхъ распоряженій и декретовъ; нѣтъ своевольныхъ запрещеній, нѣтъ секретной уголовной процедуры. Свобода торговли, свобода совѣсти, свобода слова, свобода печати! Больше нѣтъ министровъ притѣснителей, нѣтъ министровъ расхитителей, нѣтъ вице-деспотовъ интендантовъ, нѣтъ приговоровъ полицейскихъ коммиссаровъ, нѣтъ больше Ришелье, Бардамона, Террэ, нѣтъ больше Екатерины де-Медичи, нѣтъ Изабеллы Баварской, нѣтъ Карла IX, нѣтъ Людовика XI *).

Вотъ что чувствовалъ, думалъ и говорилъ французъ,—посмотримъ теперь, какъ на эти самыя событія отзывался Меттернихъ.

Первыя извѣстія о революціи дошли до Меттерниха, когда онъ находился еще въ Страсбургѣ. Граждане, профессора, студенты встрѣтили совершившійся фактъ съ восторгомъ, но не Меттернихъ. Ему было тогда всего семнадцать лѣтъ,—возрастъ всякихъ увлеченій,—но онъ былъ защищенъ отъ нихъ тройной броней—аристократическаго происхожденія, флегматическаго темперамента и неподвижнаго ума. «Я видалъ много людей,—пишетъ онъ, говоря о своемъ пребываніи въ Страсбургѣ,—у которыхъ не хватило силы характера противостоять увлеченію новымъ теоріямъ. Но мой разумъ и моя совѣсть ихъ постоянно отвергали, какъ несостоятельныхъ». Годъ спустя, въ Майнцѣ, онъ опять попалъ въ революціонную атмосферу. Броженіе было сильно, въ особенности среди литераторовъ и ученыхъ. Самому Меттерниху, приходилось часто бывать въ «клубѣ» либерала Георга Форстера, ученаго натуралиста и товарища по путешествію знаменитаго Кука, но и тутъ, какъ и въ Страсбургѣ, Меттернихъ не поддавался заблужденіямъ. Его духъ былъ уже крѣпко прикованъ къ неподвижнымъ формамъ прошлаго. Контрастъ между ненавистной революціей съ ея нововведеніями, и освѣщенной вѣковыми традиціями сословной монархіей, съ ея внѣшнимъ блескомъ, постоянно встаетъ въ его воображеніи. Для Меттерниха эти два принципа воплощались въ двухъ событіяхъ, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ: разграбленіе страсбургской ратуши и коронація императора Леопольда во Франкфуртѣ. «Окруженный невѣжественной толпой, называемой народомъ,—пишетъ Меттернихъ,—я присутствовалъ при разграбленіи Страсбургской ратуши. Теперь, наоборотъ, я считался однимъ изъ стражей общественнаго порядка, здѣсь, въ ратушѣ Франкфурта, гдѣ происходили столь величественные цере-

---

*) La Jeune France «Juillet 1789 (Henri Avenel Histoire» de la presse p. 1899, pp. 50—59).

моніалы, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ объятой пламенемъ Франціи. Этотъ контрастъ, повторяю, не оставлялъ меня въ покоѣ».

Шесть лѣтъ спустя, Меттерниху пришлось въ первый разъ столкнуться съ оффиціальными представителями французской республики. Это случилось въ 1799 г. на раштадтскомъ конгрессѣ, куда онъ поѣхалъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ, какъ австрійскій делегатъ. Отношенія Меттерниха къ французской революціи остались прежними. Письма, которыя онъ посылаетъ изъ Раштадта своей женѣ, полны сарказмовъ по адресу французскихъ делегатовъ. Онъ шутилъ надъ ихъ фраками и бѣлыми брюками—костюмъ, въ которомъ Меттернихъ не рѣшился бы показаться, «даже вставая съ постели»; ихъ лакеи похожи на «косцовъ»; онъ смѣется надъ республиканскимъ календаремъ и приходитъ въ ужасъ, когда на обѣдѣ ему поднесли печеніе, окрашенное тремя цвѣтами французскаго знамени. «Я не могу привыкнуть къ этимъ господамъ,—пишетъ онъ.—Въ ихъ лицѣ я вижу убійцъ и палачей, противъ которыхъ возмущается все мое нутро».

IV.

Настоящая дипломатическая карьера Меттерниха начинается въ 1801 г. Онъ былъ назначенъ посланникомъ сначала въ Дрезденъ, потомъ въ Берлинъ. Въ Прусскую столицу,—Меттерниху тогда было 28 лѣтъ,—онъ поѣхалъ съ миссіей вовлечь Пруссію въ новую коалицію, которую уже составляли противъ Франціи Австрія, Россія и Англія.

До сихъ поръ мы знакомились съ Меттернихомъ, какъ съ представителемъ извѣстныхъ политическихъ взглядовъ; теперь мы увидимъ Меттерниха въ роли дипломата, который прибѣгаетъ ко всякимъ хитростямъ, содержитъ штатъ сыщиковъ, льститъ, обманываетъ и измѣняетъ данному слову.

Какъ мы уже замѣтили, задачей Меттерниха было втянуть и Пруссію въ войну съ Франціей. Но несмотря на увѣщанія Меттерниха и Алопеуса, русскаго посланника въ Берлинѣ, Пруссія отказывалась. Фридрихъ Вильгельмъ III, боязливый и слабохарактерный, приходилъ въ ужасъ только отъ одного слова «коалиція». И было отчего! Воспоминанія о побѣдахъ, которыя войска республики одержали надъ войсками Пруссіи при Вальми, Гогенлинденѣ и другихъ мѣстахъ, были еще свѣжи.

Царь Александръ хотѣлъ угрозой заставить Пруссію согласиться: онъ извѣстилъ короля, что не дожидаясь его согласія, перейдетъ съ русскими войсками прусскую территорію. Это извѣстіе чуть не привело къ столкновенію между Россіей и Пруссіей. Послѣдняя уже готовилась отразить русскія войска, когда въ Берлинѣ получилось извѣстіе, что Наполеонъ перешелъ со своей арміей прусскую границу. Послѣд-

ствіемъ поступка Наполеона былъ тайный потсдамскій договоръ, заключенный 3-го ноября 1805 г. между Александромъ I, прусскимъ королемъ и Меттернихомъ противъ Франціи. Но было уже поздно. За двѣ недѣли до подписанія договора весь австрійскій гарнизонъ въ Ульмѣ былъ взятъ въ плѣнъ Наполеономъ, а Пруссія еще не успѣла пойти на помощь своимъ союзникамъ, когда австрійцы и русскіе были побиты при Аустерлицѣ.

Австрія, больше всѣхъ потерпѣвшая, спѣшила подписать пресбургскій миръ. Пруссія-же вошла въ новый тайный союзъ съ Россіей противъ Франціи, и фактъ, неправдоподобный, но вполнѣ истинный,—съ Франціей противъ Россіи. Этимъ послѣднимъ союзомъ Пруссія хотѣла выиграть время, чтобы лучше подготовиться къ войнѣ, которая и окончилась для нея катастрофою при Іенѣ (1806 г.). Зимою 1806—1807 г. были побиты и русскіе при Эйлау и Фридландѣ.

Послѣ побѣдъ 1805—1807 г., Наполеонъ сталъ полнымъ хозяиномъ всей средней и западной Европы. Опасность для европейскихъ монарховъ заключалась въ томъ духѣ непокорства и мятежа, который вносилъ Наполеонъ въ среду народовъ.

Наполеонъ преслѣдовалъ съ усердіемъ идеи революціи во Франціи, но онъ ихъ разсѣивалъ по всей Европѣ. Онъ наводнялъ Германію, Австрію, Италію своими бюллетенями, гдѣ подвергались строжайшей критикѣ мѣстный образъ правленія и злоупотребленія властей, гдѣ раскрывались безъ всякаго стѣсненія слабости королей, министровъ, чиновничества и духовенства. «Глава французскаго правительства громко выражаетъ свои намѣренія,—писалъ по поводу этихъ бюллетеней Меттернихъ: возмутить противъ ихъ государей народы, которые Австрія и Пруссія въ согласіи съ Россіей должны были подчинить своей власти, чтобы ихъ предохранить отъ бѣдствій и преступленій, вызванныхъ французской революціей».

Наполеонъ угрожалъ, кромѣ того, раздѣлить австрійскую имперію на нѣсколько королевствъ: Богемію, Венгрію, Тироль и др., во главѣ которыхъ находились бы преданные ему люди.

Слѣдить за проектами Наполеона и по возможности ихъ предупреждать—вотъ съ какою миссіею поѣхалъ Меттернихъ австрійскимъ посланникомъ въ Парижъ, въ концѣ 1806 года.

V.

Трехлѣтнее пребываніе Меттерниха въ Парижѣ останется однимъ изъ самыхъ трудныхъ періодовъ его дѣятельности. Тутъ онъ долженъ былъ развернуть весь свой дипломатическій талантъ, чтобы преодолѣть всѣ трудности, съ которыми была сопряжена роль австрійскаго посланника. Историческое прошлое Австріи и ея многочисленные интересы въ Европѣ требовали отъ ея посланника политики смѣлой

и достойной, тогда какъ ея теперешнее печальное внутреннее и внѣшнее положеніе допускало только политику крайней осторожности. Примиреніе этихъ двухъ крайностей было задачей самой по себѣ трудной, но еще болѣе трудной она становилась вслѣдствіе тогдашнихъ особенныхъ условій. Въ Парижѣ онъ долженъ былъ воевать не только съ ловкимъ и хитрымъ дипломатомъ, какъ Таллейранъ, но и съ самимъ императоромъ Наполеономъ.

Французскій цезарь былъ уже въ то время самой популярной въ мірѣ личностью. У однихъ онъ вызывалъ любовь и восторгъ, доходившіе до самопожертвованія, у другихъ— ненависть, доходившую до фанатизма, но всѣ, и друзья и враги, были проникнуты невольнымъ чувствомъ благоговѣнія передъ его необыкновенной личностью. Враги смотрѣли на Наполеона, какъ на зловредную стихію, которая поражаетъ и привлекаетъ людей своимъ гигантскимъ размѣромъ и дикой силой. Видѣть и услышать Наполеона было непреодолимымъ желаніемъ всѣхъ безъ различія: какъ его почитателей, такъ и враговъ. Кн. Сергѣй Волконскій разсказываетъ, что во время пребыванія Наполеона въ Тильзитѣ онъ вмѣстѣ съ другими русскими офицерами переодѣвался въ крестьянское платье, чтобы имѣть возможность увидѣть Наполеона. Такъ же поступилъ Вильсонъ, англійскій военный атташе при русской арміи: онъ переодѣлся въ казацкій мундиръ, чтобы попасть въ свиту Платова, котораго Наполеонъ пожелалъ видѣть *).

Съ тѣхъ поръ прошло цѣлое столѣтіе, но память о Наполеонѣ живетъ еще не только въ литературѣ и въ исторіи, но и въ преданіяхъ и легендахъ всѣхъ народовъ. Отъ русскихъ степей, гдѣ онъ являлся «воплощеніемъ антихриста», до египетскихъ пустынь, отъ Сиріи до Швейцаріи, гдѣ горцы въ очертаніяхъ снѣжнаго Монблана видятъ его силуэтъ, сохранилась и понынѣ память знаменитаго полководца.

Ну, слыхано ли со времени потопа,
Чтобы вѣкъ былъ полонъ именемъ однимъ?

Такъ говоритъ Кассій объ Юліи Цезарѣ,—то же самое можно сказать и о Наполеонѣ.

Мы не намѣрены здѣсь давать характеристики Наполеона, но нашъ очеркъ о Меттернихѣ не былъ бы полонъ, роль австрійскаго канцлера не представилась бы въ настоящемъ свѣтѣ, если мы не познакомимся ближе съ личностью французскаго императора, съ которымъ онъ боролся въ теченіе пятнадцати лѣтъ.

Наполеонъ представлялъ необыкновенную смѣсь высокихъ душевныхъ качествъ съ низменными и эгоистическими влеченіями. Страсть властвовать, деспотическій характеръ, готовность прибѣгать къ обману и вѣроломству соединялись у него съ необыкновеннымъ проницатель-

*) «Записки Сергѣя Волконскаго» (декабриста). Изданіе князя М. С. Волконскаго. Спб. 1901 г. стр., 51 и слѣд.

нымъ умомъ, съ пылкимъ воображеніемъ и желѣзной волей. Достоинства и недостатки Наполеона одинаково необыкновенныхъ размѣровъ; его аморальность прямо пропорціональна силѣ его интеллекта.

О Наполеонѣ больше, чѣмъ о комъ-либо другомъ, можно сказать, что онъ былъ натурой *демонической*. Въ немъ скрывался неистощимый запасъ нервной энергіи, которая не только помогала ему осуществлять грандіозные планы, но и толкала его къ этому. И въ самыхъ ничтожныхъ, и въ самыхъ крупныхъ фактахъ его жизни,—и пустой и нескончаемой болтовнѣ, которой онъ часто развлекался, и въ его блестящихъ военныхъ побѣдахъ,—чувствуется все тотъ же внутренній ключъ жизненныхъ силъ, которыя рвутся наружу и ищутъ примѣненія. Достаточно вспомнить громадную арену отъ египетскихъ пирамидъ до Кремля и отъ Яфы до Мадрида, на которой онъ подвизался, достаточно упомянуть о разнообразныхъ дѣлахъ Наполеона, какъ законодателя и дипломата, чтобы убѣдиться въ его стихійности. Какъ будто бы цѣлыя поколѣнія умирали въ бездѣйствіи, чтобы оставить всѣ нетронутые запасы своихъ силъ одному единственному человѣку.

Такое представленіе о Наполеонѣ еще больше оправдывается, если мы остановимся на нѣкоторыхъ мелкихъ, но очень характерныхъ фактахъ изъ его жизни. Безъ преувеличенія можно сказать, что Наполеонъ былъ самымъ способнымъ къ труду человѣкомъ во Франціи. «Я не знаю предѣла своей способности къ работѣ», говорилъ онъ *). Расхаживая быстрыми шагами по своей комнатѣ, чѣмъ возбуждалъ еще больше свою нервную систему, онъ диктовалъ своимъ секретарямъ по десятку часовъ неустанно. Однажды, когда Наполеонъ искалъ какой-то документъ среди бумагъ на письменномъ столѣ, случайно напалъ онъ на письмо, которое одинъ изъ его секретарей писалъ своей женѣ: «Вотъ уже тридцать шесть часовъ, какъ я принужденъ безвыходно сидѣть въ кабинетѣ». «Вы видите, — сказалъ, смѣясь, Наполеонъ бывшему тамъ какому-то министру:—онъ находитъ время писать нѣжности, а еще жалуется!» Свидѣтели его жизни говорятъ, что Наполеонъ работалъ въ среднемъ по 15 часовъ въ день, но онъ утилизировалъ и балы, во время которыхъ давалъ аудіенціи, и обѣды и прогулки въ экипажѣ, во время которыхъ читалъ. Занятія Наполеона были самаго разнообразнаго характера. Онъ принималъ живое участіе во всѣхъ областяхъ государственной и частной жизни: начиная съ составленія законовъ и государственнаго бюджета, который онъ тщательно провѣрялъ статью за статьей, и кончая правилами придворнаго этикета при дворѣ, которыя устанавливалъ опять-таки до мельчайшихъ подробностей. Онъ могъ вынести весь этотъ колоссальный трудъ благодаря своей энергіи и своей колоссальной памяти. Наполеонъ запоми-

*) Masson. «Napoleon intime» (Наполеонъ въ придворной и домашней жизни. Спб. 1896 г. 227).

налъ прекрасно имена, цифры, физіономіи, выраженія и только по отношенію къ музыкѣ память его была ниже средняго: самую простую арію онъ пѣлъ фальшиво и до конца жизни выговаривалъ французскія слова, какъ корсиканецъ, произнося *габинетъ* вмѣсто *кабинетъ*. Необыкновенная память давала ему возможность входить въ суть всего. Онъ поражалъ своихъ враговъ, говоря имъ съ точностью о количествѣ ихъ солдатъ, лошадей, ружей, о расположеніи ихъ арміи, о личныхъ качествахъ и недостаткахъ генераловъ, о матеріальномъ состояніи страны и другія подробности, неизвѣстныя часто имъ самимъ. Въ то же самое время онъ разспрашиваетъ ихъ обо всемъ, пополняя такимъ образомъ свои познанія. Характеренъ разговоръ, который онъ имѣлъ съ Балашевымъ въ Вильнѣ, во время похода въ Россію. Онъ спрашиваетъ его о причинѣ паденія Сперанскаго, о жизни при дворѣ, а между прочимъ, и о состояніи дороги въ Москву, о русскихъ помѣщикахъ и о множествѣ другихъ фактовъ, которые представили бы ему русскую жизнь въ ея настоящемъ свѣтѣ *). Все это, конечно, Наполеонъ дѣлалъ не безъ задней мысли, но онъ любознателенъ вообще отъ природы въ силу своего подвижнаго ума, своей экспансивности и впечатлительности. Онъ часто приглашаетъ къ себѣ на обѣдъ химиковъ, какъ Бертоле, математиковъ, какъ Коста и Монжъ, художниковъ, какъ Жераръ и Давидъ, чтобы бесѣдовать съ ними о наукѣ и искусствахъ. Съ нимъ во время походовъ всегда ѣздилъ знаменитый членъ института, врачъ Корвизаръ, съ которымъ онъ ведетъ длинныя бесѣды о естественныхъ наукахъ и медицинѣ. Въ Эрфуртѣ Наполеонъ поражалъ Гете, Мюллера и другихъ нѣмецкихъ литераторовъ и ученыхъ своимъ тонкимъ литературнымъ вкусомъ и мѣткими философскими замѣчаніями. Онъ любилъ перечитывать Вертера и по поводу его сдѣлалъ Гете замѣчаніе, которое послѣдній считалъ вполнѣ основательнымъ, хотя его самолюбіе не позволяло ему сказать, въ чемъ оно заключалось. Какъ теперь уже извѣстно, между прочимъ, изъ мемуаровъ Таллейрана, Наполеонъ упрекалъ Гете, что онъ уменьшилъ эффектъ самоубійства Вертера, изображая его дѣйствующимъ не подъ вліяніемъ одного чувства любви, но и подъ вліяніемъ обиженнаго самолюбія.

«Наполеонъ владѣлъ людьми, какъ Гуммель своимъ рояломъ», говорилъ Гёте, имѣя въ виду проницательность, которой Наполеонъ обладалъ. Онъ сразу проникалъ или старался проникнуть въ сокровенныя мысли своего собесѣдника. «Я понимаю, чего вы хотите; вы добиваетесь такой то цѣли, ну перейдемъ тогда прямо къ вопросу»,—вотъ стереотипная и характерная фраза, которая встрѣчается во многихъ его разговорахъ.

Онъ изучалъ слабыя и сильныя стороны противника и въ своихъ отношеніяхъ старался дѣйствовать то на одну, то на другую чувстви-

*) Vandal. «Napoléon et Alexandre», Paris. 1901 г., I, t. III.

тельную струну. «Говорите Александру больше о либеральныхъ и философскихъ идеяхъ», пишетъ Наполеонъ французскому посланнику въ Петербургѣ 11-го марта 1803 г., имѣя въ виду тогдашнее увлеченіе царя республиканскими идеями *). Въ Тильзитѣ онъ дѣйствуетъ уже не на чувства, а на воображеніе императора Александра; онъ открываетъ ему блестящую перспективу могущества и славы, если царь согласится войти съ нимъ въ союзъ. «Вотъ что должно стать границей нашихъ имперій», говорилъ Наполеонъ Лобанову, показывая Вислу на картѣ: «Вашъ императоръ долженъ владѣть съ одной стороны, я—съ другой». Когда Лобановъ передалъ эти слова Александру, тотъ пришелъ въ восторгъ. «Противъ никого я не имѣлъ такъ много предубѣжденій,—писалъ потомъ Александръ о Наполеонѣ,—но послѣ перваго свиданія съ нимъ все это исчезло, какъ сонъ».

Въ другихъ случаяхъ Наполеонъ старался дѣйствовать на филантропическія чувства русскаго царя. Послѣ сраженія при Эйлау, случившагося нѣсколько мѣсяцевъ до свиданія въ Тильзитѣ, Наполеонъ диктуетъ самъ, какъ и въ большинствѣ случаевъ, знаменитый *пятьдесятъ первый бюллетень великой арміи*, въ которомъ, желая побудить Александра къ заключенію мира, изображаетъ мастерскими штрихами ужасную картину войны. «Представьте себѣ на протяженіи одной версты въ окружности девять или десять тысячъ человѣческихъ труповъ и четыре или пять тысячъ павшихъ лошадей, груды ранцевъ русскихъ солдатъ, обломки сабель и ружей, землю, покрытую ядрами и гранатами, двадцать пять пушекъ, возлѣ которыхъ валяются тѣла артиллеристовъ, убитыхъ въ ту минуту, когда они старались спасти ихъ. Фонъ снѣжной равнины придаетъ картинѣ еще большую рельефность... Это зрѣлище должно внушить королямъ желаніе мира и отвращеніе къ войнѣ». Одновременно съ этимъ онъ объявляетъ конкурсъ художественной картины, которая вѣрнымъ изображеніемъ ужасовъ войны заставила бы человѣчество стремиться къ дружбѣ и братству.

Для каждаго человѣка, смотря по обстоятельствамъ и мѣсту, у Наполеона былъ особый пріемъ: однихъ онъ привлекалъ лаской, другихъ любилъ брать врасплохъ, бросаясь на нихъ неожиданно. Тогда они, пораженные и растерянные, уступали его требованіямъ. Съ возрастаніемъ его вліянія и могущества угроза сдѣлалась обычнымъ пріемомъ Наполеона.

Извѣстны бурныя сцены, устраиваемыя имъ различнымъ посланникамъ въ Парижѣ. «Мы не такъ уже обабились,—говорилъ онъ съ гнѣвомъ въ присутствіи всѣхъ посланниковъ, русскому представителю Маркову въ 1803 году,—чтобы терпѣливо переносить такія дѣйствія со стороны Россіи». Въ своей автобіографіи и въ своихъ донесеніяхъ

---

*) Tatischeff. Alexandre I et Napoleon d'après leur correspondance inedite. Paris 1891, p. 49.

къ министру Стадіону Меттернихъ, какъ очевидецъ, описываетъ нѣкоторыя другія сцены, хорошо рисующія самого Наполеона и положеніе европейскихъ дворовъ той эпохи. «Если Португалія не сдѣлаетъ того, чего я хочу,—говорилъ Наполеонъ, обращаясь къ португальскому посланнику,—не пройдетъ двухъ мѣсяцевъ и Браганцкій домъ перестанетъ царствовать. Я не позволю, чтобы какой-нибудь европейскій дворъ принималъ у себя англійскаго посланника, я объявлю войну каждому государству, которое два мѣсяца послѣ этого момента будетъ продолжать сношенія съ англичанами». Обращаясь къ датскому посланнику и имѣя въ виду бомбардировку англичанами Коппенгагена, Наполеонъ сказалъ: «Событія въ Коппенгагенѣ ужасны, но заявленія вашего короля—мерзость». «Ваша королева ведетъ тайныя сношенія съ англичанами,—сказалъ онъ посланнику Этруріи,—но я все приведу въ порядокъ». «Какъ идутъ ваши дѣла?»—спрашиваетъ Наполеонъ представителя вольнаго города Бремена.—Плохо, государь.—«Будетъ и еще хуже. Бременъ и Гамбургъ англійскіе города, и я съумѣю поступить съ ними, какъ они того заслуживаютъ». «Вы, тамъ въ Римѣ, дурные христіане», говорилъ въ другой разъ Наполеонъ, обращаясь къ папскому нунцію въ Парижѣ, напомнивъ ему о требованіи папы, чтобы итальянскіе епископы являлись въ Римъ для полученія своей инвеституры. Нунцій пробуетъ что-то сказать, но Наполеонъ прерываетъ его: «Святой отецъ честный человѣкъ, но всѣ окружающіе его сумасшедшіе». Нунцій опять хочетъ что-то сказать. «Все, что тамъ дѣлается, лишено здраваго смысла,—продолжаетъ Наполеонъ, возвышая все больше и больше голосъ.—Смотрите, вы заставите меня принять противъ васъ всѣ мѣры и тогда я васъ такъ прижму, что заставлю ходить съ сумою».

Въ этихъ сценахъ выступаютъ двѣ стороны характера Наполеона: его природная пылкость и его лукавство. Въ императорской коронѣ онъ остается все тѣмъ же деспотомъ, какимъ онъ являлся въ своей юности, когда жестоко мучилъ своего старшаго брата Іосифа и своихъ товарищей по игрѣ. Тогда уже онъ стремился управлять всѣми и не выносилъ никакихъ противорѣчій. Онъ и теперь продолжалъ быть тѣмъ же корсиканцемъ—дикаремъ, который очень легко переходилъ отъ слова къ дѣлу, когда кровь начинала мутиться въ головѣ. Въ такихъ случаяхъ онъ опрокидывалъ накрытый столъ, бросалъ свою шляпу и въ ярости топталъ ее, ломалъ безжалостно все, что ему ни попадалось подъ руки. Разговаривая съ русскимъ курьеромъ Балашовымъ въ Вильнѣ, въ 1812 г., Наполеонъ пришелъ въ страшное бѣшенство отъ постояннаго стука открытой форточки. Онъ пробовалъ затворить ее, но когда она опять открылась, онъ выдернулъ форточку вмѣстѣ съ рамой и изо всей силы швырнулъ ее на мостовую *).

*) Vandal, III, 518.

*

Въ своемъ знаменитомъ памфлетѣ «Buonaparte»,—о которомъ Людовикъ XVIII отзывался, что онъ ему замѣнилъ цѣлую армію,—Шатобріанъ обвинялъ Наполеона, что тотъ въ своемъ кабинетѣ таскалъ за волосы папу Пія VII. Это было неправда, но что-то подобное, какъ разсказываетъ Фуше въ своихъ мемуарахъ, сдѣлалъ однажды Наполеонъ, будучи еще консуломъ съ знаменитымъ сенаторомъ и академикомъ Вольнеемъ. Послѣдній горько упрекалъ Наполеона за возстановленіе католическаго культа. «Большинство націи этого желаетъ», отвѣтилъ Бонапартъ. «Значитъ,—подхватываетъ Вольней,— вы возстановите Бурбоновъ, если этого потребуетъ большинство націи?» Терпѣніе корсиканца не выдержало. Онъ схватилъ Вольнея и съ такою яростью бросилъ на полъ, что тотъ разбился до крови. Всѣ присутствующіе были ошеломлены этой дикой сценой, а Бонапартъ звонитъ и говоритъ явившемуся лакею: «Господинъ Вольней чувствуетъ себя дурно; унесите его въ карету» *).

Однако, какъ мы замѣтили, въ этихъ сценахъ проявлялась не только вспыльчивость характера Наполеона, но и его хитрость. Когда Наполеонъ, слѣдившій не только за другими, но и за самимъ собою, замѣчалъ, что тотъ или иной жестъ или слово, вырвавшееся у него естественно, въ моментъ приступа гнѣва, производило впечатлѣніе на окружающихъ, онъ повторялъ ихъ потомъ уже сознательно. Когда онъ, разсердившись, бросилъ въ первый разъ свою шляпу и сталъ топтать ее, то это вышло естественно, помимо его воли, но потомъ онъ повторялъ подобныя сцены часто и, между прочимъ, въ Эрфуртѣ, во время одного бурнаго разговора съ русскимъ императоромъ *).

Наполеонъ называлъ Александра I «сѣвернымъ Тальмой», но онъ самъ былъ западнымъ Тальмой, съ той только разницей, что «актерство» Александра I находилось въ связи съ основнымъ недостаткомъ его характера—слабостью воли, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ быть скрытенъ, а Наполеонъ разыгрывалъ Тальму отъ избытка энергіи, вслѣдствіе непреодолимаго влеченія руководить, управлять, владѣть всѣми. Меттернихъ увѣряетъ даже, что Наполеонъ бралъ уроки у Тальма. Но онъ не усвоилъ бы его искусства, если бы самъ не былъ по природѣ актеромъ, который понимаетъ цѣну иллюзій и пользуется ею, чтобы сдѣлать фантастической, сверхъестественной въ глазахъ публики свою и такъ необыкновенную личность. Онъ самъ сочинялъ бюллетени великой арміи, въ которыхъ сильно раздувалъ свои побѣды, сообщая массу завѣдомо ложныхъ фактовъ. Дѣйствительность у него всегда была прикрашена вымысломъ; часто, можетъ быть, это дѣлалось у него безсознательно; тогда онъ бывалъ жертвой своего воображенія; но онъ

*) «Document du Dossier de Fouché« («Grande Revu», 1 Novembre», 1901, pp. 236—237).

**) Vandal, I, 435.

прибѣгалъ также и къ самымъ грубымъ хитростямъ. Такъ, напр., въ Москвѣ онъ оставлялъ всю ночь огонь въ своей спальнѣ, дабы проходящіе подъ его окнами солдаты думали, что провидящій умъ императора заботится объ ихъ спасеніи *). Съ той же цѣлью—поразить воображеніе публики—Наполеонъ обставлялъ неслыханнымъ великолѣпіемъ церемоніи, смотры и выѣзды, въ которыхъ онъ долженъ былъ участвовать. И въ маленькихъ подробностяхъ этихъ празднествъ видна была рука искуснаго режиссера, глубокаго знатока человѣческой психологіи. Что больше всего плѣняло публику—это полный контрастъ между костюмомъ Наполеона и костюмами его свиты. Когда министры и офицеры являлись въ расшитыхъ золотомъ роскошныхъ костюмахъ всѣхъ формъ востока и запада, въ блестящихъ каскахъ, въ оригинальныхъ шапкахъ съ султанами, въ ослѣпительной декораціи, Наполеонъ, наоборотъ, отличался необыкновенной простотой своего костюма. На немъ бывалъ надѣтъ все тотъ же зеленый сюртукъ съ звѣздой почетнаго легіона, какъ единственное украшеніе, и та же традиціонная треуголка. Въ отличіе отъ общепринятаго этикета, онъ не отвѣчалъ на привѣтствія толпы,—обстоятельство, которое больше всего поразило младенческое воображеніе Виктора Гюго.

Ce qui me frappa, dis-je, et me resta gravé...
Ce fut de voir parmi ces fanfares de gloire,
Dans le bruit qu'il faisait, cet homme souverain
Passer, muet et grave, ainsi qu'un Dieu d'airain.

Хорошей иллюстраціей къ этой умышленной простотѣ и серьезности является слѣдующая картина изъ его пребыванія въ Дрезденѣ, въ 1812 г., гдѣ находились всѣ христіанскіе владѣтели Европы, за исключеніемъ англійскаго короля и русскаго императора. Во время обѣда они всѣ собирались вмѣстѣ, слѣдуя принятому этикету. Лакей, разодѣтый въ ливреѣ, вышитой золотомъ, громко выкрикивалъ имена и полные титулы всѣхъ появляющихся сановниковъ и государей, начиная съ низшихъ. Сначала входили различные превосходительства, за ними слѣдовали сіятельства, высочества, обыкновенныя и королевскія высочества, потомъ входили величества, король и королева саксонскіе, баварскіе и виртембергскіе со всѣми ихъ старинными и новыми нескончаемыми титулами, затѣмъ лакей объявлялъ пріѣздъ его императорскаго и апостольскаго величества императора австрійскаго. Когда всѣ эти громкіе и длинные титулы были пересчитаны, собраніе образовывало кругъ. Послѣ короткаго промежутка времени, дверь открывалась настежь, и лакей бросалъ замирающему отъ волненія собранію магическое слово: «L'Empereur»! Наполеонъ являлся въ шляпѣ, въ неряшливо одѣтомъ мундирѣ, съ вѣчными складками, покачивая свой маленькій и плотный корпусъ, движеніе, которымъ онъ умѣрялъ пылкость своего темперамента. Всѣ присутствующіе благоговѣйно разсту-

*) «Journal de Castellane» I, 161. (Vandal, t. III, p. 534).

пались передъ нимъ и приходили въ восторгъ, когда онъ къ нимъ обращался съ ласковымъ словомъ, хлопалъ по плечу, бралъ за усы, какъ сдѣлалъ однажды съ австрійскимъ генераломъ Бубномъ, или дергалъ за ухо, что было однимъ изъ его любимыхъ жестовъ. Раболѣпіе этой экзотической свиты часто доходило до предѣловъ, возмущавшихъ самого Наполеона. Онъ смѣялся надъ тѣмъ, что называлъ «нѣмецкимъ болванствомъ» (nigauderie allemande). На одномъ спектаклѣ въ Дрезденѣ на сценѣ появилось быстро вертящееся опереточное солнце съ надписью: «Менѣе великое и менѣе блестящее, чѣмъ *онъ*». «Эти господа, должно быть, считаютъ меня большимъ дуракомъ», замѣтилъ Наполеонъ, пожимая плечами, тогда какъ австрійскій императоръ одобрительно покачивалъ головой.

Впрочемъ Наполеонъ не упускалъ случая, чтобы не посмѣяться надъ нѣмецкими царственными особами. Гогенцоллернскій домъ еще теперь не можетъ забыть — это доказываетъ сравнительно недавняя выходка Вильгельма II-го противъ «корсиканской выскочки» — оскорбленія, которое Наполеонъ нанесъ королевѣ Луизѣ въ Тильзитѣ. Замѣчательная своей красотой супруга Фридриха-Вильгельма III-го, находившаяся тогда вмѣстѣ съ послѣднимъ въ Мемелѣ, близъ Тильзита, явилась къ Наполеону, чтобы защищать дѣло побѣжденной Пруссіи. Этотъ шагъ былъ предпринятъ противъ ея воли, по настоянію Александра I-го и прусскаго министра фонъ-Гольца, разсчитывавшихъ, что обворожительная красота королевы смягчитъ Наполеона. Онъ, дѣйствительно, принялъ королеву, стараясь быть галантнымъ, и когда она начала его просить оставить Пруссіи Вестфалію, Наполеонъ отвѣтилъ: «Вы просите многаго, но я обѣщаю подумать». Въ это же самое время Наполеонъ писалъ Жозефинѣ своимъ пикантнымъ стилемъ: «Прусская королева, дѣйствительно, очаровательна, она старательно ухаживаетъ за мною, но не будь ревнива; я *клеенка*, по которой все это только скользитъ. Очень дорого стоило бы мнѣ быть галантнымъ» *). Бѣдная королева Луиза, не подозрѣвая настоящей мысли Наполеона, считала свое дѣло выиграннымъ, продолжала бывать на его обѣдахъ и сіяющая говорила своимъ фрейлинамъ: «Приходите, приходите, чтобы вамъ разсказать... Если нужно, я согласна бы поселиться окончательно въ Тильзитѣ». На слѣдующій день она одѣла великолѣпное платье изъ золота и пурпура, чудный муслиновый тюрбанъ, оттѣняющій еще больше ея классическія черты, но въ эту самую минуту прискакалъ адъютантъ короля съ запиской, вызвавшей у нея нескончаемыя рыданія. «Настроеніе перемѣнилось и условія ужасны», писалъ злополучный владѣтель Пруссіи. Оказывается, что въ то же самое утро Таллейранъ поднесъ фонъ-Гольцу готовыя условія мира, предложивъ ему подписать ихъ безъ обсужденій, ибо

*) Correspondence 12275 (Vandal, t. I, p. 97).

Наполеонъ, желая уѣхать, хочетъ скорѣе покончить съ прусскими дѣлами. Наполеонъ разсказываетъ, что пріѣхавшая потомъ королева, увидѣвъ его, начала горько жаловаться: «Допустимо ли, чтобы я, имѣя счастье видѣть историческаго человѣка нашего столѣтія, не получила у него возможности и удовольствія выразить ему, что онъ меня привязалъ къ себѣ на всю жизнь». «Сударыня,—отвѣтилъ Наполеонъ,—я заслуживаю сожалѣніе: это только послѣдствія моей несчастной звѣзды» *).

Вообще въ своихъ личныхъ отношеніяхъ Наполеонъ не останавливался ни передъ какими средствами, включительно до обмана, что онъ доказалъ, между прочимъ, въ 1809 году, при заключеніи мира съ Австріей. Наполеонъ предложилъ австрійскому делегату князю Лихтенштейну подписать *проектъ* условій мира. Тотъ и согласился, полагаясь на слова Наполеона, что эти условія войдутъ въ силу только тогда, если ихъ одобритъ австрійскій императоръ.

Однако на другой же день Наполеонъ извѣщаетъ жителей города Вѣны объ окончательномъ заключеніи мира, а когда князь Лихтенштейнъ явился съ протестомъ, Наполеона уже не было въ астрійской столицѣ **). Такъ же поступилъ онъ и съ папой. Послѣдній все время до коронаціи, для которой пріѣхалъ въ Парижъ, требовалъ, чтобы ему была предоставлена формула благословенія. Наполеонъ все откладывалъ и сообщилъ ее только наканунѣ празднествъ, когда вся программа была уже напечатана въ газетахъ и папа ничего не могъ въ ней измѣнить.

VI.

То, что мы говорили до сихъ поръ, касается отношеній Наполеона къ личностямъ; но проницательность Наполеона простиралась дальше: за личностями онъ видѣлъ событія. Къ нему примѣнимо общеупотребительное, хотя не всегда съ основаніемъ, выраженіе: онъ читалъ въ будущемъ. Наполеонъ предвидѣлъ заранѣе, какія дальнія и близкія послѣдствія должно вызвать то или другое событіе и, благодаря этому онъ могъ предупреждать ихъ. Деказательство этого положенія мы находимъ въ исторіи всѣхъ его походовъ. Находясь еще въ Испаніи въ 1808 г., онъ предвидитъ уже, что Австрія не воздержится отъ того, чтобы не воспользоваться пораженіемъ французовъ въ Испаніи и не испробовать военное счастье. На слова людей онъ никогда не полагался, не столько потому, что люди могли скрывать отъ него свои мысли, но, что гораздо хуже, они могли обманывать самихъ себя. Логика вещей сильнѣе всякихъ клятвъ, и потому Наполеонъ всегда былъ готовъ къ худшей случайности, т.-е. къ войнѣ. Еще не прошелъ медовый мѣсяцъ тильзитскаго свиданія, когда между нимъ и Россіей вышли

---

*) Mémoires de St. Helène (Vandal, t. I, p. 99).

**) Metternich, t. I, p. 292.

недоразумѣнія изъ-за Пруссіи, которую Наполеонъ обѣщалъ очистить. Русскій посланникъ въ Парижѣ, генералъ Толстой, напоминаетъ Наполеону его обязательства выраженіями, въ которыхъ тотъ чуетъ угрозу. «Критика легка, а искусство трудно,—отвѣчаетъ Наполеонъ и продолжаетъ:—Что же вы сдѣлали бы? Кромѣ большихъ потерь, вы ничего другого не добились бы» *). «Если я принужденъ буду воевать съ вами, это, несомнѣнно, противъ моей воли», говоритъ онъ два года спустя Чернышеву. «Явиться съ 400000 людей на сѣверъ, проливать кровь безъ всякой цѣли, безъ всякой выгоды! Что вы выиграли отъ вашей войны въ Италіи? Масса людей погибла, только для того, чтобы доставить славу Суворову. Я же не явлюсь, какъ императоръ Павелъ, чтобы завоевать мальтійскій орденъ и сдѣлаться его магистромъ. Нужно, чтобы меня поняли». Другими словами, если онъ явится въ Россію, то лишь съ цѣлью разгромить и уничтожить ее.

Былъ ли искреннимъ Наполеонъ, увѣряя, что онъ не желаетъ войны? Развѣ не онъ ихъ вызывалъ? Да, это правда, но только отчасти. Наполеонъ, несомнѣнно, жаждалъ мира больше или, во всякомъ случаѣ, не меньше всей Европы. Онъ выражалъ свои истинныя мысли и въ знаменитомъ *Пятьдесятъ первомъ бюллетенѣ*, о которомъ мы уже упоминали, и въ томъ крикѣ, вырвавшемся у него въ Вѣнѣ, въ 1809 г., когда онъ разговаривалъ съ Чернышевымъ: «Кровь, постоянно кровь! Достаточно она уже текла!»

И, дѣйствительно, что могла дать ему теперь война? Пока онъ не сдѣлался императоромъ, военныя побѣды служили ему лѣстницей къ власти, но теперь власть была въ его рукахъ; съ другой стороны отъ вниманія Наполеона не ускользалъ глухой ропотъ французскаго народа, вызванный постоянными войнами, усталость его генераловъ и развитіе сильнаго націоналистскаго движенія въ Германіи, Италіи, Голландіи и во всѣхъ пострадавшихъ отъ его завоевательной политики странахъ. Новыя войны могли только усилить всѣ эти опасности. Но Наполеонъ не могъ примириться съ мыслью занимать положеніе обыкновеннаго европейскаго короля — быть другимъ экземпляромъ какого-нибудь Франца или Фридриха-Вильгельма, а безъ этой жертвы, съ его стороны, не могъ существовать прочный миръ. Скромная политика посредственностей не мирилась съ его титанической энергіей, съ его бѣшеной фантазіей, которая держала его всегда въ сферѣ грандіозныхъ плановъ. Этотъ человѣкъ, предусмотрительность котораго въ практической жизни доходила до того, что онъ интересуется цѣной мелочей, покупающихся для его двора, живетъ всегда въ мечтахъ. Чтобы уничтожить владычество Англіи, онъ задумываетъ проектъ, который Таллейранъ назвалъ «романомъ», завоевать Индію. Египетскій походъ, какъ извѣстно, былъ неудачнымъ началомъ исполненія

*) Tatischeff. p. 242.

этой мечты, которую Наполеонъ лелѣялъ до конца своего царствованія. Уничтожить Турцію, раздѣлить Австрію на нѣсколько королевствъ—это были такіе проекты, въ исполненіи которыхъ онъ не сомнѣвался послѣ того, какъ ему удалось завоевать Италію, Голландію и Германію. Съ высотъ Кремля, среди пылающей въ огнѣ Москвы, онъ мечтаетъ о томъ, чтобы провозгласить себя королемъ возстановленной Польши, думаетъ создать независимое смоленское княжество, воскресить казацкія республики, татарскія ханства, дать остальной Россіи конституцію и уничтожить крѣпостничество; революціонными дѣйствіями онъ хотѣлъ добиться того, чего не могла ему дать уничтоженная голодомъ и холодомъ великая армія *).

Наполеонъ хотѣлъ сдѣлать изъ Европы свободное поле для приложенія своихъ творческихъ силъ. Онъ не хотѣлъ соображаться съ частными интересами, съ историческими правами, съ пріобрѣтенными привилегіями. Единственной преградой своей дѣятельности онъ считалъ только естественныя границы своихъ силъ, единственнымъ оправданіемъ своего дѣла онъ считалъ прошлое. Тамъ, въ этомъ прошломъ, въ лицѣ Цезаря и Карла Великаго находилъ Наполеонъ людей, достойныхъ подражанія. Можетъ быть, онъ считалъ себя даже выше ихъ, но, во всякомъ случаѣ, не ниже. Онъ устраиваетъ свой дворъ по образцу двора Карла Великаго, а жизнь и смерть Юлія Цезаря является одной изъ частыхъ темъ его разговоровъ. «Трагедія должна стать школой королей и народовъ,—говорилъ онъ Гёте въ знаменитомъ свиданіи въ Веймарѣ 2-го октября 1808 года.—Это самая высокая цѣль, которой долженъ задаться поэтъ. Вы, напримѣръ, должны были бы написать о смерти Цезаря, но образомъ достойнымъ великаго сюжета и лучше, чѣмъ это сдѣлалъ Вольтеръ. Эта трагедія могла бы стать лучшимъ произведеніемъ вашей жизни. Слѣдовало бы показать міру, какое благополучіе принесъ бы ему Цезарь, какъ все перемѣнилось бы, если бы ему дали время для исполненія своихъ возвышенныхъ проектовъ. Пріѣзжайте въ Парижъ, я этого требую отъ васъ. Тамъ великое зрѣлище міра, и тамъ вы найдете гораздо больше сюжетовъ для поэзіи» **).

Гёте называлъ Наполеона человѣкомъ изъ гранита, имѣя въ виду его непоколебимую волю. Самъ же Наполеонъ приписывалъ своей сильной волѣ сверхъестественное дѣйствіе. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи анекдотъ, который разсказываетъ Меттернихъ со словъ Наполеона. Однажды, при въѣздѣ во дворецъ Сенъ-Клу, Наполеонъ былъ выброшенъ изъ экипажа и ударился животомъ объ угловой камень. «Я вчера пополнилъ свои опыты о силѣ воли, — говорилъ по этому

---

*) Vandal t. III, pp. 533—534.

**) См. примѣчаніе къ французскому изданію Conversations de Goethe recueillies par Eckermann. Paris 1863 г. t. I, pp. 83—84.

поводу Наполеонъ Меттерниху. — Когда я почувствовалъ ударъ въ животъ, мнѣ казалось, что я сейчасъ умру; однако, у меня было время сказать себѣ, что я не хочу умирать, и вотъ я живу; но всякій другой на моемъ мѣстѣ умеръ бы» *).

Изъ всего, что было сказано до сихъ поръ, видно, какимъ соединеніемъ необыкновенныхъ качествъ и недостатковъ отличался Наполеонъ; онъ проявляетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ умъ, волю, вообраafженіе, но нигдѣ эти достоинства не обнаружились съ такой силой, какъ на войнѣ, которая останется природной стихіей Наполеона. Тамъ онъ выступалъ во весь свой гигантскій ростъ, тамъ его геніальный умъ создавалъ великолѣпныя диспозиціи, помогавшія ему уничтожать врага въ нѣсколько разъ сильнѣйшаго; тамъ его воображеніе подсказывало ему лаконическія и блестящія слова, вливавшія энтузіазмъ въ сердца усталыхъ солдатъ; тамъ онъ проявлялъ ту дьявольскую энергію и выносливость, то спокойствіе духа и ясность мысли, которыя позволяли ему быть повсюду и руководить всѣми. При Маренго всѣ считали Бонапарта потеряннымъ, такъ какъ у него было меньше войскъ, чѣмъ у австрійцевъ, но онъ въ одну ночь перемѣняетъ позицію и увлекаетъ за собою австрійцевъ среди болотъ Маренго, гдѣ, вслѣдствіе недостаточнаго пространства, могла дѣйствовать только часть ихъ войскъ.

Онъ самъ исполнялся юношескимъ энтузіазмомъ во время своихъ походовъ. Въ 1812 году, въ Торнѣ—Наполеону было тогда 43 года—спавшіе въ сосѣдней съ его комнатой офицеры были разбужены звуками пѣсни:

> Et du Nord au midi la trompette guerrière
> A sonné l'heure des combats.
> Tremblez les ennemis de la France **).

Этотъ припѣвъ знаменитаго революціоннаго гимна «Chant du depart» доносился изъ комнаты императора.

На вѣсахъ побѣды личность Наполеона замѣняла мѣсто цѣлой арміи. Его присутствіе на полѣ сраженія было крупнымъ психическимъ факторомъ—положительнаго характера для французовъ и отрицательнаго для непріятеля. Если даже послѣдній и обладалъ иногда силами, превосходящими французскія, страхъ передъ неожиданными маневрами изобрѣтательнаго Наполеона лишалъ ихъ присутствія духа.

До сихъ поръ мы видѣли Наполеона дипломатомъ и воиномъ, посмотримъ теперь, какихъ политическихъ взглядовъ придерживался онъ. Однако, прежде всего слѣдуетъ спросить, имѣлъ-ли когда-либо Наполеонъ опредѣленныя политическія убѣжденія. Отвѣтъ только одинъ—вполнѣ отрицательный. Наполеонъ смотрѣлъ на идеи и на политиче-

---

*) Metternich, I, 285.

**) Vandal, III, 462.

скія системы съ той чисто *личной* точки зрѣнія, съ которой смотрѣлъ и на людей. «L'Etat c'est moi»,—говорилъ Людовикъ XIV. «Человѣчество—это я, политическія системы—это мое внутреннее убѣжденіе»,—могъ сказать Наполеонъ. И людей, и идеи онъ оцѣнивалъ по-стольку, поскольку они могли служить пьедесталомъ его собственнаго возвышенія. Можетъ быть, первое время онъ и увлекался искренно революціонными принципами, тѣмъ болѣе, что революціи онъ былъ обязанъ своими первыми успѣхами, однако, вскорѣ непреодолимое влеченіе властвовать взяло у него верхъ. Съ другой стороны, имя революціи было еще популярнымъ во Франціи, и вотъ почему Наполеонъ, въ первые годы своей императорской власти, ставитъ часто свой скипетръ и свою корону подъ покровительство фригійской шапки. «Я привѣтствую войну,—писалъ онъ въ 1804 году французскому посланнику въ Петербургѣ,—если она должна быть колыбелью имперіи, какъ была и колыбелью революціи». Но скоро онъ перестаетъ говорить отъ ея имени, а, наоборотъ, хочетъ изображать изъ себя своего рода европейскаго жандарма, поставленнаго исторіей, чтобы задушить революцію. Такъ, между прочимъ, онъ объяснялъ въ Эрфуртѣ Александру I свое вмѣшательство въ испанскія дѣла.

Сдѣлавшись императоромъ, Наполеонъ возстановляетъ многіе изъ тѣхъ архаизмовъ, которые были уничтожены революціей: онъ создаетъ новую аристократію, вводитъ въ моду придворный этикетъ VIII столѣтія, временъ Карла Великаго, старается быть принятымъ въ семью европейскихъ монарховъ, приходитъ въ восторгъ отъ вниманія, которое ему оказалъ въ 1806 году вюртембергскій владѣтель, и, наконецъ, женится на Маріи-Луизѣ, чтобы царской кровью облагородить кровь итальянскихъ эмигрантовъ Буонапарте. Теперь онъ счастливъ: онъ—зять древняго Габсбургскаго дома, теперь онъ можетъ говорить: «мой злосчастный дѣдъ Людовикъ XVI», чѣмъ вызоветъ ироническую улыбку даже у своихъ поклонниковъ.

Однако, не смотря на всѣ эти факты, можно-ли сказать, что онъ былъ проникнутъ монархическими и консервативными принципами? И да, и нѣтъ. Какъ острова, возникавшіе послѣ какой-нибудь вулканической катастрофы, монархія Наполеона зиждилась на развалинахъ европейскихъ монархій. Онъ уничтожилъ революцію во Франціи и разносилъ ее по всей Европѣ, онъ охранялъ себя всѣми учрежденіями и эмблемами абсолютной власти, но въ то же самое время онъ подрывалъ эту власть въ другихъ странахъ. Въ своемъ *Бюллетенѣ* и въ своихъ безчисленныхъ воззваніяхъ онъ возбуждалъ непокорность законной власти, унижалъ авторитетъ королей, раскрывая не только ихъ общественную, но и частную жизнь и украшая ихъ имена эпитетами, въ родѣ «polisson», «paresseux», «grec de Bas-Empire». Подъ императорской короной Наполеонъ изображалъ изъ себя санъ-кюлота временъ террора. Наконецъ, не слѣдуетъ-ли упомянуть, что онъ, съ одной

стороны, возстановилъ во Франціи культъ католической церкви, и онъ же прогналъ папу изъ Рима. Вотъ почему, не смотря на весь свой монархизмъ, Наполеонъ былъ въ дѣйствительности разрушителемъ общественныхъ устоевъ, какимъ его и считали короли Европы.

VIII.

Слѣдить за всѣми перипетіями дипломатіи Меттерниха въ періодъ съ 1807 по 1809 г. мы не станетъ. Результаты ея хотя и дѣлаютъ честь его ловкости, но въ общемъ интересы Австріи были въ печальномъ положеніи.

Кампанія 1809 года кончилась для Австріи еще печальнѣе, чѣмъ война 1805 года. Она потеряла почти всю Галацію, часть которой отошла къ варшавскому герцогству, находившемуся подъ покровительствомъ Наполеона, и часть—къ Россіи. Кромѣ того, Австрія потеряла еще иллирійскія провинціи, которыя Наполеонъ присоединилъ къ своимъ итальянскимъ владѣніямъ. Наконецъ, она обязалась не содержать больше 150.000 солдатъ. Другимъ послѣдствіемъ этой кампаніи было назначеніе Меттерниха на постъ министра иностранныхъ дѣлъ.

Непосредственныя обстоятельства, вызвавшія это назначеніе и до сихъ поръ не вполнѣ извѣстны. Друзья бывшаго министра Стадіона обвиняли его въ интригѣ — мнѣніе настолько установившееся, что даже третья жена Меттерниха, графиня Меланія Зичи, двадцать пять лѣтъ послѣ его назначенія, спрашивала своего мужа, правда ли это? *). Самъ же Меттернихъ представлялъ свое назначеніе, какъ совершившееся даже помимо его воли.

8-го іюля еще, послѣ пораженія при Ваграмѣ, графъ Стадіонъ, считавшій себя отвѣтственнымъ за войну, подалъ въ отставку и самъ предложилъ Меттерниха своимъ преемникомъ. Меттернихъ сначала отказывался принять такой отвѣтственный постъ и согласился только послѣ долгихъ настояній императора Франца. Однако, и послѣ формальнаго принятія министерскаго портфеля, онъ велъ себя осторожно. Меттернихъ въ письмахъ къ матери, сообщая о назначеніи, проситъ ничего не говорить, дабы его слова не дошли какъ-нибудь до родственниковъ Стадіона. Эта осторожность, за которою скрывается желаніе Меттерниха возложить всю отвѣтственность за войну и ея печальныя послѣдствія на Стадіона, заключалась въ томъ, что *до окончанія переговоровъ* Стадіонъ остается формально министромъ иностранныхъ дѣлъ. Самъ же Меттернихъ долженъ былъ участвовать въ переговорахъ, только въ качествѣ совѣтника императора Франца.

Вѣнскій миръ создавалъ для Австріи положеніе аналогичное тому, которое тильзитскій создалъ для Пруссіи. Со всѣхъ сторонъ Австрія

---

*) Дневникъ княгини Меланіи Меттернихъ отъ 6-го мая 1834 года (Memoires V, 572).

была окружена французскими владѣніями или государствами, какъ напримѣръ, варшавское герцогство, находившимися подъ покровительствомъ Франціи. Австрія не могла больше думать о новой войнѣ, тѣмъ болѣе. что ея торговля и финансы были окончательно разстроены; а ея войско доведено до безобиднаго для Наполеона минимума. Единственную политику, которую теперь Меттернихъ считалъ возможной и выгодной—это быть въ дружбѣ съ Наполеономъ, пока какая-нибудь счастливая случайность, какъ, напримѣръ, смерть французскаго императора, не избавитъ Европу отъ его страшнаго гнета.

Одно непредвидѣнное обстоятельство, случившееся скоро послѣ заключенія вѣнскаго мира, помогло Меттерниху исполнить первый пунктъ своей программы: сближеніе съ Франціей.

Еще въ Эрфуртѣ, Наполеонъ попросилъ у Александра руки его младшей сестры Анны Павловны; то же предложеніе онъ повторилъ и въ концѣ 1809 года. Александръ медлилъ отвѣтомъ, требуя каждый разъ новый срокъ, чтобы убѣдить свою мать. Наполеонъ истолковалъ эти колебанія въ неблагопріятномъ для себя смыслѣ и, не дождавшись окончательнаго отвѣта отъ петербургскаго двора, обратился къ австрійскому посланнику, князю Шварценбергу, прося руки австрійской эрцгерцогини Маріи-Луизы. Шварценбергъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, согласился и въ тотъ же день, отъ имени австрійскаго императора былъ подписанъ брачный договоръ. Онъ это сдѣлалъ, не заручившись формальнымъ согласіемъ своего правительства, предполагая, что оно встрѣтитъ совершившійся фактъ съ большой радостью. Дѣйствительно, такъ и случилось: императоръ Францъ охотно выдалъ свою дочь за Наполеона, «желая обезпечить своему государству», какъ онъ выразился, «нѣсколько лѣтъ мира, чтобы оно могло посвятить себя на вылечиваніе своихъ ранъ». Радовалось и вѣнское общество, а больше всѣхъ Меттернихъ. «Если бы я былъ спасителемъ мира,—писалъ онъ своей женѣ, пребывающей въ Парижѣ,—я не получилъ бы столько привѣтствій и признаковъ уваженія, какъ за содѣйствіе, которое оказалъ въ этомъ дѣлѣ. Я получу орденъ Золотого Руна».

Съ обыкновенной житейской точки зрѣнія этотъ бракъ былъ безнравственной политической сдѣлкой. Наполеонъ женился на принцессѣ, которую никогда въ жизни не видалъ, а Марія-Луиза выходила замужъ не по своей волѣ, а по требованію отца. Правда, Меттернихъ разсказываетъ, что, по просьбѣ императора Франца, онъ спросилъ ея мнѣніе, но этотъ шагъ, послѣ того какъ договоръ былъ подписанъ, дѣлался только изъ приличія. Марія-Луиза отвѣтила, что она подчинится рѣшенію своего отца, послѣ чего Меттернихъ пишетъ Шварценбергу слѣдующія, проникнутыя жестокой ироніей, слова по адресу австрійскихъ принцессъ: «Наши принцессы мало привыкли выбирать своихъ супруговъ по влеченію сердца».

Такъ былъ заключенъ знаменитый бракъ между стариннымъ габс-

бургскимъ домомъ и вчера еще неизвѣстной корсиканской фамиліей Буонапарте. Австрія, и въ этомъ случаѣ слѣдуя своему девизу: *Felix Austria nube*, старалась политикой браковъ добиться того, чего не могли ей дать нескончаемыя войны.

Вмѣстѣ съ будущей императрицей Франціи въ Парижъ поѣхалъ и Меттернихъ. Онъ самъ просилъ у императора Франца сопровождать его дочь съ цѣлью узнать на самомъ мѣстѣ новое направленіе французской политики. Думаетъ ли Наполеонъ, основавъ свою династію, заняться внутреннимъ устройствомъ Франціи, или бракомъ съ австрійской принцессой онъ желаетъ привязать къ себѣ Австрію и съ ея помощью продолжать свою завоевательную политику?

Меттернихъ оставался въ Парижѣ около шести мѣсяцевъ. Ловкому царедворцу и хитрому дипломату удалось скоро пріобрѣсти симпатіи и войти въ тайны французскаго общества и, главнымъ образомъ, французскаго императора. Меттернихъ зналъ цѣну и мѣсто лести. На другой день послѣ пріѣзда Маріи-Луизы въ Парижъ, онъ показался въ одномъ изъ оконъ Тюльерійскаго дворца, садъ и дворъ котораго были полны народомъ, и поднявъ бокалъ, крикнулъ, обращаясь къ толпѣ: «Да здравствуетъ король Рима» *). Чтобы понять смыслъ этого привѣтствія, вызвавшаго шумныя аплодисменты толпы, слѣдуетъ сказать, что этотъ титулъ долженъ былъ носить будущій наслѣдникъ Наполеона. Толпа была тѣмъ болѣе польщена, что титулъ «король Рима» принадлежалъ до пресбургскаго мира австрійской коронѣ, и теперь Меттернихъ еще разъ торжественно признавалъ за французскимъ императоромъ то, что было отнято у Австріи силой оружія.

Главный интересъ пребыванія Меттерниха въ Парижѣ заключается въ личныхъ бесѣдахъ, которыя онъ очень часто велъ съ Наполеономъ. Докладныя записки къ австрійскому императору, писанныя Меттернихомъ въ это время, подъ впечатлѣніемъ каждаго разговора, и напечатанныя во II томѣ его мемуаровъ, представляютъ интересный психологическій и историческій матеріалъ для характеристики личности и взглядовъ, какъ Наполеона, такъ и самого Меттерниха. Обыкновенно словоохотливый Наполеонъ теперь, когда онъ находился наверху своего могущества, когда послѣ военнаго счастья ему улыбнулось и счастье семейное, и онъ могъ уже надѣяться создать прочную династію Наполеоновъ, ощущалъ еще большій духовный подъемъ и проявлялъ еще большую общительность. Расхаживая по комнатѣ, онъ проводилъ цѣлыя ночи, развивая Меттерниху свои взгляды на будущее, поражая его неожиданными и мѣткими замѣчаніями, касающимися всѣхъ областей австрійской внутренней жизни, и кончалъ разсказами анекдотовъ и сплетенъ. Его умственный круго-

*) Vandal, II, 319.

зоръ, охватывавшій всѣ проявленія человѣческаго духа, великое и смѣшное, возвышенное и банальное, проявлялся во всей своей широтѣ. Однако, Меттернихъ не поддавался чарамъ великаго человѣка. Если онъ не обладалъ ни умомъ, ни талантомъ, ни энергіей Наполеона, у него былъ тотъ здравый смыслъ, который умѣлъ различать истину отъ вымысла. Со вниманіемъ онъ ловилъ каждое слово Наполеона, которое бросало бы свѣтъ на его будущую политику, и, вставляя мѣткія замѣчанія и вопросы, наводилъ разговоръ на итересующую его тему.

Изъ всѣхъ этихъ разговоровъ Меттернихъ вынесъ убѣжденіе, что цѣль и тактика Наполеона остаются прежними. «Я не ожидаю,—пишетъ онъ съ грустью императору Францу,—чтобы бракъ съ австрійской эрцгерцогиней былъ въ состояніи измѣнить завоевательные планы Наполеона».

Съ этимъ убѣжденіемъ отправился Меттернихъ обратно въ Вѣну, въ половинѣ октября 1810 года, чтобы занять постъ во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

IX.

Между тѣмъ, событія, развивавшіяся съ необычайной быстротой, должны были привести къ войнѣ Франціи съ Россіей. Наполеонъ не желалъ войны и не могъ ее желать, какъ не желалъ войны съ Австріей, какъ не желалъ войны съ Пруссіей. Еще меньше могъ желать войны императоръ Александръ, въ особенности съ такимъ противникомъ, какъ Наполеонъ. Но, съ другой стороны, ихъ противорѣчивые интересы должны были фатально привести къ столкновенію. Непосредственными причинами, вызвавшими войну, были отказъ Россіи подчиняться континенталаной системѣ, насильное присоединеніе Наполеономъ ольденбургскаго герцогства, дворъ котораго находился въ родственныхъ отношеніяхъ съ русскимъ царствующимъ домомъ и, наконецъ, стремленіе Наполеона превратить варшавское герцогство въ королевство Польши. До объявленія войны съ одной и другой стороны были сдѣланы попытки примиренія. Россія, между прочимъ, предлагала Наполеону обмѣняться: она соглашалась на присоединеніе ольденбургскаго герцогства къ Франціи, но въ замѣну требовала варшавское герцогство. «Нѣтъ, милостивый сударь,—отвѣтилъ Наполеонъ генералу Чернышеву, когда послѣдній высказалъ эту идею:—къ счастью, мы еще не пали такъ низко. Дать вамъ варшавское герцогство взамѣнъ ольденбургскаго—будетъ верхъ безумія. Какое впечатлѣніе произведетъ на поляковъ уступка хоть одного вершка ихъ территорія въ моментъ, когда Россія намъ угрожаетъ! Ежедневно мнѣ со всѣхъ сторонъ доносятъ, что ваше намѣреніе—вторгнуться въ герцогство. Слава Богу, мы еще не всѣ вымерли; я не больше фанфаронъ, чѣмъ всякій другой, я знаю, что у васъ хорошіе рессурсы, что ваше войско прекрасно и храбро и я участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, чтобы не

знать, какія ничтожныя случайности могутъ вліять на ихъ исходъ, но такъ какъ у насъ одинаковые шансы, то если Богъ побѣдъ возьметъ нашу сторону, я заставлю Россію каяться: она можетъ потерять не только польскія провинціи, но и Крымъ» *).

Исходъ кампаніи 1812 г. извѣстенъ, но Наполеонъ и послѣ страшнаго пораженія, которое потерпѣлъ въ Россіи, не растерялся. Послѣдніе остатки *великой арміи* бродили еще по русскимъ снѣжнымъ степямъ, тонули при злополучномъ переходѣ черезъ Березину, а Наполеонъ уже создавалъ новую армію, и, поспѣшно возвращаясь на поле сраженія, онъ доказалъ, что тамъ, гдѣ ему приходится воевать не со стихіями, а съ людьми, онъ былъ выше ихъ. 2-го и 29-го мая русскія и прусскія войска были разбиты при Люценѣ и Бауценѣ. Уныніе наступило снова въ лагерѣ союзниковъ. Особенно палъ духомъ Фридрихъ-Вильгельмъ III-й, повторявшій Александру I-му во время отступленія: «Вмѣсто того, чтобы двигаться къ западу, мы все идемъ на востокъ» **).

Тѣмъ не менѣе союзники не согласились на сдѣланное Наполеономъ предложеніе начать переговоры о мирѣ. Пораженіе, которое онъ потерпѣлъ въ Россіи, убавило много его военнаго престижа и, съ другой стороны, вызвало въ Германіи широкое патріотическое движеніе за независимость, увлекшее своимъ неудержимымъ потокомъ и слабохарактернаго и трусливаго Фридриха-Вильгельма III-го.

Прусскія и австрійскія войска, послѣ сраженія при Бауценѣ, отступили за Эльбу въ сѣверную Силезію. Военачальники стали приготовляться къ новой борьбѣ, а дипломатія направила всѣ свои усилія на привлеченіе Австріи въ коалицію противъ Наполеона.

Уже въ концѣ 1810 года въ Вѣну пріѣзжалъ спеціальный русскій уполномоченный, графъ Шуваловъ, предлагать Австріи военный союзъ противъ Наполеона. Но воспоминанія о Ваграмѣ были еще слишкомъ свѣжи, послѣдовавшая за вѣнскимъ миромъ франко-австрійская дружба только теперь давала свои плоды, и, наконецъ, военныя силы и финансовыя средства слишкомъ ничтожны и перспектива побѣдить Наполеона слишкомъ невѣроятна, чтобы Австрія могла принять русское предложеніе. Поэтому, оно и было отвергнуто и, главнымъ образомъ, по настояніи только что вернувшагося изъ Парижа Меттерниха. Самою выгодною политикой для Австріи онъ считалъ политику выжидательную. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, такое предложеніе о союзѣ было сдѣлано и со стороны Наполеона. Однако, по отношенію къ нему, свобода дѣйствій Австріи была болѣе ограничена, чѣмъ по отношенію къ Россіи Во-первыхъ, шансы побѣды были на сторонѣ Наполеона, и, такимъ образомъ, союзъ съ нимъ представлялся для Австріи болѣе выгоднымъ, ибо она могла получить какую-нибудь часть изъ завоеванныхъ

*) Vandal, II, 131.
**) Н. К. Шильдеръ, III.

территорій. Наоборотъ, если бы она не согласилась на союзъ съ Наполеономъ, рисковала бы потерять и остальную часть Галиціи, которую бы онъ отнялъ отъ нея для будущаго польскаго королевства, не давъ ей ничего въ замѣнъ. Эти соображенія и заставили Меттерниха согласиться на военную конвенцію съ Франціей. Однако, и здѣсь онъ обставилъ соучастіе Австріи такими условіями, которыя позволили бы ей легко перемѣнить фронтъ, въ случаѣ неудачнаго исхода войны. Австрійскій корпусъ, подъ командой князя Шварценберга, присылаемый на помощь французамъ, долженъ былъ дѣйствовать самостоятельно, т.-е. и совсѣмъ не дѣйствовать. Австрія также фиктивно воевала противъ Россіи, какъ войска князя Голицына воевали фиктивно противъ Австріи въ 1809 г. Офицеры русскаго отряда въ Галиціи вели дружескія бесѣды со своими предполагаемыми врагами—австрійскими офицерами корпуса Шварценберга.

Петербургское правительство отлично понимало, что Австрія идетъ съ Наполеономъ только подъ вліяніемъ страха и что она измѣнитъ ему, какъ только «Богъ побѣдъ» окажется на сторонѣ его враговъ. Но и эту перемѣну фронта Австрія совершала съ величайшею осторожностью, которая давала ей возможность брать ту или другую сторону, смотря по ходу событій.

Послѣ сраженія при Бауценѣ, Меттернихъ, въ тайномъ свиданіи съ Александромъ на Богемской границѣ, является съ проектомъ о посредничествѣ Австріи. Но рѣшительность Александра I продолжать во что бы то ни стало войну, его настоянія, чтобы Австрія приняла окончательное рѣшеніе, видимо подѣйствовали на Меттерниха и вызвали у него обѣщаніе принять сторону союзниковъ. Теперь политика о посредничествѣ являлась для него средствомъ выиграть время, необходимое Австріи для полной мобилизаціи своихъ войскъ.

Слухъ о свиданіи Меттерниха съ царемъ, несмотря на тайну, которой оно было окружено, дошелъ и до Наполеона, находившагося въ то время въ Дрезденѣ, и онъ выразилъ желаніе войти въ переговоры съ Меттернихомъ. Наполеонъ, съ своею обыкновенною проницательностью, предвидѣлъ новую перемѣну фронта австрійской политики, и было бы у него больше силъ, онъ, несомнѣнно, не терялъ бы времени, чтобы уничтожить по одиночкѣ своихъ противниковъ, какъ это онъ дѣлалъ всегда. Но времена смѣлыхъ проектовъ миновали: у Наполеона не было больше великой арміи. Онъ долженъ былъ теперь довольствоваться быстро обученными шестнадцатилѣтними мальчиками и войсками мелкихъ нѣмецкихъ владѣтелей, изъ которыхъ цѣлые полки переходили къ его врагамъ.

26-го іюня Меттернихъ пріѣзжаетъ въ Дрезденъ, въ тотъ же день былъ принятъ Наполеономъ и имѣлъ съ нимъ знаменитую бесѣду, длившуюся девять часовъ. «Значитъ, вы желаете войну, ну хорошо. Вы будете ее имѣть»! Этими словами встрѣтилъ Наполеонъ австрій-

скаго министра. «Я уничтожилъ прусскую армію при Люценѣ, русскую при Бауценѣ, теперь будетъ и ваша очередь. Я назначаю вамъ rendez-vous въ Вѣнѣ. Люди неисправимы, для нихъ урокъ жизни ничего не значитъ. Три раза я возстановлялъ императора Франца на его тронѣ; я обѣщалъ жить съ нимъ въ мирѣ до конца; я женился на его дочери. Еще тогда я себѣ говорилъ: ты дѣлаешь глупость, теперь я раскаиваюсь, но, что сдѣлано, того не вернешь». «Что вы хотите отъ меня?—сказалъ немного погодя опять Наполеонъ.—Чтобы я себя опозорилъ? Никогда. Я умру, но не уступлю ни одного вершка территоріи. Ваши государи, получившіе свою власть по наслѣдству, могутъ двадцать разъ потерпѣть пораженія и опять возвращаться въ свои столицы, но я этого не могу».

Меттернихъ усердно сталъ добиваться срока для переговоровъ, а въ сущности для лучшей организаціи австрійской арміи. Того же самого желалъ, очевидно, и Наполеонъ, ибо онъ согласился продолжить заключенное уже перемиріе съ Пруссіей и Россіей до 10-го августа и прислать делегатовъ въ Прагу на посредническую конференцію, созванную Австріей. Если вѣрить Меттерниху, онъ уходя изъ кабинета Наполеона сказалъ ему: «Вы потеряны, сиръ; пріѣзжая сюда, я это предчувствовалъ, а теперь ухожу вполнѣ въ этомъ убѣжденнымъ». Точно также, Меттернихъ разсказываетъ, что Наполеонъ говорилъ своимъ адъютантамъ по поводу ихъ свиданія: «У меня былъ длинный разговоръ съ Меттернихомъ, онъ держалъ себя храбро: тридцать разъ бросалъ я ему перчатку и тридцать разъ онъ ее поднималъ, но въ концѣ концовъ перчатка останется въ моихъ рукахъ».

Предполагаемые переговоры въ Прагѣ не привели ни къ какимъ результатамъ. Они даже фактически не состоялись и главнымъ образомъ, по винѣ Наполеона, нарочно медлившаго послать оффиціальныя полномочія своимъ делегатамъ. Мы не будемъ касаться кампаніи 1813 года. Но союзники не были увѣрены, что окончательная побѣда останется за ними. Они побѣдили Наполеона, но оставался еще французскій народъ. Поэтому союзники, вступивъ во Францію, объявили себя врагами Наполеона, а французскому народу, наоборотъ, дали торжественное обѣщаніе сохранить естественные предѣлы его отечества: Альпы, Рейнъ и Пиренеи. Когда министръ полиціи Савари показалъ Наполеону экземпляръ этой прокламаціи, тотъ воскликнулъ: «Только Меттернихъ въ состояніи ее написать, нужно быть маэстромъ обмана, чтобы говорить о Рейнѣ». Наполеонъ и не подозрѣвалъ, что Меттернихъ игралъ только скромную роль ученика, повторявшаго слова, сказанныя Таллейраномъ Александру I въ Эрфуртѣ. Таллейранъ и теперь продолжалъ оставаться совѣтникомъ враговъ Наполеона. До вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ, онъ вошелъ въ сношеніе съ ихъ дипломатами, чтобы подготовить временное правительство, замѣнявшее Наполеона. Тоже онъ продиктовалъ Нессельроде слова, которыя Але-

ксандръ I помѣстилъ въ своей прокламаціи къ парижанамъ. «Я являюсь среди васъ, не какъ врагъ — я вамъ приношу миръ и торговлю» *).

Однако, мира и согласія не было даже между самыми союзниками. Еще съ первой минуты совмѣстнаго дѣйствія, среди нихъ обнаружились два теченія: во главѣ одного стоялъ Александръ I, и во главѣ другого—Меттернихъ. У нихъ была постоянная вражда, какъ изъ за мелочей, такъ и за принципы. Еще до военныхъ дѣйствій, между ними начался споръ о главнокомандующемъ. Александръ предлагалъ назначить французскаго эмигранта, генерала Моро, одного изъ лучшихъ полководцевъ Наполеона, бѣжавшаго изъ Франціи, послѣ заговора противъ императора. Меттернихъ же предлагалъ князя Шварценберга, и такъ какъ онъ угрожалъ выйти изъ коалиціи, если послѣдній не будетъ назначенъ, Александру пришлось уступить. Меттернихъ прибавляетъ, что послѣ дрезденскаго сраженія, въ которомъ Моро былъ убитъ, Александръ обратился къ нему со словами: «Богъ разсудилъ насъ. Его мнѣніе сходно было съ вашимъ». Но то, чего Александръ никогда не могъ простить Меттерниху—это нарушеніе нейтралитета Швейцаріи. Сохраненіе послѣдняго было торжественно обѣщано Александромъ швейцарскимъ делегатамъ и своему учителю Лагарпу. Не смотря на это, Меттернихъ распорядился, чтобы австрійскія войска заняли Швейцарію и сдѣлали ея французскую границу базисомъ своихъ дѣйствій противъ Франціи. «Вы мнѣ сдѣлали неисправимое зло», говорилъ съ гнѣвомъ Александръ Меттерниху, узнавъ о его распоряженіи. Еще сильнѣе выражался онъ по адресу австрійскаго министра въ письмѣ къ Лагарпу, называя его образъ дѣйствій «гнуснымъ» **).

Въ противоположность, Меттерниху, царь старался казаться либеральнымъ. Онъ желалъ посадить на французскій престолъ шведскаго наслѣдника—бывшаго французскаго генерала Бернадотта или же предоставить французской націи выбрать себѣ какую нибудь другую династію. Меттернихъ наоборотъ стоялъ твердо за династію Бурбоновъ. Когда послѣдняя была возстановлена, Александръ I совѣтовалъ Людовику XVIII дать Франціи конституцію, Меттернихъ же хотѣлъ возстановленія стараго порядка вещей.

Но самое острое столкновеніе между русскимъ царемъ и австрійскимъ министромъ произошло на знаменитомъ Вѣнскомъ конгрессѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Г. Инсаровъ

---

*) Н. К. Шильдеръ, III. 212.
**) Шильдеръ, III. 181.

АВРААМЪ КАГАНЪ.

Изъ молодыхъ американскихъ беллетристовъ, которые выдвинулись за послѣдніи десять лѣть, самымъ интереснымъ для насъ, русскихъ, является Abraham Cahan, какъ соотечественникъ и яркій представитель русскаго реализма на американской литературной почвѣ. Этотъ оригинальный художникъ, столь непохожій на другихъ американскихъ беллетристовъ, является живымъ свидѣтельствомъ того, что геній русской литературы способенъ преодолѣвать самыя неблагопріятныя условія и забрасывать свое зерно даже на далекую и чуждую почву. Неожиданная эволюція молодого эмигранта, который явился въ Америку, не зная ни слова по-англійски, и черезъ нѣсколько лѣтъ, по словамъ извѣстнаго американскаго романиста и критика W. Howel's'a, сталъ писать языкомъ, изумительнымъ по своему изяществу, простотѣ и силѣ,—менѣе изумительна для насъ, русскихъ.

Она свидѣтельствуетъ лишній разъ о необыкновенной гибкости русскаго интеллигентнаго духа, который накопилъ въ послѣдніе полвѣка столько свѣжихъ и разнообразныхъ силъ и на порогѣ двадцатаго столѣтія старается найти имъ исходъ и поприще для приложенія.

Даже великая каменная стѣна, въ которой два вѣка тому назадъ было прорублено такъ называемое окно въ Европу, не является неодолимымъ препятствіемъ, ибо, кромѣ окна, въ стѣнѣ оказалась дверь и на нашихъ глазахъ оттуда изливается потокъ способнѣйшихъ русскихъ людей; одни уносятъ съ собой готовую работоспособность и почетное имя, другіе уходятъ полусложившимися мальчиками, унося только привычку жить на чердакѣ и питаться хлѣбомъ съ чаемъ, и потомъ зарабатываютъ св и шпоры въ незнакомыхъ условіяхъ среди самой ожесточенной борьбы за существованіе, проходя въ теченіе немногихъ лѣтъ нѣсколько самыхъ разнообразныхъ человѣческихъ поприщъ.

Но воспоминаніе о старой родинѣ живетъ въ ихъ душѣ, какъ незакрывшаяся рана, и черезъ десятки лѣтъ они еще слышатъ, подобно одному изъ героевъ Ав. Кагана, доносящійся чрезъ всю ширину океана, голосъ русскихъ полей и смутный гулъ далекихъ русскихъ городовъ, полныхъ голода, страданій и борьбы за лучшее будущее.

Авраамъ Каганъ является по преимуществу бытописателемъ разно-

язычной человѣческой толпы, которая населяетъ восточную часть нижняго Нью-Іорка и, съ одной стороны, переваривается въ огромномъ столичномъ котлѣ на американскій ладъ, а съ другой—ежегодно пополняется новой волной сырого матеріала, приливающей изъ Европы. Въ короткихъ и яркихъ картинахъ русско-американскій беллетристъ раскрываетъ предъ нами тайну «внезапнаго расширенія человѣческой души» и наглядно изображаетъ, какъ въ каждой живой частичкѣ человѣческаго потока подъ вліяніемъ внезапныхъ условій изъ-подъ корня европейскаго невѣжества и угнетенія просыпается подъемъ энергіи, жадной и неразборчивой въ средствахъ, но способной сокрушить всѣ преграды. Такимъ образомъ, слѣдуя за Кагановъ, мы воочію видимъ, какъ изъ Іекла Подкерниха и Рувки Маклеровича постепенно вырабатываются Джекъ Подкерстонъ и Реубенъ Мак-Леодъ.

Послѣднія два имени свидѣтельствуютъ, что Ав. Каганъ охотнѣе всего выбираетъ свои темы въ средѣ русско-еврейскихъ эмигрантовъ.

Подробности нью-іоркской городской жизни мало извѣстны не только въ Европѣ, но даже въ Америкѣ. Интеллигентный житель Филадельфіи или Чикаго не можетъ представить себѣ, что въ американской промышленной столицѣ, рядомъ съ капищами нефтяного и стального трёстовъ и банкирскими конторами Моргановъ и Рокфеллеровъ находится столько иноплеменныхъ человѣческихъ гнѣздъ. А между тѣмъ, на востокъ отъ Бродвея, въ двухъ стахъ шагахъ, начинается итальянскій кварталъ, гдѣ даже колбаса въ окнахъ съѣстныхъ лавокъ выглядитъ по-сицилійски, гдѣ группы смуглыхъ и черноволосыхъ рабочихъ сидятъ на тротуарахъ и обѣдаютъ помедорами и лукомъ; потомъ слѣдуетъ цѣлый еврейскій міръ, потомъ китайскій кварталъ, гдѣ только съ недѣлю тому назадъ устроили новому китайскому послу торжественную встрѣчу съ фейерверками, гонгами и даже китайскими знаменами. Къ западу отъ Бродвея тоже въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ находятся околотки сирійскій и греческій, не менѣе, если не болѣе оригинальные. Къ сѣверу около семидесятой улицы живутъ чехи и поляки, даже русины и бѣлоруссы, не говоря уже о нѣмцахъ и ирландцахъ, которые наполняютъ всѣ окраины и держатъ въ своихъ рукахъ всю политическую жизнь города.

И надъ всѣми этими разноязычными центрами дымятъ курнымъ углемъ сотни фабричныхъ трубъ и грохочутъ проворные паровозы и электромобили воздушныхъ, подземныхъ и водяныхъ дорогъ огромнаго города.

Русскіе евреи, насчитывающіе болѣе полутораста тысячъ и ежегодно возрастающіе въ числѣ, занимаютъ среди этой смѣси человѣческихъ племенъ очень видное мѣсто. Все это большею частью фабричные рабочіе и ремесленники, въ особенности портные, создавшіе въ двадцать лѣтъ обширную отрасль промышленности и снабжающіе теперь готовымъ платьемъ всю сѣверную и среднюю Америку за третью

часть прежней цѣны. Довольно много мелкихъ и среднихъ торговцевъ, а въ молодомъ поколѣніи представителей интеллигентныхъ профессій, докторовъ, адвокатовъ, инженеровъ, ибо ни одно племя не стремится съ такой настойчивой и упрямой жадностью завоевать образованіе своимъ дѣтямъ. Ав. Каганъ болѣе чѣмъ кто-либо другой способенъ выступать бытописателемъ этой любопытной среды, ибо онъ явился сюда въ 1882 году вмѣстѣ съ первой ея волной и съ тѣхъ поръ все время жилъ ея жизнью, былъ фабричнымъ рабочимъ и учителемъ, ораторомъ на митингахъ и репортеромъ, а въ настоящее время состоитъ редакторомъ «Forward», большой ежедневной газеты на еврейскомъ языкѣ, имѣющей очень опредѣленное направленіе и обращеніе въ 15.000 нумеровъ. (Есть еврейскія газеты, выходящія въ количествѣ 40.000 нумеровъ ежедневно).

Въ русской литературѣ Ав. Каганъ мало извѣстенъ. Два—три разсказа были переведены въ «Восходѣ», но общей читающей публикѣ остались неизвѣстны. Одинъ разсказъ былъ переведенъ въ журналѣ «Жизнь» за 1900 годъ. Между тѣмъ въ Америкѣ Howels привѣтствовалъ Кагана послѣ появленія его перваго сборника, какъ самаго талантливаго изъ молодыхъ нью-іоркскихъ беллетристовъ, а другой критикъ въ распространенной чикагской газетѣ назвалъ его разсказы наиболѣе интересной и содержательной книгой американской литературы за текущій мѣсяцъ.

Много разъ пробовали сравнивать Кагана съ Зангвиллемъ. По моему мнѣнію, Каганъ превосходитъ Зангвилля полнымъ отсутствіемъ романическаго идеализма и полнымъ знаніемъ своей любимой области, ибо Зангвилль, родившійся англичаниномъ, знаетъ только англійскую сторону «Дѣтей и внуковъ лондонскаго Гетто» и между прочимъ обладаетъ весьма неполнымъ пониманіемъ остраго общественнаго разлада между различными классами своихъ соплеменниковъ.

Поэтому, будетъ поучительно подчеркнуть, что еврейскія буржуазныя газеты въ Англіи и Америкѣ, столь благосклонно встрѣтившія Зангвилля, отнеслись къ Кагану съ рѣшительнымъ осужденіемъ.

По поводу романа «Іекль» онѣ, напр., обвиняли Кагана, что онъ изображаетъ только тѣневыя стороны еврейскаго народа и выводитъ нью-іоркскихъ портныхъ слишкомъ бѣдными и безнравственными. «Развѣ мало еврейскіе богачи жертвуютъ на образованіе и улучшеніе жизни своего народа?» съ пафосомъ спрашивала самая распространенная еврейская газета въ Америкѣ. Другая дошла до того, что назвала романъ пощечиной еврейству.

Нападки въ особенности усилились по появленіи очень интереснаго и смѣлаго разсказа «The apostate of Chegochegg» (Выкрестка изъ Чегочега), гдѣ еврейская дѣвушка принимаетъ православіе и выходитъ замужъ за бѣлорусса.

Нѣкоторые еврейскіе журналы дошли до того, что назвали Кагана

предателемъ, который продаетъ свою расу по гривеннику со строчки. Нельзя не отмѣтить, однако, и того, что демократическіе еврейскіе журналы съ самаго начала приняли сторону дерзкаго писателя, изображавшаго жизнь такою, какъ она есть въ дѣйствительности, и газета, редактируемая Кагановъ, является до сихъ поръ наиболѣе распространенной среди бѣдныхъ рабочихъ элементовъ на «восточной сторонѣ» Нью-Іорка.

Въ послѣднее время Ав. Каганъ занятъ большимъ романомъ изъ американско-еврейской жизни, который обѣщаетъ быть наиболѣе значительнымъ изъ его произведеній. Первая часть романа происходитъ въ Россіи, а вторая въ Америкѣ. Главными дѣйствующими лицами являются демократическій интеллигентъ изъ бывшихъ петербургскихъ студентовъ и молодая дѣвушка, дочь банкира, родившаяся и воспитавшаяся въ Америкѣ. Романъ будетъ носить характерное заглавіе «Shasm»— «Беадна», ибо его главной задачей является изображеніе бездны, между жизненными идеалами еврейской интеллигенціи русскаго и американскаго происхожденія. Такимъ образомъ въ концѣ романа любовь русскаго студента и дочери американскаго богача кончается полнымъ разрывомъ, ибо во время большой стачки портныхъ герой является однимъ изъ дѣятельныхъ устроителей, а героиня, разочаровавшись въ своихъ неумѣлыхъ и высокомѣрныхъ попыткахъ создать артистическое воспитаніе въ рабочей средѣ, принимаетъ сторону своего отца и его союзниковъ—«выжимателей пота» и, въ концѣ концовъ, выходитъ за своего прежняго жениха, который, между прочимъ, въ угоду ей изучалъ искусство и греческій языкъ.

Романъ полонъ интересныхъ положеній и правдивыхъ картинъ и захватываетъ многія стороны еврейской, а также и христіанской жизни въ Нью-Іоркѣ.

Предлагаемый небольшой разсказъ, «Димитрій и Зигрида», одинъ изъ послѣднихъ написанныхъ Кагановъ, показываетъ, что жизнь христіанскихъ эмигрантовъ не менѣе знакома его наблюдательному уму. Несложная фабула и простота эффектовъ, которые авторъ пускаетъ въ дѣло, еще болѣе усиливаетъ значительность «случая изъ дѣйствительной жизни», который разсказанъ на этихъ немногихъ страницахъ.

Танъ.

ДИМИТРІЙ И ЗИГРИДА.

Разсказъ **А. Кагана**.

Новая партія эмигрантовъ прибыла въ «Barge Office». Тутъ были: словаки, мадьяры, поляки, евреи, нѣсколько сирійцевъ, армянъ и два-три одинокихъ представителя другихъ націй. Безцвѣтное, хмурое небо нависло надъ заливомъ, и въ «палатѣ задержанныхъ» царили подавляющіе сумерки. Красный, желтый и черный цвѣта выдѣлялись среди множества другихъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Палата была наполнена обычнымъ шумомъ и суетой; всѣ рвались поскорѣе выйти въ «Америку». Одни спрашивали, далеко ли еще до Америки, другіе знали изъ писемъ родственниковъ, что это былъ «Castle Garden» (имя старой эмигрантской пристани остается по сю пору за давно смѣнившими ее мѣстами) и что «Castle Garden» въ Америкѣ. Всѣ задавали вопросы, просили, плакали, ругались, цѣловали руки служащихъ.

Чиновники охрипли, измучились, стали раздражаться. Польская баба плакала и ломала руки, потому что привезенный ею адресъ былъ слишкомъ неразборчивъ, и никто не являлся, чтобы взять ее отсюда. Старикъ еврей весь дрожалъ отъ волненія при мысли, что онъ добрался-таки до Америки и увидитъ, наконецъ, своего сына, съ которымъ не видѣлся уже шесть лѣтъ. Человѣкъ съ болѣзненнымъ лицомъ, не получившій разрѣшенія на въѣздъ изъ за-своей бѣдности и чахлаго вида, со слезами разсказывалъ другимъ эмигрантамъ, какъ онъ продалъ послѣдніе пожитки, чтобъ съ семьей добраться до Америки. Словачка бранила мужа за то, что у него не хватало смѣлости попросить для нея еще похлебки. Крестьяне, прижавшись къ стѣнѣ, шептались, вздыхали, ждали... У одного стола толпа народу обступила молодого человѣка, который зналъ множество языковъ, и обязанность котораго состояла въ томъ, чтобъ отправлять телеграммы по удобочитаемымъ адресамъ. Всѣ галдѣли сразу на разныхъ языкахъ.

Въ одномъ углу комнаты худощавый молодой человѣкъ со смуглымъ, интеллигентнымъ лицомъ что-то говорилъ лысому чиновнику по-французски. Онъ былъ румынъ и, какъ всѣ почти образованные люди на его родинѣ, бѣгло говорилъ на языкѣ фешенебельнаго общества.

— Я не буду обузой для американцевъ,—говорилъ онъ,—я готовъ исполнять самую тяжелую работу.

— У васъ совсѣмъ нѣтъ денегъ?—грубо прервалъ его чиновникъ. Онъ стоялъ, наклонивъ голову на бокъ и глядѣлъ равнодушными глазами въ стѣну.

— Нѣтъ!—отвѣтилъ молодой человѣкъ.—Все ушло на дорогу.

Чиновникъ глядѣлъ попрежнему сурово, но, повидимому, эми-

грантъ задѣлъ чувствительную струну въ его сердцѣ, ибо, хотя это дѣло касалось коммиссіи для спеціальныхъ изслѣдованій, онъ продолжалъ слушать его разсказъ.

— Я думалъ, что у меня какъ разъ хватитъ на дорогу и на то, чтобъ показать властямъ здѣсь необходимую сумму, — продолжалъ румынъ,—но агентъ въ Бременѣ такъ долго держалъ меня, что я остался безъ копѣйки.

Онъ говорилъ тихимъ, пріятнымъ голосомъ и какъ человѣкъ, который получилъ хорошее воспитаніе.

— Чѣмъ вы занимались дома?—спросилъ чиновникъ, продолжая хмурить лобъ, но уже совсѣмъ безъ грубости.

— Я былъ офицеромъ,—отвѣтилъ молодой человѣкъ, опустивъ глаза. Случилось... несчастье... Я долженъ былъ уѣхать.

Чиновникъ насторожился. Румынъ коротко неохотно разсказалъ ему, какъ онъ, будучи прапорщикомъ, нанесъ старшему офицеру оскорбленіе въ присутствіи другихъ за то, что тотъ оклеветалъ его сестру.

Чиновникъ объяснилъ Димитрію Рубеску (такъ звали молодого эмигранта), что онъ не имѣетъ права выпустить его, и что даже «Спеціальная коммиссія» не можетъ обойти закона, но обѣщалъ заинтересовать въ его дѣлѣ какое-нибудь общество, а пока совѣтовалъ не унывать.

Димитрій почувствовалъ себя ободреннымъ. Онъ снова усѣлся въ углу на своемъ потертомъ чемоданѣ и, вынувъ грамматику, принялся изучать англійскій языкъ. Ему, однако, не удавалось сосредоточиться на этомъ занятіи. Дѣлая усилія, чтобы запомнить незнакомыя слова, онъ, мало-по-малу, чувствовалъ, что у него опять тяжело становится на душѣ. Какъ онъ ни старался, но онъ не могъ серьезно относиться къ этимъ страннымъ словамъ, не могъ представить себѣ, чтобъ они въ самомъ дѣлѣ составляли части человѣческой рѣчи. Сражаясь съ неподдающимися звуками, онъ все больше и больше чувствовалъ свое одиночество. Большой городъ и вся страна, въ которую онъ такъ искалъ доступа, представлялись ему волнующейся массой неопредѣленныхъ, жестокихъ лицъ. Сердце его похолодѣло отъ этого образа. Охваченный сильной тоской по родинѣ, онъ мысленно обратился къ матери и сестрѣ и сталъ просить ихъ, чтобъ онѣ думали о немъ. Онъ долго сидѣлъ и глядѣлъ впередъ, ничего не видя, кромѣ своего отчаянія.

Неужели онъ осужденъ на вѣчное изгнаніе? Неужели возможно, что онъ никогда больше не увидитъ родины? Димитрій былъ юноша съ любящей, нѣжной душой; ему было всего двадцать два года, но онъ выглядѣлъ еще моложе, а въ настоящемъ своемъ положеніи онъ чувствовалъ себя, какъ десятилѣтній мальчикъ.

Постепенно, когда острая боль улеглась, и онъ сталъ чувствовать суету вокругъ себя и различать окружающія лица, глаза его остано-

вились на свѣжемъ лицѣ бѣлокурой дѣвушки въ синемъ платьѣ и шляпкѣ, которая сидѣла на узлѣ и читала небольшую Библію. Ея красивая голова была опущена, и губы шевелись съ тихимъ усердіемъ, точно она сообщала книгѣ тайну своего тоскующаго сердца. Димитрій слегка наклонился впередъ, незамѣтно слѣдя за движеніями ея рта. Спустя немного, онъ опять было попробовалъ взяться за грамматику, но опять враждебныя слова оттолкнули его. У него не хватало духу вслухъ произнести слово, невозможное эхо котораго отпечатлѣвалось у него въ мозгу. Глаза его опять обратились въ сторону пригожей дѣвушки, которая все еще бормотала надъ своей Библіей.

Прошло около часу. Молодые люди врядъ ли обмѣнялись еще взглядомъ; она, однако, чувствовала, что онъ на нее смотритъ, и не сердилась на него за это.

Небо прояснилось; служителя подняли сторы, и потокъ апрѣльскаго воздуха и свѣта хлынулъ въ темную, душную палату. Молодая дѣвушка подняла глаза къ окну; лицо ея опечалилось, глаза наполнились слезами.

Димитрій подошелъ къ ней и спросилъ ее по-французски, почему она задержана. Она покачала головой, пожала плечами и улыбнулась сквозь слезы. Онъ тоже улыбнулся. Постоявъ немного передъ ней, онъ взялъ свой чемоданъ и подвинулъ поближе.

— На какомъ языкѣ вы говорите?—безнадежно спросилъ онъ.

— Я не понимаю, что вы говорите,—отвѣтила она по-шведски съ огорченіемъ во взглядѣ и оба разсмѣялись.

Къ вечеру они были разлучены, такъ-какъ на ночь задержанныхъ эмигрантовъ переводили на баржи, стоявшія у острова Эллисъ-Айландъ; но на слѣдующее утро они опять встрѣтились и съ этого дня почти всегда были вмѣстѣ. Онъ приносилъ ей завтракъ, выбиралъ всегда лучшій кусокъ мяса изъ своей похлебки и клалъ на ея тарелку и разъ даже чуть не подрался съ однимъ венгромъ за то, что тотъ посадилъ ребенка на ея узелъ.

Время отъ времени статная надзирательница въ очкахъ, проходя мимо шведки, останавливалась поговорить съ нею на ея родномъ языкѣ.

— Ну, Зигрида, все читаешь Библію? — спрашивала она. — Это не худо, это развлекаетъ тоску; Богъ вызволитъ тебя отсюда за твою набожность!—Когда надзирательница отходила, Зигрида, бывало, взглянетъ значительно на Димитрія, а онъ отвѣтитъ ласковой улыбкой, какъ будто понималъ о чемъ говорили обѣ женщины.

Зигрида терпѣливо переносила свое положеніе. Она часто имѣла скучный видъ и читала свою Библію съ безнадежнымъ выраженіемъ въ голосѣ, но никто никогда не видѣлъ, чтобъ она сердилась или раздражалась. Несмотря на то, что она ежедневно проводила семь часовъ въ этой затхлой атмосферѣ, лицо ея оставалось такимъ же цвѣ-

тущимъ, а довѣрчивые глаза не теряли своего мягкаго блеска, а со времени своего нѣмого знакомства съ молодымъ румыномъ она и совсѣмъ почти перестала скучать. Димитрій, напротивъ, сильно осунулся и худѣлъ съ каждымъ днемъ. Зигрида замѣтила это и однажды, сложивъ руки въ знакъ сочувствія, посмотрѣла на него жалостливымъ взглядомъ. Но онъ не понялъ ея и только смущенно засмѣялся. Когда ей хотѣлось пить, она съ улыбкой приставляла кулакъ ко рту, и Димитрій вскакивалъ и приносилъ ей стаканъ свѣжей воды.

Одинъ разъ, когда они сидѣли, обмѣниваясь взглядами и улыбками, лицо его вдругъ измѣнилось и, ткнувъ себя указательнымъ пальцемъ въ грудь, онъ чуть не съ яростью воскликнулъ: «Димитрій! Димитрій!» и вслѣдъ за этимъ, съ прежней лаской, вопросительно указалъ пальцемъ въ ея сторону. Въ переводѣ на языкъ словъ это должно было означать: мое имя Димитрій, а ваше? Но, къ его жестокому разочарованію она отвѣтила лишь широко раскрытыми, недоумѣвающими глазами.

Надзирательница привыкла видѣть смуглаго румына возлѣ бѣлокурой шведки. Иногда, видя какъ они улыбаются другъ другу или весело жестикулируютъ, какъ чета глухонѣмыхъ, она тоже, бывало, улыбнется и пройдетъ мимо. Любовныя ухаживанія строго воспрещались въ палатѣ, такъ что материнскую улыбку надзирательницы можно было истолковать еще и такъ: «Не забывайтесь и ведите себя такъ всегда; если же вы посмѣете только прикоснуться рукой къ рукѣ, я должна буду немедленно разлучить васъ».

Когда, бывало Димитрій, берется за грамматику, Зигрида слегка надуется, не то наклонится надъ его книгой и начнетъ шаловливо повторять его слова, до тѣхъ поръ, пока онъ не броситъ. Однако, когда она читала Библію, и онъ пробовалъ передразнивать ея благочестіе, она знаками давала ему понять, что это грѣхъ, и онъ переставалъ. Кромѣ грамматики, у Димитрія былъ еще словарь, и когда онъ въ первый разъ вынулъ его изъ чемодава и показалъ ей, лицо ея просіяло, и она кое-какъ объяснила ему на ихъ нѣмомъ языкѣ, что она знаетъ, какая это книга, и она хотѣла бы имѣть такую же на своемъ собственномъ языкѣ. Она съ большимъ уваженіемъ смотрѣла черезъ его плечо, какъ онъ переворачивалъ страницу за страницей. Димитрій находилъ много словъ, которыя были почти одинаковы на обоихъ языкахъ, и каждый разъ, встрѣчая, такое слово, онъ восторгался, точно встрѣтилъ вдругъ земляка въ странѣ изгнанія.

Вдругъ онъ поднялъ голову и, озаренный новой мыслью, захлопалъ въ ладоши: ему пришло на умъ, что еслибъ у дѣвушки былъ англійскій словарь для ея родного языка, они могли бы какъ-нибудь сговориться на языкѣ новой страны. Онъ весь волновался. Чудесная мысль! И какая пріятная забава впереди! Онъ не успокоился, пока Зигрида

не обѣщала попросить надзирательницу одолжить ей шведско-англійскій и англо-шведскій словарь.

Спустя нѣкоторое время, они уже сидѣли, погруженные въ игру, которую онъ старался объяснить ей. Онъ началъ съ того, что сталъ искать въ своемъ словарѣ англійскія слова, которыя хотѣлъ сказать ей, а она должна была найти значеніе этихъ словъ въ англійско-шведской части своего словаря, и когда выходило, что она вѣрно поняла его посланіе, она должна была составить отвѣтъ по-англійски, роясь уже въ другой половинѣ своего словаря; тогда Димитрій переводилъ это на румынскій, и, такимъ образомъ, разговоръ продолжался. Зигрида едва ли когда держала словарь въ рукахъ и потому не сразу поняла процедуру. Мало-по-малу, однако, она стала соображать и черезъ часъ уже такъ же легко находила слова, какъ и Димитрій обнаруживая не менѣе вдохновенія въ разборѣ взаимныхъ посланій.

Вотъ было наслажденіе находить смыслъ въ смѣшныхъ словахъ, которыя онъ выписывалъ, и потомъ слѣдить за нимъ и видѣть, какъ онъ тоже начинаетъ понимать слова, которыя она выкопала въ своемъ словарѣ! Щеки ея горѣли. Каждый разъ, когда она разбирала его посланіе, она вскидывала руками и хохотала. Но Димитрій не смѣялся; онъ весь былъ погруженъ въ работу, перелистывая словарь и списывая слово за словомъ, и по мѣрѣ того какъ смыслъ его посланія открывался для нея, лицо его принимало глубоко сосредоточенный видъ, какъ у человѣка, увлеченнаго игрой въ шахматы. Казалось, какъ будто глухонѣмой внезапно заговорилъ; между тѣмъ, слова продолжали таинственно выходить неизвѣстно откуда, и самая эта таинственность придавала особое напряженіе его интересу.

Другіе эмигранты обступили ихъ, слѣдя за ихъ страннымъ занятіемъ, но молодые люди даже не замѣчали этого: имъ было не до нихъ.

— Вы имѣете родственники въ Америкѣ?—писалъ Димитрій.

— Я имѣю тетка. Вы?—отвѣчала Зигрида.

— Гдѣ ваша тетка?—спрашивалъ онъ дальше, и она отвѣчала:

— Знаю не. Терять адресъ. Американская дама сказать, она найти моя тетка.

Чиновники напали на слѣдъ, по которому можно было найти тетку Зигриды. Эта тетка оставила Швецію, когда Зигридѣ было два года, и когда жила еще мать ея. Дѣвушка знала о теткѣ только то, что она не имѣла дѣтей, и что фамилія ея мужа была Дансенъ. Пока отецъ Зигриды оставался вдовцомъ, тетка довольствовалась тѣмъ, что посылала ей пять долларовъ на именины и столько же на Рождество. Когда же онъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, женился на старой дѣвѣ, тетка Зигриды такъ вскипѣла, что послала племянницѣ деньги на дорогу. Все это Зигрида, какъ умѣла, объяснила румыну, дополняя жестами то, чего не могла выразить словами. Димитрій, въ свою очередь, разсказалъ ей свое горе. Узнавъ, что онъ былъ офицеромъ, она вне-

запно стала сдержаннѣе и даже почтительнѣе. Но это продолжалось недолго, и когда она разъ увидѣла, какъ онъ помогалъ красивой польской дѣвушкѣ запаковать вещи, лицо ея отуманилось, и только когда онъ изъ глубины двухъ словарей извлекъ фразу: «не быть сердита», она снова улыбнулась.

— У васъ есть женихъ?—писалъ онъ потомъ.

Разобравъ вопросъ, она ударила его по рукѣ.

— Сказать правда,—настаивалъ онъ.

Она приложила руку къ сердцу и покачала головой.

Въ одно утро, послѣ того, какъ еще одна партія эмигрантовъ была выпущена и палата значительно опустѣла, Димитрій писалъ ей:

— Грустно! Грустно! Грустно!

Когда она прочла и нашла это слово въ словарѣ, слезы навернулись на ея глаза. Онъ сказалъ ей, что она «добрый ангелъ», и застѣнчиво поглядывалъ на нее сбоку, пока она отыскивала значеніе этихъ словъ. Наконецъ, лицо ея озарилось, и, выхвативъ карандашъ изъ его рукъ, она стала готовить отвѣтъ.

— А вы дурной человѣкъ,—написала она.

— Я не шутить, Зигрида,—писалъ онъ.—Знаю не гдѣ я быть, и гдѣ вы быть, но я вѣчный помнить ты.

Не поднимая головы, она принялась за отвѣтъ.

— Я также никогда не забыть ты. Никогда, никогда!—читалъ онъ.

Немного дней спустя, палата задержанныхъ кишѣла итальянцами. Большая часть уже была выпущена, но работы было много, и среди общаго гула пестрой толпы эмигрантовъ раздавались сухіе и рѣзкіе возгласы чиновниковъ. Димитрій и Зигрида сидѣли въ обычномъ углу со своими словарями на колѣняхъ и съ глазами, устремленными въ окно. Мысли ихъ были далеко другъ отъ друга, но сердца были связаны чувствомъ необезпеченности, которымъ дыханіе весны повѣяло на обоихъ.

Внезапно она вздрогнула. Ея имя назвали, и вслѣдъ за тѣмъ старшій чиновникъ, въ сопровожденіи надзирательницы, подошелъ къ ней. Въ пріемной ждала госпожа Дансенъ, и Зигриду вывели.

Димитрій остался, какъ былъ, съ раскрытымъ ртомъ. Онъ кинулся къ двери, за которой исчезла шведка, но привратникъ оттолкнулъ его назадъ. Во время обѣда, когда другіе съ аппетитомъ поглощали свой супъ, онъ хмуро сидѣлъ, весь съежившись, на своемъ чемоданѣ.

— Отчего вы не обѣдаете?—спросилъ его лысый чиновникъ.

— Сжальтесь, сударь!—сказалъ Димитрій, вскочивъ съ мѣста.— Если вы задержите меня здѣсь еще одинъ день, я умру; если же отошлете назадъ, я брошусь съ парохода въ воду.

Въ тотъ же день агентъ общества нѣмецкой эмиграціи нашелъ ему мѣсто въ какой-то фотографіи въ качествѣ простого рабочаго, и коммиссія изслѣдованія рѣшила выпустить его.

Первые нѣсколько мѣсяцевъ своего пребыванія въ Америкѣ, когда шотландецъ фотографъ часто выходилъ изъ терпѣнія, что Димитрій не понималъ его; когда съ нимъ обращались, какъ съ слугой, и онъ постоянно трепеталъ, что ему откажутъ отъ работы; когда этотъ американскій городъ казался ему міромъ дикарей, и страшный языкъ, который онъ слышалъ кругомъ, звучалъ какъ бы приговоромъ ему,— въ эти дни, когда сердце его разрывалось отъ одиночества, онъ не смѣлъ и думать о томъ, чтобы пойти на эмигрантскую пристань и разузнать что-нибудь о молодой шведкѣ; да онъ и не зналъ бы, какъ попасть туда. Между тѣмъ, онъ не забывалъ ея ни на минуту; она всегда была въ средѣ той маленькой группы, о которой онъ мечталъ и предъ которой изливалъ свое наболѣвшее сердце.

— Гдѣ ты, милая?—шепталъ онъ, лежа на своемъ одинокомъ чердакѣ.—Вѣрна ты своему обѣту, ангелъ?—онъ спрашивалъ, точно она была тутъ и могла его слышать.—Что касается меня, твой милый образъ всегда передо мною.—Вспоминая, какъ она написала: «никогда, никогда!» онъ вслухъ повторялъ эти слова. Потомъ, обращаясь къ роднымъ, онъ говорилъ: — матушка, это Зигрида, поцѣлуй ее, она милая дѣвушка! Это моя мать, Зигрида, а это моя сестра. Дайте мнѣ обнять васъ всѣхъ и прижать къ больному сердцу—крѣпко, крѣпко, крѣпко!

Иногда профиль какой-нибудь женщины на улицѣ заставлялъ его вздрогнуть.

— Зигрида!—восклицалъ онъ про себя и пускался за нею, но опередивъ ее, убѣждался, какъ горько онъ ошибся.

Разъ въ вагонѣ конки онъ замѣтилъ дѣвушку, которая такъ поразительно походила на Зигриду, что онъ чуть было не заговорилъ съ нею, но вдругъ дѣвушка улыбнулась, и лицо ея такъ при этомъ измѣнилось, что онъ благодарилъ небо за то, что удержался. Послѣ этого онъ сталъ уже сомнѣваться, что узнаетъ ее, если и встрѣтитъ когда-нибудь. Образъ ея сталъ представляться ему довольно смутно.

Наконецъ, онъ отправился на эмигрантскую пристань. Лысый чиновникъ сразу узналъ его и такъ радъ былъ видѣть Димитрія въ новомъ платьѣ, что усердно сталъ искать адресъ шведки. Димитрій тотчасъ же отправился по адресу; но онъ нашелъ лишь рядъ недостроенныхъ домовъ. Онъ сталъ разспрашивать у ближайшихъ жителей квартала, но никто изъ нихъ не слыхалъ ни о какой госпожѣ Дансенъ. Жители мелкихъ квартиръ въ большихъ домахъ рѣдко остаются подолгу на одномъ и томъ же мѣстѣ и не знаютъ даже своихъ сосѣдей по корридору, не говоря уже о жильцахъ другого дома. Тѣ, которые жили въ этомъ кварталѣ одновременно съ госпожей Дансенъ, давно исчезли, какъ и старые дома, которые были свалены и на мѣстѣ которыхъ воздвигались теперь новые. Не осталось и слѣда того міра, который всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ смѣялся тутъ, плакалъ, ссорился, сплетничалъ,—ничего, кромѣ молчаливыхъ, невеселыхъ массъ

изъ кирпича и цемента съ рядами оконныхъ дыръ, заколоченныхъ досками. Тяжело стало у Димитрія на душѣ при видѣ этого.

Въ слѣдующее воскресеніе онъ отправился распрашивать въ шведскую церковь; посѣтилъ нѣкоторыя скандинавскія общества, но все было напрасно...

Поѣзда воздушной дороги и вагоны электрической конки были переполнены. Улицы почти опустѣли. Разодѣтая по воскресному толпа, томясь и изнывая отъ жары, мчалась изъ ужаснаго каменнаго города въ погонѣ за глоткомъ свѣжаго воздуха. Димитрій направлялся къ станціи воздушной дороги на Четырнадцатой улицѣ. На немъ былъ дешевый лѣтній костюмъ, тонкая цвѣтная сорочка и мягкая шляпа. Его походка, манера держать голову и свобода, съ которой онъ носилъ свое платье, сразу обличали человѣка, который уже не первый мѣсяцъ въ Америкѣ. Мѣсто у шотландца въ фотографіи онъ давно бросилъ. Онъ работалъ потомъ на игрушечной фабрикѣ, затѣмъ одно время въ аптекѣ и, наконецъ, опять нашелъ мѣсто въ фотографіи, у одного американизированнаго француза, которому онъ понравился и который далъ ему возможность научиться его ремеслу, такъ что въ настоящее время Димитрій зарабатывалъ уже отъ десяти до двѣнадцати долларовъ въ недѣлю въ качествѣ ретушера.

Онъ имѣлъ между французами двухъ-трехъ знакомыхъ, но ему было не по себѣ въ ихъ обществѣ. Два съ половиною года прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ не видалъ родины, и это время казалось ему вѣчностью. Эпизодъ на эмигрантской пристани онъ вспоминалъ какъ милую трогательную шутку полузабытаго прошлаго, а Зиграда—отвлеченный образъ ея—сіяла гдѣ-то въ центрѣ отдаленной мечты. Но все же, хотя и въ отвлеченномъ видѣ, она обитала въ золотыхъ воздушныхъ замкахъ его фантазіи, рядомъ съ его матерью, сестрой и родиной. Поѣздъ такъ былъ переполненъ, что онъ радъ былъ, когда примостился на площадкѣ вагона. Онъ стоялъ, сжатый со всѣхъ сторонъ, и смотрѣлъ въ мелькавшія окна домовъ и на пролетавшіе мимо встрѣчные поѣзда и думалъ свою думу подъ аккомпаниментъ ихъ тяжелаго грохота. У одного пункта со станціи черезъ дорогу двинулся поѣздъ, и въ ту же минуту поѣздъ, на которомъ находился Димитрій, направился въ противоположную сторону. Скользя глазами по отходившимъ вагонамъ, Димитрій вдругъ увидѣлъ въ толпѣ на одной изъ площадокъ Зигриду. Это была она. Они какъ-будто вчера только разстались.

— Зигрида! Зигрида!—кричалъ онъ, простирая руки, но крикъ его потерялся въ грохочущемъ дуэтѣ двухъ поѣздовъ, которые ихъ разлучали, и она даже не обернулась. Димитрій чувствовалъ, что каждый новый вершокъ его дороги отдаляетъ его отъ Зигриды—на два вершка, и онъ почти готовъ былъ соскочить, съ поѣзда. Когда онъ понялъ всю безпомощность своего положенія, онъ ужаснулся. Онъ вышелъ на слѣдующей станціи, сошелъ съ лѣстницы, перешелъ черезъ дорогу и, взобравшись по другой лѣстницѣ очутился на станціи, откуда

поѣзда шли въ другую сторону и откуда выѣхала Зигрида. Онъ сдѣлалъ это безъ увлеченія, такъ себѣ, самъ не зная зачѣмъ. Кромѣ отчаянія и досады, онъ чувствовалъ также нѣкоторый стыдъ, точно кто-то сыгралъ надъ нимъ ловкую и наглую шутку.

На слѣдующій день онъ отправился на эмигрантскую пристань, но очутившись у двери, выругалъ себя дуракомъ и повернулъ назадъ.

Съ того воскресенья онъ сталъ предпочитать воздушную дорогу всѣмъ нижнимъ поѣздамъ. Разъ онъ даже проѣхалъ изъ конца въ конецъ, все надѣясь какъ-нибудь встрѣтиться со шведкой. Образъ ея опять принялъ плоть и кровь. Онъ былъ для него символомъ благородства и счастья.

— О, я найду тебя, милая Зигрида!—часто шепталъ онъ этому образу.

Однажды въ полдень лѣтомъ, спустя годъ послѣ случая въ поѣздѣ, Димитрій шелъ по Семьдесятъ Второй улицѣ. Много перемѣнъ произошло за это время въ судьбѣ его близкихъ. Сестра его вышла за вдовца, а мать уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ умерла... Онъ зналъ, что мать умерла, но не вѣрилъ, что это въ самомъ дѣлѣ случилось. Онъ зналъ и помнилъ ее только живой и никакъ не могъ представить себѣ, что она лежитъ въ могилѣ, что сырая земля касается ея со всѣхъ сторонъ.

— Невозможно! Невозможно!—протестовало его сердце, и въ тоже время онъ сталъ чувствовать, что всѣ и все, что было ему когда-то знакомо на родинѣ, исчезло.

Въ другихъ отношеніяхъ онъ не могъ пожаловаться на судьбу. Благодаря своей интеллигентности и природному вкусу, онъ успѣлъ добиться очень многаго. Въ настоящую минуту предъ нимъ стоялъ выборъ между занятіемъ въ лучшей фотографіи въ городѣ и ролью компаньона въ небольшой фотографіи, которую одинъ знакомый чехъ собирался открыть на сбереженныя деньги. Природная безпечность и отсутствіе предпріимчивости склоняли его предпочесть наемную должность, тѣмъ болѣе, что, войдя въ товарищество съ чехомъ, онъ долженъ былъ бы потворствовать вкусамъ болѣе грубой публики. Тѣмъ не менѣе, онъ сталъ серьезно обдумывать дѣло. Чтобъ осмотрѣть богемскій кварталъ и узнать, гдѣ можно и выгодно было бы открыть фотографію, онъ отправился по восточной части Семьдесятъ Второй улицы. Онъ всегда былъ прилично одѣтъ; посѣщалъ американскіе театры и оперу, и вообще страна начала нравиться ему, а во время испанской войны онъ восторгался каждой новой побѣдой американцевъ. При всемъ томъ, онъ чувствовалъ себя страшно одинокимъ; тоска не переставала съѣдать его, и величайшимъ удовольствіемъ его было, когда онъ, ложась спать, покрывался одѣяломъ съ головой и представлялъ себѣ мать, какой онъ ее зналъ, а возлѣ нея сестру и себя съ Зигридой. Часто онъ отправлялся въ русскую церковь (онъ не понималъ по русски, но въ Нью-Іоркѣ нѣтъ румынской церкви), гдѣ въ облакахъ ладана молился за упокой матери и за здоровье Зигриды и сестры.

Онъ медленно шелъ по Семьдесятъ Второй улицѣ, оглядывая дома по обѣимъ сторонамъ, какъ вдругъ кто-то позвалъ его:

— Господинъ Димитрій!

Это была Зигрида. Она сидѣла на ступенькахъ новаго дома съ ребенкомъ на рукахъ. Мѣдная полированная баллюстрада блестѣла надъ ея бѣлокурой головой. Лицо ея сдѣлалось шире и получило нѣсколько молочный оттѣнокъ, но прежняя дѣвичья миловидность замѣнилась красотой и пышной прелестью молодой матери.

— Какъ поживаете?—спросилъ онъ, покраснѣвъ и не смѣя назвать ее по имени.

— Слава Богу, благодарю васъ,—отвѣтила она.—Я не видала васъ, съ тѣхъ поръ какъ мы были тамъ.—Она указала по направленію къ эмигрантской пристани.—Я всегда думала, что увижу васъ,—прибавила она, сіяя.

Таковъ былъ ихъ первый устный разговоръ, каждый изъ нихъ по своему коверкалъ англійскія слова,—его твердое румынское произношеніе странно сочеталось съ рыхлыми согласными ея шведской рѣчи. Она сказала ему, что замужемъ, что мужъ ея работаетъ на фортепіанной фабрикѣ и что онъ пріѣхалъ сюда изъ Швеціи еще мальчикомъ. Она, повидиму, очень обрадовалась встрѣчѣ со своимъ старымъ другомъ.

Димитрію было сильно не по себѣ... Она заговорила—и вышла другая женщина. Это не была та Зигрида, которую онъ лелѣялъ въ своихъ мечтахъ.

— Чѣмъ вы занимаетесь, господинъ Димитрій?—спросила она, но не дала ему отвѣтить.—Эй, Вилли, Вилли!—позвала она молодого человѣка, который въ эту минуту вышелъ безъ сюртука изъ сигарной лавочки и остановился поговорить съ сосѣдомъ. Когда ея мужъ подошелъ, она представила ему молодого румына и сказала, весело смѣясь:—это тотъ господинъ, что пріударялъ за мной въ «Castle Garden»; помнишь, я говорила тебѣ!—Мужъ и жена улыбнулись какъ будто предъ забавной шуткой.

Димитрій чувствовалъ себя такъ, какъ еслибъ кто царапалъ ножомъ по стеклу. Онъ видѣлъ, что предъ нимъ влюбленная чета и что оба души не чаютъ въ ребенкѣ; но всѣ трое казались ему одинаково неинтересны, непонятны и чужды, и онъ сталъ прощаться.

Онъ шелъ по улицѣ съ горящимъ лицомъ, и ему казалось, что каждый проходящій мимо смѣется надъ нимъ. Онъ сдѣлалъ усиліе надъ собой и началъ думать о фотографіи.

Въ слѣдующее воскресенье онъ пошелъ въ русскую церковь помолиться за упокой матери и за здоровье сестры. За Зигриду онъ больше не молился.

Пер. съ англ. Анна Бронштейнъ.

РАБОТА ПИЩЕВАРЕНІЯ ПО ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ ШКОЛЫ И. П. ПАВЛОВА.

Въ настоящее время русская физіологическая школа достигла небывалаго блеска и значенія, главнымъ образомъ, благодаря работамъ И. П. Павлова и его учениковъ. Одно уже это обстоятельство дѣлаетъ знакомство съ сущностью этихъ работъ важнымъ и обязательнымъ для болѣе или менѣе образованнаго русскаго. Но, кромѣ того, самый предметъ этихъ работъ—пищевареніе—дѣлаетъ ихъ достойнымъ самой широкой популяризаціи. Ученіе о пищевареніи заключаетъ въ себѣ разрѣшеніе вопросовъ о томъ, какая пища усвояема, какъ принимать пищу, въ какомъ видѣ пища легче всего усвояется,—вопросовъ, одинаково важныхъ для людей, стоящихъ на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы и развитія.

Прежде чѣмъ говорить о результатахъ работъ русской физіологической школы о пищевареніи, мнѣ нужно въ нѣсколькихъ словахъ напомнить читателю о самой сущности того, что называется этимъ словомъ. Громадное большинство веществъ, входящихъ въ составъ нашей пищи, напр., мясо, хлѣбъ, жиры, не растворимы въ водѣ. Для того же, чтобы они могли попасть въ кровь и быть разнесены кровеносными сосудами по всему тѣлу, они должны превратиться въ вещества, растворяющіяся въ водѣ. Процессъ пищеваренія и заключается въ переводѣ большей части пригодныхъ для нашего организма веществъ изъ состоянія, въ которомъ они не способны растворяться въ водѣ, какъ, напр., крахмалъ, въ другое состояніе, въ которомъ они способны растворяться, напр., въ сахаръ. Пищеварительные органы мы можемъ сравнить какъ бы съ химическимъ заводомъ, гдѣ введенная пища подвергается и механическому воздѣйствію—размельченію, перемѣшиванію, и химическому воздѣйствію. Пищеварительные органы представляютъ изъ себя трубку, начинающуюся ртомъ, гдѣ пища размельчается и перетирается зубами и подвергается дѣйствію слюны. Эта трубка мѣстами расширяется въ большую объемистую полость, какъ, напр., желудокъ, мѣстами же представляетъ длинную трубку съ равномѣрнымъ, узкимъ просвѣтомъ, какъ тонкія кишки. Пища,

попавшая въ пищеварительную трубку, постоянно перемѣшивается и передвигается впередъ, вслѣдствіе сокращенія мышцъ, заключенныхъ въ стѣнкахъ желудка и кишекъ. Какъ на химическомъ заводѣ технологъ въ большихъ вмѣстилищахъ, ретортахъ, подвергаетъ вещества вліянію различныхъ химическихъ реактивовъ, которые онъ прибавляетъ извнѣ, точно также и въ пищеварительныхъ органахъ пища подвергается воздѣйствію изливаемыхъ на нее реактивовъ. Эти реактивы—пищеварительные соки—приготовляются въ железахъ. Железы эти расположены или въ самой толщѣ стѣнокъ пищеварительной трубки, какъ, напр., железы желудка и кишечныя железы, приготовляющія и изливающія на пищу желудочный и кишечный соки, или же эти железы образуютъ большія скопленія въ видѣ отдѣльнаго большого органа. Самый общеизвѣстный примѣръ такой железы это печень. Другая большая железа, имѣющая первостепенное значеніе для процесса пищеваренія, помѣщается подъ желудкомъ и носитъ названіе поджелудочной. Маленькія железки, находящіяся въ толщѣ органа, напр., желудочныя железы, изливаютъ приготовляемые ими пищеварительные соки непосредственно въ ту полость, въ стѣнкахъ которой онѣ помѣщаются. Если же железы образуютъ большія скопленія въ видѣ отдѣльнаго органа, то выдѣляемый ими пищеварительный сокъ собирается по трубочкамъ въ одинъ общій выводной каналъ, по которому онъ выливается въ полость пищеварительнаго канала. Измельченная зубами пища смѣшивается съ изливающимися на нее пищеварительными соками, постоянно перемѣшивается вслѣдствіе сокращенія мышечныхъ пучковъ, заложенныхъ въ стѣнкахъ трубки, и передвигается впередъ по длинѣ пищеварительнаго канала. Тѣ составныя ея части, которыя подъ вліяніемъ пищеварительныхъ соковъ перешли въ растворимое состояніе, всасываются сквозь стѣнки трубки. Этотъ процессъ химическаго воздѣйствія на принятую пищу, поглощенія нужныхъ для организма и усвояемыхъ частей и передвиженія всей массы по длинѣ пищеваго канала продолжается до тѣхъ поръ, пока изъ конечнаго отверстія пищевого канала не будутъ извержены вонъ ненужные для организма, не усвояемые остатки.

Вотъ въ общихъ словахъ краткій очеркъ процесса пищеваренія. Какимъ же путемъ получены эти свѣдѣнія? Какъ и вообще въ физіологіи, главный источникъ знанія это опыты надъ животными. Въ исторіи нашихъ знаній о процессѣ пищеваренія большую роль, впрочемъ, сыгралъ одинъ несчастный случай съ человѣкомъ. А именно одинъ канадскій охотникъ былъ случайно раненъ въ область желудка. При заживленіи раны, стѣнки желудка срослись съ кожей, и такимъ образомъ образовалось постоянное отверстіе, такъ называемая фистула, чрезъ которое можно было во всякое время осматривать внутреннюю поверхность желудка, вкладывать туда пищу и наблюдать, что съ нею происходитъ. Этотъ случай стали пытаться воспроизводить искусственно у животныхъ; стали искусственно производить сообщенія между вывод-

ными протоками большихъ пищеварительныхъ железъ и поверхностью тѣла животнаго и такимъ образомъ получать въ чистомъ видѣ пищеварительные соки. Съ полученными такимъ образомъ соками дѣлались опыты надъ вліяніемъ ихъ на пищу внѣ организма. Вотъ тотъ путь, которымъ до сихъ поръ была получена главная масса фактовъ о работѣ пищеварительныхъ органовъ и по которому въ общихъ чертахъ идетъ путь научнаго изслѣдованія и теперь. Опытъ есть главный источникъ нашихъ знаній о пищевареніи.

Что же новаго заключается въ методѣ работы изслѣдователей послѣдняго времени по этому вопросу?

Когда какая-либо отрасль естествознанія дѣлаетъ большой шагъ впередъ, это зависитъ обыкновенно отъ успѣховъ въ методикѣ. Такъ, напримѣръ, всякое улучшеніе микроскопа открываетъ новый міръ явленій и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ матеріалъ для новыхъ выводовъ и обобщеній. Такое же слѣдствіе влечетъ за собою каждое улучшеніе въ микроскопической техникѣ, открытіе новаго способа окраски клѣточныхъ элементовъ и т. п. Имѣя предъ собою быстрые успѣхи нашего знанія о процессахъ пищеваренія, невольно задаешься вопросомъ, каковы тѣ новые пріемы въ техникѣ изслѣдованія, которые повлекли за собою такой успѣхъ въ изслѣдованіи? И дѣйствительно, успѣхъ новыхъ физіологическихъ работъ зависѣлъ отъ примѣненія новыхъ пріемовъ изслѣдованія, отъ примѣненія при операціяхъ надъ животными всѣхъ новыхъ пріемовъ современной хирургіи. И раньше весь успѣхъ въ физіологіи былъ слѣдствіемъ опытовъ надъ животными. Но опыты эти производились крайне грубо, безъ соблюденія надлежащей чистоты. Животныя въ громадномъ большинствѣ случаевъ только недолго переживали операцію, и, въ силу этого, изслѣдователь могъ наблюдать животное только короткое время непосредственно послѣ операціи. Опытъ скоро прекращался самъ собою вслѣдствіе смерти животнаго. Такимъ образомъ изслѣдователь долженъ былъ наблюдать животное, измученное страданіями, потерявшее много крови, часто едва живое. Если даже во время операціи и употреблялись обезболивающія вещества, то эти самыя вещества нарушали нормальный ходъ жизненныхъ процессовъ. Задача изслѣдователя заключалась въ томъ, чтобы изучить нормальный ходъ работы пищеварительныхъ органовъ, между тѣмъ какъ предъ собою онъ имѣлъ измученное, искалѣченное животное, на которомъ если и можно было что прослѣдить, то только въ самыхъ общихъ, грубыхъ чертахъ.

Между тѣмъ, за послѣднія двадцать лѣтъ хирургіей сдѣланы громадные успѣхи. Въ прежнее время человѣкъ или животное, у котораго была вскрыта брюшная полость, въ большинствѣ случаевъ погибали, теперь же при примѣненіи современнаго способа безгнилостнаго леченія ранъ можно безнаказанно вскрывать брюшную полость.

Задача физіолога заключалась въ томъ, чтобы начать дѣлать опе-

рація надъ животными во всей той обстановкѣ, въ какой она дѣлается на людяхъ. Сколько необходимо предосторожностей для того, чтобы операціи удавались, видно изъ описанія операціоннаго отдѣленія физіологической лабораторіи Петербургскаго института экспериментальной медицины.

«Отдѣленіе занимаетъ,—говоритъ въ своей книгѣ проф. Павловъ,—половину верхняго этажа, четверть всего зданія лабораторіи. Оно состоитъ съ одной стороны изъ ряда комнатъ для операцій собственно: въ первой изъ нихъ животное получаетъ ванну и обсушивается на особенныхъ платформахъ; въ слѣдующей комнатѣ (подготовительная операціонная) животное наркотизируется, брѣется въ опредѣленныхъ мѣстахъ и моется антисептическими жидкостями; третья комната служитъ для стерилизаціи инструментовъ, бѣлья, мытья рукъ операторовъ и переодѣванья ихъ, а четвертая—операціонная съ усиленнымъ освѣщеніемъ. Въ эту комнату наркотизованное и приготовленное животное переносится безъ стола, участвующими въ операціи лицами. Служители обыкновенно не пускаются дальше второй комнаты въ операціонномъ отдѣленіи. Капитальною стѣною отъ этихъ комнатъ отдѣляется рядъ комнатокъ для содержанія оперированныхъ животныхъ, въ первые 10 дней послѣ операціи. Каждая изъ комнатокъ имѣетъ большое окно съ форточкой, площадь ея около квадратной сажени, высота слишкомъ пять аршинъ, нагрѣваніе производится трубами съ грѣтымъ воздухомъ и освѣщеніе электричествомъ. Полы во всемъ отдѣленіи изъ цемента, со стокомъ въ комнатѣ. Комнатки для собакъ внизу, кругомъ всѣхъ стѣнъ, имѣютъ свинцовую трубу съ отверстіями, изъ которыхъ во всякое время изъ корридора, не заходя въ комнатки, можетъ быть обмываемъ весь полъ. Все отдѣленіе сверху до низу окрашено бѣлой масляной краской».

Мы привели описаніе этого операціоннаго отдѣленія, такъ какъ ничто не можетъ дать такое ясное представленіе о сложности тѣхъ способовъ, которыми теперь пользуется наука для своихъ цѣлей. Какъ во всякомъ естественно-научномъ изслѣдованіи, и здѣсь часто какой-нибудь глубокомысленно задуманный опытъ, который долженъ дать важные результаты, зачастую не удается изъ-за пустяка. Между тѣмъ, добиться этого пустяка бываетъ часто необыкновенно трудно. И вотъ здѣсь иногда сами животныя помогаютъ ученому добиться, какъ помочь дѣлу. Проф. Павловъ разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующій случай. Когда животному дѣлается фистула поджелудочной железы, т.-е. ея выводной протокъ выводится наружу и вшивается въ кожу, для того, чтобы можно было собирать ея сокъ и наблюдать за его выдѣленіемъ, то вытекающій сокъ зачастую разъѣдаетъ вокругъ кожу, которая и изъязвляется.

Какъ помочь этому горю? Всего лучше предоставленіемъ животному въ свободные отъ опыта часы пористаго ложа изъ опилокъ, песка, старой известки. Многія животныя догадываются лежать на брюхѣ такъ, что выливающійся изъ отверстія сокъ всасывается въ пористую среду, и такимъ образомъ, говоритъ проф. Павловъ, вѣрно и скоро избѣгается разливаніе сока и разъѣданіе кожи. Этотъ способъ избѣгать изъязвленія кожи былъ указанъ или подсказанъ изслѣдователю одной изъ оперированныхъ собакъ, и вотъ какъ проф. Павловъ разсказываетъ объ этомъ интересномъ случаѣ.

«Одна изъ оперированныхъ собакъ, спустя 10—15 дней послѣ операціи, начала подвергаться разъѣдающему дѣйствію сока. Употреблявшіяся мѣры не достигали вполнѣ цѣли. Собака содержалась на привязи въ лабораторіи. Какъ-то разъ поутру, около собаки, вообще очень покойной, къ немалой нашей досадѣ, была найдена куча отломанной собакой отъ стѣны штукатурки. Собаку на цѣпи перевели въ другую часть комнаты. На слѣдующій день повтореніе той же исторіи: опять оказался разрушеннымъ выступъ стѣны. Вмѣстѣ съ тѣмъ было замѣчено, что брюхо собаки сухо, и явленія раздраженія кожи очень уменьшились. Только тогда, наконецъ, мы догадались, въ чемъ дѣло. Когда сдѣлали собакѣ подстилку изъ песка, разламываніе стѣны прекратилось, и сокъ больше не вредилъ животному. Мы,—говоритъ проф. Павловъ про себя и своего ученика, съ которымъ вмѣстѣ они работали,—съ благодарностью признали, что животное своимъ умомъ помогло не только себѣ, но и намъ».

Вивисекція, столь необходимая для прогресса науки о жизни, всегда остается вивисекціей, т.-е. по существу возмутительнымъ дѣломъ. Но, несомнѣнно, что въ этой формѣ она является въ значительно смягченномъ видѣ. Сама операція производится подъ наркозомъ, такимъ образомъ, чтобъ наименѣе повредить животному. Весь интересъ оператора сводится къ тому, чтобъ животное какъ можно скорѣй поправилось, чтобъ оно возможно меньше страдало и чтобы, поправившись, возможно лучше себя чувствовало.

Вся задача заключается въ томъ, чтобы, уродство произведенное операціей, напр., желудочная или кишечная фистула, т.-е. отверстіе, которое даетъ возможность наблюдать, что происходитъ внутри пищеварительныхъ органовъ,—по возможности не отзывалось на общемъ состояніи животнаго. Для этого тщательно выбирается для него пища, видоизмѣняется его обстановка такъ, чтобы общее состояніе животнаго не отклонялось отъ нормы. Послѣ операціи интересы оперированнаго животнаго и изслѣдователя совпадаютъ.

Оперированное такимъ образомъ животное можетъ жить годами. Годами безъ вреда для него надъ нимъ производятся наблюденія. Нужно сказать, что наблюденія эти крайне мѣшкотны, требуетъ затраты огромнаго количества труда и времени. Отдѣльный опытъ тянется недѣлями, причемъ наблюденія производятся ежедневно по многу часовъ.

Перейдемъ теперь къ изложенію работъ школы И. П. Павлова. Выше я уже говорилъ, какую существенную роль въ пищевареніи играетъ дѣятельность железъ. Онѣ выдѣляютъ пищеварительные соки, которые изливаются на пищу и производятъ въ ней необходимыя химическія измѣненія. Что же заставляетъ ихъ въ извѣстный моментъ изъ состоянія покоя переходить въ состояніе дѣятельности и изливать на пищу выдѣляемые ими соки? Нагляднѣе всего это видно на дѣятельности слюнныхъ железъ. Уже давно найдены нервы, оканчивающіеся въ слюнныхъ железахъ, при раздраженіи которыхъ получается обильное выдѣленіе слюны. Механизмъ, который приводитъ ихъ въ движеніе, слѣдующій. Въ тотъ моментъ, какъ въ полость рта попадаютъ тѣ

или другія вещества, они раздражаютъ нервныя окончанія, находящіяся въ покровахъ, выстилающихъ полость рта; эти раздраженія по нервамъ передаются къ нервнымъ центрамъ, а оттуда возвращаются къ железамъ и приводятъ ихъ въ дѣйствіе.

Нервный аппаратъ слюнныхъ железъ очень легко приводится въ дѣйствіе. Дѣйствительно, обыденныя наблюденія и опыты надъ животными учатъ, что прикосновеніе массы веществъ къ слизистой оболочкѣ рта ведетъ къ работѣ железъ. Получается впечатлѣніе, какъ будто все, входящее въ ротъ, дѣйствуетъ черезъ нервный аппаратъ на слюнныя железы. Это разнообразіе возбудителей слюннаго отдѣленія, навѣрное, говоритъ И. П. Павловъ, стоитъ въ связи съ большою сложностью физіологическаго назначенія слюны. Слюна, какъ первая жидкость, встрѣчающая все входящее въ пищеварительный каналъ, съ одной стороны обязана оказать извѣстный благопріятный пріемъ входящимъ веществамъ; именно: сухое смочить, растворимое—растворить; большія, болѣе или менѣе твердыя, массы смазать для удобства проскальзыванія ихъ въ полость желудка черезъ тонкую трубку пищевода и наконецъ нѣкоторый сортъ питательныхъ веществъ (крахмалъ) подвергнуть химической переработкѣ. Но этимъ роль ея далеко не ограничивается. Слюна выдѣляется въ самомъ первомъ отдѣленіи пищеварительнаго канала. Слѣдовательно, при испытаніи многое изъ вошедшаго въ ротъ можетъ оказаться негоднымъ, даже вреднымъ и должно быть или обезврежено въ большей или меньшей степени, или выброшено вонъ. Вотъ это-то многообразіе цѣлей, для которыхъ служитъ выдѣляемая слюна, и обусловливаетъ многочисленность и многообразіе раздражителей, вызывающихъ обильное выдѣленіе слюны. Такъ, если наблюдать дѣятельность подчелюстныхъ слюнныхъ железъ *), то мы увидимъ сильное выдѣленіе слюны, если дадимъ собакѣ съѣсть нѣсколько кусковъ мяса. Сильный токъ слюны мы увидимъ, если смазать полость рта собаки бородкой пера, смоченной растворомъ кислоты. Обильное отдѣленіе слюны получится, если бросить собакѣ въ ротъ щепотку тонкаго песка. Изъ этихъ опытовъ мы могли бы заключить, что какой бы раздражитель мы ни взяли, безразлично получается всегда выдѣленіе слюны. Но это совершенно не такъ. Возьмемъ вмѣсто подчелюстной железы выводной протокъ околоушной. Дадимъ собакѣ съѣсть куски сырого мяса, какъ дѣлалъ это одинъ ученикъ И. П. Павлова, слюны при этомъ не выдѣляется. Но вмѣсто того, чтобы давать куски сырого мяса, дадимъ возможно тонкій порошокъ высушеннаго мяса—и слюна будетъ выдѣляться въ обильномъ количествѣ. Точно таже мокрый хлѣбъ не возбуждаетъ отдѣленія слюны въ околоушной железѣ, хлѣбный же тонкій порошокъ обильно ее гонитъ. Это значитъ, что окончанія нервовъ, раздраженіе которыхъ приводитъ въ дѣйствіе же-

*) Слюнныхъ железъ имѣется нѣсколько паръ.

лезу, способны отвѣчать только на опредѣленные раздражители. Это такъ называемое явленіе *специфической раздражимости*. Ею обусловливается та удивительная цѣлесообразность, правильность въ дѣятельности пищеварительныхъ железъ, открытая изслѣдованіями школы И. П. Павлова, и о которой мы будемъ говорить далѣе.

Теперь перейдемъ къ дѣятельности железъ желудка. Можетъ быть, наиболѣе важное и интересное въ изслѣдованіяхъ И. П. Павлова относительно желудка есть то, что имъ и его учениками была вполнѣ убѣдительно доказана зависимость дѣятельности желудка отъ психическихъ факторовъ, отъ аппетита, т.-е. отъ ярко выраженнаго желанія ѣсть, отъ наслажденія ѣдой.

Болѣе 40 лѣтъ тому назадъ Биддеръ и Шмидтъ показали, что одного поддразниванія голоднаго животнаго видомъ пищи, т.-е. возбужденія страстнаго желанія ѣды, иногда достаточно, чтобы вызвать отдѣленіе сока изъ пустого желудка собаки. Въ болѣе недавнее время, говоритъ проф. Павловъ, французскому физіологу Ришѐ представился случай наблюдать паціентку съ зарощеннымъ пищеводомъ. Такъ какъ у нея пища не могла быть принимаема обычнымъ путемъ, то для того, чтобы ее питать, былъ сдѣланъ желудочный свищъ, чрезъ который пищу можно было непосредственно вводить въ желудокъ. Когда эта паціентка получала въ ротъ что-нибудь сладкое или кислое, то, несмотря на то, что изорта ничто не могло попадать въ желудокъ, Ришѐ видѣлъ выступленіе въ желудкѣ чистаго желудочнаго сока. Послѣдній выдѣлялся только подъ вліяніемъ вкусовыхъ ощущеній. Но на эти опыты не обратили достаточно вниманія, они затерялись, были забыты, и это произошло тѣмъ легче, что до послѣдняго времени, до работъ И. П. Павлова и его учениковъ, не была доказана какая бы то ни было зависимость выдѣленія желудочнаго сока отъ нервной системы.

Зависимость отдѣленія желудочнаго сока отъ психики ясно доказывается на слѣдующемъ простомъ опытѣ. У собаки на шеѣ разрѣзается пищеводъ и концы его пришиваются къ кожной ранѣ. Для того, чтобы кормить такую собаку, нужно сдѣлать желудочную фистулу и прямо вкладывать пищу въ желудокъ. Если начать давать такой собакѣ мясо, она будетъ его глотать, но, вполнѣ понятно, это мясо будетъ вываливаться изъ отверстія пищевода на шеѣ. При этомъ изъ пустого желудка получается обильное выдѣленіе желудочнаго сока. Такимъ образомъ легко получить сотни кубическихъ сантиметровъ чистаго желудочнаго сока. Отчего зависитъ это выдѣленіе сока? На первый взглядъ можно подумать, что это тоже явленіе, какое мы выше видѣли на слюнныхъ железахъ: мы прикладывали къ полости рта различныя раздраженія и получали обильное выдѣленіе слюны. Здѣсь не то, мы можемъ давать глотать собакѣ разнообразныя растворы и вещества и не увидимъ никакого выдѣленія желудочнаго сока, до тѣхъ поръ пока не дадимъ ей чего-нибудь такого, какъ, напр., сырое мясо, ѣсть ко-

торое доставляетъ ей рѣзко выраженное удовольствіе. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ психическимъ факторомъ: удовольствіе ѣсть вкусную для нея пищу влечетъ за собою обильное выдѣленіе желудочнаго сока. Аналогичное явленіе констатируется и для слюнныхъ железъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ общеизвѣстное выраженіе: «слюнки текутъ» отъ вида вкусной пищи, когда человѣкъ голоденъ или даже отъ одной мысли о ней. Наконецъ, въ совсѣмъ чистомъ видѣ мы получимъ вліяніе психическаго фактора, если, не кормя, покажемъ только издали говядину собакѣ съ фистулой желудка, и если собака голодна, то за этимъ послѣдуетъ обильное выдѣленіе сока въ желудкѣ.

Такимъ образомъ, прежде чѣмъ животное проглотило пищу, отъ одного вида послѣдней получается выдѣленіе желудочнаго сока. Такъ какъ доказана прямая зависимость этого выдѣленія отъ аппетита, то проф. Павловъ называетъ этотъ сокъ *аппетитнымъ*. Этотъ сокъ имѣетъ большое значеніе для перевариванія пищи въ желудкѣ. Если наблюдать, какъ выдѣляется желудочный сокъ по часамъ послѣ того, какъ животное приняло пищу, напр., мясо, то мы увидимъ, что въ первые часы выдѣляется наиболѣе значительное количество сока, въ дальнѣйшеее время количество выдѣляемаго сока быстро спадаетъ. Это сильное выдѣленіе сока въ началѣ пищеваренія и есть аппетитный сокъ, выдѣленный подъ вліяніемъ психическаго фактора, желанія ѣсть.

Точно также, если, вмѣсто того, чтобъ дать всю порцію мяса сразу, раздѣлить ее на нѣсколько маленькихъ порцій и давать ихъ черезъ короткіе промежутки времени, то количество желудочнаго сока, выдѣленнаго на то же количество мяса, будетъ значительно больше, чѣмъ тогда, когда мы все количество мяса дали бы сразу, и это объясняется тѣмъ, что въ первомъ случаѣ выдѣленіе желудочнаго сока подъ вліяніемъ психическаго фактора—аппетита—происходило много разъ: при каждой новой маленькой порціи мяса; между тѣмъ какъ во второмъ случаѣ оно происходило только одинъ разъ, такъ какъ и мясо собака получила сразу все.

Выясненіе зависимости пищеваренія отъ психическаго фактора—аппетита—имѣетъ необыкновенно важное значеніе и для обыденной жизни, и для діэты больного организма. Мы остановимся на этомъ, какъ и вообще на тѣхъ выводахъ, которые можно сдѣлать изъ работъ И. П. Павлова, далѣе, теперь же посмотримъ отъ какихъ факторовъ еще зависитъ выдѣленіе желудочнаго сока.

Итакъ, мы дали животному пищу. Наслажденіе поѣсть, удовольствіе глотать пищу вызвало за собой обильное выдѣленіе сильно дѣйствующаго желудочнаго сока. Но наслажденіе ѣдой быстро удовлетворяется, и вмѣстѣ съ тѣмъ быстро уменьшается и совсѣмъ прекращается то выдѣленіе сока, которое вызывается удовольствіемъ ѣды. Между тѣмъ, пища продолжаетъ лежать въ желудкѣ; чѣмъ же вызывается дальнѣйшее выдѣленіе желудочнаго сока? До работъ И. П. Пав-

лова психическому фактору въ пищевареніи физіологи не придавали совсѣмъ значенія, выдѣленіе же сока объяснялось механическимъ раздраженіемъ стѣнокъ желудка попавшей туда пищей, а также непосредственнымъ возбужденіемъ железъ, помѣщающихся въ стѣнкахъ желудка.

Какимъ же образомъ изучается работа железъ желудка? Мы уже говорили нѣсколько разъ о старомъ способѣ, простой желудочной фистулѣ. Но дѣло въ томъ, что при этомъ желудочный сокъ получается всегда смѣшанный съ пищей, такъ какъ въ ту-же полость, въ которую поступила пища, выдѣляется и желудочный сокъ. Чтобы избѣжать этого былъ придуманъ такой способъ: изъ стѣнки желудка выкраивается лоскутъ, изъ котораго образуется слѣпой мѣшокъ, въ родѣ отрѣзаннаго пальца перчатки, отверстіе котораго вшивается въ кожу Проф. Павлову принадлежитъ усовершенствованіе этого способа въ томъ отношеніи, что онъ предложилъ выкраивать лоскутъ, идущій на образованіе этого мѣшка, такъ называемаго маленькаго желудочка, такимъ образомъ, что нервы и сосуды этого лоскута остаются неперерѣзанными. При такомъ способѣ получалась полная параллельность между дѣятельностью большого и маленькаго желудка. Послѣдній оказался, по выраженію проф. Павлова, какъ бы зеркаломъ большого. Если дразнить собаку мясомъ, то «аппетитный» желудочный сокъ выдѣляется въ томъ и другомъ желудкѣ. Если въ большой желудокъ вводится пища, то сокъ выдѣляется и въ большомъ и въ маленькомъ желудкахъ, и по количеству и качеству сока, выдѣлившагося въ маленькомъ желудкѣ, можно судить о количествѣ и качествѣ сока, выдѣлившагося въ большемъ. Зависитъ это оттого, что нервные проводы въ обоихъ желудкахъ остались цѣлы.

Что же вызываетъ отдѣленіе желудочнаго сока? Въ такихъ изслѣдованіяхъ очень большія затрудненія доставляетъ выдѣленіе «аппетитнаго» сока. Часто во время опыта достаточно, чтобы въ комнату вошелъ служитель, чтобы у собаки явилось представленіе о пищѣ, надежда получить ее и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало обильное отдѣленіе сока, вызванное психическимъ факторомъ, а между тѣмъ изслѣдователь можетъ быть введенъ въ ошибку и приписать выдѣленіе сока другой причинѣ.

Самъ по себѣ ходъ изслѣдованія очень простой: въ большой желудокъ черезъ фистулу вводятъ ту или другую пищу и слѣдятъ за выдѣленіемъ чистаго желудочнаго сока въ маленькомъ желудкѣ. При этомъ нужно только соблюдать предосторожность, чтобы собака не видѣла вкладываемую пищу, а не то мы получимъ выдѣленіе психическаго сока.

До изслѣдованія проф. Павлова механизмъ выдѣленія желудочнаго сока представляли себѣ очень грубымъ. Отчасти по аналогіи съ слюнными железами, отчасти вслѣдствіе неудовлетворительной постановки опытовъ, предполагали, что какая бы пища ни попала въ желудокъ

она немедленно вызываетъ выдѣленіе сока. На первый планъ ставилось механическое раздраженіе стѣнки желудка пищей, химическому же составу пищи не придавалось большого значенія.

Подробное, тщательное изслѣдованіе учениками проф. Павлова дало совсѣмъ противоположные результаты.

«Нѣкоторые сорта пищи, какъ, напр., хлѣбъ и свернутый яичный бѣлокъ, при введеніи прямо въ желудокъ въ первый часъ и дальше не даютъ совершенно ни одной капли сока. Въ этомъ легко убѣдиться погруженіемъ стеклянной палочки въ пищевую массу, находящуюся въ большемъ желудкѣ—палочка остается сухой. Мясо вызываетъ отдѣленіе сока и при вкладываніи, но запаздывающее и очень незначительное по сравненію съ тѣмъ обильнымъ отдѣленіемъ, которое бываетъ, когда собака сама его ѣстъ.

«Изъ всего предшествующаго,—говоритъ проф. Павловъ,—надѣюсь, вы убѣдились, какое большое значеніе принадлежитъ акту прохожденія пищи черезъ ротовую и зѣвную полость, или страстному желанію ѣды... Безъ страстнаго желанія, безъ аппетита нѣкоторыя пищевыя вещества, хотя бы и попавшія въ желудокъ, долго не получаютъ на себя тамъ никакого желудочнаго сока; другія, какъ мясо, хотя и обусловливаютъ отдѣленіе, но слабаго и не въ такомъ большомъ количествѣ».

Прежнее же мнѣніе, что простое механическое раздраженіе стѣнокъ желудка стеклянной палочкой, камешками и другими индифферентными веществами можетъ вызвать отдѣленія желудочнаго сока, оказалось совершенно невѣрнымъ.

Посмотримъ, какіе еще раздражители способны вызвать выдѣленіе желудочнаго сока. Оказалось, что вода вызываетъ отдѣленіе желудочнаго сока. Если собакѣ съ двумя желудками ввести въ полость большаго желудка около трехъ стакановъ воды, то изъ малаго желудка всегда получается, хотя и не въ большомъ количествѣ выдѣленія желудочнаго сока. Но для этого количество введенной воды должно быть, какъ мы видѣли, значительнымъ.

По поводу свойства воды вызвать выдѣленіе желудочнаго сока проф. Павловъ говоритъ слѣдующее:

«Почему вода является раздражителемъ? Вѣдь съ водою пищеварительнымъ сокамъ дѣлать нечего. Главное основаніе, нужно думать, состоитъ въ томъ, чтобы водой дать первый толчекъ работѣ желудка, на случай, напр., если бы почему-либо не было психическаго сока: вслѣдствіе ли отсутствія аппетита, или порчи нервнаго аппарата, проводящаго этотъ импульсъ до железы. Вода распространеннѣйшее въ природѣ вещество и инстинктъ воды въ видѣ жажды еще настойчивѣе, чѣмъ инстинктъ твердой пищи. Если вы безъ аппетита съѣли сухую пищу, то жажда заставитъ васъ выпить жидкости. И этого достаточно для начала и продолженія отдѣлительной работы желудка».

Растворъ различныхъ солей, какъ-то золы мяса, поваренной соли, и разведенныя кислоты оказались безъ особаго дѣйствія по отношенію къ отдѣлительному прибору желудка, т.-е. ихъ растворы дѣйствовали, какъ вода. Растворъ же соды оказывалъ задерживающее значеніе.

Наоборотъ, наваръ мяса, мясной сокъ и растворъ либиховскаго экстракта оказались постоянными и энергичными возбудителями отдѣленія желудочнаго сока. Молоко тоже вызываетъ отдѣленіе желу-

дочнаго сока. Наконецъ упомянемъ, что жиръ въ разныхъ видахъ оказываетъ очень рѣзкое задерживающее вліяніе.

Какъ мы видѣли выше, нѣкоторыя вещества, какъ хлѣбъ, сваренный въ крутую яичный бѣлокъ, если ихъ положить непосредственно въ полость желудка, могутъ часами пролежать тамъ безъ измѣненія, не вызывая отдѣленія желудочнаго сока. Перевариваніе такихъ веществъ происходитъ первое время благодаря выдѣленію «аппетитнаго» сока или благодаря соку, выдѣлившемуся подъ вліяніемъ воды, выпитой въ то же время. Послѣ же того, какъ перевариваніе этихъ веществъ съ помощью первой порціи желудочнаго сока началось, дальнѣйшее ихъ перевариваніе происходитъ благодаря выдѣленію новыхъ порцій сока. Эти вещества не способны начать процесса переваривания, а разъ онъ начался, то уже можетъ продолжаться самостоятельно дальше и подъ вліяніемъ на стѣнку желудка продуктовъ переваривания этихъ веществъ.

Перейдемъ теперь къ описанію дѣятельности другой железы, имѣющей громадное значеніе для процесса пищеваренія—*поджелудочной*. Сокъ железъ желудка обладаетъ свойствомъ дѣйствовать на бѣлковыя части пищи. Въ отличіе отъ него, сокъ поджелудочной железы обладаетъ свойствомъ переваривать всѣ главныя составныя части пищи, т.-е. и бѣлки, и крахмалъ, и жиры. Для каждаго изъ этихъ трехъ родовъ веществъ въ сокѣ поджелудочной железы есть спеціальное вещество, обладающее свойствомъ измѣнять его. Изъ этого ясно важное значеніе сока поджелудочной железы для пищеваренія.

Какіе же раздражители гонятъ, сокъ поджелудочной железы? Наиболѣе сильнымъ оказалась разведенная кислота. Мы видѣли выше, что, наоборотъ, желудочный сокъ совсѣмъ не гонится кислотой. Отчего же зависитъ такая разница? Дѣло, вѣроятно, въ томъ, что самъ желудочный сокъ кислый, и кислота потому гонитъ сокъ поджелудочной железы, что кислый желудочный сокъ и есть то, что обыкновенно вызываетъ обильное отдѣленіе поджелудочнаго сока.

«Передъ нами,—говоритъ проф. Павловъ,—поучительный, уже и раньше намѣчавшійся, фактъ преемственности и связи работы одного отдѣла пищеварительнаго канала съ работой послѣдующаго отдѣла. Слюна, увлажая сухое, могла фигурировать въ желудкѣ въ качествѣ раздражителя, какъ вода. Въ самомъ желудкѣ психическое отдѣленіе, начиная пищевареніе, тѣмъ самымъ, какъ мы видѣли, обезпечиваетъ его продолженіе».

Наконецъ, накопленіе кислаго желудочнаго сока и переходъ его въ кишки вызываетъ наступленіе дѣятельности поджелудочной железы.

Мы имѣемъ предъ собою здѣсь сложный механизмъ, въ которомъ отдѣльныя части, какъ зубчатыя колеса въ часахъ, послѣдовательно приводятъ другъ друга въ движеніе. Достаточно одной части придти въ движеніе, чтобы этимъ самымъ вызвать движеніе слѣдующей, и такъ далѣе.

До сихъ поръ, какъ мы видѣли, изслѣдованіями И. П. Павлова и

его учениковъ удалось констатировать большую роль психическаго фактора въ пищевареніи, удалось прочно установить зависимость дѣятельности пищеварительныхъ железъ отъ нервной системы и существованія «специфичности» раздражителей, вызывающихъ выдѣленіе пищеварительныхъ соковъ. Но кромѣ этого работами этой школы установленъ еще цѣлый рядъ другихъ интересныхъ фактовъ.

Такъ выяснилась необыкновенная правильность работы пищеварительныхъ железъ. На опредѣленное количество введенной пищи у одного и того же животнаго выдѣляется опредѣленное количество извѣстной силы пищеварительнаго сока. Такъ, если удвоить количество введенной пищи, то соотвѣтственно удвоится и количество выдѣленнаго желудочнаго сока. Другая интересная сторона вопроса заключается въ томъ, что составъ и количество сока мѣняются смотря по роду пищи, которую мы даемъ животному. Такъ, самой высокой переваривающей силой обладаетъ сокъ, вытекающій на хлѣбъ, значительно болѣе слабый по своей переварающей силѣ—сокъ, выдѣляющійся при мясѣ. Наконецъ, молоко даетъ сокъ еще болѣе слабой силы. Изучая, какъ происходитъ отдѣленіе пищеварительныхъ соковъ во времени, мы видимъ удивительную правильность. Для каждой пищи существуетъ своеобразный ходъ этого отдѣленія: такъ, при извѣстнаго рода пищи при началѣ пищеваренія сразу происходитъ обильное отдѣленіе сока сильной пищеварительной силы, но это отдѣленіе быстро падаетъ. Въ другихъ же случаяхъ отдѣленіе сока происходитъ болѣе постепенно и равномѣрно. Эта правильность, эта законность въ отдѣленіи пищеварительныхъ соковъ объясняется тѣмъ, что мы имѣемъ здѣсь предъ собою крайне сложный, необыкновенно цѣлесообразно дѣйствующій механизмъ. Въ чемъ заключается его сущность, мы уже говорили выше. Железа начинаетъ работать, получивъ по нервамъ толчокъ, приказаніе къ этому. Мы имѣемъ здѣсь передъ собою то же, что въ какой-нибудь минѣ, начиненной порохомъ и взрывающейся послѣ того, какъ издалека по проволокѣ былъ проведенъ электрическій токъ къ завтравкѣ. Приводятся железы въ движеніе тѣми нервными окончаніями, которыя раздражаются пищей, попавшей въ пищеварительный каналъ. И такъ какъ пища бываетъ различна, то и раздраженія, воспринимаемыя нервными окончаніями въ оболочкѣ выстилающей стѣнки пищеварительной трубки, будутъ различны, и въ силу этого и железы работаютъ при разной пищѣ по разному. Но при одной и той же пищѣ выдѣленіе всегда будетъ происходить одинаковымъ образомъ и по количеству, и по качеству.

Дальнѣйшія наблюденія показали еще болѣе тонкія и чудныя приспособленія въ дѣятельности пищеварительныхъ органовъ. Пища, воспринимаемая животными и людьми, можетъ сильно различаться по своему составу. Такъ, собаку мы можемъ кормить и хлѣбомъ (крахмалистой по преимуществу пищей), и мясомъ (бѣлковой), или молокомъ (со-

держащимъ значительное количество жира). Каждая пища для своего пищеваренія требуетъ особеннаго, спеціальнаго характера пищеварительныхъ соковъ. Вотъ, если мы будемъ продолжать кормить животное одной и той же пищей долгое время, то органы пищеваренія животнаго приспособятся къ соотвѣтствующей пищѣ. Такъ, возьмемъ трехъ собакъ, изъ которыхъ одну мы будемъ кормить мясомъ, другую хлѣбомъ, а третью молокомъ. До опыта нельзя замѣтить разницы въ составѣ пищеварительныхъ соковъ, выдѣляемыхъ ими. Но по прошествіи достаточно продолжительнаго времени мы замѣтимъ, что у каждой собаки пищеварительные соки измѣнились, и измѣнились такъ, чтобы быть наиболѣе пригодными къ перевариванію соотвѣтствующей пищи. Особенно рѣзко это можно прослѣдить на поджелудочной железѣ. Какъ мы говорили выше, сокъ, отдѣляемый ею, играетъ очень важную роль въ процессѣ пищеваренія. Онъ обладаетъ способностью переваривать и крахмалъ, и жиры и, наконецъ, бѣлковое вещество, т.-е. всѣ три главныя составныя части пищи. И вотъ, у собаки, которая долго получала пищу, богатую крахмаломъ, оказывается, что сокъ поджелудочной железы обладаетъ свойствомъ въ высшей степени энергично переваривать крахмалъ и въ слабой степени бѣлки и жиры. Наоборотъ, у животныхъ, получавшихъ преимущественно мясную или жирную пищу, сокъ поджелудочной железы обладаетъ въ слабой степени способностью переваривать крахмалъ, но зато очень энергично перевариваетъ или бѣлки, или жиры, смотря по составу пищи, которую собака получала.

Этими работами выяснилось необыкновенная тонкость и сложность работы пищеварительныхъ органовъ. Прежнее грубое представленіе о желудкѣ, какъ органѣ, отвѣчающемъ на всякое, даже механическое раздраженіе выдѣленіемъ одного и того же сока, смѣнилось, какъ относительно желудка, такъ и относительно другихъ отдѣловъ пищеварительнаго аппарата, сознаніемъ, что мы имѣемъ предъ собою механизмъ чудный по сложности и точности, на каждое измѣненіе въ пищѣ отвѣчающій измѣненіями въ качествѣ и количествѣ своей работы.

Какіе же выводы для обыденной жизни можно сдѣлать изъ богатаго запаса фактовъ, собраннаго русскими физіологами по поводу пищеваренія.

Первое, на чемъ мы остановимся прежде всего, это на значеніи аппетита и вообще ощущеній и построеній въ процессѣ ѣды. Въ физіологіи до послѣдняго времени роль аппетита сводилась къ нулю. А такъ какъ медицина находится подъ сильнымъ вліяніемъ физіологіи, то и въ ней стало замѣчаться направленіе, игнорирующее значеніе аппетита. Хотя, конечно, повседневный опытъ настолько сильно говорилъ въ пользу его, что въ практической медицинѣ всегда оставался цѣлый рядъ предписаній и правилъ, имѣвшихъ въ основѣ значеніе аппетита для пищеваренія.

Люди безсознательно приспособились впродолженіи длиннаго ряда поколѣній къ наилучшимъ условіямъ существованія при извѣстной обстановкѣ. Поэтому, насъ не должно удивлять, что, вглядываясь въ то, какъ происходитъ у людей ѣда, мы видимъ передъ собою зачастую такую картину, какъ будто все установлено согласно послѣднему слову науки.

Такъ, напр., у большинства людей ѣда (обѣдъ) происходитъ въ особой торжественной обстановкѣ. Конечно, во всей обстановкѣ богатаго буржуазнаго обѣда много нелѣпаго и ненужнаго. Но суть всего, несомнѣнно, направлена къ важной и серьезной цѣли—оторвать человѣка отъ всѣхъ заботъ его жизни и сосредоточить вниманіе на ѣдѣ.

«Вся эта сложная обстановка ѣды,—говоритъ проф. Павловъ,—находитъ свое главное примѣненіе въ болѣе богатыхъ и интеллигентныхъ классахъ общества, во-первыхъ, потому, что здѣсь сильнѣе умственная дѣятельность, безпокойнѣе различные вопросы жизни, а во-вторыхъ, ѣда обыкновенно предлагается въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ это отвѣчаетъ потребности; въ простыхъ классахъ, гдѣ умственная жизнь болѣе элементарна, при большемъ напряженіи мышечной силы, при общей недостаточности питанія интересъ къ ѣдѣ нормально и силенъ, и живъ, безъ всякихъ особенныхъ мѣръ и ухаживаній» *).

Мнѣ кажется, что никакъ нельзя согласиться съ этимъ мнѣніемъ проф. Павлова о томъ, будто бы извѣстная обстановка, дѣйствующая на воображеніе, играетъ и можетъ играть меньшую роль въ ѣдѣ бѣдныхъ классовъ, чѣмъ классовъ богатыхъ. Дѣйствительно, бѣдняку часто знакомо чувство голода и вообще приходится обрѣзывать количество пищи, учитывать каждый кусокъ. Дѣйствительно, здѣсь на подмогу пищеваренію является не только уже аппетитъ, но и настоящій голодъ, но зато пища здѣсь отличается крайней неудобоваримостью; такъ какъ это по преимуществу черный хлѣбъ и картофель, то для того, чтобы покрыть потребности организма, человѣкъ долженъ поглотить и переварить громадныя массы пищевого матеріала. Для того, чтобы совершить съ успѣхомъ эту работу, человѣку нужно здѣсь сосредоточить все свое вниманіе на процессѣ принятія пищи. Поэтому насъ не удивляетъ, когда мы видимъ, какимъ торжественнымъ образомъ происходитъ обѣдъ въ крестьянской или рабочей средѣ. Садятся всѣ за ѣду послѣ молитвы, во время ѣды торжественно молчатъ, хлебая и вылавливая куски мяса изъ общей чашки, всѣ соблюдаютъ строгую очередь. Въ противоположность этому, мы должны отмѣтить, какъ крайне вредную, привычку ѣсть мимоходомъ, между дѣломъ. Точно также является крайне вреднымъ читать во время ѣды или во время ѣды заниматься дѣловыми разговорами.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что манера ѣсть, выработанная безсознательнымъ путемъ обычаемъ, является раціональною съ точки зрѣнія научныхъ изслѣдованій. Точно также легко объясняется цѣле-

*) Стр. 197.

сообразность ряда медицинскихъ предписаній для больныхъ, выработанныхъ путемъ долгаго наблюденія.

Вотъ что по этому поводу говоритъ проф. Павловъ: «Вполнѣ понятное съ нашей точки зрѣнія значеніе имѣютъ всѣ мѣры къ удаленію человѣка, страдающаго хронической слабостью желудка, изъ привычной для него обстановки. Если представимъ себѣ человѣка умственно занятаго, среди какой-нибудь служебной дѣятельности, то какъ часто случается, что такой человѣкъ ни на минуту не можетъ оторваться мыслью отъ своего дѣла. Онъ ѣстъ какъ бы незамѣтно для самого себя, ѣстъ среди не прерывающагося дѣла. Это особенно часто случается съ людьми, живущими въ большихъ центрахъ, гдѣ жизнь чрезвычайно напряжена. Такое систематическое невниманіе къ ѣдѣ, конечно, готовитъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ разстройство пищеварительной дѣятельности со всѣми его послѣдствіями. Аппетитнаго сока нѣтъ или очень мало; отдѣлительная дѣятельность разгорается медленно; пища остается въ пищеварительномъ каналѣ гораздо дольше, чѣмъ слѣдуетъ; при недостаточности соковъ подвергается броженію, въ такомъ видѣ чрезмѣрно раздражаетъ оболочку канала и такимъ образомъ естественно подготовляется и развивается болѣзненное его состояніе. Всякія медицинскія предписанія паціенту, остающемуся на мѣстѣ, въ тѣхъ же условіяхъ, едва ли могутъ помочь, разъ основная причина заболѣванія продолжаетъ дѣйствовать. Тутъ единственный выходъ— вырвать человѣка изъ его обстановки, освободить отъ постоянныхъ работъ, прервать теченіе неотвязныхъ мыслей и на извѣстный срокъ сдѣлать для него цѣлью исключительное вниманіе къ здоровью, къ ѣдѣ. Это и достигается при посылкѣ паціентовъ въ путешествіе, на воды и т. д. Обязанность врача не только въ отдѣльныхъ случаяхъ направлять поведеніе паціентовъ въ надлежащую сторону, но и вообще стараться о распространеніи правильнаго взгляда на процессъ ѣды. Эта обязанность особенно касается русскаго врача. Именно въ русскихъ, такъ называемыхъ интеллигентныхъ классахъ, при еще порядочной спутанности понятій о жизни вообще, часто встрѣчается вполнѣ не физіологическое, иногда даже презрительно-невнимательное отношеніе къ дѣлу ѣды. Болѣе установившіяся націи, напр., англичане сдѣлали изъ акта ѣды какъ бы родъ какого-то культа. Если чрезмѣрное и исключительное увлеченіе ѣдой есть животность, то и высокомѣрное невниманіе къ ѣдѣ есть неблагоразуміе, и истина здѣсь, какъ и всюду, лежитъ въ срединѣ: не увлекайся, но оказывай должное вниманіе—«отдай Божіе—Богу и Кесарево—Кесарю» *).

Въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, особенно при чахоткѣ, въ леченіи играетъ огромную роль усиленное кормленіе или, лучше сказать, откармливаніе больныхъ. Въ какой бы формѣ оно ни производилось, въ видѣ ли пребыванія въ спеціальной санаторіи или въ видѣ леченія кумысомъ въ степяхъ, больной можетъ принимать и главное переваривать огромныя для него количества пищи только потому, что онъ удаленъ изъ обычной для него обстановки и потому что все его вниманіе, всѣ его помышленія и заботы сосредоточены на томъ, чтобы въ опредѣленные часы поглотить и переварить положенное количество пищи.

Вспомните далѣе опытъ съ собакой, у которой было констатировано значительно большее выдѣленіе желудочнаго сока тогда, когда ей то же количество говядины давали отдѣльными порціями, чѣмъ тогда, когда ту же порцію дали сразу. Объясняется это тѣмъ, что, при да-

---

*) Стр. 203.

ваніи говядины маленькими порціями, каждый разъ собака съ жадностью накидывалась на говядину и каждый разъ происходило новое выдѣленіе «аппетитнаго» сока.

Тотъ же пріемъ съ давнихъ поръ выработанъ медициной для больныхъ слабыми пищеварительными органами. Имъ тоже рекомендуется принимать пищу почаще, но маленькими порціями. И теперь намъ становится понятенъ смыслъ этого совѣта. Здѣсь тоже врачъ пользуется работой выдѣляющагося при каждой новой порціи воды «аппетитнаго» сока.

Каждому, вѣроятно, приходилось видѣть бѣдныхъ, маленькихъ мучениковъ-дѣтей передъ котлеткой или молочной кашей, которымъ стараются чуть не силой запихать въ ротъ лишній кусокъ или лишнюю ложку. Родители при этомъ исходятъ изъ соображенія, что достаточно ввести только въ пищеварительные органы пищу, а она ужъ переварится. Между тѣмъ, мы видѣли, что яица и хлѣбъ, введенные прямо въ желудокъ, такъ что не могло произойти отдѣленія желудочнаго сока подъ вліяніемъ удовольствія ѣды, лежали часами въ желудкѣ непереваренными. Такое насильственное кормленіе дѣтей, отказывающихся отъ ѣды, несомнѣнно, можетъ быть одною изъ причинъ серьезнаго хроническаго заболѣванія пищеварительныхъ органовъ. Если кажется, что ребенокъ ѣстъ мало, а больше ѣсть не хочетъ, то съ этимъ нужно бороться, давая ему больше моціона, давая ему больше возможности дышать чистымъ воздухомъ или разнообразя и дѣлая болѣе вкусной пищу, а не напихивая его ѣдой насильно.

Заканчивая о важномъ значеніи «аппетитнаго» сока, чтобы, еще уяснить его значеніе, мы приведемъ слѣдующій опытъ проф. Павлова. У собаки послѣ перерѣзки извѣстныхъ нервовъ прекращается окончательно самая возможность отдѣленія «аппетитнаго» сока. Вслѣдъ за этимъ наступало сильное разстройство пищеварительной дѣятельности: вводившаяся въ желудокъ пища загнивала. Тогда проф. Павловъ примѣнилъ слѣдующій пріемъ. Передъ тѣмъ, какъ вводить мясо, въ пустой желудокъ собаки вводился мясной начаръ. Такъ какъ послѣдній является сильнымъ возбужденіемъ отдѣленія желудочнаго сока, то послѣдній и выдѣлялся. Тогда только вкладывалась плотная пища. Благодаря этому, было достигнуто то, что пища, безъ этого загнивавшая, теперь удовлетворительно переваривалась. Отсутствіе желудочнаго сока, обусловленнаго желаніемъ ѣды, въ этомъ случаѣ вело за собой гибель животнаго.

Разбирая дальше, какъ составляется обѣдъ, мы найдемъ еще цѣлый рядъ цѣлесообразныхъ чертъ, если вспомнить данныя физіологической лабораторіи, которыя мы приводили выше. Такъ, обѣдъ начинается часто закуской.

«Всѣ приправы къ ѣдѣ,—говоритъ проф. Павловъ,—всѣ закуски передъ капитальной ѣдой, очевидно разсчитаны на то, чтобъ возбудить любопытство, инте-

ресъ, усиленное желаніе ѣды. Общеизвѣстенъ фактъ, что человѣкъ, сначала равнодушно относящійся къ обычной ѣдѣ, начинаетъ ѣсть ее съ удовольствіемъ, если раздразнитъ предварительно свой вкусъ чѣмъ-нибудь рѣзкимъ, пикантнымъ, какъ говорятъ. Нужно, слѣдовательно, тронуть вкусовой аппаратъ, привести его въ движеніе для того, чтобы дальше дѣятельность его поддерживалась менѣе сильными раздражителями».

Будемъ продолжать дальше разборъ обѣда. Послѣ закуски ѣдятъ супъ или же съ супа начинаютъ обѣдъ. У богатыхъ классовъ супъ состоитъ изъ хорошаго навара мяса и легко понять его назначеніе: если даже и не получилось совсѣмъ или получилось недостаточное отдѣленіе желудочнаго сока подъ вліяніемъ аппетита, то мясной наваръ, являющійся однимъ изъ самыхъ сильныхъ возбудителей отдѣленія желудочнаго сока, вызоветъ его обильное отдѣленіе. Въ несостоятельныхъ классахъ, гдѣ бульонъ является недоступной роскошью, обѣдъ начинается съ жидкой похлебки. Если даже она сварена и безъ мяса, все-таки она, какъ жидкая пища, ведетъ къ тому, что къ началу пищеваренія въ желудкѣ имѣется достаточное количество отдѣлившагося желудочнаго сока.

Супъ ѣдятъ всегда съ хлѣбомъ. Это тоже является крайне цѣлесообразнымъ. Дѣло въ томъ, что сама по себѣ жидкость быстро удаляется изъ желудка. Между тѣмъ, очевидно, выгодно, чтобы супъ возможно дольше оставался въ желудкѣ, для того, чтобы возможно дольше поддерживалось отдѣленіе сока, возбудителемъ котораго онъ является. А для этого и будетъ цѣлесообразно ѣсть супъ съ хлѣбомъ, потому что тогда жидкость впитается въ куски хлѣба и значительное дольшее время будетъ воздѣйствовать на стѣнки желудка. По крайней мѣрѣ, это же было констатировано на опытѣ съ собакой: бульонъ, введенный въ желудокъ собаки въ смѣси съ крахмаломъ, повлекъ за собою болѣе продолжительное и обильное выдѣленіе желудочнаго сока, чѣмъ введеніе того же количества чистаго бульона. Самъ по себѣ крахмалъ не вызывалъ отдѣленіе сока, и, очевидно, его благотворное дѣйствіе заключалось въ томъ, что благодаря ему бульонъ дольшее время оставался въ соприкосновеніи съ внутреннею поверхностью желудка.

Часто приходится слышать, что пить во время ѣды вредно, что питьемъ мы разжижаемъ пищеварительные соки. Это предразсудокъ и предразсудокъ на основѣ недостаточныхъ научныхъ знаній. Дѣйствительно, когда предполагали, что отдѣленіе пищеварительныхъ соковъ происходитъ, главнымъ образомъ, въ отвѣтъ на механическое раздраженіе, производимое введенной пищей, можно было думать, что на извѣстное количество пищи должно выдѣлиться извѣстное количество сока; выпитая же жидкость будетъ только разводить пищеварительный сокъ и такимъ образомъ ослаблять всѣ дѣйствія. Мы знаемъ теперь, что дѣло складывается не такъ, что, наоборотъ, жидкости, какъ, напримѣръ, вода, бульонъ и т. д. не разжижаютъ сока, а сами

вызываютъ обильное выдѣленіе дѣятельнаго сока. И дѣйствительно, повсюду мы видимъ обычай пить во время ѣды. Въ южныхъ странахъ пьютъ вино или воду съ виномъ, въ Германіи—пиво, у насъ—квасъ. Смыслъ этого обычая ясенъ: увеличить отдѣленіе пищеварительныхъ соковъ. Если же по какимъ-либо причинамъ не произошло отдѣленія «аппетитнаго» желудочнаго сока, то тогда питье является необходимымъ для того, чтобы могло начаться и идти дальше пищевареніе.

Напомню, дальше, что, какъ мы видѣли, кислыя жидкости играютъ важную роль для пищеваренія, такъ какъ кислота обладаетъ свойствомъ вызывать обильное выдѣленіе сока поджелудочной железы одного изъ самыхъ могучихъ дѣятелей пищеваренія. Послѣ того насъ уже не должна удивлять важная роль, которую играютъ въ природѣ къ ѣдѣ у разныхъ народовъ кислыя вещества. Такъ у нашихъ крестьянъ въ ходу кислый квасъ, щи изъ кислой капусты, прибавленіе кислоты къ борщу. У южныхъ народовъ—прибавленіе лимоннаго сока къ пищѣ. Наконецъ, сюда же относится употребленіе въ видѣ приправы уксуса, а также всякихъ маринадъ.

До сихъ поръ мы говорили о факторахъ благопріятствующихъ пищеваренію, но важно принять во вниманіе и дѣйствующіе вредно. Мы видѣли, что жиръ обладаетъ свойствомъ уменьшать отдѣленія поджелудочаго сока; съ этимъ совпадаетъ общее мнѣніе, что жирная пища является пищей трудно перевариваемой.

Мы видѣли выше, какую громадную роль играетъ нервная система въ процессѣ пищеваренія. Она является источникомъ правильности работы, соотвѣтствія всѣхъ отдѣльныхъ частей этого процесса. Но она же можетъ явиться источникомъ и глубокихъ разстройствъ. Заболѣванія другихъ органовъ, сильныя боли чрезъ посредство нервной системы могутъ совершенно разстраивать работу пищеварительнаго аппарата.

Мы видѣли выше, что психическій факторъ—аппетитъ—даетъ первый и могучій толчокъ, который приводитъ въ движеніе весь пищеварительный аппаратъ. Съ другой стороны, душевная сторона жизни человѣка можетъ являться источникомъ глубокихъ заболѣваній органовъ пищеваренія. Вполнѣ понятно, что за состояніемъ глубокаго унынія можетъ слѣдовать рѣзкая задержка въ работѣ этихъ органовъ.

Еще одна изъ причинъ разстройства органовъ пищеваренія заключается въ рѣзкомъ переходѣ отъ одной привычной пищи къ новой. Мы видѣли, что пищеварительныя железы приспособляются къ соотвѣтствующей пищѣ, такъ что если мы сравнимъ сокъ поджелудочной железы у животныхъ, которыя передъ тѣмъ достаточно долгое время получали разную по составу пищу, то увидимъ рѣзкую разницу въ составѣ и сока. Оттого, если мы животному, долгое время получавшему одну пищу, сразу дадимъ другую, то окажется неудивительнымъ, что оно не въ въ состояніи будетъ справиться съ этой пищей, такъ

*

какъ соки, которые будутъ изливаться железами на пищу, совсѣмъ не будутъ соотвѣтствовать ей по своему составу. Этой причиной объясняются частыя заболѣванія, которыя наступаютъ при переходѣ постящагося населенія снова къ скоромной пищѣ.

Вполнѣ ясной является послѣ всего сказаннаго сложность процессовъ діэтетики, т.-е. назначеніе больнымъ или здоровымъ людямъ соотвѣтственной пищи. Очевидно, что здѣсь совершенно нельзя стоять на одной химической точкѣ зрѣнія. Пища не только должна быть соотвѣтственнаго химическаго состава, но, кромѣ того, слѣдуетъ стараться, чтобы она не отличалась рѣзко отъ обычной пищи. Если человѣкъ привыкъ употреблять въ пищу, главнымъ образомъ, растительныя вещества, то онъ уже не можетъ безъ сильной ломки перейти на пищу по преимуществу животнаго происхожденія. Далѣе, пища должна быть приготовлена такимъ образомъ, къ какому человѣкъ привыкъ, для того, чтобы при ѣдѣ онъ получилъ знакомыя и пріятныя для него вкусовыя ощущенія. Пища можетъ быть очень хороша во всѣхъ отношеніяхъ, но мы не можемъ назвать ее удовлетворительной, если она не кажется вкусной тому человѣку, для котораго она приготовлена. Наконецъ, само собою разумѣется, нужно сообразоваться и съ религіозными взглядами и предубѣжденіями людей. Если бы даже намъ удалось заставить мусульманина ѣсть свинину, а индуса—коровье мясо, то эта пища не была бы для нихъ пригодной, такъ какъ съ трудомъ подавленное чувство отвращенія отозвалось бы на всемъ пищеварительномъ процессѣ.

Этимъ мы закончимъ изложеніе результатовъ работъ проф. Павлова и его учениковъ. Мы видимъ, что благодаря имъ открылся рядъ новыхъ фактовъ и обрисовался чудный, необыкновенно сложный и деликатный аппаратъ пищеваренія, способный приспособляться къ пищѣ и мѣнять свою работу, смотря по измѣненію условій, въ которыхъ ему приходится работать.

Д-ръ А. Яроцкій.

НОЧЬ.

(Изъ Маріи Конопницкой).

Пышетъ въ пустынѣ нѣмой мірозданья
Пламя заката;
Въ вѣчность уходитъ съ печатью страданья
День безъ возврата.
Вечеръ плыветъ. Замираетъ тревога,
Тихо вздыхая.
Стала прохладная ночь у порога,
Слезы роняя.
Робко прильнувъ къ моему изголовью,
Сны навѣваетъ...
Сердце больное, истекшее кровью,
Ночи внимаетъ.

К. Б.

* * *

Въ паденьи дня къ закату своему
Есть нѣчто мстительное, злое.
Не ты ли призывалъ покой и тьму,
Изнемогая въ яркомъ знoѣ?
Не ты-ль хулилъ неистовство лучей
Владыки, пламеннаго Змія,
И прославлялъ блаженный миръ ночей
И звѣзды ясныя, благія?
И вотъ сбылось, —пылающій поникъ,
И далеко упали тѣни.
Земля свѣжа. Діанинъ ясный ликъ
Восходитъ, полонъ сладкой лѣни,—
И онъ зоветъ къ безгласной тишинѣ,
И лишь затѣмъ онъ смотритъ въ очи,
Чтобы внушить мечту о долгомъ снѣ,
О долгой,—безконечной,—ночи.

Ѳедоръ Сологубъ.

ДУРАКЪ.

(Повѣсть).

(*Продолженіе* *).

X.

Четвергъ былъ единственный день недѣли, когда Анна Михайловна Коромыслова считала себя вполнѣ свободной. Какъ-то такъ сами собою сложились обстоятельства, что никто изъ знакомыхъ не могъ посѣтить ее въ этотъ день. Мужъ въ этотъ день почти не появлялся дома. У него по четвергамъ, кромѣ службы, было еще два засѣданія какихъ-то коммиссій и, кромѣ того, онъ долженъ былъ хоть на часъ заѣхать вечеромъ къ какому-то важному своему сослуживцу.

И въ прежнее время Анна Михайловна смотрѣла на четверги, какъ на дни отдыха отъ заботъ и волненій цѣлой недѣли. И странное дѣло, въ эти дни она не только не вставала позже обыкновеннаго, а, напротивъ, подымалась раньше и уже въ девять часовъ утра бывала на ногахъ. Она какъ бы хотѣла побольше часовъ принадлежать самой себѣ.

Въ другіе же дни, когда каждую минуту могъ раздаться звонокъ и явиться человѣкъ, котораго по свѣтскимъ соображеніямъ нельзя было не принять, она точно нарочно оставалась въ постели до полудня и такимъ образомъ сокращала свой день.

И обыкновенно по четвергамъ она одѣвалась какъ только можно было по домашнему. Широкій свободный капотъ, небрежная прическа, всему она давала отдыхъ: и своей душѣ, и своему хрупкому тѣлу, и своимъ волосамъ.

Но съ нѣкоторыхъ поръ ея отношеніе къ четвергамъ измѣнилось. Она просыпалась попрежнему рано. Это была привычка неискоренимая, да и искоренять ее не было причины. Повидимому, четверги не сдѣлались для нея менѣе пріятными днями.

Но только до полудня она оставалась въ капотѣ, а тутъ то-

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь, 1902 г.

ропилась привести себя въ порядокъ и къ часу уже была въ маленькомъ будуарѣ на своемъ обычномъ мѣстѣ на кушеткѣ.

И вотъ уже нѣсколько четверговъ подрядъ въ это время раздавался звонокъ, потомъ въ анфиладѣ комнатъ слышались тяжелые шаги довольно грубыхъ мужскихъ сапогъ, раздвигалась портьера и на порогѣ появлялась высокая тонкая фигура молодого человѣка въ черномъ сюртукѣ. Анна Михайловна подымала голову, улыбалась и произносила:

— Какъ видите, я уже на своемъ посту!

Молодой человѣкъ въ черномъ сюртукѣ приближался къ ней, бралъ протянутую къ нему маленькую ручку и говорилъ:

— Я тоже!

На этотъ разъ Владиміръ Любарцевъ, какъ всегда, явился къ ней въ четвергъ около часу. Но почему-то лицо у него было хмурое. Онъ не заговорилъ вдругъ, какъ это обыкновенно бывало, о своихъ впечатлѣніяхъ за недѣлю... Съ этого всегда начинался ихъ разговоръ, часто переходившій въ споръ, кончавшійся, однако, всегда миромъ. Онъ сѣлъ въ кресло и угрюмо молчалъ.

— У васъ случилась какая-то непріятность, милый Владиміръ Ивановичъ,—мягко и осторожно сказала Анна Михайловна.—Что-нибудь изъ дому?

— Избави Богъ!—сумрачно откликнулся Владиміръ. — Если бы какая бѣда случилась съ моими стариками, я не молчалъ бы, а свирѣпо кричалъ бы...

— Значитъ, не это? Ну, я довольна. А что же?

— Такъ... Одно отвратительное впечатлѣніе легло на мою душу...

— Постороннее?

— По существу, да. Но волею судебъ—не совсѣмъ. Знаете, даже говорить тошно.

— А все-таки скажите. Надо дѣлиться съ ближнимъ не только добромъ, но и зломъ.

— О, второе-то мы дѣлаемъ особенно охотно. Скажите, какое лицо бываетъ у моего кузена Петра, когда онъ обѣдаетъ у васъ по воскресеньямъ?

— У вашего кузена всегда одинаковое лицо.

— То-есть глупое?

— Человѣка нельзя осуждать за то, что далъ ему Господь Богъ.

— Я вчера видѣлъ его.

— И это *онъ* такъ удручилъ васъ?

— Да, онъ.

— Чѣмъ же?

— Своими успѣхами...

— По службѣ?

— По службамъ... Нѣтъ, знаете, то, что онъ съ наивностью довѣрчиваго родственника разсказалъ мнѣ, можетъ совершенно перевернуть вверхъ дномъ міросозерцаніе человѣка. Вы знаете о его отношеніяхъ къ Вермутовой?

— О нихъ говорятъ довольно свободно...

— Но послушайте, не говорятъ же, что онъ состоитъ... извините меня... на жалованьи у госпожи Вермутовой... Не могутъ же говорить этого громко!

— Этого и не говорятъ громко.

— Но люди, принимающіе его, обѣдающіе съ нимъ, служащіе въ одномъ департаментѣ съ нимъ,—съ волненіемъ говорилъ Владиміръ,—эти люди спрашиваютъ же себя о томъ, откуда онъ беретъ довольно значительныя средства, получая жалованья сто рублей въ мѣсяцъ?

— Это всѣ знаютъ,—зачѣмъ же еще спрашивать объ этомъ?

— И зная это, его принимаютъ, считаютъ членомъ своего общества, способствуютъ его движенію по службѣ и проч., и проч... Но вѣдь это же безнравственно!..

— Послушайте, милый мой Владиміръ Ивановичъ, неужели вы не знаете, что въ нашемъ обществѣ нравственные вопросы никогда не затрогиваются... Нравственность считается дѣломъ личнымъ, интимнымъ, а въ обществѣ она была бы слишкомъ большой роскошью... Она замѣнена здѣсь „порядочностью". Порядочность же выражается въ одеждѣ отъ хорошаго портного, въ умѣньи держать себя, поддерживать разговоръ, ну и при этомъ не нарушать уголовнаго кодекса... Вашему кузену все это дано отъ Бога взамѣнъ ума. Надо же было чѣмъ-нибудь возмѣстить этотъ пробѣлъ...

— Боже!—съ какимъ-то почти отчаяніемъ воскликнулъ Владиміръ.—Меня пугаетъ во всемъ этомъ не онъ, не то, что онъ таковъ... Я знаю, что люди бываютъ разные и дрянности человѣческой нѣтъ предѣловъ; а то, что вы, вы можете говорить объ этомъ безъ негодованія, даже съ юморомъ и относиться къ этому на столько мягко, чтобы терпѣть его въ своемъ домѣ, за своимъ обѣденнымъ столомъ и, можетъ быть, даже въ это время сохранять хорошій аппетитъ...

Анна Михайловна посмотрѣла на него долгимъ взглядомъ, исполненнымъ ласковаго укора и покачала головой.

— Мой милый, Владиміръ Ивановичъ, то, что вы говорите, меня радуетъ. Но оно свидѣтельствуетъ о вашемъ глубокомъ незнаніи той обстановки, при которой люди живутъ на свѣтѣ. Помните въ „Гамлетѣ", когда Полоній обѣщаетъ принцу оказать актерамъ пріемъ по ихъ заслугамъ, Гамлетъ на это говоритъ:

——— ——— ——— —

„Нѣтъ, прими ихъ лучше. Если обращаться съ каждымъ по его заслугамъ, то кто же избавился бы отъ пощечины?..“ А я должна сказать вамъ, что если бы я принимала въ свой домъ людей по ихъ заслугамъ, то не только должна была бы остаться одинокой, но еще и бѣжать отъ самой себя...

— Это зачѣмъ же?

— Но какъ зачѣмъ? Какъ зачѣмъ, милый Владиміръ Ивановичъ? Неужели вы думаете, что я способна разыгрывать передъ вами угнетенную добродѣтель? Ахъ, нѣтъ, добродѣтели тутъ нѣтъ и въ поминѣ... Впрочемъ, лучше не будемъ объ этомъ говорить...

— Поговоримте о моемъ кузенѣ? — спросилъ Владиміръ съ чуть слышной ироніей въ голосѣ.

— А вы думаете, что онъ болѣе пріятный предметъ для разговора, чѣмъ я?

— Навѣрно нѣтъ. Но онъ далекій, а потому и безразличный.

— Вашъ кузенъ... Но вы, кажется, думаете, что онъ исключеніе?..

— По своей глупости—да.

— И даже поэтому—нѣтъ. Въ томъ мірѣ, гдѣ только получаютъ доходы и жалованья, глупцы страшно преобладаютъ... Такіе орлы, какъ мой мужъ и господинъ Вермутовъ, попадаются рѣдко, какъ цѣнныя жемчужины. А что касается способности дѣлать карьеру на счетъ женщинъ, то это считается не только обычнымъ, но даже похвальнымъ. Разумѣется, только подъ благовидными соусами... Обыкновенно для этого путь — женитьба. Но вѣдь вашъ кузенъ еще только въ приготовительномъ классѣ. Двигаясь по лѣстницѣ карьеры, онъ тоже кончитъ женитьбой. Говорятъ, что m-elle Вермутова ему суждена...

— Она очень богата?

— Не очень, но достаточно. Въ сотняхъ тысячахъ...

— Умна?

— Далеко нѣтъ.

— Красива?

— О, мой другъ, если бы она была красива, то вашего кузена не подпустили бы къ ней на полверсты. Она безобразна...

— А...

— Но я думаю, что по дѣломъ ему...

— Ну, и ей тоже,—замѣтилъ Владиміръ.

— Да она-то чѣмъ виновата? Она некрасива... Я всегда жалѣю некрасивыхъ женщинъ. Мужчины, даже лучшіе изъ нихъ, въ глубинѣ души презираютъ ихъ, хотя, благодаря требованіямъ воспитанности, они съ ними любезны, но вѣдь это чувствуется.

Развѣ вы, напримѣръ, могли бы остановить ваше вниманіе на некрасивой женщинѣ?

— Остановить вниманіе,—отчего же нѣтъ?

— А полюбить?

— Думаю, что нѣтъ.

— Ну, вотъ видите... А васъ я причисляю къ лучшимъ. Поэтому и перейдемте къ вамъ, — прибавила она съ усмѣшкой.— Что вы дѣлали эту недѣлю?

— Ходилъ въ публичную библіотеку и собиралъ матеріалъ для моей статьи, въ которой собираюсь дебютировать въ толстомъ журналѣ... Надо же и мнѣ повышаться...

— А это повышеніе?

— Да, повышеніе хотя и не по службѣ...

— Неужели опять о чиновникахъ?

— Представьте, да, только изъ прошлаго. Вѣдь и у чиновниковъ есть исторія.

— Развѣ это интересная исторія?

— О, чрезвычайно! Я хочу показать, какія великія благодѣянія оказалъ этотъ институтъ моей родинѣ въ прошломъ, остановивъ ея, безъ сомнѣнія, опасный ходъ впередъ этакъ столѣтія на два...

— Они васъ когда-нибудь съѣдятъ—чиновники.

— И пусть ихъ кушаютъ на здоровье. Горькая пища, говорятъ, полезна для пищеваренія... А они кстати всѣ страдаютъ катарромъ...

— Мой мужъ, такъ одобрившій вашу первую статью, порядочно ворчалъ по поводу послѣдней.

— Да, и ея не было бы, если бы я тогда согласился на его предложеніе и сталъ бы служить. Она была бы оплачена казеннымъ жалованьемъ раньше своего появленія на свѣтъ.

Такая болтовня длилась у нихъ по цѣлымъ часамъ... Казалось бы, такъ какъ оба они были умны и требовательны, это скоро должно было бы утомить ихъ, но они этого не чувствовали. Въ ихъ отношеніяхъ было что-то незримое, не ясно ощущавшееся ими обоими, что̀ какъ бы окрашивало въ особый цвѣтъ каждое незначительное слово, каждую, хотя бы и самую пустую, мысль. Точно это былъ какъ бы условный языкъ и подъ этими словами и фразами разумѣлось совсѣмъ другое, что-то значительное и глубокое. Но они никогда не касались этого таинственнаго чего-то, хотя явственно ощущали его вліяніе съ первой минуты его прихода до прощанія.

Владиміръ съ перваго своего визита почувствовалъ на себѣ обаяніе Анны Михайловны. Не было ни одного момента въ ихъ знакомствѣ, когда онъ смотрѣлъ бы на нее, какъ на старшую

родственницу. Сразу она стала для него красивой женщиной съ загадочнымъ умомъ, съ недосказанной душой.

Когда онъ пришелъ домой послѣ перваго знакомства съ нею, онъ, несмотря на то, что у него были другія дѣла, нѣсколько дней подрядъ думалъ исключительно о ней, стараясь разгадать, что это за существо.

Она казалась ему существомъ правдивымъ и тонко чувствующимъ, а между тѣмъ, она добровольно вращалась въ кругу такихъ явныхъ пошляковъ, что относительно ихъ не могло быть даже минутнаго сомнѣнія. Достаточно ему было одинъ разъ просидѣть полчаса въ ея будуарѣ, когда въ немъ „поддерживали разговоръ“ ея обычные посѣтители, чтобы понять это.

Онъ очень хорошо видѣлъ, что она ихъ презираетъ, этихъ чиновниковъ въ мундирѣ и въ душѣ, этихъ явныхъ и тайныхъ балетомановъ, гордившихся своей близостью къ искусству и, кажется, ничего не понимавшихъ въ немъ, и тѣмъ не менѣе она находила для каждаго изъ нихъ достаточно любезности и не только терпѣла ихъ около себя, но своимъ обращеніемъ давала имъ основаніе считать себя ея друзьями.

И вѣдь это она дѣлала, должно быть, всѣ годы своего замужества за Коромысловымъ, а была она замужемъ уже лѣтъ около пятнадцати.

Ея мужа, Коромыслова, Владиміръ, однако, выдѣлялъ изъ этой компаніи. Онъ, во всякомъ случаѣ, не казался ему пошлякомъ. Но его холодные умные, но жестокіе глаза какъ бы говорили о томъ, что этотъ человѣкъ ради себя, ради своего благополучія, ради карьеры, ничего и никого не пожалѣетъ и не жалѣлъ; если нужно это для него, онъ спокойно наступитъ ближнему на горло и раздавитъ его и, должно быть, раздавилъ не одного ближняго,—эти глаза безповоротно оттолкнули его. Въ особенности стало ему это ясно въ то время, когда Коромысловъ дѣлалъ ему свое предложеніе на счетъ службы. Тогда-то эти глаза и сказали ему, что, въ случаѣ надобности, этотъ почтенный человѣкъ велитъ зажарить его и подать на блюдѣ за своимъ обѣдомъ.

И опять новое недоумѣніе смутило его душу: какія же могутъ быть у нихъ отношенія? Если она такъ правдива и чутка, какъ ему показалось, то какъ можетъ она дѣлить съ нимъ жизнь?

Онъ очень красивъ, этотъ Коромысловъ. У него въ волосахъ уже не мало сѣдинъ, но это не мѣшаетъ ему быть красивымъ. Неужели же это дѣлаетъ ее такъ снисходительной?

Всѣ эти вопросы безпокоили его. Бывали минуты, даже дни, когда это неясное для него положеніе родственницы отвращало его отъ нея. Онъ говорилъ себѣ, что въ этотъ домъ ему не за-

чѣмъ ходить, что будетъ самое лучшее, если онъ прерветъ всякія сношенія съ нимъ.

Но въ немъ, очевидно, было что-то сильнѣе его соображеній и рѣшеній. Его тянуло туда и именно къ ней и только къ ней. Какъ-то само собою вышло, безъ всякаго уговора, что онъ пересталъ бывать у нея въ тѣ дни, когда могъ встрѣтить тамъ общество и началъ ходить исключительно по четвергамъ. Черезъ четыре недѣли они уже говорили: „нашъ четвергъ“, „нашъ день“.

И цѣлые дни тогда проходили у нихъ незамѣтно, въ неумолчномъ разговорѣ, и эти разговоры всегда касались всего того, что было внѣ ихъ самихъ. Тысячи предметовъ и вопросовъ были ихъ темами, но ни разу они не коснулись того, что было каждому изъ нихъ слишкомъ близко. Словно у нихъ было какое-то предохранительное чувство, что это „близкое“ способно отдалить ихъ другъ отъ друга.

Уже давно она сдѣлалась ему симпатична, даже мила, давно онъ призналъ ея умъ, оригинальность, искренность—по крайней мѣрѣ, съ нимъ,—всѣ тѣ качества, которыя притягивали его къ ней, и тѣмъ не менѣе она была для него загадкой.

Часто онъ внимательно смотрѣлъ на нее и старался опредѣлить, сколько ей лѣтъ? Небольшой ростъ, худощавость и миніатюрность фигуры помогали впечатлѣнію молодости. Много способствовалъ этому ея голосъ—мягкій, свѣжій, мелодичный. Далеко не всегда, но все же довольно часто глаза ея загорались какимъ-то удивительнымъ молодымъ блескомъ.

Но лицо ея сбивало его. Въ иные дни оно казалось свѣжимъ и молодымъ, въ другіе—щеки ея какъ будто блекли, какъ бутонъ цвѣтка, который забыли полить, и тогда на лбу около глазъ и по краямъ рта выступали тонкія, но замѣтныя морщинки.

И странное дѣло—въ такіе дни она привлекала его еще больше, можетъ быть потому, что онъ объяснялъ такую перемѣну какимъ-то глубокимъ скрытымъ страданіемъ.

Его жизнь и дѣла очень живо интересовали ее, и она постоянно разспрашивала его о нихъ. Въ послѣднее время у нихъ сдѣлалось обычнымъ, что онъ, придя къ ней, начиналъ подробно разсказывать ей все, что съ нимъ было за недѣлю: и встрѣчи и факты, и чувства и мысли. Она слушала съ напряженнымъ вниманіемъ, иногда закрывала глаза, точно стараясь представить себя въ той обстановкѣ, которую онъ описывалъ.

Иногда она, слушая его разсказы, горячія разсужденія и изліянія, долго-долго смотрѣла на него, потомъ вдругъ вздрагивала и быстро отводила отъ него свои глаза.

Но въ послѣднее время все яснѣе и яснѣе становилось, что между ними есть что-то такое, что точно забыли они сказать

другъ другу, и въ то же время было невысказанное сознаніе, что сказать это не легко, да и не надо. Въ иныя минуты даже казалось, что только до тѣхъ поръ и могутъ сохраняться ихъ добрыя отношенія, пока они недостаточно знаютъ другъ друга.

И такъ шло у нихъ вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ. Сближеніе ихъ совершилось сразу, съ перваго знакомства и точно вдругъ остановилось. Они проводили вмѣстѣ цѣлые дни, они считали себя друзьями, но между ними оставалось разстояніе, которое не сокращалось.

Владиміръ, какъ будто, привыкъ уже къ такимъ отношеніямъ, но однажды вдругъ совершенно явственно почувствовалъ, что это его страшно тяготитъ и что такъ дольше тянуть нельзя. Надо что-то выяснить, а что именно, онъ этого самъ хорошенько не зналъ.

Но ему достаточно было сознать это, чтобы онъ уже не былъ въ состояніи молчать объ этомъ передъ нею. Изъ всего этого получился странный результатъ: въ одинъ изъ декабрьскихъ четверговъ Анна Михайловна Коромыслова не увидѣла его въ обычный часъ въ своемъ будуарѣ. Онъ не пришелъ къ ней въ этотъ день.

XI.

Въ тотъ четвергъ Владиміръ совсѣмъ было собрался къ ней. По обыкновенію, онъ еще наканунѣ сказалъ редактору, что свою работу сдѣлаетъ утромъ до полудня, у себя, и просилъ прислать ему почту. Такъ и сдѣлали: почту ему прислали. Онъ торопливо перевелъ, что нужно, и къ 12-ти часамъ готовъ былъ, чтобы идти.

Но тутъ явилось у него острое сознаніе, что, если онъ придетъ къ ней, то непремѣнно сейчасъ же, не откладывая ни минуты, затронетъ тѣ стороны ея личности, которыя до сихъ поръ оставались въ тѣни.

И ему почему-то показалось, что это будетъ гибелью для ихъ отношеній; ему стало страшно отъ этого, и онъ тутъ же рѣшилъ не ходить къ ней.

Онъ вышелъ изъ дому и, чтобы отрѣзать себѣ путь къ раскаянію, пошелъ въ публичную библіотеку и тамъ засѣлъ за свою работу. До пяти часовъ онъ просидѣлъ тамъ исправно, все время, однако, чувствуя, что совершаетъ преступленіе.

Въ пять часовъ онъ вышелъ и вернулся домой. Здѣсь на столѣ у себя онъ нашелъ маленькій конвертъ зеленаго цвѣта, и хотя до сихъ поръ не получалъ писемъ отъ Анны Михайловны, но сейчасъ же понялъ, что это отъ нея. Онъ распечаталъ конвертъ и прочиталъ:

„Когда сердятся — бранятся, когда заняты — извиняются,

когда больны—жалуются. Вы не сдѣлали ни того, ни другого, ни третьяго. Приходится думать, что у васъ что-то четвертое? Что же? Сообщите, иначе я буду считать, что вы безъ уважительной причины нарушили завѣтъ Бога: шесть дней работать, а седьмой посвящать ему... Я жду".

Эта записка произвела страшный безпорядокъ въ его душѣ. Всѣ благоразумныя рѣшенія куда-то стушевались, и даже не пробовали вліять на его волю.

Онъ ни минуты не раздумывалъ, сейчасъ же вышелъ изъ дому, взялъ извозчика и поѣхалъ на Конногвардейскій бульваръ.

Тутъ даже швейцаръ, который съ нѣкоторыхъ поръ, догадавшись, что онъ желанный гость самой барыни и, должно быть, давъ этому свое швейцарское объясненіе, сталъ признавать его,—укорилъ его:

— Нынче какъ опоздали, Владиміръ Ивановичъ!

— Никого нѣтъ?—спросилъ Владиміръ.

— Никого-съ. У насъ по четвергамъ никакого пріему не бываетъ, окромѣ какъ васъ...

Владиміръ быстро взлетѣлъ наверхъ. Дверь была уже растворена. Онъ проскользнулъ въ гостиную и оттуда прямо въ будуаръ.

Анна Михайловна не сидѣла, по обыкновенію, на софѣ, а стояла у окна и, когда онъ появился, обернулась къ нему и посмотрѣла на него долгимъ вопросительнымъ взглядомъ.

Владиміръ подошелъ къ ней и поцѣловалъ ея руку, потомъ отошелъ и какъ-то машинально, не дожидаясь приглашенія, сѣлъ въ кресло, какъ дѣлалъ это обыкновенно.

— Я лгать вамъ не стану,—отвѣтилъ онъ, очевидно, на ея вопросительный взглядъ.—Я сегодня не хотѣлъ приходить къ вамъ.

Она опять повернула голову въ его сторону и опять безъ словъ однимъ только взглядомъ задала ему вопросъ: почему?

Онъ отвѣтилъ и на этотъ вопросъ:—Этого въ двухъ словахъ не объяснишь, а объяснить надо...

— Что у васъ, Владиміръ Ивановичъ?—наконецъ, спросила она его неопредѣленно, осторожно, какъ бы боясь, чтобы онъ не принялъ ея вопроса за вызовъ.

Его лицо заставляло ее быть въ высшей степени сдержанной. И не одно лицо, а весь онъ — не такой, какимъ бывалъ обыкновенно.

Всегда онъ приходилъ сюда точно на отдыхъ, съ нѣсколько утомленнымъ, но открытымъ лицомъ, съ ясными глазами. Здороваясь съ нею, онъ улыбался просто по-пріятельски и тотчасъ же безъ всякой запинки, безъ недомолвокъ завязывался у нихъ разговоръ.

А теперь онъ какъ-то сжимался, отводилъ отъ нея свои

глаза, точно чего-то остерегаясь. Она оставила свое мѣсто у окна, подошла ближе къ нему, но не сѣла.

— Развѣ вы не видите, что я... сошелъ съ рельсовъ!.. — промолвилъ Владиміръ и видимо старался улыбнуться.

— Я это подозрѣваю,—опять еще осторожнѣе отвѣтила Анна Михайловна.

— И все-таки думаете, что мнѣ слѣдуетъ говорить?—спросилъ Владиміръ.

— Что-жъ, можетъ быть, этотъ разговоръ вновь поставитъ васъ на рельсы...

— Такъ сядьте пожалуйста на ваше обычное мѣсто; уже это хоть немного приведетъ меня въ порядокъ.

Она усмѣхнулась и сѣла на софѣ.

— Ну, теперь всѣ формальности выполнены,—съ улыбкой сказала она,—значитъ, можно говорить...

— Хорошо. Начнемте съ притчи.

— О, дѣло дошло до притчи!

— Вы предпочитаете безъ придтчи: прямо къ дѣлу?

Она съ легкимъ испугомъ взглянула на него, нѣсколько секундъ подумала и сказала:

— Нѣтъ, лучше съ притчи...

— Хорошо. Вотъ видите-ли, такъ какъ древнихъ мы знаемъ только по наслышкѣ—по моему всѣ эти Саллюстіи и Фукидиды просто старыя бабы, которыя записывали ходячія сплетни и анекдоты, а мы принимаемъ это за исторію,—да, такъ поэтому на древность можно ссылаться въ самыхъ нелѣпыхъ случаяхъ. Вотъ и я сошлюсь и говорю: это было въ древности. Одинъ честный бѣднякъ во время народнаго возстанія награбилъ кучу золота и, желая скрыть это свое доброе дѣло, спряталъ золото въ шапку, а шапку надѣлъ на голову. Никто и не подумалъ, что у него въ шапкѣ цѣлое богатство. Но съ этихъ поръ всѣ увидѣли, что этотъ человѣкъ никогда не снимаетъ шапки. Онъ ходилъ по улицамъ, сидѣлъ въ домахъ, даже молился въ храмѣ, все въ шапкѣ. И спрашивали его: что это значитъ? Онъ отвѣчалъ, что у него особая болѣзнь головы, требующая, чтобы онъ всегда былъ въ шапкѣ. Въ дѣйствительности же никакой болѣзни у него не было. А все дѣло было въ томъ, что его до сихъ поръ считали всѣ честнымъ человѣкомъ. Если бы онъ снялъ шапку, то оттуда посыпалось бы золото, и всѣ узнали бы, что онъ грабитель и воръ. Итакъ ходилъ онъ долго, нѣсколько лѣтъ, чувствуя себя обладателемъ цѣлаго состоянія и не имѣя возможности пользоваться имъ. Владѣя кучей золота, онъ попрежнему ходилъ въ рубищахъ, питался скудной пищей и жилъ на улицѣ. Но это было бы еще ничего. А бѣда въ томъ, что золото надавливало на его

голову и съ каждымъ днемъ эта тяжесть ощущалась все сильнѣе и сильнѣе. И, наконецъ, ему стало не въ моготу и онъ сказалъ себѣ: пусть лучше всѣ узнаютъ, что я грабитель и воръ, но я больше не въ состояніи выносить эту тяжесть. Онъ снялъ шапку, оттуда посыпалось награбленное золото, всѣ узнали правду и всѣ стали презирать его. Такъ разомъ погибла его репутація честнаго человѣка... Ну, вотъ вамъ и притча.

Анна Михайловна внимательно слушала. Сперва глаза ея выражали полное непониманіе, но потомъ прояснились и стали улыбаться.

— Можетъ быть, вы дадите мнѣ и ключъ къ вашей притчѣ?— спросила она.

— Ключъ отыщите сами. Вы умная,—сказалъ Владиміръ.

— Во всякомъ случаѣ, онъ у васъ. Вы гдѣ-то награбили золото и спрятали его подъ вашу шапку и оно давитъ васъ, но вы боитесь снять шапку, чтобы оно не просыпалось. Не бойтесь, снимите шапку; пусть сыплется ваше золото.

— Но вы выпустили изъ виду конецъ притчи: и всѣ стали презирать его. Такъ разомъ погибла репутація честнаго человѣка.

— Будемъ рисковать, Владиміръ Ивановичъ.

— Я рискну, но только потому, что вы меня на это подбиваете...

— Вы хотите свалить на меня отвѣтственность?

— По крайней мѣрѣ, половину...

— Это по-дружески. Итакъ, снимите шапку.

— Это касается васъ...

— Я уже объ этомъ догадалась.

— Можетъ быть, и объ остальномъ?

— Вѣроятно...

— Такъ не заставляйте же меня задавать вамъ вопросы...

— Ужъ это будетъ не половина отвѣтственности, а вся. Ахъ, ну, хорошо... Меня утѣшаетъ въ этомъ соображеніе, что если человѣка мучаютъ сомнѣнія на счетъ другого, то, значитъ, этотъ другой ему не безразличенъ...

— Навѣрно такъ. Только это не сомнѣніе, а просто незнаніе. У меня слишкомъ пытливый умъ, чтобы я могъ долго быть близко около явленія и не заглянуть въ самую его глубину. Ну, скажите же, какъ это могло случиться, что вы—такая, какою я васъ узналъ...

— Кстати, попутно опредѣлите, какая именно?

— Прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ...

— А... произнесла Анна Михайловна и посмотрѣла на него загорѣвшимися гордостью глазами.

— Да, прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ. И вотъ вы живете

на этомъ рынкѣ, гдѣ происходитъ купля-продажа и выгодный обмѣнъ самыхъ грубыхъ карьерныхъ интересовъ, насидѣли себѣ мѣстечко, несете извѣстное амплуа и живете такъ, какъ будто чувствуете себя недурно? Ну, вотъ видите, вы подбили меня и я рискнулъ... прибавилъ Владиміръ, какъ бы спохватившись, потому что лицо Анны Михайловны вдругъ слегка поблѣднѣло и глаза сдѣлались туманными.

Она покачала головой.

— Не безпокойтесь. Этотъ рискъ будетъ вознагражденъ правдой,—сказала она.—А правда въ томъ, что—какъ поетъ оперная Маргарита—не прекрасна я, о, далеко не прекрасна...

— Ну, это ваше мнѣніе, а вы, очевидно, слишкомъ требовательны къ себѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ. Я очень снисходительна къ себѣ, увѣряю васъ. Я кажусь вамъ чѣмъ-то хорошимъ потому, что сравнивать меня вамъ приходится съ очень ужъ плохимъ. Но, мой другъ, уже то одно, что я осталась на этомъ, какъ вы сказали, рынкѣ, тогда какъ въ свое время мнѣ стоило только взмахнуть крыльями, вспорхнуть и улетѣть,—ужъ одно это показываетъ, какъ я плохая.

— Да, это меня больше всего удивило съ перваго момента нашего знакомства.

— Ну, вотъ видите... И главное, что нельзя найти ни одного сколько-нибудь приличнаго объясненія и тѣмъ болѣе оправданія. Вы, можетъ быть, хотите знать, почему я сдѣлалась женой Коромыслова?

— Я не посмѣлъ бы задать вамъ этотъ вопросъ.

— Онъ такъ естественен. Какъ могли сдѣлаться близкими столь разные люди? И вы, конечно, ожидаете такого отвѣта: что пятнадцать лѣтъ тому назадъ онъ былъ другимъ человѣкомъ или казался другимъ, что онъ обманулъ меня, или я въ немъ обманулась... Представьте—нѣтъ. Онъ былъ точно такимъ же; когда онъ явился къ намъ, въ домъ моей матери—отца тогда уже не было въ живыхъ—мнѣ тогда было шестнадцать лѣтъ, я только что выпорхнула изъ института и вся была охвачена однимъ желаніемъ: жить, жить во что бы то ни стало. Да, такъ онъ явился къ намъ такой, что послѣ перваго визита я уже сказала себѣ: вотъ холодная душа, которая ничего и никого не пожалѣетъ ради своей карьеры; вотъ человѣкъ, который сдѣлаетъ карьеру. У него были умъ и воспитанность и больше не было никакихъ положительныхъ качествъ... никакой непосредственности, никакой отзывчивости, никакого чувства. Есть люди, которые рождены тайными совѣтниками. Куриное яйцо по виду не имѣетъ ничего общаго съ той курицей, которая изъ него выйдетъ и будетъ потомъ ходить по двору, водить цыплятъ или попадетъ на столъ подъ соу-

сомъ. Но взглянувъ на яйцо, вы можете съ увѣренностью сказать, что изъ него выйдетъ курица... Таковы эти молодые люди, вступающіе на службу безъ усовъ, съ маленькимъ чиномъ, но съ твердыми планами. Достаточно посмотрѣть имъ въ глаза, чтобы безошибочно предсказать въ нихъ будущихъ тайныхъ совѣтниковъ. И, конечно, если бы я была совсѣмъ свободна въ выборѣ, онъ меня оттолкнулъ бы и только.

— Значитъ, вы не были свободны?—какъ бы съ надеждой на утвердительный отвѣтъ спросилъ Владиміръ.

— Да, только не думайте, что кто-нибудь принуждалъ меня. И вообще не надѣйтесь ни на какія смягчающія обстоятельства. Я была не свободна потому, что съ первой встрѣчи съ нимъ— ослѣпла...

— Ослѣпли?

— Ослѣпла, Владиміръ Ивановичъ, какъ самая слабая женщина... Константинъ Александровичъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ была еще красивѣе, чѣмъ теперь.

— А... да, онъ очень красивъ, вашъ мужъ!—сказалъ Владиміръ и оба они на минуту замолчали. Это было такъ просто, то, что она сказала. Владиміръ совершенно ясно представилъ себѣ то, что было пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда семнадцатилѣтняя институтка, жаждавшая жизни во что бы то ни стало, съ первой встрѣчи безъ ума влюбилась въ красиваго мужчину, и это уже теперь, когда она еще не разсказала ему ничего, многое объясняло ему.

— Да, онъ очень красивъ. Онъ и теперь красивъ, онъ теперь еще красивѣе чѣмъ, былъ тогда; но тогда у него еще были преимущества молодости, ранней молодости,—вѣдь ему было всего двадцать шесть лѣтъ...—опять заговорила Анна Михайловна, неподвижно созерцательно остановивъ глаза на одной точкѣ.—Давайте же, предадимъ проклятію эстетическое воспитаніе, научающее молодыхъ дѣвушекъ въ жизни искать, прежде всего, и больше всего красоты и предпочитать ее больше всему на свѣтѣ. Красивое платье, красивые цвѣты, красивые стихи, красивый жестъ, красивый реверансъ, красивая фраза... „Это не красиво, значитъ это нельзя"; „это дурно, но зато это красиво!" Это поклоненіе красотѣ впитывается въ насъ съ молокомъ... хотѣла сказать—съ молокомъ матери... но я его не пробовала, — значитъ, съ молокомъ кормилицы. Моя мать тоже была поклонница красоты и потому берегла свои формы. О, больше всего на свѣтѣ боялась она испортить свои формы и потому она меня, единственнаго своего ребенка, не кормила... Итакъ, ослѣпленная красотой Константина Александровича, я все простила ему. Его холодная душа карьериста — къ чести его, онъ не пряталъ ее, не игралъ въ

чувство, а твердо высказывалъ свои стальные взгляды,—не только не оттолкнула меня, а привязала меня къ нему. Я влюбилась въ него безумно и не успѣла опомниться, какъ стала его женой. Должно быть, и онъ увлекся моей наружностью и, конечно, молодостью. Вѣдь я тоже была очень красива.

— Какъ и теперь!—вставилъ Владиміръ.

— Если вы это находите... да... Такъ я думаю, что и онъ увлекался мной. Конечно, это была не любовь... Если во мнѣ настоящее чувство было замуравлено подъ словомъ эстетики, такъ въ немъ его вовсе не было. Онъ любилъ только себя, свою карьеру, свою будущность. И вотъ я со всей моей энергіей предалась созданію его будущности. Вѣдь я тогда думала, что его будущность—и моя также. Надо вамъ знать, что Константинъ Александровичъ былъ безъ всякихъ средствъ и безъ всякихъ связей; а у моей матери по мужу были огромныя связи и хорошее состояніе. При жизни матери это шло нерѣшительно и медленно; но мать скоро умерла, и тогда я пустила въ ходъ все. Одна треть состоянія была истрачена на созданіе положенія. Вотъ этотъ особнякъ, эта дорогая обстановка,—все это было пріобрѣтено единственно ради фиксированія вниманія сферъ на особѣ Константина Александровича. У насъ пошли пріемы, вечера, завязались связи и мой мужъ стремительно, какъ ртуть въ термометрѣ, опущенномъ въ кипятокъ, полетѣлъ кверху. Вдругъ замѣтили его умъ и блестящія способности, которыхъ прежде не замѣчали, и въ какіе-нибудь десять лѣтъ онъ сдѣлалъ карьеру, которую всякому другому надо дѣлать четверть столѣтія. Да, я могу сказать смѣло, что это я дала Россіи столь выдающагося государственнаго человѣка!—прибавила Анна Михайловна съ тонкой саркастической усмѣшкой и замолчала.

— Вы хотите на этомъ остановиться?—послѣ довольно долгаго молчанія спросилъ Владиміръ.

Она ничего не отвѣтила, еще помолчала и потомъ сказала такимъ тономъ, какъ будто продолжала свою мысль:

— Природа устраиваетъ иногда съ человѣческой душой странную игру, точно забавляется. Большой умъ, блестящія способности, умѣнье схватить главную суть предмета на лету, глубина пониманія, широкіе взгляды... и при этомъ узкое ограниченное себялюбіе и пошлыя требованія отъ жизни... Вы хотите слушать и вторую часть?—спросила она, повернувъ къ нему голову.

— О, да! — поспѣшно отвѣтилъ Владиміръ. — И если есть третья, то и ее...

— Нѣтъ, третья только теперь происходитъ... она еще не годится для исторіи... А вторая началась тотчасъ, какъ только было достигнуто то, зачѣмъ я такъ гналась. Карьера Констан-

тина Александровича была сдѣлана. Онъ достигъ вершины и усѣлся такъ прочно, что ужъ его оттуда не согнать. Онъ полезенъ, онъ необходимъ, онъ неизбѣженъ, за нимъ огромныя заслуги. Какъ бы ни повернулись дѣла, сколько бы ни мѣнялись вдохновители, онъ въ своемъ дѣлѣ единственный, безъ него нельзя обойтись. Въ это время мое состояніе уже уменьшилось больше, чѣмъ на половину, и его стали щадить. Больше уже стали не нужны частые и пышные вечера, ихъ прекратили, и стали давать всего только одинъ разъ въ году. А у моего мужа оказалось на рукахъ третье лицо...

— Иностранка!.. — какъ-то нерѣшительно произнесъ Владиміръ.

— Возможно. Я никогда не унижалась до того, чтобы интересоваться ея національностью, наружностью и другими качествами. Впрочемъ, онъ самъ пришелъ ко мнѣ и съ свойственнымъ ему холоднымъ спокойствіемъ и увѣренностью, что все, что онъ дѣлаетъ для себя,—справедливо и свято, сказалъ правду. Но я закрыла уши и не слышала подробностей. Вы видите, мой другъ, что я была права, когда старалась смягчить ваше негодованіе по поводу того, что вашъ кузенъ пользуется средствами женщины. Вы узнали исторію карьеры моего мужа. Точно такую карьеру сдѣлалъ Вермутовъ, съ той только разницей, что его жена была безобразна. Это еще гаже, потому что здѣсь было хоть увлеченіе, а тамъ совсѣмъ ужъ грубый разсчетъ. То же самое сдѣлаетъ и вашъ кузенъ...

— Да, но у обоихъ этихъ героевъ былъ умъ, а у него этого нѣтъ.

— О, это не такъ ужъ необходимо. Повѣрьте, что это уже роскошь... Ну а теперь остается еще одинъ пунктъ, который, навѣрно, входитъ въ программу вашихъ вопросовъ: какимъ образомъ я, послѣ того, какъ слѣпота прошла и фигура моего героя стала для меня ясной,—какимъ образомъ я могла и могу не только оставаться и присутствовать въ этой обстановкѣ бездушія и пошлости, но и играть извѣстную роль?

— Да, этотъ вопросъ важный въ моей программѣ,—отвѣтилъ Владиміръ.

— Это вы и сами поняли бы, если бы немножко больше знали жизнь и душу человѣческую. Видите ли, мой милый другъ, жизнь человѣческую надо въ среднемъ считать въ пятьдесятъ-шестьдесятъ лѣтъ. Въ первую половину человѣкъ мечется, розыскиваетъ цѣль, безпокойно ищетъ, нащупываетъ дорогу, колеблется, мѣняетъ направленіе, мечтая выбрать для себя самое лучшее. Наконецъ, онъ дѣлаетъ разбѣгъ и, собравъ всѣ силы, перепрыгиваетъ препятствіе и ужъ тамъ—оказалось ли по ту сто-

рону препятствія то, чего онъ искалъ, или совсѣмъ другое, а ему приходится прилаживаться и усаживаться. Половина жизни пройдена, лучшія силы потрачены. Намѣчать новую цѣль, искать новыхъ дорогъ—поздно... и онъ, вмѣсто того, чтобы приспособлять къ себѣ жизнь, какъ дѣлалъ это прежде, въ первую половину жизни, начинаетъ приспособлять себя къ жизни и кое-какъ налаживаетъ свое существованіе. Если онъ совершенно ясно видитъ, что это не то, то старается увѣрить себя, что лучшаго ничего и нѣтъ. Онъ чувствуетъ, что на это „не то" онъ все же потратилъ много силъ, что къ нему онъ приладился, можетъ быть, многое въ себѣ самомъ для него передѣлалъ, и онъ старается убить въ себѣ всякую активность и пассивно доживаетъ свой вѣкъ... И если то, что ему досталось вмѣсто ожидаемаго—дурно, то и онъ незамѣтно впитываетъ въ себя его дурныя свойства и привыкаетъ до того, что это дурное дѣлается для него уже необходимымъ. Это—нравственный морфинизмъ, алкоголизмъ, назовите, какъ хотите. Птица, взятая съ воли и посаженная въ клѣтку, умираетъ, а человѣкъ привыкаетъ къ злу и очень скоро дѣлаетъ его для себя добромъ. Можетъ быть, это—преимущество вѣнца созданія...

— То, что вы говорите, ужасно...

— Это ужасаетъ васъ потому, что вы еще на волѣ. А во мнѣ это вызываетъ только чувство сарказма. А сарказмъ, если хотите, даже пріятно щекочетъ нервы.

— О...

— Вы негодуете?

— Не то. Но неужели у васъ не бываетъ минутъ, когда вамъ хочется свергнуть съ себя это иго, освободиться, взмахнуть крыльями и улетѣть въ высь?

— Я думаю, что у домашней курицы бываютъ такіе моменты, когда она, глядя на то, какъ орелъ паритъ въ вышинѣ, мечтаетъ тоже подняться къ солнцу... Она бѣшено взмахиваетъ крыльями—и что же? Самое большее, если она очутится на заборѣ, а верхушка крыши для нея ужъ недоступна. Ахъ, знаете, хорошо писали въ прежнихъ романахъ. Героиня, затянутая въ болото свѣтской жизни, мечтаетъ о героѣ, который придетъ, возьметъ ее своими сильными руками, вытащитъ изъ болота и унесетъ ее куда-нибудь въ высь. И герой, дѣйствительно, рано или поздно приходитъ и уноситъ героиню. А то еще лучше въ малороссійской сказочкѣ—я вѣдь дѣтство провела въ малороссійской деревнѣ—дѣвочка, занесенная въ чужой край, видитъ летящее стадо гусей и молитъ: „Гуси, гуси, гусенята, возьмите меня на крылята и понесите меня къ батюшкѣ и къ матушкѣ", но это все въ сказкѣ, и въ наше умное время,—умное и потому

очень далекое отъ наивности,—даже ужъ въ романахъ этого не пишутъ... Хотите пообѣдать?—вдругъ спросила она, сдѣлавъ къ нему легкое движеніе.

— Благодарю васъ... не хочу!..—отрывисто отвѣтилъ Владиміръ.

— Я отбила у васъ аппетитъ?

— Нѣтъ, чтож-ъ...—Владиміръ провелъ рукой по лбу:—аппетитъ—пустое, онъ всегда придетъ... Впрочемъ, вѣдь это обѣденный часъ. Надо все дѣлать въ подлежащіе часы... Тогда жизнь будетъ похожа на службу. Что-жъ, будемте обѣдать...

Анна Михайловна поднялась и приблизилась къ нему.

— Только вотъ что, Владиміръ Ивановичъ,—прибавила она:—посердитесь, понегодуйте, а только не отдавайте этимъ чувствамъ на разграбленіе то доброе, что у васъ есть для меня. Говорю вамъ по чистой совѣсти: это единственное, что есть хорошаго въ моей жизни...

Она протянула ему руку, онъ пожалъ ее, какъ-то смущенно улыбнулся; потомъ, точно спохватившись, опять схватилъ ея руку и поцѣловалъ.

XII.

Прошла еще часть зимы, не внеся никакихъ перемѣнъ въ жизнь ни Петербурга, ни новыхъ гражданъ его, братьевъ Любарцевыхъ.

Петръ посѣщалъ мѣсто своего служенія, завтракалъ у Кюба, обѣдалъ у Вермутовыхъ, ходилъ въ балетъ и сдѣлалъ большіе успѣхи въ искусствѣ опредѣлять достоинства танцовщицъ. Онъ уже теперь очень твердо зналъ, что такое „фуетэ анъ діагональ“, и никакимъ образомъ не смѣшивалъ его съ „жетэ анъ турнанъ“; зналъ также и то, что эти двѣ хореографическія фигуры представляютъ большія трудности, что на нихъ балерины ломаютъ себѣ ноги совершенно такъ, какъ философы ломаютъ головы надъ вопросомъ о началѣ бытія, я что по большему или меньшему совершенству выполненія этихъ фигуръ опредѣляется высота данной звѣзды и величина орбиты, ею описываемой.

Онъ неизмѣнно жилъ на Малой Морской, въ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ въ сумеречный часъ отъ времени до времени появлялась высокая дама, вся въ черномъ, съ лицомъ, закрытымъ густой вуалью.

По воскресеньямъ онъ бывалъ на пріемѣ у Коромысловыхъ, гдѣ среди явныхъ и тайныхъ балетомановъ подавалъ свой голосъ съ полной компетентностью.

Все по старому оставалось и въ жизни Владиміра Любар-

цева: каждый день ходилъ онъ въ редакцію, дѣлалъ свою обязательную работу, за что получалъ семьдесятъ пять рублей; но теперь гораздо чаще, чѣмъ прежде, въ газетѣ появлялись его статьи, за которыя онъ получалъ особо.

Каждое утро его можно было видѣть въ публичной библіотекѣ, гдѣ онъ уже сдѣлался своимъ человѣкомъ, гдѣ его знали не только служащіе, но и посѣтители. Онъ все еще готовилъ матеріалъ для своей большой статьи.

Вечеромъ же его нельзя было найти дома. Онъ страстно любилъ театръ всѣхъ родовъ и сильно тратился на него. Его можно было встрѣтить и въ драмѣ, и въ оперѣ, и въ балетѣ. Онъ очень любилъ балетъ, это изящное молчаливое искусство, онъ даже предпочиталъ его другимъ.

Онъ говорилъ: „драма безпокоитъ умъ и разстравляетъ чувство, опера будитъ неопредѣленныя страсти, а балетъ даетъ чистый отдыхъ. Впродолженіи нѣсколькихъ часовъ чувствуешь себя точно на перистыхъ облакахъ, опушенныхъ золотыми краями, въ царствѣ гномовъ, русалокъ и нимфъ, чувствуешь себя героемъ очаровательной сказки. И главное—золотое молчаніе! Ни одного глупаго слова, ни одного пошлаго, ни одного фальшиваго звука. Это надо высоко цѣнить".

И онъ довольно исправно посѣщалъ балетъ, обыкновенно помѣщаясь въ балконѣ. Однажды онъ замѣтилъ, что на него изъ пятаго ряда креселъ устремленъ бинокль. Кто-то пристально разсматривалъ его. Онъ присмотрѣлся. Это былъ Петръ, на лицѣ котораго было написано изумленіе, почти доходившее до ужаса.

Въ антрактѣ они встрѣтились въ курилкѣ.

— Ты? Ты въ балетѣ? Ты балетоманъ? вскрикнулъ Петръ Любарцевъ, осматривая его со всѣхъ сторонъ и видимо женируясь его обычнымъ всегдашнимъ чернымъ сюртукомъ.

— Я въ балетѣ, но отнюдь не балетоманъ...—отвѣтилъ Владиміръ. — Я просто зритель.

— Но, значитъ, ты признаешь балетъ?

— И очень даже. Это очень красивое зрѣлище....

— Гм.... Какъ странно... а я думалъ... ты держишься такого направленія..

— Такъ ты, значитъ, въ балетъ ходишь изъ-за направленія? Какое же это направленіе? Да и вообще развѣ ты придерживаешься какого-нибудь направленія?

— Разумѣется... Какъ же иначе!

— Какое же это?

— Ну, какое... солидное!

— А, вотъ какое. Чѣмъ же оно характеризуется, это солидное направленіе?

— Ну, какъ чѣмъ? Вообще... вообще солидностью.

— Можетъ быть, гражданскими оборотами?

Петръ слегка вспыхнулъ.

— Ахъ, Владиміръ, ты объ этомъ не такъ громко... Я сказалъ тебѣ, какъ родственнику...

И онъ тотчасъ же взялъ Владиміра за рукавъ и отвелъ въ уголъ курилки, гдѣ не было никого.

— Да, видишь ли, я сказалъ это тебѣ по родственному и теперь жалѣю,—прибавилъ онъ, значительно понизивъ голосъ.—Я не зналъ, что ты не умѣешь обращаться съ интимными вещами....

— Интимныя вещи бываютъ двухъ родовъ,—однѣ—святыня, а другія—матеріалъ для уголовнаго суда...—замѣтилъ Владиміръ.

— Вольдемаръ!..—широко вытаращивъ глаза, тихонько воскликнулъ Петръ.

— Ну, ладно, ладно... оставимъ это. Ты вотъ что: покажи-ка мнѣ самаго главнаго балетомана.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ Петръ, видимо радуясь тому, что разговоръ перешелъ на пріятную тему.—Вотъ смотри, этотъ худощавый старичокъ, это, такъ сказать, лидеръ балетомановъ... Онъ знаетъ все, понимаешь?.. онъ знаетъ все!..

— То-есть, какъ все? Что все?

— Рѣшительно все, что относится до балетнаго искусства. Онъ знаетъ, на какомъ пальцѣ ноги мозоль у каждой танцовщицы.

— Какъ? Развѣ у танцовщицъ бываютъ мозоли?

— Къ сожалѣнію,—съ выраженіемъ искренняго сожалѣнія на лицѣ отвѣтилъ Петръ.—Но вѣдь это такъ понятно... У дровосѣка мозоли бываютъ на рукахъ, потому что онъ работаетъ руками, а у танцовщицъ на ногахъ, потому что онѣ работаютъ ногами.... Этотъ старичокъ—онъ дѣйствительный статскій совѣтникъ; въ прошломъ году онъ праздновалъ тридцатилѣтній юбилей своей службы, а въ будущемъ году мы будемъ праздновать двадцатипятилѣтіе его балетоманства.

— А! что-жъ? Ему дадутъ какую-нибудь награду?

— Говорятъ, что уже выхлопотали... Ты знаешь, чрезъ его руки прошло нѣсколько сотенъ танцовщицъ, конечно разнаго достоинство, но между ними были звѣзды первой величины...

— Что значитъ: прошли черезъ его руки? съ любопытствомъ разспрашивалъ Владиміръ.

— Ну, значитъ онъ ихъ выводилъ, ободрялъ на словахъ и въ печати, дѣлалъ имъ рекламу, усыпалъ путь ихъ розами...

— Ну, не всѣмъ же розами, инымъ и терніями, должно быть?

— Конечно, конечно... Очень многія, благодаря его стара-

ніямъ, проваливались и должны были убираться во-свояси съ позоромъ...

— А. Такъ что онъ дѣлаетъ не только славу, но и позоръ?...

— Да. Пріѣзжающихъ онъ обыкновенно встрѣчаетъ, отыскиваетъ имъ помѣщенія, инсталируетъ ихъ. Онъ знакомитъ ихъ съ портнихами, съ парикмахерами и разными поставщиками. Въ случаѣ, если имъ предъявляютъ слишкомъ разбойничьи счета, ему жалуются, и онъ дѣлаетъ скандалъ. Словомъ, онъ естественный защитникъ балеринъ... Онъ вводитъ ихъ въ кругъ балетомановъ,—ну и такъ далѣе.

— Но какая же ему отъ этого корысть?

— Никакой. Онъ безкорыстенъ. Все это онъ дѣлаетъ изъ любви къ искусству. А ужъ какъ знаетъ искусство! Малѣйшая нечистота въ исполненіи, и ужъ онъ рычитъ въ своемъ креслѣ второго ряда. Недавно онъ выкинулъ такую штуку, которая, навѣрно попадетъ въ исторію балета. Представь, дебютировала одна итальянская балерина. Ну, понимаешь ли, какъ только она вышла, весь партеръ сейчасъ же увидѣлъ, что у нея колѣнки висятъ, какъ у верблюда... У нихъ, у итальянокъ, у всѣхъ колѣнки висятъ, но у этой въ особенности. Начинаетъ танцовать. Правдо, отлично все выдѣлываетъ, но колѣнки, понимаешь ли, колѣнки такъ и выступаютъ... больно смотрѣть? Слышимъ—рычитъ нашъ лидеръ въ своемъ креслѣ, ворочается, кресло скрипитъ... И вдругъ онъ подымается и демонстративно, понимаешь ли, демонстративно выходитъ изъ залы.... Ты не можешь себѣ представить, какое это впечатлѣніе произвело на всѣхъ насъ!

— А балерина?

— О, она была страшно сконфужена...

— И что же, она провалилась?

— Ну, видишь, потомъ она сдѣлала ему визитъ и все уладилось...

— И колѣнки перестали висѣть?

— Ну, не то, чтобы... хотя, конечно, онъ далъ ей хорошіе совѣты... Но вообще на это мы смотримъ сквозь пальцы.

Въ это время позвонили, публика, уже сильно порѣдѣвшая, начала торопиться; всѣ поспѣшно гасили папиросы и убѣгали въ театръ. Простился и Владиміръ съ Петромъ и пошелъ къ себѣ въ балконъ.

Это была ихъ единственная встрѣча до февраля, когда однажды Петръ Любарцевъ неожиданно посѣтилъ своего двоюроднаго брата. Страшно былъ удивленъ Владиміръ, когда услышалъ изъ темной передней голосъ своего кузена.

— Ахъ какъ у тебя тутъ темно!.. Можно получить синякъ на лобъ.

Владиміръ отворилъ дверь изъ своей комнаты въ переднюю

и такимъ образомъ освѣтилъ ее. Петръ въ это время тщетно отыскивалъ вѣшалку для своего драгоцѣннаго пальто и только теперь увидѣлъ ее.

— Не ожидалъ такой чести!—промолвилъ Владиміръ тѣмъ полуироническимъ тономъ, какой былъ у него единственный для двоюроднаго брата.

— Но почему? Почему ты такъ говоришь?—обиженно возразилъ Петръ. — Я всегда чувствую къ тебѣ самое дружеское расположеніе.

— А теперь, повидимому, въ особенности, что и заставило тебя посѣтить меня.

Петръ вошелъ въ комнату и поморщился. Ему не нравились ни обстановка, ни запахъ въ квартирѣ, ни размѣръ комнаты. Но онъ ради благовоспитанности не выразилъ своихъ чувствъ по этому поводу.

— Ну, садись и говори прямо: что привело тебя ко мнѣ?— сказалъ Владиміръ въ то время, какъ Петръ снималъ съ пальцевъ туго сидѣвшія на нихъ перчатки.

— Да видишь-ли, въ сущности, ничего особеннаго, — отвѣтилъ Петръ.—Просто я получилъ изъ дому письмо.

— Отъ твоего отца?

— Да, отъ него. Онъ пишетъ, что на-дняхъ собирается въ Петербургъ.

— А! Ну, что-жъ, это тебѣ должно быть пріятно?

— Еще бы! Конечно, пріятно,—я очень чту моего отца. Я хорошій сынъ... Но видишь-ли!.. Я хотѣлъ тебя попросить объ одномъ одолженіи...

— Меня? Неужели я въ состояніи оказать одолженіе тебѣ, который такъ близокъ съ сильными міра сего?

— Можешь! Это ты можешь! Видишь-ли, отецъ мой человѣкъ умный, но... Но онъ вѣдь живетъ въ провинціи и не можетъ понимать здѣшнихъ столичныхъ отношеній... Ты, вѣроятно, догадываешься, о чемъ я говорю...

— Повидимому, о твоихъ отношеніяхъ къ г-жѣ Вермутовой?

— Ну, да... То-есть собственно отношенія—это ничего... Въ отношеніяхъ онъ не найдетъ ничего такого... Можетъ быть, даже напротивъ... Я говорю объ... Какъ бы тебѣ это сказать...

— О гражданскихъ оборотахъ?

— Ахъ, ну, да, вотъ, вотъ... Это именно то... Я объ этомъ говорю.

— Но при чемъ же тутъ я?

— Я хочу просить тебя, чтобы ты какъ-нибудь не проговорился объ этомъ моему отцу. Понимаешь-ли, онъ старикъ хорошій, но все же старикъ и потому держится взглядовъ отсталыхъ.

— Но вѣдь ты знаешь, Петръ, что я тоже въ этомъ случаѣ придерживаюсь въ высшей степени отсталыхъ взглядовъ...

— Я знаю и удивляюсь... Въ самомъ дѣлѣ, какъ-то странно: ты такой либералъ и вдругъ... Ну, да, впрочемъ, я же прошу тебя сдѣлать это въ видѣ одолженія... Надѣюсь, ты сдѣлаешь? Вѣдь для ближняго иногда можно поступить и противъ убѣжденія?

— Хорошо, хорошо.

— Ты обѣщаешь?

— Обѣщаю, обѣщаю...

— Ну вотъ спасибо. Я очень-очень тебѣ благодаренъ.

— А какъ же твоя женитьба на m-lle Вермутовой.

— О, объ этомъ еще нѣтъ рѣчи. Это только такъ, предположеніе... Для этого надо еще очень многое.

— Значитъ, это можетъ и не состояться?

— Я думаю, что это состоится. Во всякомъ случаѣ, теперь объ этомъ говорить еще рано. Ну, мнѣ пора на службу,—прибавилъ онъ поднявшись.—Тебѣ никуда не надо?

— Нѣтъ, я сегодня сижу дома.

— А то я подвезъ бы тебя...

— А у тебя уже свои лошади?

— Ха-ха!—очень весело разсмѣялся Петръ. — Что ты? Что ты? Въ моемъ положеніи это было бы неприлично. Нѣтъ, у меня извозчикъ, разумѣется хорошій... У меня постоянный извозчикъ. Лошади у меня будутъ только потомъ... Ну, прощай. Такъ я буду увѣренъ въ твоей корректности.

— Хорошо, хорошо. Будь увѣренъ.

Петръ вышелъ въ переднюю, облачился въ свою шубу и ушелъ.

Черезъ недѣлю послѣ этого, рано утромъ, когда Владиміръ только-что вымылся и собирался пить чай, въ передней раздался зычный трезвонъ, потомъ говоръ, въ которомъ онъ услышалъ разспросы о немъ, и, наконецъ, дверь въ комнату растворилась, и на порогѣ показался высокій сухощавый старикъ, съ длинной, на половину сѣдой бородой, съ низко остриженными, еще темными и густыми, волосами, съ высокимъ лбомъ.

Онъ остановился, съ секунду постоялъ съ серьезно-торжественнымъ лицомъ, потомъ началъ громко смѣяться. Владиміръ бросился къ нему, и они обнялись. Это былъ его отецъ, Иванъ Сергѣевичъ Любарцевъ.

— Но какимъ образомъ?—спрашивалъ Владиміръ, усаживая его за чайный столъ.—Вѣдь собирался пріѣхать дядя Николай Сергѣевичъ, и вдругъ ты! И ни слова не написалъ объ этомъ...

— Все это такъ и было, такъ и есть, — объяснялъ пріѣзжій.—Собирался Николай. У него, видишь-ли, тутъ какое-то карьерное дѣло. Его сынъ вѣдь попалъ въ вліятельное общество,

такъ онъ и разсчитываетъ воспользоваться этимъ и получить движеніе по службѣ. Но когда онъ сообщилъ мнѣ о своемъ намѣреніи ѣхать сюда, меня обуяла бѣшеная мысль: Постой-ка! Почему же бы и мнѣ не съѣздить? Положимъ, у него тамъ въ Петербургѣ карьерное дѣло, а у меня карьеры никакой не было, а слѣдовательно, и дѣла, съ ней сопряженнаго, не можетъ быть. Но у меня есть сынъ, котораго я люблю. Такъ почему же мнѣ не поѣхать и не повидаться съ сыномъ? Ну, вотъ взялъ я въ своемъ „учрежденіи" отпускъ и поѣхалъ.

— Отлично, отлично. Все ли исправно дома? — спрашивалъ Владиміръ.

— У насъ всегда все исправно. Мать тебя цѣлуетъ. Да, взялъ и поѣхалъ... И этимъ устроилъ трагедію въ душѣ моего любезнаго брата, Николая Сергѣевича...

— Какъ трагедію?

— Настоящую трагедію, мой другъ. Вѣдь онъ генералъ и потому ему неприличествуетъ ѣхать иначе, какъ въ первомъ классѣ. А я—не имѣющій чина и потому могу ѣхать хоть на трубѣ. Но такъ какъ я къ тому же и не имѣющій лишнихъ денегъ, то, само собою, на вопросъ Николая, въ какомъ классѣ я поѣду, я отвѣтилъ: А разумѣется въ третьемъ... Ну и нужно было тебѣ видѣть и слышать, какъ онъ краснорѣчиво отговаривалъ меня ѣхать въ Петербургъ. Зачѣмъ тебѣ ѣхать?—говоритъ онъ. Дѣла у тебя тамъ нѣтъ; только потратишься и больше ничего. Я говорю: Дѣла нѣтъ, но сынъ есть. Хочу повидать сына. А онъ: Твой сынъ недурно устроенъ. Онъ молодъ, ему легче пріѣхать къ тебѣ, чѣмъ тебѣ къ нему, и такъ далѣе и тому подобное. Но видя, что я неукротимъ, онъ началъ съ другого конца. Пришелъ ко мнѣ и въ дружески-братскомъ тонѣ заговорилъ о томъ, что, конечно, молъ, судьба людей неодинакова,— одному повезло, другому нѣтъ; но братъ всегда остается братомъ и долженъ облегчать другому жизнь. Онъ понимаетъ, что по моимъ скуднымъ средствамъ я не могу оплатить высшій классъ; но я старъ, меня въ третьемъ классѣ растрясетъ и онъ надѣется, онъ увѣренъ, что я не заставлю его переживать горькое сознаніе, что вотъ, молъ, онъ ѣдетъ въ первомъ классѣ, на мягкомъ диванѣ, а братъ его трясется въ третьемъ... Ну, ты знаешь, какъ онъ бываетъ иногда краснорѣчивъ, когда ему что-нибудь нужно. Словомъ сказать, предложилъ мнѣ оплатить для меня первый классъ.

— Но для чего же это? Вѣдь я же знаю, что это не по братскимъ соображеніямъ...

— Ну, конечно нѣтъ; тутъ другое. Его всѣ знаютъ и въ городѣ, и на желѣзной дорогѣ, и въ уѣздахъ. Ну и будутъ гово-

рить, что вотъ, молъ, какой жестокосердный братъ: самъ ѣдетъ въ первомъ классѣ, а родному брату позволяетъ ѣхать въ третьемъ. Но я отвергъ. Милый, говорю, мой братъ, мнѣ уже шестьдесятъ лѣтъ и до сихъ поръ я ни разу не пользовался родственнымъ пособіемъ. Это, говорю, разумѣется, большой недостатокъ. Но позволь же мнѣ окончить свою жизнь съ этимъ недостаткомъ. Такъ и поѣхали: онъ въ первомъ, а я въ третьемъ. А тебя я не извѣстилъ нарочно, сюрприза ради.

И опять Иванъ Сергѣевичъ смѣялся, и такое у него было счастливое и довольное лицо, такой молодостью горѣли его глаза...

Николай Сергѣевичъ Любарцевъ съ вокзала поѣхалъ прямо въ Европейскую гостиницу. Онъ, разумѣется, былъ встрѣченъ Петромъ, котораго извѣстилъ телеграммой изъ Москвы.

Въ продолженіи всей дороги онъ, дѣйствительно, испытывалъ огорченіе. Онъ ѣхалъ въ первомъ классѣ не только потому, что званіе его и чинъ не позволяли иначе, но также и потому, что привыкъ къ комфорту. И онъ пользовался этимъ комфортомъ, но въ то же время ежеминутно чувствовалъ, что братъ его сидитъ на твердой скамейкѣ, среди спертаго воздуха и грязной публики, и ничего не могъ сдѣлать.

Иногда ему хотѣлось зайти въ вагонъ, гдѣ сидѣлъ Иванъ Сергѣевичъ, посидѣть съ нимъ, сказать нѣсколько добрыхъ братскихъ словъ; но и тутъ его удерживало соображеніе, что это появленіе среди сермяжной публики третьяго класса можетъ произвести странное впечатлѣніе. Посидѣть, поболтать оно еще ничего бы. Но вдругъ увидитъ его тамъ кто-нибудь изъ людей его круга. „Position oblige“—это было одно изъ правилъ его жизни. Онъ могъ пожертвовать многимъ, онъ могъ даже поступиться своимъ личнымъ достоинствомъ, но уронить достоинство своего званія и положенія онъ никогда себѣ не позволялъ.

Такъ они и доѣхали до Петербурга, встрѣчаясь только на станціяхъ, въ буфетахъ. Когда же они пріѣхали въ Петербургъ, Николай Сергѣевичъ спросилъ брата.

— Надѣюсь, ты не откажешься остановиться со мной въ гостинницѣ... вѣдь мнѣ все равно надо нанимать номеръ.

— Спасибо, братъ,—отвѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ,—только у меня вѣдь есть тутъ сынъ, а знаешь—братъ близокъ, а сынъ еще ближе.

XIII.

Петръ Любарцевъ, въ качествѣ благовоспитаннаго сына, встрѣтивъ отца на вокзалѣ, пригласилъ его остановиться у него въ меблированныхъ комнатахъ, но Николай Сергѣевичъ отклонилъ.

— Не хочу стѣснять тебя.

Онъ не прибавилъ, что считаетъ для своего званія и чина болѣе приличнымъ остановиться въ Европейской гостиницѣ. Ивана Сергѣевича никто не встрѣчалъ; тѣмъ не менѣе онъ безъ колебаній поѣхалъ къ Владиміру. Здѣсь, когда онъ увидѣлъ маленькую комнатку въ одно окно, у него не явилось даже вопроса о томъ, какъ онъ помѣстится. Есть кровать, есть и диванъ, хотя и короткій, есть, наконецъ, нѣсколько стульевъ. Какъ-нибудь составится ложе.

И онъ говорилъ теперь, подсмѣиваясь надъ чиновнымъ братомъ.

— Да, высокое положеніе вводитъ въ расходы. Вотъ у Петра двѣ комнаты, а Николай все же поѣхалъ въ гостинницу. У тебя, Владиміръ, всего только одно окошечко, а между тѣмъ, я поживу въ Питерѣ безъ всякихъ расходовъ. А все оттого, что на мнѣ никакого чиновнаго бремени не лежитъ.

Иванъ Сергѣевичъ Любарцевъ бывалъ въ Петербургѣ лѣтъ тридцать тому назадъ; съ тѣхъ поръ въ столицѣ многое измѣнилось, а остальное онъ перезабылъ, такъ что для него теперь все было ново.

И Владиміръ каждый день съ утра до вечера водилъ его по музеямъ и всякимъ достопримѣчательностямъ, которыя самъ раньше изучилъ основательно.

Разумѣется, онъ уже давно побывалъ у дяди, въ Европейской гостинницѣ, выслушалъ отъ него нѣсколько мягкихъ укоровъ по поводу того, что отказался отъ блестящаго служебнаго предложенія и удалился какъ только можно скорѣе.

Въ среду онъ вспомнилъ, что завтра его, по обыкновенію, будетъ ждать Анна Михайловна. Онъ послалъ ей записку, извѣщавшую о томъ, что пріѣхалъ его отецъ и потому онъ завтра долженъ лишить себя удовольствія провести съ нею день. Когда же онъ вернулся домой вечеромъ, то нашелъ у себя письмо отъ Анны Михайловны. Она писала:

„Пунктъ первый: вашъ отецъ навѣрно человѣкъ добрый и не захочетъ лишить меня четверговаго „отдыха души“. Пунктъ второй: вашъ отецъ не можетъ быть менѣе любезенъ, чѣмъ вашъ дядя, и не откажется сдѣлать визитъ петербургской родственницѣ. Пунктъ третій: едва ли отецъ найдетъ дурнымъ то, что сынъ находилъ хорошимъ, а такъ какъ сынъ всегда хвалилъ обѣдъ, предлагаемый по четвергамъ на Конногвардейскомъ бульварѣ, то я надѣюсь, что отецъ будетъ не менѣе снисходителенъ. Пунктъ четвертый: несправедливо лишать бѣдную женщину удовольствія увидѣть человѣка, воспитавшаго такого рѣдкаго сына. Пунктъ пятый и послѣдній: изъ всего предыдущаго слѣдуетъ, что васъ обоихъ будутъ ждать завтра съ часу“.

Владиміръ прочиталъ письмо и передалъ его отцу.

— Отъ кого это?—спросилъ Иванъ Сергѣевичъ, дочитавъ до конца и не разобравъ подписи.

— Это отъ Анны Михайловны Любарцевой,—отвѣтилъ Владиміръ.

— А! Въ чемъ же дѣло? Я что-то не пойму.

— Какой ты непонятливый!—смѣясь воскликнулъ Владиміръ.— Она зоветъ къ себѣ тебя вмѣстѣ со мной... Видишь ли, я бываю у нея каждый четвергъ. Въ этотъ день у нея не бываетъ ни души, даже мужъ цѣлый день отсутствуетъ. Ну, мы и проводимъ вдвоемъ весь день. Но сегодня я написалъ ей, что, по случаю твоего пріѣзда, завтра не могу быть. Такъ это отвѣтъ на мое письмо.

— Ну, такъ видишь: надо было сперва все это объяснить мнѣ. Послѣ этого я сдѣлался понятливъ. Что-жъ, пишетъ мило. А, да, да, припоминаю: ты очень хвалилъ ее въ одномъ письмѣ. Что-жъ, она хорошая?

— Хорошая. Интересная, умная и вобще... хорошая.

— Ну, коли хорошая, такъ надо идти. Николай, значитъ, уже успѣлъ побывать. Я, разумѣется, не разсчитывалъ надоѣдать своей особой здѣшнимъ родственникамъ. Но если она такъ мило проситъ, отчего же не навѣстить? Значитъ, разныхъ тайныхъ совѣтниковъ и этихъ, какъ ихъ... балетомановъ—тамъ не будетъ?

— Никого не будетъ, кромѣ насъ съ тобой.

— Такъ идти?

— Пойдемъ. Я съ удовольствіемъ покажу тебя ей.

— А ее мнѣ?

— Да, это тоже съ удовольствіемъ.

— Но, милый, вѣдь у меня съ собою ничего, кромѣ пиджака, который на мнѣ...

— Ничего, она смотритъ глубже.

— А не подумаетъ она, что я хлопотать пришелъ,—за протекціей? Я этого боюсь больше всего на свѣтѣ.

— Ну, на этотъ счетъ можешь быть спокоенъ. Что она не подумаетъ, это ужъ навѣрно. Но и другіе не посмѣютъ подумать. Я ихъ всѣхъ такъ хорошо отучилъ думать подобныя вещи.

И на другой день ровно въ часъ Владиміръ привелъ своего отца на Конногвардейскій бульваръ. Швейцаръ нѣсколько тревожно посмотрѣлъ на изрядно потертое пальто стараго господина съ длинной бородой, но, изъ уваженія къ уже признанному Владиміру Ивановичу, ничѣмъ не выразилъ своего чувства.

Владиміръ, войдя въ квартиру, повелъ отца прямо въ будуаръ, гдѣ ихъ встрѣтила Анна Михайловна, стоявшая у окна. Иванъ Сергѣевичъ остановился на порогѣ и оглядѣлъ хозяйку, смотрѣвшую на него большими любопытными глазами.

Она разсмѣялась.

— Держу пари, что вы не ожидали увидѣть такую маленькую женщину!—воскликнула Анна Михайловна.

Иванъ Сергѣевичъ смутился, но тотчасъ оправился.

— Это правда, хотя не знаю почему,—я представлялъ васъ высокой.

— Но это значитъ, что Владиміръ Ивановичъ наговорилъ вамъ обо мнѣ много хорошаго. Хорошихъ людей, если мы ихъ не видѣли, мы почему-то представляемъ себѣ большими, не правда-ли?

— Правда. Но въ дѣйствительности большіе люди очень часто бываютъ плохими.

— Ну, вотъ и отлично. Такъ какъ здѣсь есть и большіе, и маленькіе, то мы, значитъ, квиты. Пожалуйста садитесь, курите и будьте, какъ дома. Мы съ вашимъ сыномъ, должно быть, два самыхъ лучшихъ друга во всемъ Петербургѣ и ему было бы стыдно, если бы онъ не показалъ мнѣ своего отца.

— Ну, зная сына, вы узнали лучшую часть нашего семейства. Остальное—самые пустяки...

— Неправда, не правда, не вѣрьте ему, Анна Михайловна!—возразилъ Владиміръ.—Мой отецъ—замѣчательный человѣкъ. Онъ рѣдкій примѣръ стойкости и послѣдовательности...

— Другъ мой, этого я не отрицаю; но эти качества мнѣ врождены, а потому не составляютъ никакой заслуги,—промолвилъ Иванъ Сергѣевичъ.—Вотъ если бы они мнѣ трудно давались и дорого стоили, тогда за нихъ меня слѣдовало бы похвалить. А то вѣдь это все равно, что соловья хвалить за то, что онъ выдѣливаетъ свои трели, а воробья бранить за то, что онъ только чирикаетъ. Но вѣдь и тотъ, и другой дѣлаютъ, что могутъ и иначе не умѣютъ. Заставь-ка соловья чирикать по-воробьиному и онъ оскандалится. А кстати, мой любезный братъ Николай Сергѣевичъ уже былъ у васъ?

— Да, вашъ братъ до сихъ поръ былъ любезнѣе васъ. Онъ былъ у насъ уже три раза.

— Да вѣдь ему гораздо больше нужно отъ васъ, чѣмъ мнѣ. Мнѣ достаточно вашего милаго общества, а ему... Впрочемъ, я въ сущности не знаю, что ему нужно; и ужъ я просто впадаю въ провинціальное „ближневредительство". А хорошій городъ Петербургъ! Нравится онъ мнѣ очень. Въ немъ все-таки живутъ; а у насъ въ провинціи только ноютъ, стонутъ да жалуются. И главное—сказать, были бы какія-нибудь высокія стремленія, не получившія законнаго удовлетворенія, а то ей-ей же ничего такого нѣтъ. Просто дурная привычка такая образовалась.

И Иванъ Сергѣевичъ началъ разсказывать свои петербург-

свія впечатлѣнія, потомъ перешелъ на провинцію, затѣмъ коснулся своей собственной жизни, припоминалъ разныя выдающіяся событія ея и во всѣхъ своихъ разсказахъ былъ такъ занимателенъ, что Анна Михайловна и Владиміръ не замѣтили, какъ пролетѣли часы.

До самаго обѣда онъ почти одинъ говорилъ, то вставая и шагая по комнатѣ, то опять садясь. Комната была полна дыма отъ его папиросъ. Лицо его было оживленно, глаза блестѣли.

Но когда пошли обѣдать, онъ замолкъ, видимо утомившись. У Анны Михайловны даже явилась мысль послѣ обѣда предложить ему соснуть полчаса, но Иванъ Сергѣевичъ энергично отвергъ это предложеніе.

— Во всю жизнь ни разу не спалъ послѣ обѣда. Развѣ что боленъ былъ. По моему, сонъ послѣ обѣда—признакъ упадка. Питаніе для организма—потребность. Но если питаніе утомляетъ организмъ настолько, что ему требуется сверхштатный сонъ, то, значитъ, организмъ уже плохъ. А я слава Богу еще не чувствую себя плохимъ. А вы мнѣ вотъ что лучше скажите: какихъ благъ желаетъ для себя отъ васъ мой почтенный братъ, Николай Сергѣевичъ?

— Право, я не достаточно глубоко вникла въ это!—отвѣтила Анна Михайловна.—Но сколько я поняла, онъ хотѣлъ бы болѣе самостоятельнаго положенія...

— Напримѣръ, губернаторомъ?

— Я думаю, что онъ отъ этого не отказался бы.

— Но что же мѣшаетъ? Онъ могъ бы быть отличнымъ губернаторомъ, право. Я отъ души желаю ему быть губернаторомъ.

— Да, но для этого ему нужно прослужить на какомъ-то промежуточномъ посту...

— Ну, это можно мимоходомъ сдѣлать.

— Кажется, Вермутовъ что-то обѣщалъ ему...

— А Вермутовъ большая птица?

— Очень крупная.

— А моему брату какъ же онъ приходится?

— Петръ Николаевичъ очень хорошъ съ его семействомъ.

— А! Вотъ, скажите пожалуйста: обыкновенно такъ бываетъ, что дѣти повышеніе получаютъ, пользуясь связями и вліяніемъ своихъ отцовъ. А тутъ наоборотъ. Отецъ возвышается, благодаря связямъ сына. Каковъ геній оказался у Пьера Любарцева! А въ губернскомъ городѣ его считали дуракомъ...

Анна Михайловна и Владиміръ переглянулись. Анна Михайловна поняла, что старикъ не освѣдомленъ на счетъ истинныхъ отношеній Петра Любарцева къ семейству Вермутовыхъ и, разумѣется, не взяла на себя это освѣдомленіе.

Разговоръ на эту тему не продолжался; онъ перешелъ къ другимъ предметамъ. Но зато, когда около полуночи они простились съ хозяйкой и вышли на улицу, Иванъ Сергѣевичъ сразу вернулся къ Петру.

— А въ самомъ дѣлѣ, скажи ради Бога, чѣмъ такимъ снискалъ расположеніе столь вліятельныхъ людей нашъ Пьеръ? Вѣдь если онъ былъ дуракъ въ губернскомъ городѣ, то не поумнѣлъ же онъ подъ вліяніемъ столичныхъ тумановъ.

— Ни мало.

— Такъ чѣмъ же онъ взялъ?

— Хорошими манерами.

— Ну, я думаю, здѣсь хорошими манерами обладаютъ даже старшіе дворники.

— А видишь ли, отецъ, петербургскіе мужчины обыкновенно страдаютъ катаррами, гемороемъ, печенками, ревматизмами. А петербургскія дамы терпѣть не могутъ мужскихъ болѣзней.

— Ну, такъ что-жъ изъ этого?

— А изъ этого то, что здѣсь очень цѣнятся здоровые молодые люди.

— Ну, и дальше?

— А дальше то, что Петръ Любарцевъ, какъ ты знаешь, обладаетъ здоровьемъ быка, что при весьма приличной наружности составляетъ уже солидный капиталъ...

— Погоди... я могу понять тебя довольно скверно.

— Хуже, чѣмъ дѣйствительность, не поймешь, какъ ни старайся...

— Владиміръ, постой...—воскликнулъ Иванъ Сергѣевичъ и, остановившись, схватилъ Владиміра за рукавъ.—Вѣдь ты говоришь, но не договариваешь, а все же выходитъ чортъ знаетъ что такое.

— Ну, ты непремѣнно хочешь, чтобъ я говорилъ гадкія слова.

— Такъ значитъ связи Пьера Любарцева суть ни болѣе ни менѣе, какъ связи съ женщинами?

— Въ томъ-то и дѣло, что болѣе, гораздо болѣе... Въ связи съ женщиной нѣтъ ничего дурного, если она основана на чувствѣ. А связь Петра съ госпожей Вермутовой...

— Госпожа Вермутова—это жена того самаго Вермутова?

— Жена того самаго. Она безобразна, мужъ ей чуждъ, но она очень богата. Она бываетъ у Петра въ его меблированныхъ комнатахъ въ сумеречные часы подъ густой вуалью... А результатъ этого тотъ, что Петръ при ста рубляхъ жалованья платитъ за квартиру семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ, завтракаетъ

въ модномъ ресторанѣ Кюба, носитъ бобры и держитъ постояннаго извозчика.

— Альфонсъ Любарцевъ!.. Чортъ возьми, такого еще не было въ нашемъ родѣ... И мой почтенный братъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, желаетъ выѣхать на этого рода связяхъ... Что же это за гадость такая!.. Онъ этого, конечно, не знаетъ...

— Надѣюсь, что нѣтъ, хотя не ручаюсь...

— Ну, я то ручаюсь. Ты знаешь, что я не особенный поклонникъ и почитатель моего брата, но въ его щепетильности я не сомнѣваюсь. О, я всегда говорилъ, что глупость и подлость родныя сестры и переходъ отъ одной къ другой такъ же легокъ, какъ въ гаммѣ съ *до* на *ре*.

— Да, я тоже былъ глубоко возмущенъ, когда узналъ объ этомъ,—сказалъ Владиміръ.

— Ты говоришь такъ, какъ будто теперь не такъ ужъ возмущенъ...

— Это почти правда.

— Владиміръ, но что же это? Или у васъ все тутъ перевернулось вверхъ дномъ?

— Нисколько, мой милый отецъ. А просто я узналъ, что такія пути довольно обычны. Пятьдесятъ процентовъ карьеръ сдѣланы при помощи связей съ женщинами... Такую карьеру сдѣлали мужъ Анны Михайловны и Вермутовъ. Они женились на богатыхъ, на средства своихъ женъ устроили себѣ фейерверочную обстановку, а когда добились степеней извѣстныхъ, отвернулись отъ женъ и взяли себѣ по иностранкѣ...

— Но они все-таки хоть женились... Они дали этимъ женщинамъ свое имя...

— У многихъ изъ этихъ женщинъ были не менѣе почтенныя имена. Но ты не безпокойся: и Петръ женится. Все кончится корректно, какъ вездѣ. Онъ тоже дастъ женѣ свое имя. Онъ сдѣлалъ бы это сейчасъ, но по соображеніямъ того круга онъ еще не годится для этого: слишкомъ мало служилъ и малочиненъ... Онъ женится на дочери Вермутова. Ну, пожалуйста, не ужасайся... Иначе я долженъ буду сказать, что ты еще не созрѣлъ для того, чтобы пріѣзжать въ Петербургъ. Тутъ, братъ, надо умѣть все понять и ко всему приладиться... Иначе можно получить разрывъ сердца отъ изумленія.

— Ну, ты мнѣ испортилъ день, такъ хорошо проведенный.

— Я очень жалѣю объ этомъ.

— Хуже всего то, что мнѣ вѣдь придется смотрѣть въ глаза брату. А еще хуже то, что я долженъ въ его присутствіи обращаться съ племянникомъ, какъ съ порядочнымъ человѣкомъ...

*

Посмотри, сколько вдругъ явилось почти непосильныхъ задачъ...

— Да, и это все задачи неизбѣжныя, такъ какъ я обѣщалъ Петру не выдавать его отцу.

Довольно долго Иванъ Сергѣевичъ находился подъ впечатлѣніемъ этого тяжелаго открытія и молчалъ, иногда только изрекая короткія восклицанія, относившіяся все къ тому же. Но потомъ какъ-то встряхнулся и отогналъ отъ себя всѣ эти мысли.

— А славная барыня эта твоя Коромыслова!—сказалъ онъ, когда они уже вступили съ Невскаго на Надеждинскую.—Интересная и, должно быть, правдивая...

— Да, насколько это можно въ ея обстановкѣ! — отвѣтилъ Владиміръ.

— А ты къ ней безпристрастенъ?—прямо, безъ всякихъ подходовъ, спросилъ Иванъ Сергѣевичъ.

— Не совсѣмъ!—также прямо отвѣтилъ Владиміръ.

— Гм... Совѣтывать въ такомъ дѣлѣ мудрено и почти всегда безполезно, но мнѣніе свое высказать можно; и мнѣніе мое такое, что тутъ больше данныхъ для страданія, чѣмъ для счастья...

— Я это знаю!—отвѣтилъ Владиміръ.

— Ну, а знаешь, такъ тѣмъ лучше. А прочее—твое личное дѣло...

Владиміръ шелъ рядомъ съ отцомъ ровными твердыми шагами. Лицо его было спокойно и выраженіе какой-то душевной свѣтлости оживляло его глаза. Бесѣдуя съ отцомъ, онъ чувствовалъ себя въ атмосферѣ правдивости, прямоты и дружескаго довѣрія. И ему казалось, что никогда онъ прежде такъ сильно не любилъ своего старика, какъ въ этотъ вечеръ.

И. Потапенко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг.

(*Продолженіе* *).

XIII.

Исторія текста «Ревизора».—Вопросъ о совпаденіяхъ съ другими комедіями.—Художественное значеніе «Ревизора». — Отсутствіе въ комедіи либеральной тенденціи. — Ея нравственный смыслъ и поясненіе этого смысла, данное авторомъ. — Общественное значеніе комедіи и отраженіе этого значенія на оцѣнкѣ Гоголя всего, что имъ было написано.—Первое представленіе «Ревизора» въ Петербургѣ и Москвѣ.—Уныніе Гоголя и его жалобы на зрителей.—Толки и обвиненія; отвѣты на нихъ Гоголя. — Отзывы критики: статьи Булгарина, Сенковскаго, Андросова, кн. Вяземскаго, Серебренаго, критика «Молвы» и Бѣлинскаго. — Значеніе комедій Гоголя въ исторіи развитія его творчества.

Какъ большинство произведеній Гоголя, «Ревизоръ» подвергался неоднократнымъ и продолжительнымъ передѣлкамъ, прежде чѣмъ вылился въ ту художественную форму, которой самъ авторъ остался доволенъ. Первые наброски комедіи относятся къ 1834 году. Къ концу этого года или къ началу 1835 года комедія была уже закончена вся вчернѣ; черезъ годъ, въ самомъ концѣ 1835 г., эта первоначальная редакція была вся вновь переработана, и Гоголь рѣшился провести ее на сцену. Въ 1836 году было напечатано первое изданіе комедіи и одновременно былъ составленъ ея сценическій текстъ, сообразно съ требованіями театральной цензуры. Этотъ сценическій текстъ остался неизмѣннымъ на долгіе годы, а текстъ печатный продолжалъ перерабатываться. Послѣ перваго представленія комедіи (1836), которое причинило автору столько огорченій, Гоголь охладѣлъ на нѣкоторое время къ «Ревизору», но съ 1838 года—уже за границей—вновь началъ работать надъ его текстомъ. Работа длилась вплоть до 1842 года когда, наконецъ, была установлена авторомъ окончательная редакція.

Такимъ образомъ, художникъ работалъ надъ своимъ созданіемъ цѣлыхъ восемь лѣтъ. Мысль о «Ревизорѣ» не покидала его, когда онъ писалъ свои повѣсти, когда читалъ лекціи и давалъ уроки, когда сочинялъ и компилировалъ свои статьи по исторіи, эстетикѣ и литературѣ, когда путешествовалъ затѣмъ за границей и даже тогда, когда онъ уси-

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь, 1902 г.

ленно работалъ надъ «Мертвыми Душами». Что бы онъ ни говорилъ о своей комедіи въ минуту раздраженія на зрителей, какъ бы онъ ни унижалъ ее въ своихъ собственныхъ глазахъ,—онъ продолжалъ любить ее. «Ревизоръ», при всѣхъ своихъ недостаткахъ, былъ въ его глазахъ все-таки первымъ его «серьезнымъ» произведеніемъ, первымъ «смѣшнымъ» словомъ съ необычайно серьезнымъ смысломъ, какое сказалъ авторъ, достигшій зрѣлаго возраста и какъ человѣкъ, и какъ художникъ.

Мы знаемъ, какъ способность воплощать дѣйствительность въ реальныхъ образахъ крѣпла въ Гоголѣ съ годами и какъ она боролась съ сентиментальнымъ и романтическимъ его взглядомъ на жизнь. Въ періодъ «Вечеровъ» она только что начинала пробиваться наружу. Она стала болѣе замѣтна, когда нашъ авторъ писалъ свои разсказы «Невскій проспектъ», «Портретъ и «Записки сумашедшаго». Она отходила на задній планъ въ его историческомъ міросозерцаніи, но всетаки проступала въ тѣхъ повѣстяхъ, въ которыхъ онъ говорилъ о старинѣ; она выдвинулась открыто на первый планъ въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ», и въ «Повѣсти о ссорѣ Ивана Ивановича» и, наконецъ, въ «Ревизорѣ» она восторжествовала окончательно, чтобы на нѣкоторое время уже не идти на убыль. Эта побѣда далась автору, конечно, не сразу; и по отдѣльнымъ редакціямъ «Ревизора» можно видѣть, какъ постепенно она подготовлялась. Развитіе дѣйствія и основные типы въ этихъ редакціяхъ не мѣнялись, но зато почти каждая реплика испытала многократную передѣлку именно въ видахъ наибольшаго приближенія и самой интриги, и дѣйствующихъ лицъ къ правдѣ той жизни, которую изображалъ художникъ *).

Вопросъ о томъ, какъ Гоголю пришелъ на умъ сценарій «Ревизора» неоднократно останавливалъ на себѣ вниманіе біографовъ изслѣдователей. Самъ Гоголь говорилъ, что онъ получилъ сюжетъ «Ревизора», равно какъ и «Мертвыхъ Душъ», отъ Пушкина. Пушкинъ дѣйствительно, разсказывалъ своимъ друзьямъ объ одномъ авантюристѣ, который въ гор. Устюжнѣ выдалъ себя за ревизора и обобралъ довѣрчивыхъ чиновниковъ. Извѣстно также, что самого Пушкина—въ бытность его въ Нижнемъ-Новгородѣ, приняли за секретнаго ревизора, который подъ предлогомъ будто бы собиранія матеріаловъ для исторіи пугачевскаго бунта, объѣзжалъ восточныя окраины. Гоголь, конечно, зналъ объ этомъ.

Съ другой стороны, изслѣдователями подобрано было не мало параллелей, говорящихъ о безспорномъ сходствѣ «Ревизора» съ нѣкоторыми старыми комедіями нашего репертуара. Указывались аналогіи въ комедіяхъ XVIII вѣка, говорилось, что «Ревизоръ» былъ просто списанъ съ комедіи въ стихахъ какого-то Жукова: «Ревизоръ изъ сибирской жизни 1796)» — (комедіи, которую никто пока еще не видѣлъ), наконецъ

*) Исторія текста комедіи дана въ X-омъ изданіи Сочиненій Гоголя. Томъ II подъ редакціей Тихонравова и томъ VI подъ редакціей Шенрока.

всего больше было разговоровъ о совпаденіи содержанія «Ревизора» съ фабулой уже извѣстной намъ комедіи Квитки: «Пріѣзжій изъ столицы». Совпаденіе, дѣйствительно, бросается въ глаза, и комедія Квитки, рукопись которой ходила по рукамъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ, могла быть извѣстна Гоголю, хотя нашъ авторъ хранилъ о произведеніяхъ Квитки и о немъ самомъ упорное молчаніе и нигдѣ не обмолвился словомъ о своемъ знакомствѣ съ нимъ. Въ послѣднее время г. Волковымъ было произведено очень тщательное и остроумное сличеніе обѣихъ комедіи и въ результатѣ получился цѣлый рядъ аналогій въ характерахъ, словахъ и комическихъ положеніяхъ, въ особенности замѣтныхъ въ первоначальной редакціи «Ревизора» *). Изслѣдователь пришелъ къ выводу, что Гоголь не только читалъ комедію Квитки, но пользовался ею при сочиненіи «Ревизора». Едва ли можно допустить, что нашъ авторъ пользовался комедіей Квитки именно при сочиненіи «Ревизора»; стóитъ только сравнить естественность въ развитіи дѣйствія въ «Ревизорѣ» съ совершенно водевильной неестественностью этого развитія въ комедіи «Пріѣзжій изъ столицы». Но этимъ не устраняется возможность предположенія, что Гоголь удержалъ въ своей памяти сценарій «Пріѣзжаго», когда задумывалъ «Ревизора» и впервые набрасывалъ его на бумагу. Но и противъ этого предположенія можно выдвинуть другое, одинаково вѣроятное, а именно, что самый сюжетъ—пріѣздъ мнимаго ревизора въ городъ—обязывалъ всѣхъ, кто брался за эту тему, держаться одного плана въ разсказѣ, т.-е. говорить объ ожиданіи ревизора, дать характеристики всѣхъ высшихъ чиновниковъ уѣзднаго города, перечислить ихъ проступки противъ службы, изобразить ихъ робость и ухаживаніе за мнимымъ начальникомъ, показать, какъ въ этомъ начальникѣ наростаетъ нахальство и самоувѣренность, и закончить, наконецъ, все это разоблаченіемъ личности пріѣзжаго и изображеніемъ переполоха, который это разоблаченіе вызвало среди всѣхъ одураченныхъ. При такомъ обязательномъ сценаріи (обязательномъ, потому что самомъ естественномъ) совпаденія въ общемъ планѣ всѣхъ такихъ разсказовъ о ревизорахъ были неизбѣжны и вопросъ о зависимости одного разсказа отъ другого этимъ устраняется. Наконецъ, можно предположить, какъ недавно было сдѣлано, что въ виду часто повторявшихся въ русской жизни случаевъ, подобныхъ описанному въ комедій Гоголя, сложился вообще бродячій анекдотическій разсказъ о мнимомъ ревизорѣ и одураченныхъ имъ провинціальныхъ чиновникахъ. Весьма возможно, что и Гоголь, и Квитка и другіе обработали одинъ изъ подобныхъ разсказовъ, чѣмъ и объясняется то сходство, которое замѣчается въ ихъ комедіяхъ **).

---

*) *Н. В. Волковъ.* «Къ исторіи русской комедіи», I. «Зависимость «Ревизора» Гоголя отъ комедіи Квитки: «Пріѣзжій изъ столицы». Спб. 1899 г.

**) *Г. Александровскій.* «Этюды по психологіи художественнаго творчества. «Ревизоръ», Гоголя». «Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана» 1901, 211.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній вопросъ о зависимости «Ревизора» отъ предшествующихъ ему однородныхъ по замыслу комедій долженъ остаться открытымъ; и каждый признаетъ, что онъ имѣетъ совершенно второстепенное значеніе въ исторіи творчества нашего автора. Важна не фабула: важна ея литературная обработка и смыслъ, вложенный въ нее писателемъ, а художественное выполненіе «Ревизора» принадлежитъ нераздѣльно нашему автору, какъ и оригинальный смыслъ, который таится въ его комедіи.

О «Ревизорѣ», какъ о художественной комедіи, много говорить не приходится; всякій разъ, когда на нее смотришь, убѣждаешься въ томъ, насколько цѣльны, закончены и жизненны ея типы; удивляешься также и той простотѣ и естественности, съ какой развертывается дѣйствіе обыденное, несложное и вполнѣ вѣроятное.

Если же при всѣхъ этихъ достоинствахъ пьесы, какъ жизненной картины, она со сцены иногда производитъ впечатлѣніе легкой комедіи съ карикатурнымъ оттѣнкомъ, то вина въ этомъ не Гоголя, а актеровъ и режиссера.

Гоголь отлично понималъ, съ чьей стороны грозитъ его комедіи опасность, и онъ неоднократно и въ письмахъ, и въ отдѣльныхъ замѣткахъ давалъ разнаго рода наставленія, какъ его пьеса должна играться, и изъ всѣхъ этихъ словъ видно, что первое требованіе, которое онъ ставилъ актеру, было естественность и правдоподобіе. Послѣ перваго же представленія «Ревизора», которое, кажется, въ этомъ отношеніи сошло далеко не благополучно, у Гоголя явилась мысль подѣлиться съ актерами кое-какими мыслями о томъ, какъ должно исполнять ввѣренныя имъ роли. Эти мысли Гоголь привелъ въ систему не сразу; часть ихъ онъ высказалъ тогда же въ своихъ письмахъ, потомъ развилъ ихъ въ 1841 году въ «Отрывкѣ изъ письма писаннаго авторомъ вскорѣ послѣ перваго представленія «Ревизора» къ одному литератору» *), затѣмъ въ особомъ «Предувѣдомленіи для тѣхъ, которые хотѣли бы сыграть, какъ слѣдуетъ, «Ревизора», и наконецъ въ комедіи «Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи», которой онъ заключилъ первое полное собраніе своихъ сочиненій (1842).

Въ этихъ двухъ отрывкахъ и въ «Театральномъ разъѣздѣ» самъ авторъ истолковалъ намъ свою комедію, далъ полную характеристику почти всѣхъ ея дѣйствующихъ лицъ и намекнулъ довольно ясно на основную ея идею. Позднѣйшей критикѣ немного пришлось добавить къ этимъ авторскимъ словамъ, которыя, къ сожалѣнію, не были изданы одновременно съ комедіей или непосредственно послѣ ея представленія и потому не могли предотвратить многіе кривые толки и по-

*) Гоголь утверждалъ, что это письмо было имъ писано къ Пушкину, но это едва ли вѣрно.

мочь публикѣ разобраться въ первомъ впечатлѣніи, вынесенномъ изъ театра.

Воспользуемся этими указаніями Гоголя для опредѣленія художественной и идейной стоимости его комедіи. Хоть эти указанія и даны пять лѣтъ спустя послѣ того, какъ «Ревизоръ» былъ написанъ, но мы не допустимъ никакихъ анахронизмовъ, если предположимъ, что и въ 1836 году Гоголь имѣлъ сказать то же, что сказалъ въ 1841 и 1842 г. Такое предположеніе потому допустимо, что въ частной перепискѣ нашего писателя, относящейся къ эпохѣ постановки «Ревизора», онъ, дѣйствительно, высказываетъ вкратцѣ то, что въ «Отрывкѣ» и въ «Предувѣдомленіи» имъ развито болѣе подробно.

«Больше всего надобно опасаться, чтобы не впасть въ карикатуру, — писалъ Гоголь въ «Предувѣдомленіи». Ничего не должно быть преувеличеннаго или тривіальнаго даже въ послѣднихъ роляхъ, Напротивъ, нужно особенно стараться актеру быть скромнѣй, проще и какъ бы благороднѣй, чѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ есть то лицо, которое представляется. Чѣмъ меньше будетъ думать актеръ о томъ, чтобы смѣшить и быть смѣшнымъ, тѣмъ болѣе обнаружится смѣшное взятой имъ роли. Смѣшное обнаружится само собою именно въ той серьезности, съ какою занято своимъ дѣломъ каждое изъ лицъ, выводимыхъ въ комедіи... Умный актеръ, прежде чѣмъ схватить мелкія причуды и мелкія особенности внѣшнія доставшагося ему лица, долженъ стараться поймать общечеловѣческое выраженіе роли». Въ этихъ словахъ — вся оцѣнка «Ревизора» какъ художественнаго памятника. Авторъ потому такъ горячо заступался за «общечеловѣчность» своихъ типовъ, и потому требовалъ отъ актера такой выдержки и отказа отъ всякаго подчеркиванія эффектовъ, что онъ былъ самъ твердо убѣжденъ въ томъ, что имъ создана истинно реальная комедія, въ которой на первомъ планѣ стоитъ не та или другая цѣль автора, не то или другое господствующее чувство, желаніе или страсть дѣйствующаго лица, а оно само, это дѣйствующее лицо — живое, со всѣми признаками живого человѣка, т.-е. съ цѣлой суммой чувствъ, мнѣній и стремленій. И, въ самомъ дѣлѣ, если ближе присмотрѣться ко всѣмъ лицамъкомедіи, то ни въ одномъ изъ нихъ мы не замѣтимъ какой-либо господствующей черты характера, которая превращала бы это лицо, какъ это было правиломъ для старыхъ комедій, въ носителя какого-нибудь опредѣленнаго понятія или чувства. Вотъ почему ни одному изъ дѣйствующихъ лицъ «Ревизора» нельзя наклеить ярлыка на лобъ и переименовать его въ какого-нибудь Кривосудова, Кожедралова, Хапалкина, Пустолобова или иныхъ; передъ нами все люди, отъ перваго до послѣдняго, и съ ними на сценѣ творится то, что могло всегда съ ними случиться въ жизни.

Въ томъ, что они всѣ живые люди—заключенъ и идейный смыслъ комедіи. «Ревизоръ»—комедія безъ политической подкладки, она комедія

съ тенденціей, прежде всего, нравственной, общечеловѣческой и затѣмъ, конечно, общественной. Авторъ казнилъ въ ней грѣшныхъ людей, и притомъ не столько порочныхъ, сколько вообще слабыхъ—поставленныхъ однако жизнью на отвѣтственный постъ.

Десять лѣтъ спустя послѣ постановки «Ревизора», Гоголь говорилъ въ своей «Авторской исповѣди», что онъ въ «Ревизорѣ» рѣшился собрать въ кучу все дурное въ Россіи, какое онъ тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше требуется отъ человѣка справедливости, и что онъ за одинъ разъ хотѣлъ посмѣяться надо всѣмъ. Это признаніе, высказанное въ годы, когда нашъ авторъ мнилъ себя чуть ли не пророкомъ, указующимъ своей родинѣ путь спасенія и призывающимъ ее къ покаянію—едва ли передаетъ вѣрно ту основную мысль, изъ которой исходилъ авторъ, когда сочинялъ свою комедію. Что въ «Ревизорѣ» вовсе не собрано «все дурное», что было въ Россіи, и «всѣ несправедливости», какія въ ней творились—это само собою ясно. Если бы авторъ хотѣлъ говорить о спеціально русскихъ грѣхахъ, онъ нашелъ бы нѣчто болѣе характерное и сильное, чѣмъ тѣ слабости, общелюдскія, надъ которыми онъ посмѣялся. Комедія была значительно болѣе скромна, чѣмъ самому автору это потомъ казалось.

Прежде всего должно отмѣтить, что Гоголь былъ далекъ отъ всякой мысли такъ или иначе кольнуть правительство. Не то, чтобы онъ боялся цензуры и потому утаивалъ свою мысль — наоборотъ, онъ открыто свою мысль высказалъ и цензуры не боялся, почему и пришелъ въ такое уныніе, когда его прославили либераломъ. Лучше всѣхъ его понялъ императоръ Николай Павловичъ, который избавилъ «Ревизора» отъ цензурныхъ мытарствъ; и, конечно, императоръ въ данномъ случаѣ не сдѣлалъ никакой уступки либерализму.

«Ревизоръ» былъ въ сущности апологіей правительственной бдительной власти и однимъ изъ главныхъ, но незримыхъ дѣйствующихъ лицъ комедіи было «недремлющее око» этой власти. Дѣйствіе происходило въ далекомъ уѣздномъ городкѣ, и въ этотъ закоулокъ русской жизни око все-таки заглянуло; всѣ привлеченныя къ отвѣтственности лица были мелкія лица по своему общественному положенію; никто изъ нихъ не дослужился даже до чина статскаго совѣтника; это была мелюзга, которая трепетала передъ тѣнью закона. Она была лишена всякаго вліянія на законъ и потому она не могла совершить никакого преступленія и развѣ только какую-нибудь мелочь украсть у закона изъ-подъ носа. Вся эта толпа чиновниковъ промышляла мелкимъ воровствомъ и какъ мелкій жуликъ оробѣла при видѣ жандарма. Этотъ унтеръ, который заставляетъ начальника города и всѣхъ высшихъ чиновниковъ окаменѣть и превратиться въ истукановъ—наглядный показатель благомыслія автора. И авторъ самъ призналъ это въ своемъ «Театральномъ разъѣздѣ», когда заставилъ какой-то «синій армякъ» сказать «сѣрому»: «Небось! прыт-

кіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, когда пришла царская расправа!» «Слышите ли вы, какъ вѣренъ естественному чутью и чувству человѣкъ?» восклицаетъ въ «Разъѣздѣ» очень скромно одѣтый человѣкъ, подслушавшій этотъ возгласъ «армяка». Да развѣ это не очевидно ясно, что послѣ такого представленія народъ получитъ болѣе вѣры въ правительство? Пусть онъ отдѣлитъ правительство отъ дурныхъ представителей правительства. Пусть видитъ онъ, что злоупотребленія происходятъ не отъ правительства, а отъ непонимающихъ требованій правительства, отъ нехотящихъ отвѣтствовать правительству. Пусть онъ видитъ, что благородно правительство, что бдитъ равно надъ всѣми его недремлющее око, что рано или поздно настигнетъ оно измѣнившихъ закону чести и святому долгу человѣчества, что поблѣднѣютъ передъ нимъ имѣющіе нечистую совѣсть»... и благомыслящій молодой человѣкъ, произносящій такія благонамѣренныя рѣчи, тутъ же отказывается отъ выгоднаго предложенія, и рѣшается остаться на своемъ скромномъ чиновничьемъ посту въ далекой провинціи, боясь, какъ бы на его мѣсто не сѣлъ какой нибудь изъ героевъ «Ревизора».

Весь этотъ сладкій гимнъ правительству не былъ придуманъ Гоголемъ послѣ; нашъ авторъ такъ думалъ и въ самый день представленія своей комедіи, на что указываютъ черновые наброски «Театральнаго Разъѣзда» 1836 года. Князь Вяземскій, который былъ свидѣтелемъ работы Гоголя надъ своей комедіей, былъ правъ, когда, вспоминая въ 1876 году старину, говорилъ, что либералы напрасно встрѣчали въ Гоголѣ единомышленника и союзника себѣ, и другіе напрасно открещивались отъ него, какъ отъ страшилища, какъ отъ нечистой силы. «Въ замыслѣ Гоголя,—говорилъ Вяземскій,—не было ничего политическаго. У либераловъ глаза были обольщены собственнымъ обольщеніемъ; у консерваторовъ они были велики. Помню первое чтеніе этой комедіи у Жуковскаго на вечерѣ, при довольно многолюдномъ обществѣ. Всѣ внимательно слушали и заслушивались; всѣ хохотали отъ доброй души; никому въ голову не приходило, что въ комедіи есть тайный умыселъ. Тайный умыселъ открыли уже послѣ слишкомъ зоркіе, но вполнѣ ошибочные глаза».

Князь Вяземскій, по поводу «Ревизора» сдѣлалъ и еще одно очень вѣрное замѣчаніе. Онъ сказалъ, что пороки и прегрѣшенія героевъ «Ревизора» не должно преувеличивать, что всѣ эти пороки очень обыкновенны и скорѣе могутъ назваться слабостями. Эта мысль была ему, вѣроятно, подсказана авторомъ, который, какъ сейчасъ увидимъ, утверждалъ то же самое. Тотъ фактъ, что пороки выставленные на показъ въ «Ревизорѣ», были, дѣйствительно, скорѣе слабостями, чѣмъ пороками, позволяетъ думать, что нашъ авторъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ изобразить нравственное искривленіе человѣческой природы, въ основѣ своей порядочной. Мысль объ общественномъ значеніи такихъ искривленій у него, конечно, была, но не ее выдвигалъ

онъ впередъ, а она сама навязывалась зрителю. Авторъ не указывалъ ни на какія спеціальныя условія русской жизни, допускающія подобныя искривленія; онъ взялъ ихъ какъ простой житейскій фактъ повсемѣстно распространенный, и недаромъ въ «Театральномъ разъѣздѣ» онъ говорилъ, что его комедія должна произвести глубокое сердечное содроганіе, потому что въ ней вездѣ слышится «человѣческое»; авторъ спѣшилъ втолковать зрителю и читателю, что люди имъ осмѣянные въ сущности лишь слабые люди и отнюдь не злодѣи, угрожающіе обществу, и потому въ «Отрывкѣ изъ письма» и въ «Предувѣдомленіи» онъ самъ далъ ихъ характеристики. Приведемъ ихъ вкратцѣ и мы увидимъ, что нашъ сатирикъ и обличитель общественныхъ дѣятелей былъ въ то же самое время для большинства изъ нихъ адвокатомъ, просящимъ снисхожденія.

«Городничему, поясняетъ авторъ, некогда было взглянуть построже на жизнь или же осмотрѣться получше на себя. Онъ сталъ притѣснителемъ и очерствѣлъ непримѣтно для самого себя, потому что злобнаго желанія притѣснять въ немъ нѣтъ; есть только просто желаніе прибирать все, что ни видятъ глаза. Просто онъ позабылъ, что это въ тягость другому и что отъ этого трещитъ у иного спина. Онъ чувствуетъ, что грѣшенъ; онъ ходитъ въ церковь; онъ думаетъ даже, что въ вѣрѣ твердъ; онъ даже помышляетъ потомъ когда-нибудь покаяться—русскій человѣкъ, который не то, чтобы былъ извергъ, но въ которомъ извратилось понятіе правды, который сталъ весь ложь, уже даже и самъ того не замѣчая»; «судья—человѣкъ меньше грѣшный въ взяткахъ; онъ даже не охотникъ творить неправду, но велика страсть къ псовой охотѣ... что-жъ дѣлать! у всякаго человѣка есть какая-нибудь страсть... Изъ-за нея онъ надѣлаетъ множество разныхъ неправдъ, не подозрѣвая самъ того». «Земляника—плутъ тонкій и принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые желая вывернуться сами, не находятъ другого средства, какъ чтобы топить другихъ и потому торопливы на всякія каверзничества и доносы». «Смотритель училищъ—ничего болѣе, какъ только напуганный человѣкъ частыми ревизовками и выговорами; онъ боится какъ огня всякихъ посѣщеній, хотя и не знаетъ самъ, въ чемъ грѣшенъ». «Почтмейстеръ—простодушный до наивности человѣкъ, глядящій на жизнь, какъ на собраніе интересныхъ исторій, для препровожденія времени»... («Предувѣдомленіе»). О Хлестаковѣ Гоголь писалъ: «Хлестаковъ вовсе не надуваетъ,—онъ не лгунъ по ремеслу; онъ самъ позабываетъ, что лжетъ и уже самъ почти вѣритъ тому, что говоритъ... Хлестаковъ—человѣкъ ловкій, совершенный comme il faut, умный и даже, пожалуй, *добродѣтельный*. Онъ принадлежитъ къ тому кругу, который, повидимому, ничѣмъ не отличается отъ прочихъ молодыхъ людей. Онъ даже хорошо иногда держится, даже говоритъ иногда съ вѣсомъ и только въ случаяхъ, гдѣ требуется или присутствіе духа, или характеръ, вы-

казывается его отчасти подленькая, ничтожная натура. Молодой человѣкъ, чиновникъ, и пустой, какъ называютъ, но заключающій въ себѣ много качествъ, принадлежащихъ людямъ, которыхъ свѣтъ не называетъ пустыми. Выставить эти качества въ людяхъ, которые не лишены, между прочимъ, хорошихъ достоинствъ, было бы грѣхомъ со стороны писателя, ибо онъ поднялъ бы ихъ на всеобщій смѣхъ. Лучше пусть всякій отыщетъ частицу себя въ этой роли... Всякій, хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но, натурально, въ этомъ не хочетъ только признаться. И ловкій гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и государственный мужъ окажется иногда Хлестаковымъ, и нашъ братъ, грѣшный литераторъ» («Отрывокъ изъ письма»).

Кое-что въ этихъ поясненіяхъ присочинено Гоголемъ въ позднѣйшіе годы (1840—1842), но, какъ видно изъ его частныхъ писемъ и изъ его черновыхъ набросковъ, онъ и въ годъ постановки «Ревизора»—цѣнилъ свою комедію больше, какъ картину общечеловѣческихъ нравовъ, чѣмъ какъ сатиру на общественные порядки. Анекдотъ былъ взятъ старый, общераспространенный, казнены были пороки, къ публичной казни которыхъ общество давно привыкло, никакихъ указаній на общественныя условія въ широкомъ смыслѣ этого слова сдѣлано не было и былъ только правдиво изображенъ одинъ простой житейскій случай. Авторъ показалъ наглядно, въ живыхъ лицахъ, какъ пустѣйшій изъ пустыхъ людей случайно и для самого себя неожиданно наказалъ и опозорилъ цѣлую толпу другихъ столь же ничтожныхъ людей, ослѣпленныхъ мелкими страстишками, съ очень ограниченнымъ кругозоромъ, людей безъ нравственныхъ устоевъ и безъ сознанія своего долга. Гоголь хотѣлъ какъ будто сказать: вотъ какимъ случайностямъ подвержены всѣ люди, для которыхъ жизнь не есть задача, а лишь времяпрепровожденіе, для которыхъ въ мірѣ нѣтъ ничего выше угожденія собственнымъ, очень пошлымъ страстямъ или привычкамъ. Эту простую нравственную сентенцію нашъ моралистъ углубилъ, однако, и усилилъ тѣмъ, что нѣкоторыхъ изъ этихъ пустыхъ людей (всего лишь четверыхъ) поставилъ на отвѣтственные посты, т.-е. выше другихъ, чтобы тѣмъ больше ихъ унизить.

Конечно, зрителю, критически относящемуся къ переживаемому политико-общественному моменту, «Ревизоръ» могъ легко показаться намекомъ на очень серьезныя явленія русской дѣятельности и одинъ современникъ (А. В. Никитенко) могъ, не нарушая правды, сказать, что «впечатлѣніе, производимое «Ревизоромъ» много прибавило къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя накоплялись въ умахъ отъ существующаго у насъ порядка вещей»—но Гоголь былъ неповиненъ въ этомъ

Впечатлѣніе, произведенное его комедіей, было для него самого большой неожиданностью, которая причинила ему много боли, но вмѣстѣ съ тѣмъ и повысила въ немъ увѣренность въ своихъ силахъ. Онъ какъ

сатирикъ понялъ, что «Ревизоръ» есть нѣчто несовершенное, слабое, недоговоренное (не въ смыслѣ художественномъ, а по своему содержанію), онъ самъ созналъ, что ему пора творить съ большимъ размышленіемъ, что настоящая работа его ждетъ еще впереди: именно послѣ «Ревизора» проснулся въ немъ вновь тотъ сильный и смѣлый обличитель общественныхъ порядковъ, какимъ онъ былъ, когда думалъ надъ комедіей «Владиміръ третьей степени», и его вновь стала заботить мысль, какъ сказать такое смѣлое слово. «Я ожесточенъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей пьесы,—писалъ онъ своему другу Погодину мѣсяцъ спустя послѣ представленія «Ревизора»,—меня заботитъ моя печальная будущность. Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны, но жизнь петербургская ярка передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея — и какъ заговорятъ мои соотечественники!» *). Очевидно, Гоголь самъ не считалъ своего «Ревизора» тѣмъ мѣткимъ ударомъ, котораго заслуживала со стороны сатирика наша дѣйствительность. Какъ онъ самъ признавался, онъ очень скоро «охладѣлъ» къ «Ревизору», «многимъ былъ въ немъ недоволенъ, хотя совершенно не тѣмъ, въ чемъ обвиняли его его близорукіе и неразумные критики». Когда его затѣмъ извѣщали пріятели объ успѣхѣ «Ревизора», онъ также сердился. «Съ какой стати пишете вы всѣ про «Ревизора», — выговаривалъ онъ своему другу Прокоповичу въ 1837 г.—Въ вашихъ письмахъ говорится, что «Ревизора» играютъ каждую недѣлю, театръ полонъ и проч... и чтобы это было доведено до моего свѣдѣнія. Что это за комедія? Я, право, никакъ не понимаю этой загадки. Во-первыхъ, я на «Ревизора»—плевать, а во-вторыхъ, къ чему это? Если бы это была правда, то хуже на Руси мнѣ никто не могъ нагадить. Но, слава Богу, это ложь... Мнѣ страшно вспомнить обо всѣхъ моихъ мараньяхъ. Они въ родѣ грозныхъ обвинителей являются глазамъ моимъ. Забвенья, долгаго забвенья проситъ душа. И если бы появилась такая моль, которая съѣла бы всѣ экземпляры «Ревизора», а съ ними «Арабески», «Вечера» и всю прочую чепуху, и обо мнѣ въ теченіе долгаго времени ни печатно, ни изустно не произносилъ никто ни слова—я бы благодарилъ судьбу» **). Трудно понять такое озлобленіе автора противъ своей пьесы и едва ли его можно объяснять лишь его раздраженіемъ противъ публики; въ этомъ злобномъ чувствѣ была, конечно, большая доля недовольства самимъ собою; въ головѣ Гоголя роились новые грандіозные планы и все написанное, въ томъ числѣ и «Ревизоръ», показалось несоотвѣтствующимъ своему назначенію. «Безъ гнѣва,—признавался Гоголь,—немного можно сказать: только разсердившись говорится правда». Быть можетъ,

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 377.
**) «Письма Н. В. Гоголя», I, 425.

недостатокъ гнѣва въ его произведеніяхъ и заставилъ его такъ безжалостно отнестись къ нимъ: а гнѣва въ этихъ произведеніяхъ было, дѣйствительно, мало; Гоголь имѣлъ не гнѣвный писательскій темпераментъ, и даже тогда, когда онъ сталъ авторомъ «Мертвыхъ Душъ», онъ могъ себѣ сдѣлать тотъ же упрекъ въ мягкосердечіи.

Въ данномъ случаѣ, однако, для насъ важенъ самый фактъ недовольства Гоголя своей комедіей: очевидно, что пріемъ, ей оказанный, и всѣ пересуды, которыя она возбудила и которыя его такъ огорчили, возвысили его въ собственныхъ глазахъ. Онъ понялъ, что онъ можетъ и долженъ создать нѣчто болѣе сильное, чѣмъ то, что было имъ создано.

Этотъ пріемъ и толки были, какъ сказано, для автора большой неожиданностью, почему и произвели на него такое сильное впечатлѣніе.

Такъ какъ пьеса была до представленія прочитана самому императору Николаю Павловичу и ему понравилась, то хлопотъ съ цензурой было мало, и 19-го апрѣля 1836 года «Ревизоръ» былъ первый разъ сыгранъ на сценѣ Александринскаго театра. Царь былъ на первомъ представленіи, смѣялся много, уѣзжая, сказалъ будто: «тутъ всѣмъ досталось, а болѣе всего мнѣ», послалъ даже министровъ смотрѣть «Ревизора» и оградилъ такимъ образомъ пьесу отъ всякихъ нападокъ со стороны власти. Но нападки послѣдовали не съ этой стороны...

Часто говорится о томъ враждебномъ пріемѣ, который встрѣтилъ «Ревизора». При оцѣнкѣ этого пріема, нужно, однако, сдѣлать коекакія весьма существенныя оговорки. Въ общемъ, комедія имѣла успѣхъ колоссальный, подтвержденный свидѣтельствомъ современниковъ; давалась она очень часто и театръ былъ всегда полонъ. Такимъ образомъ, у публики, въ широкомъ смыслѣ слова, комедія не встрѣтила никакого враждебнаго пріема, и для Гоголя ея представленіе было не фіаско, а торжествомъ. Но въ нѣкоторыхъ кругахъ—аристократическихъ, чиновныхъ и литераторскихъ—она вызвала очень недоброжелательныя сужденія и намеки. Они Гоголя очень смутили и оскорбили, и онъ подъ первымъ впечатлѣніемъ сильно преувеличилъ ихъ общественное значеніе.

Непріязненное отношеніе нѣкоторой части зрителей къ драматургу сказалось и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ на первомъ же представленіи его комедіи. Тому были свои причины.

Приведемъ разсказы очевидцевъ объ этихъ двухъ знаменательныхъ вечерахъ. Извѣстный впослѣдствіи критикъ П. В. Анненковъ былъ въ Александринскомъ театрѣ 19 апрѣля и разсказываетъ слѣдующее: «Уже послѣ перваго акта недоумѣніе было написано на всѣхъ лицахъ (публика была избранная въ полномъ смыслѣ слова), словно никто не зналъ,

какъ должно думать о картинѣ, только что представленной. Недоумѣніе это возрастало потомъ съ каждымъ актомъ. Какъ будто находя успокоеніе въ одномъ предположеніи, что дается фарсъ, большинство зрителей, выбитое изъ всѣхъ театральныхъ ожиданій и привычекъ, остановилось на этомъ предположеніи съ непоколебимой рѣшимостью. Однако же, въ этомъ фарсѣ были черты и явленія, исполненныя такой жизненной правды, что раза два, особенно въ мѣстахъ, наименѣе противорѣчащихъ тому понятію о комедіи вообще, которое сложилось въ большинствѣ зрителей, раздавался общій смѣхъ. Совсѣмъ другое произошло въ четвертомъ актѣ: смѣхъ по временамъ еще перелеталъ изъ конца залы въ другой, но это былъ какой-то робкій смѣхъ, тотчасъ же и пропадавшій; аплодисментовъ почти совсѣмъ не было, зато напряженное вниманіе, судорожное, усиленное слѣдованіе за всѣми оттѣнками пьесы, иногда мертвая тишина показывали, что дѣло, происходившее на сценѣ, страстно захватывало сердца зрителей. По окончаніи акта прежнее недоумѣніе уже переродилось почти во всеобщее негодованіе, которое довершено было пятымъ актомъ. Многіе вызывали автора потомъ за то, что написалъ комедію, другіе—за то, что виденъ талантъ въ нѣкоторыхъ сценахъ, простая публика—за то, что смѣялась, но общій голосъ, слышавшійся по всѣмъ сторонамъ избранной публики, былъ: «это — невозможность, клевета и фарсъ» *).

Нѣчто подобное случилось и на первомъ представленіи «Ревизора» въ Москвѣ **). Публика была также высшаго тона и многимъ комедія пришлась не по вкусу. Артистъ Щепкинъ былъ опечаленъ такимъ пріемомъ. «Помилуй—сказалъ ему въ утѣшеніе одинъ знакомый,—какъ можно было ее лучше принять, когда половина публики *берущей,* а половина *дающей»?*

Одинъ изъ рецензентовъ, бывшихъ на первомъ представленіи, познакомилъ насъ съ публикой, заполнявшей залъ въ этотъ вечеръ. Вотъ что онъ писалъ ***): «Публика, посѣтившая первое представленіе «Ревизора», была публика высшаго тона, богатая, чиновная, выросшая въ будуарахъ, для которой посѣщеніе спектакля есть одна изъ житейскихъ обязанностей, не радость, не наслажденіе. Эта публика стоитъ на той счастливой высотѣ жизни общественной, на которой исчезаетъ мелочное понятіе народности, гдѣ нѣтъ страстей, чувствъ, особенно мысли, гдѣ все сливается и исчезаетъ въ непреложномъ, ужасающемъ простолюдина исполненіи приличій; эта публика не обнаруживаетъ ни печали, ни радости, ни нужды,

---

*) *П. В. Анненковъ.* «Воспоминанія и критическіе очерки». I, 193.

**) См. *Н. С. Тихонравовъ.* «Первое представленіе «Ревизора» на московской сценѣ». Сочиненія, III, I, 568 и слѣд.

***) Въ «Молвѣ», издававшейся при «Телескопѣ» Надеждина.

ни довольства, не потому, чтобы ихъ вовсе не испытывала, а потому, что это неприлично, что это вульгарно. Блестящій нарядъ и мертвенная холодная физіономія, разговоръ изъ общихъ фразъ или тонкихъ намековъ на отношенія личныя—вотъ отличительная черта общества, которое «низошло до посѣщенія «Ревизора»—этой русской всероссійской пьесы, возникнувшей не изъ подражанія, но изъ собственнаго, быть можетъ, горькаго чувства автора. Этой ли публикѣ, знающей лица, составляющія комедію, только изъ разсказовъ своего управляющаго, видавшей ихъ только въ передней объятыхъ благоговѣйнымъ трепетомъ, ей ли принять участіе въ этихъ лицахъ, которыя для насъ, простолюдиновъ, составляютъ власть, возбуждаютъ страхъ и уваженіе? Что значитъ для богатаго вельможи будничная, мелочная жизнь этихъ чиновниковъ? Съ этой-то точки глядя на собравшуюся публику, пробираясь на мѣстечко между дѣйствительными и статскими совѣтниками, извиняясь передъ джентльменами, обладающими нѣсколькими тысячами душъ, мы невольно думали: врядъ ли «Ревизоръ» имъ понравится, врядъ ли они повѣрятъ ему, врядъ ли почувствуютъ наслажденіе видѣть въ натурѣ эти лица, такъ для насъ странныя, которыя вредны не потому, что сами дурно свое дѣло дѣлаютъ, а потому, что лишаютъ надежды видѣть на мѣстахъ своихъ достойныхъ исполнителей распоряженій, направленныхъ къ благу общему. Такъ и случилось. «Ревизоръ» не занялъ, не тронулъ, только разсмѣшилъ слегка бывшую въ театрѣ публику, а не порадовалъ ее. Уже въ антрактѣ былъ слышенъ полуфранцузскій шопотъ негодованія, жалобы презрѣнія: mauvais genre!—страшный приговоръ высшаго общества, которымъ клеймитъ оно самый талантъ, если онъ имѣетъ счастье ему не нравиться. Пьеса сыграна и, осыпаемая мѣстами аплодисманомъ, она не возбудила ни слова, ни звука по опущеніи занавѣса. Такъ должно было быть, такъ и случилось!»

Изъ показаній этихъ двухъ свидѣтелей видно, что именно составъ слушателей рѣшительно повліялъ на недружелюбный пріемъ комедіи. И пріемъ этотъ былъ совсѣмъ иной на слѣдующихъ представленіяхъ. Что пьеса не должна была понравиться «избранной» публикѣ, воспитанной въ старыхъ литературныхъ традиціяхъ и безспорно задѣтой многими намеками комедіи—это вполнѣ естественно. Странно, что авторъ не предусмотрѣлъ всего этого.

Онъ вернулся домой изъ театра въ убитомъ и разсерженномъ состояніи духа. Разсказываютъ, что когда онъ въ тотъ же вечеръ пришелъ къ своему другу Прокоповичу и этотъ другъ, желая его порадовать, вздумалъ поднести ему экземпляръ «Ревизора», тогда только что вышедшаго изъ печати, Гоголь швырнулъ экземпляръ на полъ, подошелъ къ столу и опираясь на него, проговорилъ задумчиво: «Господи Боже, ну, если бы одинъ, два ругали, ну, и Богъ съ ними, а то всѣ... всѣ!..»

Но авторъ скоро сталъ разбираться въ этомъ непріятномъ впечатлѣніи, мало-по-малу становился выше толковъ и пересудъ и скоро поборолъ въ себѣ то угнетенное состояніе духа, въ какомъ онъ вышелъ изъ театра послѣ перваго представленія. Онъ сталъ сердиться уже не на публику, но, какъ мы видѣли, на самого себя.

На письмахъ его того времени эти колебанія въ настроеніи отразились достаточно ясно. «Всѣ противъ меня, чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ—писалъ онъ Щепкину; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на пьесу; на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ. Если бы не высокое заступничество государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я вижу, что значитъ быть комическимъ писателемъ. Малѣйшій призракъ истины—и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія. Воображаю, что же было бы, если бы я взялъ что-нибудь изъ петербургской жизни, которая мнѣ больше и лучше теперь знакома, нежели провинціальная. Досадно видѣть противъ себя людей тому, который ихъ любитъ между тѣмъ братскою любовью» *). Черезъ мѣсяцъ послѣ представленія комедіи онъ пишетъ Погодину: «Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ. Что противъ меня уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія, я не смущаюсь этимъ, но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ же соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь, когда видишь, какъ ложно, въ какомъ невѣрномъ видѣ ими все принимается. Частное принимать за общее, случай за правило! Что сказано вѣрно и живо, то уже кажется пасквилемъ. Выведи на сцену двухъ-трехъ плутовъ—тысяча честныхъ людей сердится, говоритъ: «Мы не плуты». Но Богъ съ ними!» **) И покидая Россію, Гоголь писалъ ему же: «Я не сержусь на толки, не сержусь, что сердятся и отворачиваются тѣ, которые отыскиваютъ въ моихъ оригиналахъ свои собственныя черты и бранятъ меня, не сержусь, что бранятъ меня непріятели литературные, продажные таланты; но грустно мнѣ это всеобщее невѣжество, движущее столицу, грустно, когда видишь, что глупѣйшее мнѣніе ими же опозореннаго и оплеваннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ же самихъ и ихъ же водитъ за носъ; грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него и нѣтъ никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него. «Онъ зажигатель! Онъ бунтовщикъ!» И кто же говоритъ? Это говорятъ мнѣ люди государственные, люди выслужившіеся, опытные люди, которые

*) «Письма Н. В. Гоголя» 1, 368, 369.
**) «Письма Н. В. Гоголя», I, 370, 371.

должны бы имѣть насколько-нибудь ума, чтобъ понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди, которые считаются образованными и которыхъ свѣтъ, по крайней мѣрѣ русскій свѣтъ, называетъ образованными. Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитаго на наши классы» **). Такъ ясны стали Гоголю мотивы, по которымъ бранили его пьесу и неизбѣжно должны были бранить люди опредѣленныхъ профессій и положеній. Личное раздраженіе смолкло и его гнѣвъ противъ непонимающихъ сталъ переходить въ чувство глубокой жалости къ нимъ. Это было нѣсколько самонадѣянно, но Гоголь—какъ моралистъ, мечтавшій о нравственномъ воздѣйствіи на людей—имѣлъ право говорить о своей любви къ нимъ и о «невѣжественной раздражительности» общества, отвергшаго эту любовь.

Стоили ли, однако, можно спросить, всѣ эти толки о «Ревизорѣ» такого, хоть и недолгаго, душевнаго волненія? Принимая во вниманіе нравственную тенденцію автора и его сентиментальный темпераментъ, а также и условія времени, при которыхъ онъ ставилъ свою комедію, мы поймемъ, что эти пересуды должны были напугать его. Только спустя нѣсколько лѣтъ, могъ онъ надъ ними посмѣяться отъ души, какъ онъ это и сдѣлалъ въ своемъ «Театральномъ разъѣздѣ».

«Театральный разъѣздъ» получилъ окончательную отдѣлку лишь шесть лѣтъ спустя послѣ представленія «Ревизора»; и авторъ, редактируя «Разъѣздъ», имѣлъ въ виду не одного лишь «Ревизора», но и первую часть «Мертвыхъ Душъ», которая тогда была уже имъ написана. Гоголь выступилъ въ «Разъѣздѣ» защитникомъ своего «смѣха» и припомнилъ все то, что ему пришлось слышать, когда онъ въ первый разъ засмѣялся по-настоящему. Вотъ почему, если мы хотимъ себѣ составить понятіе о всѣхъ толкахъ, вызванныхъ «Ревизоромъ», намъ лучше всего обратиться къ «Разъѣзду», гдѣ они изложены по существу съ подобающими отвѣтами.

Если не считаться съ такими оцѣнками, которыя выражаются словами: «это просто чортъ знаетъ что такое» или: «это просто переводъ, потому что есть что-то на французскомъ не совсѣмъ въ этомъ родѣ» или, наконецъ, «да, конечно, нельзя сказать, чтобы не было того... въ своемъ родѣ... Ну, конечно, кто-жъ противъ этого и стоитъ, чтобы опять не было, и гдѣ жъ, такъ сказать... а впрочемъ...» то, какъ замѣтилъ еще князь Вяземскій, всѣ обвиненія противъ «Ревизора» можно свести къ тремъ группамъ. Одни касались литературнаго достоинства комедіи, другіе ея нравственнаго смысла, и, наконецъ, третьи ея смысла общественно-политическаго. Разбирать подробно эти обвиненія нѣтъ нужды; они общеизвѣстны и на нихъ давно даны отвѣты, разоблачившіе ихъ несостоятельность. Припомнимъ

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 337

ихъ только вкратцѣ, чтобы указать на какіе серьезные вопросы могла навести эта смѣшная комедія внимательнаго зрителя и на какіе она навела самого автора.

Изъ всѣхъ толковъ о литературныхъ недостаткахъ комедіи самое чувствительное было обвиненіе въ неправдоподобности сальности и плоскости. «Сюжетъ невѣроятный,—говорили цѣнители—все несообразности, ни завязки, ни дѣйствія, ни соображенія никакого. Отвратительная, грязная пьеса, ни одного лица истиннаго, все—карикатуры. Послѣдняя пустѣйшая комедійка Коцебу въ сравненіи съ нею Монбланъ передъ Пулковскою горою». Что оставалось отвѣчать на это? Гоголь и не отвѣчалъ серьезно, а только выставилъ на показъ всѣ такія сужденія во всей ихъ комической наготѣ. Они сердили его, но не оскорбляли. Иное дѣло, когда оцѣнка касалась нравственнаго смысла комедіи. «Комедія,—говорили цѣнители, есть низкій родъ творчества». Но авторъ рѣшился спросить ихъ, «развѣ комедія, какъ и трагедія не можетъ выразить высокой мысли? Развѣ всѣ до малѣйшей излучины души подлаго и безчестнаго человѣка не рисуютъ уже образъ честнаго человѣка? Развѣ все это накопленіе низостей, отступленіе отъ законовъ и справедливости не даетъ уже ясно знать, чего требуютъ отъ насъ законъ, долгъ и справедливость? Въ рукахъ искуснаго врача и холодная, и горячая вода лечитъ съ равнымъ успѣхомъ однѣ и тѣ же болѣзни: въ рукахъ таланта все можетъ служить орудіемъ къ прекрасному». «Побасенки! говорили цѣнители. Что такое литераторъ! пустѣйшій человѣкъ. Это всему свѣту извѣстно—ни на какое дѣло не годится» «Побасенки! отвѣчалъ имъ оскорбленный авторъ. Но міръ задремалъ бы безъ такихъ побасенокъ, обмелѣла бы жизнь, плѣснью и тиной покрылись бы души!» «У автора нѣтъ глубокихъ и сильныхъ движеній сердечныхъ, продолжали критики: кто безпрестанно и вѣчно смѣется, тотъ не можетъ имѣть слишкомъ высокихъ чувствъ: онъ не можетъ выронить сердечную слезу, любить кого-нибудь сильно, всей глубиной души!» Что могъ авторъ отвѣтить на этотъ упрекъ, брошенный ему такъ оскорбительно въ упоръ Онъ смиренно отвѣтилъ, что онъ—«глубоко-добрая душа», только деликатность не позволяла ему сказать ничего больше. Но цѣнители не остановились на этомъ заподозрѣваніи писателя во враждебныхъ чувствахъ къ ближнему. Они хотѣли набросить тѣнь и на его любовь къ родинѣ, и на его «благомысліе гражданина». Если вспомнить, какія тогда были времена и какъ крѣпки были въ Гоголѣ его вѣрноподданическія убѣжденія, то негодованіе Гоголя на такіе намеки не требуетъ поясненія. «Нѣтъ, это не осмѣяніе пороковъ, говорили нѣкоторые изъ зрителей, это отвратительная насмѣшка надъ Россіею — вотъ что̀. Это значитъ выставить въ дурномъ видѣ самое правительство, потому что выставлять дурныхъ чиновниковъ и злоупотребленія, которыя бываютъ въ разныхъ сословіяхъ, значитъ выставить самое правительство. Просто даже не слѣдуетъ дозволять такихъ представ-

ленiй... Для этого человѣка, подхватывали другiе, нѣтъ ничего священнаго; сегодня онъ скажетъ: такой-то совѣтникъ не хорошъ, а завтра скажетъ, что и Бога нѣтъ. Вѣдь тутъ всего только одинъ шагъ. Говорятъ: «бездѣлушка, пустяки, театральное представленiе». Нѣтъ, это не простыя бездѣлушки; на это обратить нужно строгое вниманiе. За этакiя вещи и въ Сибирь посылаютъ». «Да если бы я имѣлъ власть, грозился одинъ изъ зрителей—у меня бы авторъ не пикнулъ. Я бы его въ такое мѣсто засадилъ, что онъ бы и свѣта Божьяго не взвидѣлъ». Мы знаемъ, какъ Гоголь на такiя рѣчи (замѣтимъ, не вымышленныя) отвѣтилъ: онъ пропѣлъ цѣлое славословiе правительству. «Въ груди нашей,—говорилъ онъ разными словами на разные лады,—заключена какая-то тайная вѣра въ правительство. Дай Богъ, чтобы правительство всегда и вездѣ слышало призванiе свое—быть представителемъ Провидѣнiя на землѣ, и чтобы мы вѣровали въ него, какъ древнiе вѣровали въ рокъ, настигавшiй преступленiя...»

На каждое изъ обвиненiй, какъ видимъ, у нашего автора нашелся отвѣтъ. Но онъ подыскалъ его не сразу. Въ дни первой своей рѣшительной стычки съ публикой эти толки его оглушили, обидѣли и разсердили, и онъ не подумалъ о томъ, могутъ ли всѣ эти голоса, отъ какихъ бы влiятельныхъ лицъ или общественныхъ группъ они ни исходили, назваться голосомъ «народа». А этотъ народъ въ широкомъ, собирательномъ смыслѣ слова, подалъ свой голосъ за автора и переполнялъ театръ, когда игралась его комедiя. Толки и пересуды остались толками, и общественнымъ мнѣнiемъ не стали.

Дѣло «Ревизора» было выиграно и въ критикѣ. Гоголь не могъ пожаловаться на то, что она враждебно встрѣтила его комедiю. Конечно, ожидать справедливой оцѣнки отъ людей враждебнаго литературнаго лагеря было трудно, и Сенковскiй и Булгаринъ поспѣшили наговорить разныхъ колкостей: Булгаринъ назвалъ завязку комедiи пустѣйшей, дѣйствующихъ лицъ какими-то куклами, «у которыхъ авторъ отнялъ всѣ человѣческiя принадлежности, кромѣ дара слова, употребляемаго ими на пустомелье», а про все развитiе дѣйствiя комедiи сказалъ, что «оно происходитъ, ну, точь въ-точь на Сандвичевыхъ островахъ у капитана Кука». Булгаринъ, конечно, не признавалъ за «Ревизоромъ» права на названiе «комедiи», кричалъ, что настоящей комедiи нельзя основать на злоупотребленiяхъ административныхъ, утверждалъ, что въ Россiи нѣтъ такихъ нравовъ, что Гоголь почерпнулъ свои характеры не изъ русскаго быта, а изъ временъ предъпедорослевскихъ и изъ старыхъ комедiй. «Ревизоръ»—это презабавный фарсъ, рядъ смѣшныхъ каррикатуръ... говорилъ злобствующiй критикъ. У автора есть безспорный талантъ, но только онъ не дисциплинированъ. Гоголь не знаетъ сцены и долженъ изучать драматическое искусство; онъ преувеличиваетъ до невѣроятности смѣшное и порочное въ характерахъ, у него языкъ слишкомъ отзывается малороссiанизмомъ,

въ русскомъ просторѣчіи онъ слабъ... а главное въ пьесѣ масса цинизма и грязныхъ двусмысленностей. Вообще, городокъ автора «Ревизора» не русскій городокъ, а малороссійскій, купцы не русскіе люди, а просто жиды; женское кокетство также не русское, да и самъ городничій не могъ бы взять такую волю въ великороссійскомъ городкѣ, а потому незачѣмъ было и клеветать на Россію». «Ревизоръ»,—продолжалъ нашъ цѣнитель,—производитъ непріятное впечатлѣніе, не слышишь ни одного умнаго слова, не видишь ни одной благородной черты сердца человѣческаго. Еслибъ зло перемѣшано было съ добромъ, то послѣ справедливаго негодованія сердце зрителя могло бы, по крайней мѣрѣ, освѣжиться, а въ «Ревизорѣ» нѣтъ пищи ни уму, ни сердцу, нѣтъ ни мыслей, ни ощущеній. Авторъ сдѣлалъ чучелу изъ взяточника и колотитъ его дубиной. Прочія лица кривляются, а мы хохочемъ, потому что въ самомъ дѣлѣ смѣшно, хоть и уродливо» *).

Почти то же самое, что писалъ Булгаринъ, повторилъ и Сенковскій въ своемъ журналѣ «Библіотека для чтенія». И онъ призналъ «Ревизора» забавнымъ и грязнымъ, и языкъ его противнымъ чистому вкусу и формамъ хорошаго общества. Комедія Гоголя въ его глазахъ была также непристойнымъ фарсомъ, хотя Сенковскій и признавалъ, что въ ней есть превосходныя сцены. Но въ «Ревизорѣ», говорилъ онъ, нѣтъ никакой идеи, нѣтъ нравовъ общества. Это простой анекдотъ, старый, всѣмъ извѣстный, тысячу разъ напечатанный. Въ анекдотѣ не можетъ быть и характеровъ, и всѣ дѣйствующія лица комедіи—плуты и дураки, такъ какъ анекдотъ выдуманъ только на плутовъ и дураковъ и для честныхъ людей въ немъ даже нѣтъ мѣста; нѣтъ въ комедіи и никакой картины русскаго общества. Административныя злоупотребленія въ мѣстахъ отдаленныхъ и мало посѣщаемыхъ существуютъ въ цѣломъ мірѣ и нѣтъ никакой достаточной причины приписывать ихъ одной Россіи; изъ злоупотребленій никакъ нельзя писать комедій, потому что это не нравы народа, не характеристика общества, но преступленія нѣсколькихъ лицъ и они должны возбуждать не смѣхъ, а скорѣе негодованіе честныхъ гражданъ... Наконецъ, критикъ былъ недоволенъ и самимъ ходомъ дѣйствія и давалъ Гоголю совѣтъ оживить этотъ пошлый анекдотъ какой-нибудь любовной интригой Хлестакова **)...

Отъ всѣхъ подобныхъ замѣчаній нужно было, конечно, только отмахнуться, но Гоголь, кажется, принялъ ихъ къ сердцу, такъ какъ подробно отвѣчалъ на нихъ въ своемъ «Театральномъ разъѣздѣ». Уязвимость ли авторскаго самолюбія вообще или просто нервное состояніе заставило нашего автора такъ серьезно взглянуть на эту завѣдомо пристрастную болтовню, но только она ему испортила много крови и онъ преувеличилъ ея значеніе. На мнѣніе публики эта болтовня едва ли

---

*) «Сѣверная Пчела», 1836, №№ 97 и 98.

**) «Библіотека для Чтенія», 1836, т. XVI, отдѣлъ V, 1—44.

могла имѣть вліяніе, потому что публика, несмотря на нихъ, восторженно апплодировала, а въ журналистикѣ обѣ статьи, и Булгарина, и Сенковскаго, не только не нашли отзвука, но встрѣтили отпоръ очень дружный. Первый возвысилъ свой голосъ Андросовъ, редакторъ «Московскаго Наблюдателя» и принялъ «Ревизора» подъ свою защиту. Онъ призналъ его настоящей комедіей, ничего общаго съ фарсомъ не имѣющей, призналъ въ ней и идею, и согласіе съ правдой, назвалъ ее отрывкомъ изъ нашей жизни и не соглашался съ тѣмъ, чтобы ея тема была избита *).

Вскорѣ затѣмъ появилась въ «Современникѣ» и извѣстная статья кн. Вяземскаго.

Она **) возникла по всѣмъ вѣроятіямъ изъ бесѣдъ критика съ самимъ авторомъ, на что указываютъ ея совпаденія съ мыслями, высказанными Гоголемъ въ его «Предувѣдомленіи», въ его «Отрывкѣ изъ письма» и въ «Театральномъ разъѣздѣ». Статья Вяземскаго—самое умное, что было сказано тогда о «Ревизорѣ». Комедія оцѣнена со всѣхъ сторонъ: она признана самымъ выдающимся литературнымъ явленіемъ послѣднихъ лѣтъ, поставлена рядомъ съ «Недорослемъ» и комедіей Грибоѣдова. Критикъ отмѣчаетъ, что она имѣла полный успѣхъ на сценѣ и нашла отголосокъ въ повсемѣстныхъ разговорахъ. Онъ разбираетъ затѣмъ ея литературное нравственное и общественное значеніе. Какъ литературное явленіе, она настоящая комедія, а не фарсъ, хотя въ ней есть «карикатурная природа», потому что въ самой природѣ не все изящно. Гоголь—нашъ Теньеръ, котораго нельзя мѣрить классическимъ аршиномъ. Для художника нѣтъ въ природѣ низкаго, а есть только истинное. Въ «Ревизорѣ» нѣтъ никакихъ натяжекъ, все натурально. То, что разсказалъ авторъ могло и должно было случиться при условіяхъ имъ указанныхъ: Гоголь—художникъ - реалистъ и въ созданіи типовъ, и въ компоновкѣ положеній и въ языкѣ, противъ котораго кричатъ, что онъ грязенъ и неопрятенъ. Защищаетъ Вяземскій комедію Гоголя и отъ всевозможныхъ нападокъ со стороны людей нравственныхъ, которые были недовольны тѣмъ, что имъ со сцены не было прочитано никакого добродѣтельнаго нравоученія. «Литература не для малолѣтнихъ,—остроумно говорилъ критикъ,—и авторъ былъ правъ, что нарисовалъ лица въ томъ видѣ, съ тѣми оттѣнками свѣта и безобразіями, какими они представлялись его взору. Пусть безнравственны лица—нравственно само впечатлѣніе, произведенное комедіей и въ этомъ и ея общественный смыслъ. Но надо быть справедливымъ и не преувеличивать самой безнравственности героевъ комедіи. Зачѣмъ клепать на нихъ; они болѣе смѣшны, нежели гнусны: въ нихъ болѣе невѣжества, необразованности, нежели порочности. Басня «Ре-

*) «Московскій Наблюдатель», 1836, ч. VII.

**) «Полное собраніе сочиненій П. А. Вяземскаго», II, 257—275.

визора» не утверждена на какомъ-нибудь отвратительномъ и преступномъ дѣйствіи: тутъ нѣтъ утѣсненія невинности въ пользу сильнаго порока, нѣтъ продажи правосудія, какъ, напр., въ комедіи Капниста «Ябеда»... Говорятъ, кончаетъ критикъ свою рецензію, что въ комедіи Гоголя не видно ни одного умнаго человѣка; неправда: уменъ авторъ. Говорятъ, что въ комедіи Гоголя не видно ни одного честнаго и благомыслящаго лица; неправда: честное и благомыслящее лицо есть правительство, которое силою закона поражая злоупотребленія, позволяетъ и таланту исправлять ихъ оружіемъ насмѣшки». Критикъ и авторъ, какъ видимъ, совпадали во многихъ существенныхъ взглядахъ и на «Ревизора» въ частности, и вообще на художественную, нравственную и общественную роль комедіи въ жизни.

Съ такимъ же сочувствіемъ къ автору и вѣрнымъ пониманіемъ дѣла отнесся къ «Ревизору» и критикъ «Литературныхъ Прибавленій къ «Русскому Инвалиду». И онъ поставилъ Гоголя наряду съ Фонъ-Визинымъ и Грибоѣдовымъ, упомянувъ при этомъ и о Державинѣ, какъ о творцѣ «лирической сатиры». Критикъ цѣнилъ комедію за ея веселость, за то, что она исцѣлитъ многія печали и разгонитъ многія хандры. Онъ цѣнилъ ее также за ея согласіе съ правдой жизни: нѣкоторые степняки-помѣщики, говорилъ онъ, утверждали, что все это въ ихъ губерніи случилось, и даже называли тѣ оригиналы, съ которыхъ эти портреты списаны. Критику непонятенъ одинъ только Хлестаковъ: Гоголь, говоритъ онъ, безподобно рисуетъ сцены уѣздныя, людей средняго и низшаго быта, но едва поднимается въ слои высшаго общества, какъ мы отъ души желаемъ, «чтобы онъ опять спустился въ прежнюю свою сферу». Укоряя автора за нѣкоторыя мѣста, при которыхъ краснѣетъ стыдливость, рацензентъ все-таки признаетъ главное достоинство Гоголя въ томъ, что онъ больше «натурщикъ», нежели выдумщикъ *).

Удивительно вѣрный и тонкій разборъ «Ревизора» далъ и журналъ Надеждина «Молва». Анонимный рецензентъ, который присутствовалъ на первомъ представленіи «Ревизора» и о которомъ уже мы говорили, обнаружилъ большой критическій тактъ въ своей оцѣнкѣ и какъ бы предугадалъ то, что самъ авторъ имѣлъ сказать о своей комедіи. «Оригинальный взглядъ Гоголя на вещи,—писалъ рецензентъ,—его умѣнье схватывать черты характеровъ, налагать на нихъ черты типизма, его настоящій гуморъ—все это даетъ намъ право надѣяться, что театръ нашъ скоро воскреснетъ, скажемъ больше, что мы скоро будемъ имѣть нашъ національный театръ, который будетъ насъ угощать не насильственными кривляньями на чужой манеръ, не заемнымъ остроуміемъ, не уродливыми передѣлками, а художественнымъ пред-

---

*) *П. Серебреный.* «Ревизоръ», сочиненіе Н. В. Гоголя». «Литературныя Прибавленія къ «Русскому Инвалиду», 1836, № 59—60.

ставленіемъ нашей общественной жизни, что мы будемъ хлопать не восковымъ фигурамъ съ размалеванными лицами, а живымъ созданіямъ съ лицами оригинальными, которыхъ увидѣвъ разъ, никогда нельзя забыть... Полученные въ Москвѣ экземпляры «Ревизора» перечитаны, зачитаны, выучены, превратились въ пословицы и пошли гулять по людямъ, обернулись эпиграммами и начали клеймить тѣхъ, къ кому придутся... Кто вдвинулъ это созданіе въ жизнь дѣйствительную? Кто такъ сроднилъ его съ нами? Это сдѣлали два великіе, два первые дѣятеля — талантъ автора и современность произведенія. То и другое дали ему успѣхъ блистательный, и ошибаются тѣ, которые думаютъ, что эта комедія смѣшна, и только. Да, она смѣшна, такъ сказать, снаружи; но внутри это—горе-гореваньицо, лыкомъ подпоясано, мочалами изпутано» *).

Прошло нѣсколько лѣтъ, «Ревизоръ» игрался часто и никто изъ видѣвшихъ его не поднялся до такой высоты его пониманія, какъ этотъ анонимный критикъ. Только въ 1840 году заговорилъ о «Ревизорѣ» Бѣлинскій и вопросъ о художественной стоимости комедіи получилъ окончательное рѣшеніе.

Отзывъ Бѣлинскаго **) былъ восторженно-хвалебный. Онъ касался, однако, преимущественно художественной стороны пьесы и техники ея выполненія. «Комедія, — какъ говорилъ Бѣлинскій,—должна представлять собой особый, замкнутый въ самомъ себѣ міръ, т.-е. должна имѣть единство дѣйствія, выходящее не изъ внѣшней формы, но изъ идеи, лежащей въ ея основаніи. Высоко художественное произведеніе Гоголя подтверждаетъ эту истину. Въ «Ревизорѣ» нѣтъ сценъ лучшихъ, потому что нѣтъ худшихъ, но всѣ превосходны. Какъ необходимыя части, художественно образующія собою единое цѣлое, округленное внутреннимъ содержаніемъ, а не внѣшнею формою, и потому представляющее собою особый и замкнутый въ самомъ себѣ міръ... Все въ этой комедіи продиктовано разумной необходимостью, какъ въ истинно-художественной комедіи, которая есть выраженіе случайностей—въ ней все выходитъ изъ идеи случайностей и призраковъ и только чрезъ это получаетъ свою необходимость...» Слова Бѣлинскаго едва ли были понятны тѣмъ, кто не былъ знакомъ съ терминами нѣмецкой эстетики, но общій ихъ смыслъ былъ ясенъ: Бѣлинскій признавалъ «Ревизора» за единственную русскую комедію, которая вполнѣ удовлетворяла требованіямъ художественности. Гоголь долженъ былъ быть доволенъ этимъ разборомъ и могъ покоситься лишь на тѣ строки, въ которыхъ критикъ ставилъ его выше Мольера — «для котораго поэзія никогда

*) «Молва», 1836, т. XI. Статья эта «открыта» *П. С. Тихонравовымъ* и подробно изложена въ его статьѣ «Первое представленіе «Ревизора» на московской сценѣ». «Сочиненія», III, 1. 560—586.

**) Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1840 г., въ статьѣ «Горе отъ ума», комедія Грибоѣдова.

не была сама себѣ цѣль, но средство исправлять общество осмѣяніемъ пороковъ». Эти слова едва ли могли понравиться автору, потому что въ нихъ обнаружилось невниманіе къ нравственному смыслу комедіи, который Гоголь ставилъ такъ высоко.

Изъ этого краткаго обзора литературныхъ мнѣній, высказанныхъ по поводу «Ревизора», видно, что разочарованіе автора въ его публикѣ было преждевременно. Если нашлись журналисты, мнѣніе которыхъ зависѣло отъ личныхъ счетовъ и которые, поэтому, сказали все дурное и несправедливое, что могли сказать; если нашлись мелкіе рецензенты, которые долгое время не могли возвыситься до пониманія «Ревизора», то самые серьезные журналы отдали комедіи Гоголя все должное. Жаль, что Гоголь поспѣшилъ отъѣздомъ за границу и не успѣлъ перелистать всѣ эти серьезные журналы (онъ не успѣлъ прочитать ни рецензіи «Молвы», ни статьи «Московскаго Наблюдателя»)—онъ, можетъ быть, простился бы съ родиной безъ того горькаго чувства, съ которымъ покидалъ ее.

Самолюбивый авторъ и нервный человѣкъ, безспорно обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, онъ сталъ помышлять о бѣгствѣ послѣ перваго же представленія «Ревизора». Желаніе посѣтить чужіе края, на которые онъ мелькомъ взглянулъ послѣ сожженія «Ганца Кюхельгартена», было у него и раньше, но нервное настроеніе, въ какое онъ впалъ весною 1836 года, заставило его торопиться отъѣздомъ. Въ началѣ іюля онъ сѣлъ на пароходъ и уѣхалъ.

«Прощай!—писалъ онъ своему другу Погодину. Ѣду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія, и возвращусь къ тебѣ, вѣрно, освѣженный и обновленный».

Петербургскій періодъ жизни Гоголя закончился и начались для него долгіе годы скитальчества.

Одержана была блистательная литературная побѣда... Творчество автора, доселѣ колебавшееся между противорѣчивыми направленіями, не установившееся во вкусахъ и пріемахъ, повернуло опредѣленно на дорогу, которая должна была возвести его на ту высоту художественнаго созерцанія, на которой жизнь сливается съ вымысломъ. Послѣ долгой борьбы съ сентиментальнымъ темпераментомъ и романтическимъ міросозерцаніемъ врожденный талантъ бытописателя и реалиста достигалъ, наконецъ, своего полнаго цвѣтенія. Всякая идеализація, все индивидуально - романтическое, что было въ характерѣ поэта, временно отступало въ тѣнь передъ его способностью объективно и художественно воспроизводить то, что для него — субъективнаго до нельзя человѣка — было «не имъ», лежало внѣ его. Результатомъ этихъ тайныхъ душевныхъ бореній было созданіе первой художественной русской комедіи. По художественности выполненія она не имѣла себѣ равной въ прошломъ и въ настоящемъ, но она не вы-

ражала всей силы сатирической мысли художника; она была комедіей обыденныхъ нравовъ.

Но тѣмъ не менѣе ея общественный смыслъ былъ очень значителенъ для своего молчаливаго и пугливаго времени. Сравнительно съ сатирой старой она была скромна, никакого политическаго намека, даже рѣзкаго общественнаго обличенія она въ себѣ не заключала, но своей правдивостью она приводила зрителя всетаки къ сознанію переживаемаго имъ момента историческаго и общественнаго, и наталкивала его на выводы, о которыхъ сама безхитростно умалчивала.

Какъ все талантливое и правдивое, она раздразнила многихъ, и много горькихъ минутъ пришлось пережить автору, сознавшему, наконецъ свою силу. Не слѣдуетъ только преувеличивать этихъ огорченій.

XIV.

Гоголь за границей (1836—1842).—Повышеніе въ немъ чувства красоты; увлеченіе Италіей и Римомъ.—Гоголь и католицизмъ.—Повышеніе религіозности и самомнѣнія; ближайшіе ихъ источники: подъемъ вдохновенія и болѣзнь.—Смерть Пушкина. — Исторія болѣзни Гоголя и его выздоровленіе. — Талантъ бытописателя и усиленіе враждебныхъ ему мыслей и настроеній; послѣдняя побѣда таланта.

Гоголь собрался въ путь и покинулъ родину очень поспѣшно, и, кажется, безъ мысли о долгой разлукѣ; но уже на первой станціи рѣшилъ, что скоро не вернется. «Нынѣшнее мое удаленіе изъ отечества, писалъ онъ Жуковскому изъ Гамбурга, послано свыше, тѣмъ же великимъ Провидѣніемъ, ниспославшимъ все на воспитаніе мое. Это великій переломъ, великая эпоха новой жизни... ни за что на свѣтѣ не возвращусь скоро» *). Гоголь какъ будто угадывалъ, что заграницей въ жизни его произойдетъ нѣчто знаменательное.

Онъ покидалъ Россію раздраженный на своихъ соотечественниковъ. Онъ говорилъ, что ѣдетъ размыкать тоску, которую они ему ежедневно наносятъ, что ему опротивѣла та изрядная коллекція гадкихъ рожъ, смотрѣть на которую онъ обязанъ. На основаніи нѣкоторыхъ такихъ рѣзкихъ выходокъ Гоголя, можно—если придетъ охота—сказать много краснорѣчивыхъ и патетичныхъ словъ о разсерженномъ гонимомъ пророкѣ, который бѣжалъ отъ своихъ на чужбину и тамъ скорбѣлъ объ отчизнѣ; но такое краснорѣчіе будетъ, вѣроятно, потрачено даромъ. Что Гоголь былъ раздраженъ, что онъ иногда кипѣлъ негодованіемъ противъ «свѣтскаго аристократства» и иной «черни», и въ дурную минуту говорилъ, что въ Россіи однѣ только свиньи живущи, что наконецъ онъ часто говорилъ о томъ, какъ онъ непонятъ и огорченъ — все это правда. Гоголю минутами казалось, что соотечественники его выгнали изъ Россіи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ воспользовался первымъ болѣе или менѣе законнымъ предлогомъ, чтобы

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 384—5.

уѣхать, куда его давно тянуло, и какъ поэта, и какъ историка, и какъ южанина, и притомъ еще больного. Во всякомъ случаѣ, Гоголь покидалъ Россію совсѣмъ не въ подавленномъ настроеніи, и пріемъ, оказанный «Ревизору», если и разсердилъ его, то на срокъ очень короткій. Желаніе идти въ томъ направленіи, въ какомъ онъ шелъ, говорить рѣшительно и смѣло съ толпой, столь повидимому его обидѣвшей, у него не только не пропало, но, наоборотъ, возросло. «Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ;—писалъ разсерженный поэтъ своему другу Погодину черезъ мѣсяцъ послѣ представленія «Ревизора». Но Богъ съ ними (т.-е. съ людьми, которые кричали противъ «Ревизора»). Я не оттого ѣду за границу, чтобъ не умѣлъ перенести этихъ неудовольствій. Мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьѣ, разсѣяться, развлечься и потомъ, избравъ нѣсколько постояннѣе пребываніе, обдумать хорошенько труды будущіе. Пора уже мнѣ творить съ большимъ размышленіемъ» *).

«Если разсмотрѣть строго и справедливо—что такое все написанное мною до сихъ поръ?—говорилъ онъ Жуковскому, только что переѣхавъ русскую границу.—Мнѣ кажется, какъ будто я разворачиваю давнюю тетрадь ученика, въ которой на одной страницѣ видно нерадѣніе и лѣнь, на другой нетерпѣніе и поспѣшность, робкая, дрожащая, рука начинающаго и смѣлая замашка шалуна, вмѣсто буквъ, выводящая крючки, за которую бьютъ по рукамъ. Изрѣдка, можетъ быть, выберется страница, за которую похвалитъ развѣ только учитель, провидящій въ нихъ зародышъ будущаго. Пора, пора, наконецъ, заняться дѣломъ. О! какой непостижимо-изумительный смыслъ имѣли всѣ случаи и обстоятельства моей жизни!» **).

Такъ не станетъ писать человѣкъ, который бѣжитъ изъ отечеств негодуя на не признавшихъ его соотечественниковъ, и Гоголь скоро простилъ имъ обиду и недовольство съ нихъ перенесъ на себя. Продолжая издѣваться и острить надъ нѣкоторыми вожаками того общественнаго мнѣнія, которое было къ нему такъ несправедливо, которое умышленно или неумышленно криво истолковало его намѣренія, нашъ старикъ позволялъ себѣ иной разъ сказать жесткое слово о Россіи, но все время думалъ о ней, собиралъ о ней самыя тщательныя свѣдѣнія, трудился ради нея и очень скоро сталъ ей говорить то же самое, что говорилъ раньше и за что былъ такъ огульно обруганъ.

Любовь къ отчизнѣ возрастала въ немъ заграницей и дальность разстоянія и длительность времени на нее не имѣли вліянія. Наоборотъ, онъ издали сталъ любить родину больше. Для его романтическаго сердца ея общія очертанія были милѣе ея деталей, которыя

*) «Письма Н. В. Гоголя» I, 370—371.

**) «Письма Н. В. Гоголя» I, 384.

онъ, однако, вырисовывалъ съ такой неподражаемой правдой, какъ разъ въ эти годы своей заграничной жизни. Но странно, любя родину въ мечтахъ, онъ тяготился встрѣчей съ нею. Когда послѣ трехлѣтняго пребыванія въ чужихъ краяхъ, онъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ провести конецъ 1839 года и начало 1840 г. въ Москвѣ и Петербургѣ, онъ ѣхалъ домой съ большой неохотой, ему было грустно и онъ чувствовалъ себя въ Россіи не на мѣстѣ; свое состояніе онъ называлъ «ужасно безчувственнымъ и окаменѣвшимъ», «бѣдная душа его не находила себѣ на родинѣ пріюта», онъ друзей просилъ «выгнать его изъ Россіи» и, дѣйствительно, не досидѣвъ и года, онъ ее снова покинулъ *). Положимъ, онъ былъ въ эту осень и зиму 1839—1840 года боленъ и разстроенъ разными семейными непріятностями, преимущественно финансовыми, но едва ли его нытье можетъ быть объяснено только этими причинами. Въ Москвѣ и въ Петербургѣ въ 1839—1840 гг. онъ былъ окруженъ людьми ему близкими, у него завязались новыя сердечныя связи съ членами аксаковскаго кружка, ни съ какими непріятностями литературнаго свойства ему считаться не приходилось,— и все-таки онъ скучалъ и томился и не могъ работать. А между тѣмъ, за границей онъ всегда чувствовалъ большой подъемъ творческой силы, что̀ подтверждается и количествомъ, и качествомъ начатыхъ, передѣланныхъ и законченныхъ имъ произведеній. Суета заграничной жизни, встрѣчи и проводы знакомыхъ, новыя отношенія, быстрая смѣна впечатлѣній не мѣшали его работѣ. Даже дорога, и та дѣйствовала благотворно на его бодрость физическую и духовную. Дорога—какъ онъ признавался, была ему необходима и приносила большую пользу его бренному организму; она была его единственнымъ лекарствомъ; онъ шутилъ и говорилъ, что съ радостью сдѣлался бы фельдъегеремъ, курьеромъ, чтобы какъ можно дальше скакать, хоть на русскихъ перекладныхъ, въ Камчатку **).

Вообще въ эти шесть лѣтъ заграничной жизни много непонятнаго и страннаго подмѣчаемъ мы во внѣшнемъ образѣ жизни и въ настроеніяхъ и мысляхъ нашего писателя.

Коренной русскій человѣкъ, мало подготовленный къ тому, чтобы разобраться въ новыхъ впечатлѣніяхъ, онъ какъ-то внѣшнимъ образомъ сживается съ чужой обстановкой, отъ которой ему тяжело однако оторваться и которую онъ страстно любитъ, несмотря на то, что въ общемъ теченіи окружающей его новой жизни онъ не участвуетъ; но одновременно съ этой любовью къ новой обстановкѣ онъ сохраняетъ, однако, всѣ свои прежнія духовныя симпатіи къ родинѣ, все больше и больше любитъ Русь и не теряетъ зоркости взгляда даже на мелочи этой родной, теперь далекой отъ него жизни.

---

*) «Письма Н. В Гоголя», I, 625, 627; II, 11, 20, 27, 32, 37.

**) «Письма Н. В. Гоголя», I, 516; II, 82.

Романтикъ, съ сильнымъ тяготѣніемъ къ религіозности, большой эстетикъ и любитель старины, онъ живетъ среди природы и людей, съ рожденія воспитанныхъ въ этихъ романтическихъ чувствахъ, среди обстановки наиболѣе благопріятной для ихъ развитія—и онъ всетаки остается въ творчествѣ своемъ самымъ послѣдовательнымъ реалистомъ, теряетъ, какъ писатель, всякій вкусъ къ романтическому въ искусствѣ и подъ итальянскимъ небомъ въ мечтахъ объѣзжаетъ съ Чичиковымъ самые прозаическіе уголки Россіи по самой прозаической надобности.

Гоголь за границей, въ періодъ 1836—1842 г.—большая загадка которую, вѣроятно, не разъяснятъ никакіе біографическіе матеріалы и даже личныя признанія поэта. Въ этой сложной душѣ, полной противорѣчій, совершалось за этотъ періодъ времени то таинственное бореніе, которое художника въ концѣ концовъ обратило въ моралиста и богослова, и въ юмористѣ-бытописателѣ заставило вновь проснуться съ подновленной силой старое романтическое міросозерцаніе. Это было бореніе сначала очень радостное, полное вдохновеннаго восторга, а въ концѣ совсѣмъ болѣзненное, истомившее художника и физически, и нравственно.

Какъ свершалось это одновременное развитіе художника-наблюдателя и того же художника, который изъ наблюдателя становился моралистомъ и затѣмъ богословомъ — это едва ли кто разскажетъ, но для поясненія этой перемѣны нужно все-таки указать на нѣкоторыя настроенія и чувства, подъ власть которыхъ Гоголь подпалъ въ это время, частью въ виду условій новой обстановки, частью въ силу неожиданностей или случайностей.

Эти настроенія и чувства не были чѣмъ-нибудь новымъ для Гоголя, они отъ рожденія были присущи ему и уже въ первыхъ его трудахъ, когда онъ былъ сентименталистъ и романтикъ по преимуществу, они прорывались наружу. Это были—развитое чувство красоты, чувство благоговѣнія передъ геніемъ, и религіозность, прикрашенная самомнѣніемъ. Заграницей эти склонности очень усилились и уже начали угрожать способности художника смотрѣть на жизнь непринужденнымъ и непредвзятымъ взглядомъ т.-е. той способности, которая именно въ это время достигла полнаго своего разцвѣта.

Чувство красоты, всегда въ Гоголѣ очень чуткое, развиваясь стало постепенно отдалять его отъ дѣйствительности. Интересы современные, общественные и политическіе, къ которымъ у нашего писателя никогда большого пристрастія не было, не только не оживились въ новыхъ условіяхъ, но, кажется, совсѣмъ заглохли. Странствуя по Германіи, Австріи и Франціи, нашъ путешественникъ, какъ видно изъ его писемъ, и не думалъ присматриваться къ тому, что вокругъ него творилось. Вся сложная соціальная и политическая жизнь Европы тридцатыхъ годовъ прошла мимо него. Нельзя, конечно, отъ Гоголя требовать, чтобы онъ сразу обнаружилъ пониманіе того, что ему до тѣхъ поръ было чуждо, но любопытно, что онъ не проявилъ даже и слабаго интереса къ этимъ сторонамъ европейской

жизни. Онъ искалъ за границей, кромѣ облегченія своихъ физическихъ недуговъ, исключительно впечатлѣній и ощущеній эстетическихъ. Вотъ почему онъ такъ любилъ Италію и преимущественно Римъ, въ которомъ за эти шесть лѣтъ побывалъ четыре раза и жилъ подолгу (6 мѣсяцевъ въ 1837 г., 10 мѣсяцевъ въ 1832 г., 6 мѣсяцевъ въ 1839 г., 4 мѣсяца въ 1840 г. и 8 мѣсяцевъ въ 1841 г.). Къ другимъ странамъ онъ относился хладнокровно, а иногда очень несправедливо. Швейцарія поразила его на первыхъ порахъ картинами своей природы, но они ему скоро надоѣли, и онъ затосковалъ о русскомъ сѣренькомъ небѣ; масса городовъ промелькнула мимо него, и онъ не зналъ, что́ сказать о нихъ; повидалъ онъ всевозможныя историческія достопримѣчательности въ разныхъ городахъ, но, кромѣ готическихъ соборовъ, которые онъ такъ любилъ еще на картинкахъ, ничто не вызвало въ немъ настоящаго неподдѣльнаго восторга. Письма Гоголя, писанныя не изъ Италіи, очень безцвѣтны и холодны. Парижъ оказался «не такъ дуренъ, какъ Гоголь его себѣ воображалъ, и понравился тѣмъ, что въ немъ много мѣстъ для гулянья»; спустя нѣкоторое время нашъ авторъ добавилъ, что на него произвели большое впечатлѣніе парижскіе рестораны и бульвары. Вся поэзія парижской жизни отъ его нелюбопытнаго взора ускользнула, какъ ускользнула и красота нѣмецкихъ городковъ, которую нѣкогда онъ воспѣвалъ въ своемъ «Ганцѣ Кюхельгартенѣ». «Я сомнѣваюсь,—писалъ онъ въ 1838 году,—та ли теперь эта Германія, какою ее мы представляемъ себѣ. Не кажется ли она намъ такою только въ сказкахъ Гофмана? Я, по крайней мѣрѣ, въ ней ничего не видѣлъ, кромѣ скучныхъ табльдотовъ, вѣчныхъ на одно и то же лицо состряпанныхъ кёльнеровъ и безконечныхъ толковъ о томъ, изъ какихъ блюдъ былъ обѣдъ; и та мысль, которую я носилъ въ умѣ объ этой чудной и фантастической Германіи, исчезла, когда я увидѣлъ Германію въ самомъ дѣлѣ, такъ, какъ исчезаетъ прелестный голубой колоритъ дали, когда мы приближаемся къ ней близко» *). «Эта гадкая, запачканная и закопченная табачищемъ Германія, которая есть не что другое, какъ самая неблаговонная отрыжка мерзѣйшаго пива», говорилъ въ сердцахъ нашъ писатель при иномъ случаѣ **). Слова болѣе чѣмъ странныя въ устахъ историка, да и эстетика также. Если ихъ можно простить Гоголю, то только потому, что онъ былъ влюбленъ, влюбленъ страстно въ Италію и, какъ влюбленный, былъ несправедливъ ко всѣмъ соперницамъ своей возлюбленной.

Страсть къ Италіи была въ немъ страстью и южанина, и эстетика, и романтика, и любилъ онъ въ этой Италіи не только ее самое, но и свою мечту, какъ любятъ всѣ истинно влюбленные. «Кто былъ въ Италіи, тотъ скажи «прощай» другимъ землямъ,—исповѣдывался онъ;

---

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 542—3.
**) «Письма Н. В. Гоголя», I, 607—8.

кто былъ на небѣ, тотъ не захочетъ на землю... Европа въ сравненіи съ Италіей все равно, что день пасмурный въ сравненіи съ днемъ солнечнымъ». «Душенька моя! моя красавица Италія,—восклицалъ онъ при второмъ свиданіи послѣ первой разлуки (1837 г.),—никто въ мірѣ ее не отниметъ у меня! Я родился здѣсь... Россія, Петербургъ, снѣга, подлецы, департаментъ, каѳедра, театръ—все это мнѣ снилось... О если бы вы взглянули только на это ослѣпляющее небо, все тонущее въ сіяніи! Все прекрасно подъ этимъ небомъ; что ни развалина, то и картина; на человѣкѣ какой-то сверкающій колоритъ; строеніе, дерево, дѣло природы, дѣло искусства—все, кажется, дышетъ и говоритъ подъ этимъ небомъ... Вѣкъ художника, кажется, оканчивается, когда онъ оставляетъ Италію и, дохнувъ тлетворнымъ дыханіемъ сѣвера, онъ, какъ цвѣтокъ юга, никнетъ головою...» *) и на разные лады повторялъ Гоголь эти возгласы, и все ему казалось, что они безсильны выразить всю полноту его очарованія.

Всего больше такихъ любовныхъ словъ пришлось на долю Рима. «Въ Римъ влюбляешься очень медленно,—признавался его поклонникъ,—понемногу, и ужъ на всю жизнь». «Нѣтъ лучшей участи, какъ умереть въ Римѣ,—писалъ онъ,—цѣлой верстой человѣкъ здѣсь ближе къ Божеству. Князь Вяземскій очень справедливо сравниваетъ Римъ съ большимъ прекраснымъ романомъ или эпопеею, въ которой на каждомъ шагу встрѣчаются новыя и новыя, вѣчно неожиданныя красы. Передъ Римомъ всѣ другіе города кажутся блестящими драмами, которыхъ дѣйствіе совершается шумно и быстро въ глазахъ зрителя; душа восхищена вдругъ, но не приведена въ такое спокойствіе, въ такое продолжительное наслажденіе, какъ при чтеніи этой эпопеи. Я читаю ее, читаю... и до сихъ поръ не могу добраться до конца. Чтеніе мое безконечно». «О Римъ! Римъ! Чья рука вырветъ меня отсюда?» При второмъ свиданіи послѣ краткой разлуки (1838) Римъ показался Гоголю еще лучше прежняго. Ему почудилось, что онъ увидѣлъ свою родину, въ которой нѣсколько лѣтъ не бывалъ, но въ которой жили его мысли; но нѣтъ, не свою родину, а родину души своей увидалъ онъ, гдѣ душа его жила еще прежде, чѣмъ онъ родился на свѣтъ. Здѣсь только тревоги не властны и не касаются души, признавался онъ; что было бы со мною въ другомъ мѣстѣ!.. Кромѣ Рима, нѣтъ Рима на свѣтѣ, хотѣлъ было сказать—счастья и радости, да Римъ больше, чѣмъ счастье и радость». «Если бы мнѣ предлагали милліоны, и эти милліоны помножили еще на милліоны, и потомъ удесятерили эти милліоны, я бы не взялъ ихъ, еслибъ это было съ условіемъ оставить Римъ, хотя на полгода»,—думалъ Гоголь, когда скучный и разсерженный ѣхалъ въ 1839 году, въ Россію, и въ Москвѣ онъ нылъ по этому Риму, нылъ жалобно: «О если бы вы знали, какъ наполняются тамъ неизмѣримыя

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 451, 459, 461, 609.

пространства пустоты въ нашей жизни! Какъ близко тамъ къ небу! Боже, Боже, Боже! О, мой Римъ! Прекрасный мой, чудесный Римъ! Несчастливъ тотъ, кто два мѣсяца разстался съ тобой и счастливъ тотъ, для котораго эти два мѣсяца прошли, и онъ на возвратномъ пути къ тебѣ!» «Поглядите на меня въ Римѣ, и вы много во мнѣ поймете того, чему, можетъ быть, многіе дали названіе безсмысленной странности»*). И это вѣрно. Много страннаго творилось съ нашимъ писателемъ въ Римѣ.

Ясно только одно: Италія и Римъ необычайно сильно подѣйствовали на его эстетическое чувство и безличная красота природы и красота старины мало-по-малу разобщали его съ той дѣйствительностью, которую онъ вокругъ себя видѣлъ. Изъ наблюдателя онъ превращался въ созерцателя, и природа и искусство стали его интересовать больше, чѣмъ люди въ ихъ повседневной жизни. Въ римскихъ письмахъ онъ не скрывалъ своего упоенія искусствомъ и небомъ Италіи и не хотѣлъ замѣчать ничего другого. Римъ былъ для него музеемъ, по которому онъ прогуливался, и въ римскомъ народѣ, характеръ котораго онъ изучалъ довольно внимательно, его прельщало именно эстетическое чувство, «невольное чувство понимать то, что понимается только пылкою природою, на которую холодный, разсчетливый, меркантильный европейскій умъ не набросилъ своей узды». Даже историческое прошлое Рима привлекало его меньше, чѣмъ археологическая красота вѣчнаго города въ настоящемъ. «Если бы мнѣ предложили,—говорилъ онъ, — что̀ бы я предпочелъ? видѣть передъ собой древній Римъ въ грозномъ и блестящемъ величіи или Римъ нынѣшній, въ его теперешнихъ развалинахъ, я бы предпочелъ Римъ нынѣшній. Нѣтъ, онъ никогда не былъ такъ прекрасенъ!»

Увлеченіе нашего романтика этой безсмертной красотой небесъ и человѣческаго вдохновенія—вполнѣ понятно; понятно также, что оно въ концѣ концовъ не могло не повліять на направленіе его творчества. Сидѣть подъ сѣнью лазурнаго неба, миртовъ и кипарисовъ, видѣть передъ собой все лучшее, что создано чувствомъ красоты въ человѣкѣ и въ то же время копаться въ душѣ всякихъ Чичиковыхъ, Ноздревыхъ и Собакевичей было на долгій срокъ невозможно. Художникъ могъ захотѣть освѣтить лучомъ красоты ту сѣрую жизнь, надъ воплощеніемъ которой онъ работалъ, и такое освѣщеніе или освященіе могло заставить его впасть въ противорѣчіе съ правдой, какъ это дѣйствительно съ нимъ позже и случилось. Увлеченіе красотой въ Италіи было одной изъ многихъ причинъ, заставившихъ сатирика отыскивать красоту не только въ русской природѣ, но и въ русской жизни, и становиться передъ ней преждевременно на колѣни.

Эстетическое чувство, разогрѣтое римскимъ воздухомъ, приблизило

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 435, 439, 461, 468, 493, 588, 622; II, 6, 12, 51.

Гоголя и къ католицизму. Объ этихъ симпатіяхъ нашего писателя говорилось нерѣдко и его восторгу передъ Римомъ, а также и нѣкоторымъ его недружелюбнымъ словамъ, сказаннымъ по адресу Россіи придавали иногда смыслъ болѣе глубокій, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ имѣли. Писателя заподозряли въ тяготѣніи къ католичеству. Это едва ли вѣрно.

Онъ оставался православнымъ, хотя, какъ поэтъ, и могъ себѣ позволить нѣсколько восторженныхъ возгласовъ во славу красоты католическихъ соборовъ и обрядовъ. Когда онъ, напр., говорилъ въ 1838 году, что «только въ одномъ Римѣ молятся, а въ другихъ мѣстахъ показываютъ только видъ, что молятся», что молитва только въ Римѣ на своемъ мѣстѣ, а въ Парижѣ, Лондонѣ и Петербургѣ она все-равно, что на рынкѣ, то изъ этихъ словъ можно сдѣлать только одинъ выводъ—а именно, что въ нашемъ авторѣ, какъ въ поэтѣ, религіозное чувство пробуждалось подъ сѣнью католическаго храма, который, какъ извѣстно, почти всегда храмъ искусства. О догмѣ, которая подъ этой сѣнью проповѣдывалась, Гоголь въ то время (1837) думалъ мало и судилъ о ней весьма поверхностно, если вѣрить тому, что онъ писалъ своей матери, которая была очень озабочена его хожденіемъ по католическимъ церквамъ. «Насчетъ моихъ чувствъ и мыслей объ этомъ вы правы, что спорили съ другими, что я не перемѣню обрядовъ своей религіи—писалъ ей онъ *). Это совершенно справедливо; потому что какъ религія наша, такъ и католическая, совершенно одно и тоже, и потому совершенно нѣтъ надобности перемѣнять одну на другую. Та и другая истинна; та и другая признаетъ одного и того же Спасителя нашего, одну и ту же Божественную премудрость, посѣтившую нѣкогда нашу землю...» Если въ этихъ словахъ нельзя узнать ревностнаго православнаго, то нельзя подмѣтить и никакого тяготѣнія къ католицизму... Возможно, однако, что Гоголь потому такъ наивно говорилъ объ этомъ серьезномъ вопросѣ, что хотѣлъ успокоить свою мать, для которой серьезный разговоръ объ отличіи вѣроисповѣданій былъ бы мало интересенъ. Во всякомъ случаѣ по тѣмъ даннымъ, которыя имѣются, можно говорить лишь о поэтическомъ восхищеніи Гоголя обрядовой стороной католицизма; на болѣе тѣсное сближеніе съ католиками Гоголь не шелъ, хотя они и дѣлали шаги, чтобы привлечь его на свою сторону **).

*) Письма Н. В. Гоголя I, 664—5,

**) Недавно проф. А. А. Кочубинскій очень подробно и талантливо разъяснилъ и опредѣлилъ на основаніи новыхъ документовъ, тѣ сношенія, которыя были у Гоголя съ представителями польскаго католическаго ордена «воскресенцевъ». [*А. А. Кочубинскій* «Будущимъ біографамъ Н. В. Гоголя» «Вѣстникъ Европы», 1902 г. Февраль, 650—675]. Гоголь встрѣтился съ этими религіозно-политическими агитаторами въ 1838 г. у кн. Зинаиды Волконской, проживавшей въ Римѣ и очень ревностной католички. Она и порученные ея попеченію два «воскресенца» имѣли безспорное желаніе привлечь Гоголя въ лоно католической церкви. Насколько самъ Гоголь шелъ имъ

Религіозное чувство крѣпло въ Гоголѣ само по себѣ и пока еще не переходило въ проповѣдь опредѣленнаго вѣроисповѣданья.

Мысль о Богѣ сочеталась въ немъ прежде всего съ мыслью о самомъ себѣ.

Мы знаемъ, какъ мысль о своемъ великомъ призваніи съ дѣтскихъ лѣтъ была сильна въ нашемъ мечтателѣ. Не нужно было ни Италіи, ни Рима, чтобы укоренить въ немъ эту дерзкую увѣренность въ особомъ Божіемъ покровительствѣ, какое на немъ почіетъ. Онъ уже освоился съ этой мыслью, когда покидалъ Россію въ 1836 г. «Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе,—говорилъ онъ, прощаясь съ родиной,—я чувствую, что неземная воля направляетъ путь мой. Онъ, вѣрно, необходимъ для меня». «Мнѣ ли не благодарить пославшаго меня на землю. Какихъ высокихъ, какихъ торжественныхъ ощущеній, невидимыхъ, незамѣтныхъ для свѣта, исполнена жизнь моя! Клянусь, я что-то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человѣкъ. Львиную силу чувствую я въ душѣ своей... Кто-то незримый пишетъ передо мною могущественнымъ жезломъ. Знаю, что мое имя послѣ меня будетъ счастливѣе меня и потомки тѣхъ же земляковъ моихъ, можетъ быть съ глазами, влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моей тѣни» *). Такъ увѣренно и самонадѣянно писалъ онъ въ 1836 году, тотчасъ послѣ всѣхъ огорченій, испытанныхъ въ Петербургѣ. Онъ призналъ пустяками все, что онъ писалъ доселѣ, и голова его была полна новыхъ литературныхъ плановъ, самыхъ смѣлыхъ и широкихъ. Эти планы были пока еще только планы, а поэтъ былъ уже въ такомъ экстазѣ. Какъ долженъ былъ

навстрѣчу въ этомъ дѣлѣ—опредѣлить очень трудно; онъ искалъ ихъ общества, много бесѣдовалъ съ ними о польской литературѣ; онъ зналъ, что они и княгиня заняты обращеніемъ въ католичество сына княгини, и принялъ это извѣстіе сердечно и благодушно; онъ позволялъ «втирать въ себя нѣсколько хорошихъ мыслей» и принималъ и у себя этихъ апостоловъ—но изъ всѣхъ этихъ фактовъ трудно вывести какое нибудь заключеніе о колебаніи Гоголя между православіемъ и католичествомъ, тѣмъ более, что эти сношенія не продолжались и года, и послѣ интимныхъ бесѣдъ въ началѣ 1838 г., почти сошли на нѣтъ въ слѣдующемъ году. Изъ словъ самихъ «воскресенцевъ», которые въ своихъ донесеніяхъ писали, что они у Гоголя замѣтили «свѣтлыя мысли», что онъ «внутренно работаетъ», что «отъ ихъ посѣщеній въ душѣ Гоголя остается прекрасное впечатлѣніе»—нельзя сдѣлать никакого вывода, такъ какъ всякій фанатизмъ всегда страдаетъ преувеличеніемъ. Нельзя сказать даже такъ осторожно, какъ сказалъ пр. Кобучинскій, что Гоголь былъ «*близокъ* къ искусительному шагу». Гоголь былъ хитеръ и себѣ на умѣ и въ откровенности не пускался. Онъ, дѣйствительно, начиналъ тогда «работать внутренно», но любовь къ Риму была въ Гоголѣ всетаки симпатіей эстетической—въ чемъ можетъ насъ убѣдить его повѣсть «Римъ», написанная приблизительно въ это же время (1839). Любопытно также, что въ тѣ же дни, когда Гоголь интимно бесѣдовалъ съ «воскресенцами», онъ началъ переработку «Тараса Бульбы»—этого боеваго эпоса казаковъ, воюющихъ съ поляками и католицизмомъ.

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 378, 383, 415.

этотъ экстазъ возрасти, когда задуманное начало осуществляться? И, въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ того, какъ «Мертвыя Души», къ работѣ надъ которыми онъ приступилъ заграницей, ложились на бумагу, крѣпло въ Гоголѣ и сознаніе своей божественной миссіи. Вдохновеніе художника превращалось постепенно чуть ли не въ ясновидѣнье Пророка. «Много чуднаго совершилось въ моихъ мысляхъ и жизни—пишетъ Гоголь Аксакову въ 1840 году. Я радъ всему, всему, что ни случится со мною въ жизни, и какъ погляжу я только, къ какимъ чуднымъ пользамъ и благу вело меня то, что называютъ въ свѣтѣ неудачами, то растроганная душа моя не находитъ словъ благодарить Невидимую Руку ведущую меня». «Вѣрь словамъ моимъ,—взываетъ онъ къ одному пріятелю,—властью высшаго облечено отнынѣ мое слово. Все можетъ разочаровать, обмануть, измѣнить тебѣ, но не измѣнитъ мое слово!» *). «О! вѣрь словамъ моимъ,—пишетъ онъ въ это же время (1841) другому корреспонденту, поэту Языкову, ничего не въ силахъ я тебѣ болѣе сказать, какъ только «вѣрь словамъ моимъ». Есть чудное и непостижимое... но рыданья и слезы глубоко вдохновенной благодарной души помѣшали бы мнѣ вѣчно досказать... и онѣмѣли бы уста мои. Никакая мысль человѣческая не въ силахъ себѣ представить сотой доли той необъятной любви, какую содержитъ Богъ къ человѣку! Вотъ все. Отнынѣ взоръ твой долженъ быть свѣтло и бодро вознесемъ горѣ: для сего была наша встрѣча. И если при разставаніи нашемъ, при пожатіи рукъ нашихъ не отдѣлилась отъ моей руки искра крѣпости душевной въ душу тебѣ, то, значитъ, ты не любишь меня. И если когда-нибудь одолѣетъ тебя скука и ты, вспомнивъ обо мнѣ, не силахъ одолѣть ее, то, значитъ, ты не любишь меня. И если мгновенный недугъ отяжелитъ тебя и низу поклонится духъ твой, то, значитъ, ты не любишь меня» **). Самая поддѣлка рѣчи подъ евангельскій тонъ есть какъ бы косвенный намекъ на то, что художникъ въ своихъ глазахъ выросъ до пророка; и онъ, дѣйствительно, начиналъ чувствовать въ себѣ пророческую силу. Онъ, какъ самъ говорилъ, «слышитъ часто чудныя минуты, живетъ чудной жизнью, внутренней, огромной, заключенной въ немъ самомъ, и вся жизнь его отнынѣ — благодарный гимнъ». «Горе кому бы то ни было, не слушающему моего слова!» сказалъ онъ однажды въ одну изъ такихъ чудныхъ минутъ... а въ другую договорился до совсѣмъ не понятнаго мистически-пророческаго возгласа: «Никто изъ моихъ друзей не можетъ умереть, потому что онъ вѣчно живетъ со мною». Если въ чьихъ устахъ такія слова были умѣстны, то развѣ только въ устахъ Спасителя...

Можно спросить, однако, что именно было причиной такого повы-

*) «Письма Н. В. Гоголя», II, 90, 91, 111.
**) «Письма Н. В. Гоголя», I, 168.

шенія религіознаго чувства, непосредственно реагировавшаго на самомнѣніе художника?

Причину этой странности найти трудно. Гоголь родился алчущимъ Бога и правды и подъ конецъ своей жизни даже душевно заболѣлъ отъ этого духовнаго голода и жажды. И самомнѣніе было въ немъ также чертой врожденной, какъ и желаніе создать нѣчто великое на благо ближняго и родины. Вполнѣ понять такія натуры можетъ только натура родственная: ей открыто то невыразимое, что таилось въ душѣ этого искателя правды, искупившаго цѣной страшныхъ душевныхъ страданій все свое духовное преимущество надъ другими. Біографъ и изслѣдователь можетъ только прослѣдить самый процессъ развитія этихъ чувствъ и указать на нѣкоторыя условія, которыя способствовали ихъ быстрому росту. Религіозная атмосфера Рима едва ли можетъ быть признана за главное изъ такихъ условій; были другія. На повышеніе религіозности и самомнѣнія Гоголя оказалъ прежде всего вліяніе необычайно сильный подъемъ его творческой дѣятельности, который изумилъ самого автора; затѣмъ его болѣзненное состояніе.

Творческія силы Гоголя работали, заграницей, дѣйствительно, очень напряженно: художникъ испытывалъ частые наплывы вдохновенія; одни литературные планы быстро смѣнялись другими; онъ торопился творить и быть довольнымъ тѣмъ, что создать удавалось. Онъ увѣровалъ наконецъ въ то, что онъ можетъ свершить нѣчто великое, благое для ближнихъ, свершить, какъ писатель, и что ему дано исполнить эту миссію; дано кѣмъ?—Конечно, Богомъ, который предначерталъ весь его земной путь и послалъ ему всѣ испытанія, чрезъ которыя онъ прошелъ не столько какъ человѣкъ вообще, сколько какъ художникъ.

И одновременно съ этимъ подъемомъ духа шло медленное увяданіе плоти. Гоголь никогда не пользовался цвѣтущимъ здоровьемъ и сталъ болѣть очень рано. За границей приступы этой болѣзни участились, и мнительный человѣкъ (а онъ былъ очень мнителенъ) сталъ преувеличивать опасность: ему казалось, что смерть его близка, что болѣзнь держитъ его на самомъ рубежѣ могилы. Онъ видѣлъ въ этомъ опять указаніе перста Божія, и когда выздоравливалъ (что было вполнѣ естественно), онъ еще больше укрѣплялся въ вѣрѣ въ свое предназначеніе свыше. Мысль о томъ, что смерть проходитъ мимо него по высшему повелѣнію, щадитъ его, какъ писателя, напрашивалась сама собою, и Гоголь облюбовалъ эту льстивую мысль.

Онъ боялся смерти, и какъ разъ въ эти годы ему пришлось дважды столкнуться съ нею, и она произвела на его романтическую душу возвышенно мистическое впечатлѣніе, которое непосредственно отозвалось и на его религіозномъ чувствѣ, и на его мысляхъ о собственномъ призваніи.

Скончался Пушкинъ. Гоголь усмотрѣлъ въ этой смерти для себя

новое указаніе свыше. Ничто не можетъ сравниться съ той скорбью, какую онъ испыталъ при этой вѣсти. «Все наслажденіе моей жизни, говорилъ онъ,—все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта, ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собой. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу. Боже! нынѣшній трудъ мой («Мертвыя Души»), внушенный имъ, его созданіе... я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ принимался я за перо—и перо падало изъ рукъ моихъ. Невыразимая тоска!» «Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ. Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собой только Пушкина. Ничто мнѣ были всѣ толки, я плевалъ на презрѣнную чернь: мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. Все, что есть у меня хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему. И теперешній трудъ мой есть его созданіе. Онъ взялъ съ меня клятву, чтобы я писалъ... Я тѣшилъ себя мыслью, какъ будетъ доволенъ онъ, угадывалъ, что будетъ нравиться ему, и это было моей высшею и первою наградою. Теперь этой награды нѣтъ впереди! Что трудъ мой? Что теперь жизнь моя?» «Великаго не стало». «О Пушкинъ, Пушкинъ, какой прекрасный сонъ удалось мнѣ видѣть въ жизни, и какъ печально было мое пробужденіе!» «Боже какъ странно, Россія безъ Пушкина» *).

С. Т. Аксаковъ, близко знавшій Гоголя, утверждалъ, что смерть Пушкина «была единственной причиной всѣхъ болѣзненныхъ явленій его духа, вслѣдствіе которыхъ онъ задавалъ себѣ неразрѣшимые вопросы, на которые великій талантъ его, изнеможенный борьбою, съ направленіемъ отшельника, не могъ дать сколько-нибудь удовлетворительныхъ отвѣтовъ» **). Мы знаемъ, однако, что эти неразрѣшимые вопросы Гоголь задавалъ себѣ и раньше, тогда, когда направленіе отшельника въ немъ еще совсѣмъ не сказывалось, но смерть Пушкина была для него все-таки какъ бы откровеніемъ свыше. Гоголь сталъ думать, что къ нему переходила теперь по наслѣдству та роль пророка-пѣвца, которую его другъ такъ грустно закончилъ; и мысль о смерти, нежданной и случайной, влекла за собой другую мысль о необходимости торопиться со своимъ трудомъ, съ трудомъ, начатымъ съ благословенія Пушкина и теперь осиротѣвшимъ. Молитва къ Богу и воззваніе къ своему генію слились въ одно. Художникъ сталъ перерождаться въ пророка, но мнительнаго пророка, ожидающаго съ минуты на минуту призыва покинуть земное.

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 432, 434, 436, 441, 459; II, 12.
**) *С. Аксаковъ*. «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ», М. 1890, 13.

И судьба, какъ нарочно, еще разъ показала ему, какъ гибнетъ случайно и безсмысленно прекрасное въ жизни. Въ 1839 году ему въ Римѣ пришлось провести нѣсколько ночей у одра умиравшаго друга, молодого Іосифа Вельгорскаго. Ничѣмъ этотъ юноша не заявилъ себя, но природа, если вѣрить лицамъ, его знавшимъ, соединила и одарила его всѣми дарами и духовными, и тѣлесными. Гоголь былъ къ нему давно привязанъ, но неразрывно и братски сошелся съ нимъ только во время его болѣзни. Гоголь жилъ его умирающими днями и ловилъ его минуты. «Непостижимо странна судьба всего хорошаго у насъ въ Россіи,—говорилъ онъ, глядя на умирающаго друга. — Едва только оно успѣетъ показаться—и тотчасъ же смерть! безжалостная, неумолимая смерть. Я ни во что теперь не вѣрю и если встрѣчаю что прекрасное, то жмурю глаза и стараюсь не глядѣть на него. Отъ него мнѣ несетъ запахомъ могилы...» *) Она его очень разстроила, эта юная смерть, но вмѣстѣ съ тѣмъ наполнила его душу необычайно нѣжнымъ чувствомъ. Гоголь далъ этому чувству волю на двухъ-трехъ страницахъ своего дневника. Онѣ озаглавлены: «Ночи на виллѣ». Это очень поэтическія страницы, характерныя для нашего романтика, въ которомъ тогда такъ крѣпло и разогрѣвалось религіозное чувство. Въ этомъ дневникѣ оно не принимаетъ того строгаго, суроваго аскетическаго оттѣнка, который появится въ позднѣйшихъ словахъ Гоголя, когда мысль о собственной смерти начнетъ страшить его. Эти «Ночи на виллѣ»— нѣжный гимнъ смерти, ея тихое вѣяніе, уловленное человѣкомъ, который умѣетъ понять и прочувствовать ея страшную поэзію. Нѣжный, даже приторный тонъ въ рѣчахъ, которыми обмѣниваются больной юноша и поэтъ, ловящій его послѣдніе вздохи... дыханіе весны кругомъ и желаніе принять на себя смерть своего друга и ожиданіе близкой развязки... и цѣлый рядъ летучихъ воспоминаній о своемъ дѣтствѣ, когда молодая душа искала дружбы и братства, когда сладко смотрѣлось очами въ очи, когда весь готовъ былъ на пожертвованія, часто даже вовсе ненужныя... Въ такомъ рядѣ поэтическихъ образовъ, настроеній и словъ давалъ себя чувствовать нашему поэту тотъ страшный посѣтитель, который нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ кончины Вельгорскаго напугалъ его самого насмерть.

Въ 1840 году здоровье Гоголя, и вообще не цвѣтущее, сильно пошатнулось. Трудно теперь сказать, чѣмъ въ сущности онъ былъ боленъ. Самымъ тяжелымъ симптомомъ болѣзни было подавленное психическое состояніе больного. Еще въ ноябрѣ 1836 г., когда Гоголь жилъ въ Вевѣ, докторъ отыскалъ въ немъ признаки ипохондріи, происходившей отъ геморроидъ, и совѣтовалъ ему развлекать себя. Въ апрѣлѣ 1837 года Гоголь признается, что на него находятъ

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 606, 612.

часто печальныя мысли, которыя — по опредѣленію врачей — слѣдствіе ипохондріи. Эта ипохондрія, усиленная скорбью о смерти Пушкина, гонится за нимъ по пятамъ и осенью этого же 1837 года. Черезъ годъ онъ говоритъ, что болѣзнь деспотически вошла въ его составъ и обратилась въ натуру. «Что если я не окончу труда моего?— начинаетъ онъ себя спрашивать...—О! прочь эта ужасная мысль! Она вмѣщаетъ въ себѣ цѣлый адъ мукъ, которыхъ не доведи Богъ вкушать смертному!» Но отогнать эту мысль онъ былъ не въ силахъ; она съ этого времени настойчиво стучалась ему въ голову. «О если бы на четыре, пять лѣтъ здоровья, говорилъ онъ. И неужели не суждено осуществиться тому... много думалъ я совершить... еще донынѣ голова моя полна, а силы, силы... но Богъ милостивъ. Онъ, вѣрно, продлитъ дни мои... несносная болѣзнь. Она меня сушитъ. Она мнѣ говоритъ о себѣ каждую минуту и мѣшаетъ мнѣ заниматься. Но я веду свою работу, и она будетъ кончена, но другія, другія... О! какіе существуютъ великіе сюжеты!» *).

Весь 1838 г. болѣзнь не давала ему покоя. Въ 1839 году она усилилась, и настроеніе его духа, послѣ смерти Вьельгорскаго, стало очень мрачно.

Болѣзненное состояніе и тяжелое настроеніе духа держались и за все время краткаго пребыванія Гоголя въ Россіи въ концѣ 1839 г. и въ началѣ 1840 г. Ему стало легче, когда онъ выѣхалъ изъ Россіи. Дорога сдѣлала надъ нимъ свое чудо. Онъ свѣжій и бодрый пріѣхалъ въ Вѣну пить маріенбадскую воду. Но здѣсь, въ Вѣнѣ, болѣзнь сразу обострилась, и онъ въ первый разъ испугался смерти. Онъ самъ разсказывалъ такъ объ этой болѣзни. «Лѣтомъ (1840), въ жаръ, мое нервическое пробужденіе обратилось вдругъ въ раздраженіе нервическое. Все мнѣ бросилось разомъ на грудь. Я испугался; я самъ не понималъ своего положенія; я бросилъ занятія, думалъ, что это отъ недостатка движенія при водахъ и сидячей жизни, пустился ходить и двигаться до усталости и сдѣлалъ еще хуже. Нервическое разстройство и раздраженіе возросло ужасно: тяжесть въ груди и давленіе, никогда дотолѣ мною не испытанное, усилилось. По счастью, доктора нашли, что у меня еще нѣтъ чахотки, что это желудочное разстройство, остановившееся пищевареніе и необыкновенное раздраженіе нервъ. Отъ этого мнѣ было не легче, потому что леченіе мое было довольно опасно, то, что̀ могло бы помочь желудку, дѣйствовало разрушительно на нервы, а нервы обратно на желудокъ. Къ этому присоединилась болѣзненная тоска, которой нѣтъ описанія. Я былъ приведенъ въ такое состояніе, что не зналъ рѣшительно, куда дѣть себя, къ чему прислониться. Ни двухъ минутъ я не могъ остаться въ покойномъ положеніи

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 414, 442, 454, 514, 519, 520, 555.

ни на постели, ни на стулѣ, ни на ногахъ. О! это было ужасно! Это была та самая тоска, то ужасное безпокойство, въ какомъ я видѣлъ бѣднаго Вельегорскаго въ послѣднія минуты жизни! Съ каждымъ днемъ послѣ этого мнѣ становилось хуже и хуже. Наконецъ уже докторъ самъ ничего не могъ предречь мнѣ утѣшительнаго. Я понималъ свое положеніе и наскоро, собравшись съ силами, нацарапалъ, какъ могъ, тощее духовное завѣщаніе. Но умереть среди нѣмцевъ мнѣ показалось страшно. Я велѣлъ себя посадить въ дилижансъ и везти въ Италію» *).

Сильный приступъ болѣзни и тоски на этотъ разъ прошелъ, однако, очень быстро. Физическія силы Гоголя возстановились и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ воспрянулъ духомъ. Литературная работа, пріостановленная, вновь закипѣла, міросозерцаніе просвѣтлѣло, и большой подъемъ испытало его религіозное чувство: его «великій трудъ» былъ спасенъ на его глазахъ, и, какъ онъ былъ увѣренъ, спасенъ Божьимъ вмѣшательствомъ. «Одна только чудная воля Бога воскресила меня,—писалъ онъ одной своей пріятельницѣ осенью 1840 года.—Я до сихъ поръ не могу очнуться и не могу представить, какъ я избѣжалъ отъ этой опасности! Это чудное мое исцѣленіе наполняетъ душу мою утѣшеніемъ несказаннымъ: стало быть, жизнь моя еще нужна и не будетъ безполезна». «О моей болѣзни мнѣ не хотѣлось писать къ вамъ,—говорилъ онъ С. Т. Аксакову,—потому что это бы васъ огорчило. Теперь я пишу къ вамъ, потому что здоровъ, благодаря чудной силѣ Бога, воскресившаго меня отъ болѣзни, отъ которой, признаюсь, я не думалъ уже встать. Много чудеснаго совершилось въ моихъ мысляхъ и жизни» **).

Таково было отраженіе новыхъ внѣшнихъ условій жизни на психикѣ нашего поэта. Врожденный ему культъ красоты, эстетизмъ его міросозерцанія и темперамента, если такъ можно выразиться, нашелъ себѣ большую поддержку въ той поэтической обстановкѣ, въ которой ему приходилось жить за границей; и это утопаніе въ красотѣ должно было отразиться на его талантѣ бытописателя, должно было рано или поздно навязать этому таланту извѣстную тенденцію, при которой вполнѣ объективное изображеніе жизни было трудно достижимо.

Неблагопріятна была для повѣствователя дѣлъ житейскихъ и та религіозная восторженность, которая все больше и больше охватывала душу Гоголя. Она его удаляла отъ земли и несла къ небу, и желаніе видѣть небесное здѣсь на землѣ должно было помутить ясность и зоркость его безпристрастнаго взгляда на раскинувшуюся передъ нимъ жизнь дѣйствительную.

*) «Письма Н. В. Гоголя», II, 80, 81.
**) «Письма Н. В. Гоголя», II, 72, 90.

Болѣзненное состояніе духа также мало способствовало спокойной оцѣнкѣ реальныхъ явленій и грозило гибельно отозваться на юморѣ писателя—на этомъ самомъ сильномъ и блестящемъ оружіи его духа.

Наконецъ, все больше и больше разгоравшееся самомнѣніе, склонность любить въ себѣ не только писателя, но и наставника, должна была, въ концѣ концовъ, заставить нашего художника-наблюдателя цѣнить въ жизни не столько ея реальную внѣшность, сколько ея нравственный, внутренній смыслъ, а потому и стремиться, чтобы этотъ смыслъ—вопреки, можетъ быть, правдѣ—проступалъ наружу въ томъ или другомъ присочиненномъ образѣ или явленіи. Пророчество должно было ворваться въ хладнокровный разсказъ о видѣнномъ и слышанномъ.

Однимъ словомъ, всѣ психическія движенія этой мятежной души были за этотъ періодъ времени (1836—1842 г.) враждебны и неблагопріятны для его таланта юмориста и бытописателя. Но этотъ талантъ передъ окончательной гибелью собралъ всѣ свои силы и одержалъ побѣду надъ этими настроеніями и мыслями поэта. Это была послѣдняя побѣда, за которой долженъ былъ послѣдовать упадокъ. Но никто изъ читавшихъ комедіи Гоголя, его повѣсти написанныя и подновленныя заграницей и его «Мертвыя Души» не могъ и подумать, что этотъ упадокъ былъ такъ неизбѣженъ и близокъ.

Н. Котляревскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

РАЗСКАЗЫ.

I.

Подруги.

Стояли розовыя сумерки.

Было шесть часовъ вечера и напротивъ въ церкви шла служба, горѣли огни и въ распахнутыя двери были видны молящіеся и кадильный дымъ, колыхавшійся сизыми струйками. Софія Михайловна лежала на подъоконникѣ и слушала, какъ разсказывала Катя о своей жизни.

— Да, такъ и не вышла. Когда, бывало, гимназисткой, спѣша съ урока, я проходила темнымъ вечеромъ мимо освѣщенныхъ оконъ и въ нихъ видѣла, какъ горятъ лампы въ цвѣтныхъ абажурахъ, кипитъ самоваръ и мило бесѣдуютъ вокругъ него люди, такіе добрые, покойные и довольные, мнѣ казалось тогда, что здѣсь грѣется само счастье. Потомъ я присмотрѣлась, узнала, что покоя и счастья нѣтъ нигдѣ, что семейная жизнь вездѣ таитъ свою печаль или драму, и что вездѣ люди суетятся, враждуютъ и не знаютъ ни себя, ни своего дѣла... И семейная жизнь отъ всего этого кажется страшной и отвѣтственной. Потому и замужества не искала. А не ища, выходятъ только очень красивыя или очень богатыя. Но я и не жалѣю...

Екатерина Васильевна, или Катя, какъ просто, на правахъ подруги по гимназіи, ее называла Софія Михайловна, была сельской учительницей, и въ Б—скъ пріѣхала за три дня до ея именинъ, 14-го сентября. Софія Михайловна слушала ее, смотрѣла по сторонамъ, въ оба конца улицы и думала: „И вечеромъ тоже не придетъ. Не пришелъ утромъ съ поздравительнымъ визитомъ, не придетъ и вечеромъ. Это потому, что не пускаетъ та“.

— Не скажу, чтобъ очень скучно было,—продолжала Екатерина Васильевна.—Веселья, конечно, большого нѣтъ, но устаешь каждый разъ такъ, что скучать некогда. Кромѣ того, привычка. Правда, поговорить почти не съ кѣмъ—все одна да одна, но,

собственно, и времени нѣтъ говорить. Староста—человѣкъ хорошій, и живемъ въ ладу. Дѣтишки тоже привязаны...

„Не придетъ и не надо. Посмотримъ еще, кто сдѣлаетъ первый шагъ. Возьму завтра же и пойду подъ руку съ Зуевымъ мимо его квартиры. Вотъ тогда и посмотримъ."

— За то лѣтомъ одна благодать. Лѣсъ, теплынь, парное молоко, запахъ сѣнокоса. А у васъ въ городѣ, какъ посмотришь, усталость, пылъ, сплетни, заботы...

„А не пойти ли мнѣ въ учительницы?„ озарило Софію Михаиловну: „вотъ возьму на зло ему и пойду. Вотъ и узнаетъ."

Что именно изъ этого долженъ былъ узнать Гревицкій, она еще не опредѣлила себѣ ясно, но совершенно отчетливо представила и его тоску, и его растерянный испугъ, когда она уѣдетъ въ учительницы, броситъ семью и мужа и будетъ трудиться гдѣ-то далеко, въ глуши, въ занесенной злыми сугробами избѣ. И предъ ея глазами уже встала вся картина его раскаянія, его слезъ и ужаса, и его умоляющее и страстное письмо, въ которомъ онъ будетъ просить ее о пріѣздѣ, клянясь въ любви, или, — съ почтительной сдержанностью, — о разрѣшеніи навѣстить ее въ уединеніи. И въ головѣ Софіи Михайловны проносились стихи Апухтина:

«Забудь былое горе,
Приди, приди ко мнѣ! Прими былую власть!
Здѣсь море ждетъ тебя, широкое, какъ страсть,
И страсть широкая, какъ море!..»

Никакого моря, положимъ, здѣсь не было. Городокъ былъ маленькій, забытый Богомъ, съ множествомъ евреевъ, тихій во всѣ дни недѣли, какъ кладбище, съ неловкими, застѣнчивыми деревянными домишками, боязливо сдвинувшимися въ кучу къ центру города, и шумный только по праздникамъ, когда на базаръ пріѣзжали на заморенныхъ лошаденкахъ свѣтловолосые бѣлоруссы. „Вотъ тогда и увидимъ". На письмо она ему не отвѣтитъ. Или пожалуй, и отвѣтитъ, но пріѣхать—ни за что. Къ ней,—если ужъ такъ хочетъ,—пусть пріѣзжаетъ. О, она его съумѣетъ принять. Спокойная, безстрастная, она проведетъ его по всѣмъ комнатамъ школы, покажетъ дѣтскіе глобусы и тетради, спальню учениковъ.

— Одно неудобство только тѣснота,—говорила между тѣмъ Екатерина Васильевна.—Вотъ въ такой же маленькой комнатѣ, какъ твоя столовая, приходится учить сорокъ-пятьдесятъ человѣкъ дѣтей. Конечно, атмосфера ужасная. Изъ оконъ дуетъ и съ полу тоже.

„Ну, и пріѣхать не позволю", рѣшила Софія Михайловна,—„гдѣ-жъ я его приму тамъ! Для женщины нужна рамка, а въ

такой конурѣ никого и принять нельзя... И вообще, воображаю, какъ все это нестерпимо скучно...“

Екатерина Васильевна уже сбилась съ тона. Раскрывая все больше свою душу, она незамѣтно перешла изъ спокойнаго въ нервный тонъ горячности и уже не разсказывала, а жаловалась.

— Дѣти немытыя, нечесаныя, неграмотныя. Задавать уроковъ невозможно. Нѣтъ ни учебниковъ, ни картъ, ни досокъ. У многихъ даже нѣтъ возможности заниматься дома. Всюду грязь и грубость, и темнота; кажется даже, что и школу затопитъ это невѣжество, эта нечистота, и равнодушіе.

Въ голосѣ ея звенѣла нотка злобы, и голова опустилась ниже, и говорила она уже неохотно, а словно принуждаемая, поневолѣ.

„Нѣтъ, въ учительницы не стоитъ идти“,—мысленно заключила Софія Михайловна. „Напишу лучше ему... рѣшительно и прямо, кончу, разомъ.“

И она поднялась съ подоконника, пошла въ кабинетъ мужа и написала: „Я знала, что Вы не придете даже поздравить меня, хотя это и невѣжливо, потому что у насъ Вы бывали всегда до сихъ поръ. Богъ съ Вами, но хоть бы для мужа ужъ сдѣлали это, съ которымъ Вы считаетесь товарищами и даже пьете всегда вмѣстѣ. Очень возможно, что на-дняхъ я уѣду отсюда совсѣмъ“. Слово „совсѣмъ“ она подчеркнула, немного подумала и докончила: „Вы не откажете увидѣться со мной на прощаніе, чтобъ объясниться окончательно. Я не хочу разстаться врагами и прощаю Вамъ все. Приходите, какъ прежде, въ два часа ко второму мосту“. Въ концѣ она многозначительно поставила иниціалы.

Часа черезъ два пришли гости, большею частью акцизники, сослуживцы мужа Софіи Михайловны, и четыре офицера, Зуевъ, высокій Риппъ, тонкій и вѣжливый полякъ Жоржевскій и хохолъ Галушенко. Пили чай съ коньякомъ и ромомъ, потомъ на два столика играли въ винтъ, и Софія Михайловна съ Катей сидѣли въ гостиной вдвоемъ, слушали карточные споры въ сосѣдней комнатѣ и тихо говорили,—Катя опять о своей жизни, а Софія Михайловна о своей любви къ Гревицкому и о томъ, какъ всѣ за ней ухаживаютъ.

И обѣимъ было грустно. Катѣ—оттого, что въ этой свѣтлой и нарядной комнатѣ съ мягкой мебелью было теплѣе и уютнѣе, чѣмъ въ ея деревенской избѣ; Софіи же Михайловнѣ отъ тайнаго сознанія, которое тихо шептало ей, что никакого успѣха у нея нѣтъ, что Гревицкій ее не любитъ совсѣмъ, и что она это знаетъ и только не признается.

Въ началѣ перваго часа вышелъ мужъ Софіи Михайловны, на крѣпкихъ и толстыхъ небольшихъ ногахъ, и торопливо спросилъ:

— Ужинъ готовъ у тебя?

И потомъ всѣ ужинали, много пили, и акцизники говорили о предстоящемъ въ январѣ введеніи винной монополіи, а офицеры о первомъ танцовальномъ вечерѣ, который долженъ быть въ воскресеніе. Около Софіи Михайловны сидѣлъ Зуевъ, подливалъ ей вина, чокался и пилъ за ея здоровье.

Послѣ ужина всѣ опять сѣли играть, но уже въ штоссъ, Катя устала и легла спать, а Зуевъ снова подсѣлъ къ Софіи Михайловнѣ и сталъ говорить ей о своей любви, то самое, что говорилъ и въ прошлый разъ, когда они также сидѣли вдвоемъ послѣ ужина въ день именинъ мужа.

— Вы у насъ первая... единственная... Я васъ люблю до самозабвенія, но бросьте Гревицкаго. Онъ не стоитъ васъ. Онъ все время у Мишутиной... а вы молоды, прекрасны...

И Софія Михайловна вспоминала, какъ Зуевъ и въ прошлый разъ называлъ имя Мишутиной рядомъ съ Гревицкимъ, и подумала, что у нихъ и въ самомъ дѣлѣ что-то есть и раньше было.

Глаза Зуева покрылись какой-то туманной влагой, тягучей, какъ патока, заплетался языкъ и губы отъ времени до времени ловили руку Софіи Михайловны. И ей былъ противенъ онъ съ своей волосистой бородавкой на лѣвой щекѣ, и эти пьяные глаза, нагло смотрѣвшіе, и вся его хитро и самодовольно покачивавшаяся фигура.

Когда гости разъѣхались, у нея явилась боль въ головѣ,— отъ утомленія и вина, которое она пила за ужиномъ. Софія Михайловна раздѣлась и легла и теперь, въ постелѣ, ей казалось, что совершенно безразлично—придетъ, или не придетъ Гревицкій на свиданіе, отвѣтитъ на письмо или промолчитъ. Потомъ, когда она уже стала засыпать, пришелъ мужъ, зажегъ лампу, застучалъ и Софія Михайловна проснулась.

— Сегодня выигралъ... рубль сорокъ шесть...—сказалъ мужъ, силясь стянуть съ ноги узкій сапогъ.

На другой день съ утра шелъ дождь, было пасмурно и холодно, и Софія Михайловна какъ встала, рѣшила, что свиданіе съ Гревицкимъ все равно не состоится. А когда мужъ ушелъ на службу, деньщикъ Гревицкаго принесъ отвѣтъ, и торопливой украдкой передалъ его ей изъ рукава.

— Отвѣта дожидаться баринъ не приказали,—доложилъ онъ, получилъ какую-то монету и вышелъ.

Письмо было хорошее. Гревицкій писалъ въ немъ, что будетъ ждать, какъ сказано, у второго моста, и Софія Михайловна, читая, ни разу даже не моргнула, — такъ было сильно нервное напряженіе и нетерпѣніе, съ которымъ она ждала своего приговора. И счастливая, и радостная она быстро одѣлась и ушла, и

вернулась вся сіяющая, съ блестящими глазами, и какъ только раздѣлась, кинулась на шею Кати и воскликнула:

— Ахъ, какая ты бѣдная, Катя! Ахъ какая бѣдная!

И она стала покрывать поцѣлуями ея голову и тонъ словъ былъ такой искренній, сердечный и жалостливый. И послѣ этого плакали обѣ. Катя положила свою голову на грудь Софіи Михайловны, и слезы частыми каплями бѣжали по маленькимъ морщинкамъ ея лица, и вся она, сгорбившаяся, со свѣсившейся головой, казалась безо времени состарившейся, никому ненужной, и точно единственный ея пріютъ и отдыхъ былъ только здѣсь, на груди Софіи Михайловны.

Но вскорѣ обѣ утѣшились, и Софія Михайловна ласково гладила Катю по головѣ и конфузливо, вытирая глаза, говорила:

— Какія мы глупыя обѣ! ахъ, какія глупыя!

И обѣ смѣялись, а Катя держала въ своихъ огрубѣвшихъ рукахъ тонкую и нѣжную бѣлую руку подруги и сквозь улыбку все еще слегка всхлипывала и вздыхала.

Черезъ четыре дня послѣ именинъ, 21-го сентября было открытіе сезона въ офицерскомъ клубѣ и первый въ году балъ. Весь этотъ день Софія Михайловна суетилась, бѣгала по лавкамъ, завивалась и все приговаривала:

— Нѣтъ, нѣтъ, Катя, сегодня ты не уѣдешь. Нѣтъ, и не говори. Сегодня ты не смѣешь уѣхать.

И просила Катю то подать, то приколоть, помочь завиться и одѣться, и когда сидѣла передъ зеркаломъ, то любовалась собой и думала: „Какъ постарѣла Катя и какая она жалкая", и отъ этого внутри ея что-то весело прыгало и сама она дѣлалась все добрѣй и красивѣй, и выраженіе лица стало игривое и немного вызывающее. Совсѣмъ уже готовая, въ передней, чтобъ не испортить прически — въ платкѣ, и въ ротондѣ, — чтобъ не смять платья, она остановилась передъ Катей и, смотрясь въ зеркало, еще разъ спросила:

— Такъ непремѣнно уѣзжаешь?—и медленно провела языкомъ по губамъ,—чтобъ были еще краснѣе.

— Непремѣнно,—отвѣтила Катя и прибавила, стараясь говорить беззаботно:—нужно... дольше нельзя...

Онѣ простились и за порогомъ Софія Михайловна крикнула ей:

— Смотри же пріѣзжай. Буду ждать. Только передъ тѣмъ напиши. Слышишь? Ну, прощай.

А черезъ часъ Катя тряслась въ тележкѣ.

Путь ея лежалъ черезъ весь городъ, къ шоссе, и проѣзжать нужно было мимо офицерскаго клуба. Залъ былъ освѣщенъ такъ ярко, что на улицѣ стало, какъ днемъ, и около клуба и напро-

тивъ стояли кучками евреи, и мальчишки пальцами показывали на окна, и всѣ слушали музыку съ какимъ-то благоговѣніемъ и жадностью.

Играли вальсъ, и мечтательные звуки, немного волнующіе, немного грустные, немного сладкіе, казалось, тоже свѣтили, какъ огни, но освѣщали они не улицу, а весь пройденный длинный путь Катиной жизни, напоминая о прошлыхъ надеждахъ, о лучшихъ дняхъ и о томъ, какъ подъ тотъ же мотивъ она танцовала въ гимназіи, и грустя вмѣстѣ съ ней о настоящемъ, о тоскѣ и о заброшенной деревушкѣ съ грязью, которая стоитъ теперь тамъ по случаю осени.

И пѣли эти звуки такъ, какъ будто плакали и жалѣли, что Катя ихъ больше не услышитъ, и что ея дни, и темные вечера, и глухія тревожныя ночи, и вся ея одинокая дѣвичья жизнь приходятъ, плывутъ и уходятъ безъ огня, безъ искръ и безъ пѣсенъ.

И Катѣ вспомнились слова подруги: „Ахъ, какая ты бѣдная, Катя! Ахъ, какая бѣдная!"

И Катя заплакала, и, въ тактъ телѣгѣ, одна за другой по съежившемуся лицу ея катились слезы, и никто не видѣлъ ихъ, кромѣ стоявшихъ по бокамъ дороги березокъ. Онѣ наклонялись другъ къ другу и, видимо, шопотомъ, тихо-тихо, передавали о Катиномъ горѣ и слезахъ. А въ это время въ танцовальномъ залѣ Софія Михайловна ходила подъ руку съ Гревицкимъ, и онъ убѣждалъ ее:

— Какая ты странная, право,—изъ-за каждаго пустяка готова серьезно ссориться!

А Софія Михайловна въ отвѣтъ спрашивала:

— А съ Мишутиной ты не будешь танцовать? Ну, скажи, что не будешь?..

— Ахъ, какая ты странная,—отвѣчалъ онъ,—какъ же я не буду съ ней танцовать, разъ я пригласилъ ее?..

И такъ какъ въ это время на нихъ обоихъ смотрѣли всѣ дамы и въ ихъ числѣ и Мишутина, то Софія Михайловна дѣлала счастливыя и довольныя улыбки, кокетливо заглядывала, какъ балованное дитя, въ лицо Гревицкому и молила:

— Не танцуй съ ней. Ну, милый, ну, хорошій, не танцуй съ ней! Она—скверная, я ненавижу ее. Не танцуй.

Потомъ, не слыша его отвѣта, взяла его тихонько за руку и прошептала:

— Ей-Богу, я сейчасъ расплачусь, ей Богу... Такъ нельзя... Ты... ты...

И, высвободивъ руку, быстро побѣжала въ уборную и тамъ не выдержала и расплакалась, но боясь, что войдутъ и увидятъ

ее со слезами на глазахъ, встала, поспѣшно вытерла глаза, и подойдя къ столу, гдѣ игралъ мужъ, произнесла утомленнымъ голосомъ:

— Слушай, поѣдемъ домой. Я нездорова.

И по дорогѣ думала: „Какая счастливая эта Катя! Ахъ, какая я глупая! Какая жалкая...“

II.

У фабричной трубы.

I.

Студентъ Дурновъ, сынъ купца, полный, но болѣзненнаго вида, съ припухшимъ лицомъ и слезящимися глазами, перейдя на пятый курсъ, сталъ чувствовать въ ногахъ тяжесть и страдать безсонницей, такъ что, если бъ ему пришлось снова, какъ въ прежніе года, готовиться къ лекціямъ и репетиціямъ и ежедневно бывать въ техническомъ училищѣ, и такой же длинной дорогой возвращаться назадъ, то онъ, навѣрное, не выдержалъ бы и бросилъ. Семья его—отецъ, сестра и младшій братъ, гимназистъ (мать умерла три года тому назадъ, когда онъ былъ еще на второмъ курсѣ)—жила въ губернскомъ городѣ В. Оттуда онъ получалъ ежемѣсячно по сорока рублей, на которыя и жилъ.

Рыхлый и неспособный, гимназію онъ кончилъ, благодаря близкому знакомству его семьи со всѣмъ гимназическимъ начальствомъ; съ перваго на второй курсъ перешелъ съ подготовкой профессора, а дальше репетиціи и экзамены благополучно сдавалъ случайно, по счастью. Теперь оставалось представить только „проектъ“ который можно было заказать и не трудно было защитить, въ училище ходить было не нужно и часть дня онъ проводилъ дома, преимущественно лежа на диванѣ, а въ остальное время сидѣлъ въ ресторанѣ, читалъ газеты и пилъ много пива.

Каждый годъ лѣтомъ онъ уѣзжалъ къ роднымъ, квартиры за собой не оставлялъ и каждой осенью мѣнялъ свое мѣстожительство. Въ этомъ году онъ снялъ комнату у бывшей драматической актрисы, не молодой лѣтъ подъ пятьдесятъ — женщины, у которой была воспитанница. Училась она въ театральномъ училищѣ; тамъ же она жила и къ актрисѣ пріѣзжала только по большимъ праздникамъ, когда отпускали дня на три, на недѣлю или больше. И въ первый разъ Дурновъ увидалъ ее только на Рождествѣ.

Однажды, когда онъ читалъ, по обыкновенію, лежа на ди-

ванѣ, лѣнивой мыслью слѣдя за быстрыми шагами, которыми велъ романистъ своего героя къ славѣ и счастью, онъ услышалъ въ передней топотъ ногъ, отряхавшихъ снѣгъ, и голоса и среди нихъ одинъ, тоненькій и незнакомый. А черезъ часъ къ нему постучали, и голосъ актрисы спросилъ:

— Слушайте, Дурновъ, хотите познакомиться съ Сашей?

— Сейчасъ,—отвѣтилъ охрипше, отъ долгаго молчанія, Дурновъ, безъ нужды оглядѣлся, обдернулся и пошелъ на хозяйскую половину.

Познакомились просто. Дурновъ сѣлъ противъ Саши и молчалъ, изрѣдка взглядывая на нее исподлобья. Говорила все время сама актриса, а въ четыре часа—время обѣда—Дурновъ всталъ и вышелъ.

На другой день, по просьбѣ Саши, онъ ходилъ вмѣстѣ съ ней за покупками на Кузнецкій мостъ, и тутъ только разговорился въ первый разъ а когда вернулись, то самъ даже безъ всякаго приглашенія, пришелъ въ комнату актрисы.

Саша разсказывала съ юношескою отровенностью и милой простотой кокетливой довѣрчивости о школѣ и подругахъ, о своихъ надеждахъ и учителяхъ.

— Какъ мы проводимъ время? Учимся... И это такъ скучно, Дурновъ...

Всѣ—и товарищи, и знакомые, и лакеи въ ресторанахъ никогда не называли Дурнова по имени, ограничиваясь въ обращеніяхъ къ нему одной фамиліей: Дурновъ.

— Такъ—таки всегда скучно?

— Нѣтъ, не всегда,—и Саша наклонила головку, улыбнулась и спросила:

— Вы не будете смѣяться?

— Нѣтъ, само собой...

— Намъ бываетъ весело вотъ когда... Потушатъ лампы, оставятъ въ спальняхъ только одни фонарики, зеленые такіе, темноватые, ихъ у насъ завѣшиваютъ зеленымъ кашемиромъ... ложится полумракъ, не свѣтлый, не темный, а такой, какой бываетъ на болотахъ въ лунную ночь... Кругомъ мертво, всѣ спятъ и вотъ тогда мы—я и двѣ подруги—тихо приподымаемся и тихо на цыпочкахъ крадемся въ послѣднюю пустую камеру дортуара. Мы подпоясываемся цвѣтными поясами и воображаемъ, что мы—русалки, танцуемъ и хохочемъ и возимся и цѣлуемся... и разъ... даже плакали.—Лицо ея стало свѣтлымъ, расширились зрачки и отъ вспыхнувшей мечты неровно дышала грудь.—Только жаль—пѣть нельзя, а пѣть такъ хочется.

— А лѣтомъ вы тоже сюда пріѣзжаете?

— О, нѣтъ, мы на дачѣ.

Она задумалась.

— Лѣто я такъ люблю. Я люблю сидѣть съ кѣмъ-нибудь до утра на скамейкѣ и говорить, все говорить,—говорить и смотрѣть какъ умираютъ золотыя звѣзды въ черномъ небѣ, и какъ отъ этого свѣтлѣетъ небо, словно каждая такая смерть смягчаетъ тьму жестокой ночи.

— А о чемъ говорить?

Она засмѣялась и сказала:

— Да ни о чемъ, Дурновъ... Можно и не говорить, тогда и молчаніе лучше словъ. Особенно, если впереди лѣсъ Смотришь и кажется, что кто-то сильный и злой схоронился и ждетъ своей жертвы. А подъ самое утро, когда станетъ ясно и свѣжо, чтобъ крѣпче заснуть, пускаешься бѣгомъ домой. Бѣжишь вдоль лѣса, и уже не злой, а кто-то свѣтлый бѣжитъ рядомъ съ тобой, по ту сторону опушки мелькаетъ между деревьями. Когда лѣсъ кончился, нѣтъ больше свѣтлаго спутника.

Она откинулась на спину кресла.

— Дурновъ, куда онъ дѣвается?

— Кто?

— Да этотъ, свѣтлый...

Дурновъ нахмурился и вздохнулъ.

— Не знаю, — пробурчалъ онъ.

О себѣ Дурнову разсказывать было нечего. Для фактической стороны достаточно было нѣсколько словъ, простыхъ до того, что ухо воспринимало ихъ машинально, а мозгъ и душу они не трогали совсѣмъ. Ѣлъ, пилъ, спалъ, учился, росъ, — вотъ что могъ бы передать Дурновъ о своей жизни. Мечты не было, волненій сердца, мукъ тоски, побѣдныхъ восторговъ, безумной радости—тоже; то ли—обходили они его, какъ большой корабль стремительныя волны, то ли не съумѣлъ онъ ихъ замѣтить. И когда Саша попробовала заставить его разсказать объ опытахъ въ техническихъ лабораторіяхъ, то Дурновъ, сбиваясь и, видимо, тяготясь необходимостью снова излагать то, что много разъ до этого приходилось повторять и про себя, — уча, и вслухъ, — отвѣчая профессорамъ, объяснилъ ей какую-то перегонку спирта, и отъ этого самъ только усталъ, а Саша ничего не поняла.

Уже близились къ концу праздники и по ночамъ полный мѣсяцъ освѣщалъ хрустальную дорогу снѣга; и на небѣ тоже выпалъ снѣгъ, — такое оно было рыхлое, бѣлое и блестящее.

Въ послѣдній день, почти предъ самымъ разставаніемъ, много разъ обдумавъ, Дурновъ, наконецъ, рѣшился. Онъ попросилъ у Саши карточку, и она шутя, отговариваясь неимѣніемъ, отказала.

— Полноте, Дурновъ, — успокоила его слышавшая разговоръ

актриса, — не хочетъ дать и не надо. Вотъ что я вамъ посовѣтую, — купите себѣ вотъ такой абажуръ, и будетъ у васъ ея карточка.

Саша разсмѣялась, а актриса сняла картонный абажуръ и поднесла къ самымъ глазамъ Дурнова.

На одной изъ граней была изображена дѣвушка, дѣйствительно, напоминавшая въ общемъ Сашу, только картинка была воздушнѣй и тоньше. И Дурновъ, въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ купилъ себѣ такой же абажуръ. И по вечерамъ, когда уставалъ читать, и не шелъ въ ресторанъ, часто подолгу смотрѣлъ на воздушную картинку милой дѣвушки, но зайти въ театральное училище ни разу не осмѣлился. На хозяйскую половину онъ приходилъ теперь часто и всякій разъ заговаривалъ съ актрисой о Сашѣ, но и разспросы его были робкіе и неуклюжіе, какъ онъ самъ, словно рожденные боязнью, а не любовью, а актриса отвѣчала на нихъ какъ-то интригующе, заинтересовывая его намекающей недомолвленностью и неполнотой.

И все, о чемъ онъ разспрашивалъ и справлялся, было безсистемное, какъ будто случайное, и не обнаруживало ни страстнаго чувства къ Сашѣ, ни сколько-нибудь обдуманнаго плана въ желаніи приблизиться къ ея разгадкѣ и пониманію.

На Пасху Саша къ актрисѣ не пріѣхала. Были экзамены, до лѣта оставалось немного, и отпускъ могъ только помѣшать блестящему окончанію курса, на которое Саша разсчитывала.

Въ серединѣ мая актриса перебралась на дачу, а въ іюнѣ Дурновъ уѣхалъ въ В.

II.

Фабрика, на которой Дурновъ получилъ мѣсто, была въ уѣздѣ, отстояла въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станціи, сбоку линіи желѣзной дороги, и когда поѣздъ проносился мимо ея одинокой, изъ земли поднявшейся трубы, то пассажиры вздыхали и думали о той тоскѣ, въ которой должны жить заброшенные сюда люди, работающіе на эту длинную кирпичную трубу. Тяжко и ровно, какъ трудно больной, дышала она, съ утра до вечера, медленно выкидывая черные клубы копоти и сѣраго темнѣющаго дыма. И Дурнову казалось, что именно отъ этого такъ душно живется, не видно голубой дали и чувствуется рабски, какъ прислужнику.

Простаивая по цѣлымъ часамъ въ неподвижной позѣ у окна, предъ которымъ торчала какая-то состарившаяся постройка, сѣрая и тупо глядящая, онъ зналъ напередъ, кто долженъ пройти и

что случится. Ровно въ двѣнадцать часовъ раздастся протяжный и напряженный гудокъ, и мимо его квартиры громко и шумно пройдутъ рабочіе. Потомъ черезъ часъ снова загудитъ надорваннымъ стономъ, и тѣ же рабочіе, но уже тихо и молча пойдутъ назадъ; они будутъ спѣшить, и лица у нихъ будутъ недовольныя. Потомъ дѣвчонка въ красномъ платьѣ, разворачивая пятки, крѣпкой поступью, вперевалочку, поплетется съ двумя судками. Это — за обѣдомъ младшему технику. И къ этому же времени принесутъ обѣдъ и ему самому. Обѣдъ будетъ грубый и невкусный, и ѣсть его можно, только уставъ, или сильно проголодавшись.

Жизнь на фабрикѣ была скучная, какая-то затхлая, казенная, и всѣ служившіе здѣсь, кромѣ рабочихъ, старались придумать себѣ какое-нибудь посторонне занятіе.

Самый старшій техникъ, Довгяло, умѣлъ и любилъ играть на скрипкѣ и выпиливалъ.

Младшій, Севастѣевъ, интересовался политической экономіей, много читалъ поэтому и часто велъ продолжительныя бесѣды съ рабочими, давалъ книжки и устраивалъ имъ спектакли и чтенія съ туманными картинами.

Дурновъ же находился всегда безъ дѣла, рѣдко выходилъ изъ дому, и большую часть дня проводилъ, попрежнему, лежа. И когда, случалось, всѣ трое сходились вмѣстѣ, то говорить было не о чемъ, кромѣ фабрики, ея дня, ея жизни и интересовъ. Дурнова и это не занимало совсѣмъ, и онъ и въ этихъ бесѣдахъ былъ чужимъ, непосвященнымъ и ограничивался тѣмъ, что отвѣчалъ только на вопросы, да и то съ большимъ затрудненіемъ.

Теперь у него явилась одна привычка, которую онъ не замѣчалъ за собою раньше, — передъ отвѣтомъ переспрашивать, сводить брови, отчего у него на лбу собирались мускулы въ круглые комочки и отъ напряженной мысли глаза дѣлались больше и смотрѣли въ одну точку.

Случилось такъ, что на фабрикѣ умеръ рабочій, и Дурновъ, въ ближайшемъ вѣдѣніи котораго былъ покойный, узнавъ объ этомъ, медленно одѣлся и пошелъ на фабрику. Оказалось, что рабочаго втянула въ себя машина и, нѣсколько разъ повернувъ на своихъ зубцахъ, выкинула обезображеннаго и всего въ крови.

И видъ покойника — сильнаго и молодого мужика — такъ поразилъ Дурнова, что онъ не спалъ обѣ ночи до самыхъ похоронъ, а потомъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца, при встрѣчахъ съ рабочими и съ техниками, только и говорилъ, что объ изуродованномъ покойникѣ, пока, наконецъ, Довгяло не сказалъ ему:

— А, знаете, это надоѣдаетъ...

И въ письмѣ къ сестрѣ, которой онъ писалъ рѣдко, Дурновъ

подробно остановился на той же самой смерти: „У насъ машина истерзала и убила работника“,—писалъ онъ,—„который ее вертѣлъ. Она оторвала у него обѣ руки и сняла всю крышку черепа. На него было страшно смотрѣть, послѣ похоронъ меня охватила какая-то робость и я безъ ужаса, вотъ уже мѣсяцъ, не могу смотрѣть на фабрику и ея трубу, почти не хожу туда, а когда смотрю на рабочаго, то думаю, что и его должна раздавить какая-нибудь машина...“

И по ночамъ Дурновъ сталъ часто просыпаться и все грустныя и тягучія мысли лѣзли къ нему въ голову. Вспоминая о рабочемъ, онъ думалъ о смерти, о тоскѣ и сумрачности своей жизни. И каждый новый день вмѣстѣ со своей томительной ночью и тѣнями, и тоской все сильнѣй и мучительнѣй шаталъ его нервы и терзалъ его мозгъ и бороздилъ его душу.

Вопросы, которые мучили его теперь, нельзя было уложить въ опредѣленныя формулы и ясные знаки,—такъ они были спутаны и смѣшаны, и громоздки.

Но именно отъ этой своей неясности они дѣлались еще огромнѣе, еще темнѣй и страшнѣй. И съ ихъ возрастаніемъ собственная личность Дурнова, которая теперь какъ-то внезапно обособилась отъ всего остального міра и другихъ людей, становилась все меньше, беззащитнѣе и трусливѣе. И сердце сжималось отъ этого сознанія болью страха предъ будущимъ и зловѣщимъ предчувствіемъ какого-то несчастья, какой-то бѣды, или конца. По временамъ Дурнову стало казаться, что онъ заблудился безыходно въ глухой чащѣ сплетшихся сомнѣній и надорвался отъ чьей-то непосильной тяжести, и что впереди у него нѣтъ дорогъ къ будущему—ни къ покою, ни къ счастью,—какъ теперь нѣтъ силъ.

Все страстнѣе хотѣлъ онъ осмыслить то случайное и угрюмое, и неясное, въ чемъ живетъ онъ, что называется міромъ и судьбой, и отъ чего такъ жутко ему и такъ страшно.

Но безотвѣтный и слабый, молчалъ его умъ и все меньше надеждъ было на исцѣленіе и отдыхъ, и въ безсонныя ночи все упорнѣй вставала предъ нимъ таинственная загадка, облеченная въ образъ погибшаго машиниста, и требовала отвѣта.

Уже къ концу подходила зима, и было грустно и радостно, какъ послѣ разставанія при ожиданіи.

Какъ-то, по случаю возвращенія изъ отпуска, Довгяло пригласилъ къ себѣ Дурнова и Севастѣева—отвѣдать московской икры,—какъ онъ выразился.

Дурновъ принялъ предложеніе и въ этотъ вечеръ много ѣлъ и пилъ и даже, оживившись, сталъ разсказывать о себѣ и о

своей семьѣ, и о томъ, какъ хотѣлось бы ему побывать у себя на родинѣ, въ В.

— Пока не отвѣдаешь столицы, такъ еще ничего, можно жить,—говорилъ Довгяло,—но послѣ нея наше Заусенское—сущая могила. Взять хоть бы театры!

И Довгяло сталъ разсказывать, сколько разъ и въ какомъ театрѣ онъ былъ и какія пьесы видѣлъ, а подъ конецъ ужина вынулъ изъ своего саквояжа конвертъ съ карточками сценическихъ знаменитостей и показалъ гостямъ. Карточки сперва разсматривалъ Севастѣевъ и потомъ передавалъ Дурнову, который бралъ ихъ машинально, лѣнино вертѣлъ въ рукахъ и возвращалъ хозяину. Всѣ молчали. И въ комнатѣ было тихо, какъ бывало въ ней всегда, безъ гостей. Наконецъ, Севастѣевъ такъ же медленно передалъ Дурнову небрежно повисшую между двумя пальцами медальонную фотографію, такую маленькую, что среди этихъ большихъ кабинетныхъ портретовъ она казалось попавшей по ошибкѣ.

И на ней Дурновъ увидѣлъ голову и бюстъ той, съ которой онъ ходилъ за покупками когда-то на Кузнецкій мостъ, у которой просилъ карточку. Долго онъ всматривался въ фотографію, съ которой глядѣла на него, улыбаясь кокетливой и спокойной радостью, съ добрымъ вызовомъ, пара большихъ сѣрыхъ глазъ. И надъ его сведенными бровями на лбу опять сбѣжались круглые комочки.

— Какъ фамилія этой актрисы?—спросилъ онъ Довгяло.

— Кронская,—отвѣтилъ тотъ.

И снова Дурновъ приблизилъ къ своему лицу маленькую карточку и снова сосредоточенно сталъ смотрѣть на нее.

Но комочковъ на лбу уже не было, и взглядъ былъ умиленный, восторженный и по лицу бродила, пряталась и вспыхивала улыбка, ясная и добрая, какъ мечта о счастьи.

Когда они шли съ Севастѣевымъ домой, стояла лунная ночь, легкая, ясная и трепетная, и освѣженному бесѣдой Дурнову хотѣлось говорить много и долго, особенными—красивыми и важными—словами. Тихо шли они, и полный неуклюжій техникъ разсказывалъ Севастѣеву объ ушедшихъ годахъ студенчества, о первой встрѣчѣ съ Сашей, объ ея глазахъ и голосѣ и своей любви къ ней. Онъ говорилъ и самъ удивлялся тому, что слова выходятъ легко и разсказываютъ о томъ, чего онъ никогда не подозрѣвалъ и не зналъ, и что было.

Онъ говорилъ и чувствовалъ, какъ что-то сладкое и радостное подплываетъ къ его сердцу, отъ чего туманится и горитъ голова. И потомъ, когда онъ вернулся домой и, не раздѣваясь,

легъ на кровать, закрывъ глаза и закинувъ руки подъ голову, тоскующая сила незримой радости охватила его угрюмую душу и легкія, какъ сны любви, хоромъ нарядныхъ дѣвочекъ, слетѣлись къ нему мечты о счастьи, покойномъ и тепломъ.

III.

Недѣли черезъ двѣ Дурновъ взялъ отпускъ и, пріѣхавъ въ Москву розыскалъ по справкѣ адреснаго стола Александру Аѳанасьевну Кронскую. Она жила въ Петровскомъ паркѣ, и Дурновъ засталъ ее въ цѣломъ обществѣ какихъ-то полныхъ дамъ и бритыхъ мужчинъ.

Она приняла его, и съ неловкой робостью поздоровавшись со всѣми, обтирая платкомъ крупныя капли пота на съежившемся лбу, Дурновъ сѣлъ и молчалъ всѣ два часа, пока не ушли гости. А когда они ушли, всталъ и Дурновъ—простился и вышелъ. И не зная куда дѣться, не оправившись отъ встрѣчи, пошелъ въ лѣтній театръ.

Въ антрактахъ, большой и неуклюжій, переваливаясь онъ ходилъ по садовымъ дорожкамъ, кому-то наступилъ на ногу и неловко задѣлъ плечомъ двухъ пѣвицъ, и одна изъ нихъ, захохотавъ, громко крикнула ему вслѣдъ:

— Стоеросовый! Трехсаженный!

Походивъ еще нѣсколько времени, самъ не зная зачѣмъ, онъ подошелъ къ тиру, гдѣ стрѣляли изъ ружей въ бѣлыя фигурки, но ни разу не попалъ, и стоявшій рядомъ съ нимъ, повидимому, купецъ, въ поддевкѣ, замѣтилъ:

— Эхъ, господинъ, ничего у тебя не выходитъ.

На другой день Дурновъ опять отправился къ Александрѣ Аѳанасьевнѣ и на этотъ разъ засталъ ее одну, за роялью.

Онъ пощипалъ свой голый подбородокъ и, собравшись съ духомъ, наконецъ, выговорилъ:

— Видите ли Александра Аѳанасьевна, я вѣдь васъ давно, собственно, знаю...

Онъ хотѣлъ при этомъ улыбнуться и прибавить что-нибудь горячее, прямо отъ сердца, но почувствовалъ, что это у него не выйдетъ и сталъ еще серьезнѣе.

— Да. То-есть видѣлись мы съ вами въ первый разъ тогда, дѣйствительно, давно... Я ужъ, право, не помню, но кажется, года два-три тому назадъ.

Дурновъ опять сморщилъ лобъ, потеръ его и сказалъ раздумчиво:

— Да, около того, два или три года... Да-съ... такъ вотъ...

И замолчалъ.

Александра Аѳанасьевна неловко повернулась въ стулѣ, закинула голову и, глядя своими, попрежнему ласковыми сѣрыми глазами, какъ казалось, прямо ему въ душу, тихимъ, пѣвучимъ,—звука струны,—голосомъ спросила:

— Ну-съ, что изъ этого?

И у Дурнова сразу почти безсознательно вырвалось:

— Хочу, чтобъ вы были моей женой, потому что...

Но Александра Аѳанасьевна не дала ему докончить. Шаловливая стая веселыхъ сѣренькихъ птичекъ вылетѣла изъ ея глазъ, и она захохотала громко и такъ искренно, что у Дурнова внутри все стало холоднымъ. И тотчасъ же ставъ серьезной, она произнесла, стараясь быть мягкой и ласковой:

— Милый другъ, я не могла бы стать вашей женой, даже хорошо и, дѣйствительно, давно зная васъ... И даже любя васъ... А теперь... такъ, вдругъ... Богъ съ вами, Дурновъ...

И произнеся это слово—Дурновъ,—она вдругъ почувствовала себя просто и шутя прибавила:

— Дурновъ, да вы здоровы?

И опять засмѣялась, и взявъ его руку, потрепала по ней, широкой и мясистой, своей тонкой ладонью, какъ это дѣлаютъ всегда, когда нужно успокоить дѣтей или младшихъ.

Вяло всталъ Дурновъ; безсмысленно смотря внизъ на свои ноги, кивнулъ головой, словно поддакнулъ кому-то, и вышелъ.

Было свѣтло, солнечно и въ далекомъ небѣ плыли круглыя облачки, прозрачныя и легкія, какъ розовая вата, и смотрѣть на нихъ было пріятно, какъ на счастливыхъ дѣтей.

И Дурновъ думалъ, что гдѣ-то есть счастье, которое только ему трудно, или нельзя найти, и что жизнь его обречена на жертву фабричной трубѣ, которая заволакиваетъ своимъ дымомъ чистое небо, мѣшаетъ дышать и радоваться, унылыми дѣлаетъ дни и страшными—ночи. Онъ шелъ, и въ тяжеломъ и больномъ тѣлѣ ныла его затерянная душа, и мысли, тягучія, усталыя, тусклыя, тянулись, какъ осеннее стадо дикихъ птицъ—печально и вразбродъ. И какъ будто навстрѣчу имъ простоналъ гдѣ-то далеко фабричный гудокъ.

Возвратившись въ Заусенское, Дурновъ поразилъ всѣхъ своимъ страннымъ видомъ. Онъ не отвѣчалъ ни на одинъ изъ вопросовъ, не кланялся, на фабрику не заходилъ совсѣмъ, а на третій день, 29-го іюня, на Петра и Павла, застрѣлился.

И когда по фабричному поселку разнеслась вѣсть о самоубійствѣ техника Дурнова, то неожиданность ея никого не поразила,—во-первыхъ потому, что Дурновымъ никто не интере-

совался и всѣ мало знали его, и во-вторыхъ, оттого, что всѣ находили его страннымъ и считали, поэтому, ненормальнымъ.

Съ почернѣвшимъ насупленнымъ лицомъ, онъ лежалъ на своемъ диванѣ, гдѣ проводилъ и большую часть своей жизни. Надъ бровями легла морщинистая складка, и лицо отъ этого было злымъ и удивленнымъ, а самъ покойникъ страшный въ своей притаившейся неподвижности.

Казалось, что, разсерженный, онъ только прилегъ, быть можетъ притворился, чтобъ подсмотрѣть, какъ ведутъ себя люди около смерти.

Такъ какъ священника по близости не нашлось, то хоронили его на третій день къ вечеру; было вѣтрянно и далекимъ пожаромъ горѣло вечернее небо. И чудилось что-то зловѣщее въ этихъ алыхъ полосахъ, легшихъ по зеленоватому—цвѣта болотной воды—фону.

Среди надписей на вѣнкахъ, которыми украсили его гробъ и изголовье—изъ бѣлыхъ, розовыхъ и голубыхъ цвѣтовъ—были видны разныя: „Товарищу по общему дѣлу", „Другу рабочихъ," но ни на одной не было слова „безвременно", какъ будто умереть Дурнову всегда было во время.

Петръ Пильскій.

ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ.

Романъ м-рсъ Гёмпфри Уордъ.

Перев. съ англійскаго **З. Журавской.**

(*Продолженіе*) *).

Глава IX.

Когда миссъ Ле-Бретонъ вошла въ швейцарскую, у входной двери стоялъ лакей, отказывая гостямъ—кареты подъѣзжали одна за другой—и передавая имъ извиненія леди Генри; во внутренней же передней, куда не могъ проникнуть посторонній взоръ съ улицы, собралась кучка мужчинъ въ шляпахъ и пальто; оттуда слышался подавленный смѣхъ и сдержанный говоръ.

Жюли Ле-Бретонъ прошла туда. Всѣ сняли шляпы; впередъ выдвинулась высокая, нѣсколько сгорбленная фигура Монтрезора.

— Леди Генри такъ огорчена!—тихо заговорила Жюли.—Но... я увѣрена, что ей будетъ пріятно, если я лично передамъ вамъ ея извиненія и разскажу о ея здоровьѣ. Она не захочетъ, чтобы ея старые друзья напрасно тревожились. Хотите зайти на минутку? Въ библіотекѣ есть огонь. М-ръ Делафильдъ! вы не думаете, что такъ будетъ лучше?.. Вы скажете Хэттону, чтобъ онъ больше никого не принималъ?

Она нерѣшительно смотрѣла на Делафильда, словно прося его, чтобъ онъ, какъ родственникъ леди Генри, взялъ на себя иниціативу.

— Обязательно!—заявилъ молодой человѣкъ послѣ минутнаго колебанія и принялся снимать съ себя пальто.

— Только, пожалуйста, господа не шумите!—сказала миссъ Ле-Бретонъ, обращаясь ко всѣмъ мужчинамъ,—а то мы можемъ разбудить леди Генри.

Всѣ входили на цыпочкахъ. Каждый сознавалъ опасность положенія, но въ то же время чувствовалъ и комизмъ его, и это отражалось на лицахъ. Увидавъ у камина маленькую герцогиню, Монтрезоръ со вздохомъ облегченія протянулъ къ ней руки.

— Я ожилъ!—воскликнулъ онъ, радостно привѣтствуя её.—Гдѣ ты, принцесса, тамъ могу быть и я. А все-таки я чувствую себя, какъ

---

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

мальчуганъ, забравшійся въ курятникъ. Позвольте мнѣ представить вамъ моего друга генерала Фергуса. Примите насъ обоихъ подъ свою защиту и покровительство.

— Ну, знаете,—сказала герцогиня, отвѣчая на поклонъ генерала,— вы оба такъ великолѣпны, что врядъ ли бы кто рѣшился отнестись къ вамъ покровительственно.

Оба были въ полной парадной формѣ; генералъ такъ и сіялъ звѣздами и орденами.

— Мы обѣдали за королевскимъ столомъ,—пояснилъ Монтрезоръ;— намъ нуженъ отдыхъ.

Онъ надѣлъ пенснэ и оглядѣлъ комнату, съ удовольствіемъ потирая руки.

— Какъ здѣсь уютно! Что за очаровательный уголокъ! Я никогда не видалъ его раньше. Что же мы здѣсь будемъ дѣлать? Это раутъ? Почему бы и нѣтъ? Мередитъ, вы представили и дю-Бартà герцогинѣ? А! я вижу...

Жюли Ле-Бретонъ уже завладѣла изящнымъ французомъ съ розеткой Почетнаго Легіона въ петличкѣ, вошедшимъ въ библіотеку вслѣдъ за докторомъ Мередитомъ. Но при послѣднихъ словахъ Монтрезора она вышла впередъ и на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ, который любо было слушать, представила г. дю-Барта—высокаго стройнаго нормандца съ бѣлокурыми усами—сначала герцогинѣ, затѣмъ лорду Лэкпнтону и Джэкобу.

— Управляющій французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ,—шепнулъ Монтрезоръ герцогинѣ.—Онъ ненавидитъ насъ, какъ отраву. Но если вы еще не пригласили его на обѣдъ—я васъ предупреждалъ на прошлой недѣлѣ, что онъ долженъ пріѣхать,—пригласите его сейчасъ же.

Тѣмъ временемъ французъ, перезнакомившись со всѣми, съ любопытствомъ озирался вокругъ, разглядывая величаво-просторную комнату, книги на стѣнахъ за легкой золоченой рѣшеткой, три умѣло подобранныхъ картины; затѣмъ взоръ его остановился на высокой стройной дамѣ, заговорившей съ нимъ на такомъ прекрасномъ французскомъ языкѣ, и крошкѣ герцогинѣ, утопавшей въ кружевахъ и шелку. Любуясь изгибомъ ея тоненькой шейки, залитой бриллiантами, онъ съ неудовольствіемъ думалъ:

«Эти англичанки носятъ черезчуръ много драгоцѣнныхъ камней. Впрочемъ, онѣ ни въ чемъ не знаютъ мѣры... Кстати, какой красивый малый сидѣлъ съ этой маленькой феей, когда мы вошли».

Его небольшіе, но острые глазки перебѣгали отъ Уоркворта къ герцогинѣ, инстинктивно стараясь уловить тайную связь между ними.

Между тѣмъ Монтрезоръ пространно освѣдомлялся о здоровьи леди Генри.

— Въ первый разъ за двадцать лѣтъ я не нашелъ ея въ гостиной

въ пятницу вечеромъ,—сказалъ онъ,— съ внезапнымъ проблескомъ чувства, что ему очень пристало.—Въ наши годы малѣйшее нарушеніе старыхъ привычекъ...

Онъ вздохнулъ, но тотчасъ же стряхнулъ съ себя угнетенное настроеніе.

— Вздоръ! Черезъ недѣлю она будетъ бранить насъ всѣхъ съ удвоенной энергіей. А пока—не разрѣшите ли вы намъ присѣсть, mademoiselle? На десять минутъ. И честное слово! это именно то, чего жаждала моя душа,—чашка кофе!

Какъ разъ въ эту минуту вошелъ дворецкій съ двумя лакеями, несшими на подносахъ чай и кофе, лимонадъ и печенье.

— Затворите дверь, Хёттонъ, пожалуйста!—умоляюще сказала mademoiselle Ле-Бретонъ, и дверь тотчасъ затворили.

— Мы должны сидѣть тихо, тихо, какъ мышки,—сказала она, приложивъ пальчикъ къ губамъ, и посмотрѣла сначала на Монтрезора, потомъ на Делафильда. Всѣ засмѣялись и понизили голоса, осторожно помѣшивая ложечками въ стаканахъ.

Но съ появленіемъ кофе всѣ оживились. Стулья подвинули поближе къ камину. Яркій отблескъ огня падалъ на лица сидѣвшихъ полукругомъ людей, представлявшихъ собой какъ разъ тѣ элементы смѣси близости и новизны, изъ которыхъ слагается пріятное общество. Черезъ пять минутъ mademoiselle Ле-Бретонъ, какъ всегда, уже вела разговоръ. Незадолго передъ тѣмъ на французскомъ языкѣ вышла книга, трактовавшая о нѣкоторыхъ пунктахъ египетскаго вопроса такъ блестяще, такъ увлекательно, тонко и съ виду такъ безпристрастно, что она сразу приковала къ себѣ вниманіе всей Европы. Авторъ ея занималъ ранѣе выдающійся постъ во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, но теперь былъ не очень-то въ милости у своихъ земляковъ. Жюли начала разспрашивать о немъ г. дю-Бартà.

Французъ, чувствуя, что онъ въ обществѣ людей, достойныхъ слышать его, и втайнѣ подстрекаемый присутствіемъ члена англійскаго кабинета, отрѣшился отъ своей первоначальной полупрезрительной сдержанности и далъ себѣ трудъ покорить вниманіе своихъ собесѣдниковъ. Онъ набросалъ силуэтъ автора книги такими враждебными штрихами, съ такой легкой ироніей, что сразу обезпечилъ себѣ огромный успѣхъ.

Лордъ Лэкинтонъ точно проснулся. До тѣхъ поръ сѣдовласый красавецъ мечтательно смотрѣлъ въ огонь, съ полуулыбкой на устахъ, по правдѣ говоря, больше занятый своими мыслями, чѣмъ своими собесѣдниками. Его привелъ Делафильдъ; онъ самъ хорошенько не зналъ, зачѣмъ онъ попалъ сюда; впрочемъ, ему нравилась mademoiselle Ле-Бретонъ, и онъ часто дивился, какимъ образомъ леди Генри ухитрилась откопать такую интересную и милую исполнительницу на такую неблагодарную роль. Но французъ словно бросилъ ему вызовъ, и это

его подстрекнуло. Онъ также заговорилъ по-французски, а за нимъ и всѣ другіе, причемъ опять-таки быстро выдвинулась на первый планъ Жюли Ле-Бретонъ. Въ обществѣ, гдѣ бесѣда велась на англійскомъ языкѣ, она являлась какъ бы объединяющимъ звеномъ, сглаживая трудности, собирая въ одно разрозненныя нити. По-французски рѣчь ея лилась вольнѣй и живѣй, хотя и тутъ она ни на минуту не переходила границъ и не забывала тонко приноравливаться къ своимъ собесѣдникамъ.

Постепенно и незамѣтно, путемъ неуловимыхъ традицій, она скоро сдѣлалась царицей собранія. Герцогиня въ пылу восторга ущипнула за руку Джэкоба Делафильда и, позабывъ все, что ей слѣдовало бы помнить, восхищенно шепнула ему на ухо:

— Не правда ли, она сегодня обворожительна?

Тотъ не отвѣтилъ. Герцогиня вспомнила, вздрогнула и не говорила больше ни слова, пока Делафильдъ не оглянулся на нее съ дружеской улыбкой, снова развязавшей ей язычекъ.

Г. дю-Бартá все внимательнѣе и внимательнѣе разглядывалъ даму въ черномъ. Разговоръ незамѣтно перешелъ на обсужденіе въ общихъ чертахъ положенія дѣлъ въ Египтѣ. То были дни нависшей опасности, дни тревогъ и сомнѣній, когда никто не зналъ, что будетъ черезъ мѣсяцъ. Жюли съ удивительнымъ тактомъ руководила разговоромъ, устраняя все, что могло поставить въ неловкое положеніе двухъ государственныхъ людей—француза и англичанина, такъ ловко, что ея искусство было оцѣнено по достоинству только, когда всѣ подводные камни были благополучно обойдены. Монтреворъ съ усмѣшкой смотрѣлъ то на нее, то на гостей; у француза даже глаза стали круглыми отъ изумленія. Жюли говорила шутливо, но чрезвычайно умно, касалась фактовъ и личностей, извѣстныхъ только посвященнымъ; ея сдержанная веселость нерѣдко уступала мѣсто очаровательной робости, однакожъ, моментально исчезавшей при первой слишкомъ серьезной, или черезчуръ полемической ноткѣ, нарушавшей общій тонъ разговора; эта легкая веселость, никому не навязываемая, была точно рябь на лѣтнемъ морѣ. Но у лѣтняго моря есть свои глубины, и подъ скромно-шутливымъ тономъ Жюли крылось близкое, изъ первыхъ рукъ знакомство съ предметомъ.

«Ага, понимаю!» думалъ Монтрезоръ, котораго очень забавляла вся эта сцена. «П. ей пишетъ. Плутовка! Онъ, повидимому, посвящаетъ ее во всѣ тайны. Однако, это надо прекратить. Даже и ей можетъ быть не совсѣмъ понятно, что можно и чего нельзя говорить при этомъ господинѣ».

Онъ перемѣнилъ разговоръ, и mademoiselle Ле-Бретонъ сразу поняла намекъ. Она уступила мѣсто другимъ, сама отдыхая, словно при смѣнѣ танцорокъ въ балетѣ; но и въ роли слушательницы она была

не менѣе очаровательна, и черные глаза ея, переходившіе съ одного лица на другое, сіяли оживленіемъ успѣха.

Она забыла только объ одномъ—забыла, подъ конецъ, останавливать гостей, когда они начинали говорить слишкомъ громко. Герцогиня и лордъ Лэкинтонъ трещали безъ умолку, какъ дѣти; по временамъ къ нимъ присоединялся Монтрезоръ, со своимъ громкимъ смѣхомъ и грубымъ гортаннымъ голосомъ. Мередитъ, французъ, Уорквортъ и генералъ Фергусъ говорили о большомъ смотрѣ, состоявшемся наканунѣ; Делафильдъ, обойдя кругомъ, сталъ за кресломъ Жюли, и она говорила съ нимъ, все время не сводя глазъ съ генерала Фергуса и соображая, какъ бы устроить такъ, чтобы поговорить съ нимъ пять минутъ наединѣ. Это ей было такъ нужно. Онъ былъ очень близокъ къ главнокомандующему. Она сама внушила Монтревору, конечно, отъ имени леди Генри, чтобы онъ, какъ-нибудь въ пятницу, привелъ генерала въ Брутонъ-стритъ.

Затѣмъ составъ группъ нѣсколько измѣнился. Жюли замѣтила, что Монтрезоръ съ капитаномъ Уорквортомъ стоятъ вдвоемъ у камина; молодой человѣкъ, стоя спиной къ ней и грѣя руки у огня, казалось, въ чемъ-то горячо убѣждалъ министра; а тотъ, оглядывая комнату и слегка наклонивъ въ сторону своего собесѣдника большую черную голову, время отъ времени предлагалъ короткіе отрывистые вопросы, не тратя лишнихъ словъ. Въ послѣднее время всѣ друзья Жюли старались настроить Монтрезора въ пользу молодого человѣка; теперь онъ, можетъ быть, рѣшилъ составить собственное мнѣніе.

Сердце ея забилось быстрѣе; она обернулась и увидала возлѣ себя генерала Фергуса. Какое славное, открытое солдатское лицо! Очертанія немножко рѣзки, линіи рта грубоваты, и нижняя губа чуть-чуть отвисла, но въ глазахъ свѣтится столько прямодушія, гуманности и твердой воли. Они немного отодвинулись отъ кружка, и Жюли завела рѣчь объ Уорквортѣ. Его послужной списокъ былъ уже, конечно, близко извѣстенъ генералу, но къ этому можно было прибавить еще многое—нѣсколько фактовъ изъ первыхъ лѣтъ службы молодого человѣка, въ особенности одна очень рискованная охотничья экспедиція какъ разъ въ той области Мокембе, куда теперь собирались отправить столь важное посольство, мнѣнія о немъ, взятыя изъ ея частныхъ писемъ, или изъ писемъ леди Генри и пр., и пр. Съ своимъ обычнымъ искусствомъ Жюли нашептывала генералу всѣ эти подробности, выставляющія Уорквортa въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, деликатно поддерживая въ своемъ собесѣдникѣ увѣренность, что она говоритъ только о другѣ леди Генри, какъ говорила бы—и несравненно лучше ея—сама леди Генри, будь она здѣсь.

Генералъ слушалъ ее серьезно, съ дружелюбнымъ вниманіемъ. Это былъ суровый воинъ, прославившійся своими смѣлыми до дерзости подвигами на полѣ битвы. Но здѣсь онъ былъ, такъ сказать, на рас-

пашку, обходительный, ласковый, въ простотѣ души вполнѣ довѣрившись своей собесѣдницѣ, какъ онъ инстинктивно вѣрилъ всѣмъ женщинамъ. Сердце Жюли билось шибко. Какой увлекательный многообѣщающій вечеръ!..

Вдругъ чей-то голосъ тихо сказалъ надъ самымъ ея ухомъ:

— А, знаете, намъ, вѣдь, пора по домамъ. Ужъ скоро двѣнадцать

Она обернулась, изумленная. Лицо Джэкоба Делафильда, выражавшее не то неудовольствіе, не то сомнѣніе, сразу вернуло ее къ дѣйствительности.

Но прежде, чѣмъ она успѣла отвѣтить, слуха ея коснулся звукъ, заставившій ее испуганно вскочить съ мѣста.

— Что это?

Изъ передней слышался голосъ.

Жюли Ле-Бретонъ схватилась за спинку стула, стоявшаго возлѣ нея, и Делафильдъ видѣлъ, какъ она поблѣднѣла. Гости не успѣли и рта разинуть, какъ дверь библіотеки распахнулась настежь.

— Боже праведный!—вскричалъ Монтрезоръ, вскочивъ на ноги— Леди Генри.

Г-нъ дю-Бартà съ удивленіемъ поднялъ глаза. На порогѣ, тяжело опершись на двѣ палки, стояла высокая сѣдая старуха. Она была смертельно блѣдна, и огненные глаза ея сверкали гнѣвомъ. Въ веселой ярко освѣщенной комнатѣ до сихъ поръ передъ нимъ разыгрывалась—и прекрасно разыгрывалась—общественная комедія, но здѣсь несомнѣнно была трагедія, или фатумъ. Кто эта женщина? Что это значитъ?

Герцогиня бросилась къ ней и, разумѣется, съ перепугу выпалила именно то, чего ей не слѣдовало говорить.

— О! тетя Флора, милая тетя Флора! Мы думали, что вы слишкомъ нездоровы, чтобы сойти внизъ.

— Я это вижу,—сказала леди Генри, отстраняя ее.—И потому вы и вотъ эта леди,—она указала дрожащимъ пальцемъ на Жюли,—рѣшили принять моихъ гостей вмѣсто меня. Я вамъ очень обязана. Вы не забыли также,—она посмотрѣла на чашки съ кофе,—угостить моихъ гостей. Благодарю васъ. Надѣюсь, вы остались довольны моими слугами.

— Господа,—она повернулась къ остальнымъ гостямъ, остолбенѣвшимъ отъ изумленія,—боюсь, что я не въ состояніи просить васъ остаться у меня дольше. Часъ поздній, а я—какъ видите—нездорова. Но я надѣюсь—какъ-нибудь послѣ—я буду имѣть честь...

Она оглядѣла ихъ всѣхъ, словно каждому бросая вызовъ.

Монтрезоръ подошелъ къ ней.

— Мой дорогой старый другъ, позвольте мнѣ представить вамъ г-на дю-Бартà, управляющаго французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

При этомъ обращеніи къ ея гостепріимству и учтивости, какъ англичанки и знатной дамы, леди Генри угрюмо посмотрѣла на француза.

— Г-нъ дю-Бартà, я очень рада познакомиться съ вами. Съ вашего разрѣшенія, мы возобновимъ это знакомство, когда я буду въ состояніи лучше воспользоваться имъ. Завтра я напишу вамъ, когда я могу просить васъ къ себѣ, если позволитъ мое здоровье.

— Enchanté, madame!—пробормоталъ французъ, сконфуженный, какъ никогда въ жизни.—Permettez moi de vous faire mes plus sincères excuses.

— Вамъ не въ чемъ передо мной извиняться, monsieur.

Монтрезоръ снова подошелъ къ ней и умоляюще заговорилъ:

— Позвольте мнѣ разсказать вамъ, какъ все это вышло, какъ всѣ мы въ сущности невинны...

— Въ другой разъ, пожалуйста,—возразила она съ леденящимъ спокойствіемъ.—Какъ я уже сказала, теперь время позднее. Будь я въ состояніи принять васъ и бесѣдовать съ вами,—она снова обвела взглядомъ гостей,—я не велѣла бы своему дворецкому извиняться и всѣмъ отказывать. А теперь я должна просить васъ позволить мнѣ пожелать вамъ доброй ночи. Джэкобъ, вы будете такъ добры подать герцогинѣ ея накидку? Спокойной ночи, господа! спокойной ночи! Какъ видите,—она указала на свои палки,—сегодня я лишена рукъ. Онѣ нужны моимъ недугамъ.

Монтрезоръ еще разъ подошелъ къ ней, искренно и глубоко огорченный.

— Дорогая леди Генри...

— Уходите!—выговорила она шепотомъ, посмотрѣвъ ему прямо въ глаза. Онъ повернулся и вышелъ, не говоря ни слова. За нимъ, чуть не плача, вышла и герцогиня,—подъ руку съ Делафильдомъ. Проходя мимо Жюли, словно окаменѣвшей на мѣстѣ, она нагнулась было къ ней.

— Жюли, дорогая!..

Но леди Генри повернулась къ нимъ.

— У васъ будетъ время наговориться завтра. Поскольку это касается меня, миссъ Ле-Бретонъ завтра будетъ совершенно свободна.

Лордъ Лэкинтонъ спокойно пожелалъ леди Генри доброй ночи и, не пытаясь пожать ей руку, прошелъ мимо. Когда онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ стояла Жюли Ле-Бретонъ, дѣвушка внезапно рванулась къ нему. Странныя слова были на ея устахъ, странное выраженіе въ ея взглядѣ.

— Вы должны помочь мнѣ,—сказала она прерывающимся голосомъ.— Это мое право!

Такъ ли онъ разслышалъ? Лордъ Лэкинтонъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее. Онъ не видѣлъ, что леди Генри зорко слѣдитъ за ними обоими, тяжело налегая на палки, что даже губы ея полураскрылись отъ напряженнаго ожиданія.

Но Жюли уже овладѣла собой.

— Извините меня,—заговорила она торопливо.—Извините. Спокойной ночи.

Лордъ Лэкинтонъ колебался. Лицо его выражало недоумѣніе. Затѣмъ онъ протянулъ руку, и она машинально вложила въ нее свою.

— Все уладится,—шепнулъ онъ ласково.—Леди Генри скоро придетъ въ себя. Сказать дворецкому, чтобы онъ позвалъ кого-нибудь?—ея горничную?

Жюли покачала головой, и черезъ минуту онъ тоже скрылся. Теперь съ ней поравнялись д-ръ Мередитъ и генералъ Фергусъ. Въ генералѣ было очень развито чувство юмора, и, когда онъ прощался съ негостепріимной хозяйкой, роль которой во всемъ этомъ была ему такъ же мало понятна, какъ и его собственная, ротъ его кривился отъ сдерживаемаго смѣха. По д-ръ Мередитъ не смѣялся. Онъ сжалъ въ своихъ рукахъ руку Жюли и оглянулся. Позади Джэкобъ Делафильдъ, только что вернувшійся изъ швейцарской, пытался успокоить леди Генри. Д-ръ Мередитъ наклонился къ Жюли.

— Не обманывайте себя,—проговорилъ онъ быстро, понизивъ голосъ.—Это конецъ. Вспомните, о чемъ я вамъ писалъ, и завтра дайте мнѣ знать.

Когда и д-ръ Мередитъ вышелъ, Жюли подняла глаза. Въ библіотекѣ оставались только Джэкобъ Делафильдъ и леди Генри.

Гарри Уорквортъ тоже ушелъ, не сказавъ ни слова. Она растерянно озиралась кругомъ. Она не могла припомнить, чтобъ онъ сказалъ ей что-нибудь, простился съ ней. Странная боль стѣснила ей грудь. Она едва слышала, что леди Генри говорила Джэкобу Делафильду, хотя старая дама выражалась достаточно энергично.

— Очень вамъ обязана, Джэкобъ! Но когда мнѣ понадобится вашъ совѣтъ, я сама обращусь къ вамъ. Вы съ Эвелиной Кроуборо и такъ слишкомъ много мѣшались въ мои домашнія дѣла. Спокойной ночи. Хэттонъ приведетъ вамъ извозчика.

И легкимъ, но повелительнымъ движеніемъ руки леди Генри указала на дверь. Джэкобъ съ минуту колебался, затѣмъ простился съ ней и вышелъ, мимоходомъ бросивъ Жюли тревожный, умоляющій взглядъ. Но она не замѣтила этого. Ея отуманенный взоръ былъ прикованъ къ лицу леди Генри.

Старука спокойно смотрѣла на свою компаньонку, ничѣмъ не выдавая себя, хотя у нея даже губы побѣлѣли отъ волненія.

— Намъ съ вами разговаривать не о чемъ, миссъ Ле-Бретонъ,—сказалъ знакомый голосъ.—Но еслибъ у меня и было что сказать вамъ—сегодня, какъ видите, я говорить не въ состояніи. Такъ, значитъ, когда вы приходили ко мнѣ наверхъ проститься на ночь, у васъ это все было уже рѣшено? Я вижу, вы были такъ добры, что переставили по своему мебель въ моей комнатѣ, отдавали приказанія моимъ слугамъ.

Жюли стояла, выпрямившись, неподвижно, словно каменное извая-

ніе. Ея пересохшія губы отказывались повиноваться, но она все-таки заставила себя холодно выговорить:

— Мы не хотѣли обидѣть васъ. Все это вышло само собой. Нѣсколько человѣкъ близкихъ знакомыхъ вошли, чтобы разспросить о вашемъ здоровьѣ. Я очень сожалѣю, что они заговорились и засидѣлись такъ долго.

Леди Генри презрительно усмѣхнулась.

— Ваша обычная ловкость измѣнила вамъ, вы сами себя выдаете. Все въ этой комнатѣ,—она многозначительно посмотрѣла на зажженныя свѣчи и сдвинутыя стулья,—обличаетъ васъ. Вы придумали это вмѣстѣ съ Хэттономъ, который сталъ теперь вашимъ послушнымъ орудіемъ, еще до того, какъ пришли ко мнѣ. Не отрицайте. Мнѣ больно васъ слушать. Во всякомъ случаѣ, мы теперь разстанемся!

— Конечно. Быть можетъ, завтра вы разрѣшите мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ на прощанье?

— Не думаю. Это дорого мнѣ будетъ стоить.—Побѣлѣвшія губы старухи дрогнули.—Скажите ихъ теперь, mademoiselle.

— Вы страдаете?—Жюли нерѣшительно шагнула къ ней.—Вамъ довало бы лежать.

— Это не относится къ дѣлу. Зачѣмъ вы все это устроили?

— Мнѣ хотѣлось видѣть герцогиню...

— Къ чему кривить душой? Первой вашей гостьей была не герцогиня.

Жюли покраснѣла.

— Первымъ пришелъ капитанъ Уорквортъ, но это было чистой случайностью.

— Вы именно его хотѣли видѣть. Вы ради него и рѣшились на такую опасную затѣю. Вы пользовались моимъ домомъ для того, чтобы вести свои интриги.

Жюли чувствовала, какъ она физически слабѣла подъ этими бичующими словами. Она съ трудомъ дошла до камина, взяла свои перчатки и носовой платокъ, лежавшіе на полкѣ, и медленно повернулась къ леди Генри.

— Служа у васъ, я не сдѣлала ничего такого, чего бы я могла стыдиться. Напротивъ, я сносила то, чего никто другой на моемъ мѣстѣ не сталъ бы сносить. Я всецѣло посвятила себя вамъ и вашимъ интересамъ, а вы топтали меня ногами и мучили меня. Для васъ я была только слуга, подчиненная...

— Это правда,—угрюмо кивнула головой леди Генри,—я не могла усвоить себѣ вашего романическаго взгляда на обязанности компаньонки.

— Вамъ стоило только отнестись ко мнѣ по человѣчески. Я была одинока, бѣдна, хуже, чѣмъ сирота. Вы могли сдѣлать изъ меня все, что хотѣли. Немножко снисхожденія, и я стала бы вашей преданной

*

рабой. Но вы предпочитали унижать и давить меня, а я, съ своей стороны, чтобъ оберечь, защитить себя, позволяла себѣ, сознаюсь, кое-что лишнее. Отрицать это безполезно. Завтра утромъ я, конечно, уйду отъ васъ.

— Наконецъ, мы поняли другъ друга,—засмѣялась леди Генри.— Спокойной ночи, миссъ Ле-Бретонъ.

Она пошла къ двери, тяжело опираясь на палки. Жюли посторонилась, чтобы дать ей дорогу. Одна изъ палокъ скользнула по гладко натертому полу. Жюли съ крикомъ бросилась къ старухѣ, но леди Генри гнѣвно отстранила ее.

— Не дотрогивайтесь до меня; не подходите ко мнѣ.

Она остановилась, чтобы передохнуть и привести въ равновѣсіе свой костюмъ, затѣмъ опять двинулась дальше. Жюли слѣдовала за ней.

— Погасите, пожалуйста, электричество,—сказала леди Генри, и Жюли повиновалась.

Онѣ вмѣстѣ вошли въ швейцарскую, гдѣ еще былъ огонь въ каминѣ. Леди Генри съ большимъ трудомъ, тяжело дыша, стала взбираться по лѣстницѣ.

— О, позвольте мнѣ помочь вамъ!—почти простонала Жюли.—Вы убьете себя. Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, позвать Диксонъ.

— Ничего подобнаго вы не сдѣлаете!—объявила леди Генри, все такая же непреклонная, несмотря на свою слабость и ревматическія боли въ суставахъ.—Диксонъ въ моей комнатѣ, гдѣ я велѣла ей оставаться. Вамъ бы слѣдовало подумать о послѣдствіяхъ раньше, чѣмъ вы это затѣяли. Еслибъ я умирала, я бы не приняла вашей помощи.

— О!—вскрикнула Жюли, словно ее ударили, и закрыла глаза рукой.

Медленно, съ неимовѣрными усиліями, леди Генри тащилась со ступеньки на ступеньку. Когда она завернула за уголъ лѣстницы, такъ что ея не было видно снизу, кто-то тихонько отворилъ дверь столовой и вошелъ въ швейцарскую.

Жюли вздрогнула и обернулась. Передъ нею стоялъ Джэкобъ Делафильдъ, приложивъ палецъ къ губамъ.

Она вдругъ припала головой къ периламъ лѣстницы и глухо зарыдала.

Джэкобъ Делафильдъ подошелъ къ ней и взялъ ее за руку. Она чувствовала, какъ дрожала его собственная рука, и все же пожатіе го придало ей бодрости.—Мужайтесь!—шепнулъ онъ, наклонившись надъ ней.—Надо подбодрить себя. Вамъ понадобится вся ваша твердость.

— Вы слышите?—прошептала она, тщетно пытаясь удержать рыданія, и они оба стали прислушиваться къ звукамъ, раздававшимся надъ ихъ головами въ пустомъ темномъ домѣ—затрудненному дыханію, тяжелой медленной поступи.

———

— Она не позволила мнѣ помочь ей. Она говоритъ, что скорѣе умереть... Можетъ быть, я убила ее!.. А я могла бы да, я знаю, что могла бы любить ее!

Ее терзали острыя мучительныя угрызенія совѣсти.

Джэкобъ Делафильдъ не выпускалъ ея руки и, когда звуки замерли въ отдаленіи, поднесъ эту руку къ губамъ.

— Вы знаете, что я вашъ другъ и слуга,—выговорилъ онъ страннымъ, сдавленнымъ голосомъ.—Это вы мнѣ обѣщали.

Она слабо попыталась отнять свою руку, но у нея не было въ эту минуту ни физической, ни нравственной силы оттолкнуть его. Если бы онъ обнялъ ее, она едва ли стала бы сопротивляться. Но онъ не пытался; онъ только завладѣлъ ея рукой. Онъ стоялъ возлѣ нея, безмолвно порываясь къ ней всѣмъ существомъ, кладя къ ея ногамъ свою мужскую гордость. Она снова потянула назадъ свою руку. Онъ удержалъ ее и шепнулъ:

— Завтра, какъ только вамъ удастся выбраться, идите къ герцогинѣ. Она просила вамъ передать. Хэттонъ принесъ мнѣ записочку отъ нея. Вы должны жить у нея, пока все наладится. Вы знаете, что у васъ есть преданные друзья. А теперь прощайте. Спокойной ночи. Постарайтесь уснуть. Мы съ Эвелиной сдѣлаемъ все возможное, чтобъ укротить леди Генри.

Жюли отодвинулась отъ него.

— Скажите Эвелинѣ, что я, во всякомъ случаѣ, приду повидаться съ нею, какъ только уложу свои вещи. Спокойной ночи.

Она сама, едва передвигая ноги, поднялась въ свою комнату, рыдая и пугаясь каждой промелькнувшей тѣни. Вся ея энергія и смѣлость исчезли. Мысль, что она должна провести еще цѣлую ночь подъ кровомъ этой ненавидѣвшей ее старухи, наполняла ее ужасомъ. Добравшись до своей комнаты, она заперлась на задвижку и всю ночь проплакала, выливая свою мучительную душевную боль.

Глава X.

Герцогиня сидѣла въ своемъ будуарѣ. На коврикѣ у огня, представляя собою рѣзкій и, какъ ей казалось, грубый контрастъ съ безчисленными портретами ея дѣтишекъ и пріятельницъ, заполнявшими доску надъ каминомъ, стоялъ герцогъ—сильно не въ духѣ. Это былъ мужчина высокаго роста и мощнаго сложенія, лѣтъ на двадцать старше своей жены, съ смуглымъ лицомъ, оживленнымъ румянцемъ щекъ и крупнымъ алымъ ртомъ. Глаза у него были свѣтло-сѣрые, холодные, цвѣта стали, волосы очень черные, сухіе и жесткіе. Это былъ человѣкъ огромной физической силы, болѣе чѣмъ сознающій свои преимущества и значеніе, загорѣлый и закаленный упражненіями на открытомъ воздухѣ—охотой, катаньемъ на яхтѣ, стрѣльбой, которымъ онъ,

подобно большинству людей его званія, отдавалъ значительную часть своей жизни, туго соображающій и угрюмаго нрава. Такъ по крайней мѣрѣ, казалось съ перваго взгляда. Но, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ характеромъ супруга герцогини, эти впечатлѣнія нѣсколько сглаживались.

Что касается угрюмости, въ это утро она была внѣ всякихъ сомнѣній, хотя, поистинѣ, его дурное расположеніе духа заслуживало болѣе энергическаго и положительнаго названія.

— Невѣдомо зачѣмъ,—говорилъ онъ,—ты поставила себя и меня въ крайне непріятное и затруднительное положеніе. Я рѣдко получалъ такія непріятныя письма, какъ вотъ это письмо отъ леди Генри. По моему, она совершенно права. Ты вела себя непозволительно! И теперь ты сообщаешь мнѣ, что эта женщина, которая всему причиной и поведенія которой я, безусловно, не одобряю, будетъ гостить здѣсь,— въ моемъ домѣ—нравится это мнѣ или нѣтъ—и еще выражаешь надежду, что я буду съ ней вѣжливъ и любезенъ! Если ты настаиваешь, я уѣду въ Бракмуръ и буду жить тамъ, пока ей не заблагоразсудится убраться отсюда. Я вовсе не намѣренъ покрывать васъ обѣихъ и, какъ бы ты ни поступила, я извинюсь передъ леди Генри.

— Да въ чемъ же извиняться-то?—воскликнула пріунывшая было герцогиня, вдругъ оживляясь.—Никто же не хотѣлъ ее обидѣть. Почему старымъ друзьямъ нельзя было зайти на минутку узнать о ея здоровьи? Хэттонъ старый дворецкій, который больше двадцати лѣтъ служитъ у тети Флоры, просилъ насъ войти!

— Онъ позволилъ себѣ вмѣшаться не въ свое дѣло и заслуживаетъ быть уволеннымъ безъ предупрежденія. Леди Генри пишетъ, что это былъ форменный раутъ, что комната была убрана для пріема гостей, слуги получили соотвѣтствующія приказанія—это прямо удивительно, до чего доходитъ дерзость этой молодой особы!—что вы сидѣли до полночи и такъ шумѣли, что разбудили леди Генри. И ты, Эвелина, замѣшана въ этой глупой исторіи! Я прямо не нахожу словъ, чтобы выразить свою досаду.

И онъ сердито зашагалъ изъ угла въ уголъ.

— Всякій другой на мѣстѣ тети Флоры расхохотался бы,—вызывающе бросила герцогиня.—Да будетъ тебѣ извѣстно, Берти, что я не желаю, чтобы мнѣ читали нотаціи подобнымъ тономъ. И потомъ, еслибъ ты только зналъ...

Она закинула назадъ головку и вызывающе глядѣла на него; щеки ея пылали, губы вздрагивали отъ желанія выдать тайну, которая, быть можетъ, сразу укротитъ его и, во всякомъ случаѣ, какъ по-дѣтски разсчитывала герцогиня, откроетъ массу новыхъ шансовъ и комбинацій.

— Еслибъ я только зналъ—что?

Герцогиня, не отвѣчая, потянула за волосы маленькаго шпица, лежавшаго у нея на колѣняхъ.

— Что мнѣ нужно знать и чего я не знаю?—настаивалъ герцогъ.— Конечно, что-нибудь такое, что еще ухудшаетъ дѣло?

— Ну, это какъ смотрѣть,—протянула герцогиня. Въ ея глазахъ мелькнула искорка лукавства, хотя въ эту минуту она была недалека отъ слезъ.

Герцогъ нетерпѣливо взглянулъ на часы.

— Не заставляй меня сидѣть здѣсь и разгадывать загадки. Въ 12 у меня дѣловое свиданіе въ Сити, а мы еще должны обсудить письмо, которое тебѣ слѣдуетъ написать леди Генри.

— Это твое дѣло. Я еще не рѣшила, отвѣчать мнѣ ей или нѣтъ. Что же касается загадокъ—Берти, ты видѣлъ mademoiselle Ле-Бретонъ?

— Одинъ разъ. И нашелъ ее очень претенціозной особой,—сухо замѣтилъ герцогъ.

— Я знаю—ты не имѣлъ успѣха. Но, Берти, она тебѣ никого не напоминаетъ?

Герцогиня уже волновалась. Не выдержавъ, она вскочила съ дивана, причемъ маленькій шпицъ скатился на коверъ, подбѣжала къ герцогу и схватила его за борты сюртука.

— Берти, ты будешь страшно удивленъ!—И, неожиданно выпустивъ его, она принялась шарить между портретами, стоявшими на каминѣ.— Берти, ты знаешь, кто это?—Она показывала ему портретъ.

— Конечно, знаю. Но какое это можетъ имѣть отношеніе къ предмету нашего разговора?

— Очень большое. Это мой дядя—не правда ли?—Джорджъ Чантрей, второй сынъ лорда Лэкинтона, который былъ женатъ на маминой сестрѣ. Ну, такъ вотъ—тебѣ это не понравится, Берти, но надо же тебѣ знать, что онъ приходится дядей также и Жюли!

— Что за вздоръ? Что ты хочешь сказать этимъ?

Жена снова поймала его за борты сюртука и, держа его такимъ образомъ въ плѣну, разсказала ему всю исторію, торопливо, безсвязно и съ очевидной неувѣренностью въ томъ, какое это произведетъ впечатлѣніе.

И дѣйствительно, впечатлѣніе получилось неясное, трудно поддающееся опредѣленію. Герцогъ сначала не вѣрилъ, потомъ былъ ошеломленъ путаницей фактовъ, взволнованно передаваемыхъ ему женой. Онъ пытался было переспрашивать, выяснять, но это только ухудшило дѣло; герцогиня волновалась и требовала, чтобъ онъ не мѣшалъ ей разсказывать по своему. Нетерпѣніе обоихъ, въ концѣ концовъ, довело ихъ до полнаго непониманія другъ друга. Но герцогу удалось-таки высвободиться изъ рукъ жены, и послѣ этого онъ сталъ свободнѣе соображать.

— Нѣтъ, честное слово, это... это...—повторялъ онъ, шагая изъ угла въ уголъ,—честное слово!..—и вдругъ остановился передъ женой.— Такъ ты говоришь, она дочь Маріотта Дальримпля?

— И внучка лорда Лэкинтона,—добавила герцогиня, тяжело дыша отъ волненія.—Надо было быть слѣпымъ, чтобы не замѣтить этого сразу, уже по одному сходству.

— Какъ будто мы въ правѣ выводить подобныя заключенія изъ одного только сходства,—сердито возразилъ герцогъ.—Право, Эвелина, ты говоришь иногда непозволительныя вещи. Твоя mademoiselle Ле-Бретонъ, кажется, уже успѣла испортить тебя. Все, что ты мнѣ разсказывала, предположивъ, что это правда,—о! я знаю, что ты вѣришь этому безусловно,—только укрѣпляетъ во мнѣ—онъ надменно выпрямился,—только укрѣпляетъ во мнѣ рѣшимость прервать всякія сношенія между ней и тобою. Женщина такого происхожденія неподходящая подруга для моей жены—уже независимо отъ того, что она сама по себѣ, какъ видно, интриганка и, вообще, такая особа, которой слѣдуетъ остерегаться.

— Чѣмъ же она виновата въ своемъ происхожденіи.

— Я не говорю, что она виновата. Но разъ уже фактъ налицо, ей тѣмъ болѣе слѣдовало бы жить скромно и тихо, не выставляясь на первый планъ и не выступая въ роли соперницы леди Генри! Это такая нелѣпость, такое... неприличіе! Въ жизнь свою не слыхалъ ничего подобнаго. Это совсѣмъ не нужно съ ея стороны, а что касается тебя, то я глубоко сожалѣю, что ты впуталась въ такую некрасивую исторію.

— Берти!—Герцогиня залилась неудержимымъ полуистерическимъ смѣхомъ.

Но этотъ смѣхъ только уязвилъ герцога, и онъ надулся пуще прежняго. «Господи!» въ отчаяніи думала маленькая женщина. «Онъ становится совсѣмъ такимъ, какъ его мать». Ея belle-mère, строгая ревнительница евангелической церкви, жившая вмѣстѣ съ сыномъ все время, пока онъ былъ холостымъ, была бичомъ герцогини въ первые годы ея замужества; и хотя она ради Берти поплакала немного надъ гробомъ свекрови, когда та полтора года тому назадъ умерла, эти слезы, какъ нашелъ тогда герцогъ, высохли слишкомъ скоро.

Безспорно, герцогъ, читая ей наставленія, становился до противности похожъ на свою мать.

— Боюсь, что твое воспитаніе, Эвелина, пріучило тебя относиться къ такимъ вещамъ легче, чѣмъ слѣдуетъ. У меня старомодные взгляды. Незаконность рожденія, въ моихъ глазахъ, безусловно накладываетъ пятно на человѣка, и грѣхи отцовъ вымещаются на дѣтяхъ. Во всякомъ случаѣ, мы, занимая выдающееся положеніе въ обществѣ, не имѣемъ права своими поступками подавать примѣръ другимъ относиться легко къ Божьему закону. Мнѣ очень жаль, Эвелина, но я долженъ объясниться на чистоту. Я увѣренъ, что тебѣ это не понравится, но ты, по крайней мѣрѣ, знаешь, что я говорю совершенно искренно.

Герцогъ не безъ достоинства повернулся къ женѣ. Съ самаго дѣт-

ства онъ былъ человѣкъ безукоризненной нравственности, серьезный и религіозный, по мѣрѣ своего разумѣнія, добрый сынъ, добрый мужъ и отецъ. Жена смотрѣла на него съ самыми противоположными чувствами.

— Я знаю только,—сказала она, гнѣвно постукивая ножкой по ковру,—что, судя по разсказамъ, полковникъ Деланей былъ такой человѣкъ, отъ котораго можно было только убѣжать!

Герцогъ пожалъ плечами.

— Ты не думаешь, конечно, что меня могутъ очень тронуть подобныя соображенія? Что касается этой леди, твой разсказъ ни мало не расположилъ меня въ ея пользу. Она получила образованіе; лордъ Лэкинтонъ даетъ ей 100 фунтовъ въ годъ. Если она порядочная, уважающая себя женщина, она сама съумѣетъ устроиться. У меня нѣтъ никакого желанія видѣть ее здѣсь, и я прошу тебя не приглашать ея. Два-три дня, пожалуй,—это я допускаю. Но не дольше.

— О! ты можешь быть увѣренъ, что она сама не останется здѣсь, если ты не будешь съ ней особенно милъ и любезенъ! Есть множество людей, которые будутъ рады, счастливы видѣть ее у себя. Это-то мнѣ все-равно; мнѣ нужно другое,—герцогиня спокойно и смѣло смотрѣла ему въ глаза,—чтобы ты далъ ей домъ, гдѣ жить.

Герцогъ остановился посрединѣ комнаты, въ изумленіи глядя на жену.

— Эвелина! да ты совсѣмъ съ ума сошла!

— Ничуть не бывало. У тебя столько домовъ, что ты не знаешь, что съ ними дѣлать, и гораздо-гораздо больше денегъ, чѣмъ слѣдовало бы имѣть одному человѣку! Если въ Гайдъ - Паркѣ когда-нибудь поставятъ гильотину, мы сложимъ на ней наши головы одними изъ первыхъ, и это будетъ совершенно справедливо.

— Къ чему говорить такой вздоръ, Эвелина?—сказалъ герцогъ, еще разъ посмотрѣвъ на часы.—Вернемся къ дѣлу... Мы говорили о письмѣ къ леди Генри...

Герцогиня вскочила съ дивана.

— Это вовсе не вздоръ! У тебя масса домовъ, съ которыми ты не знаешь, что дѣлать, и въ особенности одинъ, маленькій, въ концѣ Кьюретонъ-стритъ, гдѣ столько лѣтъ жила кузина Мэри Лейстеръ. Я знаю, этотъ домикъ не сданъ,—ты мнѣ говорилъ на прошлой недѣлѣ; кузина Мэри оставила тебѣ всю мебель, какъ будто у насъ мало своей!.. Этотъ домикъ самый подходящій для Жюли, если только ты согласишься предоставить его въ ея распоряженіе, пока она устроится.

Герцогиня смѣло смотрѣла въ глаза своему супругу и повелителю, опершись руками на кресло, стоявшее позади нея; вся ея маленькая фигурка дышала оживленіемъ и женской рѣшимостью добиться своего во что бы то ни стало.

— Въ Кьюретонъ-стритъ,—повторилъ герцогъ, чувствуя, что исто-

щилъ всѣ средства убѣжденія.—Какъ ты полагаешь, чѣмъ же она будетъ жить, эта молодая особа, въ Кьюретонъ-стритѣ или гдѣ бы то ни было?

— Она думаетъ писать. Д-ръ Мередитъ предложилъ ей работу.

— Чистое безуміе! Черезъ полгода тебѣ придется самой платить по всѣмъ счетамъ.

— Желала бы я видѣть человѣка, который осмѣлился бы предложить Жюли заплатить по ея счетамъ!—съ негодованіемъ вскричала герцогиня.—Видишь ли, Берта, дѣло въ томъ, что ты совершенно не знаешь ея,—и это очень жаль... Но давай говорить о домѣ. Вѣдь онъ, кажется, передѣланъ изъ конюшни, да? Въ немъ шесть комнатъ, я знаю—три спальни наверху, 2 гостиныхъ и кухня внизу. Жюли можетъ устроиться тамъ очень удобно. Съ нея достаточно будетъ одной хорошей служанки и мальчика. Она будетъ зарабатывать 400 ф. въ годъ, д-ръ Мередитъ обѣщалъ ей, да 100 ф. у нея есть своихъ, за квартиру она, разумѣется, платить не будетъ, у нея, бѣдняжки, только-только хватитъ на то, чтобъ прожить да иногда собрать у себя своихъ старыхъ друзей. Чашка чаю и ея очаровательная бесѣда, большаго они и не требуютъ!

— Продолжай, продолжай!—сказалъ герцогъ, обезсиленный, падая въ кресло.—Ты такъ непринужденно распоряжаешься моей собственностью въ интересахъ молодой женщины, которая причинила мнѣ страшную непріятность и поссорила насъ съ близкой родственницей, которую я глубоко уважаю. Своихъ друзей! Ты хочешь сказать, друзей леди Генри? Бѣдная леди Генри пишетъ мнѣ, что ея кружокъ совершенно распался. Эта злая женщина въ три года разрушила то, что леди Генри устраивалавъ теченіе тридцати лѣтъ. Слушай, Эвелина,—герцогъ перемѣнилъ позу и хлопнулъ себя по колѣну,—относительно дома въ Кьюретонъ-стритѣ это ты оставь. Этого я не позволю. Можешь продержать у себя миссъ Ле-Бретонъ два-три дня—я на это время, по всей вѣроятности, уѣду въ деревню и, конечно, я ничего не имѣю противъ того, чтобы ты помогла ей найти другое мѣсто...

— Другое мѣсто!—воскликнула герцогиня внѣ себя отъ негодованія.—Берти, ты положительно невозможенъ! Пойми ты, что я смотрю на Жюли Ле-Бретонъ, какъ на свою родственницу, что бы ты тамъ ни говорилъ, что я нѣжно люблю ее, что я знаю двадцать человѣкъ, и богатыхъ, и вліятельныхъ, которые съ радостью помогутъ ей, если ты не захочешь, потому что она одна изъ самыхъ очаровательныхъ и выдающихся женщинъ въ нашемъ лондонскомъ обществѣ, что тебѣ слѣдовало бы гордиться возможностью оказать ей услугу, что я хочу, чтобы эта честь принадлежала тебѣ, понимаешь! И если ты не хочешь сдѣлать мнѣ такого маленькаго одолженія, когда я прошу и молю тебя объ этомъ,—хорошо же! Ты это долго будешь помнить, можешь быть увѣренъ!

И жена повернулась къ нему лицомъ, гнѣвная, какъ богиня войны; бѣлокурые волосы ея разсыпались по ушамъ, глаза пылали гнѣвомъ.

Герцогъ въ безмолвной ярости всталъ и началъ собирать письма, лежавшія на каминѣ, разсовывая ихъ по карманамъ.

— Тебя лучше оставить одну—можетъ быть, ты скорѣе придешь въ себя. Изъ такихъ споровъ ничего добраго не можетъ выйти.

Герцогиня ничего не сказала. Кусая губки, она, не отрываясь, смотрѣла въ окно. Это молчаніе сослужило ей лучшую службу, чѣмъ всѣ разговоры. Герцогъ неожиданно обернулся, помедлилъ, швырнулъ книгу, которую онъ держалъ въ рукахъ, подошелъ къ ней и заключилъ ее въ свои объятія.

— Ты глупенькая дѣвочка и ничего больше,—говорилъ онъ, удерживая её силой и осушая ея слезы поцѣлуями.— Заставляешь меня выходить изъ себя и тратить время по пустякамъ.

— Это вовсе не пустяки!—возразила рыдающая герцогиня, стараясь вырваться и пряча отъ него свое милое раскраснѣвшееся личико.— Ты не понимаешь, или не хочешь понять! Я... я очень любила дядю Джорджа. Онъ, навѣрное, помогъ бы Жюли, еслибъ онъ былъ живъ. А ты... ты крестникъ лорда Лэкинтона, и всегда восхваляешь его заслуги—и что онъ сдѣлалъ для арміи—и чѣмъ ему обязана страна... и... и...

— Онъ знаетъ?—прервалъ её вопросомъ герцогъ, дивясь непослѣдовательности рѣчей своей жены.

— Ни ни... ничего! Въ Лондонѣ знаютъ только шесть человѣкъ— тетя Флора, серъ Уильфридъ Бёри,—у герцога вырвалось удивленное восклицаніе, м-ръ Монтрезоръ, Джэкобъ и я.

— Джэкобъ? Онъ-то тутъ причемъ?

Герцогинѣ неожиданно открылся новый шансъ, и она поспѣшила ухватиться за него.

— При томъ, что онъ любитъ её до безумія—только, и мнѣ навѣрное извѣстно, что она дважды отказала ему, въ прошломъ году и теперь. Конечно, если ты не хочешь ничего для нея сдѣлать—она, можетъ быть, и выйдетъ за него, чтобы пристроиться. Это будетъ вполнѣ естественно.

— Нѣтъ, этакой исторіи!—Герцогъ отъ изумленія даже выпустилъ жену. Герцогиня не безъ волненія слѣдила за нимъ. Не успѣлъ онъ отвѣтить, какъ въ передней послышался чей-то голосъ. Мужъ и жена быстро отскочили другъ отъ друга. Дверь распахнулась, и лакей доложилъ:—миссъ Ле-Бретонъ!

Жюли Ле-Бретонъ вошла и остановилась на порогѣ, глядя не въ смущеніи, но какъ бы въ нерѣшимости на супруговъ, бесѣда которыхъ была прервана ея появленіемъ. Она была блѣдна послѣ безсонной ночи; лицо у нея было грустное и усталое, но это не мѣшало ей быть очень элегантной и вполнѣ владѣть собою. Черное суконное платье, плотно облегавшее ея фигуру; ея странно выразительное лицо

подъ большой шляпой, очень простой, но надѣтой такъ, какъ ее умѣютъ носить только свѣтскія женщины, удивительная, но въ то же время чрезвычайно граціозная тонкость ея стана; нѣжныя руки; врожденное достоинство въ каждомъ движеніи,—все это не сразу произвело сильное, хотя и смѣшанное впечатлѣніе на человѣка, только что называвшаго её интриганкой. Онъ поклонился съ невольной почтительностью, которой онъ вовсе не собирался выказывать ослушной компаньонкѣ леди Генри и, нахмурившись, остался на мѣстѣ.

Но герцогиня, не обращая вниманія на мужа, кинулась на шею пріятельницѣ.

— Жюли, голубушка! покажитесь, осталось ли отъ васъ хоть что-нибудь? Я почти не спала—все думала о васъ. Что эта старая—о! я забыла! вы знакомы съ моимъ мужемъ? Берти, это мой большой другъ, миссъ Ле-Бретонъ.

Герцогъ снова молча поклонился. Жюли посмотрѣла на него и, не выпуская руки герцогини, подошла къ нему, устремивъ на него свои прекрасные умоляющіе глаза.

— Вы, вѣроятно, уже получили письмо отъ леди Генри? Въ запискѣ, которую она мнѣ прислала сегодня утромъ, она говоритъ, что писала вамъ. Я не могла не придти сегодня—Эвелина была такъ добра. Но вы—желаете ли вы, чтобъ я бывала у васъ?

При имени своей жены герцогъ поморщился, хотя оно сорвалось съ языка Жюли совершенно случайно. Сходство съ лордомъ Лэкинтономъ, несомнѣнно, было поразительное. Герцогу вспомнились давно прошедшія времена, вспомнилось, какъ лордъ Лэкинтонъ гостилъ у нихъ въ домѣ со своими двумя дочерьми, Розой и Бланшъ. Онъ, герцогъ, учился тогда въ школѣ, но пріѣхалъ домой на каникулы. Дѣвочки, изъ которыхъ одна была лѣтъ на пять на шесть старше другой, были душой общества. Онъ вспомнилъ, какъ онъ охотился вмѣстѣ съ леди Розой...

Надо же, однако, совладать съ собой; онъ сдѣлалъ усиліе.

— Я буду радъ, если моя жена найдетъ возможность быть вамъ полезной, миссъ Ле-Бретонъ,—сказалъ онъ холодно;—но съ моей стороны было бы нечестно скрывать свое мнѣніе: насколько я могъ себѣ уяснить, леди Генри имѣетъ серьезныя причины быть недовольной, и жалобы ея вполнѣ основательны.

— Вы совершенно правы, совершенно правы!—горячо сказала Жюли.—Она, дѣйствительно, могла обидѣться.

Герцогъ былъ захваченъ врасплохъ неожиданностью. При всемъ его высокомѣріи и подчасъ мелкомъ тщеславіи, котораго такъ трудно избѣжать балованнымъ дѣтямъ свѣта, онъ колебался, не находилъ словъ...

Между тѣмъ, герцогиня тащила гостью къ дивану.

— Да сядьте же—у васъ такой усталый видъ.

Но Жюли все не сводила глазъ съ герцога, удерживая Эвелину, которая хотѣла усадить её, и тотъ овладѣлъ собой. Онъ принесъ кресло, и Жюли сѣла.

— Я глубоко, глубоко огорчена за леди Генри,—выговорила она тихо, и голосъ ея, противъ воли герцога, проникъ ему въ душу.—Я не оправдываюсь—о нѣтъ!—я не защищаю вчерашняго вечера. Но только мое положеніе было очень затруднительное... мнѣ такъ хотѣлось видѣть герцогиню... и развѣ не естественно, что старые друзья пожелали лично справиться о здоровьи леди Генри? Но, конечно, они засидѣлись слишкомъ долго... это моя вина—мнѣ слѣдовало предупредить это...

Она запнулась. Въ строгомъ лицѣ человѣка, стоявшаго у камина, смотря на нее, хоть онъ и былъ филистеромъ, читались прямота и безпристрастіе, нѣсколько смущавшія ее. Она искренно предпочла бы сказать ему правду. Но развѣ это было возможно? Она сдѣлала, что могла, и ея разсказъ, конечно, былъ не болѣе неправдивъ, чѣмъ десятки и сотни повѣствованій о разныхъ общественныхъ событіяхъ, ежедневно исходящихъ изъ устъ самыхъ почтенныхъ и правдивыхъ людей. Герцогинѣ онъ показался верхомъ прямодушія и благородства. Единственное, чего она, быть можетъ, желала бы въ глубинѣ души,—это, чтобъ она не застала Жюли одну съ Гарри Уорквортомъ. Но она была вѣрнымъ другомъ и скорѣе пошла мы на муки, чѣмъ обвинять или выдать пріятельницу.

Между тѣмъ, герцогъ, слушая Жюли, переходилъ отъ одного настроенія къ другому. Больше всего, пожалуй, на него дѣйствовалъ ея независимый тонъ; она говорила съ нимъ, какъ равная съ равнымъ. Глядя на нее и слушая ее, онъ не могъ забыть, что это близкая родственница его жены, внучка старшаго и близкаго друга ихъ дома, дочь человѣка, имя котораго нѣкогда гремѣло по всей Европѣ, и потомка знатнаго рода—все это ярко сказывалось въ ея тонѣ, въ ея обращеніи. Но Боже мой, неужели же можно ставить незаконное рожденіе наряду съ законнымъ такъ, чтобъ оно не пятнало и не влекло за собой кары? Признать порокъ добродѣтелью, или равноцѣннымъ ей? Герцогъ упорствовалъ.

— Это въ высшей степени непріятная исторія,—сказалъ онъ, помолчавъ, когда Жюли довела свой разсказъ до конца, и суше прибавилъ:—во всякомъ случаѣ я долженъ буду извиниться за участіе въ ней моей жены.

— Леди Генри недолго будетъ гнѣваться на герцогиню. А я,—голосъ Жюли дрогнулъ,—мое сегодняшнее письмо она мнѣ вернула нераспечатаннымъ.

Наступило неловкое молчаніе; затѣмъ Жюли продолжала, уже другимъ тономъ:

— Собственно мнѣ хотѣлось бы, главнымъ образомъ, обсудить, какъ намъ обречь леди Генри отъ дальнѣйшихъ непріятностей и огорченій. Она какъ-то въ гнѣвѣ сказала мнѣ, что если мы разстанемся съ ней въ ссорѣ и кто-либо изъ ея старыхъ друзей станетъ на мою сторону, она раззнакомится съ нимъ...

— Я это знаю,—сухо сказалъ герцогъ.—Ея салонъ погибъ. Она сама предвидитъ это.

— Но зачѣмъ же? зачѣмъ?—воскликнула Жюли съ непритворнымъ огорченіемъ.—Это надо какъ-нибудь предупредить. Къ несчастью, я должна жить въ Лондонѣ. Мнѣ предлагаютъ работать въ газетѣ; такой работы не увезешь съ собой въ деревню или за границу. Но я рада бы сдѣлать все, чтобъ оберечь леди Генри...

— Интересно, какъ поступитъ м-ръ Монтрезоръ,—перебилъ ее герцогъ.—Монтрезоръ уже нѣсколько поколѣній былъ Шатобріаномъ этой новой madame Рекамье.

Жюли быстро обернулась къ нему.

— Я получила отъ м-ра Монтрезора письмо сегодня утромъ, за завтракомъ. Онъ проситъ меня отъ своего имени и отъ имени м-рсъ Монтрезоръ погостить у нихъ, пока опредѣлятся мои планы. Онъ... онъ такъ добръ, что увѣряетъ, будто чувствуетъ себя отчасти отвѣтственнымъ за вчерашній вечеръ.

— И вы ему отвѣтили?—Герцогъ пристально смотрѣлъ на нее.

Жюли вздохнула и опустила глаза.

— Я попросила его не думать обо мнѣ и написать сейчасъ же леди Генри. Надѣюсь, что онъ такъ и сдѣлалъ.

— А отъ приглашенія м-рсъ Монтрезоръ—простите за вопросъ—вы отказались?

По высоко поднятымъ и сдвинутымъ бровямъ герцога видно было, что онъ озадаченъ.

— Конечно!—Жюли посмотрѣла на него съ удивленіемъ.—Леди Генри никогда не простила бы этого. Объ этомъ нечего было и думать. Лордъ Лэкинтонъ также...

— Да?—сдѣлала герцогиня, присѣвшая на скамеечку у ногъ Жюли и глядѣвшая ей въ глаза.

— Отъ него я тоже получила письмо. Онъ хочетъ помочь мнѣ. Но я не могу этого допустить.

Послѣднія слова она договорила шепотомъ, откинулась на спинку кресла и закрыла платкомъ глаза. Это было сдѣлано очень просто и очень трогательно. Герцогиня бросила мужу молніеносный взглядъ и, завладѣвъ одной изъ рукъ Жюли, принялась цѣловать ее и что-то шептать надъ ней.

«Видано ли когда-либо подобное положеніе?» думалъ герцогъ, сильно взволнованный. «И, если вѣрить Эвелинѣ, ей представлялся шансъ—да нѣтъ, какое! Полная практическая возможность сдѣлаться герцогиней Чёдлей—и она отказалась!»

Такого рода великодушіе онъ ставилъ очень высоко. По части подобныхъ жертвъ онъ былъ требовательнѣе къ другимъ, чѣмъ къ себѣ самому, но и въ другихъ онъ умѣлъ ихъ цѣнить.

Пройдясь нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ, онъ подошелъ къ обѣимъ женщинамъ.

— Миссъ Ле-Бретонъ,—заговорилъ онъ съ необычной для него торопливостью,—я не могу одобрить, и Эвелинѣ не слѣдовало бы одобрять многаго, что произошло между вами и леди Генри. Но я понимаю, что ваша жизнь у нея въ домѣ была не изъ легкихъ, и сознаюсь, что теперь вы выказали большую кротость. Эвелина очень разстроена всѣмъ этимъ. Разъ вы обѣщаете сдѣлать все возможное, чтобы смягчить разрывъ для леди Генри, я буду радъ, если вы позволите мнѣ отчасти придти вамъ на помощь...

Лицо Жюли приняло серьезное выраженіе; она сдвинула брови. Герцогъ, невольно краснѣя, продолжалъ:

— У меня есть тутъ по близости небольшой домикъ, меблированный—Эвелина вамъ объяснитъ. Сейчасъ въ немъ никто не живетъ. Если вы согласитесь поселиться въ немъ—скажемъ, на полгода,—герцогиня нахмурилась,—вы доставите мнѣ удовольствіе Я самъ объясню это леди Генри и попытаюсь смягчить ее.

Онъ остановился. Лицо миссъ Ле-Бретонъ выражало признательность, съ оттѣнкомъ волненія, но вмѣстѣ и большую нерѣшительность.

— Вы очень добры! Но у меня нѣтъ на васъ никакихъ правъ... И я могу прожить одна.

Въ ея тонѣ былъ оттѣнокъ надменности. Она, не спѣша, поднялась съ кресла. «Слава Богу, что я не предложилъ ей денегъ!» подумалъ герцогъ, странно смущенный.

— Жюли! милая Жюли!—умоляла герцогиня.—Это такой хорошенькій домикъ... и онъ совсѣмъ заглохъ отъ того, что въ немъ никто не живетъ. Вотъ ужъ два года, какъ въ него никто не входилъ, кромѣ сторожа, оставленнаго при квартирѣ. Вы положительно окажете намъ услугу, если станете жить тамъ,—не правда ли, Берти? Тамъ все осталось, какъ было, вся обстановка, вплоть до мѣховъ и щипцовъ. Еслибъ вы только захотѣли взять на себя трудъ присмотрѣть за всѣмъ этимъ! Берти не хотѣлось продавать этихъ вещей; все это старое, фамильное, и онъ очень любилъ кузину Мэри Лейстеръ... Жюли, милая, скажите, что вы согласны. Я велю протопить комнаты, пошлю туда простынь и все, что нужно, и вы сразу почувствуете себя, какъ будто вѣкъ тамъ жили. Согласитесь, Жюли.

Жюли покачала головой.

— Я пришла сюда,—выговорила она нетвердымъ голосомъ,—просить совѣта, не милости. Но все-таки вы очень добры...

И она дрожащими пальцами стала опускать вуалетку.

— Жюли! Куда вы? Вы остаетесь у насъ.

— У васъ!—Жюли круто повернулась.—Неужели вы думаете, что я соглашусь быть въ тягость вамъ или кому бы то ни было?

— Но, Жюли, вы же сказали Джэкобу, что вы придете.

— Я и пришла. Я нуждалась въ вашемъ сочувствіи и совѣтѣ. Мнѣ хотѣлось также поговорить по душѣ съ герцогомъ и указать ему, какъ можно облегчить положеніе леди Генри.

Ея грустный тонъ, полный раскаянія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и достоинства, довершилъ пораженіе—временное пораженіе герцога.

— Миссъ Ле-Бретонъ,—началъ онъ неожиданно, подойдя къ ней совсѣмъ близко,—я помню вашу мать...

Глаза Жюли наполнились слезами. Рука ея медлила завязать вуалетку.

— Я былъ мальчикомъ-школьникомъ, когда она гостила у насъ. Она была красавица. Она брала меня съ собой на охоту. Она была очень добра ко мнѣ, и мнѣ она представлялась какимъ-то божествомъ. Когда я впервые услышалъ о ея судьбѣ—много лѣтъ спустя, я былъ страшно потрясенъ. Ради нея примите мое предложеніе. Не будемъ говорить о томъ, какъ поступила ваша мать. Я не легко смотрю на такія вещи—о, нѣтъ! Но я не могу вынести мысли, что ея дочь въ Лондонѣ одна и безъ друзей.

Странное дѣло! говоря это, онъ какъ будто слушалъ кого-то другого. Онъ самъ не понималъ, какія чувства овладѣли имъ, съ какой силой внезапно нахлынули на него воспоминанія о леди Розѣ.

Она положила руки на каминную доску и уронила на нихъ голову; лица ея не было видно—она стояла спиной, но супруги видѣли, что она тихонько плакала.

Герцогиня подкралась къ ней и обвила руками ея станъ.

— Вы согласны, Жюли? Вы согласны? Леди Генри выставила васъ безъ всякаго предупрежденія, и въ значительной степени по моей винѣ. Вы должны позволить намъ помочь вамъ.

Жюли не отвѣчала, но, освободивъ одну руку и не глядя на герцога, протянула ему эту руку.

Онъ пожалъ ее такъ сердечно, что даже самъ удивился.

— Ну, вотъ и хорошо! Вотъ и отлично! Ну-съ, Эвелина, дальнѣйшее я предоставляю вамъ. Устраивайтесь сами. Ключи будутъ здѣсь послѣ обѣда. Миссъ Ле-Бретонъ, конечно, пока останется у насъ. А мнѣ давно пора на засѣданіе. Еще одно, миссъ Ле-Бретонъ.

— Да?

— Я думаю, вамъ слѣдуетъ открыться лорду Лэкинтону.

Это было сказано очень серьезно. Жюли содрогнулась.

— Вы мнѣ позволите самой выбрать для этого время?—былъ ея умоляющій отвѣтъ.

— Конечно, конечно! Мы еще поговоримъ объ этомъ.

И герцогъ поспѣшно вышелъ, спускаясь съ лѣстницы, онъ самъ дивился тому, что сдѣлалъ, и спрашивалъ себя:

— Какъ только я объясню это леди Генри?

И, катя въ Сити въ собственномъ кэбѣ, онъ мучился сознаніемъ своей вины. Что могло побудить его поступить такъ дико и странно? Романтизмъ положенія?—нелѣпаго и безнравственнаго? Или просто-напросто фактъ, что эта женщина отказала Джэкобу Делафильду?

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЖЮЛЯ СИМОНА.

Въ коротенькомъ предисловіи къ своимъ воспоминаніямъ, изданнымъ уже послѣ его смерти сыновьями, Жюль Симонъ говоритъ, что передъ его глазами прошли три фазы соціальной жизни Франціи. Онъ видѣлъ возвращеніе аристократіи къ власти, онъ присутствовалъ при борьбѣ и торжествѣ буржуазіи и первыхъ шагахъ и неудачахъ демократіи. Первое уже отошло въ область воспоминаній, что же касается буржуазіи, то она, повидимому, готовится сойти со сцены и наступаетъ царство демократіи. «Что оно принесетъ намъ — это пока никому неизвѣстно», говоритъ Жюль Симонъ. Но въ своихъ воспоминаніяхъ онъ не высказываетъ ни своихъ взглядовъ, ни опасеній, а остается исключительно въ роли свидѣтеля, разсказывая только то, что видѣлъ и пережилъ самъ.

«Ничего не можетъ быть печальнѣе слѣдующаго дня послѣ государственнаго переворота, въ особенности, когда находишься среди побѣжденныхъ!» говоритъ онъ, вспоминая переворотъ 2-го декабря 1852 г., когда Людовикъ-Наполеонъ провозглашенъ былъ императоромъ французовъ подъ именемъ Наполеона III.

«Утромъ, 2-го декабря, наша единственная служанка разбудила насъ раньше положеннаго часа.

«— Madame! Madame! кричала она.—Всѣхъ арестовали!»

«Всѣхъ»,—это значило тѣхъ, кого она знала.

«— Кто вамъ сказалъ? Откуда вы это знаете»?—спросили мы ее.

«— Это напечатано,—отвѣчала она.—Листки продаютъ на улицахъ. По стѣнамъ расклеены рѣчи».

Служанка говорила правду. Сбѣжавъ съ пятаго этажа, гдѣ находилась его квартира, Жюль Симонъ бросился къ своимъ друзьямъ и никого не нашелъ. Всѣ исчезли, уѣхали или были арестованы! Остались на свободѣ два - три человѣка, вмѣстѣ съ Жюлемъ Симономъ, да и тѣ удивлялись, что ихъ не постигла та же участь. Бѣгая цѣлые дни по городу, чтобы собрать свѣдѣнія о пропавшихъ друзьяхъ, Жюль Симонъ столкнулся однажды рано утромъ съ Людовикомъ-Наполеономъ. Вотъ какъ онъ разсказываетъ объ этой встрѣчѣ.

«Я замѣтилъ двухъ человѣкъ, которые бродили по набережной и,

какъ мнѣ показалось, измѣряли павильонъ Флоры. Было восемь часовъ утра. На улицахъ не было никого. Однако это не были рабочіе. Подойдя ближе, я увидалъ, что это былъ Луи-Наполеонъ, бесѣдовавшій съ однимъ изъ своихъ приближенныхъ о перемѣнахъ, которыя онъ намѣревался сдѣлать въ домѣ нашихъ королей, ставшемъ теперь его домомъ. Встрѣча эта необыкновенно поразила меня. Не знаю, придовалъ ли онъ такое большое значеніе всѣми этимъ мелкимъ подробностямъ или онѣ служили для него отдохновеніемъ отъ болѣе серьезныхъ занятій, но извѣстно только, что, поселившись въ Тюльери, онъ немедленно же отдалъ приказаніе засыпать рвы на площади Согласія и измѣнить ея устройство. Можно было бы сказать, пожалуй, что и переворотъ онъ совершилъ лишь для того, чтобы произвести эту переборку въ концѣ сада. Мы даже спрашивали себя, не скрывается ли тутъ какой-нибудь стратегическій планъ».

«Въ тотъ же день я встрѣтилъ на площади согласія одного изъ моихъ бывшихъ учителей,—продолжаетъ Жюль Симонъ.—Еще недавно я былъ его коллегой въ Сорбоннѣ. Чувствуя потребность излить вѣрному человѣку свое негодованіе и свою печаль, я набросился на него и спросилъ:

«— Что вы думаете обо всемъ этомъ?

«Онъ посмотрѣлъ на меня задумчивымъ взоромъ и отвѣтилъ: «Надо подождать конца».

«Ждать конца! Это преступленіе могло, слѣдовательно, превратиться въ подвигъ, если оно окажется удачнымъ. И это говорилъ философъ! Я бросился бѣжать отъ него, какъ будто бы меня укусила змѣя. Въ теченіи многихъ лѣтъ потомъ я избѣгалъ встрѣчаться съ нимъ, но послѣ его смерти, я долженъ былъ сознаться, что онъ былъ порядочнымъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Какъ глубоко несчастны люди! Даже въ вопросахъ нравственности мы лишены возможности видѣть далѣе кончика своего носа».

Между тѣмъ, въ то время, какъ побѣжденные скрежетали зубами въ безсильной ярости, побѣдитель давалъ балъ «дамамъ парижскаго рынка» (dames de la Halle). Очевидно, онъ помнилъ правило древнихъ цезарей: «panem et circenses». Спорили о томъ, пойдутъ или не пойдутъ парижескія торговки на этотъ балъ. Онѣ пошли! И цезарь тоже явился на этотъ балъ и даже, какъ говорятъ, былъ удивленъ, что такъ много хорошенькихъ дѣвушекъ среди рыночныхъ торговокъ. А онѣ привѣтствовали его..

Онъ устраивалъ празднества также и въ своемъ новомъ дворцѣ для своихъ приближенныхъ. «Слезы должны всегда смѣшиваться со смѣхомъ», говоритъ Жюль Симонъ и припоминаетъ по этому поводу разсказъ о разговорѣ папы Пія VII съ Наполеономъ I. Папа произнесъ только два слова во время этого разговора. Диктаторъ началъ съ угрозъ. «Разбойникъ», промолвилъ Папа вполголоса. Такъ какъ угрозы

не подѣйствовали, то Наполеонъ перешелъ къ обѣщаніямъ и хорошимъ словамъ. «Комедіантъ» проговорилъ Пій VII. «Въ этихъ двухъ словахъ заключается вся философія исторіи,—прибавляетъ Жюль Симонъ. Трагедіи и комедіи имѣютъ гораздо болѣе точекъ соприкосновеніе, нежели это принято думать, и часто переходятъ одна въ другую».

Жюль Симонъ занималъ и тогда ту же самую квартиру въ пятомъ этажѣ, на площади Маделенъ. Подъ нимъ жилъ одинъ изъ новыхъ важныхъ государственныхъ чиновниковъ, только наканунѣ вышедшій изъ ничтожества. На лѣстницѣ, гдѣ находилась и квартира Жюля Симона, постоянно толпились всевозможные агенты, оффиціальные и неоффиціальные, которые всегда кишмя кишатъ послѣ всякаго переворота. Жена Жюля Симона жила, поэтому, въ постоянномъ страхѣ, и такъ какъ аресты обыкновенно производилось по ночамъ, то она ждала посѣщенія каждую ночь. Однажды, когда весь домъ уже спалъ, раздался сильный звонокъ. Увѣренный, что пришелъ его чередъ, Жюль Симонъ вскочилъ съ постели. Неистовый звонъ не прекращался и, кромѣ того, въ дверь стучали кулаками. Наскоро одѣвшись, Жюль Симонъ отворилъ двери и... увидалъ передъ собою даму въ бальномъ туалетѣ, въ бриліантахъ и перьяхъ, которая, при видѣ Жюля Симона, страшно перепугалась и принялась кричать, очевидно вообразивъ, что это мошенникъ. Оказалось, что это была его сосѣдка, возвращавшаяся съ бала изъ тюльерійскаго дворца и въ темнотѣ ошибшаяся этажомъ, въ то время, когда ея мужъ расплачивался внизу съ кучеромъ. Дѣло объяснилось, и Жюль Симонъ проводилъ ее со свѣчкой въ ея квартиру, но бѣдная дама была больна нѣсколько дней отъ испуга.

Настроеніе побѣжденныхъ въ первые годы послѣ переворота было самое ужасное. «Вы не можете составить себѣ понятія о томъ гнѣвѣ, который бушевалъ въ нашей душѣ,—говоритъ Жюль Симонъ.—Мы попались въ ловушку, что было не особенно лестно для нашего самолюбія, мы были разбиты на голову, да еще къ тому же должны были терпѣть безпримѣрно суровое обращеніе. Мы готовы были мириться съ увольненіемъ отъ должности, и даже заключеніемъ въ тюрьму и съ ссылкой, лишь бы все это носило характеръ временный и не сопровождалось другими жестокостями. Но въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мы постоянно только и слышали, что о тайныхъ казняхъ. Я думаю, что это была неправда. Но абсолютное уничтоженіе свободы печати всегда имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ распространеніе клеветы. Одно было вѣрно, что многія лица, даже довольно значительныя, исчезали безслѣдно и никто не зналъ, гдѣ они находились. Въ «Moniteur» печатались списки временныхъ изгнанниковъ и ссыльныхъ, но, кромѣ этихъ лицъ, пользовавшихся извѣстностью и, поэтому, удостоенныхъ оффиціальнаго упоминанія, было много такихъ, которыхъ забирала полиція во время своихъ набѣговъ и имена которыхъ нигдѣ не упоминались. Ихъ заковывали въ цѣпи и, какъ въ прежнія времена,

отправляли пѣшкомъ, въ сопровожденіи солдатъ, на пристань и тамъ сажали на суда и отправляли далѣе, въ Алжиръ или Кайенну... Мы все это видѣли, но да избавитъ Богъ нашихъ дѣтей отъ такого зрѣлища! Изгнанники въ Лондонѣ, въ Брюсселѣ страшно бѣдствовали. Мы же, изгнанники внутри страны, какъ мы себя называли, не могли ни говорить, ни писать. Насъ лишали нашихъ должностей, намъ не позволяли писать въ газетахъ. Кліенты не смѣли обращаться къ намъ, если нуждались въ адвокатѣ, и мы жили въ постоянномъ страхѣ быть арестованными полиціей или препровожденными на границу. Плохое это было время, дѣти мои! Я родился въ 1814 г., я пережилъ 1852 и 1871 года. Я принадлежу, слѣдовательно, къ трижды проклятому поколѣнію!»

Въ эпоху государственнаго переворота Жюлю Симону было 37 лѣтъ. Онъ былъ депутатомъ и государственнымъ совѣтникомъ и въ то же время профессоромъ философіи въ Сорбоннѣ, зарабатывая въ общемъ около трехсотъ франковъ въ мѣсяцъ. Лекціи въ Сорбоннѣ начались по обыкновенію въ ноябрѣ, но Жюль Симонъ опоздалъ. Деканъ попросилъ его начать чтеніе своихъ лекцій, и Жюль Симонъ помѣстилъ объявленіе о своей лекціи наканунѣ плебисцита 10-го декабря. Аудиторія была переполнена, когда онъ явился, и толпа тѣснилась даже во дворѣ Сорбонны. «Это было естественно,—замѣчаетъ Жюль Симонъ,— вѣдь мнѣ первому предстояло заговорить среди этой толпы, осужденной на безмолвіе въ теченіе всей недѣли».

Очевидно, и толпа была заинтересована тѣмъ, что онъ скажетъ. Жюль Симонъ съ трудомъ проложилъ себѣ дорогу къ каѳедрѣ и, взойдя на нее, сказалъ:

«Господа! Я здѣсь состою профессоромъ нравственности, моя обязанность преподавать вамъ ее и подкрѣплять свои слова примѣромъ. Я скажу вамъ: право публично попирается тѣмъ, кто долженъ былъ бы его защищать, и завтра Франція должна будетъ высказать свое рѣшеніе, оправдываетъ ли она это нарушеніе права, или осуждаетъ его. Но если въ урнахъ будетъ только одинъ бюллетень для осужденія этого акта, то я заранѣе требую его для себя; этотъ бюллетень будетъ отъ меня!»

Эта фраза, сказанная дрожащимъ голосомъ, произвела глубокое впечатлѣніе на слушателей. Жюль Симонъ не могъ говорить дальше, голосъ его заглушали аплодисменты. Наконецъ, когда энтузіазмъ нѣсколько поулегся, онъ сказалъ:

«Я принимаю ваши аплодисменты, какъ клятву. Если когда-либо вы поддадитесь позорной слабости, вспомните объ этой минутѣ и скажите себѣ, что вы—клятвопреступники!»

Слова эти вызвали новый взрывъ энтузіазма. Молодежь повскакивала на скамьи, неистово аплодируя. Друзья Жюля Симона, воспользовавшись минутой, поскорѣе увели его, и черезъ полчаса онъ уже сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, а въ это время полиція искала его во всѣхъ

закоулкахъ Сорбонны. На другой день, на первой страницѣ «Moniteur» красовалось слѣдующее объявленіе: «Г. Жюль Симонъ, профессоръ нормальной школы и словеснаго факультета, отрѣшается отъ должности на нѣкоторое время».

Однако, отставка не заставила себя ждать. Черезъ три дня директоръ нормальной школы Мишель принесъ Жюлю Симону формулу присяги, тотъ отказался подписать ее... «Въ такомъ случаѣ у меня есть приказаніе вычеркнуть ваше имя изъ списка профессоровъ»,— сказалъ Мишель. «Я ждалъ этого», отвѣтилъ Жюль Симонъ.

Жюль Симонъ остался буквально на улицѣ. Вопросъ о хлѣбѣ насущномъ принималъ для него особенно острую форму, такъ какъ у него не было ничего, кромѣ небольшого дохода его жены. Пришлось искать заработка. Спустя нѣсколько дней Жюль Симонъ пристроился у Гашета, основателя огромной книготорговли, который поручилъ ему чтеніе и правку рукописей.

Но положеніе изгнанниковъ заграницей было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще хуже. Имъ трудно было найти заработокъ и они подчасъ страшно бѣдствовали. Однако, ихъ не забывали во Франціи. Нашелся человѣкъ, имени котораго Жюль Симонъ не называетъ, который рѣшилъ организовать правильный сборъ среди республиканцевъ въ пользу ихъ товарищей, бѣжавшихъ за границу. Онъ самъ былъ сборщикомъ и не останавливался ни передъ чѣмъ, поднимаясь въ пятые этажи и спускаясь въ подвалы. Одинъ только вопросъ смущалъ его, можно ли принимать деньги отъ недостойнаго? Однажды префектъ сенскаго департамента прислалъ ему 1.000 фр. въ пользу ссыльныхъ. Это привело его въ сильное смущеніе, тѣмъ болѣе, что мнѣнія его друзей раздѣлились въ этомъ вопросѣ.

«Это былъ Гудшо,—говоритъ Жюль Симонъ. Ему еще не поставили статуи во Франціи, но онъ былъ однимъ изъ отцовъ республики; онъ содѣйствовалъ ея основанію, а послѣдніе годы своей жизни онъ посвятилъ на то, чтобы помогать и облегчать участь республиканцевъ. Политическіе дѣятели, которые еще въ прошломъ году были предводителями партіи, теперь умирали съ голода, вмѣстѣ со своею семьей, на какомъ-нибудь чердакѣ, гдѣ-нибудь въ Бельгіи, и Гудшо являлся къ нимъ на помощь со своими деньгами. Но бѣдствующихъ было много и среди оставшихся во Франціи. Бывшіе депутаты поступали сторожами на желѣзную дорогу или носильщиками. Одинъ изъ депутатовъ, бывшій префектъ въ одномъ изъ департаментовъ юга, продавалъ на улицахъ овощи, которыя онъ развозилъ въ телѣжкѣ, запряженной собакой».

Подобные факты только возбуждали гнѣвъ Жюля Симона и его друзей и не давали заглохнуть раздраженію и негодованію. Цѣлыхъ четыре года продолжалось такое настроеніе, и Жюль Симонъ справедливо замѣчаетъ, что такъ долго чувствовать гнѣвъ тяжело, пожалуй

даже тяжелѣе, чѣмъ терпѣть бѣдствія въ изгнаніи. Къ тому же на сторонѣ изгнанниковъ было общее сочувствіе и сожалѣніе, на сторонѣ же оставшихся—ничего!

Нѣкоторымъ отвлеченіемъ служили для оставшихся разсказы о побѣгахъ арестованныхъ единомышленниковъ. Они прибѣгали ко всевозможнымъ хитростямъ, гриммировались, переодѣвались и т. д. Одинъ изъ нихъ приложилъ себѣ къ лицу горсть крупной соли и сильно прижалъ ее компрессомъ, операція была очень болѣзненная, но и результаты вышли поразительные: все лицо у него было словно источено оспой, да и оспа, кажется, не могли бы сдѣлать лицо болѣе неузнаваемымъ. Даже родные и друзья не узнавали его и онъ долженъ былъ говорить имъ свою фамилію. Онъ думалъ, что это пройдетъ, какъ только онъ пріѣдетъ въ Бельгію и займется возстановленіемъ своей наружности, но не тутъ то было, слѣды оставались долгіе мѣсяцы и онъ уже началъ пугаться, что навѣки останется уродомъ.

Про другого изъ друзей Жюля Симона разсказывали, что онъ бѣжалъ, переодѣтый священникомъ. Это былъ красивый юноша, съ тонкими чертами лица, изящными манерами и музыкальнымъ голосомъ. Вѣроятно, костюмъ священника былъ очень ему къ лицу. Пріятель его священникъ, одолжившій ему свою рясу, воротникъ и треуголку, прибавилъ къ этому еще и рекомендательное письмо къ настоятелю одного бенедиктинскаго монастыря, находящагося въ пограничномъ городѣ. Тамъ его приняли со всевозможными почестями и окружили вниманіемъ и заботами. Его помѣстили въ лучшую комнату, гдѣ онъ нашелъ все необходимое, чтобы привести въ порядокъ свой туалетъ. Въ семь часовъ прозвонилъ колоколъ къ трапезѣ. Мнимый священникъ очень обрадовался; онъ былъ страшно голоденъ, такъ какъ не рѣшался выходить на желѣзнодорожныя станціи и закусывать въ буфетѣ. Монахи пришли за нимъ. «Пожалуйте, г. аббатъ, отецъ настоятель ждетъ васъ», сказали они.

Его повели въ трапезную. Тамъ уже собрались монахи вокругъ стола, накрытаго тонкою, бѣлоснѣжною скатертью и уставленнаго серебромъ. Его окружили, спрашивали о здоровьи, о путешествіи. Настоятель усадилъ его на почетномъ мѣстѣ. Наконецъ всѣ размѣстились, но никто не садился и всѣ стояли около стола. Мнимый аббатъ съ недоумѣніемъ поглядывалъ кругомъ. Неужели всѣ будутъ такъ стоять все время? Онъ видѣлъ, что всѣ взоры обращены на него, и недоумѣвалъ, что это значитъ. Наконецъ, настоятель обратился къ нему: «Мы ждемъ г. аббатъ,—сказалъ онъ, чтобы вы произнесли «Benedicite».— «Benedicite»! Въ самомъ дѣлѣ, я объ этомъ не подумалъ. Но, мой отецъ, это вы должны произнести молитву. Я не смѣю...»—«О нѣтъ. Я не могу».

Такія настаиванія съ той и другой стороны продолжались нѣсколько минутъ. Бѣдный аббатъ находился въ очень затруднитель-

номъ положеніи. Онъ зналъ эту молитву только по имени. Ему пришло было въ голову сказать, что онъ далъ обѣтъ никогда не произносить этой молитвы. Но подобный обѣтъ показался бы слишкомъ необыкновеннымъ. Наконецъ, онъ рѣшился и, отозвавъ настоятеля въ сторону, сказалъ ему:

— Видите ли, мой отецъ, во время пути... Однимъ словомъ, я не достоенъ произносить эту молитву и умоляю васъ, мой отецъ, по крайней мѣрѣ, сегодня вечеромъ благословить нашу трапезу.

Настоятель согласился, и несчастный аббатъ, наконецъ, вздохнулъ свободно. Во время трапезы онъ велъ назидательную бесѣду и настолько удачно, что удалился, сопровождаемый всеобщими похвалами и благословеніями. Онъ рѣшилъ ѣхать дальше съ поѣздомъ въ пять часовъ утра, но одинъ изъ монаховъ, у котораго было дѣло въ Брюсселѣ, тоже поѣхалъ съ нимъ, для того, чтобы подольше пользоваться его пріятнымъ обществомъ. Они вмѣстѣ проѣхали черезъ границу и всѣ таможенные служащіе, какъ бельгійцы, такъ и французы, любезно привѣтствовали ихъ.

— Гдѣ вы остановитесь въ Брюсселѣ, г. аббатъ? — спросилъ монахъ.

— Я не остановлюсь нигдѣ, а проѣду прямо въ Малинъ.

— Къ его высокопреосвященству? Передайте же ему мое нижайшее почтеніе.

— Хорошо, мой отецъ.

Такъ кончилась благополучно эта исторія, о которой долго толковали въ Парижѣ.

Ни одинъ французъ - республиканецъ не могъ себя чувствовать въ безопасности тогда. Лишь очень немногіе избѣгли тюрьмы, изгнанія, ссылки. Жюль Симонъ принадлежалъ къ числу этихъ счастливцевъ и разсказываетъ, что былъ очень сконфуженъ, когда однажды, три года спустя, въ Гентѣ губернаторъ спросилъ его: «Сколько времени, mon cher monsieur, вы сидѣли въ тюрьмѣ?» Такой вопросъ, адресованный французскому республиканцу, являлся вполнѣ естественнымъ, и Жюль Симонъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ долженъ былъ сознаться, что онъ не былъ ни арестованъ, ни въ ссылкѣ. Бургомистръ, очевидно подмѣтившій его смущеніе, весьма любезно возразилъ ему, что «это не его вина».

Французскіе изгнанники за границей, особенно тѣ, которыя не имѣли состоянія, очень бѣдствовали. Найти работу въ чужой странѣ было не такъ-то легко. Тѣ, которые оставались во Франціи, находились, по крайней мѣрѣ, въ родной странѣ. Но и ихъ положеніе часто бывало не лучше; они тоже попали въ разрядъ иностранцевъ, да при томъ еще находящихся на дурномъ счету. Всѣ тѣ, которые занимали какія-либо должности, были уволены. Обыкновенно это совершалось очень просто:

— Вы будете присягать?

— Нѣтъ.

— Ну такъ убирайтесь вонъ.

И тѣмъ дѣло кончалось. Всѣ искренніе и честные люди очутились такимъ образомъ на улицѣ. Счастливы были тѣ, у которыхъ оказались хоть какіе-нибудь запасы; у большинства же ничего не было. Всѣ эти люди, выброшенные за бортъ новымъ правительствомъ, составили въ Парижѣ особую колонію, совершенно такую же, какъ и ихъ соотечественники въ Брюсселѣ или Лондонѣ. Но тамъ они были пришельцами, а здѣсь республиканцы чувствовали себя чужими среди своихъ. Они отлично понимали, что еслибъ имъ нужно было прибѣгнуть къ защитѣ закона или администраціи, то и тотъ и другой обратились бы противъ нихъ. Они жили, имѣя передъ собою въ перспективѣ Кайенну; буржуа, даже тѣ, которые въ глубинѣ души не одобряли переворота, избѣгали съ ними сношеній, какъ съ зачумленными.

Жюль Симонъ съ особенною теплотою отзывается о республиканцахъ 48 года, о ихъ примѣрномъ безкорыстіи и традиціяхъ, которымъ вѣрно служили всѣ тѣ, кто былъ представителемъ республики во времена имперіи и кто основалъ ее при Тьерѣ.

«Всѣмъ извѣстна исторія послѣднихъ лѣтъ Ламартина,—говоритъ онъ. — Нѣкоторые возмущаются ими, но я считаю, что они составляютъ его славу. Вѣдь Ламартинъ разорился не для того, чтобы наслаждаться жизнью, а раздавая другимъ. Теперь это уже выяснилось. Онъ истощалъ свои силы, работая, словно ремесленникъ, до самой своей смерти, чтобы платить. Гдѣ же тутъ позоръ? Имя Ламартина напоминаетъ мнѣ другое—Виктора Гюго, который былъ богатъ. Но нельзя бросать ему въ лицо, какъ упрекъ, его богатство: ни одинъ грошъ его состоянія не былъ полученъ изъ государственной казны. Великій, безсмертный Араго оставилъ дѣтямъ только свое имя. Въ моментъ же изгнанія всѣ республиканцы, не имѣвшіе наслѣдственнаго состоянія, очутились въ нуждѣ. Луи Бланъ, Эскиросъ нашли средства къ жизни въ своемъ литературномъ талантѣ. Флоконъ умеръ съ голода, а семья Марра едва въ состояніи была заплатить за его погребеніе».

«Никто изъ нашихъ великихъ людей не обогатился,—говоритъ далѣе Жюль Симонъ.—Наше счетоводство было самое фантастическое. Никто ничего не подписывалъ на расходъ по выборамъ. На столѣ, въ салонѣ Гарнье-Пажеса стояла деревянная копилка. Кто желалъ, тотъ клалъ въ нее, сколько хотѣлъ. Никто не благодарилъ, никто не записывалъ и никто не считалъ. Одинъ изъ секретарей заявлялъ, напримѣръ: «Принесли счетъ». Гарнье-Пажесъ отвѣчалъ на это: «Возьмите въ копилкѣ». Случалось, что секретарь замѣчалъ: «Тамъ недостаточно». Тогда Гарнье-Пажесъ обращался къ окружающимъ: «Господа, поищемъ у себя». Эти деньги шли на общую пропаганду, такъ какъ расходы на кандидатуру несли сами же кандидаты. Какъ бы тамъ ни было,

но честность основателей второй республики остается внѣ сомнѣній, а это уже не мало».

Со времени лекціи въ Сорбоннѣ, прочитанной имъ наканунѣ плебисцита и своего отказа присягнуть, Жюль Симонъ превратился въ политическаго дѣятеля, насколько это было возможно въ ту эпоху, когда всѣ общественныя поприща, журналистика, чтеніе лекцій и т. д. были закрыты для него и для его единомышленниковъ. Жюль Симонъ принадлежалъ къ небольшой группѣ республиканцевъ, главою которыхъ былъ генералъ Кавеньякъ и самыми авторитетными членами которой были Гудшо, Гарнье-Пажесъ, Карно, Ландренъ, Дюклеркъ, Лоранъ Пишо. Вся эта компанія собиралась вмѣстѣ ежемѣсячно на обѣдъ, который назывался «обѣдомъ мертвецовъ». Чаще всего на этомъ обѣдѣ предсѣдательствовалъ Кавеньякъ, иногда Марра или генералъ Ламорисьеръ, который всегда умѣлъ всѣхъ воодушевить. Всѣ они вмѣстѣ составляли первый кружокъ непримиримыхъ, но Жюль Симонъ сознается, что политика ихъ была никуда негодной. Въ самомъ дѣлѣ, она состояла исключительно въ томъ, что они воздерживались отъ участія въ общественной работѣ, увѣренные, что правительство не удержится, такъ какъ около него нѣтъ людей, которые могли бы поддержать его. Но Жюль Симонъ и его друзья упускали изъ виду необыкновенную силу, которую придавала этому правительству наполеоновская легенда и въ особенности боязнь соціализма, вслѣдъ за которымъ, какъ думали тогда, долженъ былъ слѣдовать терроръ.

Посѣщеніе этихъ ежемѣсячныхъ собраній все-таки было сопряжено съ нѣкоторыми опасностями, такъ какъ по новымъ законамъ такія собранія составляли уже преступленіе, подлежащее карѣ, такъ что участвовавшихъ въ нихъ могли арестовать и выслать или сослать въ Кайенну безъ всякаго судебнаго разбирательства. Жюль Симонъ полагаетъ, что они были допущены лишь потому, что полиція извлекала изъ нихъ свою выгоду. Среди союзниковъ измѣнниковъ не было, но на каждое такое засѣданіе являлись неизвѣстные. Многихъ едва знали по имени и Ландренъ говорилъ по этому поводу Гарнье-Пажесу: «Вѣдь если не будешь рисковать, то ничего не сдѣлаешь». Гарнье-Пажесъ только смѣялся на это и пожималъ плечами.

Общее мнѣніе всѣхъ присутствовавшихъ на этихъ «обѣдахъ мертвецовъ» было, что «такъ продолжаться не можетъ!» Франція сдѣлалась жертвою неожиданности; она была захвачена врасплохъ, а теперь она воспрянетъ, встряхнется. Орлеанисты, заключившіе договоръ съ Луи-Наполеономъ, теперь отдѣлились отъ него. Чѣмъ больше они его превозносили раньше и чѣмъ больше служили ему, тѣмъ больше они ненавидѣли его теперь. Кто же оставался возлѣ него? Горсть бонапартистовъ, всѣми осмѣянныхъ и презираемыхъ. Надо только предоставить ихъ самимъ себѣ и, конечно, тогда Франція скоро отъ нихъ избавится.

Такъ думали Жюль Симонъ и его друзья, утѣшавшіе себя надеждой, что чиновники, служившіе Луи-Наполеону, готовы оставить его при первомъ же удобномъ случаѣ, что они обратятся противъ него, и онъ останется одинъ. За границей изгнанники тѣшили себя подобными же надеждами и нѣкоторые въ своемъ оптимизмѣ доходили даже до того, что не распаковывали своихъ чемодановъ, ожидая, что скоро наступитъ моментъ возвращенія во Францію. «На этотъ разъ они уже не съ королемъ Луи-Филипомъ будутъ имѣть дѣло,—говорили они, съ наслажденіемъ предвкушая свое будущее торжество надъ Луи-Наполеономъ.— Ужъ ему не позволятъ уѣхать въ Америку!»

Только одинъ Карно не раздѣлялъ общихъ надеждъ.

Когда были объявлены первые выборы, то мнѣнія раздѣлились. Одни говорили: «Надо подавать голоса и постараться попасть въ парламентъ. Побѣжденные, хотя бы только на время, должны пользоваться всякимъ оружіемъ, которое у нихъ имѣется подъ руками». Но другіе возставали противъ такого мнѣнія. «Пусть они остаются изолированными,—говорили они.—Вы увидите, какъ ихъ мало».

Но большинство все-таки рѣшило, что надо выставить кандидатовъ въ такихъ округахъ, гдѣ успѣхъ представлялся возможнымъ, несмотря на давленіе администраціи. Кандидаты же, если они будутъ избраны, должны будутъ отказаться отъ принесенія присяги.

Жюль Симону поручено было написать Карно, который принялъ кандидатуру на предложенныхъ ему условіяхъ и отвѣтилъ, что, конечно, онъ не могъ бы принести присягу тотчасъ же послѣ того, какъ произведена была революція, поправшая право. Но онъ высказалъ предположеніе, что, можетъ быть, было бы лучше избрать никому неизвѣстныхъ и новыхъ кандидатовъ, которые, попавъ въ палату, могли бы образовать тамъ ядро будущей оппозиціи.

Карно былъ избранъ и изъ Брюсселя прислалъ очень благородное письмо, въ которомъ отказывался принести присягу. Другой избранникъ Хенонъ, поступилъ точно также. Вообще, рѣшено было отворачиваться отъ всѣхъ, кто будетъ присягать или какъ депутатъ, или какъ чиновникъ. Бездѣйствіе въ данномъ случаѣ считалось лучше, нежели дѣятельность. Однако, пятеро вошли все-таки въ составъ законодательнаго собранія. На нихъ сначала негодовали, отъ нихъ отворачивались, но они проявили такую энергію, что вскорѣ уже вся партія стояла за ними и даже «старые бонзы» (такъ называли пережившихъ революцію 1848 г.) кончили тѣмъ, что были увлечены общимъ теченіемъ. Эти пятеро были: Жюль Фавръ, Эрнестъ Пикаръ, Эмиль Олливье, Хенонъ и Даримонъ. Вся Франція апплодировала мужеству Жюля Фавра, Эрнеста Пикара и Эмиля Олливье, такъ какъ народъ восхищался ими и было ясно, что имперія ихъ боится. Когда наступили общіе выборы въ 1863 году, то вопроса о присягѣ никто уже не поднималъ, такъ какъ всѣ были согласны съ тѣмъ, что необходимо дать помощниковъ пяти депутатамъ

оппозиціи. Раскола уже болѣе не существовало въ партіи относительно этого вопроса, тѣмъ болѣе, что положеніе измѣнилось. Появился новый императорскій законъ, требовавшій принесенія присяги не только отъ избраннаго депутата, но и отъ кандидата. Съ такой системой партія лишена была возможности ставить свои кандидатуры только для того, чтобы позондировать общественное мнѣніе и раздѣлить голоса. Приходилось сразу совершить безповоротный шагъ и эта необходимость уничтожила послѣднія колебанія партіи: отказываясь выставлять своихъ кандидатовъ, партія отказывалась, слѣдовательно, отъ политики. Въ рукахъ врага находилась уже армія и администрація, и, продолжая свою тактику, партія уступала ему совершенно какъ законодательный, такъ и избирательный корпусъ. «Намъ бы не оставалось ничего больше, какъ только плакать!» восклицаетъ Жюль Симонъ, оправдывая дѣйствія партіи, рѣшавшейся на компромиссъ.

Но Жюль Симонъ, твердо рѣшившій поддерживать всѣхъ кандидатовъ партіи, сначала никакъ не могъ примириться съ мыслью, что и ему придется принести предварительную присягу. Онъ былъ внесенъ въ списокъ кандидатовъ, о чемъ его извѣстилъ Жюль Фавръ. Но онъ долго колебался, хотя и старался убѣдить себя, что «иное дѣло присягать для того, чтобы сохранить свою должность, а иное — совершать этотъ актъ по требованію своихъ же единомышленниковъ, для того, чтобы имѣть возможность воспользоваться своими гражданскими правами».

Одинъ изъ его товарищей сказалъ ему:—Вѣдь вы же оправдываете тѣхъ, кто будетъ приносить присягу. Значитъ вы сами жертвуете общими интересами своимъ личнымъ удобствамъ.

Все это приводило Жюль Симона въ большое смущеніе, и онъ не зналъ, какъ ему быть. Наконецъ, онъ рѣшился написать Жюлю Фавру, что отказывается отъ кандидатуры, и въ отвѣтъ получилъ записку, требующую, чтобы онъ онъ немедленно явился на собраніе.

«Нечего раздумывать,— писалъ ему Жюль Фавръ,— Гавенъ уже напечаталъ списокъ, который появится въ вечернихъ газетахъ».

Друзья окружили Жюля Симона и проводили его къ выходу, гдѣ уже ожидала карета Жюля Фавра. Его посадили туда и повезли.

— Куда мы ѣдемъ?—спросилъ онъ.

— Въ «Hotel de Ville», — отвѣтилъ Жюль Фавръ и всю дорогу ласково и настойчиво убѣждалъ его не противиться, такъ что когда карета остановилась, то Жюль Симонъ былъ уже совершенно убѣжденъ въ правотѣ дѣла. Жюль Фавръ, смѣясь, сказалъ ему:

— Я похожъ на священника, который ведетъ осужденнаго на эшафотъ.

Въ «Hotel de Ville» все произошло необыкновенно просто. Всѣ по очереди проходили въ конецъ галлереи, какъ это дѣлается въ кассѣ для полученія билета и вписывали свою фамилію и профессію въ спи-

сокъ. Жюль Симонъ написалъ просто «Jules Simon, rentier», такъ какъ не хотѣлъ, какъ онъ говоритъ, компрометировать института, членомъ котораго состоялъ, хотя называться рантье онъ едва ли имѣлъ право, не получая ни откуда никакихъ доходовъ. Ему выдали росписку, какъ и всѣмъ другимъ, и Жюль Фавръ довезъ его до дверей его дома.

«Взбираясь въ свой пятый этажъ, — говоритъ Жюль Симонъ,—я только утѣшалъ себя мыслью, что моя жена одобритъ мое поведеніе».

Но другіе не одобряли его. Непримиримые республиканцы обрушились на Жюля Симона, и ихъ органы печати осыпали его оскорбленіями. Онъ получилъ даже оскорбительныя письма и многіе изъ республиканцевъ перестали бывать у него. Съ этимъ, однако, приходилось мириться. Впрочемъ, горячка борьбы скоро захватила Жюля Симона, и онъ пересталъ обращать вниманіе на эти мелочи, тѣмъ болѣе, что всѣ кандидаты прошли, и парламентскую партію можно было считать организованной. Пятеро прежнихъ борцовъ, вернувшихся на свои мѣста послѣ выборовъ, конечно, должны были смотрѣть на вновь прибывшихъ какъ на рекрутовъ, призванныхъ сражаться подъ ихъ руководствомъ. Такъ это и было въ дѣйствительности, и по словамъ Жюля Симона, онъ и его товарищи были воодушевлены самою горячею преданностью къ своимъ предводителямъ. «Наши преемники не могутъ составить себѣ никакого понятія,—говоритъ Жюль Симонъ,—о томъ энтузіазмѣ, который вызывало всякое свободное слово въ странѣ, во мгновеніе ока перешедшей отъ самой необузданной распущенности къ самому суровому деспотизму. Въ 1848 году не щадили ничего: законы, конституціи, принципы, основы соціальнаго порядка, отдѣльныя личности—все подвергалось нападкамъ. Вдругъ Луи-Наполеонъ всталъ и объявилъ, что будетъ говорить только онъ и его друзья. Чтобы издавать газету, надо было получить его дозволеніе. Но даже когда газета была основана, ей всегда грозила опасность быть конфискованной безъ дальнихъ околичностей, въ случаѣ, если она не угодитъ правительству, не говоря уже о наказаніяхъ, которыя ожидали ея редакторовъ за это. Мы узнавали о томъ, что дѣлается у насъ только изъ брюссельской газеты «Indépendance Belge», да и то она подвергалась просмотру на границѣ. Впрочемъ, газета эта принимала предосторожность и часто говорила иносказательно о французскихъ дѣлахъ. Не разъ случалось все-таки, что ее не пропускали во Франціи, и тогда мы оставались въ полной неизвѣстности о томъ, что дѣлается у насъ за стѣной. Какая радость охватила насъ, когда въ этомъ безмолвіи раздался внушительный и звучный голосъ Жюля Фавра, страстныя рѣчи Олливье и ѣдкіе сарказмы Эрнеста Пикара. Казалось, въ этихъ людяхъ сосредоточилась вся жизнь страны въ то время!»

Всемогущее правительство, подчинявшее себѣ печать и выборы, конечно, пустило въ ходъ всѣ свои средства, хитрость и насилія, чтобы

не допустить выбора пяти непріятныхъ ему людей. Но ничто не помогло. Цѣлая группа прошла на выборахъ и вмѣсто пяти оказалось двѣнадцать. Жюль Симонъ и его товарищи были опьянены своею побѣдой, но въ то же время ихъ пугала предстоящая имъ отвѣтственность.

Новые депутаты, вступивъ въ парламентъ, нашли тамъ большія перемѣны. Даже прежняя мебель исчезла и, главное — была уничтожена трибуна. Луи-Наполеонъ лично приказалъ снять ее. По разсказамъ библіотекаря палаты Лорана, принцъ-президентъ доставилъ себѣ удовольствіе, черезъ нѣсколько дней послѣ государственнаго переворота, лично присутствовать при разрушеніи залы, въ которой нѣкогда засѣдали учредительное и законодательное собранія. Мраморъ и золоченыя пано, украшавшія трибуну, были свалены въ кучу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она возвышалась. Луи-Наполеонъ взобрался на эти обломки и топталъ ихъ ногами, вспоминая, должно быть, о тѣхъ оскорбленіяхъ, которыя не разъ оттуда раздавались по его адресу, но за которыя онъ, впрочемъ, отомстилъ теперь болѣе дѣйствительнымъ образомъ.

Черезъ нѣсколько недѣль, когда, наконецъ, было открыто законодательное собраніе, то трибуны уже не было. Вмѣсто нея возвышалась небольшая платформа, на которой находилось пять или шесть ораторовъ, служившихъ представителями правительства. Депутаты, сидѣвшіе противъ нихъ, вынуждены были отвѣчать имъ со своего мѣста.

Жюль Симонъ сравниваетъ палату въ ея новомъ видѣ съ классомъ учениковъ, занимающихся подъ наблюденіемъ пяти надзирателей и одного главнаго наставника, который возсѣдалъ на возвышеніи, надъ скамьею правительственныхъ комиссаровъ. Это былъ герцогъ Морни.

Луи-Наполеонъ обращалъ вниманіе на всѣ мелочи. Даже вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли давать депутату, намѣревавшемуся долго говорить, стаканъ воды, послужилъ предметомъ весьма продолжительныхъ споровъ. Луи-Наполеонъ былъ противъ этого, опасаясь, что это будетъ «поощреніемъ болтовни». Но герцогъ Морни возражалъ ему, что нельзя отказывать въ стаканѣ воды старику. Въ парламентскихъ салонахъ этотъ пустяшный вопросъ возбудилъ серьезное волненіе. Наконецъ, послѣ долгихъ разговоровъ, Морни настоялъ на своемъ, только нужно было заранѣе обращаться къ нему за разрѣшеніемъ получать стаканъ воды. Конечно, онъ никогда не отказывалъ въ этомъ разрѣшеніи, но всегда говорилъ улыбаясь: «Пожалуйста, только не говорите слишкомъ долго». Морни вообще былъ очень любезенъ съ депутатами и, повидимому, желалъ, расточая имъ знаки вниманія, заставить ихъ нѣсколько забыть бремя деспотизма.

Жюль Симонъ говоритъ, что депутаты никакъ не могли примириться съ отсутствіемъ трибуны. Ораторамъ было пріятнѣе говорить

съ возвышенія, доминируя надъ собраніемъ, и, поэтому, радость была велика, когда, наконецъ, спустя нѣкоторое время разрѣшено было снова выстроить трибуну. Въ особенности обрадовались этому адвокаты, которымъ было трудно обходиться безъ трибуны. Депутаты оппозиціи праздновали возстановленіе трибуны, какъ свою первую побѣду.

«Трибуна служила трамплиномъ для нашего тщеславія», пишетъ Жюль Симонъ. Въ залѣ «Pas perdus» у депутатовъ оппозиціи были свои повѣренные. Тамъ постоянно слышались такіе разговоры между депутатами и журналистами: «Распространите этотъ слухъ». — «Атакуйте этого человѣка». — «Напечатайте такое резюме этой рѣчи» и т. д., и т. д. Тутъ было царство оппозиціи. Ей доставалось въ палатѣ отъ Ругэ, но зато здѣсь она мстила ему.

«Въ 1864 г.,—говоритъ Жюль Симонъ,—въ парламентѣ появился молодой человѣкъ, котораго мало-по-малу всѣ привыкли видѣть ежедневно. Онъ былъ такъ же аккуратенъ какъ и оппозиція, которая являлась первая и уходила всегда послѣдняя. У него больше не спрашивали карточки при входѣ, такъ какъ его знали лучше всѣхъ депутатовъ. Онъ также зналъ по имени всѣхъ сторожей и приставовъ. Когда въ дверяхъ происходила давка, то они являлись къ нему на помощь и становились впереди него, чтобы проложить ему дорогу въ толпѣ. Онъ былъ очень расторопенъ, несмотря на свою молодость. У него было излюбленное мѣсто въ правомъ углу, въ концѣ залы, у окна, выходящаго въ садъ и если какой-нибудь неучъ раньше его забирался туда, то пристава всегда находили способъ выпроводить его оттуда.

«Его не нужно было видѣть, чтобы знать, что онъ находится въ залѣ. Какъ только онъ входилъ въ залу, то его голосъ уже покрывалъ всѣ разговоры. Онъ начиналъ смѣяться во все горло, какъ только показывался на порогѣ, и всѣ смѣялись вмѣстѣ съ нимъ, и спѣшили пожать ему руку и проводить его на его мѣсто. Усѣвшись, онъ принимался разсказывать. У него былъ большой запасъ разныхъ исторій и при томъ очень пикантныхъ. Онъ не прочь былъ позлословить насчетъ своего ближняго и сорвать покровы. Впрочемъ, дамъ вѣдь тутъ не было; онѣ, конечно, не искали разговора съ нимъ въ этомъ мѣстѣ, и находили его въ другихъ мѣстахъ. Никто не умѣлъ разсказывать съ такимъ шикомъ какую-нибудь исторійку, какъ онъ. Онъ былъ, кромѣ того прекраснымъ мимикомъ, какъ и всякій хорошій разсказчикъ. Онъ превосходно подражалъ голосу и стилю ораторовъ, и, закрывъ глаза, можно было вообразить, что это говоритъ Жюль-Фавръ или Олливье. Онъ могъ импровизировать рѣчь Жюля Фавра, которая была бы столь же краснорѣчива и торжественна, какъ та, которую Жюль Фавръ произносилъ какъ разъ въ это время за дверями, въ залѣ палаты. Онъ часто доставлялъ себѣ это удовольствіе и говорилъ:

«— Не безпокойтесь, господа; я скажу вамъ, что онъ говоритъ». И онъ дѣйствительно говорилъ. Подражая Пикару, онъ говорилъ, если не тѣ же самыя, то, во всякомъ случаѣ, столь же остроумныя словечки. Всѣ хохотали, аплодировали ему и были довольны. Кто бы могъ сердиться на него за это? Ни у кого не было столько живости, добродушной веселости, столько остроумія и столько идей! Невѣжды утверждали также, что никто не былъ такъ свѣдущъ какъ онъ. Это вѣрно. Онъ никогда не учился, но обо всемъ догадывался. Веселость у него была удивительная, также какъ и способность ассимиляціи, какой я не встрѣчалъ ни у кого. Онъ говорилъ иногда такъ громко, что его слышно было въ залѣ засѣданій. Всѣмъ намъ приходила въ голову одна и та же мысль: какой бы изъ него вышелъ депутатъ! Но въ то же время мы думали: что тогда будетъ съ залой «Pas perdus». Правда, онъ былъ очень краснорѣчивъ, но и очень забавенъ.

«Онъ проводилъ съ нами пять часовъ безвыходно и, по разсказамъ, какъ только кончалось засѣданіе, онъ бѣгомъ отправлялся въ кафэ Мадридъ, гдѣ и сообщалъ все, что происходило. Журналисты записывали за нимъ. Онъ одновременно говорилъ имъ факты, выводы и идеи. Все это сообщалось имъ въ нѣсколько безсвязной формѣ, но всегда отличалось блескомъ и мощью. Онъ говорилъ почти всегда одинъ. Жизнь его представляла не что иное, какъ монологъ, но никто не упрекалъ его за его болтливость, потому что онъ былъ веселъ и забавлялъ всѣхъ. Впрочемъ, онъ отличался добродушіемъ. Онъ подхватывалъ каждое остроумное слово, сказанное другимъ, смѣялся, повторялъ его, преувеличивалъ и прославлялъ чужое остроуміе. Хитрецы видѣли за этой добродушною веселостью кое-что другое. Дѣйствительно, у него была личная цѣль и была своя политическая страсть. Онъ могъ, конечно, измѣнить свой методъ, но не измѣнилъ бы своей цѣли. Онъ былъ беззаботнымъ только для потѣхи публики, но игралъ серьезную партію. Онъ не считалъ нужнымъ выказывать совѣстливость, потому что чувствовалъ потребность выдавать себя за очень сильнаго, отлично зная, что казаться сильнымъ—это значитъ уже наполовину быть имъ. Онъ умѣлъ льстить, когда хотѣлъ, и былъ и царедворцемъ или наносилъ удары, смотря по желанію. Онъ брался за человѣка съ обѣихъ сторонъ. Его друзья говорили о немъ не иначе, какъ гиперболами, но даже его враги находили, что онъ былъ—«нѣкто»! Это былъ Гамбетта...»

Очень скоро въ парижскомъ обществѣ выдвинулись три человѣка, которые стали властвовать: Бертенъ, царившій надъ салономъ и образованнымъ обществомъ посредствомъ своей газеты «Débats», Эмиль де-Жирарденъ, державшій въ рукахъ, при помощи своей газеты «Presse», разныхъ инженеровъ, политиковъ, финансистовъ, и Гавенъ, который руководилъ непримиримою буржуазіей при помощи «Siécle». Разумѣется, эти господа должны были имѣть вліяніе на кандидатовъ оппозиціи,

такъ какъ невозможно было ждать никакого успѣха безъ ихъ коллективной поддержки.

Республиканскіе депутаты, вступая въ палату, должны были въ то же время вступить volens nolens и въ сношенія съ императорскимъ дворомъ. Имперія, какъ выражается Жюль Симонъ, были всепоглощающимъ режимомъ. Она вынуждала, во что бы то ни стало, вступать въ національную гвардію, заставляла всѣхъ чиновниковъ присягать въ вѣрности и, не довольствуясь присягою депутата, требовала еще присяги отъ кандидата на это званіе. Но сдѣлавшись депутатомъ, приходилось исполнять различныя обязанности въ отношеніи двора; надо было присутствовать при торжественномъ открытіи, въ залѣ штатовъ, гдѣ императоръ произносилъ рѣчь; надо было, по жребію, отправляться съ депутаціей, которая должна была передать императору какое-нибудь посланіе. Сдѣлавшись же членомъ бюро, депутатъ невольно становился чѣмъ-то вродѣ habitué императорскаго дома.

Низаръ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что для придворныхъ считалось униженіемъ вступать въ какія бы то ни было отношенія съ депутатами оппозиціонной партіи. На справедливость депутаты также никогда не могли разсчитывать. Дворъ выражалъ въ безчисленномъ множествѣ мелочныхъ придирокъ свою досаду, но тѣмъ не менѣе депутатовъ оппозиціи всегда приглашали на придворные обѣды и балы, такъ какъ Луи Наполеонъ не хотѣлъ подчеркивать ихъ значеніе, исключая ихъ изъ пригласительнаго списка. Нѣкоторые изъ депутатовъ отвѣчали отказомъ, мотивируя его своими политическими убѣжденіями. Тогда ихъ переставали приглашать, но если приглашеніе отклонялось въ болѣе вѣжливой формѣ, подъ предлогомъ невозможности быть въ этотъ день при дворѣ, то, хотя для всѣхъ было ясно, почему приглашеніе не было принято, депутатъ все-таки продолжалъ получать приглашенія, несмотря на то, что онъ ни разу не появлялся при дворѣ. По словамъ Жюля Симона, ни онъ, ни его товарищи, ни разу не были ни на одномъ тюльерійскомъ празднествѣ; всѣ одинаково считали нужнымъ отказываться отъ приглашеній и расходилось только во взглядахъ относительно формы отказа.

Жюль Симонъ однажды получилъ отдѣльное приглашеніе явиться къ императрицѣ, которая пожелала его видѣть послѣ рѣчи, произнесенной имъ по поводу положенія дѣтей, заключенныхъ въ тюрьму «La Petite Rocquette». Рѣчь эта растрогала императрицу, и она говорила о ней императору, который и поручилъ ей выработать проектъ закона и организовать внѣпарламентскую коммиссію подъ своимъ предсѣдательствомъ. Жюля Симона спросили, будетъ ли онъ согласенъ, внѣ всякой политики, присутствовать на засѣданіяхъ этой коммиссіи. Но Жюль Симонъ не рѣшился на это. Его избиратели, конечно, могли бы увидѣть въ такомъ поступкѣ начало измѣны. Вообще, ни о какомъ

примиреніи и ни о какихъ сношеніяхъ между правительствомъ и оппозиціей не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что правительство не отступало ни передъ чѣмъ, чтобы только не допустить выбора кандидатовъ оппозиціи. Къ тому же воспоминаніе о кровавыхъ декабрьскихъ дняхъ и о ссылкахъ постоянно стояли между ними. Во всякомъ случаѣ, положеніе тѣхъ, которые шли на компромиссъ и принимали участіе въ депутаціяхъ, всегда бывало очень непріятное. Благонамѣренные депутаты смотрѣли на нихъ подозрительно и даже съ неудовольствіемъ, словно хотѣли дать понять, что имъ тутъ не мѣсто среди лойяльныхъ подданныхъ императора. Если ихъ переносили въ палатѣ, потому что это было неизбѣжно, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что ихъ могли допустить въ общество избранной аристократіи. Это еще болѣе убѣждало Жюля Симона, что не слѣдуетъ дѣйствовать наполовину, что надо или прямо соглашаться, или же отказывать, такъ какъ иначе депутатъ всегда ставитъ себя въ нѣсколько ложное положеніе.

Въ Парижѣ, какъ и въ прежнія времена, существовало нѣсколько салоновъ во время имперіи, гдѣ собирались члены оппозиціи. Были салоны наполовину свѣтскіе и наполовину политическіе, но туда допускались лишь избранные, да и то они являлись туда всегда въ парадномъ туалетѣ. Часто политическимъ салономъ была только квартира Жюля Симона и Карно, гдѣ члены оппозиціи чувствовали себя, какъ дома. Но у Карно требовался все-таки нѣкоторый этикетъ, такъ какъ это былъ богатый и въ высшей степени корректный домъ, тогда какъ въ квартиру Жюля Симона, находившуюся въ пятомъ этажѣ, могъ входить всякій, безъ лишнихъ церемоній, поэтому по четвергамъ, въ пріемный день Жюля Симона, тамъ всегда толпился народъ. Такъ какъ Жюль Симонъ сначала велѣлъ впускать всѣхъ, безъ всякихъ ограниченій, то къ нему часто являлись люди, которыхъ онъ совсѣмъ не зналъ и никогда раньше не видалъ. Это было тѣмъ болѣе неудобно что, какъ онъ говоритъ, «нельзя было заставить Гамбетту, Ферри и Флоке говорить вполголоса», и когда имъ апплодировали, то Жюль Симонъ часто думалъ, что они такимъ образомъ выдаютъ полиціи всѣ тайны оппозиціи.

Вообще число посѣтителей Жюля Симона постоянно возрастало, такъ что онъ, наконецъ, началъ этимъ тяготиться, но въ особенности ему не давали покоя съ тѣхъ поръ, какъ умеръ дядя его жены и какая то газета помѣстила по этому поводу извѣщеніе, что этотъ дядя оставилъ ему милліонъ, но Жюль Симонъ не хотѣлъ имъ воспользоваться и рѣшилъ раздать его своимъ прежнимъ избирателямъ. Все это было вымышлено, такъ какъ дядя Жюля Симона не оставилъ послѣ себя милліона, а оставилъ лишь нѣсколько человѣкъ дѣтей. Однако, Жюлю Симону положительно не было житья отъ посѣтителей, являвшихся требовать своей доли наслѣдства, и онъ вынужденъ былъ бы спасаться бѣгствомъ, еслибъ остроумный Пьеръ Верронъ не выру-

чилъ его, напечатавъ въ газетахъ слѣдующее объявленіе: «Газета «Nain Jaune» извѣстила о наслѣдствѣ и т. д. Все это вѣрно, но такъ какъ у г. Жюля Симона не хватаетъ времени на распредѣленіе и раздачу, то онъ отдалъ остатки милліона въ бюро «Nain Jaune», куда и адресуетъ всѣхъ заинтересованныхъ лицъ, которыя могутъ являться въ бюро ежедневно съ 10 до 12 часовъ».

Гудшо, исполнявшій весьма щекотливую и непріятную обязанность сборщика, постоянно ѣздилъ изъ Парижа въ Брюссель и обратно. Когда онъ появлялся въ квартирѣ Жюль Симона, его осаждали разспросами про изгнанниковъ. Бо́льшею частью онъ говорилъ, что имъ живется плохо.

Квартира Жюля Симона была такимъ образомъ сборнымъ пунктомъ всѣхъ недовольныхъ въ Парижѣ. Полиція, очевидно, знала объ этомъ, но не вмѣшивалась потому, какъ думалъ Жюль Симонъ, что она не хотѣла увеличивать число дѣлъ и безъ того имѣвшихся у нея на рукахъ. Въ салонѣ Жюль Симона читались стихи, памфлеты, сочиненные на правительство, разныя запрещенныя изданія и т. д. Всѣ съ жадностью читали письма, полученныя отъ кого нибудь изъ изгнанниковъ или сатиры, осмѣивавшія часто въ довольно грубой формѣ существующій режимъ, но все это дѣлалось тайкомъ, съ оглядкой; Жюль Симонъ выражаетъ удивленіе по поводу того, какъ скоро страна приспособилась къ новому режиму послѣ стольких лѣтъ почти абсолютной свободы.

Такъ шли дѣла до наступленія кризиса. 4-го Сентября 1871 г. палата была изгнана и объявлена республика. «Все это произошло помимо насъ, говоритъ Жюль Симонъ. Мысль образовать правительство изъ парижскихъ депутатовъ имѣла успѣхъ. Правительство, для того чтобы опредѣлить точныя свои права и цѣли, стало называться «правительствомъ національной обороны».

«Когда мы усѣлись вокругъ стола 4-го Сентября, разсказываетъ Жюль Симонъ,—принявъ на себя трудную обязанность поддерживать порядокъ въ Парижѣ и во всей Франціи и продолжать ужасную войну, то первое затрудненіе, съ которымъ намъ пришлось имѣть дѣло, былъ споръ между Гамбеттой и Пикаромъ. И тотъ, и другой добивались, съ одинаковымъ жаромъ, портфеля министра иностранныхъ дѣлъ. Гамбетта побѣдилъ, и Пикаръ хотѣлъ уходить изъ правительства, но мнѣ пришло въ голову предложить ему министерство финансовъ. Жюль Фавръ и я съ трудомъ уговорили его принять. Пикаръ выказалъ много умѣнья и осторожности, руководя финансами въ такія трудныя времена. Ему приходилось, кромѣ того, постоянно заботиться объ отысканіи и сохраненіи съѣстныхъ припасовъ въ осажденномъ городѣ».

Правительство держалось, несмотря на всѣ старанія его враговъ свалить его. Но времена дѣйствительно были трудныя. Жюль Симонъ, которому былъ предложенъ портфель министра просвѣщенія въ новомъ правительствѣ, долго заставилъ себя просить, такъ какъ ему казалось

нелѣпымъ занимать эту должность въ осажденномъ городѣ. Дѣйствительно, какъ только онъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, то первое извѣстіе, полученное имъ, было, что студенты не будутъ посѣщать лекцій, а гимназисты покидаютъ коллегіи. Онъ получалъ прекрасныя письма отъ пятнадцатилѣтнихъ мальчиковъ, объявлявшихъ ему, что они хотятъ сражаться за отечество, и то же самое писали и ихъ учителя. Съ большимъ трудомъ удалось ему задержать учителей въ Парижѣ, но едва покончивъ классы, они уже бѣжали къ укрѣпленіямъ.

Кромѣ своего министерства, Жюль Симонъ еще долженъ былъ предсѣдательствовать въ комиссіи по изысканію пропитанія. Это была очень трудная обязанность въ осажденномъ городѣ. Изъ этой комиссіи онъ отправлялся въ министерство и, такимъ образомъ, переходилъ отъ заботъ о пропитаніи къ заботамъ о войнѣ. 31-го октября, какъ обыкновенно, Жюль Симонъ отправился на засѣданія въ «Hôtel de Ville». Вотъ какъ онъ разсказываетъ объ этомъ знаменательномъ днѣ:

«Я оставался въ «Hôtel de Ville», не пивши и не ѣвши, съ 10 часовъ утра 31-го октября до 4 часовъ утра слѣдующаго дня. Это составляетъ 18 часовъ и какихъ часовъ!

Въ то время, когда я находился въ продовольственной комиссіи, меня нѣсколько разъ являлись предупреждать, что въ предмѣстьяхъ начинаются волненія. Какъ министръ просвѣщенія я не могъ вмѣшиваться или отдавать по этому поводу какія-либо приказанія; это было дѣло парижскаго губернатора и др. Мы жили все время въ постоянной тревогѣ; увы! нашимъ самымъ опаснымъ врагомъ въ это время не былъ нашъ непріятель!

Совѣтъ министерства собрался въ полдень. Онъ засѣдалъ въ огромной залѣ, въ углу перваго этажа. Мы выслушали докладъ префекта полиціи, не носившій очень тревожнаго характера, но даже спустя нѣсколько часовъ послѣ того, какъ вспыхнуло возмущеніе въ Парижѣ, префектъ полиціи все-таки продолжалъ увѣрять своихъ сосѣдей: «Это просто движеніе общественнаго мнѣнія, ничего больше!» Безъ сомнѣнія, это было такъ, но это движеніе все же угрожало нашей жизни и могло повлечь за собою взятіе Парижа. Но префектъ былъ стойкій человѣкъ, и я думаю, что еслибъ ему предложили выбрать: смерть или стрѣлять въ народъ,—то онъ скорѣе согласился бы умереть.

Депутаціи стали являться одна за другой въ залу совѣта. Клубы, легіоны національной гвардіи, корпораціи, газеты—всѣ посылали своихъ делегатовъ, которые являлись или съ совѣтами, или съ угрозами. Пришлось, наконецъ, закрыть двери и рѣшетки «Hotel de Ville». Площадь и набережныя чернѣли народомъ. Губернаторъ отправилъ генералу Тамизье, командовавшему національною гвардіей, приказаніе собрать ее и привести сюда. Оставаясь въ «Hotel de Ville» мы были беззащитны, такъ какъ ясно, что мы не въ состояніи были бы вы-

держать осаду или же постоянно держать армію на площади или на набережныхъ.

Народъ находился всецѣло подъ вліяніемъ слѣдующихъ представленій: онъ думалъ, что основаніе республики и при томъ республики демократической и соціальной представляетъ гораздо болѣе важное и неотложное дѣло, нежели борьба съ прусскою арміей. Это была первая идея, подъ вліяніемъ которой народъ дѣйствовалъ.

Вторая идея: народъ былъ увѣренъ, что французская армія сразитъ германскую армію, столкнувшись съ нею въ правильной битвѣ. Отчего произошла седанская катастрофа? Единственно только оттого, что тамъ находился императоръ.

Третья идея, еще болѣе странная: народъ вѣрилъ, что еслибъ даже армія была разбита, вопреки всякимъ вѣроятіямъ, то стоило только народу подняться массой, чтобы покончить съ милліономъ или двумя варваровъ.

Съ одной стороны, правительство отказывалось воевать съ попами и собственниками, а съ другой—распространился слухъ, что французская армія раздавлена подъ Мёцомъ, и такъ какъ это пораженіе нельзя было приписать императору, который находился въ плѣну, то его поставили на счетъ измѣны правительства. Объ этомъ говорилось въ дешевыхъ газетахъ и въ безчисленныхъ афишахъ. У націи оставалось только одно средство, но зато такое, которое не могло обмануть; это—массовое возстаніе. Народъ долженъ былъ потоками обрушиться на врага.

Феликсъ Піа слѣдующимъ образомъ резюмировалъ положеніе: «Ясно, что если народъ возстанетъ массой, то онъ раздавитъ пруссаковъ, и, слѣдовательно, если правительство не хочетъ этого, то оно измѣняетъ!» Но распространился еще болѣе удивительный слухъ: говорили, что правительство предлагаетъ перемиріе. Что такое перемиріе? Никто этого не зналъ хорошенько, но думали, вѣроятно, что это начало капитуляціи. Въ дѣйствительности же пруссаки предлагали перемиріе, но съ сохраненіемъ осады, тогда какъ правительство соглашалось принять его на томъ лишь условіи, чтобы было облегчено продовольствіе города. Народъ не зналъ въ чемъ дѣло, а правительство не было единодушнымъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Граждане, наполнявшіе «Hotel de Ville», площадь и набережныя 31-го октября, кричали: «Всеобщее возстаніе! Никакого перемирія!»

Генералъ Трошю, отличавшійся мужествомъ, не говоря ни кому ни слова, одинъ, стоя на ступеняхъ главной лѣстницы «Hotel de Ville», уговаривалъ толпу, стараясь разъяснить ей, что правительство не заключитъ перемирія иначе, какъ подъ условіемъ продовольствія города, а продовольствіе станетъ абсолютною необходимостью еще черезъ нѣсколько дней. Его голосъ покрывался шумомъ и мы всѣ узнали, что онъ спустился внизъ, въ толпу, и что ему грозила опасность.

Я сейчасъ же поспѣшилъ къ нему на помощь.

— Вы поступаете, какъ короли,—кричали мнѣ изъ толпы,—вы управляете декретами, не объясняя намъ, зачѣмъ вы это дѣлаете.

— Но,—возразилъ я,—я и пришелъ сюда затѣмъ, чтобы разсказать вамъ.

— Вы находитесь среди вашихъ друзей, національная гвардія васъ защищаетъ. Вы не посмѣете, какъ прежде, явиться въ народъ!

— Я иду туда. Дайте мнѣ дорогу.

Меня пропустили, и въ мгновеніе ока эта компактная толпа, въ которой, казалось, невозможно было сдѣлать ни одного движенія, разступилась и я очутился въ центрѣ площади. Я попросилъ стулъ, и онъ моментально былъ поданъ мнѣ черезъ головы толпы. Я взобрался на стулъ. Меня окружала толпа по крайней мѣрѣ въ 50.000 человѣкъ. Всюду, куда я обращалъ свои взоры, я видѣлъ манифестантовъ, тѣсно прижатыхъ другъ къ другу. Земля исчезала въ этомъ скопищѣ людей и во всѣхъ домахъ, включая ««Hotel de Ville», всѣ окна были заняты людьми.

Я чувствовалъ, что самый воздухъ наполненъ народною ненавистью и на одно мгновеніе мнѣ представилось, что я могу сдѣлаться искупительною жертвой за измѣну Базена. Я потребовалъ тишины, употребивъ на этотъ возгласъ всю силу моихъ легкихъ, но было очевидно, что всѣ эти люди хотѣли только смотрѣть на меня, но никто не хотѣлъ меня слушать. Вокругъ меня кричали хоромъ: «Не надо перемирія! Не надо перемирія!» Но въ эту критическую минуту я замѣтилъ, что нѣкоторые вмѣсто «armistice» произносили «amnistie». Въ сущности никто изъ этихъ безчисленныхъ манифестантовъ не зналъ хорошенько, что онъ говоритъ, но всѣ отлично знали, чего хотятъ. Они хотѣли свергнуть правительство и на его мѣсто водворить Бланки, Делеклюза и Флуранса.

Я не знаю, чѣмъ бы все это кончилось, если бы нѣсколько храбрыхъ людей не взяли меня подъ свою защиту. «Дайте ему говорить! Вѣдь вы же просили его сказать вамъ!» Маленькая группа моихъ защитниковъ увеличилась людьми, которые кричали: «Онъ работалъ для школъ!» Мнѣ казалось, что толпа начала смягчаться понемногу. Но когда я снова захотѣлъ возвысить голосъ, то мои же друзья сказали мнѣ: «Нечего и думать объ этомъ. Надо бѣжать поскорѣе. Вамъ дадутъ дорогу. Васъ любятъ; не любятъ только правительство». И меня двигали къ улицѣ Риволи. Я сказалъ, что хочу вернуться въ «Hôtel de Ville».—«Это безуміе!» «Но я не покину своихъ товарищей!» Это было понято.—«Онъ не хочетъ покинуть своихъ товарищей!» Меня пропустили, какъ это было обѣщано. Когда мы подошли къ дверямъ, то ихъ не хотѣли отворить, и когда, наконецъ, согласились, то я внезапно попалъ изъ одной толпы въ другую.

Но странное дѣло! Эта осажденная толпа оказалась болѣе враж-

дебно настроенной ко мнѣ, нежели толпа осаждающая. Тѣ, которые скрывались за массивною дверью ничего не видѣли изъ того, что происходило на площади. Они воображали, что я отправился капитулировать къ толпѣ. Одинъ изъ командировъ національной гвардіи кричалъ во все горло, что меня надо арестовать. Къ счастью для меня, тѣ, которые стояли у оконъ и которые видѣли, какъ я вошелъ, спустились ко мнѣ навстрѣчу, чтобы поздравить меня, и, благодаря этому волненіе улеглось. Совѣтъ снова собрался и попробовалъ было устроить засѣданіе, но дворецъ до такой степени былъ переполненъ толпой самаго разнообразнаго характера, что она проникла даже въ залу засѣданія несмотря на закрытыя двери.

Вдругъ раздались крики въ залѣ: «Тамизье! Тамизье!» Мы бросились къ окошкамъ и увидѣли Тамизье, который шелъ одинъ по срединѣ улицы, въ цилиндрѣ и держа пальто подъ мышкой. Національная гвардія въ порядкѣ шествовала за нимъ и впереди шли барабанщики. Кричали: «Да здравствуетъ Тамизье! Да здравствуетъ національная гвардія!» Мы скоро узнали, что гвардія шла за Тамизье, но перестала уже повиноваться ему, и часть ея вскорѣ смѣшалась съ толпой, Тамизье вошелъ въ Hotel de Ville только съ немногими, которые оказались ему вѣрными.

Въ этотъ моментъ члены правительства и министры еще засѣдали за столомъ совѣта, но они уже были окружены и стѣснены громадною толпой, на которую напирала другая толпа, прибывающая со всѣхъ сторонъ и грозившая задушить и раздавить ихъ своею тяжестью. Нѣсколько офицеровъ проложили себѣ дорогу къ столу, крича и отчаянно отбиваясь отъ тѣхъ, кто запрудилъ проходъ.

«Генералъ! Генералъ!» Это были взбунтовавшіеся офицеры, которые однако продолжали обращаться къ генералу Трошю, какъ къ своему высшему начальнику. Въ этотъ роковой день никто не зналъ кому повиноваться и кому приказывать, «Генералъ! «Мстители Флуранса» и бретонскіе мобили находятся въ залѣ секретаріата и грозятъ другъ друга перерѣзать». Манифестанты, кричавшіе во все горло, даже не слышали, что имъ говорилось, но члены правительства слышали это и тотчасъ же поняли, каковы могутъ быть послѣдствія этой начинающейся битвы. Мы этого боялись уже давно. Со всѣхъ сторонъ кричали:

— Надо послать офицера! Генерала!

— Нѣтъ, нѣтъ,—крикнулъ Гарнье-Пажесъ.—Надо, чтобъ пошелъ членъ правительства. Я иду туда.

Онъ поднялся.

— Нѣтъ, я пойду туда,—возразилъ Лефло,—вѣдь это солдаты, это меня касается.

Инсургенты, окружавшіе его и понявшіе, наконецъ, что случилось, очистили ему дорогу, и онъ исчезъ на нашихъ глазахъ, какъ бы по волшебству.

— Его убьютъ,—сказалъ я губернатору.

— И мы всѣ будемъ перебиты черезъ десять минутъ,—отвѣчалъ онъ,—если ему не удастся.

Мы прислушивались изо всѣхъ силъ, не зная даже, можно ли будетъ въ этомъ страшномъ шумѣ услышать выстрѣлы. Но минутъ черезъ двадцать мы поняли по тому движенію, которое происходило въ толпѣ, что произошло что-то новое.

Я зналъ, какимъ образомъ появились здѣсь «мстители» Флуранса. Онъ самъ привелъ ихъ около двухъ часовъ пополудни и вошелъ съ ними въ залу совѣта. Тамъ онъ произнесъ рѣчь, въ которой грозилъ намъ народною местью, если мы завтра же не устроимъ стремительной вылазки, которая должна будетъ уничтожить прусскую армію. Послѣ этого онъ исчезъ, вмѣстѣ со своими храбрецами. Его полкъ или батальонъ разсѣялся въ толпѣ. Ружья виднѣлись со всѣхъ сторонъ. Отряды національной гвардіи, приведенные Тамизье и смѣшавшіеся съ толпой, циркулировали въ ней, держа свои ружья, и только у нѣкоторыхъ блузники отняли ихъ.

Нѣсколько мстителей, вмѣстѣ со своими горнистами, трубившими атаку, пробѣгали по заламъ дворца «Hotele de Ville» и въ концѣ концовъ, сгустились въ обширной залѣ секретаріата, гдѣ они повстрѣчали бретонскихъ мобилей. Откуда взялись эти послѣдніе—я такъ и не могъ узнать. Ихъ никто не призывалъ въ «Hotel de Ville». Я видѣлъ другихъ бретонскихъ солдатъ, которые бродили въ толпѣ, но мнѣ кажется, что это были только любопытные, сами не знавшіе въ чемъ дѣло. Тѣ же, которые явились въ залу секретаріата, гдѣ они столкнулись съ мстителями, имѣли свои ранцы за плечами ими командовалъ сержантъ. Генералъ Лефло сразу увидѣлъ, что ихъ было двадцать противъ восьмидесяти и что если начать стрѣлять, то ни одинъ изъ нихъ не спасется.

Но съ чего началась между ними ссора? Генералъ Лефло, явившійся чтобы прекратить ее, не зналъ о ней ровно ничего. Бретонцы не имѣли понятія о мстителяхъ, а мстители не знали бретонцевъ. Среди мстителей находился офицеръ, расшитый галунами и съ султаномъ.

— Поручикъ, велите выстроиться вашему отряду, крикнулъ ему Лефло.

— Генералъ?

— Вы меня не узнаете? Я военный министръ.

— Я узнаю васъ и повинуюсь вамъ, но скажу вамъ потихоньку, что если я отдамъ приказъ моимъ людямъ выйти отсюда раньше бретонцевъ, то все равно они меня не послушаются.

— Все равно, велите имъ выстроиться, чтобы мы могли ихъ увидѣть и чтобы они насъ увидѣли. Тутъ масса людей, не принимавшихъ участія въ ссорѣ, которые очутятся между двухъ огней. Я хочу предупредить ихъ объ опасности.

Мстители охотно согласились выстроиться, тѣмъ болѣе, что ихъ

численное превосходство выступало тогда яснѣе Министръ началъ упрашивать ихъ разойтись.

— Они не станутъ стрѣлять въ насъ; мы безоружны.

— Не полагайтесь на это.

— Это грязные бретонцы виноваты во всемъ. Они не имѣютъ право находиться здѣсь. Пусть убираются вонъ вмѣстѣ со своими попами.

Генералъ обратился къ сержанту бретонцевъ.

— Выстройте своихъ людей.

Тотъ не двинулся.

— Это бунтъ!—сказалъ Лефло.

Обратившись къ адъютанту, послѣдовавшему за нимъ, онъ прибавилъ:

— Обнажите шпагу. Командуйте движеніе. Заставьте ихъ продефилировать черезъ дверь въ глубинѣ залы.

Затѣмъ, обратившись къ бретонцамъ, Лефло въ нѣсколькихъ словахъ напомнилъ имъ о патріотизмѣ и о чувствѣ долга, но они сохраняли свою неподвижность и свой прежній видъ абсолютнаго равнодушія къ словамъ, который хорошо извѣстенъ всѣмъ, имѣвшимъ дѣло съ непокорными бретонцами.

— Однако, я не могу выйти отсюда безъ нихъ,—говорилъ себѣ генералъ,—и не могу предоставить имъ перерѣзать другъ другу горло.

Онъ поочередно смотрѣлъ то на бретонцевъ, то на мстителей, чувствуя, что приказаніе его не будетъ исполнено и что формальное неповиновеніе съ ихъ стороны можетъ послужить сигналомъ къ битвѣ.

— Ни одинъ изъ насъ не выйдетъ отсюда живымъ,—сказалъ генералъ своему адъютанту.

— Помилуй Богъ!—воскликнулъ тотъ, вынимая шпагу.

Онъ только что собирался произнести слова команды, какъ вдругъ генералъ остановилъ его за руку.

— Подождите,—сказалъ онъ и, обратившись къ бретонцамъ, повторилъ имъ то же самое, что говорилъ раньше, но на этотъ разъ на чисто бретонскомъ нарѣчіи. Эффектъ былъ необыкновенный. Выраженіе лицъ тотчасъ же измѣнилось.

— Кто это? Кто это?

— Это Лефло.

— Да, ребята,—сказалъ генералъ,—развѣ вы не хотите, чтобы я сдѣлалъ вамъ смотръ?

— Да здравствуетъ генералъ!

— Направо! Стройся!

— Да здравствуетъ генералъ!

Бретонцы выстроились, и генералъ тотчасъ же началъ смотръ.

— Ты откуда?—спрашивалъ онъ.

— Изъ Лангоа.

— Позволь. Я тебя видѣлъ въ Перрозѣ?

— Вы видѣли моего брата! Онъ въ Парижѣ съ нами. Онъ—капралъ.

— А ты?

— Я изъ Лангоа, изъ Белль-Иль-анмеръ.

— Ты сынъ моего фермера?

— Да, генералъ.

— Генералъ, мы пойдемъ за вами всюду, куда вы насъ поведете!—раздались крики.

— Хорошо, ребята.

— Да здравствуетъ религія!

— Да, ребята, да здравствуетъ религія и да здравствуетъ Франція!

— Да здравствуетъ генералъ!

Они дали бы убить себя за него, всѣ до единаго!

— Гдѣ ваша квартира?

— Въ Бабилонѣ.

— Мы вернемся туда вмѣстѣ. Вы будете моимъ эскортомъ. Я хочу пожать руку вашимъ офицерамъ.

— Вотъ этотъ! Вотъ тотъ!—кричали они, называя своихъ офицеровъ.

— Въ путь!

Адъютантъ скомандовалъ, и вся банда продефилировала, хотя и не въ большомъ порядкѣ, но съ большимъ энтузіазмомъ, позабывъ о мстителяхъ, какъ будто ихъ тутъ и не было совсѣмъ, и слѣдуя за Лефло, который вышелъ такимъ образомъ изъ «Hotel de Ville», въ сопровожденіи своей арміи, состоящей изъ двадцати крестьянъ и оказывавшей ему военныя почести.

Мы узнали всю эту исторію въ общихъ чертахъ въ залѣ, гдѣ мы были плѣнниками, и очень обрадовались. Между прочимъ, мы были въ восторгѣ, что Лефло вышелъ. Мы думали, что онъ, быть можетъ, въ состояніи будетъ призвать въ Парижъ который-нибудь изъ полковъ арміи Дюкро, находившейся на аванпостахъ, или же собрать легіоны національной гвардіи, болѣе вѣрные и лучше освѣдомленные, чѣмъ тѣ, которыхъ привелъ съ собою Тамизье. Я же, какъ личный другъ генерала Лефло, радовался въ особенности тому, что онъ избѣжалъ величайшей опасности и въ то же время оказалъ огромную услугу.

Но радость моя по этому поводу продолжалась не долго. Я находился вмѣстѣ съ Жюлемъ Фавромъ подъ надзоромъ мстителей Флуранса, какъ вдругъ, къ величайшему своему изумленію, увидѣлъ возлѣ себя генерала Лефло.

— Вы здѣсь, генералъ? Я думалъ вы въ безопасности!

— Да,—отвѣчалъ онъ.—Я вышелъ и дошелъ до министерства. Я отправилъ повсюду приказанія и въ особенности настоятельныя приказанія отправилъ къ Дюкро. Надѣюсь, что завтра утромъ онъ будетъ здѣсь. Національная гвардія разсѣялась. Нѣсколько человѣкъ

осталось у мерій, но сформировать легіонъ будетъ трудно. Пикаръ и Ферри заботятся объ этомъ. Видите ли,—прибавилъ онъ, понижая голосъ,—находятся такіе генералы, которые думаютъ, что если васъ погубятъ, то это не будетъ большою потерей, вы понимаете? Что же касается національной гвардіи, то она раскололась на двѣ половины: одна не вѣритъ въ существованіе бунта, другая же участвуетъ въ немъ. Это не особенно пріятно. Видя, что лично я ничего не въ состояніи сдѣлать, я не могъ оставаться въ безопасности, зная, что вамъ здѣсь угрожаетъ смерть каждую минуту. Но, вѣрите ли, сколько труда мнѣ стоило попасть сюда! Меня не хотѣли выпу кать тамъ, а здѣсь меня не хотѣли впускать. Однако, я тутъ, съ вами. Мнѣ можетъ еще представиться случай дѣйствовать, какъ сегодня утромъ.

Мы снова заняли свои мѣста вокругъ стола совѣта, такъ какъ генералъ Трошю, подъ вліяніемъ античныхъ воспоминаній, настоялъ на томъ, чтобы мы сидѣли на своихъ курульныхъ креслахъ въ этотъ моментъ опасности. Самъ онъ потихоньку снялъ свои эполеты и спряталъ ихъ въ карманъ.

— Я теперь спокоенъ,—сказалъ онъ.—Если даже мнѣ придется подвергнуться какимъ-либо насиліямъ, то все же знаки командованія не могутъ быть оскорблены при этомъ.

Однако, нѣкоторымъ изъ нашихъ друзей удалось уйти и въ томъ числѣ генералу Трошю. Говорятъ, что онъ не былъ узнанъ, но я думаю, что это неправда и что тѣ, кто узналъ его, просто не захотѣли препятствовать его уходу. Толпа считала себя побѣдительницей и, увѣренная въ своей власти, не чувствовала склонности къ насилію. Правительства не существовало больше, и ни одинъ изъ насъ не былъ достаточно вліятельнымъ лицомъ и, поэтому, не внушалъ страха. Впрочемъ, побѣдители соперничали между собой. Въ толпѣ циркулировали списки и намъ раздавали ихъ, какъ и всѣмъ другимъ. Нѣсколько совершенно неизвѣстныхъ имъ лицъ спрашивали у меня дружескаго совѣта, кого выбрать: Бланки или Делеклюза?

Въ этотъ моментъ зала напоминала клубъ, но клубъ, находящійся въ состояніи сильнѣйшаго возбужденія и не имѣющій президента. Нѣсколько ораторовъ повлѣзали на стулья и говорили заразъ, обращаясь къ толпѣ. Каждый изъ нихъ держалъ въ рукѣ собственный списокъ. Какой-то старикъ, обитатель предмѣстья, напяливъ кэпи на голову, захватилъ барабанъ и выбивалъ на немъ дробь всякій разъ, когда какой-нибудь любимый ораторъ начиналъ рѣчь или же когда онъ слышалъ мнѣніе, которое ему нравилось. Это мнѣ напомнило драмы въ театрѣ «Ambigu», гдѣ тиранъ не говорилъ иначе, какъ подъ музыку.

Мнѣ разсказывали, что въ тотъ моментъ, когда Флурансъ поднимался по главной лѣстницѣ, одинъ изъ «мстителей» сказалъ ему, что распространяются списки членовъ правительства.

— А я тамъ нахожусь?

Его не было въ этомъ спискѣ, но онъ былъ въ другихъ. Будетъ происходить баллотировка поднятіемъ рукъ или дѣло дойдетъ до рукопашной,—этого никто не могъ предвидѣть въ данную минуту. Флурансъ пробился въ залу совѣта и его тотчасъ же окружили «мстители» его полка. Онъ жестикулировалъ и бранился. Наконецъ, къ моему величайшему изумленію, онъ вскочилъ на столъ и началъ прогуливаться по немъ въ сильномъ возбужденіи. Онъ былъ въ большихъ сапогахъ со шпорами и отъ каждаго его шага чернильницы прыгали на столѣ, чернила разливались потоками по скатерти и орошали присутствующихъ. Онъ отдавалъ приказанія и мало-по-малу приказанія эти были выслушаны и имъ повиновались. Во всякомъ случаѣ, въ этой залѣ онъ былъ диктаторомъ въ теченіе пяти минутъ.

Въ этотъ именно періодъ своего непродолжительнаго царствованія онъ велѣлъ насъ арестовать, меня и Жюли Фавра. Какъ мнѣ кажется, онъ это сдѣлалъ не столько для того, чтобы избавиться отъ насъ, сколько ради нашей собственной безопасности. Онъ спрыгнулъ со стола и самъ отвелъ насъ въ амбразуру окна, выходившаго на набережную. Амбразуры оконъ были громадны и представляли нѣчто вродѣ кабинета. Онъ приказалъ насъ посадить тутъ и позаботился о томъ, чтобы намъ принесли кресла, затѣмъ поставилъ около насъ кордонъ изъ своихъ людей и отдалъ имъ слѣдующее приказаніе:

— Рекомендую вамъ оказывать глубочайшее уваженіе этимъ двумъ господамъ. Если же ихъ захотятъ освободить отсюда, то вы ихъ застрѣлите.

— Такъ точно, командиръ!

Но власти его наступалъ конецъ. Явился Бланки и какъ только онъ показался, то стало ясно, что онъ былъ господинъ. Онъ, впрочемъ, самъ не сомнѣвался въ этомъ. Въ противоположность Флурансу, который вѣчно кипятился, Бланки отдавалъ свои приказанія спокойно и съ авторитетомъ. Всѣ умолкали, какъ только онъ возвышалъ голосъ. Мнѣ показалось, что Делеклюзъ былъ скорѣе его офицеромъ, нежели конкурентомъ. Впрочемъ, роль Делеклюза мнѣ была не совсѣмъ ясна.

Вечеромъ началось сильное движеніе. Произошло что-то новое. Мы спросили нашихъ сторожей, что случилось, и они сообщили намъ, что національная гвардія окружила дворецъ, во главѣ съ Ферри. Одинъ изъ сторожей замѣтилъ мнѣ съ добродушною ироніей.

— Вы наши плѣнники, а мы—плѣнники Ферри. Я ужъ не знаю, какъ мы всѣ выйдемъ отсюда!

И мы этого не знали. Намъ казалось невозможнымъ, чтобы дѣло обошлось безъ какого-нибудь побоища.

— Если какой-нибудь пьяница или безумецъ выстрѣлитъ,—сказалъ мнѣ Жюль Фавръ,—то произойдетъ бойня.

Зданіе «Hotel de Ville» было переполнено народомъ, вплоть до антресолей и подваловъ. У насъ были друзья тутъ, но партія Бланки была гораздо сильнѣе внутри зданія; зато снаружи находилась армія. Выводъ изъ этого былъ простъ: Жюль Фавръ и я, мы, вѣроятно, погибли, но Бланки и другіе—навѣрное!

Произошелъ слѣдующій инцидентъ: наши побѣдители, обратившіеся въ побѣжденныхъ, послѣ того, какъ зданіе было окружено, искали способовъ извернуться. Мы были ихъ единственною надеждой. Они могли превратить насъ въ уполномоченныхъ вести переговоры, если мы этого захотимъ, или въ заложниковъ. Вопросъ обсуждался въ нашемъ присутствіи. Флурансъ хотѣлъ поручить намъ вести переговоры.

— Они дадутъ намъ слово вернуться сюда въ случаѣ неуспѣха.

Большинству казалось, что другого исхода нѣтъ. Одинъ изъ предводителей сказалъ намъ:

— Вы слышите, господа; вы даете намъ слово вернуться въ случаѣ неудачи переговоровъ. Ступайте, путь свободенъ.

Мы встали и вышли уже на середину залы, когда вдругъ Бланки заговорилъ:

— Я не сомнѣваюсь въ словѣ этихъ господъ. Это честные люди. Если они потерпятъ неудачу, то они вернутся, чтобы раздѣлить съ нами нашу участь. Но вы забыли одну вещь—спросить у нихъ, что они скажутъ своимъ друзьямъ? Они имъ скажутъ, чтобы они не выпускали насъ. Конечно, ни тотъ, ни другой не станутъ опровергать мои слова—прибавилъ онъ, глядя на полъ—и я заключаю, что, такъ какъ они наши заложники, то лучше оставить ихъ здѣсь.

Мы ничего не отвѣчали. Во время всей этой сцены мы не раскрывали рта и также молча вернулись на свои мѣста.

Нечего и говорить, что время тянулось для насъ очень медленно, несмотря на странность положенія и жгучій интересъ, который представляло все, что происходило на нашихъ глазахъ. Въ теченіе дня наши друзья, узнавъ, что мы находимся въ плѣну въ залѣ совѣта, входили туда, чтобы насъ видѣть и выразить намъ сочувствіе. Но, разумѣется они могли это дѣлать только при помощи жестовъ, такъ какъ люди Флуранса сообщали имъ о его приказаніи. Нѣкоторые изъ нихъ предлагали намъ вина и сандвичи и наши сторожа убѣждали насъ принять.

— Берите же, граждане; вѣдь вы должны умирать съ голоду.

Жюль Фавръ принялъ предложенное и съѣлъ съ большимъ аппетитомъ. Я не послѣдовалъ его примѣру. Я вспомнилъ Людовика XVI, который съ аппетитомъ ѣлъ цыпленка въ ложѣ лагографа, откуда онъ смотрѣлъ на свое низверженіе. Его враги поставили ему это въ преступленіе. Я смѣясь напомнилъ объ этомъ Жюлю Фавра, и онъ также смѣясь отвѣчалъ мнѣ, что теперь, когда онъ поѣлъ, онъ болѣе подготовленъ къ роли мученика.

Почетный эскортъ, данный намъ Флурансомъ имѣлъ начальника, который оказался моимъ знакомымъ. Онъ не преминулъ напомнить мнѣ объ этомъ, съ большою любезностью, прибавивъ, «что онъ былъ весь къ моимъ услугамъ, за исключеніемъ того, въ чемъ онъ былъ обязанъ повиновеніемъ своему командиру». Онъ сѣлъ возли меня и вступилъ со мною въ философскій споръ. Я сначала охотно отвѣчалъ ему, такъ какъ это было забавно, принимая во вниманія мѣсто и окружающую обстановку, но потомъ мнѣ это наскучило и я далъ ему понять. Онъ немного обидѣлся. Съ наступленіемъ ночи я впалъ въ какое-то состояніе оцѣпенѣнія, которое къ несчастью не было сномъ и я вполнѣ сознавалъ наше положеніе.

Извѣстно, что все это приключеніе кончилось, какъ какая-нибудь мелодрама. Невидимая до того времени дверь открылась въ стѣнѣ; изъ нея вышелъ Ферри, а занимъ по пятомъ слѣдовали солдаты національной гвардіи. Было ясно, то мы были освобождены, а Бланки, со своимъ приверженцами былъ взятъ. Найденъ былъ подземный ходъ, который велъ отъ сосѣдней казармы къ этому мѣсту. Ферри пустился первый по этому пути и явился передъ нами словно ангелъ истребитель.

— Ступайте,—сказалъ онъ толпѣ.—Я не хочу пролитія крови. Вы можете удалиться, но не думайте, что вы свободны, когда выйдете изъ «Hotel de ville». Я васъ держу въ своихъ рукахъ и даю вамъ слово, что первая выходка такого же рода и вы пропали! Не говоря уже о томъ, что національная гвардія, теперь предупрежденная, въ двадцать разъ сильнѣе васъ, вы увидите съ разсвѣтомъ еще армію Дюкро, которая уже идетъ сюда.

Почувствовавъ себя наконецъ на свободѣ, мы испытали чувство величайшаго облегченія. Мы были рады также, что удалось избѣжать ужасной бойни, которая могла бы произойти въ этихъ залахъ, переполненныхъ народомъ, стекавшимся сюда изъ всѣхъ выходовъ. Шумная толпа, тѣснившаяся въ Hotel de ville имѣла очень смѣшанный характеръ, но мы все-таки были въ большинствѣ и коммунары это чувствовали. Пока Ферри говорилъ, они уже начали удирать, такъ скоро, какъ только это можно было въ такой компактной толпѣ. Они исчезли въ одинъ мигъ. Мы однако не теряли времени на взаимныя поздравленія. Ферри долженъ былъ отвести свою армію, мы же, считавшіе себя въ теченіи столькихъ часовъ на краю гибели, думали только о своихъ семействахъ, гдѣ насъ ждали или, быть можетъ, уже не ждали! Что касается меня, то я право не знаю, какъ я еще держался на ногахъ, пробывъ тамъ 18 часовъ подрядъ. Было четыре часа ночи. Я принялся отыскивать свое пальто. Какое ребячество! Генералъ Лефло, мой пріятель, не захотѣлъ оставить меня въ моихъ поискахъ. Черезъ двадцать минутъ мы остались одни въ этомъ залѣ, величина которой только теперь поразила меня. Наконецъ, мы прекратили поиски и рѣшили вернуться домой пѣшкомъ, безъ верхней одежды и въ страш-

ный холодъ. Нечего было и надѣяться встрѣтить экипажъ. Когда я спускался по опустѣвшей лѣстницы, то вдругъ кто-то набросился на меня и обнялъ. Это было Фульдъ.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Мнѣ сказали, что васъ не видѣли выходящимъ и я пошелъ васъ искать.

Онъ проводилъ меня до улицы Гренелль. Не стану и говорить какія слезы и поцѣлуй ожидали меня дома. Меня считали погибшимъ. Я пробовалъ поѣсть чего-нибудь но не могъ. Я скорѣе повалился на кровать, нежели легъ. Пробило пять часовъ. Сонъ не приходилъ. Я испытывалъ такое ощущеніе какъ на морѣ, какъ будто моя кроватъ качалось на волнахъ. Разсвѣтало, когда я наконецъ заснулъ. Вѣроятно я бы проспалъ какъ убитый полдня, но черезъ десять минутъ меня разбудили: дверь съ шумомъ отворилась и вмѣстѣ съ лучемъ свѣта кто-то ворвался въ мою комнату.—«Делегатъ! Дѣло, не терпящее отлагательства!»—послышались слова. Должно быть, подумалъ я, дѣло плохо, если со мною обращаются такъ безжалостно! Ужъ не начался ли штурмъ города? Или бунтовщики перешли въ наступленіе? Я соскочилъ съ кровати и увидѣлъ передъ собою делегата.

Это былъ премилый юноша, кроткаго вида и очень любезный, съ которымъ мнѣ приходилось изрѣдка вступать въ сношенія, но сношенія эти были всегда дружескія. Его фамилія была Адереръ. Отецъ его былъ выдающійся журналистъ, очень любимый своими собратьями по профессіи, онъ же самъ былъ профессоромъ въ лицеѣ Карла Великаго и теперь профессора выбрали его делегатомъ, чтобы требовать немедленной уплаты имъ вознагражденія.

Онъ заговорилъ со мною свысока:

— Такъ какъ вы со всѣмъ своимъ штабомъ получаете большое содержаніе...

Вотъ какъ разговаривали съ министромъ тогда! Я прервалъ его:

— Почему вы явились въ этотъ часъ?

— Я обѣщалъ доставить вашъ отвѣтъ до начала утреннихъ классовъ.

— Вы знаете, что было вчера?

— Я знаю, что было начало бунта, который скоро былъ прекращенъ.

Вотъ что онъ зналъ. Всѣ въ Парижѣ, кто не принадлежалъ ни къ коммунѣ, ни къ полкамъ, извлекшимъ насъ изъ ея рукъ, знали не больше его.

Я пробовалъ снова заснуть. Но черезъ часъ за мною пришли, чтобы звать меня на совѣтъ правительства. Онъ долженъ былъ очень пожалѣть «о своей делегаціи», этотъ бѣдняга Адереръ, когда узналъ обо всемъ, что я сдѣлалъ и выстрадалъ въ этотъ роковой день!

Эти четыре мѣсяца осады были длинной агоніей, у меня былъ только одинъ рессурсъ, чтобы спастись отъ угнетающей тоски—упор-

ный, ожесточенный трудъ. И я могу сказать, что потрудился въ это время. Надѣюсь, что не безполезно».

День 31-го октября, описанный Жюлемъ Симономъ, былъ единственнымъ высокодраматическимъ эпизодомъ въ его жизни, больше ему никогда не приходилось переживать такія минуты. Волненія, которыя онъ испытывалъ въ теченіе своей остальной дѣятельности, ограничивались ареною парламентской борьбы. Несмотря на то, что онъ достигъ высокаго и вполнѣ обезпеченнаго положенія въ матеріальномъ отношеніи, Жюль Симонъ продолжалъ жить въ своей прежней квартирѣ, въ пятомъ этажѣ, «Я прожилъ въ ней пятьдесятъ лѣтъ,—говорилъ онъ,—съ высоты своего балкона я видѣлъ всѣ правительства и всѣ процессіи. Я видѣлъ Луи-Филиппа, дѣлающаго смотръ войскамъ національной гвардіи; я видѣлъ Луи Блана, котораго народъ несъ на своихъ плечахъ; я видѣлъ Луи-Наполеона, стоящаго въ колягкѣ и заставляющаго духовенство кадить себѣ. Правда, мнѣ стало тѣсно здѣсь, съ семьей моего старшаго сына, моя библіотека тутъ совсѣмъ задавлена. Но меня удерживаютъ воспоминанія. Почти все, что есть знаменитаго въ Европѣ, перебывало на моемъ пятомъ этажѣ; Тьеръ, Викторъ Гюго, Кастеляръ, кардиналъ Лавижери, Гамбетта, вплоть до... приглашенныхъ моего пріятеля Андрэ (лакея)».

Послѣдніе годы Жюля Симона были омрачены тѣмъ, что зрѣніе у него ослабѣло. У него сдѣлалась катаракта, которая, однако, была успѣшно оперирована, несмотря на его преклонный возрастъ (81 годъ). Но тѣмъ не менѣе зрѣніе не могло вполнѣ возстановиться. Онъ могъ различать предметы и даже писать, но читалъ съ большимъ трудомъ, и иногда его глаза застилалъ такой туманъ, что онъ переставалъ видѣть. Это съ нимъ случилось, когда онъ читалъ въ засѣданіи «Académie des sciences morales et politiques» свою замѣтку о Викторѣ Дюрюи. Онъ едва перевернулъ первыя страницы, какъ въ глазахъ его появился туманъ, и его окружила тьма. Однако, онъ не смутился ни на минуту и продолжалъ, не останавливаясь, импровизировать свою рѣчь. Никто не замѣтилъ, что случилось, и Жюль Симонъ въ этотъ день одержалъ одинъ изъ своихъ самыхъ блестящихъ ораторскихъ успѣховъ. Онъ переворачивалъ листы, не читая...

По окончаніи засѣданія, когда истина разгласилась, то удивленію не было предѣловъ.

Этотъ успѣхъ поднялъ его духъ, его вѣру въ то, что человѣкъ можетъ восторжествовать надъ своими немощами, и онъ снова принялся за работу. Онъ работалъ почти до послѣдней минуты, и его статья въ «Petite Gironde» была напечатана въ самый день его смерти. Онъ умеръ 82-хъ лѣтъ.

Э. Пименова.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Марксъ.

(*Окончаніе*) *).

IV.

Мы видѣли, что несмотря на свою удивительную способность къ анализу, Марксъ мало сдѣлалъ въ области чисто теоретической, абстрактной политической экономіи. Его теорія цѣнности, вмѣстѣ со всѣми своими выводами, въ цѣломъ, несостоятельна и больше повредила, чѣмъ содѣйствовала развитію научной мысли. Сила Маркса не въ экономической теоріи—въ этой области онъ далеко уступаетъ Рикардо, а также Родбертусу; широкія соціальныя обобщенія, схватывающія краткой, но выразительной формулой запутанную сѣть перекрещивающихся моментовъ, изъ которыхъ слагается историческая жизнь человѣчества — вотъ та сфера, гдѣ геній Маркса обнаруживается во всей своей мощи. Поэтому, несмотря на внутреннія противорѣчія экономической теоріи «Капитала» и на слабость ея фундамента—теоріи абсолютной трудовой цѣнности,—мы должны признать Маркса однимъ изъ величайшихъ соціальныхъ мыслителей новаго времени, быть можетъ, непосредственно слѣдующимъ за геніальнымъ Сенъ-Симономъ. Творецъ «Промышленной системы» и «Новаго христіанства» превосходилъ Маркса оригинальностью своей вдохновенной, ослѣпительной, молніеносной мысли, озарявшей совершенно новымъ свѣтомъ все, чего касался этотъ поразительный умъ. Но, кромѣ Сенъ-Симона, трудно указать другого мыслителя, такъ много давшаго для философіи исторіи вообще и для философіи современной исторіи въ частности, какъ авторъ «Капитала».

Мы уже знакомы съ его общей философіей исторіи; перейдемъ теперь къ чрезвычайно полно и систематически разработанной Марксомъ теоріи развитія современнаго соціальнаго строя—капитализма.

Прежде всего, устранимъ одно недоразумѣніе. Многіе думаютъ, что соціальныя требованія Маркса логически связаны съ теоріей приба-

---

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь, 1902 г.

вочной цѣнности. Противъ этой ошибки, и съ полнымъ основаніемъ—ибо это дѣйствительно ошибка—протестовалъ Энгельсъ. Не на теоріи прибавочной цѣнности, а на теоріи развитія капиталистическаго строя, представляющей собой обобщеніе реальныхъ историческихъ фактовъ нашего времени, покоится система практической политики марксизма, столь могущественно повліявшая на современное рабочее движеніе.

Въ предисловіи къ I тому «Капитала» Марксъ говоритъ, что его главной задачей является открытіе «экономическаго закона движенія современнаго общества». По своему соціальному идеалу, творецъ «Капитала» былъ послѣдователемъ великихъ утопистовъ. Утописты не только создали этотъ идеалъ, но и подвергнули острой и смѣлой критикѣ господствующій соціальный строй—капиталистическое хозяйство. Тѣмъ не менѣе, путь, ведущій отъ общества нашего времени къ обществу будущаго, оставался туманнымъ и неяснымъ. Міръ будущаго являлся въ изображеніи утопистовъ такимъ глубокимъ контрастомъ сравнительно съ міромъ настоящаго, что казалось непонятнымъ, какъ переберется человѣчество черезъ страшную бездну, отдѣляющую оба эти міра. Кто выведетъ человѣчество изъ «дома сумасшедшихъ», въ который оно заключено теперь, по словамъ Оуэна? Фурье далъ поразительно яркую картину «пороковъ цивилизаціи»; но гдѣ же найти въ цивилизованномъ обществѣ силы, способныя разсѣчь «порочный кругъ» цивилизаціи, какъ желѣзными тисками сковывающій общественную жизнь и общественное развитіе? Утописты черпали свое вдохновеніе въ противопоставленіи свѣтлаго, лучезарнаго, гармоничнаго будущаго темному и мрачному настоящему. Однако, въ практической политикѣ приходилось исходить изъ того самаго классоваго общества, изъ того самаго «сумасшедшаго дома», всѣ ужасы котораго такъ геніально изобразили утописты. Нужно было указать въ капиталистическомъ обществѣ элементы и силы, способные осуществить великое соціальное преобразованіе, къ которому съ такимъ энтузіазмомъ утописты призывали человѣчество.

Для рѣшенія этой задачи требовалось открыть «законъ движенія современнаго общества», къ чему и стремился Марксъ. Путемъ обобщенія реальныхъ фактовъ историческаго развитія, Марксъ попытался выяснить, въ какомъ направленіи идетъ это развитіе, какія новыя общественныя формы съ желѣзной необходимостью выростаютъ изъ нѣдръ стараго общества. При этомъ Марксъ естественно исходилъ изъ своей философіи исторіи—изъ доктрины соціальнаго матеріализма, признающей основнымъ и рѣшающимъ моментомъ соціальнаго прогресса развитіе матеріальныхъ условій хозяйственнаго труда. Если хозяйственное развитіе опредѣляетъ собой все остальное, то нарожденіе новаго общественнаго строя должно быть результатомъ закономѣрной эволюціи формы хозяйства, господствующей въ настоящее время. Таковой является капитализмъ. Отсюда получался выводъ, что движущія силы грядущаго

соціальнаго преобразованія создаются развитіемъ капиталистическаго хозяйства.

Такимъ образомъ, проблема осуществленія новаго общественнаго строя была сведена соціальнымъ матеріализмомъ къ открытію закона развитія капиталистическаго способа производства. Въ наличности такого развитія нельзя было сомнѣваться. Уже самое поверхностное наблюденіе новѣйшей хозяйственной исторіи обнаруживало глубокія послѣдовательныя измѣненія, которыя претерпѣваетъ капиталистическое хозяйство. Въ сочиненіяхъ утопистовъ (особенно у Фурье) было разбросано множество отдѣльныхъ указаній на общее направленіе капиталистическаго развитія. Но заслуга созданія законченной и систематической теоріи развитія современнаго хозяйственнаго строя, несомнѣнно, принадлежитъ Марксу.

Капиталистическій способъ производства отмѣчаетъ собой новѣйшій фазисъ въ прогрессивномъ развитіи человѣчества. Капиталистическому производству предшествовало мелкое самостоятельное производство, съ одной стороны, и принудительное производство, основывавшееся на крѣпостныхъ отношеніяхъ — съ другой. Обѣ эти формы производства, съ чисто технической стороны, стоятъ несравненно ниже капитализма. Буржуазія сыграла въ высшей степени прогрессивную роль въ исторіи человѣчества. «Буржуазія, гдѣ она достигла господства, разрушила всѣ феодальныя, патріархальныя, идиллическія отношенія. Она безжалостно порвала разнообразныя феодальныя узы, которыя связывали человѣка съ человѣкомъ, и не оставила между людьми никакой иной связи, кромѣ голаго интереса, кромѣ безчувственной «уплаты наличностью»... «Буржуазія втеченіе своего менѣе, чѣмъ столѣтняго классоваго господства, создала болѣе всеобъемлющія и колоссальныя производительныя силы, чѣмъ всѣ предшествующія поколѣнія въ совокупности. Подчиненіе силъ природы, введеніе машинъ, примѣненіе химіи къ промышленности и земледѣлію, паровое судоходство, желѣзныя дороги, электрическій телеграфъ, подчиненіе культурѣ цѣлыхъ частей свѣта, улучшеніе рѣкъ, внезапно выросшіе изъ земли цѣлые народы—какой изъ предшествующихъ вѣковъ могъ предчувствовать, что такія огромныя производительныя силы таятся въ нѣдрахъ общественнаго труда!» («Манифестъ»).

Но эти изумительные успѣхи были куплены дорогой цѣной—цѣной разоренія и пролетаризаціи огромныхъ массъ населенія. Развитіе капиталистическаго способа производства равносильно уничтоженію мелкаго производства. Мелкое производство было господствующей формой промышленности въ докапиталистическое время. Капитализмъ экспропріировалъ мелкаго производителя, лишилъ его орудій производства и сдѣлалъ изъ прежняго самостоятельнаго ремесленника, крестьянина, кустаря наемнаго слугу капитала.

Однако, чѣмъ шире развивается капиталистическое производство,

чѣмъ полнѣе оно охватываетъ всѣ роды общественнаго труда, тѣмъ ярче выступаетъ коренное противорѣчіе, заложенное въ самомъ существѣ капиталистической формы хозяйства. При господствѣ мелкаго производства форма присвоенія, форма собственности была въ полной гармоніи со способомъ производства. Собственность была индивидуальной и такимъ же индивидуальнымъ было и производство. Напротивъ, въ капиталистическомъ хозяйствѣ производство принимаетъ все болѣе общественный характеръ, а собственность остается, по прежнему, индивидуальной. Никто изъ отдѣльныхъ рабочихъ, занятыхъ на фабрикѣ не можетъ сказать: «это мой продуктъ, я его сдѣлалъ», ибо всякій продуктъ, создаваемый фабрикой, есть результатъ коллективной работы многихъ лицъ. Но этотъ коллективный продуктъ многихъ поступаетъ въ частную собственность одного — капиталиста. Таково неустранимое противорѣчіе капиталистическаго способа производства. И «чѣмъ больше новый способъ производства подчиняетъ своей власти различныя отрасли промышленности, чѣмъ больше онъ низводитъ до жалкихъ остатковъ прошлаго прежнее единоличное производство, тѣмъ ярче выступаетъ внаружу несовмѣстимость общественнаго производства съ капиталистическимъ присвоеніемъ» (Anti-Dühring, 290).

Въ то же время, въ предѣлахъ самой капиталистической промышленности происходитъ чрезвычайно многозначительная эволюція. Законы капиталистической конкуренціи (благодаря большей производительности крупнаго производства), требуютъ постояннаго расширенія оборотовъ капиталистическаго предпріятія. Средствомъ для этого служитъ капитализація большей или меньшей доли прибыли. Такимъ образомъ происходитъ то, что Марксъ называетъ *концентраціей* средствъ производства—увеличеніе размѣра капиталистическаго предпріятія путемъ накопленія капитала. Отъ концентраціи средствъ производства слѣдуетъ отличать ихъ *централизацію*—сліяніе нѣсколькихъ или многихъ капиталовъ въ одинъ капиталъ. Въ первомъ случаѣ каждый капиталъ растетъ собственными средствами,—одинъ капиталъ не поглощаетъ другого. Во второмъ случаѣ происходитъ уничтоженіе индивидуальной самостоятельности капиталовъ—«превращеніе многихъ мелкихъ капиталовъ въ небольшое число крупныхъ. Этотъ процессъ тѣмъ отличается отъ перваго, что онъ предполагаетъ лишь измѣненіе въ распредѣленіи имѣющихся уже и функціонирующихъ капиталовъ, и что его поле дѣйствія не ограничено, слѣдовательно, абсолютнымъ ростомъ общественнаго богатства или абсолютными границами накопленія. Капиталъ наростаетъ въ однихъ рукахъ *здѣсь*, потому что *тамъ* онъ исчезъ изъ многихъ рукъ» («Капиталъ», I, 526).

Централизація капиталовъ вызывается конкуренціей капиталистическихъ предпріятій между собой. Капиталистическій міръ не знаетъ мира — въ немъ кипитъ неустанная ожесточенная борьба, въ которой сильный экспропріируетъ слабаго, и капиталъ побѣжденнаго стано-

*

вится прекраснѣйшимъ побѣднымъ трофеемъ побѣдителя. «Независимо отъ этого, съ развитіемъ капиталистическаго производства создается новая сила — кредитъ, который вначалѣ робко прокрадывается въ видѣ скромнаго пособника накопленія, невидимыми нитями стягиваетъ въ руки индивидуальныхъ капиталистовъ или ассоціацій капиталистовъ денежныя средства, разсѣянныя на поверхности общества въ большихъ или меньшихъ массахъ; но вскорѣ становится новымъ и страшнымъ орудіемъ въ конкуренціи, наконецъ, превращается въ громадный соціальный механизмъ для централизаціи капиталовъ».

Конкуренція капиталовъ и кредитъ являются двумя могущественнѣйшими рычагами централизаціи. «Централизація довершаетъ дѣло накопленія, давая возможность промышленнымъ капиталистамъ расширять размѣры своихъ операцій. Будетъ ли этотъ послѣдній результатъ слѣдствіемъ накопленія или централизаціи, произойдетъ ли централизація насильственнымъ путемъ присоединенія, при которомъ нѣкоторые капиталы становятся такими сильными центрами притяженія для другихъ, что побѣждаютъ ихъ индивидуальное сцѣпленіе и притягиваютъ къ себѣ ихъ разрозненные куски, или же сліяніе массы уже образовавшихся или еще образующихся капиталовъ произойдетъ болѣе гладкимъ путемъ, посредствомъ образованія акціонерныхъ обществъ,— экономическое дѣйствіе отъ этого не измѣнится».

Безъ помощи централизаціи образованіе очень крупныхъ капиталистическихъ предпріятій было бы почти невозможно. «Міръ оставался бы еще и до сихъ поръ безъ желѣзныхъ дорогъ, если бы ему пришлось ждать, пока накопленіе поставитъ отдѣльные капиталы въ возможность построить желѣзную дорогу. Централизація же, напротивъ, произвела это сразу посредствомъ акціонерныхъ компаній».

Концентрація и централизація средствъ производства чрезвычайно повышаютъ производительность общественнаго труда. Но чѣмъ могущественнѣе производительныя силы капитала, тѣмъ большее значеніе въ жизни капиталистическаго общества пріобрѣтаетъ другое основное противорѣчіе капиталистическаго способа производства—«противорѣчіе между организованностью производства въ отдѣльной фабрикѣ и анархіей производства во всемъ обществѣ» (Anti-Dühring, 294). На почвѣ обоихъ указанныхъ противорѣчій капитализма возникаютъ періодическіе промышленные кризисы, отъ которыхъ такъ жестоко страдаетъ капиталистическое хозяйство. «Въ кризисахъ противорѣчіе между общественнымъ характеромъ производства и капиталистическимъ присвоеніемъ насильственно прорывается наружу. Товарный обмѣнъ какъ бы уничтожается; орудіе обращенія—деньги,—становится препятствіемъ обращенію; всѣ законы производства и обращенія товаровъ превращаются въ свою противоположность .Экономическая коллизія достигаетъ своего апогея: способъ производства возстаетъ противъ способа обмѣна, про-

изводительныя силы возстаютъ противъ способа обмѣна, который онѣ переросли» (Anti-Dühring, 297).

Капиталистическая промышленность принуждена съ роковой неизбѣжностью повторять одинъ и тотъ же циклъ развитія: за спокойнымъ состояніемъ идетъ оживленіе промышленности, затѣмъ слѣдуетъ промышленная горячка, неизбѣжно заканчивающаяся крахомъ и кризисомъ, послѣ котораго та же исторія начинается сызнова.

«Какъ небесныя тѣла, будучи разъ приведены въ извѣстное движеніе, неизмѣнно повторяютъ его, такъ и общественное производство, разъ оно брошено въ это движеніе попеременнаго расширенія и сокращенія, также постоянно повторяетъ его... До настоящаго времени періодъ этихъ цикловъ составляетъ 10—11 лѣтъ, но нѣтъ никакого основанія считать эту величину постоянной. Наоборотъ, на основаніи законовъ капиталистическаго производства, слѣдуетъ предположить, что она измѣняется и что продолжительность цикловъ будетъ постепенно сокращаться» («Капиталъ», I, 532—533).

Такимъ образомъ, Марксу рисуется въ будущемъ хроническій кризисъ, который совершенно остановитъ движеніе капиталистическаго производства и этимъ нанесетъ смертельный ударъ всему капиталистическому строю. «Тотъ фактъ, что общественная организація производства въ предѣлахъ фабрики должна достигнуть пункта, на которомъ она становится несоединимой съ сопутствующей ей анархіей производства въ цѣломъ общества—этотъ фактъ обнаруживается самимъ капиталистамъ въ насильственной концентраціи капиталовъ, совершающейся во время кризисовъ путемъ разоренія многихъ крупныхъ, а еще болѣе мелкихъ капиталистовъ. Весь совокупный механизмъ капиталистическаго способа производства отказывается работать подъ давленіемъ созданныхъ имъ самимъ производительныхъ силъ. Онъ не можетъ превратить въ капиталъ всю эту массу средствъ производства; они остаются безъ употребленія... Такимъ образомъ, капиталистическій способъ производства приводится, съ одной стороны, къ сознанію собственной неспособности къ дальнѣйшему руководительству производительными силами общества. Съ другой же стороны, эти самыя производительныя силы стремятся съ наростающей силой къ разрѣшенію этого противорѣчія, къ своему освобожденію отъ капиталистической оболочки, къ фактическому признанію за ними ихъ характера общественныхъ производительныхъ силъ» (Anti—Dühring, 297—298).

«Современное буржуазное общество, создавшее такія могущественныя средства производства и сообщенія, походитъ на волшебника, который не можетъ совладать съ подземными силами, вызванными имъ самимъ. Уже въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ исторія промышленности и торговли есть исторія возмущенія современныхъ производительныхъ силъ противъ современныхъ отношеній производства, противъ современныхъ отношеній собственности, которыя суть условія жизни и

господства буржуазіи... Производительныя силы, которыя находятся въ распоряженіи общества, не могутъ болѣе содѣйствовать развитію буржуазныхъ отношеній собственности; наоборотъ, онѣ становятся слишкомъ могущественными для этихъ отношеній, онѣ связываются послѣдними; преодолѣвая эти узы, производительныя силы приводятъ въ разстройство все буржуазное общество, подвергаютъ опасности самое существованіе буржуазной собственности. Буржуазныя отношенія становятся слишкомъ узкими, чтобы охватить создаваемое ими богатство. Какимъ путемъ преодолѣваетъ буржуазія кризисы? Съ одной стороны, путемъ насильственнаго уничтоженія массы производительныхъ силъ; съ другой же стороны, путемъ захвата новыхъ рынковъ, и болѣе глубокаго использованія старыхъ. Другими словами, путемъ приготовленія новыхъ и болѣе могущественныхъ кризисовъ и путемъ сокращенія средствъ борьбы съ этими кризисами. Такимъ образомъ, оружіе, которымъ буржуазія повергла въ прахъ феодализмъ, обращается теперь противъ самой буржуазіи».

Итакъ, чисто экономическія силы, заложенныя въ капиталистической организаціи общественнаго хозяйства, влекутъ ее съ роковой необходимостью къ превращенію въ высшую хозяйственную форму *). Рядомъ

*) Въ III томѣ «Капитала» Марксъ дополняетъ свою теорію развитія капиталистическаго хозяйства «закономъ тенденціи процента прибыли къ паденію». Сущность этого закона заключается въ слѣдующемъ. Благодаря растущему употребленію машинъ, доля капитала, идущая на средства производства (постоянный капиталъ), должна возрастать, а доля капитала, состоящая изъ заработной платы (перемѣнный капиталъ),—падать. Такъ какъ по теоріи прибавочной цѣнности прибыль создается только перемѣнной частью капитала, то относительное паденіе перемѣннаго капитала должно сопровождаться, по мнѣнію Маркса, и пониженіемъ процента прибыли. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ («Научное Обозрѣніе», 1899, V «Основная ошибка абстрактной теоріи капитализма Маркса»; см. также мои д вѣйшія работы—«Трудовая цѣнность и прибыль» въ томъ же журналѣ за 1900 г., статью о томъ же вопросѣ въ «Сборникѣ въ пользу голодающихъ евреевъ» и мою книгу «Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen») я постарался показать, что названный «законъ» не только противорѣчитъ фактамъ, но и не вытекаетъ изъ собственной теоріи цѣнности Маркса. Дѣло въ томъ, что Марксъ исходитъ, при выводѣ своего закона, изъ предположенія неизмѣнности уровня прибавочнаго труда. Но замѣщеніе рабочихъ машинами неизбѣжно приводитъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, т.-е. въ томъ числѣ и при равенствѣ реальной платы рабочаго, *къ повышенію общественнаго уровня прибавочнаго труда*, благодаря тому, что машинный трудъ производительнѣе ручного, и рабочій, получая прежнюю реальную плату, получаетъ, послѣ введенія машины, меньшую трудовую стоимость, чѣмъ до введенія машины. Поэтому, несмотря на сокращеніе трудовой стоимости прибыли въ силу сокращенія перемѣннаго капитала, процентъ прибыли не имѣетъ въ данномъ случаѣ никакой тенденціи понижаться; повышеніе уровня прибавочнаго труда, а также и другіе моменты, на которыхъ я здѣсь останавливаться не могу, вполнѣ компенсируютъ относительное сокращеніе перемѣннаго капитала. Меньшей трудовой стоимости прибыли соотвѣтствуетъ и меньшая трудовая стоимость капитала, на который начисляется эта прибыль. Мои доводы встрѣтили много

съ этими слѣпыми, стихійными силами хозяйственной эволюціи дѣйствуютъ въ томъ же направленіи и сознательныя, соціальныя силы, порождаемыя тѣмъ же процессомъ капиталистической эволюціи. Капитализмъ не только приходитъ къ экономическому конфликту, неразрѣшимому на почвѣ существующей организаціи хозяйства, но тотъ же капитализмъ создаетъ и общественный классъ. Этимъ классомъ является пролетаріатъ.

Огромную историческую заслугу капитализма составляетъ вызванный новымъ способомъ производства гигантскій подъемъ производительности общественнаго труда. Но чѣмъ выше подымается общественное богатство, тѣмъ ниже падаетъ тотъ, кто создаетъ это богатство—рабочій!

возраженій, исходившихъ, главнымъ образомъ, изъ лагеря ортодоксальныхъ марксистовъ. Новѣйшая критика этого рода принадлежитъ самому выдающемуся и авторитетному представителю современнаго марксизма—Карлу Каутскому. Разбирая въ нѣсколькихъ статьяхъ («Neue Zeit», 1902, April—Mai, статьи подъ общимъ заглавіемъ «Die Krisentheorien») мою книгу о кризисахъ, Каутскій посвящаетъ одну статью критикѣ моихъ взглядовъ на «законъ паденія процента прибыли». Къ сожалѣнію, критику Каутскаго я долженъ признать столь же мало убѣдительной, какъ и возраженія моихъ русскихъ оппонентовъ. Каутскій, несомнѣнно, человѣкъ очень умный, но, въ данномъ случаѣ, онъ обнаружилъ удивительное непониманіе критикуемыхъ имъ взглядовъ. Достаточно привести слѣдующій примѣръ такого непониманія. Я исхожу въ своемъ анализѣ закона паденія процента прибыли изъ предположенія неизмѣнности реальной заработной платы, ибо мнѣ нужно изслѣдовать вліяніе на процентъ прибыли не измѣненія заработной платы, а замѣщенія рабочихъ машинами. Таковое замѣщеніе имѣетъ, само по себѣ, тенденцію не повышать, а понижать реальную плату; поэтому, предполагая реальную плату неизмѣнной, я дѣлаю предположеніе наименѣе благопріятное для доказываемаго мною тезиса—если принять пониженіе заработной платы, то невозможность пониженія процента прибыли отъ вытѣсненія рабочихъ машинами станетъ еще очевиднѣе. Но, само собою разумѣется, я не могу исходить изъ предположенія повышенія заработной платы, ибо вытѣсненіе рабочихъ машиной никакой тенденціи къ повышенію заработной платы въ себѣ не заключаетъ. Между тѣмъ, однимъ изъ главныхъ возраженій Каутскаго мнѣ является ссылка на фактическое повышеніе заработной платы, повсемѣстно наблюдающееся въ новѣйшее время и имѣющее тенденцію понижать прибыль. Такое возраженіе я не могу не считать полнымъ признаніемъ справедливости моей точки зрѣнія, ибо мнѣ и въ голову не приходило отрицать факта повышенія заработной платы, а также и связанной съ этимъ повышеніемъ тенденціи къ паденію процента прибыли. Я утверждалъ лишь, что эта послѣдняя тенденція никоимъ образомъ не вызывается замѣщеніемъ рабочихъ машинами. Если же, для объясненія паденія процента прибыли, Каутскій считаетъ нужнымъ сослаться на повышеніе реальной платы рабочихъ—значитъ, онъ самъ признаетъ что не замѣщеніе рабочихъ машинами вызываетъ паденіе процента, значитъ онъ отказывается отъ всего пресловутаго закона паденія прибыли, какъ этотъ законъ понимался Марксомъ. Поэтому въ критикѣ Каутскаго я вижу лишь безсознательное для самаго критика признаніе правильности моихъ взглядовъ. Очевидно, *даже Каутскій* не въ силахъ защитить мнимаго закона Маркса, закона, представляющаго собой, какъ я показалъ въ вышеуказанныхъ работахъ, простую логическую ошибку Маркса.

Ухудшеніе положенія рабочаго есть необходимое слѣдствіе основного закона капиталистическаго накопленія,—того, что по мѣрѣ успѣховъ техники все меньшая доля капитала превращается въ заработную плату, и все большая—къ средства производства. Перемѣнный капиталъ образуетъ все меньшую долю всего общественнаго капитала, а такъ какъ спросъ на рабочія руки создается лишь перемѣннымъ капиталомъ, то, слѣдовательно, и спросъ на рабочія руки, по отношенію ко всему общественному капиталу, долженъ падать (абсолютно онъ возрастаетъ, но возрастаетъ, согласно сказанному, гораздо медленнѣе роста общественнаго капитала и общественнаго богатства). «Капиталистическое накопленіе постоянно создаетъ, пропорціонально своей энергіи и своимъ размѣрамъ, относительно, т.-е. для потребностей капитала въ самовозрастаніи, излишнее или добавочное рабочее населеніе» («Капиталъ», I, 529).

«Крѣпостной, несмотря на господство крѣпостного права, достигъ того, что сталъ членомъ общины, подобно тому, какъ мелкій буржуа сталъ крупнымъ буржуа, несмотря на иго феодальнаго абсолютизма. Напротивъ, современный рабочій, вмѣсто того, чтобы подыматься съ успѣхами промышленности, падаетъ все ниже условій существованія своего собственнаго класса. Рабочій становится паупером и пауперизмъ растетъ быстрѣе населенія и богатства. Все болѣе становится очевиднымъ, что буржуазія неспособна оставаться господствующимъ классомъ въ обществѣ, такъ какъ она неспособна обезпечить существованіе своему рабу въ предѣлахъ его собственнаго рабства, такъ какъ она не имѣетъ возможности воспрепятствовать такому паденію этого раба, при которомъ онъ самъ поступаетъ на содержаніе буржуазіи, вмѣсто того, чтобы содержать ее».

«Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ есть въ то же время накопленіе нищеты, мукъ труда, рабства, невѣжества, одичанія и нравственнаго паденія на противоположномъ полюсѣ, т.-е. на сторонѣ класса, производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала» («Капиталъ», I, 544). Законы капиталистическаго производства вызываютъ образованіе избыточнаго населенія, которое, какъ свинцовая гиря, все глубже и глубже затягиваетъ рабочаго въ безвыходную трясину пауперизма. «Рабочее населеніе, вмѣстѣ съ производимымъ имъ же самимъ накопленіемъ капитала, создаетъ въ возрастающихъ размѣрахъ средства, дѣлающія часть его избыточною. Это есть законъ народонаселенія, характерный для капиталистическаго способа производства: вообще, всякому особенному историческому способу производства свойственны особые законы народонаселенія, имѣющіе историческое значеніе. Абстрактный законъ народонаселенія существуетъ только для растеній и животныхъ до тѣхъ поръ, пока они не подвергаются историческому вліянію человѣка» («Капиталъ», I, 530—531).

Въ чемъ же заключается законъ народонаселенія капиталистиче-

скаго способа производства? Въ томъ, что этотъ способъ производства по неизмѣннымъ экономическимъ, соціальнымъ (но не естественнымъ, физіологическимъ) законамъ порождаетъ избыточное населеніе, для котораго нѣтъ мѣста ни въ общественномъ трудѣ, ни въ общественномъ потребленіи, совершенно независимо отъ того, какимъ темпомъ идетъ размноженіе населенія. Это избыточное населеніе образуетъ промышленную резервную армію капитализма, безъ которой капиталистическій способъ производства, со свойственными ему періодическими сокращеніями и расширеніями производства, не могъ бы существовать. Всякое сокращеніе производства неизбѣжно выталкиваетъ на мостовую тысячи рабочихъ, которыя опять возвращаются къ активной службѣ капиталу при оживленіи промышленности, предшествующемъ кризису. Капиталъ поперемѣнно то притягиваетъ, то отталкиваетъ рабочихъ. Безъ промышленной резервной арміи капиталистическая промышленность не могла бы быстро расширять производство при оживленіи рынка, что является, въ свою очередь, условіемъ существованія капиталистической промышленности любой страны, конкурирующей на міровомъ рынкѣ. Поэтому, промышленный резервъ столь же необходимъ капиталу, какъ необходимъ военный резервъ государству, охраняющему силою оружія свои интересы. «Характерный жизненный путь современной промышленности... покоится на постоянномъ образованіи, большемъ или меньшемъ поглощеніи и новомъ образованіи промышленной резервной арміи. Въ свою очередь, превратности промышленнаго цикла создаютъ человѣческій матеріалъ для перенаселенія и служатъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ факторовъ его воспроизведенія» («Капиталъ», I, 532).

Но кромѣ этого перенаселенія, находящагося въ связи съ фазисами промышленнаго цикла, капитализмъ создаетъ и иныя формы избыточнаго населенія. Марксъ указываетъ три такія формы—текучее, скрытое и стаціонарное перенаселеніе. *Текучее* перенаселеніе вызывается неодинаковостью спроса, предъявляемаго капиталистическимъ производствомъ на различныя возрастныя группы рабочихъ. Наибольшимъ спросомъ со стороны капиталистической промышленности пользуется несовершеннолѣтній трудъ, благодаря чему массы рабочихъ теряютъ работу по достиженіи совершеннолѣтія и входятъ въ составъ текучаго избыточнаго населенія; изъ нихъ вербуется главная армія эмигрантовъ. Далѣе, капиталъ чрезвычайно быстро потребляетъ рабочую силу человѣка. Рабочій, приближающійся къ старости, болѣе не нуженъ капиталу, и также становится элементомъ текучаго перенаселенія.

Существованіе *скрытаго* перенаселенія въ капиталистическомъ обществѣ всего ярче обнаруживается постояннымъ притокомъ рабочихъ изъ деревни въ городъ. Этотъ притокъ не могъ бы имѣть мѣста, если бы въ деревнѣ не имѣлся постоянный контингентъ скрытаго

избыточнаго населенія,—рабочихъ, не находящихъ себѣ занятія въ деревнѣ и ожидающихъ только благопріятнаго момента, чтобы покинуть родную деревню, не обезпечивающую заработка, и перейти въ городъ.

Третью, *стаціонарную* форму перенаселенія образуетъ собой многочисленная группа хроническихъ безработныхъ, или же рабочихъ, работающихъ крайне нерегулярно, изрѣдка и случайно. Изъ этой группы вербуются рабочіе въ домашней промышленности, въ предѣлахъ которой капиталистическая эксплуатація достигаетъ своихъ крайнихъ предѣловъ. Сюда же входитъ и низшій слой современнаго общества—бродяги, преступники, проститутки, пауперы. «Пауперизмъ представляетъ собой инвалидный домъ активной рабочей арміи и балластъ промышленной резервной арміи... Чѣмъ больше общественное богатство, чѣмъ значительнѣе функціонирующій капиталъ, размѣры и энергія его возрастанія, а слѣдовательно, чѣмъ больше и абсолютная величина пролетаріата и производительная сила труда, тѣмъ больше промышленная резервная армія. Рабочая сила, готовая къ услугамъ капитала, развивается вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, что и сила расширенія капитала. Относительная величина промышленной резервной арміи возрастаетъ, слѣдовательно, вмѣстѣ съ силами общественнаго богатства. Но чѣмъ больше эта резервная армія въ сравненіи съ активной рабочей арміей, тѣмъ больше стаціонарное перенаселеніе, а нужда его жертвъ обратно пропорціональна мукамъ ихъ труда. Наконецъ, чѣмъ больше инвалидовъ и пр.—этихъ Лазарей рабочаго населенія—и вообще чѣмъ значительнѣе вся промышленная резервная армія, тѣмъ больше оффиціальный пауперизмъ. *Это абсолютный всеобщій законъ капиталистическаго накопленія*». («Капиталъ», I, 542).

Къ чему же должно привести это накопленіе нищеты, сопутствующее росту богатства, этотъ ростъ пролетаріата, все болѣе погружающагося въ пауперизмъ, по мѣрѣ того, какъ сокращающаяся группа капиталистовъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ все болѣе колоссальныя средства производства? Капиталистическому способу производства предшествовало мелкое производство, достигшее наибольшаго процвѣтанія «только тамъ, гдѣ рабочій является свободнымъ частнымъ собственникомъ своихъ условій труда, которыя онъ самъ пускаетъ въ ходъ, крестьянинъ—собственникомъ земли, которую онъ обрабатываетъ, ремесленникъ—собственникомъ орудій, съ которыми онъ справляется, какъ виртуозъ—съ инструментомъ. Этотъ способъ производства предполагаетъ раздробленіе земли и другихъ средствъ производства. Онъ исключаетъ, какъ концентрацію послѣднихъ, такъ и кооперацію, т.-е. онъ не допускаетъ раздѣленія труда внутри одного и того же процесса производства, общественнаго господства надъ природой и управленія ея силами, свободнаго развитія общественныхъ производительныхъ силъ. Онъ совмѣстимъ только съ очень узкими, стихійными рам-

ками производства и общества. Увѣковѣчить его значило бы... декретировать всеобщую посредственность. На извѣстной ступени своего развитія онъ самъ порождаетъ матеріальныя средства своего уничтоженія... Его уничтоженіе, превращеніе индивидуальныхъ и разрозненныхъ средствъ производства въ концентрированныя и общественныя, т.-е. мелкой собственности многихъ въ крупную собственность немногихъ, отнятіе средствъ существованія и орудій труда у народныхъ массъ, эта ужасная и трудная эксплуатація народной массы составляетъ до-историческій періодъ въ жизни капитала» («Капиталъ», I, 644—645).

Но экспропріировавъ мелкихъ производителей, капиталъ еще не завершаетъ своей эволюціи. За экспропріаціей рабочаго слѣдуетъ экспропріація самого капиталиста капиталистомъ же. «Одинъ капиталистъ побиваетъ многихъ». Средства производства концентрируются въ рукахъ все меньшей и меньшей группы капиталистовъ. «Вмѣстѣ съ постояннымъ уменьшеніемъ числа капиталистовъ — магнатовъ... увеличивается масса нищеты»...

«Капиталистическій способъ производства... есть первое отрицаніе индивидуальной частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ. Но капиталистическое производство создаетъ съ необходимостью естественнаго процесса свое собственное отрицаніе. Это отрицаніе отрицанія. Оно возстановляетъ не частную собственность, но индивидуальную собственность на основѣ всѣхъ пріобрѣтеній капиталистической эры, на основѣ коопераціи и общественнаго владѣнія землей и средствами производства».

Резюмируя все сказанное, мы можемъ свести теорію развитія капиталистическаго строя, представленную Марксомъ и, отчасти, Энгельсомъ, къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Ростъ капиталистическаго производства непосредственно вызываетъ уничтоженіе мелкаго самостоятельнаго производства. Прежніе мелкіе самостоятельные производители становятся наемными рабочими капиталистовъ и пополняютъ собой ряды пролетаріата;

2) Соотвѣтственно этому производство принимаетъ все болѣе общественный характеръ и все ярче выступаетъ наружу несовмѣстимость общественнаго производства съ капиталистическимъ присвоеніемъ;

3) Въ средѣ капиталистическаго производства происходитъ концентрація и централизація средствъ производства. Общественное богатство все болѣе сосредоточивается въ рукахъ сокращающейся кучки капиталистовъ—магнатовъ;

4) Періодическіе промышленные кризисы съ возрастающей силой приводятъ въ разстройство капиталистическое хозяйство. Въ кризисахъ обнаруживается неспособность капитализма руководить общественнымъ процессомъ производства;

5) Параллельно росту общественнаго богатства, растетъ, при капи-

талистическомъ способѣ производства, и нищета рабочаго класса. Капиталистическій способъ производства порождаетъ избыточное населеніе, принимающее различныя формы. Промышленная резервная армія является условіемъ существованія капиталистическаго производства;

6) Увеличеніе нищеты и страданій численно все возрастающаго пролетаріата сопровождается ростомъ организаціи рабочаго класса, подъ вліяніемъ условій самого капиталистическаго производства;

7) Такимъ образомъ, капитализмъ, съ одной стороны, становится тормазомъ дальнѣйшаго развитія производительныхъ общественныхъ силъ; съ другой же стороны, капитализмъ организуетъ и общественный классъ, непосредственно заинтересованный въ фактическомъ признаніи за общественными производительными силами ихъ общественнаго характера.

Въ противоположность утопистамъ, Марксъ не придавалъ никакого значенія выработкѣ плановъ будущаго соціальнаго устройства. Будущій соціальный строй явится естественнымъ результатомъ экономической эволюціи современнаго строя. Общій характеръ общественнаго строя будущаго уже и теперь ясенъ, ибо законы развитія капиталистическаго хозяйства открыты. Что же касается до деталей, то онѣ пока еще непредвидимы и опредѣлятся конкретной экономической и соціальной обстановкой того историческаго момента, когда совершится ликвидація капиталистическаго способа производства.

Практическая программа марксизма (лежащая въ основаніи практической дѣятельности германской рабочей партіи) сводится, почти исключительно, къ политической организаціи рабочаго класса и къ практической политической борьбѣ за его интересы. Правда, Марксъ неоднократно выражалъ свое сочувствіе и профессіональной организаціи рабочихъ. Но сочувствіе это было совершенно особаго рода. Марксъ не придавалъ большаго значенія рабочимъ союзамъ, какъ средству поднятія заработной платы и вообще улучшенія положенія рабочаго класса, и если онъ признавалъ желательнымъ распространеніе такого рода организацій среди рабочаго класса, то это лишь потому, что онъ видѣлъ въ нихъ могуществеиое средство классоваго объединенія рабочихъ. Рабочіе союзы превращаютъ борьбу отдѣльнаго рабочаго съ отдѣльнымъ капиталистомъ въ классовую борьбу рабочаго класса съ классомъ капиталистовъ. Они могутъ служить опорными пунктами для политической организація рабочаго класса—и только поэтому Марксъ считалъ нужнымъ ихъ поддерживать.

Съ гораздо меньшимъ сочувствіемъ Марксъ относился къ кооперативному движенію въ его господствующей формѣ—потребительныхъ обществъ.

Женевскій конгрессъ «Интернаціонали» принялъ, согласно предложенію Маркса, слѣдующую резолюцію по вопросу о кооперативномъ движеніи среди рабочихъ:

«Мы совѣтуемъ рабочимъ обратить гораздо большее вниманіе на кооперативное производство (производительныя ассоціаціи. *М. Т.-Б.*), чѣмъ на кооперативныя лавки (потребительныя общества *М. Т.-Б.*). Что касается до послѣднихъ, то онѣ лишь поверхностно затрогиваютъ современный хозяйственный строй, между тѣмъ какъ первыя захватываютъ самое его основаніе».

Въ III-мъ томѣ «Капитала» имѣется слѣдующее любопытное замѣчаніе о производительныхъ ассоціаціяхъ. «Кооперативныя фабрики—пишетъ Марксъ—представляютъ собой, въ предѣлахъ старой формы, первое измѣненіе этой формы, хотя, онѣ, естественно, воспроизводятъ и должны воспроизводить, въ своей фактической организаціи, всѣ недостатки существующей системы. Но въ нихъ уничтожается антагонизмъ капитала и труда. Онѣ показываютъ, какъ на извѣстной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ и соотвѣтствующихъ послѣднимъ общественныхъ формъ производства естественно развивается и организуется изъ одного способа производства новый способъ производства. Безъ фабричной системы, созданной капиталистическимъ способомъ производства, также какъ и безъ системы кредита, вытекающей изъ того же способа производства, не могла бы развиться кооперативная фабрика. Кредитъ, являясь основой постепеннаго превращенія частныхъ капиталистическихъ предпріятій въ капиталистическія акціонерныя общества, даетъ въ то же время средства для постепеннаго распространенія кооперативныхъ предпріятій въ болѣе или менѣе національномъ масштабѣ. Капиталистическія акціонерныя предпріятія, также какъ и кооперативныя фабрики, являются переходными формами изъ капиталистическаго способа производства въ товарищеское («Kapital» III I 427—428).

Такимъ образомъ, Марксъ придавалъ производительнымъ ассоціаціямъ извѣстное значеніе, въ качествѣ первыхъ зачатковъ новыхъ, товарищескихъ формъ хозяйства, и не придавалъ въ этомъ смыслѣ почти никакого значенія потребительнымъ обществамъ. Не смотря, однако, на это частичное признаніе со стороны Маркса важности коопераціи, кооперативное движеніе не играетъ въ практической программѣ марксизма почти никакой роли. Объясняется это тѣмъ, что та форма коопераціи, которая встрѣтила сочувствіе Маркса—производительныя ассоціаціи—на практикѣ не получила и не можетъ получить, при условіяхъ капиталистическаго хозяйства, сколько нибудь значительнаго развитія и распространенія, между тѣмъ какъ потребительныя общества, къ которымъ Марксъ относился болѣе, чѣмъ холодно, сдѣлали гигантскіе успѣхи.

Переходя къ критикѣ изложенной теоріи развитія капиталистическаго строя, мы прежде всего остановимся на входящей въ ея составъ «теоріи обнищанія» (Verelendungstheorie—этотъ терминъ не принадлежитъ самому Марксу, но онъ очень удачно характеризуетъ суть

дѣла). Приведенныя цитаты изъ «Манифеста» и «Капитала» не оставляютъ никакого сомнѣнія, что Марксъ смотрѣлъ крайне пессимистически на возможность улучшенія положенія рабочаго класса въ предѣлахъ капиталистическаго хозяйства *). Онъ не только не вѣрилъ въ эту возможность, но утверждалъ даже обратное—что благосостояніе рабочаго класса, по мѣрѣ развитія капиталистическаго производства падаетъ, рабочій глубже и глубже погружается въ нищету.

Утвержденіе это находится въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ фактами послѣднихъ десятилѣтій. Сознавая это, многіе правовѣрные марксисты нашего времени пытались и пытаются измѣнить смыслъ «теоріи обнищанія» и придать ей болѣе невинный видъ. Съ особеннымъ искусствомъ это дѣлаетъ Каудкій въ своей извѣстной книгѣ противъ Бернштейна. По толкованію этого остроумнѣйшаго представителя современнаго марксизма, теорію «обнищанія» нужно понимать лишь какъ выраженіе *тенденціи*, а не положительнаго факта, и притомъ тенденціи не къ абсолютному пониженію уровня экономическаго благосостоянія рабочаго класса, а лишь къ *относительному* ухудшенію положенія рабочихъ сравнительно съ положеніемъ капиталистовъ. Нищета, по объясненію Каудкаго, можетъ быть понимаема въ двоякомъ смыслѣ—физіологическомъ, по отношенію къ удовлетворенію человѣкомъ своихъ физіологическихъ потребностей—и въ соціальномъ,—по отношенію къ несоотвѣтствію между запросами, потребностями человѣка и возможностью ихъ удовлетворенія. Фактъ увеличенія нищеты въ этомъ послѣднемъ смыслѣ кажется Каудкому безспорнымъ, ибо «сами буржуа признаютъ ростъ нищеты въ соціальномъ смыслѣ, давая ему лишь другое названіе—требовательности рабочихъ. Но дѣло не въ названіи. Дѣло въ томъ, что несоотвѣтствіе между потребностями рабочаго и возможностью удовлетворенія этихъ потребностей при помощи получаемой рабочимъ заработной платы, постоянно возрастаетъ... Соціальное обнищаніе растетъ, выражаясь въ болѣе медленномъ повышеніи уровня жизни пролетаріата, сравнительно съ подъемомъ жизни буржуазіи... Возрастаетъ, и постоянно, не физическая, а соціальная нищета, а именно противорѣчіе между культурными потребностями рабочаго и имѣющимися у него средствами для удовлетворенія этихъ потребностей; иными словами, масса продуктовъ, приходящаяся на одного рабочаго, можетъ становиться больше, но *доля* рабочаго въ создаваемомъ имъ продуктѣ становится меньше» («Gegen Bernstein», 120, 127, 128).

---

*) Правда, Марксъ былъ горячимъ сторонникомъ фабричнаго законодательства и видѣлъ въ законодательномъ ограниченіи рабочаго дня одну изъ важныхъ цѣлей рабочаго движенія; онъ привѣтствовалъ англійскій билль о десятичасовомъ рабочемъ днѣ, какъ великую побѣду англійскаго рабочаго класса. Но это лишь одна изъ многихъ непослѣдовательностей Маркса—одинъ изъ многихъ примѣровъ несогласованности *теоріи* и *практики* марксизма.

Это можетъ быть вѣрно или невѣрно, но, во всякомъ случаѣ, это не теорія Маркса. Нищета, о которой говоритъ Марксъ, отнюдь не есть «требовательность» рабочихъ, какъ толкуетъ теорію обнищанія Каутскій, и ростъ нищеты, въ смыслѣ Маркса, далеко не равносиленъ росту потребностей рабочаго класса. Ни о какомъ повышеніи потребностей рабочаго класса, съ точки зрѣнія авторовъ «Манифеста», не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ рабочій «становится пауперомъ и пауперизмъ растетъ быстрѣе населенія».

Ростъ капиталистическаго богатства признается въ «Капиталѣ» равносильнымъ «накопленію нищеты, мукъ труда, рабства, невѣжества, одичанія и нравственнаго паденія» рабочаго класса. Языкъ Маркса во всѣхъ этихъ случаяхъ такъ ясенъ и выразителенъ, что никакихъ кривотолковъ не допускаетъ. Авторъ «Капитала» говоритъ не о тенденціяхъ, которыя могутъ и не осуществляться въ дѣйствительности, а о конкретныхъ законахъ капиталистическаго развитія, выражающихся въ реальныхъ историческихъ фактахъ. Марксъ категорически утверждаетъ, что чѣмъ могущественнѣе производительныя силы капитализма, тѣмъ хуже удовлетворяются насущныя, физіологическія потребности рабочаго; болѣе того—рабочій не только низводится капиталистическимъ развитіемъ до положенія паупера, но онъ регрессируетъ въ физическомъ, умственномъ и моральномъ отношеніяхъ, онъ «вырождается», все болѣе погружается въ невѣжество и нравственное одичаніе.

Такова истинная доктрина Маркса—и если эту доктрину не рѣшается въ настоящее время поддерживать даже Каутскій, то это лишь доказываетъ ея полную несовмѣстимость съ новѣйшими фактами исторіи рабочаго класса. Всѣ основныя соціальныя воззрѣнія Маркса сложились въ эпоху 40-хъ годовъ—въ періодъ пониженія заработной платы, хронической безработицы и огромнаго роста нищеты и пауперизма. Выражая свое убѣжденіе въ невозможности существеннаго и прочнаго улучшенія положенія рабочаго класса въ предѣлахъ капиталистическаго хозяйства, Марксъ стоялъ на почвѣ современныхъ ему историческихъ фактовъ и высказывалъ взглядъ, общій всѣмъ серьезнымъ экономистамъ того времени. Рикардо и Мальтусъ смотрѣли на положеніе и будущность рабочихъ классовъ не менѣе пессимистически. Но послѣдующіе историческіе факты лишили обнищаніе всякаго значенія и привели къ тому, что даже самые горячіе сторонники марксизма должны, какъ мы видѣли, отказаться отъ нея, замаскировывая свой отказъ отъ теоріи Маркса искаженіемъ ея смысла.

Въ своемъ первоначальномъ видѣ, теорія эта, очевидно, не можетъ быть поддерживаема ни однимъ серьезнымъ экономистомъ. Даже Кауцкій долженъ признать, что «нельзя констатировать общаго увеличенія физической нищеты въ передовыхъ капиталистическихъ странахъ; всѣ факты скорѣе говорятъ въ пользу того, что физическая ни-

щета въ этихъ странахъ уменьшается, хотя крайне медленно и не повсемѣстно. Уровень жизни работающихъ классовъ въ настоящее время выше, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ» («Gegen Bernstein», 116). Дѣйствительно, врядъ ли даже самый правовѣрный марксистъ рѣшился бы отстаивать теорію обнищанія, въ томъ видѣ, какъ она изложена въ «Манифестѣ» и «Капиталѣ»; врядъ ли, напримѣръ, можетъ встрѣтить сочувствіе въ настоящее время съ чьей бы то ни было стороны (кромѣ развѣ крайнихъ реакціонеровъ) мнѣніе Маркса о растущемъ невѣжествѣ, нравственномъ одичаніи и вырожденіи рабочаго класса. Рабочая партія всего менѣе можетъ защищать этотъ тезисъ, ибо эта защита была бы для нея самоубійственной и равносильной признанію безнадежности своего собственнаго дѣла: побѣда въ общественной борьбѣ не можетъ принадлежать классу, регрессирующему въ умственномъ, моральномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Сильнѣйшаго вѣнчаетъ побѣда, но не численно сильнѣйшаго, а сильнѣйшаго мужествомъ, энергіей, знаніемъ, самопожертвованіемъ, героизмомъ, преданностью общимъ интересамъ. Вырождающіеся, одичавшіе, невѣжественныя рабы, каковыми Марксъ рисуетъ рабочихъ, какъ бы многочисленны они ни были, никогда не нашли бы въ себѣ мужества для самоосвобожденія. Если бы теорія вырожденія рабочаго класса была сколько-нибудь обоснована, то мрачныя соціальныя фантазіи иныхъ соціологовъ и романистовъ, предвидящихъ распаденіе человѣческаго общества на два вида, двѣ породы—господъ, владѣющихъ волей и знаніемъ, и рабовъ, превратившихся въ тупыхъ и покорныхъ домашнихъ животныхъ, были бы самой вѣроятной картиной соціальнаго будущаго. Но, къ счастью, вся эта безнадежная теорія вырожденія большей части человѣчества есть фантазія и ложь, опровергнутыя фактомъ несомнѣннаго экономическаго, моральнаго и интеллектуальнаго подъема рабочаго класса въ новѣйшее время.

Итакъ, теорію обнищанія мы должны, въ цѣломъ, рѣшительно отвергнуть. Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что мы должны также отрицательно отнестись ко всѣмъ частнымъ ученіямъ Маркса, которыя въ «Капиталѣ» приведены въ связь съ теоріей обнищанія, но которыя по существу, независимы отъ нея. Такъ, ученіе о капиталистическомъ перенаселеніи и промышленномъ резервѣ капитализма мы считаемъ однимъ изъ наиболѣе сильныхъ отдѣловъ «Капитала». Безъ сомнѣнія, и тутъ краски наложены слишкомъ густо, но, несмотря на всѣ преувеличенія, въ самомъ существенномъ здѣсь Марксъ близокъ къ истинѣ. Проблема безработицы есть одна изъ наиболѣе трудныхъ проблемъ капиталистическаго хозяйства. Ее можно даже признать неразрѣшимой,—безработица въ различныхъ ея формахъ есть необходимое порожденіе капиталистическаго способа производства и можетъ исчезнуть лишь тогда, когда стихійное народное хозяйство нашего времени будетъ замѣнено планомѣрной организаціей производства. Средства

борьбы съ безработицей (рабочіе союзы, государственное страхованіе рабочихъ отъ безработицы и пр.) могутъ лишь уменьшить, но не уничтожить зло безработицы.

Промышленная исторія новѣйшаго времени отнюдь не указываетъ на уменьшеніе безработицы. Капитализмъ не можетъ существовать безъ промышленнаго резерва, періодическое образованіе котораго неизбѣжно сопутствуетъ промышленному циклу—періодической смѣнѣ оживленія и застоя промышленности,—циклу, такъ сказать, прирожденному капиталистическому способу производства. Промышленные кризисы повторяются въ настоящее время съ такой же правильной періодичностью, какъ и прежде. Мы переживаемъ теперь одинъ изъ этихъ періодическихъ кризисовъ, охватившій собой почти весь капиталистическій міръ; только Соединенные Штаты остались пока незатронутыми кризисомъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что въ ближайшемъ будущемъ кризисъ распространится и на Америку. И мы видимъ, что современный капитализмъ обнаруживаетъ такую же безпомощность передъ грозной проблемой безработицы, какъ и капитализмъ прежняго времени.

Итакъ, ученіе Маркса по данному пункту мы должны признать весьма близкимъ къ истинѣ. Дѣйствительно, безработица неизбѣжно сопутствуетъ колоссальному подъему производительности труда, созданному капитализмомъ. Капитализмъ безсиленъ разрѣшить проблему безработицы, ибо безработица и кризисы вытекаютъ изъ самого существа капиталистическаго способа производства — изъ неорганизованности, анархіи общественнаго производства. Но несмотря на хроническую и періодическую безработицу части рабочаго населенія, остальная масса рабочаго класса, несомнѣнно, идетъ во всѣхъ отношеніяхъ впередъ.

Мы можемъ согласиться съ Каутскимъ, что нижеприводимая характеристика измѣненія положенія рабочаго класса въ Англіи примѣнима и къ другимъ капиталистическимъ странамъ. «Значительная часть рабочаго класса,—говоритъ Сидней Веббъ въ своей брошюрѣ «Labour in the longest reign»,—сдѣлала со времени 1837 г. большіе успѣхи, другіе же слои рабочихъ сдѣлали меньшіе успѣхи или даже совсѣмъ не приняли участія въ общемъ прогрессѣ цивилизаціи и богатства. Если мы возьмемъ различныя условія жизни и работы и установимъ уровень, ниже котораго невозможно сносное существованіе, то мы увидимъ, что по отношенію къ заработной платѣ, рабочему времени, жилищамъ и общей культурѣ процентъ живущихъ ниже этого уровня теперь меньше, чѣмъ былъ въ 1837 г. Но мы также найдемъ, что самый низшій уровень теперь такъ же низокъ, какъ и раньше, и что общее число тѣхъ, кто живетъ ниже установленнаго нами уровня, въ настоящее время, вѣроятно, выше, по своей абсолютной величинѣ, чѣмъ въ 1837 г.».

Теорія экономическаго крушенія капиталистическаго хозяйства не была детально разработана Марксомъ и лишь намѣчена имъ въ общихъ чертахъ. Такъ, въ I-мъ томѣ «Капитала» Марксъ выражаетъ предпо-

ложеніе, что промежутки между кризисами въ будущемъ сократятся, и кризисы съ возрастающей силой будутъ приводить въ разстройство капиталистическое хозяйство. Въ III-мъ томѣ «Капитала» обосновывается «законъ тенденціи процента прибыли къ паденію», устанавливающій какъ бы механическую необходимость прекращенія въ будущемъ капиталистическаго способа производства, благодаря паденію процента прибыли. Въ книгѣ Энгельса противъ Дюринга также выражена мысль, что чисто экономическія условія дѣлаютъ невозможнымъ продолженіе капиталистическаго хозяйства. Въ марксистской литературѣ теорія экономическаго крушенія капитализма играетъ очень большую роль—къ сторонникамъ ея принадлежитъ, между прочимъ, и Каутскій.

Несмотря, однако, на это широкое распространеніе, разсматриваемая теорія не только никѣмъ не доказана, но даже никѣмъ и не формулирована сколько-нибудь въ законченной формѣ.

Мы уже указывали (въ примѣчаніи на стр. 278), что «законъ» паденія процента прибыли есть не объективный законъ, а субъективная логическая ошибка Маркса. Шаткость этого закона, по видимому, чувствовалась и самимъ авторомъ, также какъ и Энгельсомъ, совсѣмъ обходящемся безъ названнаго закона въ своей собственной попыткѣ обосновать теорію экономическаго крушенія капитализма (въ книгѣ противъ Дюринга). Но и у Энгельса теорія эта лишь намѣчена, а не развита и тѣмъ болѣе не доказана.

Каутскій попытался привести въ связь теорію экономическаго крушенія капитализма съ необходимостью внѣшнихъ рынковъ для капиталистическаго способа производства. Когда капиталистическій способъ производства охватитъ всѣ страны міра, тогда, по мнѣнію Каутскаго, дальнѣйшее развитіе капиталистической промышленности станетъ невозможнымъ, благодаря отсутствію новыхъ рынковъ. Воззрѣнія Каутскаго были разсмотрѣны нами въ книгѣ «Studien zur Theorie und Geschichte des Handelskrisen», гдѣ мы и постарались показать ихъ несостоятельность, зависящую отъ ложности теоріи рынковъ, которую принимаетъ Каутскій и которой положилъ начало еще Сисмонди. Каутскій, какъ и большинство современныхъ экономистовъ (особенно въ Германіи—въ Англіи традиціи классической школы еще не забыты, и лучшіе англійскіе экономисты—какъ, напр., Джевонсъ—стоятъ на почвѣ правильной теоріи рынковъ, но уже Гобсонъ повторяетъ старыя ошибки Сисмонди, дополняя ихъ новыми своего собственнаго изобрѣтенія) совершенно не понимаетъ законовъ реализаціи товаровъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ, не понимаетъ того, что единственной границей расширенія рынка въ капиталистическомъ хозяйствѣ является трудность пропорціональнаго распредѣленія общественнаго производства. Трудность эта велика, но не непреодолима, ибо, какъ мы видимъ, капитализмъ преодолѣваетъ ее, въ общемъ, очень успѣшно, хотя и не

безъ періодическихъ потрясеній — кризисовъ,—являющихся выраженіемъ этой трудности. Несмотря на кризисы, капиталистическое производство, однако, въ цѣломъ, быстро расширяется, и мы не можемъ указать никакой границы этому расширенію. Вообще, правильная теорія рынковъ убѣждаетъ насъ, что ни о какомъ экономическомъ крушеніи капиталистическаго способа производства ни теперь, ни въ будущемъ не можетъ быть и рѣчи.

Правда, экономическая эволюція приводитъ къ тому, что капиталистическая организація общественнаго хозяйства становится для него стѣснительной. Капиталистическій способъ производства, по самому своему существу, не допускаетъ полнаго использованія средствъ производства, которыми располагаетъ общество. Выраженіемъ этой неспособности являются промышленные кризисы—застой промышленности, вытекающій изъ обилія средствъ производства, находящихся въ распоряженіи общества. Капитализмъ борется съ кризисами ограниченіемъ производства, т.-е. уничтоженіемъ богатства. Задача же хозяйства заключается именно въ умноженіи богатства, котораго все еще приходится такъ ничтожно мало на долю огромнаго большинства человѣчества. Чѣмъ могущественнѣе средства производства въ распоряженіи общества, тѣмъ труднѣе использованіе ихъ капиталистическимъ способомъ, тѣмъ больше опасность перепроизводства, тѣмъ болѣе строгія мѣры ограниченія общественнаго производства долженъ принимать капитализмъ, а слѣдовательно, и тѣмъ очевиднѣе нецѣлесообразность и неразумность капиталистическаго способа производства съ точки зрѣнія даже чисто экономическихъ интересовъ всего общества, какъ цѣлаго, съ точки зрѣнія наибольшаго развитія общественныхъ силъ и наибольшаго подъема производительности общественнаго труда.

Поэтому, мы отнюдь не отрицаемъ, что интересы общественнаго хозяйства требуютъ преобразованія капиталистическаго способа производства въ высшую форму хозяйства, но мы не можемъ себѣ представить такого положенія вещей, при которомъ капиталистическій способъ производства былъ бы экономически невозможенъ. Промышленные кризисы продолжаютъ повторятся съ правильной періодичностью, но промежутки между ними не сокращаются, и кризисы не препятствуютъ быстрому росту и развитію капиталистическаго хозяйства. Никакихъ признаковъ предстоящаго экономическаго крушенія капиталистическаго хозяйства мы не видимъ и никакія теоретическія соображенія не указываютъ намъ на вѣроятность или даже хотя бы возможность такого крушенія. Стихійная экономическая эволюція не въ силахъ сама по себѣ, нанести смертельный ударъ капитализму...

Впрочемъ, представленіе объ экономическомъ крушеніи капитализма не есть необходимая составная часть марксистской доктрины. Марксизмъ можетъ отказаться отъ этого представленія, не переставая быть марксизмомъ. Центральной идеей марксизма, какъ теоріи совре-

меннаго общественнаго развитія, слѣдуетъ, скорѣе всего, признать ученіе о концентраціи и централизаціи средствъ производства. Согласно этому ученію, капиталистическій способъ производства экспропріируетъ мелкихъ производителей, а въ предѣлахъ самой капиталистической промышленности крупный капиталъ поглощаетъ мелкій. Благодаря этому, средства производства, какъ бы подъ вліяніемъ взаимнаго притяженія, сливаются во все болѣе и болѣе обширные скопленія и конгломераты, планомѣрно организованные и объединенные изнутри но разъединенные и не организованные въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ. Общество все рѣзче раскалывается на растущую массу пролетаріевъ внизу, и на сокращающуюся группу капиталистовъ вверху, уменьшающуюся по своей численности, но растущую по своему богатству и экономическому могуществу. Процессъ концентраціи и централизаціи средствъ производства одновременно создаетъ почву для новаго ассоціированнаго производства, ибо благодаря ему производство становится все болѣе крупнымъ, все болѣе общественнымъ, каждое отдѣльное предпріятіе захватываетъ все большую долю всего общественнаго производства, и, въ то же время, этотъ процессъ усиливаетъ общетвенные элементы, заинтересованные въ преобразованіи капиталистическаго способа производства, а также численно ослабляетъ элементы, враждебные такому преобразованію. Растущая концентрація и централизація общественнаго производства легче всего объясняетъ, какимъ образомъ капиталистическій хозяйственный строй превратится въ свою противоположность, какимъ образомъ изъ безпощадной борьбы, угнетенія, эксплуатаціи и ненависти, царящихъ нынѣ, выростетъ, съ необходимостью естественнаго процесса, сѣмя мирной, свободной и равноправной ассоціаціи будущаго. Капитализмъ является, при такомъ пониманіи условій развитія новаго соціальнаго строя, суровой, но необходимой школой человѣчества, въ которой человѣчество дисциплинируется и накопляетъ силы для того, чтобы взять въ свои руки руководительство общественнымъ производствомъ и замѣнить господствующую нынѣ неорганизованность общественнаго хозяйства планомѣрной, сознательной организаціей его.

Мы сказали, что это ученіе является центральной и—теперь мы можемъ прибавить—самой сильной идеей марксизма. Исторія промышленности всѣхъ капиталистическихъ странъ, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о растущей концентраціи средствъ производства. Правда, мелкое производство въ большинствѣ случаевъ почти не уменьшается по своимъ абсолютнымъ размѣрамъ. Но по своему относительному значенію въ народномъ хозяйствѣ оно быстро падаетъ. Крупное производство растетъ повсемѣстно гораздо энергичнѣе мелкаго. Этотъ ростъ совершается частью на счетъ мелкаго производства, представители котораго разоряются и опускаются въ ряды пролетаріата. Частью же ростъ крупной промышленности не препятствуетъ одновременному существо-

ванію мелкой промышленность. И, наконецъ, въ нѣкоторыхъ своихъ отдѣлахъ, крупное производство, развиваясь и расширяя свои операціи, непосредственно содѣйствуетъ и росту мелкой промышленности, поставляя послѣдней новые матеріалы для обработки или удешевляя старые, создавая запросъ на продукты мелкой промышленности, предъявляя требованія на разныя работы, исполняемыя мелкими производителями, вызывая новые промыслы и т. д., и т. д. Въ результатѣ получается, какъ свидѣтельствуетъ промышленная статистика всѣхъ капиталистическихъ государствъ, быстрый ростъ крупнаго производства и значительно болѣе медленный ростъ, а иногда и упадокъ, мелкаго производства, которое въ однихъ отрасляхъ промышленности уничтожается крупнымъ, а въ другихъ, куда еще не проникла машина растетъ и развивается. Фабрика и заводъ энергично и неудержимо подвигаются впередъ, захватываютъ одну отрасль промышленности за другой, но такъ какъ одновременно съ этимъ для мелкой промышленности открываются новыя отрасли производства, то болѣе быстрый ростъ фабрично-заводской промышленности иногда не препятствуетъ, во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе медленному, росту мелкаго производства.

Въ общемъ, концентрація общественнаго производства идетъ быстрыми шагами. Особенно могущественнымъ орудіемъ централизаціи капиталовъ являются въ новѣйшее время разнаго рода союзы капиталистовъ—трёсты, синдикаты, картели и пр., которыхъ еще почти не существовало въ эпоху Маркса. Они созданы нашимъ временемъ и чрезвычайно энергично двинули впередъ централизацію средства производства. То, что Марксъ указываетъ, какъ крайній предѣлъ централизаціи, «соединеніе всѣхъ капиталовъ, помѣщенныхъ въ данной отрасли промышленности въ одинъ единичный капиталъ» уже теперь стало во многихъ случаяхъ дѣйствительностью. Вотъ, напр., нѣкоторыя данныя о централизаціи американской промышленности. «Стальной трёстъ» (Unitde States Steel Corporation) обладаетъ капиталомъ въ 1.297 милліоновъ долларовъ (т.-е. болѣе 2 милліардовъ рублей на наши деньги) и производитъ около 70% всей стали, выдѣлываемой въ Америкѣ; капиталъ «табачнаго трёста» (Consolidated Tabacco Company) равняется 187 мил. долл., а производство охватываетъ также 79% всего американскаго производства; капиталъ «керосиннаго, трёста» (Standard Oil Company) равенъ 110 милл. долларовъ, производство — 82% всего американскаго производства; капиталъ ««сахарнаго трёста (American Sugar Refining Company)=75 милл. долл., производство=90% національнаго производства; «антрацитный трёстъ» (Pittsburg Coal Company) владѣетъ капиталомъ въ 64 милл. долларовъ и всѣмъ національнымъ производствомъ антрацита и т. д., и т. д. (см. интересную статью N. W. Macrosty. «Die Trusts in Amerika». «Archiv f. soziale Gesetzgebung». XVII Heft III — IV). Несмотря на борьбу законодательныхъ собраній большинства штатовъ съ трёстами и огра-

ничительные законы противъ нихъ, трёсты все растутъ и растутъ. Образуются трёсты трёстовъ (какъ напр., стальной трёстъ), и эти чудовищныя скопленія капитала, не довольствуясь монополизированіемъ національнаго производства, перекидываются черезъ океанъ, захватываютъ въ свои цѣпкія лапы цѣлыя отрасли промышленности въ чужихъ странахъ, скупаютъ по всему міру крупнѣйшія промышленныя предпріятія, связываютъ въ одинъ гигантскій клубокъ всю международную торговлю. Еще недавно весь міръ былъ пораженъ внезапнымъ американскимъ захватомъ англійскихъ и отчасти германскихъ пароходныхъ линій. Мелкому фабриканту трёсты представляются въ видѣ сказочнаго, исполинскаго чудовища, передъ непреодолимымъ натискомъ котораго не можетъ устоять никакая земная сила. Нѣчто въ родѣ паническаго ужаса овладѣваетъ населеніемъ передъ этимъ нашествіемъ крупнаго капитала, сливающагося все въ большія и большія массы и все подчиняющаго своей власти.

Въ виду этихъ фактовъ было бы просто смѣшно отрицать концентрацію и централизацію промышленнаго капитала. Нельзя не признать, что по отношенію къ промышленности прогнозъ Маркса оправдался въ полной мѣрѣ. Впрочемъ, было бы несправедливо приписывать честь этого блестящаго прогноза всецѣло Марксу. Какъ мы уже указывали выше, авторъ «Капитала» заимствовалъ этотъ прогнозъ у своихъ великихъ предшественниковъ, особенно у Фурье (ср. нашъ очеркъ о Фурье).

Но если по отношенію къ промышленности теорія Маркса вполнѣ подтверждается новѣйшими фактами, то этого отнюдь нельзя сказать про земледѣліе. Г. Слонимскій былъ совершенно правъ, отмѣчая, что вся теоретическая концепція марксизма сложилась на почвѣ изученія промышленности, но отнюдь не земледѣлія. Съ условіями крестьянскаго хозяйства Марксъ былъ мало знакомъ, и потому неудивительно, что онъ конструировалъ законы развитія земледѣлія по образцу законовъ промышленнаго развитія. Въ промышленности крупное производство вытѣсняетъ мелкое, въ промышленности капиталистическое хозяйство экспропріируетъ и пролетаризируетъ самостоятельнаго производителя—то же самое Марксъ утверждалъ и относительно сельскаго хозяйства. Но, какъ показало болѣе близкое изученіе аграрныхъ отношеній, аграрная эволюція не имѣетъ ничего общаго съ промышленной. Причины этого различія очень сложны. Благодаря разнообразнымъ техническимъ и экономическимъ условіямъ (большей зависимости сельскохозяйственнаго производства отъ природы, меньшей примѣнимости къ нему машины и раздѣленія труда, большаго значенія въ области сельской промышленности натуральнаго хозяйства и пр., и пр.), крупное сельскохозяйственное производство отнюдь не представляетъ такихъ экономическихъ преимуществъ сравнительно съ мелкимъ, какъ крупное промышленное производство. Къ этому присоединяются различнаго рода соціальныя

препятствія, съ которыми приходится бороться крупному сельскому хозяйству (достаточно упомянуть хотя бы о своеобразномъ «рабочемъ вопросѣ» крупнаго земледѣлія—недостаткѣ сельскихъ рабочихъ, бѣгущихъ изъ деревни въ городъ) и которыхъ не существуетъ для мелкой сельскохозяйственной промышленности. Въ силу всѣхъ этихъ причинъ, останавливаться надъ которыми мы не можемъ, въ сельскомъ хозяйствѣ не наблюдается ничего подобнаго концентраціи и централизаціи производства, которыя такъ характерны для эволюціи промышленности. Крестьянское хозяйство не только не уничтожается крупнымъ капиталистическимъ земледѣліемъ, но даже растетъ, въ большинствѣ случаевъ, на счетъ этого послѣдняго.

Даже такіе горячія послѣдователи Маркса, какъ Каутскій, не могутъ отрицать этого факта. «Ожиданія, выраженныя Марксомъ при открытіи «Интернаціонали»,—пишетъ Каутскій,—не сбылись; упрощенія аграрнаго вопроса путемъ концентраціи всей земельной площади въ немногихъ рукахъ не произошло... Мы никогда не достигнемъ въ сельскомъ хозяйствѣ той простоты и той ясности отношеній, которыя характерны для промышленности. Безчисленныя вліянія въ томъ и другомъ направленіи перекрещиваются въ сельскомъ хозяйствѣ и взаимно уничтожаютъ дѣйствіе другъ друга, классовыя отношенія остаются колеблющимися, въ особенности тамъ, гдѣ мало развита арендная система, гдѣ масса предпринимателей, а часто также и сельскихъ рабочихъ, еще владѣетъ землей. Смѣна временъ года нерѣдко приводитъ и къ перемѣнѣ классовыхъ отношеній. Одинъ мѣсяцъ тотъ же деревенскій житель может быть предпринимателемъ, другой мѣсяцъ—наемнымъ рабочимъ» («Gegen Bernstein», 78).

Статистика показываетъ, что напр., въ Германіи энергичнѣе всего развивается зажиточное крестьянское хозяйство. Точно также въ Англіи среднее и мелкое земледѣліе растетъ насчетъ крупнаго (и отчасти очень мелкаго). Ничего подобнаго систематическому поглощенію мелкаго земледѣлія крупнымъ мы не можемъ констатировать въ настоящее время ни въ одной странѣ.

Такимъ образомъ, къ земледѣлію схема Маркса совершенно неприложима. Но это только ослабляетъ, а не уничтожаетъ значенія этой схемы по отношенію ко всему общественному хозяйству въ совокупности. Въ своей интересной и содержательной книгѣ «Die Agrarfrage» Каутскій рисуетъ яркими чертами необходимый и наблюдаемый во всѣхъ капиталистическихъ странахъ процессъ подчиненія земледѣлія промышленности; промышленность завоевываетъ все болѣе господствующее положеніе въ народномъ хозяйствѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, промышленное населеніе быстро растетъ насчетъ земледѣльческаго. Сельское хозяйство повсемѣстно даетъ занятіе все меньшей и меньшей долѣ населенія. Опытъ всѣхъ странъ указываетъ на неизбѣжность этого процесса, приводящаго къ тому, что условія существованія и развитія промышлен-

ности въ возрастающей степени опредѣляютъ направленіе развитія всего общественнаго хозяйства. Благодаря этому, особенности земледѣльческой эволюціи могутъ совершенно поглощаться доминирующимъ характеромъ промышленнаго развитія. Несмотря на раздробленіе земледѣльческаго производства, все общественное производство, въ цѣломъ, концентрируется; несмотря на ростъ крестьянскаго хозяйства, общая численность пролетаріата быстро растетъ, а число самостоятельныхъ производителей относительно падаетъ; несмотря на упадокъ капиталистическаго земледѣлія, капиталистическій способъ производства все болѣе подчиняетъ себѣ общественное хозяйство.

До сихъ поръ мы говорили о марксизмѣ, какъ о научной системѣ, какъ объ опредѣленномъ пониманіи причинныхъ законовъ соціальнаго строя; но марксизмъ есть не только объективная научная система. Марксизмъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и система практической политики; именно въ этомъ тѣсномъ соединеніи объективной науки съ политикой заключается самая характерная особенность и, вмѣстѣ, причина исключительнаго общественнаго вліянія марксизма, сравнительно со всѣми другими соціологическими системами. Мы не будемъ останавливаться надъ разсмотрѣніемъ и оцѣнкой практической программы марксизма; замѣтимъ только, что стремленіе марксизма свести все рабочее движеніе къ политической борьбѣ рабочаго класса за свои классовые интересы представляется намъ плохой и не достигающей своей цѣли политикой. Профессіональныя организаціи рабочихъ, равно какъ и кооперативныя учрежденія въ своей господствующей формѣ — потребительныхъ обществъ—являются не менѣе существенными факторами соціальной мощи рабочаго класса, чѣмъ и представительство рабочей партіи въ парламентѣ. Но, повторяемъ, критика практической программы марксизма не можетъ быть предметомъ нашего разсмотрѣнія. Мы остановимся лишь на общемъ принципіальномъ вопросѣ—возможно ли построеніе какой бы то ни было практической программы общественной дѣятельности всецѣло на научной почвѣ—на почвѣ познанія объективныхъ законовъ историческаго развитія?

Марксисты очень гордятся тѣмъ, что они освободились отъ утопизма. У Энгельса есть брошюра, заглавіе которой — «Die Entwickelung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft»—стало излюбленнѣйшимъ трафаретомъ марксистской популярной литературы. Марксъ превратилъ утопію въ науку—такъ утверждаютъ его послѣдователи. Поэтому, многіе изъ нихъ считаютъ себя въ правѣ относиться съ большимъ пренебреженіемъ ко всякаго рода соціальному идеализму, ибо сами они, по ихъ мнѣнію, не нуждаются въ соціальномъ идеалѣ— соціальный идеалъ замѣняется для нихъ пониманіемъ законовъ историческаго развитія. Стоя на почвѣ матеріалистическаго пониманія исторіи, марксисты полагаютъ, что новый соціальный строй долженъ съ неизбѣжностью естественнаго процесса вырости изъ нѣдръ капитали-

стическаго строя, въ силу законовъ экономической эволюціи, передъ которыми не только воля отдѣльныхъ лицъ, но даже и цѣлыхъ общественныхъ классовъ безсильна. «Природа возьметъ свое. Кто будетъ съ нею бороться, кто будетъ дѣлать напрасныя попытки противодѣйствовать естественному ходу развитія и ввести послѣднее въ свои собственныя узкія рамки, того она безжалостно раздавитъ. Потокъ экономическихъ явленій нашего времени вздымается, согласно неизмѣннымъ законамъ, какъ соціальная сила природы. Подчинись этому потоку, о человѣкъ, со всѣмъ своимъ устройствомъ и приспособленіями, которыя ты соорудилъ! Плотина, которая могла совладать съ небольшимъ ручьемъ, безсильна передъ могучей рѣкой—право, которое регулировало мелкое ремесленное производство, не въ силахъ управлять общественнымъ хозяйствомъ, не въ силахъ быть руководящей нормой постоянно растущихъ и все могущественнѣе развертывающихся экономическихъ феноменовъ крупнаго производства... Старое право устарѣло. Оно падаетъ не вслѣдствіе своей моральной несостоятельности — оно должно сойти со сцены лишь потому, что этого повелительно требуетъ общественное хозяйство. Оно находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ экономическими явленіями нашего времени, развитіе которыхъ оно стѣсняетъ. Эти явленія, только они, и требуютъ, чтобы старое право умерло. Поэтому, оно должно погибнуть, и оно погибнетъ—говоритъ марксистъ» (Stammler. «Wirtschaft und Recht», 51).

Правда, марксисты рѣдко проводятъ свою основную точку зрѣнія, съ такой неумолимой послѣдовательностью, какъ это изображено Штаммлеромъ. Но, несомнѣнно, тенденція къ именно такому обоснованію программы практической дѣятельности имѣется у Маркса, такъ и у его послѣдователей. Желѣзные законы экономическаго развитія управляютъ соціальнымъ прогрессомъ—училъ Марксъ. Вѣрованія, мнѣнія людей, чувства наука и религія—все подчиняется этимъ законамъ. Теперь эти законы открыты—анализъ экономической эволюціи нашего времени показалъ, что она неминуемо должна привести къ ликвидаціи капиталистическаго строя... Результатъ этотъ неизбѣженъ и бороться съ нимъ такъ же нелѣпо, какъ нелѣпо бороться съ подъемомъ морской волны, когда властные законы лchildren лунаго притяженія вызываютъ морской приливъ. Какое практическое значеніе можетъ имѣть вопросъ о справедливости или несправедливости того или иного соціальнаго института, связаннаго съ соціальнымъ строемъ, обреченнымъ на неизбѣжную гибель? Вѣдь этотъ строй и этотъ институтъ погибаютъ не вслѣдствіе своей несправедливости, до которой законамъ экономической эволюціи нѣтъ никакого дѣла! Какой интересъ представляетъ обсужденіе цѣлесообразности новаго общественнаго устройства, долженствующаго замѣнить старое, когда это новое возникаетъ не благодаря нашимъ мнѣніямъ о его желательности или полезности, а благодаря тѣмъ же неустранимымъ экономическимъ процессамъ, надъ которыми мы не властны?

Такъ, въ предисловіи къ нѣмецкому изданію «Das Elend der Philosophie» Энгельсъ говоритъ, что соціальныя требованія Маркса вытекаютъ отнюдь не изъ признанія капиталистическаго и землевладѣльческаго дохода несправедливой и нежелательной формой дохода, а изъ пониманія неизбѣжности крушенія капиталистическаго строя. «Согласно законамъ буржуазнаго хозяйства,—пишетъ Энгельсъ,—большая часть продукта, произведеннаго рабочимъ, принадлежитъ не ему. Если мы говоримъ—это несправедливо, этого не должно быть, то до всего этого хозяйству нѣтъ никакого дѣла. Мы выражаемъ лишь то, что данный экономическій фактъ противорѣчитъ нашему нравственному чувству. Марксъ основывалъ свои соціальныя требованія не на этомъ, а на необходимости крушенія капиталистическато строя, которое съ возрастающей силой происходитъ на нашихъ глазахъ» *) (Vorwort, X).

Итакъ, Марксъ, по словамъ Энгельса, основываетъ свои соціальныя требованія на законахъ соціальной необходимости. Конечно, все на свѣтѣ необходимо и подчинено закону причинности, не знающему никакихъ исключеній. Соціальный матеріализмъ приписываетъ рѣшающую роль въ процессѣ историческаго развитія экономической необходимости. Съ этимъ можно соглашаться или нѣтъ, но, во-всякомъ случаѣ, нельзя отрицать, что законъ причинности безусловно господствуетъ въ исторіи человѣчества, какъ и вообще въ природѣ, и что соціальное будущее такъ же детерминировано, необходимо, какъ и соціальное прошлое.

Но Марксъ объясняетъ экономической эволюціей не только исторію—онъ исходитъ изъ того же и въ своихъ соціальныхъ требованіяхъ. Онъ пробуетъ построить систему практической политики на основѣ познанія законовъ историческаго развитія. Онъ пытается поставить на мѣсто *соціальнаго идеала—соціальное предвидѣніе.*

Но, какъ правильно указываетъ Штаммлеръ, вся наша сознательная дѣятельность неразрывно связана съ психологическимъ убѣжденіемъ въ возможности измѣнить будущее, повліяетъ на него, придать ему желательный для насъ видъ. Если бы мы рисовали себѣ соціальное будущее, въ его конкретномъ видѣ, какъ нѣчто неизмѣнное и необходимое, а еслибы картина будущаго была намъ ясна во всѣхъ своихъ подробностяхъ, то рѣшимость слѣдовать закону соціальнаго развитія была бы совершенно равносильна «твердому рѣшенію вращаться вмѣстѣ съ землей вокругъ солнца. При рѣшеніяхъ подобнаго рода смѣшиваются два различныхъ и взаимно-исключающихъ класса

---

*) Въ своей книгѣ противъ Бернштейна Каутскій говоритъ, что у Маркса и Энгельса не существуетъ особой «теорія крушенія» (Zusammenbruchstheorie) капиталистическаго строя и что самый терминъ изобрѣтенъ Бернштейномъ («Gegen Bernstein», 42). Однако, въ цитированномъ мѣстѣ Энгельсъ говоритъ именно о «крушеніи» капитализма: Marx begründet... seine kommunistischen Forderungen... auf den... *Zusammenbruch* der kapitalistischen Productionsweise».

нашихъ представленій. Или я *познаю* явленія и движенія въ ихъ законосообразной необходимости и предвижу опредѣленный результатъ, какъ причинно неизбѣжный—и тогда для воли и для рѣшеній относительно этого результата не остается мѣста. Или же я имѣю твердое *рѣшеніе* и *волю* что-либо осуществить—и тогда это послѣднее не познано мною, какъ несомнѣнно долженствующее быть въ силу необходимыхъ законовъ природы».

«Кто позналъ, что извѣстный результатъ неизбѣжно произойдетъ по законамъ природы, тотъ не можетъ содѣйствовать достиженію этого результата. Въ представленіи содѣйствія, помощи чему-либо заключено признаніе, что то, чему помогаютъ или содѣйствуютъ, еще не познано, какъ необходимо имѣющее быть. Эта альтернатива не допускаетъ никакого уклоненія: если научно познано, что извѣстное событіе необходимо наступитъ опредѣленнымъ способомъ, то нѣтъ никакого смысла содѣйствовать именно этому опредѣленному способу его наступленія. При каждой дѣятельной помощи съ нашей стороны, при каждомъ содѣйствіи, облегченіи, поощреніи какого-либо процесса то, къ чему направлена эта дѣятельность, ея непосредственный результатъ не *познается*, какъ необходимо долженствующее быть, но *желается*. Каждый содѣйствующій предвидимому имъ въ общихъ чертахъ или хотя бы лишь вѣроятному ходу развитія долженъ дать себѣ отчетъ, почему онъ желаетъ оказывать такое содѣйствіе. И, очевидно, онъ не можетъ дать такого отвѣта, потому—что событіе, которому оказывается содѣйствіе, все равно неминуемо произойдетъ. Ибо поскольку событіе зависитъ отъ нашего содѣйствія, постольку событіе можетъ не произойти, постольку оно не познано нами, какъ причинно необходимое событіе: было бы совершенной безсмыслицей содѣйствовать тому, что мы сами признаемъ неизбѣжно долженствующимъ наступить по неизмѣннымъ законамъ причинности» («Wirtschaft und Recht», 432, 433).

На это можно возразить, что, согласно матеріалистическому пониманію исторіи, необходимость извѣстнаго хода общественнаго развитія обусловливается именно тѣмъ, что наша дѣятельность неизбѣжно принимаетъ то или иное направленіе. Даннаго событія совсѣмъ могло бы не наступить, если бы мы его не желали или не оказывали ему содѣйствія; но такъ какъ мы необходимо *должны* по неизмѣннымъ законамъ причинности, желать этого событія и оказывать ему содѣйствіе, то мы и предвидимъ его заранѣе, какъ причинно-необходимое. Соціальная необходимость дѣйствуетъ не помимо насъ, а черезъ насъ: мы и наша воля только орудія въ рукахъ этой необходимости, которая управляетъ нами черезъ насъ же самихъ.

Возраженіе это имѣетъ очень убѣдительный видъ, что не мѣшаетъ ему быть совершенно несостоятельнымъ. Вопросъ заключается въ данномъ случаѣ не въ томъ, существуетъ ли соціальная необходимость

или нѣтъ, подчиненъ ли историческій процессъ закону причинности или не подчиненъ. Этотъ вопросъ уже давно рѣшенъ философской и научной мыслью въ утвердительномъ смыслѣ. Передъ нами проблема совершенно иного рода—совмѣстна ли свобода нашей воли съ психологическимъ сознаніемъ необходимости того, на что наша воля направлена. И, опять-таки, дѣло идетъ не о свободѣ воли въ философскомъ смыслѣ. Достаточно того, что *психологически* мы сознаемъ себя свободными (хотя бы это сознаніе было и ошибочнымъ). Могу ли я *хотѣть*, могу ли я напрягать свои силы для достиженія того, что я сознаю, какъ необходимо долженствующее произойти? Вотъ въ чемъ вопросъ.

И мы должны на него отвѣтить категорическимъ—нѣтъ! Я не могу помогать неизбѣжному, тому, что неизмѣримо сильнѣе меня самого. Психологическая неувѣренность въ будущемъ есть необходимое предварительное условіе волеваго акта. Я *опасаюсь*, что моя бездѣятельность повредитъ близкимъ мнѣ интересамъ, и я *надѣюсь*, что мои дѣйствія помогутъ послѣднимъ. Эти опасенія и эти надежды указываютъ на незнаніе того, что именно произойдетъ, ибо извѣстное будущее могло бы вызывать лишь вполнѣ опредѣленное отношеніе съ моей стороны отношеніе радости или грусти, но не вмѣстѣ.

Поэтому, хотя будущее такъ же подчинено закону причинности, какъ и прошедшее, хотя будущія событія съ такой же роковой необходимостью вытекаютъ изъ настоящихъ, какъ настоящія изъ прошедшихъ, все же психологическая неувѣренность въ будущемъ навсегда останется основаніемъ нашей дѣятельности. А, слѣдовательно, и соціальное предвидѣніе не только не можетъ замѣнить, въ качествѣ стимула въ общественной дѣятельности, соціальнаго идеала, но, наоборотъ, соціальное предвидѣніе, если бы оно было полнымъ, означало бы собой прекращеніе всякой сознательной дѣятельности. Познаніе, доведенное до своего крайняго предѣла, было бы равносильно уничтоженію воли.

По справедливому замѣчанію Штаммлера, «матеріалистическое пониманіе исторіи, въ своемъ практическомъ примѣненіи, дѣлаетъ характерную ошибку, пытаясь уклониться отъ неумолимой альтернативы между причиннымъ *познаваніемъ* и ставящей сознательныя цѣли *волей*: оно постулировало необходимость хода соціальнаго развитія, но въ то же время признало возможнымъ содѣйствіе этому развитію, поощреніе его, облегченіе сопутствующихъ ему страданій. Какое жестокое quid pro quo!» («Wirtschaft und Recht», 432). Такъ, въ предисловіи къ первому тому «Капитала» Марксъ говоритъ, что «общество не можетъ ни перескочить естественные фазисы своего развитія, ни устранить ихъ посредствомъ декретовъ. Но оно можетъ сократить и уменьшить муки родовъ». Однако, «естественный законъ движенія общества», къ открытію котораго стремился Марксъ, объемлетъ собой—въ числѣ прочаго—также и «муки родовъ», которыя не менѣе необходимы и причинно обусловлены, чѣмъ и все остальное. Поэтому, призывъ Маркса сокра-

тить «муки родовъ» есть не что иное, какъ признаніе невозможности соціальнаго предвидѣнія въ данной области, признаніе того, что «муки родовъ» не могутъ быть познаны, какъ причинно необходимое событіе будущаго. И именно на этой неизвѣстности будущаго основывается возможность практической дѣятельности, къ которой призываетъ Марксъ. Вопреки своему горделивому замыслу, основать практическую программу общественной дѣятельности на соціальномъ предвидѣніи, Марксъ фактически основываетъ ее именно на недостаткѣ соціальнаго предвидѣнія.

Такими непослѣдовательностями изобилуютъ разсужденія Маркса и Энгельса (не говоря уже объ ихъ ученикахъ).

«Представители соціальнаго матеріализма,—пишетъ Штаммлеръ,—желаютъ принимать практическое участіе въ жизни людей, агитировать, работать, основывать партіи и руководить ими, словомъ преслѣдовать опредѣленныя *цѣли*; и вотъ, для этого, они создали рядомъ съ параднымъ облаченіемъ матеріализма костюмъ второго сорта для черной работы практической политики. Разъ познанъ естественный ходъ экономическихъ явленій—заявляютъ соціальные матеріалисты—то можно этими явленіями, равно какъ и вытекающими изъ нихъ идеями и представленіями, руководить и управлять ради тѣхъ или иныхъ цѣлей. Но это не есть ученіе послѣдовательнаго соціальнаго матеріализма». («Wirtschaft und Recht», 445).

Соціальное предвидѣніе, конечно, чрезвычайно важно для успѣшности общественной работы. Сознательная дѣятельность предполагаетъ познаніе — и чѣмъ глубже познаніе, тѣмъ плодотворнѣе работа. Все это—труизмы, которыхъ никому не придетъ въ голову отрицать. И, тѣмъ не менѣе, Штаммлеръ глубоко правъ, утверждая, что полное и абсолютное познаніе будущаго лишило бы всякаго смысла нашу дѣятельность, и потому въ корнѣ убило бы нашу волю. Такое полное предвидѣніе, однако, безусловно недостижимо для нашей познавательной способности, заключенной въ рамкахъ опыта. Наше познаніе будущаго навсегда обречено быть частичнымъ, оставляя, такимъ образомъ, широкій просторъ для нашей воли.

Но мало хотѣть—нужно *умѣть* достигать желаемаго. Чѣмъ обширнѣе наше предвидѣніе, тѣмъ цѣлесообразнѣе направляются наши усилія, тѣмъ менѣе сталкиваются они съ естественнымъ и необходимымъ ходомъ вещей, тѣмъ болѣе шансовъ на побѣду. Вотъ почему возможно полное предвидѣніе будущаго есть лучшее оружіе въ борьбѣ—за соціальный идеалъ!

Только небольшая доля нашихъ усилій достигаетъ цѣли, вся же остальная наша дѣятельность погибаетъ безплодно благодаря тому, что сталкивается съ естественными законами природы. Чѣмъ лучше намъ извѣстны эти законы, тѣмъ цѣлесообразнѣе мы направляемъ нашу дѣятельность. Чѣмъ обширнѣе наше познаніе соціальнаго будущаго, тѣмъ болѣе сосредоточивается соціальная работа на объективно

достижимомъ—и тѣмъ значительнѣе ея результаты. Такъ, потокъ вздымается тѣмъ выше и бѣжитъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ ўже предоставленное ему русло, чѣмъ болѣе стѣсненъ берегами его бѣгъ. Но если бы берега совсѣмъ сомкнулись если бы наше предвидѣніе будущаго стало абсолютнымъ—то и бѣгъ потока долженъ бы былъ прекратиться наша дѣятельность должна была бы остановиться по отсутствію цѣли. Тотъ же самый результатъ получился бы и въ противоположномъ случаѣ, если бы берега потока такъ широко раздвинулись, что вода перестала бы течь—если бы наше познаніе будущаго оказалось слишкомъ ничтожнымъ для какой бы то ни было сознательной дѣятельности. Абсолютное незнаніе, какъ и абсолютное познаніе не оставляютъ мѣста для цѣлесообразной работы. Нельзя работать, нельзя ставить себѣ сознательныя цѣли, если мы ничего не знаемъ о средствахъ и способахъ достиженія этихъ цѣлей, но и нельзя работать, нельзя ставить себѣ сознательныя цѣли, если мы заранѣе знаемъ, что̀ будетъ завтра, черезъ годъ, черезъ десятки лѣтъ, если мы читаемъ въ будущемъ, какъ въ раскрытой книгѣ. Наша дѣятельность заключена въ этихъ предѣлахъ—относительнаго и ограниченнаго знанія—и она тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ это относительное знаніе полнѣе.

Итакъ, не соціальное предвидѣніе, а соціальный идеалъ является верховнымъ вождемъ въ соціальной борьбѣ. Познаніе есть только вѣрный слуга, выполняющій приказанія своего владыки. Но этотъ сверхъопытный владыка—соціальный идеалъ, не создается руками своего слуги.

Прекрасно, если предвидимое нами направленіе историческаго развитія совпадаетъ съ нашимъ идеаломъ. Тогда въ нашемъ соціальномъ міровоззрѣніи нѣтъ никакихъ диссонансовъ и оно все проникнуто здоровымъ оптимизмомъ. Но если картина будущаго, раскрывающаяся передъ нашимъ умственнымъ взоромъ идетъ грубо въ разрѣзъ съ тѣмъ, что мы считаемъ святымъ и высокимъ, если мы не видимъ впереди приближенія къ нашему идеалу, то рѣшимся ли мы измѣнить нашъ идеалъ, чтобы привести его въ согласіе съ дѣйствительностью? Исторія сохранила намъ примѣры благородныхъ людей, идеалы которыхъ оказались въ непримиримомъ противорѣчіи съ современной имъ дѣйствительностью, благодаря тому, что эти люди были выше своего времени. Подчиняли ли эти люди свое нравственное сознаніе какимъ бы то ни было требованіямъ текущей жизни? Нѣтъ и нѣтъ! Чѣмъ глубже была окутывавшая ихъ ночь, тѣмъ дороже становился имъ единственный могучій лучъ свѣта, прорѣзывавшій тьму и исходившій изъ нихъ самихъ, изъ ихъ собственнаго внутренняго міра, изъ ихъ непобѣдимаго идеала. Ни для чего въ мірѣ не согласится человѣкъ съ нравственно развитымъ сознаніемъ поступиться своимъ идеаломъ, который есть единственное верховное, чистѣйшее и прекраснѣйшее благо, единственная абсолютная цѣнность, нѣчто безконечно и безусловно обязательное, то, ради чего всѣмъ и

всѣмъ можно пожертвовать, но что само никогда, ни для кого и ни для чего не можетъ быть предметомъ жертвы.

Ничего не можетъ быть несправедливѣе презрительнаго отношенія многихъ марксистовъ къ соціальному идеализму вообще, и къ идеализму великихъ утопистовъ въ частности. Отъ утопистовъ Марксъ получилъ (не говоря уже объ остальномъ) самое важное и цѣнное—соціальный идеалъ. И лишь при свѣтѣ этого идеала Марксъ могъ выработать свое замѣчательное ученіе объ объективныхъ законахъ капиталистическаго развитія. Даже доктрина соціальнаго матеріализма, столь враждебная всякому идеализму, сложилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ практической борьбы за опредѣленные общественные идеалы... Пренебреженіе къ соціальному идеализму, которое такъ характерно для марксизма, не только теоретически несостоятельно, но и практически вредно. Теоретически несостоятельно потому, что въ своей практической работѣ марксизмъ столь же мало можетъ обойтись безъ соціальнаго идеала, какъ и другія историческія общественныя движенія. Практически же вредно потому, что великая борьба требуетъ и великаго напряженія силъ личности. Откуда же человѣческая личность можетъ взять эти силы, какъ не изъ преданности идеалу? Безъ энтузіазма, безъ безкорыстнаго, религіознаго подчиненія себя, своей личности, всѣхъ интересовъ, всей своей жизни чему-то болѣе высокому, чѣмъ мы сами, нельзя достигнуть великихъ соціальныхъ цѣлей. А только идеалъ—прекраснѣйшее достояніе нашего духа—можетъ порождать энтузіазмъ.

Борьба съ идеализмомъ ведетъ къ равнодушію къ широкимъ общественнымъ задачамъ, требующимъ самоотверженной работы и самопожертвованія личности. Эгоистическій интересъ не можетъ не занять въ нашей душѣ пустого мѣста, остающагося послѣ исчезновенія идеала. И если марксизмъ, на практикѣ, не утратилъ энтузіазма, то это лишь потому, что, вопреки всякой теоріи, марксистское движеніе осталось проникнутымъ могучей струей соціальнаго идеализма. Сѣрая теорія оказалась не въ силахъ заглушить прекрасный ростъ золотаго дерева жизни. Но этотъ результатъ былъ достигнутъ лишь пожертвованіемъ логической стройностью марксизма. Въ настоящее время все теоретическое зданіе, воздвигнутое геніальнымъ авторомъ «Капитала», даетъ трещины, разрушается и, видимо, клонится къ паденію. И все заставляетъ думать, что новая соціальная доктрина, которая замѣнитъ ветшающій марксизмъ, съумѣетъ сочетать, въ общей гармонической концепціи, практическій идеализмъ—съ теоретическимъ идеализмомъ.

М. Туганъ-Барановскій.

ИЗЪ В. ГЮГО.

Моя душа! Ища себѣ пріюта
Въ безоблачной лазури, свой полетъ
Ты ложною дорогой направляешь.
Вернемся въ долгъ. Долгъ—это жизнь. Зоветъ
Онъ насъ къ себѣ. Да, возвратимся снова
Мы къ очагу печальному людей,
Начнемъ носить порабощенныхъ цѣпи,
И ты, о дочь сіяющихъ лучей,
Въ юдоли тьмы стань у нея слугою;
Пусть будетъ желчь напиткомъ нашимъ; вновь
Подъемлемъ трудъ святыхъ освобожденій;
Жить будемъ тамъ, гдѣ слезы, трауръ, кровь...
Спѣши, спѣши на землю опуститься,
Чтобъ, все свершивъ, на небо возвратиться.

Петръ Вейнбергъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Вопросы жизни въ современной литературѣ» г. Николаева.—Непонятная увѣренность автора въ побѣдѣ стараго надъ новымъ.—«Въ сумеркахъ литературы и жизни» г. Новополина.—Пессимизмъ автора.—Невѣрное освѣщеніе литературной дѣятельности Гаршина, Надсона, Короленко, Чехова.—Смерть Эмиля Золя.

Большой интересъ и не малое поученіе представляютъ обзоры литературныхъ теченій и настроеній, дѣлаемые за нѣсколько лѣтъ назадъ. Въ нихъ то, что представлялось еще недавно такимъ жгучимъ и злободневнымъ, выступаетъ теперь въ иномъ свѣтѣ, кажется предметомъ большаго или меньшаго значенія, такъ сказать въ исторической перспективѣ, безъ личнаго задора или личнаго къ нимъ отношенія, отъ чего такъ трудно,—да и не зачѣмъ,—удержаться въ свое время, когда каждое болѣе или менѣе живое произведеніе вызываетъ острый отзвукъ въ тебѣ самомъ и соотвѣтственное субъективное отношеніе. Читая теперь «Вопросы жизни въ современной литературѣ» г. Николаева, испытываешь чувство спокойнаго зрителя, присутствующаго хотя и при интересномъ спектаклѣ, но довольно далекомъ отъ текущаго дня. И въ душѣ возникаетъ помимо воли сомнѣніе, стоитъ ли такъ волноваться, кипѣть, негодовать и раздражаться, если нѣсколько лѣтъ спустя все это представится въ иномъ свѣтѣ, какъ тихо догорающій костеръ гдѣ-нибудь въ степи на разсвѣтѣ. Но нельзя не волноваться—и въ этомъ вся сила.

Но ретроспективный взглядъ, тѣмъ не менѣе, интересенъ и поучителенъ, и два такихъ обзора недавняго прошлаго мы имѣемъ одновременно. Первый принадлежитъ г. Николаеву, собравшему свои журнальныя замѣтки за 90-ые годы и выпустившему ихъ въ свѣтъ съ небольшимъ, но знаменательнымъ для опредѣленной литературной группы послѣсловіемъ. Второй—неизвѣстному намъ автору, г. Новополину, выпустившему цѣлую книгу, «Въ сумеркахъ литературы и жизни», посвященную обзору литературныхъ теченій и настроеній за два послѣднія десятилѣтія. Оба автора довольно близки другъ къ другу по взглядамъ, но весьма далеки по настроенію. Насколько г. Новополинъ «сумраченъ», настолько же г. Николаевъ настроенъ побѣдно. Напрасно только почтенный авторъ «Вопросовъ жизни» какъ бы оправдывается въ своей «смѣлости», что собралъ и издалъ свои литературные обзоры. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о самостоятельной цѣнности подобныхъ произведеній, всегда по необходимости бѣглыхъ и отрывочныхъ даже у такихъ корифеевъ журналистики, какъ г. Михай-

ловскій или Шелгуновъ, на которыхъ, между прочимъ, указываетъ г. Николаевъ, читатель на этихъ обзорахъ можетъ провѣрить самого себя и сравнить то, что есть, съ тѣмъ, что еще недавно его волновало. Именно въ этой возможности обозрѣть рядъ вопросовъ и произведеній, имѣвшихъ свое значеніе прежде, съ извѣстной точки зрѣнія и заключается цѣнность книги г. Николаева. Самъ авторъ думаетъ нѣсколько иначе, и въ послѣсловіи отчасти какъ бы защищается отъ возможныхъ упрековъ, отчасти пытается выдвинуть значеніе той точки зрѣнія, съ которой онъ разсматривалъ вопросы жизни въ современной журналистикѣ. Признавая скромность своихъ замѣтокъ, авторъ видитъ особое «обстоятельство», дающее имъ право на вниманіе. Въ чемъ же дѣло?

«Авторъ—простой и скромный рядовой той фаланги «стариковъ»—увы, теперь уже небольшой—которые пережили и дѣйствительно, обливаясь кровью, перестрадали краткую, но тяжелую эпоху «смуты» умовъ, пережитую нашей интеллигенціей и печатью въ 80-хъ и 90-хъ годахъ и переживаемую отчасти еще и теперь. Въ этой фалангѣ не было недостатка въ блестящихъ бойцахъ, вспомнимъ тутъ хотя о г. Михайловскомъ и о Шелгуновѣ. Но въ ней были и скромные рядовые, люди безъ имени, не имѣющіе никакихъ притязаній ни на литературную, ни на общественную извѣстность. Къ числу такихъ рядовыхъ принадлежалъ и авторъ. Однако, вождей и рядовыхъ связывало одно настроеніе, одна надежда и одна идея. Всѣ они ни на одну минуту не усомнились въ томъ, что время «смуты» пройдетъ, и пройдетъ скоро, что Игнатовичи и Шемадуровы (герои произведеній гг. Чирикова и Боборыкина) не доживутъ еще до лысины и до сѣдыхъ волосъ и уже *сами* убѣдятся въ ошибочности своихъ взглядовъ—убѣдятся, конечно, не подъ вліяніемъ убѣжденій и полемики съ ними насъ, стариковъ, а подъ вліяніемъ болѣе могущественнымъ, подъ вліяніемъ самой жизни и жизненныхъ явленій—что, однимъ словомъ, и интеллигенція, и ея дѣтище, литература, вернутся къ тому идейному багажу, который мы, старики, всю жизнь и словомъ, и дѣломъ несли на своихъ плечахъ. Авторъ, не претендуя на какую-либо иную роль, кромѣ роли простого рядового этой маленькой фаланги, ни на одну минуту—буквально ни на одну не утрачивалъ ни такой надежды—ни такого настроенія. О чемъ-бы онъ ни писалъ, по поводу какого бы то ни было, самаго незначительнаго литературнаго явленія онъ ни бесѣдовалъ со своимъ читателемъ, онъ пытался всегда указать ему, что въ нашей общественности и для нашей общественности существуетъ только одинъ кардинальный и основной вопросъ: вопросъ о необходимости всесторонняго *развитія личности*, о необходимости *гарантій ея неотъемлемыхъ и неотчуждаемыхъ правъ*, о необходимости *активности общества для достиженія этой цѣли* (курсивъ г. Николаевъ). Всегда и во всѣхъ его писаніяхъ эти основныя идеи руководили его перомъ... И вотъ теперь, когда имѣются всѣ основанія полагать, что печальная «смута умовъ», такъ сильно измучившая автора и его единомышленниковъ и соратниковъ въ борьбѣ, заканчивается, когда «фаланга» имѣетъ всѣ основанія снова надѣяться и, пожалуй, торжествовать побѣду—не свою, а своей идеи,—авторъ подумалъ, то и его замѣтки будутъ не совсѣмъ лишними, что и для нихъ найдется

благосклонный читатель, который будетъ не прочь пережить съ авторомъ его прошлыя боли».

Таковы причины, побудившія почтеннаго автора выпустить въ свѣтъ свои скромныя замѣтки: желаніе подчеркнуть свои надежды, а пожалуй, и побѣду. Желаніе законное въ каждомъ борцѣ, ибо каждому изъ борющихся свойственно думать, что побѣда на его сторонѣ, по крайней мѣрѣ, должна быть. Намъ только не приходилось слышать такого яснаго и откровеннаго заявленія, что «смута умовъ» прошла или проходитъ и что «побѣда» на сторонѣ «фаланги стариковъ». Надъ такимъ заявленіемъ невольно останавливаешься и цѣлый рядъ недоумѣній возникаетъ въ душѣ.

«Смута умовъ», столь измучившая бѣднаго г. Николаева, для насъ явленіе новое и неожиданное. Мы помнимъ рядъ коренныхъ разногласій въ пониманіи дѣйствительности между народниками и ихъ противниками, но «смуты» именно и не было. Умирающее народничество, пожалуй, смущало еще молодое поколѣніе видимостью своего существованія, какъ истлѣвшее внутри дерево, сохранившее еще наружную оболочку, которая его поддерживаетъ и придаетъ ему видъ жизни. Но стоило къ нему прикоснуться, и оно распалось. Правда, пыли было при этомъ, какъ водится, достаточно, но никого она не смущала, кромѣ, конечно, самихъ народниковъ, не ожидавшихъ, что отъ стройнаго нѣкогда ученія не осталось ничего... кромѣ пыли. Мы отнюдь не думаемъ вдаваться въ подробности этой борьбы, слишкомъ еще памятной и свѣжей. Насъ удивляетъ только торжествующій тонъ заявленія г. Николаева относительно побѣды, и мы хотѣли бы подвести итогъ результатамъ этой странной побѣды, послѣ которой у побѣдителей не осталось объекта для торжества.

Коренной вопросъ спора былъ о томъ, капиталистическая ли страна Россія, или она идетъ особымъ, ей только одной свойственнымъ путемъ. Намъ казалось и кажется теперь, что вопросъ рѣшенъ въ первомъ смыслѣ. По крайней мѣрѣ, мы не можемъ указать ни одного изъ «фаланги» единомышленниковъ г. Николаева, который теперь доказывалъ бы противное, возлагая свои упованія на знаменитые «устои» деревни со всѣмъ ихъ народническимъ антуражемъ. Расслоеніе деревенскаго міра въ предѣлахъ общины всѣми признанный фактъ, также какъ и все большая опредѣленность интересовъ каждаго класса. Ростъ городовъ со всѣми его сопровождающими явленіями тоже всѣми признанный фактъ, достаточно убѣдительный, чтобы оставить упованія на особые пути развитія для нашей страны. Напомнимъ кстати и объ утопизмѣ, противъ котораго такъ рѣшительно выступали противники «фаланги» и отъ котораго ничего не осталось въ настоящее время, такъ какъ едва ли кто защищаетъ теперь утопію «просвѣтительную», утопію «обмірщенія» и прочія, въ свое время высоко цѣнимыя и проповѣдуемыя на разные лады. Такова въ грубыхъ чертахъ экономическая сторона спора. Соціологическая болѣе сложна, но если оставить крайности, до которыхъ договорились противники «фаланги» въ пылу спора, то и здѣсь мы не видимъ, въ чемъ побѣда? «Всестороннее развитіе личности» и прочее никогда не отрицалось противниками «фаланги», только они искали иной почвы для него, доказывая, что безъ извѣстнаго измѣненія матеріальныхъ усло-

вій жизни нельзя достигнуть ни гарантій, ни активности, ни прочихъ благъ общественнаго существованія. И намъ кажется, что однимъ изъ самыхъ блестящихъ результатовъ спора явилось полное почти согласіе между спорящими сторонами въ этомъ вопросѣ. Врядъ ли теперь кто станетъ настаивать на рѣшающемъ значеніи «критически мыслящей личности» въ исторіи, какъ едва ли кто станетъ отрицать значеніе личности вообще. То же самое и относительно «активности», которую противники «фаланги» не только никогда не отрицали на словахъ, но и всячески проводили въ жизнь на дѣлѣ, что, конечно, извѣстно и г. Николаеву. Остается еще пресловутый споръ о «субъективномъ методѣ въ соціологіи», но... да будетъ «ему легка земля»—вотъ единственное пожеланіе, какое мы отъ души высказываемъ этому спору, въ концѣ концовъ, кажется, надоѣвшему обѣимъ сторонамъ.

Итакъ, гдѣ же трофеи побѣды? Мы вовсе не стоимъ за то, чтобы приписывать противникамъ «фаланги» полное торжество на всѣхъ пунктахъ, гдѣ велась борьба. Охотно отмѣчаемъ крайности, въ которыя они впадали въ пылу спора не разъ и не два. Но въ конечномъ итогѣ не можемъ не отмѣтить, что говорить о побѣдѣ «фаланги» довольно-таки мудрено, и, несмотря на свое торжественное заявленіе, г. Николаевъ и самъ не вѣритъ въ то, что говоритъ. Эту его неувѣренность выдаетъ одна незначительная, но крайне характерная черточка,—именно упоминаніе въ столь торжественномъ заявленіи «urbi et orbi» о побѣдѣ, между прочимъ, и о «Инвалидахъ» г. Чирикова. Мало кому изъ дѣятелей «смуты умовъ» влетѣло столько отъ разъяренной «фаланги», какъ злополучному г. Чирикову, который окрестилъ всю «фалангу» этимъ, показавшимся ей невыносимо обиднымъ, словомъ—«Инвалиды». И вотъ торжествующій г. Николаевъ все же не можетъ забыть этого, поистинѣ, мѣткаго словечка, выразившаго, хотя и грубо, сущность «фаланги». Это воспоминаніе о непріятномъ инцидентѣ отравляетъ ему радость «побѣды» смутнымъ и тревожнымъ сомнѣніемъ,—полно, о побѣдѣ ли можетъ быть рѣчь?

Но пусть «побѣда»: меньше, чѣмъ кто-либо, желаемъ мы отравлять торжество побѣдителей. Охотно уступая почтенной «фалангѣ» эту честь, мы удовольствуемся сознаніемъ, что отъ народническаго тумана теперь не осталось и слѣда. «подъ вліяніемъ болѣе могущественнымъ, подъ вліяніемъ самой жизни и жизненныхъ явленій», «сущность которыхъ,—какъ было сказано въ нашемъ журналѣ годъ тому назадъ *),—сводится къ утвержденію тожества въ общихъ чертахъ экономическаго и соціальнаго развитія Россіи и другихъ странъ европейской культуры, къ соціально-экономическому западничеству, не только не исключающему, но, наоборотъ, подкрѣпляющему и незыблемо утверждающему западничество во всѣхъ областяхъ жизни». Благодаря именно «смутѣ умовъ», почтенная «фаланга» отступила отъ старыхъ народническихъ тенденцій и традицій настолько, что, пожалуй, въ ней немного отъ нихъ и осталось,—и это самый блестящій результатъ «смуты», «столь измучившей автора и его единомышленниковъ». За эти муки мы охотно готовы пожалѣть «фалангу», но не

*) См. іюнь, стр. 20, отд. II

можемъ признать смуту «печальной». Если бы даже она никакого другого результата не дала, то и тогда да будетъ благословенна подобная смута, разсѣявшая туманы и прояснившая путь молодому поколѣнію въ его трудныхъ исканіяхъ истины.

Была ли, однако, «смута», т.-е. смущенное, безцѣльное метаніе изъ стороны въ сторону, какъ это бываетъ, когда люди потеряютъ дорогу или заблудятся въ темнотѣ?

Здѣсь мы оставимъ г. Николаева и обратимся къ другому автору, который выступилъ съ цѣлой книгой, убѣждающей читателя, будто мы безнадежно погружены «Въ сумеркахъ литературы и жизни». Такъ называется трудъ г. Гр. Новополина, который, въ противоположность сіяющему и торжествующему, хотя и измученному г-ну Николаеву,—весь скорбь, плачъ и уныніе. Онъ нѣсколько напоминаетъ траурнаго факельщика, сопровождающаго колесницу, и на каждой страницѣ выводитъ гробовымъ голосомъ «De profundis»...

Кого же хоронитъ г. Новополинъ и что онъ оплакиваетъ? Начинаетъ онъ со стараго, какъ міръ, мотива—съ «жалобъ на наше время», на «то общее оскудѣніе и ту общую пришибленность, которыя около двухъ десятилѣтій царятъ въ нашей общественной жизни и леденятъ нашу мысль, чувство и волю». Въ дальнѣйшемъ развитіи этого основного мотива своей книги авторъ почти не отдѣляетъ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ, не видя между ними никакой разницы, почему и приходится брать его «жалобную пѣснь» какъ общую характеристику двухъ послѣднихъ десятилѣтій. Тѣмъ болѣе, что свою жалобу онъ то и дѣло силится подтвердить ссылками на такіе авторитеты, какъ г. Михайловскій, приводя цитаты изъ ихъ писаній послѣдняго времени, или выдержками изъ произведеній новыхъ писателей, о которыхъ въ 80-ые годы еще не было слышно, напр., изъ М. Горькаго. Это смѣшеніе 80-ыхъ и 90-ыхъ годовъ, какъ увидимъ, очень характерно для нашего автора, почему и отмѣчаемъ это прежде всего.

Указавъ на жалобы, какъ общій и всѣми признанный фактъ, г. Новополинъ переходитъ къ «упадку литературы», какъ главному показателю «оскудѣнія и пришибленности». Нѣтъ больше «могучихъ идейныхъ теченій, игравшихъ такую громадную роль въ исторіи нашего общественнаго развитія», они «стушевались подъ напоромъ безпринципности и индифферентизма, проникнувшихъ и въ нашу жизнь, и въ нашу литературу». Правда, есть молодые писатели, но они—ничто въ сравненіи съ прежними великанами. «Нѣтъ въ нихъ той широты міросозерцанія, той силы мысли, чувства и воли, которыми окрашивались произведенія нашихъ старыхъ литературныхъ дѣятелей и которыя вызвали такой страстный анализъ нашей дѣйствительности, что мы даже удивили старую Европу». Въ произведеніяхъ молодыхъ писателей нѣтъ идеаловъ, нѣтъ вѣры въ принципы, нѣтъ и самихъ принциповъ. Они размѣнялись на мелочи, разбились на узенькія, маленькія картинки сѣренькой, дешевенькой обыденности. «Это отсутствіе идеаловъ и индифферентное отношеніе къ жизни черной нитью проходитъ черезъ рядъ произведеній цѣлой группы писателей и связано тѣснымъ образомъ съ органическимъ слѣдствіемъ безпринципности

и съ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ паденія нашей литературы—съ отсутствіемъ литературной критики и литературныхъ критиковъ среди молодыхъ писателей». Причины этого паденія авторъ видитъ въ «болѣзненномъ настроеніи», охватившемъ наше время, не только у насъ, но и на Западѣ. Литература ударилась въ мистицизмъ, въ магизмъ или въ голый натурализмъ, забывъ о великихъ задачахъ стараго времени. У насъ она порвала связь съ идеями шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ и тоже цѣликомъ ушла въ мелочи. На Западѣ были для этого свои причины, у насъ же—«мы были просто захвачены гнетущимъ потокомъ жизни и измолоты имъ, и наивная вѣра молодого покодѣнія, будто новыя настроенія, въ ней царящія, признаки возрожденія идеальнаго,—одинъ изъ симптомовъ этой молодости и новое доказательство болѣзненности процесса, съ которымъ мы вступили и въ двадцатый вѣкъ». Все это приводитъ автора къ выводу, что «нельзя остаться равнодушнымъ зрителемъ того отупѣнія, которое охватываетъ нашу молодежь. И надо же, наконецъ, положить конецъ самообману и указать всю лживость нашихъ кумировъ и болѣзненность нашихъ настроеній».

Далѣе г. Новополинъ начинаетъ анализъ литературныхъ теченій, приведшихъ къ «самообману». Впереди идетъ «періодъ скорби за идеалъ и слезъ о свободѣ», представителями котораго онъ считаетъ Гаршина и Надсона. За нимъ слѣдуетъ періодъ «скорбнаго раздумья», въ лицѣ г. Короленко, періодъ «культуртрегерства и апологіи средняго человѣка», въ лицѣ г. Потапенки, потомъ «толстовство», дальше «ницшеанство», какъ результатъ его—«равнодушіе къ добру и злу», «равнодушіе къ дѣйствительности» и—«какъ довершающій картину общаго распада всего прекраснаго и цѣльнаго—марксизмъ». Общую картину гибели и паденія добраго стараго времени завершаетъ «походъ противъ 60-хъ и 70-хъ годовъ», въ которомъ авторъ усматриваетъ результатъ столкновенія современной безыдейности и безпринципности съ величіемъ идеаловъ прежняго времени. «Шестидесятые и семидесятые годы съ ихъ восторженнымъ отношеніемъ къ народу, страстной вѣрой въ личность, въ интеллигенцію, съ ихъ требованіемъ отъ исторіи отчета за кровь и слезы, пролитыя человѣчествомъ, съ ихъ лозунгомъ—«все для народа и черезъ народъ», съ ихъ вѣрой въ возможность цѣлесообразнаго вмѣшательства человѣка въ жизнь и т. д. и т. д.,—порожденіе необычайнаго подъема умственныхъ и нравственныхъ силъ русскаго общества. Культуртрегерство и апологія средняго человѣка, теорія личнаго усовершенствованія, непротивленіе злу, ницшеанство, марксизмъ девяностыхъ годовъ—порожденіе, вызванное условіями дѣйствительности, пришибленности воли, мысли и чувства. Эти исключающія другъ друга теченія должны были столкнуться. И они столкнулись и вызвали съ одной стороны скорбное чувство, а съ другой—походъ противъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ».

Обвинительный актъ г. Новополина противъ нашего времени такъ обширенъ, что трудно возразить на него, если не прибѣгать къ столь же широкимъ обобщеніямъ. Авторъ кропотливо собралъ всѣ обвиненія, разсѣянныя на протяженіи двадцати лѣтъ, и все помѣстилъ за одну скобку: все, что было

до 80-хъ годовъ, добро и благо; все, что было потомъ до нашихъ дней включительно, зло и мерзость запустѣнія. Такая односторонняя рѣшительность въ сужденіи сама убиваетъ его схему, въ которой общая черная окраска вызываетъ, прежде всего, глубокое недовѣріе, какъ и всѣ огульныя осужденія. Возражать на его обвинительный актъ «по пунктамъ, по цитатамъ»—значило бы переворошить всю литературу за послѣднія два десятилѣтія,—трудъ непосильный и неблагодарный. Поэтому, лучше ограничиться разборомъ болѣе яркихъ его обвиненій по отдѣльнымъ поводамъ, въ которыхъ яснѣе видно его рѣшительное пристрастіе къ доброму, старому времени въ ущербъ всему, что не укладывается въ старыя рамки.

Удивляетъ больше всего похоронный тонъ его рѣчей именно теперь, когда еще не успѣли смолкнуть ярые споры, свидѣтелями которыхъ мы еще были такъ недавно. Если можно охарактеризовать время, слѣдовавшее непосредственно за концомъ 70-хъ годовъ, какъ періодъ реакціи и застоя въ литературѣ,—да и то съ большими оговорками,—то подвести подъ общую рубрику съ нимъ и вторую половину 90-хъ представляется для сколько-нибудь вдумчиваго читателя просто невозможнымъ. Нужно обладать особыми шорами на глазахъ, чтобы не видѣть, какъ велика разница въ настроеніи литературы и жизни между двумя этими періодами. Нудный, ноющій тонъ всей книги г. Новополина удивительно какъ гармонируетъ съ общимъ настроеніемъ восьмидесятыхъ годовъ, когда всѣ какъ-то сразу заныли и заохали, и было понятно отчего, такъ какъ время было дѣйствительно скучное и скудное, что въ особенности становилось яркимъ при сопоставленіи съ только что пережитымъ періодомъ. Но уже и тогда не одно культуртрегерство и непротивленіе злу проявляло себя. Правда, все это было очень характерно по тому времени, какъ естественная реакція уставшаго и потерявшаго на время способность къ широкимъ планамъ общественнаго организма. Присущее, однако, человѣку стремленіе идти впередъ не исчезло, и если не выразилось въ сильныхъ и яркихъ явленіяхъ, подобныхъ только что пережитымъ, зато оно проявилось въ исканіи новыхъ путей, въ критической провѣркѣ блестящихъ положеній только что пережитаго времени, что въ сравнительно короткій періодъ времени и обнаружилось въ литературѣ въ видѣ новаго теченія. Уже съ начала 90-хъ годовъ стала пробиваться новая освѣжающая струйка въ литературѣ, вылившаяся очень опредѣленно въ столько нашумѣвшихъ въ 94 г. «Критическихъ замѣткахъ къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи». И эти «Замѣтки» не были первой ласточкой, такъ какъ вмѣстѣ съ ними шло цѣлое движеніе, которое г. Новополинъ, благодаря своимъ траурнымъ шорамъ, не то что проглядѣлъ, а окрасилъ въ тотъ же черный сплошной цвѣтъ. «Грустное тоскливое чувство вызоветъ въ будущемъ историкѣ обозрѣніе переживаемой нами мертвой полосы общественной жизни. Но какъ ни грустно это зрѣлище,—говоритъ онъ,—какъ ни печаленъ этотъ постепенный упадокъ мысли и чувства, есть и заслуга, хотя и печальная, въ своеобразныхъ теченіяхъ, вызванныхъ переживаемымъ безвременіемъ. Отреченіе отъ «наслѣдства», проповѣдь непротивленія злу, бѣгство въ скиты и отреченіе (?) отъ борьбы съ общественной неправ-

дой вызвали энергичный протестъ уставшихъ было могиканъ освободительной эпохи. Опасность выстраданной идеи вызвала ихъ вновь на жизненную арену, и потухшее было пламя самосознанія вновь разгорѣлось. Можно быть различнаго мнѣнія о русскомъ марксизмѣ, но за нимъ нельзя не признать нѣкоторыхъ заслугъ. Своимъ рѣзкимъ отношеніемъ къ идеаламъ давно прошедшаго, обвѣяннаго грезами юности и тепломъ чистой любви, онъ вызвалъ энергичный протестъ со стороны старыхъ дѣятелей. Закипѣвшій споръ вызвалъ движеніе, составляющее единственную живую струю на мутномъ и сѣромъ фонѣ общественной жизни».

Такимъ образомъ, единственная заслуга цѣлаго движенія заключается для г. Новополина въ томъ, что «старые дѣятели» получили толчекъ, который разбудилъ въ нихъ «самосознаніе». Признаемся, выводъ столь же неожиданный, сколько и обидный для почтенныхъ дѣятелей прежняго времени. Такое отношеніе къ цѣлому движенію, мы можемъ объяснить развѣ тѣмъ, что г. Новополинъ самъ не переживалъ его, а какъ-то ухитрился проспать четверть вѣка и, проснувшись теперь, не можетъ оріентироваться. Онъ слышетъ отголоски споровъ о роли личности, о ницшеанствѣ, марксизмѣ, символизмѣ и проч., а такъ какъ все это цѣликомъ ему чуждо, чуждо тому настроенію, въ какомъ онъ заснулъ, то, не будучи въ силахъ разобраться среди такого наплыва новыхъ фактовъ и теченій, онъ, безъ долгихъ размышленій, относитъ все, не отвѣчающее 70-мъ годамъ, къ отрицательнымъ явленіямъ. Иначе думать онъ и не можетъ, не будучи въ силахъ представить себѣ, что пока онъ спалъ, жизнь не стояла на мѣстѣ, люди такъ или иначе дѣлали свое дѣло, вдумывались въ то, что переживали, волнуясь и спѣша, старались выяснить себѣ задачи времени, провѣряя то, что еще недавно казалось незыблемой истиной, а на дѣлѣ не оправдалось. Дикимъ и страннымъ кажется ему, что могло возникнуть цѣлое движеніе, по существу вовсе не враждебное 70-мъ, тѣмъ болѣе 60-мъ годамъ, шедшее въ томъ же направленіи, хотя и иными путями, болѣе сложными, быть можетъ, но отнюдь не назадъ, не *противъ* того, что было *идеаломъ* шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ.

Съ просонья г. Новополинъ обрушивается на все, что имѣло несчастіе появиться въ то время, когда онъ спалъ, и въ мрачно-кладбищенскомъ настроеніи разноситъ и «толстовство», и ницшеанство, и Горькаго, и Короленко, и Чехова. Только Гаршину и Надсону онъ даетъ разрѣшеніе въ ихъ грѣхахъ и признаетъ за ними право на существованіе. Гаршина онъ даже возноситъ за то, что «по своему духовному облику Гаршинъ, прежде всего, человѣкъ шестидесятыхъ годовъ»—открытіе, для многихъ неожиданное и во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательное. Шестидесятые годы—время необычайнаго, единственнаго до сихъ поръ въ исторіи русской общественности подъема духа, и Гаршинъ—весь одна до болѣзненности доведенная рефлексія,—сопоставленіе прямо-таки удивительное. Но дѣло въ томъ, что основой движенія шестидесятыхъ годовъ, по г. Новополину, была гуманность, а у Гаршина основой его чуткой души была также гуманность,—значитъ его духовный обликъ того времени. Смущаетъ г. Новополина «невѣріе» Гаршина «въ добрыя и честныя стремленія, которыя разбивъ-

ются жизнью», но это невѣріе «навѣяно безвремееніемъ конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ». Можно бы замѣтить, что молодое поколѣніе, пережившее восьмидесятые годы, имѣло еще больше основаній для своего «невѣрія», съ какимъ оно отнеслось ко многимъ «добрымъ и честнымъ стремленіямъ», и не безъ основанія подвергло ихъ критикѣ въ 90-е годы,—и потому заслуживаетъ не меньше Гаршина оправданія въ томъ, что стало искать для своихъ «добрыхъ и честныхъ стремленій» иной основы, а для проведенія ихъ въ жизнь—иной почвы.

Надсонъ, второй прощенный г. Новополинымъ сынъ «безвременія», по его характеристикѣ, тоже пѣвецъ «скорби и слезъ за свободу». «Тайна глубокаго впечатлѣнія, производимаго его стихотвореніями, часто даже незрѣлыми по мысли, не въ дѣйствіи сосредоточенной лирической силы, не въ звучномъ музыкальномъ стихѣ и не въ трагическихъ обстоятельствахъ, оборвавшихъ его жизнь. Вмѣстѣ со своимъ поколѣніемъ онъ былъ захваченъ волной безвременія, и поэзія Надсона—чистое зеркало, отразившее треволненія, вызванныя въ обществѣ разрушительной работой». Съуживая до такой степени значеніе Надсона, чѣмъ г. Новополинъ объясняетъ себѣ ту популярность, которою пользуются стихотворенія Надсона и до сихъ поръ, и притомъ среди юной молодежи, весьма далекой отъ «безвременія» первой половины восьмидесятыхъ годовъ? Мы думаемъ, что обаяніе Надсона для только что начинающей жить молодежи вовсе не въ «зеркалѣ безвременія», до котораго ей очень мало дѣла, а въ томъ чувствѣ идеальныхъ, хотя и смутныхъ порывовъ къ свободѣ, любви, къ человѣчеству, къ самопожертвованію и героизму, которое хорошо отразилъ Надсонъ въ своей поэзіи. Безспорно, на Надсона не осталось безъ вліянія и его время, но онъ былъ слишкомъ поэтъ, чтобы быть только «зеркаломъ», отражающимъ «безвременіе».

Послѣ Гаршина и Надсона для нашего кладбищенскаго критика наиболѣе симпатичной въ литературѣ фигурой является Короленко, но... есть одно обстоятельство, страшно смущающее г. Новополина. Короленко принадлежитъ «къ извѣстному лагерю», къ опредѣленной группѣ писателей, которая всегда встрѣчала тоже вполнѣ опредѣленное отношеніе со стороны реакціонной печати. «И что поразительно,—удивляется г. Новополинъ,—эта клика, облаивавшая всякій талантъ, не служившій мраку ихъ тенденцій, поносившая все, что появлялось въ противоположномъ лагерѣ, привѣтствуетъ съ восторгомъ талантъ Короленки. Этотъ поразительный въ исторіи русской литературы фактъ недостаточно объяснить однимъ недоразумѣніемъ или великодушіемъ. Реакціонная печать имѣетъ за собой многолѣтній опытъ и не щадила самыхъ крупныхъ талантовъ. Есть, вѣроятно, въ произведеніи Короленки черта, которая миритъ съ нимъ реакціонную печать, несмотря на его принадлежность къ враждебному лагерю». Таковъ «поразительный фактъ», открытый г. Новополинымъ, на которомъ онъ и строитъ свой разборъ произведеній г. Короленко. Исходная точка для критики, во всякомъ случаѣ, оригинальная. Замѣтимъ вскользь, что если исключить тонкій и вѣрный во многомъ разборъ Говорухи-Отрока произведеній Короленки, то мы не припомнимъ, чтобы этотъ авторъ удостоился вообще особаго благоволенія со

стороны реакціонной печати. Но допустимъ, что г. Новополинъ правъ. Как же выводы дѣлаетъ онъ изъ своего «поразительнаго факта»? «Если мы будемъ искать основную идею въ произведеніяхъ Короленки, если попробуемъ подвести итогъ общимъ впечатлѣніямъ, то онъ выразится... въ существованіи во всѣхъ сферахъ и закоулкахъ жизни вѣчныхъ диссонансовъ и противорѣчій, отравляющихъ человѣчеству жизнь, въ противоположность вѣчной гармоніи и вѣчной красотѣ природы...» «И не естественно ли было бы ожидать со стороны Короленки энергичнаго протеста противъ дѣйствительности, опутавшей личность тысячью тяжелыхъ цѣпей и ставшей на дорогѣ къ ея развитію? Но здѣсь мы и встрѣчаемся съ чертой, характерной для Короленки и для того настроенія, которое смѣнило періодъ боли за идеалъ и слезы о свободѣ. Тотъ душный склепъ, какимъ представляется дѣйствительность въ произведеніяхъ Короленки, вызываетъ въ немъ не чувство активной борьбы и не крикъ за идеалъ, и не споры о свободѣ, и не мрачный пессимизмъ. Для Короленки нѣтъ виноватыхъ... Отсюда тихая грусть, чувство свѣтлой жалости—господствующее настроеніе въ произведеніяхъ Короленки. Онъ не взываетъ къ борьбѣ или къ отчаянію, но заражаетъ читателя какимъ-то смутнымъ, раздумчивымъ, преисполненнымъ грусти настроеніемъ, примиряющимъ его съ печальною дѣйствительностью. Въ той же чертѣ причина того восторженнаго отношенія, съ какимъ отнеслись къ произведеніямъ Короленки гасители русской общественной жизни. ...Печальную роль въ творчествѣ Короленки сыграли критики, отмѣтившіе наиболѣе оригинальную и наиболѣе грустную черту его произведеній, какъ признакъ философской глубины мысли и какъ переходную ступень къ высшему строю нравственнаго міра».

Только человѣкъ, дѣйствительно проспавшій непробуднымъ сномъ цѣлую четверть вѣка, можетъ сдѣлать такую характеристику произведеній Короленки, сдѣлать такой выводъ, что «для общества, которое признало въ Короленкѣ особенно близкаго себѣ по духу художника, это только печальный признакъ вялости мысли и воли». Мы отказываемся понимать, какими глазами надо читать такія, напр., произведенія Корленки, какъ «Сонъ Макара», «Въ дурномъ обществѣ», «Лѣсъ шумитъ», «Слѣпой музыкантъ», «Сказаніе про царя Агриппу» и проч., и проч., чтобы придти къ выводу о примиряющемъ съ дѣйствительностью вліяніи Короленки. Правда, этотъ писатель, какъ истинный художникъ, предоставляетъ òбразамъ говорить за него, избѣгая нарочитыхъ подчеркиваній, не допуская, чтобы тенденція разсказа торчала, какъ шестъ, но вѣдь въ этомъ-то и заключается великое достоинство настоящаго художественнаго произведенія. Короленку упрекали подчасъ въ тенденціозности, понимая въ этомъ случаѣ то, что въ каждомъ его произведеніи вполнѣ ясно, на чьей сторонѣ симпатіи автора. Если это и тенденціозность, то вполнѣ законная, характеризующая манеру автора — и только. Но упрекъ въ настроеніи, «примиряющемъ съ печальной дѣйствительностью» могъ вырваться только у г. Новополина, страдающаго, какъ мы видѣли, особымъ дальтонизмомъ, скрывающимъ отъ него чуть не всѣ цвѣта жизни, вслѣдствіе чего все для него окрашивается въ сплошной черный цвѣтъ.

Произведенія такихъ писателей, какъ Короленко, нельзя уложить въ упро-

щенную схему, въ родѣ призыва отдать долгъ народу или скорбь за идеалъ и т. п., потому что они и шире, и уже такого прокрустова ложа. И критика à la г. Новополинъ негодуетъ за такую непокладливость этихъ писателей. Для г. Новополина идеальнымъ авторомъ долженъ бы быть, напр., покойный Ивановичъ-Свѣденцовъ, человѣкъ идеальной души и примитивнаго авторскаго темперамента. Вотъ у кого г. Новополинъ нашелъ бы и призывъ, и проповѣдь долга, и скорбь, и прочій антуражъ истиннаго писателя-народника во вкусѣ семидесятыхъ годовъ. Бѣдному Ивановичу-Свѣденцову пришлось работать не вò-время, и его произведенія прошли незамѣченными, ибо въ то время, когда онъ писалъ (восьмидесятые и девяностые годы), русское общество, извѣрившись въ упрощенныя формулы, вмѣстѣ съ Короленкой работало, вдумчиво и глубоко. надъ многообразными явленіями жизни, стараясь проникнуть въ ихъ сущность, которая оказалась гораздо сложнѣе, чѣмъ думали и думаютъ гг. Новополины.

Для послѣднихъ и культурничество, и проповѣдь малыхъ дѣлъ, и толстовство, и ницшеанство—все это явленія одного порядка, различныя по титуламъ, но родственныя по существу. Такъ какъ они не отвѣчаютъ настроенію семидесятыхъ годовъ, то, стало быть, всѣмъ имъ одна цѣна, — это реакціонныя настроенія, и писатели, выразившія ихъ въ своихъ произведеніяхъ, только содѣйствовали усиленію реакціи, переживаемой обществомъ и нынѣ. На первомъ планѣ — г. Чеховъ, котораго нашъ критикъ, увы! столь поздно явившійся, характеризуетъ такъ: «Чеховъ не жертва, а герой безвременія, выдвинувшаго его талантъ». «Чеховъ оригиналенъ не достоинствами своего таланта, а его изъянами, и притомъ изъянами не внѣшняго, а внутренняго характера». «Отсутствіе нравственныхъ императивовъ и пребываніе «по ту сторону добра и зла»—первый крупный изъянъ въ талантѣ г. Чехова». «Отсутствіе общей идеи»—второй изъянъ. «Этими двумя изъянами въ талантѣ г. Чехова—отсутствіемъ общей идеи и нравственныхъ императивовъ—объясняются всѣ особенности его творчества и тѣ необычайныя симпатіи, которыя вызывали его произведенія и дѣлали его общепризнаннымъ любимцемъ публики». Если за послѣдній періодъ г. Чеховъ и дѣлаетъ попытки внести идею въ свои произведенія, то крайне неудачно, о чемъ свидѣтельствуютъ «Мужики» и «Новая дача». «И въ самомъ дѣлѣ, «деревнѣ» выносится страшный приговоръ: повальное идіотство, безсмысленное звѣрство, и этотъ приговоръ выносится... половымъ, очистившимся отъ «мужицкаго» звѣрства и идіотства въ московскихъ трактирахъ. Но если выбросить изъ разсказа это рабское существо, остается нѣсколько разрозненныхъ картинъ, ничѣмъ между собой не связанныхъ, и общая идея улетучивается». «Словомъ, попытки г. Чехова стать на почву обобщенія только рѣзче оттѣняютъ всѣ особенности его таланта — созерцать отдѣльныя картины жизни во всей ихъ бытовой и психологической обстановкѣ и художественно воспроизводить ихъ. Но обобщать жизненныя явленія или «реагировать на раздраженіе, на боль отвѣчать крикомъ и слезами, на подлость—негодованіемъ, на мерзость—отвращеніемъ»—это сфера не его таланта, который выросъ въ тотъ періодъ, когда жизненныя условія изолировали общественную мысль и чувство отъ общественной жизни и выработали атмосферу

равнодушія къ дѣйствительности и безразличнаго отношенія къ добру и злу. Г. Чеховъ—одинъ изъ яркихъ типовъ, выработанныхъ этой атмосферой и въ этомъ смыслѣ онъ не жертва, а герой безвременія».

Довольно, однако и этихъ выписокъ, которыя мы привели, чтобы показать критическую манеру г. Новополина и его неумѣніе разбираться въ сложныхъ явленіяхъ литературы и жизни. Тутъ ужъ не траурныя шоры виноваты, а полная отсталость автора отъ духа времени, если онъ не понялъ значенія такого огромнаго литературнаго явленія, какъ Чеховъ. Критика добраго стараго времени дѣйствительно пріучила гг. Новополиныхъ требовать отъ художниковъ, чтобы они всякій разъ подчеркивали свое отношеніе, и писатель, предоставляющій самому читателю дѣлать выводы изъ данной имъ картины, для нихъ прямо не понятенъ. Литература представляется имъ чѣмъ-то въ родѣ дореформеннаго учителя съ указкой въ рукѣ, которою она руководитъ читателя въ прямомъ смыслѣ слова, и первый вопросъ, съ которымъ они обязательно обращаются къ писателю, «како вѣруешь?» Правдива ли данная имъ картина, это вопросъ второстепенный, и потому такой огромный писатель, какъ Чеховъ, давшій такую поразительную по пестротѣ и многообразію жизни картину, но не позаботившійся росписаться, какъ онъ самъ къ ней относится, конечно, человѣкъ безыдейный и къ добру и злу постыдно равнодушный. Что каждое художественное произведеніе, разъ оно дѣйствительно художественно, т.-е. не только правдиво, какъ жизнь, но и обобщаетъ явленіе, т.-е. вскрываетъ его скрытую для насъ сущность, есть уже само-по-себѣ добро, и тотъ, кто его творитъ, не можетъ быть человѣкомъ равнодушнымъ,—этого гг. Новополины никогда не поймутъ именно потому, что сами они глубоко равнодушны ко всему, что лежитъ за предѣлами ихъ узенькаго, какъ лезвіе ножа, пониманія жизни. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, тѣ же «Мужики» Чехова, несомнѣнно, сыграли огромную роль въ нашемъ отношеніи къ деревнѣ, роль благотворную и высоко гуманную, хотя самъ авторъ не говоритъ никакой слащавой отсебятины, чтобы разжалобить читателя. И правильно дѣлаетъ, такъ какъ читатель, на котораго нарисованная Чеховымъ картина не окажетъ сама-по-себѣ никакого дѣйствія, настолько обросъ толстой кожей, что ее и пушками не прошибешь. Типичнымъ образцомъ такого читателя и является г. Новополинъ, усмотрѣвшій въ этомъ произведеніи только «приговоръ, вынесенный деревнѣ половымъ». Поистинѣ, это критика своего рода «полового».

Съ той же точки зрѣнія оцѣниваетъ онъ и всю литературную работу Чехова, не усматривая въ ней ничего, кромѣ «области происшествій, граничащей съ анекдотомъ». И все это потому, что Чеховъ—не тенденціозный писатель, что въ его произведеніяхъ нѣтъ этикетокъ съ ясными обозначеніями нравственныхъ качествъ его героевъ и съ поясненіями автора, какъ къ нимъ слѣдуетъ относиться. Отсюда обвиненіе Чехова въ «признаніи, а не въ отрицаніи дѣйствительности», въ неспособности «разбираться въ ней», хотя Чеховъ, какъ художникъ, ничего не признаетъ и ничего не отрицаетъ. Выясняя намъ смыслъ жизни, онъ предоставляетъ намъ полную свободу самимъ дѣлать тѣ или иные выводы. Такъ, относительно тѣхъ же «Мужиковъ», на ряду съ выводомъ

г. Новополина, въ литературѣ есть и такой выводъ: «Въ картинѣ г. Чехова, какъ и въ самой народной жизни, достаточно ясными, но недостачно рѣзкими чертами, вырисовывается человѣческая личность, какъ необходимый продуктъ опредѣленнаго хода развитія формъ жизни. Въ развитіи человѣческой личности и въ признаніи ея правъ заключается главный выводъ и, если хотите, мораль произведенія Чехова. Не существенно, думалъ ли самъ авторъ объ этой морали, и намъ кажется, что онъ о ней не думалъ. Но онъ воплотилъ ее въ образахъ. Бо̀льшаго отъ художника невозможно и не слѣдуетъ требовать» («На разныя темы», стр. 131—132).

На объясненіи г. Новополина значенія Горькаго, мы не будемъ останавливаться: здѣсь собраны всѣ банальности, въ свое время сказанныя правовѣрными противниками всего новаго въ литературѣ.

Въ чемъ же, въ концѣ концовъ, усматриваетъ авторъ признаки смуты умовъ, характеризующей «безвременіе», «сумерки въ литературѣ и жизни»? Въ томъ, что появились въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій критика 70-хъ годовъ и исканіе новыхъ путей. Если дѣйствительно признать, что въ ту блаженную эпоху люди додумались до *всей* истины, тогда уклоненіе отъ этой истины есть несомнѣнная смута. Но врядъ ли и самъ г. Новополинъ, несмотря на свои шоры, мѣшающія ему видѣть что-либо, кромѣ 70-хъ годовъ, признаетъ, что тогда была дана вся истина. Если же допустить, что жизнь не останавливается и требуетъ новыхъ путей и новыхъ исканій, то и «безвременіе» представится далеко не въ такомъ темномъ свѣтѣ. Все время мы видимъ неустанную работу духа, начиная съ невѣрія и сомнѣній Гаршина, вплоть до нашихъ дней, когда эта работа особенно оживилась. Вдумчивая работа такихъ первоклассныхъ художниковъ, какъ Короленко, Чеховъ, Горькій и цѣлой плеяды молодыхъ писателей во всѣхъ отрасляхъ литературы, огромное движеніе мысли, начатое Толстымъ, заставили общество пересмотрѣть многое изъ того, что дали 60-е и 70-е года, и если эта работа еще не закончилась синтезомъ, то это вовсе не признакъ смуты или «безвременія». Вѣдь и эпоха великихъ реформъ явилась синтезомъ почти вѣковой работы мысли и воли. «Смутой» и сплошнымъ «безвременіемъ» мы бы признали конецъ истекшаго вѣка, если бы онъ не принесъ ничего новаго, а лишь въ безсиліи повторялъ зады, пережевывая «наслѣдство» и не внося въ него ничего своего. Безвременіе характеризуется безсиліемъ творчества и застоемъ мысли, а время, давшее рядъ первоклассныхъ художниковъ и отличающееся, пожалуй, чрезмѣрно быстрой смѣной настроеній и теченій мысли, едва ли можетъ быть названо цѣликомъ —періодомъ «пришибленности, мысли, воли и чувства».

Вотъ почему мрачный, кладбищенскій тонъ книги г. Новополина свидѣтельствуетъ только, что авторъ самъ безнадежно погруженъ въ «сумерки» мысли и воли, но не литература и еще меньше—жизнь. И ликующій тонъ г. Николаева намъ болѣе пріятенъ, хотя мы и не раздѣляемъ его увѣренности въ полной «побѣдѣ» почтенной «фаланги».

А. Б.

P. S. Неожиданная смерть Эмиля Зола, въ полной силѣ таланта, въ разгарѣ общественной дѣятельности, вызываетъ искреннее и глубокое сожалѣніе. Съ нимъ уходитъ какъ бы цѣлая историческая полоса французской, да, пожалуй, и общеевропейской литературы. Натурализмъ, или «золаизмъ», теперь уже пройденный «штандпунктъ» въ исторіи литературы, и самъ Зола въ послѣдніе годы своей дѣятельности далеко уклонился въ сторону отъ прежней программы «научнаго» романа, которую онъ проповѣдывалъ въ своихъ критическихъ статьяхъ и пытался проводить въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ, въ знаменитой серіи «Ругонъ-Маккаровъ», составившей основу его славы.

Въ двадцати романахъ этой серіи Зола далъ блестящую эпопею французской буржуазіи второй имперіи, изобразивъ мастерски всѣ отрицательныя стороны эпохи, начиная съ первыхъ дней имперіи («La Fortune des Rougon») и кончая «Разгромомъ» ея. Эта сторона его ругонъ-маккаровской эпопеи вписана навсегда въ исторію французской литературы и составляетъ ея справедливую гордость наряду съ романами Бальзака, описывающими эпоху Орлеановъ. Вторая сторона той же серіи—исторія наслѣдственности семьи Ругонъ-Маккаровъ, которой самъ Зола придавалъ главное значеніе,—не удалась автору, не съумѣвшему обосновать свою теорію наслѣдственности на различныхъ представителяхъ описываемаго имъ рода. И это понятно, если вспомнить, что сама по себѣ теорія наслѣдственности еще не настолько разработана, чтобы послужить канвой для художника. Увлекаясь научной стороной своей работы, Зола впадалъ въ преувеличенія и создалъ нынѣ уже не имѣющій защитниковъ и послѣдователей «экспериментальный романъ». Романистъ, по его теоріи, долженъ быть безстрастнымъ, какъ ученый изслѣдователь, строго держась фактовъ изученія природы. Личность его исчезаетъ за изображеніемъ дѣйствительности во всей ея наготѣ. Ничто не должно его отталкивать, какъ ничто не должно его привлекать; пороки и добродѣтели—равно для него лишь объекты изученія. Исходя изъ такихъ положеній, Зола далъ рядъ описаній «натуралистическихъ» въ полномъ смыслѣ слова, называя вещи ихъ именами, за что и вызвалъ противъ себя обвиненія въ цинизмѣ, порнографіи и безнравственности. Въ настоящее время едва ли кто раздѣляетъ эти обвиненія, такъ какъ художника можно скорѣе обвинить въ нарушеніи художественной цѣльности его описаній, благодаря протокольности ихъ, чѣмъ въ безнравственности; поскольку дѣйствительность бываетъ грязна, постольку это и отразилось въ его описаніяхъ. Недостатокъ Зола заключается въ томъ, что онъ слишкомъ выдвигалъ подробности, расплывался въ ихъ описаніи, теряя необходимую для художника точку зрѣнія на главное и посредственное. Благодаря ненужнымъ безчисленнымъ подробностямъ, на которыя достаточно намекнуть, ускользала отъ вниманія читателей сущность явленія. Лучше всего удавались Зола массовыя движенія, широкія общественныя картины, коллективныя учрежденія—описанія въ родѣ картинъ большихъ магазиновъ, биржи, рабочихъ массъ, войны. Психологія личности у него блѣдна, отрывочна и поверхностна, большей частью не мотивирована или же объясняется очень ужъ примитивно, подчасъ до наивности просто.

Послѣ завершенія ругонъ-маккаровской эпопеи направленіе Зола, какъ художника, рѣзко мѣняется. Онъ, отрицавшій прежде всякую попытку художника вмѣшаться въ наблюдаемую жизнь, становится проповѣдникомъ и, наконецъ, политическимъ агитаторомъ, со всѣмъ пыломъ страсти вмѣшавшимся въ дѣло Дрейфуса и въ борьбу за интеллектуальный подъемъ своей родины.

Сначала въ трилогіи «Лурдъ», «Римъ», «Парижъ», затѣмъ въ послѣдней предпринятой имъ недавно—«Плодовитость», «Трудъ», «Истина»—Зола задался цѣлью показать сомнѣнія и колебанія, охватившія лучшую часть французской интеллигенціи, ея исканія Бога и отвѣта на жгучіе соціальные запросы дня. Въ художественномъ отношеніи обѣ трилогіи значительно уступаютъ лучшимъ произведеніямъ перваго періода его дѣятельности, но онѣ значительны и полны глубокаго общественнаго интереса, какъ попытки дать освѣщеніе и посильное рѣшеніе многихъ сторонъ современной общественной жизни.

Невольное уваженіе охватываетъ васъ при видѣ огромной работы, выполненной Зола на протяженіи его сорокалѣтней дѣятельности, при видѣ его неустанной, кипучей мысли, предъ этимъ упорнымъ трудомъ, «не покладаючи рукъ». Франція въ правѣ гордиться имъ, какъ однимъ изъ доблестнѣйшихъ своихъ борцовъ, не знавшихъ сдѣлокъ съ совѣстью, искренно и пытливо добивавшихся правды, безстрашно ставя на карту свое имя и личныя выгоды, когда этого требуетъ долгъ, какъ было въ дѣлѣ Дрейфуса.

Личность Зола и его работа слишкомъ велики, что бы мы могли ограничиться нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями, и въ ближайшихъ книгахъ нашего журнала мы постараемся дать читателямъ болѣе или менѣе обстоятельный очеркъ его жизни и литературнаго значенія.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

У Л. Н. Толстого. 28-го августа Льву Николаевичу исполнилось 74 года. Въ этотъ день въ Ясную Поляну, кромѣ членовъ семьи, съѣхались и нѣкоторые друзья великаго писателя. Несмотря на утомленіе, которое всегда испытываетъ Левъ Николаевичъ, послѣ всего, что носитъ праздничный характеръ, онъ на другой же день принялся за работу.

«Окончанія этихъ рабочихъ часовъ, которые тянутся обыкновенно до 3-хъ часовъ, я,—разсказываетъ сотрудникъ «Нов. Дня»,—и дожидался въ библіотекѣ. Но вотъ въ передней послышались голоса, и въ комнату быстрыми и легкими шагами вошелъ старикъ въ темно-сѣрой блузѣ, подпоясанной ремнемъ, въ высокихъ сапогахъ, съ яснымъ, привѣтливымъ лицомъ. Это и былъ Толстой. Послѣ первыхъ привѣтствій, когда онъ сѣлъ противъ меня, лицомъ къ свѣту, я сталъ жадно вглядываться въ это удивительное лицо. На этомъ лицѣ, несмотря на замѣтное утомленіе, лежалъ отпечатокъ удивительной озаренности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно было такъ просто и такъ привѣтливо.

На видъ Толстой теперь свѣжѣе и бодрѣе, чѣмъ до болѣзни. Поражаютъ его глаза. Насколько могу припомнить, всѣ, описывающіе наружность Толстого, говорятъ о его проницательныхъ сѣрыхъ глазахъ. Между тѣмъ, у него глаза такого ярко-голубого цвѣта, какой бываетъ лишь у дѣтей. Волосы на сильно облысѣвшей головѣ еще не совсѣмъ посѣдѣли, бѣла только борода да на подбородкѣ сѣдина приняла старческій желтоватый оттѣнокъ.

Но рѣчь его льется свободно и живо, движенія быстры и легки, и отъ всей его удивительно привѣтливой манеры вѣетъ обаяніемъ поразительной умственной и нравственной бодрости и свѣжести.

Меня очень занимала новая работа Льва Николаевича. Я слышалъ уже, что онъ ею страстно увлеченъ, что онъ въ ней возвращается къ своей старой манерѣ и опять безконечное число разъ переписываетъ и передѣлываетъ каждую страничку.

— Да это все глупости, побасенки,—сказалъ Левъ Николаевичъ, когда я заговорилъ объ этомъ.—Просто, хочу отдохнуть, побаловаться послѣ болѣзни. Притомъ я недавно окончилъ большую и трудную серьезную работу. Ну, я

для отдыха и затѣялъ это баловство. Пишу такъ, для собственнаго удовольствія, и ни за что печатать не буду.

На выраженное мною удивленіе по этому поводу Левъ Николаевичъ пояснилъ:

— Потому что все это глупости, побасенки. Даже совѣстно, доживъ до 74-хъ лѣтъ, начать выдумывать и описывать ощущеніе какой-то дамы, которой никогда не было, и разговоръ съ ней господина, котораго также никогда не было—ни разговора, ни господина. Я, помню, объ этомъ какъ-то покойному Лѣскову говорилъ. Во всякомъ случаѣ я при жизни ни за что этого не напечатаю. Послѣ моей смерти пусть дѣлаютъ, что хотятъ. А главное, отъ этихъ глупостей и вредъ бываетъ. Вотъ въ семьѣ N,—и Левъ Николаевичъ назвалъ свою знакомую семью,—барышни-подростки прочли «Войну и миръ» и стали бредить балами и выѣздами.

— Я теперь, послѣ болѣзни, особенно ясно сознаю, въ чемъ единственный и главный смыслъ жизни. И это надо бы прямо высказывать, а не сочинять побасенки. Смыслъ жизни—въ любви. Живи для другихъ,—и все остальное приложится.

И Левъ Николаевичъ увлекся своей любимой темой, обнаруживая тонкое знакомство съ разнообразными теченіями современной мысли.

Не желая утомлять Льва Николаевича спорами и возраженіями, я заговорилъ о 50-лѣтіи со времени напечатанія «Дѣтства» и начала литературной дѣятельности Льва Николаевича.

— Да, пятьдесятъ лѣтъ!—проговорилъ Левъ Николаевичъ, какъ мнѣ показалось—не безъ грустной ноты въ головѣ.—Васъ еще тогда и на свѣтѣ не было.

— А вы не помните, Левъ Николаевичъ, какого числа вышла въ 1852 году сентябрьская книжка «Современника»?

— Не помню и объ юбилеѣ думать не хочу. Ничего болѣе несноснаго и тягостнаго не могу себѣ представить. Сначала я боялся, что вздумаютъ что-нибудь затѣвать, хотѣлъ даже чрезъ газеты обратиться съ просьбой ничего не устраивать. А теперь я успокоился. Кажется, все тихо. Тѣмъ болѣе, что даже день неизвѣстенъ. Тамъ жена и дѣти этимъ интересовались, хотѣли узнать, а я не интересуюсь.

Позже я изъ разговора съ графиней Софьей Андреевной узналъ, что они считаютъ днемъ пятидесятилѣтія не 31-е августа, какъ было сообщено въ газетахъ, а 6-е сентября, такъ какъ существуетъ письмо Некрасова, помѣченное 5-мъ сентября 1852 года, въ которомъ Некрасовъ сообщаетъ, что «завтра» выйдетъ сентябрьская книжка «Современника».

— У насъ,—сказала Софья Андреевна,—этой книжки «Современника» не оказывается, и мнѣ ее найти не удалось.

Но это я узналъ уже послѣ, у площадки для лаунъ-тенниса, гдѣ собралась вся семья, кто—въ качествѣ участника въ игрѣ, кто—въ качествѣ зрителя.

Съ Львомъ Николаевичемъ же бесѣда продолжалась, задѣвая попутно самыя разнообразныя темы...

Когда Левъ Николаевичъ вышелъ на крыльцо, чтобы совершить свою предъобѣденную прогулку, на немъ оказалась удивительно некрасивая, вязанная изъ желтой шерсти, накидка, что-то въ родѣ дамской кофты.

Льва Николаевича сопровождала графиня Софья Андреевна, съ корзинкой въ рукахъ.

Противъ крыльца подъ знаменитымъ «деревомъ бѣдныхъ» стояла высокая пожилая крестьянка и при видѣ графа и графини бросилась на колѣна.

Льва Николаевича передернуло, нижняя челюсть задрожала, точно онъ что-то усиленно прожевывалъ, сѣдая борода нервно тряслась.

— Встаньте, встаньте скорѣе,—заговорилъ онъ.—Что нужно?

Крестьянка стала разсказывать, что она погорѣла и чуть не сгорѣла вмѣстѣ со своимъ пріемышемъ.

Слова о пріемышѣ очень заинтересовали Льва Николаевича, и онъ сталъ разспрашивать крестьянку дѣловымъ и серьезнымъ тономъ.

Оказалось, по ея словамъ, что погорѣли еще подъ Ильинъ день, и погорѣла не она одна, а сгорѣло шесть избъ, между которыми были и кирпичныя.

— Какъ же подъ Ильинъ день погорѣла и только теперь пришла сказать?—удивился Левъ Николаевичъ.

— Послѣ пожара больна была, встать не могла,—пояснила баба.

— Надо разузнать про всѣхъ,—сказалъ Левъ Николаевичъ.—Шестеро погорѣли, а одна заявляетъ,—и онъ тутъ же распорядился, чтобы все подробно разузнали. Покончивъ съ бабой, Левъ Николаевичъ отправился къ площадкѣ для лаунъ-тенниса и съ живымъ интересомъ сталъ слѣдить за игрой. У зеленой скамьи сидѣла часть молодежи, не участвовавшая въ игрѣ. Сюда же подошла и графиня Софья Андреевна.

Зашла рѣчь о портретахъ Льва Николаевича.

— Не могу понять, какимъ образомъ въ эстампныхъ магазинахъ продаются снимки съ моихъ собственныхъ негативовъ?—возмущалась Софья Андреевна.—Вотъ пріѣдетъ Горькій, онъ тоже жаловался. Онъ сказалъ, что мнѣ укажетъ присяжнаго повѣреннаго, который возьмется за это дѣло и выяснитъ его.

Кстати, о портретахъ.

Ни одинъ изъ нихъ, конечно, не передаетъ той мягкости и одухотворенности которыми дышетъ столь невыразимо прекрасное некрасивое лицо Льва Николаевича.

На прощанье, видя живой спортивный интересъ, съ которымъ Левъ Николаевичъ слѣдилъ за своей любимой игрой, я спросилъ:

— А вы сами не играете?

И вовсе не казалось бы страннымъ, если бы этотъ старикъ, которому пошелъ 75-й годъ, сталъ подкидывать мячъ ловкимъ и сильнымъ движеніемъ.

— Нѣтъ, уже ноги не тѣ,—отвѣтилъ Левъ Николаевичъ.—Только одно баловство и осталось—побасеньки писать.

— Побольше бы такого баловства вашего, Левъ Николаевичъ.

— Все равно, печатать не буду...

«На днѣ». Въ Москвѣ, въ помѣщеніи Общества любителей искусства и литературы состоялся 6 го сентября, по словамъ московскихъ газетъ, интересный литературный вечеръ. М. Горькій, прибывшій на короткое время въ Москву изъ Н.-Новгорода, читалъ свою новую пьесу «На днѣ». Дѣйствіе пьесы происходитъ въ ночлежномъ домѣ нѣкоего Костылева. Изъ ряда характерныхъ діалоговъ мы знакомимся съ обитателями этой ночлежки. Здѣсь живетъ пропившійся актеръ, не утратившій представленія о прежней жизни, но погрязшій на днѣ разврата и пьянства. Слабая надежда бросить сгубившее его вино не оставила этого человѣка. Онъ все мечтаетъ попасть въ лечебницу для алкоголиковъ и вернуться на прежнюю дорогу. Другой обитатель ночлежки—нѣкій Сатинъ. Прошлое его неизвѣстно. Онъ самъ не говоритъ о немъ. Не говоритъ и о причинахъ пятилѣтняго пребыванія въ тюрьмѣ. Его протестъ противъ дѣйствительности выражается въ отвращеніи къ «обыкновеннымъ словамъ». Среди гробового молчанія онъ вдругъ выкрикнетъ «трансцедентный», не давая никакихъ дальнѣйшихъ объясненій и лишь объявляя слушателямъ, что существуетъ и другое хорошее слово—«фатаморгана». Здѣсь же живетъ воръ-профессіоналъ Васька Пепелъ, который находится въ связи съ хозяйкой ночлежнаго дома. Связью этой онъ тяготится и открыто заявляетъ о томъ своей возлюбленной. Та тоже не прочь порвать съ нимъ и даже готова женить его на своей сестрѣ, если онъ согласится избавить ее отъ мужа. Но Васька на эти условія не идетъ. «Ты,—говоритъ онъ,—хочешь отдѣлаться отъ мужа, а любовника на каторгу сослать! Нѣтъ матушка, шалишь». Но въ дальнѣйшемъ ходѣ драмы какъ-то случается такъ, что въ дракѣ, завязавшейся по самому пустому поводу, Васька-Пепелъ ударяетъ хозяина ночлежки «въ високъ» и тотъ умираетъ.

Изъ остальныхъ обитателей ночлежки слѣдуетъ назвать слесаря Клеща съ женой. Жена—несчастное, забитое существо, медленно умирающее въ теченіе двухъ первыхъ актовъ пьесы. Затѣмъ выведенъ еще цѣлый рядъ типичныхъ представителей «бывшихъ людей», разсказывать о характерныхъ особенностяхъ которыхъ было бы слишкомъ долго.

Надъ всѣмъ этимъ своеобразнымъ міромъ царитъ городовой Медвѣдевъ, къ которому всѣ относятся со страхомъ и уваженіемъ, называя его «дядей». Онъ вноситъ въ это общество извѣстный, хотя и несложный порядокъ, о которомъ одинъ изъ обитателей ночлежки отзывается: «Здѣсь для порядка въ морду бьютъ». Среди этихъ людей совершенно неожидано появляется странникъ Лука. Его никто не знаетъ. Городовой Медвѣдевъ удивлено спрашиваетъ его: кто онъ и почему онъ, Медвѣдевъ, его не знаетъ?

— А развѣ вы всѣхъ людей на свѣтѣ знаете?—лукаво спрашиваетъ странникъ.

— Въ своемъ участкѣ всѣхъ въ лицо долженъ знать,—отвѣчаетъ блюститель порядка.

Странникъ Лука вноситъ въ среду ночлежниковъ новыя мысли и желанія. Въ формѣ сказокъ и прибаутокъ развиваетъ онъ свои идеи. Въ каждомъ изъ «опустившихся на дно» странникъ пробуждаетъ душу живую. Онъ доказы-

ваетъ, что за стѣнами ночлежки—иной міръ, и какое-то неясное и неопредѣленное броженіе подымается въ этомъ прогнившемъ болотѣ.

Для умирающей жены слесаря онъ находитъ слово утѣшенія, уговариваетъ ее съ радостью уйти изъ этого міра, который не далъ ей ничего, кромѣ униженій и болѣзней. Въ третьемъ актѣ проповѣдь странника достигаетъ апогея, а вмѣстѣ съ тѣмъ разыгрывается и драма, во время которой Васька Пепелъ случайно убиваетъ хозяина ночлежки. Является полиція, а странникъ исчезаетъ такъ же таинственно, какъ и появился.

Послѣдній актъ рисуетъ ту же ночлежку, уже затихшею послѣ пережитыхъ броженій. Хозяйка вышла замужъ за городового Медвѣдева, который сразу утратилъ весь свой былой престижъ въ глазахъ обитателей ночлежнаго дома. Даже для своего племянника онъ обращается изъ дядей въ «теткинаго мужа». Пьяная безпросвѣтная жизнь тянетъ «на дно» расходившихся было обитателей ночлежки и актеръ-алкоголикъ не видитъ уже надежды на лучшее будущее. Безстрастенъ и нравственно чистъ въ этой пестрой толпѣ одинъ только татаринъ. Онъ, какъ всегда, въ урочный часъ совершаетъ свои молитвы и убѣжденно протестуетъ противъ шума и крика. Актеръ, какъ къ послѣднему прибѣжищу, обращается къ нему, прося его помолиться.

— А что же ты не молишься, каждый самъ за себя долженъ молиться,— отвѣчаетъ татаринъ.

Изъ рукъ утопающаго выскальзываетъ послѣдняя соломенка. Выпивъ стаканъ водки, актеръ уходитъ и вѣшается. Оставшіеся «на днѣ» не пытаются уже подняться, не обнаруживаютъ никакихъ стремленій. Безжалостныя волны житейскаго моря захлестнули тѣхъ, кого подняли было рѣчи странника Луки, и «на днѣ» снова тишина и муть.

Голосъ подписчиковъ. Въ февралѣ этого года редакція «Самарской Газеты» разослала своимъ подписчикамъ вопросные листки, съ цѣлью выяснить отношеніе читателей къ газетѣ и, сообразно съ этимъ, намѣтить и произвести въ ней возможныя улучшенія. 20-го марта эта интересная анкета была закончена, и итоги ея, подведенные Д. Д. Протопоповымъ, опубликованы недавно въ трехъ фельетонахъ газеты.

Всѣхъ отвѣтовъ получено (до 20-го марта) 404, причемъ въ этотъ счетъ не вошло 14 отвѣтовъ, имѣющихъ характеръ пошлыхъ выходокъ.

На поставленный въ опросномъ листѣ вопросъ, доволенъ ли подписчикъ газетой, большинство (77 процентовъ) отвѣтило утвердительно. Однако, отчетъ отмѣчаетъ при этомъ очень частыя «но», выражающія пожеланія отвѣчающихъ и ихъ требованія къ «Самарск. Газетѣ». Желанія сводятся, во-первыхъ—къ увеличенію отдѣла мѣстныхъ корреспонденцій (напр., 14 отвѣтовъ изъ 41 иногороднихъ землевладѣльцевъ), затѣмъ отдѣла вѣстей изъ столицъ, изъ-за границы и отдѣла мѣстной хроники. Рѣже требуютъ: руководящихъ передовыхъ, злободневныхъ фельетоновъ, введенія отдѣла библіографіи, обозрѣній научныхъ, литературныхъ и иностранной жизни.

Здѣсь царитъ, конечно, полное разнообразіе: лица, получающія или читаю-

щія столичныя газеты, хотятъ видѣть въ «Самарской Газетѣ органъ лишь мѣстный; лица, не выписывающія другихъ газетъ, требуютъ отъ мѣстной газеты полной универсальности, едва ли достижимой; это обстоятельство и нѣкоторая рознь интересовъ горожанъ и иногородныхъ наводитъ на мысль о томъ, что приближается то время, когда Самарская губернія настоятельно будетъ требовать для себя нѣсколькихъ органовъ: и общегубернской газеты, и городского листка, и дешеваго популярнаго журнала, и сельскохозяйственнаго журнала. Жизнь дифференцируется на нашихъ глазахъ; однородное постоянно распадается на разнородное, начинающее жить по своему.

Желаніе увеличить отдѣлъ корреспенденцій выражается у одного довольно извѣстнаго землевладѣльца, у одного духовнаго лица и у одного иногородняго служащаго въ торговомъ складѣ въ совѣтахъ посылать на мѣста особыхъ корреспондентовъ, которые объѣзжали бы уѣзды.

«Нужно,—пишетъ служащій,—чтобы редакція время отъ времени посылала вполнѣ толковыхъ людей на фабрики, заводы, промыслы и пр., гдѣ (путемъ легальнымъ, конечно) и справляться о трудѣ рабочихъ, уплатѣ за этотъ трудъ, о содержаніи рабочихъ, а также о санитарномъ положеніи, и врачебной помощи».

Личнаго сближенія съ тѣмъ классомъ, къ которому отвѣчающій самъ принадлежитъ, желаетъ самарскій хлѣботорговецъ: «Мой совѣтъ: побольше вращаться въ торговомъ обществѣ, нашъ торговый людъ, люди энергичныя, сведующіе... по каждой отрасли въ торговомъ дѣлѣ. Къ стати и вы узнали бы ихъ поближе, и невѣрно изменили бы свой вглятъ на торговцевъ...» (Нѣкоторымъ диссонансомъ звучитъ послѣ этого неожиданный заключительный аккордъ: «если бы я былъ не малограмотенъ, я много могъ бы добавлять разной ерунды въ вашей газете»).

«Освѣщеніе мѣстной жизни,—пишетъ одинъ бывшій земецъ, а теперь чиновникъ:—въ возможной широтѣ должно стоять въ газетѣ на первомъ планѣ. Зла въ нѣдрахъ обслуживаемаго газетой района такъ много, что всѣми силами надо стараться увеличить число дѣльныхъ сотрудниковъ корреспондентовъ, не брезгуя никакими слоями общества». Другой чиновникъ желалъ бы большаго освѣщенія, путемъ корреспонденцій, жизни деревни, не только жизни экономической, «а всей, какъ она есть, со всѣми ея нуждами. «Считаю нужнымъ—пишетъ сельскій учитель,—отводить больше мѣста мѣстной хроникѣ и корреспонденціямъ. Столичныя и заграничныя вѣсти я читаю въ другихъ газетахъ».

Почти то же слышимъ мы отъ чиновника, живущаго въ уѣздномъ городѣ. «Желательно больше корреспонденцій: онѣ пробуждаютъ большой интересъ къ газетѣ; онѣ вызываютъ чуткое вниманіе къ ихъ смыслу, а фельетонъ и вообще вѣсти не мѣстныя, если онѣ не отличаются особой сенсаціоностью, читаются поверхностно или вовсе не читаются... Это не свой голосъ, а голосъ публики, давно мной наблюдаемой».

Противъ фельетона возстаетъ и одинъ степной крестьянинъ, сельскій адвокатъ; «фельетоны газеты читаются только на темы злободневныя вообще...

никто здѣсь не читаетъ фельетоновъ: заводятся понемногу книги. Корреспонденціи же читаются съ большимъ интересомъ...»

Довольный газетой самарскій ремесленникъ скорбитъ, однако, о томъ, что редакція не удѣляетъ достаточно мѣста положенію ремесленниковъ, «что они слишкомъ тяжелый несутъ трудъ, работая самое меньшее по 12 часовъ въ сутки и получая гроши; пишутъ о всѣхъ, что тяжело—чиновникамъ, приказчикамъ, учителямъ, но ремесленникъ какъ бы и не существуетъ». Сапожникъ находитъ полезнымъ давать картины «быта и условій труда», такія, которыя «были бы полны живого интереса для рабочихъ и ремесленниковъ».

Зато другой рабочій очень доволенъ помѣщеніемъ корреспонденціи объ ушковской каменоломнѣ. Желѣзнодорожный рабочій проситъ больше обличеній желѣзнодорожныхъ порядковъ, а одинъ столяръ изъ глубины души молитъ: «Нельзя ли поменьше нащотъ Гоголя?» Въ этомъ отношеніи корреспондентъ вполнѣ сходится съ другими, желающими болѣе мѣстнаго, злободневнаго, близкаго къ жизни направленія.

Vis major не существуетъ для одного землевладѣльца, который обращается съ такимъ упрекомъ: «Забытъ институтъ земскихъ начальниковъ, а много есть интереснаго въ дѣятельности многихъ изъ нихъ». Другой недоволенъ молчаніемъ газеты объ общественныхъ работахъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Зато многіе другіе отвѣчающіе заявляютъ, что они понимаютъ наличность независящихъ обстоятельствъ, на которыя падаетъ отвѣтственность за неполноту газеты. «Я знаю, что вы во многомъ неповинны,—пишетъ одинъ завѣдующій столярной мастерской, заканчивающій словами:—Работайте тихо, скромно, честно, а главнымъ образомъ научайте людей «быть людьми», прививайте къ нимъ все хорошее, клеймите все плохое, насколько это для васъ доступно, и мы, ваши читатели, скажемъ вамъ большое спасибо». Самарскій конторщикъ благодаренъ газетѣ за то, «что удѣляете статьи по сектантству, но желательно слышать болѣе о вѣротерпимости». Сельскій адвокатъ признаетъ, что «газетой нельзя быть довольнымъ по той причинѣ, что ей мало, что позволяется говорить».

Что касается лицъ, выразившихъ недовольство газетой, то однимъ изъ самыхъ распространенныхъ пунктовъ обвиненія является обиліе объявленій, вытѣсняющихъ текстъ—грѣхъ, въ которомъ, дѣйствительно, «Самарская Газета» повинна. Затѣмъ идутъ жалобы на бесодержательность телеграммъ.

Корреспондентъ № 11, какъ и раньше упоминавшійся корреспондентъ, желалъ бы сближенія редакціи «съ торговымъ людомъ, какъ преобладающимъ элементомъ населенія». Плодомъ такого сближенія была бы, по его мнѣнію, перемѣна во взглядахъ редакціи на купечество, такъ какъ «кругозоръ торговца, его опытность, разносторонность знаній и практичность далеко превосходятъ таковыя же чиновника и др. профессоровъ». Кстати, столь высокое самомнѣніе самарскаго Маякина уживается съ весьма фантастической орфографіей.

Самарскій учитель признаетъ, что́ «вообще современной газетой, всякой и провинціальной, и столичной, едва ли можно быть довольнымъ». Главнѣйшимъ ихъ недостаткомъ это лицо считаетъ «отсутствіе направленія».

То же самое заявляетъ и служащій на желѣзной дорогѣ: «Газета носитъ крайне неопредѣленный характеръ. Поправить дѣло возможно не растяженіемъ того или другого необходимаго отдѣла, а приданіемъ наибольшей гармоніи всему, что пишется въ газетѣ... Я далекъ отъ обвиненія газеты въ идейномъ сознательномъ хамелеонствѣ, но впечатлѣніе хамелеонства получается отъ идейной неопредѣленности».

Поводомъ къ недовольству у другого отвѣчающаго является отсутствіе въ газетѣ разработки «вопросовъ юридической и гражданской безпомощности коренного русскаго населенія—крестьянъ». Уѣздный адвокатъ говоритъ почти о томъ же: онъ недоволенъ недостаточнымъ освѣщеніемъ нуждъ деревни.

По мнѣнію лица, опредѣляющаго свою профессію словами «ученые труды, литература даютъ мнѣ средства къ жизни» — газета «слишкомъ ужъ либеральнаго направленія». А одинъ землевладѣлецъ заявляетъ: «крайне и крайне недоволенъ: газета слишкомъ консервативна».

Систематизируя отвѣты подписчиковъ «Самарск. Газеты» на предложенный имъ вопросъ, выписываютъ ли они другія періодическія изданія, г. Протопоповъ дѣлаетъ одно довольно любопытное сопоставленіе. Онъ беретъ двѣ болѣе численныя группы подписчиковъ-землевладѣльцевъ (45 чел.) и представителей торг.-промышлен. класса гор. Самары (ихъ—безъ служащихъ—61 чел.) и подсчитываетъ, сколько и какіе газеты и журналы выписываются этими 2 группами.

Не выписывающихъ никакихъ газетъ, кромѣ «Самарской», имѣется:

Среди землевладѣльцевъ 3

Среди самарскаго купечества 10

Но отношеніе землевладѣльцевъ къ купцамъ есть почти $^{3}/_{4}$ и потому не получающихъ иныхъ газетъ самарскихъ купцовъ больше въ 4 раза, чѣмъ не получающихъ землевладѣльцевъ.

Если перейдемъ къ періодическимъ изданіямъ, выписываемыхъ двумя упомянутыми группами, то видимъ, что первая группа выписываетъ 128 изданій общаго характера, а вторая 119.

Кромѣ того, первая группа выписываетъ спеціальныхъ органовъ 57, вторая—2.

Провинціальныя изданія выписываются:

Первая группа—6, вторая—6.

А всего выписываетъ первая *191* изданіе, вторая—*127* изданій.

Принимая же во вниманіе сравнительную численность обѣихъ группъ—45 и 61, приходимъ къ тому выводу, что землевладѣльцы и управляющіе выписываютъ період. изданій въ 1,8 раза (т.-е. почти вдвое) больше, чѣмъ самарскіе купцы и промышленники.

Словомъ, на 1 лицо первой группы приходится 4 экз., а на 1 лицо второй—2,09.

При этомъ первая группа отличается большимъ разнообразіемъ выписываемыхъ изданій, а также выпиской спеціальныхъ органовъ (56 противъ 2).

Это послѣднее различіе характерно, подтверждая лишній разъ, что интересы

техники и производства еще далеки большинства нашихъ представителей торговли и промышленности, занимающихся торговлей и кредитными операціями. Даже «Торгово-Промышл. Газету» отвѣчавшіе самарскіе комерсанты выписываютъ всего въ числѣ 2 экз., тогда какъ землевладѣльцы и управляющіе ее получаютъ въ 5 экз.

Возьмемъ теперь тѣ же данныя, но въ иной комбинаціи: мы выясняли, *какія* період. изданія (кромѣ «Самарской Газеты») получаютъ землевладѣльцы и управляющіе и представители торг.-промышл. класса; теперь вычислимъ, *сколько* такихъ изданій получаетъ каждый представитель обѣихъ группъ и затѣмъ сдѣлаемъ сопоставленія внутри каждой группы.

Въ результатѣ получаются въ предѣлахъ каждой группы, слѣдующіе выводы:

Землевладѣльцы и управляющіе:

Не получающ. ни одного изданія около	7%
Получающихъ 1 изд.	10%
Получающихъ болѣе 3 изд.	58%
» болѣе 10 изд.	12%

Представители торг.-промыш. класса.

Не получающ. ни одного изданія около . . .	17%
Получающихъ 1 изд..	36%
Получающихъ болѣе 3 изд.	12%
» болѣе 10 изд.	0%

Итакъ, городской торгово-промышлен. классъ гораздо скупѣе подписывается на період. изданія, чѣмъ землевладѣльцы и управляющіе. Гораздо большій ихъ % вовсе воздерживается отъ подписки; среди купцовъ почти вчетверо больше тѣхъ, кто получаетъ лишь одно изданіе; почти впятеро меньше лицъ, получающихъ болѣе 3 изданій; болѣе 10 изданій среди представителей второй группы не получаетъ никто. Довольно характерные показатели культурной обстановки нашей «буржуазіи»!

Безъ званія. «Человѣкомъ безъ званія» оказался, по словамъ «Восточнаго Обозрѣнія», одинъ изъ сельскихъ учителей. Прослужилъ онъ въ школѣ, ни много, ни мало, двѣнадцать лѣтъ, и захотѣлось ему съѣздить за границу, во Францію, уму-разуму поучиться... Подалъ, какъ водится, въ отставку, получилъ нужные документы и, не теряя времени, явился куда слѣдуетъ, за полученіемъ заграничнаго паспорта... Противъ выдачи паспорта препятствій никакихъ не имѣлось. Все шло хорошо, но графа о званіи неожиданно явилась камнемъ преткновенія...

Между лицомъ, выдающимъ паспортъ, и лицомъ, его получающимъ, завязывается слѣдующій діалогъ:

— Ваше званіе?

— Бывшій учитель...

— Такого званія не существуетъ!

— Я—изъ крестьянъ.

— Но вы исключены изъ крестьянскаго сословія при поступленія на службу, т.-е. уже 12 лѣтъ назадъ?

— Прослуживъ столько лѣтъ, я имѣю право на полученіе перваго чина...

— Да, но вы его не получили... Какое же ваше званіе?

— Гм... гм... Не знаю...

— И я тоже не знаю. Обратитесь къ своему бывшему начальству и достаньте удостовѣреніе о вашемъ званіи. Безъ этого я выдать вамъ заграничнаго паспорта не могу.

«Человѣкъ безъ званія» летитъ стрѣлою къ своему бывшему начальству и разсказываетъ о своемъ горѣ. Начальникъ въ большомъ недоумѣніи.

— Да... Въ самомъ дѣлѣ, какое же теперь у васъ званіе? Имѣете право на чинъ коллежскаго регистратора, но вы—не коллежскій регистраторъ.. За выслугою 12-ти лѣтъ учителемъ могли быть пожалованы званіемъ почетнаго гражданина, но вы—не почетный гражданинъ...

Въ крестьянскомъ сословіи не состоите уже 12 лѣтъ... Что же вы теперь изъ себя представляете?..

«Человѣкъ безъ званія» выходитъ отъ начальника совсѣмъ уничтоженнымъ...

— Придется, пожалуй, вмѣсто Парижа-то плестись ни съ чѣмъ во-свояси, если въ какое-нибудь званіе не произведутъ,—высказывалъ онъ свои опасенія при встрѣчѣ со мною въ тотъ же день.—Вотъ, братецъ, положеніе-то хуже губернаторскаго, какъ говорится. А главное—нервы взвинчены до послѣдней степени. Столько хлопотъ, томительныхъ ожиданій и вдругъ—неудача, да еще изъ-за чего? Изъ-за какой-то формалистики...

Черезъ день я снова встрѣтилъ его, и по сіяющей физіономіи сразу заключилъ, что заграничнаго паспорта онъ все-таки добился...

— Ну, а какое званіе?—спрашиваю съ живѣйшимъ любопытсвомъ.

— Пейзанъ,—иронически отвѣчаетъ онъ, разводя руками:—снова въ податномъ сословіи обрѣтаюсь.

— Какъ? А двѣнадцать лѣтъ службы?

— Похерили. Ну, да Богъ съ ними. Спасибо, что хотя паспортъ-то выходилъ.

Не свое дѣло. Сотрудникъ «Пермскаго Края» г. Саватѣевъ, вспомнивъ о нашумѣвшей въ свое время и много обѣщавшей поѣздкѣ по Уралу коммиссіи проф. Менделѣева, противопоставляетъ ей нынѣшнюю поѣздку по Уралу же другой коммиссіи, состоящей изъ начальника горнаго департамента Іоссы и другихъ особъ горнаго вѣдомства. Ея дѣйствія не носятъ такого безмятежно-теоретическаго характера, какъ дѣйствія той коммиссіи. Тамъ, гдѣ проѣдетъ она, закупориваютъ доменныя печи и сокращаютъ производство. На каждомъ заво́дѣ между членами ея происходятъ долгія совѣщанія чисто-практическаго характера,

а результатомъ этихъ совѣщаній съ наибольшимъ страхомъ ждутъ возчики руды и углежоги, тѣ, которымъ сокращеніе работъ грозитъ голодовкой. Чугунъ, стоющій въ продажѣ 40 коп. пудъ, *на мѣстѣ* стоитъ 45—50 коп., и его не только не везутъ въ Англію, какъ предсказывалъ проф. Менделѣевъ, но даже не берутъ въ Нижнемъ. Перепроизводство!.. И коммиссія принимаетъ мѣры противъ паденія цѣнъ тѣмъ, что временно сокращаетъ производство и сулитъ впереди какія-то обязательныя реформы.

Г. Саватѣевъ присматривался къ нѣкоторымъ частнымъ заводскимъ предпріятіямъ и въ нихъ его поражала крайняя простота производства и приспособленность къ мельчайшимъ мѣстнымъ условіямъ. Люди работали, ни мало не жалуясь на убытки; даже нынѣшній «чугунный кризисъ» не коснулся ихъ. А между тѣмъ, казенные заводы, при лучшихъ, казалось бы, условіяхъ, должны прекращать работу. Когда авторъ выразилъ свое крайнее изумленіе этому, ему отвѣчали: «Ну, да вѣдь тамъ—инженеры! Они сегодня тамъ, а завтра—ихъ и перевели на высшій окладъ. А мы всѣ одному дѣлу работаемъ».

Эти простыя слова заставляютъ сильно и много думать. Въ самомъ дѣлѣ не отъ того ли мы такъ бѣдны людьми, что у насъ люди въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ своего дѣла. Имѣть окладъ и даже, стараясь его сохранить, расширять свою дѣятельность—это вовсе не значитъ сростись со своимъ дѣломъ и безраздѣльно ему отдаться. Вотъ во времена обязательнаго крѣпостного труда, какъ ни грустно подобное сопоставленіе, были люди, которые какъ будто жили одною жизнью съ заводомъ и составляли часть его организма. Всякая заминка въ производствѣ, равно какъ и всякая отщепина въ прокатномъ желѣзѣ причиняла имъ боль. И главный управляющій, и простой катальщикъ сроднялись со своимъ заводомъ. Да достаточно вспомнить кипучую дѣятельность первыхъ Демидовыхъ! А нынче? Не угодно ли послушать, что говорятъ въ Тагилѣ:

«... Антиресы-то, значитъ, у Павла Иринарховича измѣнились, вотъ онъ сказалъ въ Петербургѣ: тагильскіе рельсы, говоритъ, совсѣмъ не годны. Желѣзо, слышь тагильское—нехорошо! Вотъ заказъ для его дороги и свалили весь на южные заводы. А у насъ нынче, въ верхней Салдѣ, выстроили, какъ нарочно рельсо-прокатный заводъ; при емъ еще начали, три меліонта, слышно, всталъ. Бо-ольшую механику онъ Тагилу подвелъ».

Затѣмъ авторъ вспоминаетъ еще одинъ характерный фактъ. Въ 1899 или 1900 году управитель Горы-Благодати г-нъ А—нъ распорядился, чтобы какъ съ поденьщиковъ, такъ и съ работающихъ сдѣльно дѣлались процентныя отчисленія въ пользу проектируемой горно-ремесленной школы. «Башкиришки», которые не понимали процентныхъ отчисленій и пользы горно-ремесленной школы, знали только одно: что имъ «не додали». Они послали ходоковъ къ управителю, и когда тотъ сослался на распоряженіе свыше, ходоки сказали ему: «Золотая гробъ дѣлать хочешь... Въ курманъ кладешь!..»

Или вотъ еще: нужно было устроить мойку для благодатской руды. Дадимъ опять слово «единицѣ массовой энергіи».

«Что теперь и будетъ у нихъ съ этой мойкой—просто сказать ничего невозможно! Перво—ее поставили у часовенки, на берегу пруда. Ну, земскій на-

чальникъ, дай ему Богъ здоровья, крѣпко за народъ стоитъ. Я, гритъ, не допущу, чтобы у меня народъ отравленную воду пилъ. Ну и убрали мойку, даромъ что она десять тысячъ встала. Теперь устроили ее далеко въ болотѣ, все какъ слѣдуетъ, лерьсы къ ей проложили, стали по трубамъ воду изъ пруда вести. А только Кузнецовъ, заводскій управитель, воды не даетъ: у меня, говоритъ, свой заводъ встанетъ. И губернаторъ, слышно было, такъ похвалилъ: «молодецъ, говоритъ, Кузнецовъ!» Который ужъ теперь десятокъ тысячъ совѣмъ зря въ землю закапываютъ! А еще—ученые!..»

Странно въ самомъ дѣлѣ, какъ это инженеръ-теоретикъ не предвидѣлъ самыхъ простыхъ вещей. И право, кажется, это происходитъ отъ того, что для него горное дѣло не является кровнымъ, своимъ дѣломъ.

Наше книжное дѣло. «Русскія Вѣдомости» сообщаютъ нѣкоторыя данныя о петербургскомъ книжномъ дѣлѣ. За время съ 1-го января по 1-е іюля текущаго года петербургскій гражданскій цензурный комитетъ, не считая періодическихъ изданій, выпустилъ напечатанныхъ въ петербургскихъ типографіяхъ книгъ 1.808 названій въ 8.919.970 экземплярахъ.

Изъ этой суммы наибольше количество приходится на долю Гоголя. Различными фирмами различныхъ сочиненій Гоголя выпущено 1.004.000 экземпляровъ. Первое мѣсто среди его издателей занимаетъ петербургское общество грамотности, выпустившее Гоголя въ 300.000 экземплярахъ; за нимъ идутъ: общество «Народная польза» (255.000 экземп), «Павленковъ» (122.000), Суворинъ (95.000), Берманъ (90 000), Холмушинъ, издатель лубочныхъ книгъ (45.000), городская дума (30.000), Аскархановъ (20.000), журналъ «Родина» (10.000), Пономаревъ (10.000), журн. «Русск. Нач. Учитель» (6.000), журн. «Самокатъ» (5.0000) и безъ указанія издательскихъ фирмъ вышло 16.000 экземпляровъ. Почти всѣ эти изданія выпущены по цѣнѣ отъ одной копѣйки за отдѣльную книжку съ отдѣльнымъ разсказомъ или повѣстью. Въ числѣ отдѣльныхъ дешевыхъ изданій совсѣмъ нѣтъ «Переписки съ друзьями».

Второе послѣ Гоголя мѣсто по числу выпущенныхъ съ типографскаго станка экземпляровъ книгъ занимаетъ Н. Я. Некрасовъ, выпустившій въ 340,000 экз. (13-мъ изданіемъ) свой «Практическій курсъ правописанія». Затѣмъ идутъ: А. Барановъ, авторъ и издатель букварей и другихъ пособій для начальныхъ училищъ. Имъ выпущено книгъ 298.000 экземпляровъ, Вольнеръ—авторъ школьныхъ руководствъ; его отдѣльныя изданія печатались до 70.000 экз., а всего выпущено 213,000 экз. По 100.000 экземпляровъ выпустили свои книги: Гольденбергъ (задачникъ ариѳметическій), Евтушевскій (то же) и Соколовъ («Ручная ковка лошадей». Очевидно, изданіе для народа; печаталось въ типографіи министерства внутреннихъ дѣлъ). Восьмое мѣсто занимаетъ Жуковскій, сочиненія котораго выпущены въ количествѣ 95.000 экземпляровъ Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ различныхъ школьныхъ книгъ, прописей, хрестоматій и проч. Между прочимъ, въ 50.000 экземпляровъ вышло сто шестое изданіе «Родного слова» Ушинскаго. Изъ современныхъ писателей наиболѣе крупный типографскій тиражъ имѣлъ Вересаевъ—его «Записки врача» выпущены въ

40.000 экземпляровъ, и Горькій—его «Мѣщане» вышли въ 30.500 экз. Различныхъ сочиненій Пушкина напечатано было 33.000 экземпляровъ.

Лубочное издательство въ Петербургѣ сосредоточено почти исключительно въ однѣхъ рукахъ. Имъ занимается г. Холмушинъ, выпустившій 285.000 экземпляровъ различныхъ названій. Преобладающій элементъ его книгъ—пѣсенники (8 названій), выходящіе подъ различными вычурными (напримѣръ: «Что за пѣсни, что за пѣсни распѣваетъ наша Русь!») или бросающимися въ глаза названіями («Чуркинъ», Кинь грусть» и т. п.); затѣмъ идутъ разбойничьи романы (6 названій съ такими, напримѣръ, заглавіями: «Атаманъ Васька-Усъ», «Егорка Башлотъ—Желѣзныя лапы») и т. п.; третье мѣсто занимаютъ писатели общіе: Гоголь (45.000 экз.), Левъ Толстой («Кавказскій плѣнникъ»—10.000 экз.) и Вальтеръ-Скоттъ (передѣлка «Пертской красавицы»—15.000 экз.); затѣмъ идутъ сказки (два названія 20.000 экз.) и «Событіе въ церкви Леушинскаго подворья» съ очеркомъ жизни о. І. Кроншт. (20.000 экз.). Ученое издательство въ Петербургѣ, довольно значительное по числу названій, имѣетъ совершенно ничтожный спросъ. Ученыя записки и подобные имъ труды печатаются отъ 200 экз., самое большее, если 600. Исключеніе представляютъ словари: настольные и энциклопедическіе; обычный типографскій тиражъ ихъ держится около 20.000 экз. «Словарь русск. языка» академіи наукъ печатается въ 6.000 экз. Въ одномъ количествв съ учеными трудами и записками выходитъ большая часть сценическихъ произведеній и художественныхъ изданій. «Картины лондонской національной галлереи» печатаются въ количествѣ всего 300 экземпляровъ.

За мѣсяцъ. Просматривая отчеты о засѣданіяхъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, нельзя не замѣтить рѣзкой и существенной разницы въ характерѣ работъ комитетовъ, организованныхъ въ земскихъ губерніяхъ, съ одной стороны, и въ не-земскихъ—съ другой. Тогда какъ земскіе дѣятели переносятъ центръ тяжести сельскохозяйственныхъ потребностей въ область мѣропріятій широкаго общественнаго значенія, подкрѣпляя свои мнѣнія весьма обстоятельной и убѣдительной аргументаціей, комитеты, открытые въ не-земскихъ губерніяхъ, расходуютъ энергію своихъ членовъ въ большинствѣ случаевъ на разработку такихъ частныхъ и спеціальныхъ вопросовъ, изъ которыхъ одни давнымъ-давно уже разрѣшены въ томъ или иномъ смыслѣ земской практикой, а другіе требуютъ простой технической справки, какую въ любое время можетъ дать всякій знающій свое дѣло спеціалистъ. Неудивительно, поэтому, что нѣкоторые комитеты (каневскій, липовецкій, звенигородскій, таращанскій—Кіевской губерніи), въ сознаніи своей полной безпомощности предъ поставленной на ихъ разрѣшеніе задачей, пришли къ убѣжденію, что въ хозяйственной жизни мѣстнаго края на первую очередь долженъ быть поставленъ вопросъ о введеніи земства съ выборными управами, такъ какъ только земство и можетъ проводить въ жизнь мѣропріятія, направленныя къ поднятію сельскохозяйственнаго промысла.

Что же касается самихъ земскихъ дѣятелей, то отношеніе ихъ или, по

крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ, къ положенію, созданному особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, въ послѣднее время значительно измѣнилось. Въ происходившемъ недавно въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ Д. Н. Шипова, совѣщаніи предсѣдателей земскихъ управъ Московской губерніи обсуждался вопросъ объ участіи земскихъ дѣятелей въ разработкѣ поставленной особымъ совѣщаніемъ задачи. Какъ передаютъ «Русскія Вѣдомости», совѣщаніе пришло къ заключенію, что въ мѣстныхъ комитетахъ земцы не должны уклоняться отъ участія въ рѣшеніи частныхъ вопросовъ по содѣйствію сельскому хозяйству, но нужно стараться всѣ такіе частные вопросы сводить къ общимъ вопросамъ, затронутымъ въ запискахъ, подаваемыхъ въ комитетъ. Совѣщаніе единогласно признало желательнымъ, чтобы записка, которая будетъ внесена земцами въ губернскій комитетъ, заключала въ себѣ указанія лишь на общія условія, тормозящія правильное и успѣшное развитіе сельскаго хозяйства. Затѣмъ предсѣдатель внесъ на обсужденіе совѣщанія программу, составленную во время происходившихъ въ Москвѣ въ маѣ мѣсяцѣ бесѣдъ земскихъ дѣятелей изъ 25-ти губерній и разосланную для свѣдѣнія всѣмъ предсѣдателямъ уѣздныхъ управъ Московской губ. Такъ какъ первые три пункта этой программы уже выполнены подачею въ губернскій комитетъ, въ засѣданіи 18-го іюня, соотвѣтствующей записки, то Д. Н. Шиповъ предложилъ перейти къ обсужденію 4-го пункта, въ которомъ указывается на необходимость привлеченія представителей земскихъ собраній въ составъ особаго совѣщанія по вопросу о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. При этомъ предсѣдатель сообщилъ, что, по мнѣнію его и нѣсколькихъ предсѣдателей губернскихъ управъ, съ которыми ему удалось видѣться послѣ его бесѣдъ съ министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, не слѣдовало бы въ запискахъ касаться вовсе вопроса, намѣченнаго въ 4-мъ пунктѣ. Практическаго значенія указаніе на необходимость пополненія состава особаго совѣщанія выборными земскими представителями имѣть не будетъ, такъ какъ это пожеланіе земцевъ правительство не удовлетворитъ. Между тѣмъ, какъ это выяснилось изъ его бесѣды съ компетентными лицами, подобныя заявленія земства разсматриваются, какъ домогательство участія выборныхъ земскихъ представителей въ высшемъ управленіи, и возбужденіе земскими людьми такого рода вопросовъ вредно для ближайшихъ интересовъ земскаго дѣла, поддерживая недовѣріе къ нему въ сферахъ, относящихся вообще отрицательно къ принципу мѣстнаго самоуправленія.

Большинствомъ противъ одного голоса совѣщаніе рѣшило исключить 4-й пунктъ изъ программы записки. Далѣе совѣщаніе признало нужнымъ исключить также пунктъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія изъ резолютивной части записки, оставивъ его въ текстѣ. Затѣмъ постановлено отмѣтить ненормальность требованія отъ обществъ увольнительнаго приговора для поступленія крестьянина въ среднее или высшее учебное заведеніе, а также указать на необходимость предоставленія обществу бо́льшаго участія въ веденіи школьнаго дѣла и на желательность, въ цѣляхъ закрѣпленія въ народѣ пріобрѣтаемыхъ въ школѣ знаній и въ цѣляхъ организаціи взаимодѣйствія между правительствомъ и земствомъ, передачи ввѣренныхъ комитетамъ трезвости дѣлъ и

средствъ въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій. Остальные пункты програмы приняты совѣщаніемъ безъ измѣненій. Совѣщаніе поручило губернской управѣ составить записку по выработанной програмѣ. При обсужденіи вопроса объ участіи предсѣдателей и членовъ уѣздныхъ управъ въ уѣздныхъ комитетахъ, предсѣдатель подольской управы высказался за то, чтобы вся програма, только что принятая совѣщаніемъ, цѣликомъ прошла чрезъ уѣздные комитеты, причемъ отдѣльныя положенія ея могутъ быть подкрѣплены мѣстными данными. Совѣщаніе единогласно признало желательнымъ, чтобы предсѣдатели и члены уѣздныхъ управъ внесли въ мѣстные уѣздные комитеты записки, составленныя по выработанной въ настоящемъ засѣданіи програмѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во вниманіе, что всѣ положенія этой програмы будутъ подробно мотивированы въ запискѣ, подаваемой въ губернскій комитетъ, совѣщаніе нашло, что нѣтъ необходимости въ составленіи подробныхъ записокъ для уѣздныхъ комитетовъ и что представляется достаточнымъ привести въ уѣздныхъ запискахъ основныя положенія, иллюстрируя ихъ мѣстными данными. Это послѣднее высказанное московскимъ совѣщаніемъ пожеланіе нѣкоторыми предсѣдателями управъ Московской губерніи уже осуществлено; такъ, русскимъ комитетомъ «съ глубокой благодарностью» выслушанъ и почти цѣликомъ принятъ интересный докладъ предсѣдателя мѣстной земской уѣздной управы А. И. Цыбульскаго.

По мнѣнію докладчика, всѣ отдѣльныя мѣропріятія къ поднятію сельскохозяйственной промышленности можно свести къ тремъ основнымъ категоріямъ: 1) вопросы правовые, 2) экономическіе и 3) техническіе.

Вопросы правовые должны быть поставлены во главу угла, потому что какія бы мѣропріятія для поднятія сельскаго хозяйства ни принимались, какія бы жертвы ни дѣлало государство въ интересахъ этой коренной отрасли народнаго труда, всѣ эти мѣропріятія не принесутъ надлежащихъ результатовъ до тѣхъ поръ, пока не предоставлено будетъ отдѣльнымъ лицамъ и общественнымъ группамъ права свободнаго развитія самодѣятельности. Въ этихъ цѣляхъ является крайне желательнымъ не умаленіе правъ земства, а ихъ расширеніе въ законадательномъ порядкѣ.

Вопросъ сельскохозяйственный тѣсно связанъ съ вопросомъ крестьянскимъ, такъ какъ $^4/_5$ всего населенія Европейской Россіи составляютъ крестьяне, производящіе болѣе $^2/_3$ всего хлѣба, собираемаго въ Россіи. Между тѣмъ, ненормальность современнаго правового положенія крестьянъ отмѣчена самимъ правительствомъ, такъ какъ имъ призвана къ жизни и уже приступила къ занятіямъ коммиссія по пересмотру Положенія 19-го февраля 1861 года. Являлось бы крайне желательнымъ и въ интересахъ дѣла наиболѣе цѣлесообразнымъ, чтобы заключенія названной коммиссіи предварительно были заслушаны въ земскихъ собраніяхъ, такъ какъ земство все же является единственнымъ представителемъ того населенія, въ интересахъ котораго образована эта коммиссія. Въ интересахъ сельскохозяйственной промышленности необходимо полное уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями.

Переходя къ вопросамъ экономическимъ, докладчикъ между, прочимъ, гово-

ритъ, что страна, огражденная цѣлою серіей запретительныхъ пошлинъ, переплачиваетъ огромные деньги. Такъ, въ 1901 году сельскимъ хозяевамъ пришлось переплатить до $1^1/_2$ милл. рублей одной только пошлины на сельскохозяйственныя машины и орудія. По мнѣнію докладчика, нельзя класть въ основу составленія государственнаго бюджета систему косвенныхъ налоговъ, облагая въ пользу фиска предметы первой необходимости. Если обратимся къ государственной росписи доходовъ, то увидимъ, что косвенные налоги во много разъ превышаютъ прямые. Такое направленіе финансовой политики разоряетъ крестьянъ, особенно нуждающихся въ государственной помощи. Матеріальная необезпеченность послѣднихъ особенно выступитъ рельефно, если обратимся къ размѣрамъ ихъ земельнаго владѣнія.

Надѣленіе землей крестьянъ Рузскаго уѣзда въ 1861 г. было сдѣлано, считая по $3^1/_2$ дес. на каждую ревизскую душу. Въ настоящее же время, по даннымъ послѣдней переписи 1897 г., приходится на каждую наличную мужскую душу по 1,6 дес. Если признать, что $^6/_{10}$ дес. находится подъ усадьбами, огородами и выгонами, то полевое хозяйство приходится вести на одной десятинѣ. Можно ли серьезно говорить объ измѣненіи системы полеводства, съ переходомъ отъ традиціоннаго трехполья къ многолѣтнимъ сѣвооборотамъ, если всю систему приходится вводить на одной десятинѣ?

Финансовая политика Россіи должна придти на помощь тому населенію — въ интересахъ поднятія его сельскохозяйственной промышленности,—на которомъ лежитъ главная тяжесть податного бремени. Въ этихъ цѣляхъ является безусловно необходимымъ произвести дополнительную нарѣзку земли путемъ обязательнаго государственнаго выкупа. Эту задачу могъ бы выполнить крестьянскій банкъ. Крайне полезно было бы, чтобы нормы дополнительныхъ надѣловъ передъ утвержденіемъ ихъ въ законодательномъ порядкѣ передавались на заключенія земскихъ собраній, такъ какъ лишь земства, близко стоя къ населенію, имѣя въ своемъ распоряженіи достаточную экономическую организацію въ лицѣ своихъ сельскохозяйственныхъ совѣтовъ, статистическихъ бюро и проч., могутъ дать болѣе справедливый совѣтъ на поставленный вопросъ.

Что же касается улучшенія самой техники сельскаго хозяйства, то мѣры въ этой области могутъ оказаться, по мнѣнію докладчика, тогда лишь благотворными вообще и въ частности для Рузскаго уѣзда, если главный производитель русскаго хлѣба—крестьянинъ—будетъ въ достаточной мѣрѣ способенъ воспріять благодѣтельные результаты такого улучшенія. А такъ какъ послѣднее находится въ неразрывной связи съ образованіемъ населенія, то для практическаго примѣненія улучшенныхъ пріемовъ техники сельскаго хозяйства необходимо введеніе всеобщаго начальнаго обученія пока хотя путемъ его общедоступности. Задача эта въ большинствѣ случаевъ непосильна земствамъ, а потому необходимо, чтобы правительство поспѣшило придти на помощь земству въ его дѣятельности на этомъ поприщѣ.

Въ заключеніе докладчикъ говоритъ:

«Какія бы мѣропріятія ни были выработаны правительствомъ для поднятія сельскаго хозяйства, тогда лишь эти мѣропріятія будутъ имѣть свое прак-

тическое примѣненіе, если установлена будетъ прочная связь между правительствомъ и его отвѣтственнымъ органомъ по сельскому хозяйству—министерствомъ земледѣлія—и земствомъ, закономъ облеченнымъ заботиться о благосостояніи мѣстнаго населенія»...»

— Въ пользу школы Виктора Петровича Острогорскаго въ г. Валдаѣ поступила въ редакцію черезъ г-жу Е. Воскресенскую—часть сбора съ литературно-музыкальнаго благотворительнаго вечера, устроеннаго ею 6-го августа въ кумысо-лѣчебномъ заведеніи вблизи Самары, въ размѣрѣ 100 р. (Остальная выручка ассигнована на Самарскій дѣтскій садъ и передана сполна г-ну судебному слѣдователю Якову Львовичу Тейтелю).

Изъ русскихъ журналовъ.

(Русская Старина—іюль; Историческій Вѣстникъ—августъ. Русская Мысль—іюль. Русское Богатство—іюль и августъ. Образованіе—іюль—августъ).

Двадцать третьяго іюля нынѣшняго года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти извѣстнаго въ свое время романиста Михаила Николаевича Загоскина. Авторъ «Юрія Милославскаго», «Рославлева» и другихъ скучно-патріотическихъ произведеній, конечно, не принадлежитъ къ числу такихъ писателей, каждая подробность біографіи которыхъ представляетъ болѣе или менѣе значительную историко-литературную цѣнность, и потому, касайся напечатанное въ іюльской книжкѣ «Русской Старины» сообщеніе А. И. Бычкова, озаглавленное «Изъ переписки М. Н. Загоскина», только личности послѣдняго, оно имѣло бы интересъ лишь для однихъ спеціалистовъ. Но въ данномъ случаѣ это не такъ, ибо въ названной перепискѣ или, вѣрнѣе, въ полученныхъ Загоскинымъ отъ разныхъ лицъ письмахъ, подлинники которыхъ хранятся въ Императорской публичной библіотекѣ, разсыпано не мало весьма цѣнныхъ черточекъ, характеризующихъ положеніе русской литературы въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, и въ этомъ смыслѣ переписка Загоскина представляетъ несомнѣнный интересъ. Такъ, графъ Бенкендорфъ пишетъ Загоскину:

«Шефъ жандармовъ, командующій Императорскою главною квартирою, генералъ-адъютантъ, графъ Бенкендорфъ, свидѣтельствуя совершенное почтеніе его высокородію Михаилу Николаевичу, покорнѣйше проситъ его, какъ очевидца сегодняшняго шествія его величества государя императора въ Успенскій соборъ, потрудиться написать о семъ статью, которую и доставить къ нему, генералъ-адъютанту Бенкендорфу, завтрашняго числа къ 12-ти часамъ утра, для помѣщенія оной въ газетѣ «Сѣверная Пчела».

Статья была, разумѣется, доставлена и помѣщена въ прибавленіи къ № 191 «Сѣверной Пчелы», отъ 21-го августа 1836 г. Онъ же пишетъ ему:

«Милостивый государь Михаилъ Николаевичъ! Издатель альманаха «Утренняя Заря», В. А. Владиславлевъ, котораго изданіе, ежегодно улучшаясь, пріобрѣло общее расположеніе отечественной публики и выгодные отзывы иностранныхъ журналовъ, какъ по литературному достоинству помѣщаемыхъ въ ономъ

статей, такъ и по изяществу гравюръ и по типографской роскоши, возобновляетъ альманахъ свой на будущій 1840 годъ въ роскошнѣйшемъ видѣ въ пользу с.-петербургской дѣтской больницы. По званію предсѣдателя означенной больницы, принимая съ признательностью столь благотворительное приношеніе г. Владиславлева и желая, съ своей стороны, по возможности содѣйствовать его предпріятію, я пріемлю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, не угодно ли будетъ вамъ удостоить участіемъ вашимъ сіе изданіе на будущій 1840 годъ, присовокупляя притомъ, что всякое приношеніе ваше въ альманахъ принято будетъ мною съ искреннею благодарностью. Съ совершеннымъ уваженіемъ и преданностью имѣю честь быть вашимъ милостивый государь, покорнѣйшій слуга графъ Бенкендорфъ».

И въ «Утренней Зарѣ» за 1840 годъ появился разсказъ Загоскина «Нескучное».

Весьма интересны также въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ письма къ Загоскину Ф. Ф. Вигеля, занимавшаго должность директора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

Въ 1836 году Загоскинъ выпустилъ въ свѣтъ свою комедію «Недовольные» и послалъ ее съ авторскою надписью Вигелю. Это-то обстоятельство и послужило поводомъ для длиннаго письма Вигеля къ Загоскину, въ которомъ тотъ писалъ между прочимъ:

«Бѣшеная рецензія «Московскаго Наблюдателя» на вашу славную комедію еще здѣсь читается, вы подъ проклятіемъ враговъ порядка, Руси, православія; торжествуйте, не слабѣйте, продолжайте. Я знаю духъ издателей и сотрудниковъ сказаннаго журнала: непокорность къ властямъ, безмѣрное честолюбіе, германская туманная философія и желаніе чего-то, чего они сами объяснить не умѣютъ, вотъ изъ чего составляется сей духъ. По моему, это якобинство новаго изданія; оно прикрывается какою-то полухристіанскою кротостью и вѣжливостью формъ; по моему, это волки въ овечьей шкурѣ: ваша комедія, разумѣется, должна была жестоко оскорбить ихъ. У нихъ есть политическая вѣра, космополитизмъ, которая распространяется парижской пропагандой». Виновницей всѣхъ золъ въ человѣчествѣ, по мнѣнію Вигеля, не дожившаго до нашихъ дней и потому не имѣвшаго основаній писать восторженныхъ панегириковъ «франко-русскому альянсу», является, конечно, «злодѣйка и развратница» Франція. «Мало ей, старой кокеткѣ,—писалъ Вигель,—пороками, коими она исполнена, коими она кипитъ, привлекать юные, сильные народы; она научаетъ злодѣяніямъ, представляя ихъ торжествующими въ романахъ и драматическихъ произведеніяхъ и облекая ихъ всею прелестью слога; наконецъ, пакостница сія пріучаетъ читателей и зрителей безъ отвращенія глядѣть на все то, что въ человѣческой природѣ есть мерзѣйшаго... И это называется духомъ времени: случается послѣ полуночи въ петербургскихъ улицахъ чувствовать духъ того времени, но тогда затыкаешь носъ; этотъ же духъ, который проводитъ одна страна, коей жители отъ безнравственности сгнили и провоняли, другіе народы съ восторгомъ въ себя вдыхаютъ. Какой-то будетъ съ этимъ конецъ?»

Вигель утѣшаетъ Загоскина въ тяготѣющемъ надъ нимъ «проклятіи» со стороны русскихъ «якобинцевъ» тѣмъ, что «всѣ умные и истинно просвѣщенные люди хвалятъ комедію». Среди нихъ находятся министры Блудовъ, Дашковъ и Уваровъ.

Возвращаясь въ слѣдующемъ письмѣ къ Загоскину къ той же комедіи «Недовольные», Вигель противопоставляетъ ее гоголевскому «Ревизору», о которомъ отзывается такъ:

«Читали ли вы сію комедію? видѣли ли вы ее? Я ни то, ни другое, но столько о ней слышалъ, что могу сказать, что издали она мнѣ воняла. Авторъ выдумалъ какую-то Россію и въ ней какой-то городокъ, въ который свалилъ онъ всѣ мерзости, которыя изрѣдка на поверхности настоящей Россіи находишь: сколько накопилъ онъ плутней, подлостей, невѣжества! Я, который жилъ и служилъ въ провинціяхъ, смѣло называю это клеветой въ пяти дѣйствіяхъ. А наша то чернь хохочетъ, а нашимъ-то боярамъ и любо; всѣ эти праздные трутни, которые далѣе Петербурга и Москвы Россіи не знаютъ, которые готовы смѣшивать съ грязью и насъ, мелкихъ дворянъ, и чиновниковъ, и всю нашу администрацію, они въ восторгѣ отъ того, что пріобрѣтаютъ новое право презирать свое отечество и, указывая на сцену, говорятъ: вотъ ваша Росія! Безумцы! Я знаю г. автора—*это юная Россія, во всей ея наглости и цинизмѣ*. Онъ подъ покровительствомъ Жуковскаго, но вѣдь это Жуковскій не прежній. Посудите, нынѣшнею зимою онъ по субботамъ собираетъ у себя литераторовъ и я иногда являлся туда, какъ въ непріятельскій станъ. Первостепенные тамъ князья Вяземскій и Одоевскій и г. Гоголь...» Этому обществу Вигель противопоставляетъ собирающееся разъ въ недѣлю у него самого общество. Тутъ бывали цѣлыхъ три губернатора: «Курскій вашъ тёска, — честь и слава имени русскаго (Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, впослѣдствіи графъ и виленскій генералъ-губернаторъ), тверской (графъ Александръ Петровичъ Толстой, бывшій потомъ оберъ-прокуроромъ св. синода), единственный аристократъ, патріотъ и саратовскій (Александръ Петровичъ Степановъ), довольно пріятный человѣкъ и пріятный писатель, авторъ «Постоялаго двора». Характерно также и окончаніе цитируемаго письма Вигеля.

«Разсудокъ велитъ мнѣ просить васъ о сожженіи писемъ моихъ, ибо слишкомъ смѣло выражаюсь въ нихъ насчетъ нѣкоторыхъ лицъ, коихъ могу сдѣлать себѣ врагами, а самолюбіе заставляетъ меня желать, чтобы вы ихъ сохранили, потому что въ нихъ есть мимоходныя идеи, коихъ бы мнѣ жаль было невозвратной потери».

Между этимъ и слѣдующимъ изъ помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ» письмами прошло почти пятнадцать лѣтъ. За это время Вигель и Загоскинъ, видимо, стали очень близки, ибо въ ихъ письмахъ холодное «вы» смѣнилось тепленькимъ «ты». Письмо Вигеля, помѣченное маемъ 1850 года, заслуживаетъ того, чтобы изъ него сдѣлать болѣе длинную выписку.

«Милый другъ и братъ Михаилъ Николаевичъ! Какъ давно не видалъ я тебя, какъ давно не писалъ къ тебѣ, страшно подумать: неужели мы вовсе сдѣлались чужды другъ другу? Правда, я бѣглецъ изъ Москвы, ты упрямый

житель сего города, котораго оболочка мнѣ такъ обворожительна, но котораго начинка мнѣ такъ противна. Зато сколько есть пунктовъ, на которыхъ мы сходимся душой и сердцемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Москву, въ цѣлой Европѣ разразилась революція, которую мы съ тобой такъ ожидали и такъ страшились. Ну что? Каковъ образецъ, учитель нашъ Западъ? Признаюсь въ невѣжествѣ своемъ: когда въ 1844 году воротился я изъ-за границы, то въ Москвѣ изъ устъ твоихъ въ первый разъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ услышалъ я слово коммунизмъ, а онъ, подкравшись вслѣдъ за сенсимонизмомъ, фуріеризмомъ и всѣми нѣмецкими безсмысленными богоотступными сектами, стоялъ уже выше всѣхъ этихъ стѣнобитныхъ орудій, готовыхъ сокрушить общественное зданіе. Имена Шеллинга и Гегеля, которыми такъ оглушали меня у васъ имѣющіе претензіи на ученость, въ Германіи едва доходили до слуха моего, нѣмцы считали путешествующихъ сѣверныхъ невѣждъ неспособными еще постигать высокихъ истинъ сихъ геніевъ. Въ Парижѣ разъ только одинъ землякъ завезъ меня въ общество фаланстеріанцевъ; мнѣ любопытно было послушать ихъ бредни, но они были скромны и разсуждали только о художествахъ. Вообще вездѣ замѣтно было волненіе умовъ, но ничего не возвѣщало близости революціоннаго взрыва. Нынѣ же соціализмъ, выскочивъ прямо изъ ада и пройдя черезъ Бэдламъ и Шарантонъ *), распространился между людей. Что-то объ этомъ толкуютъ наши дуры, оксинданталистки, западницы, или западни, какъ я ихъ называю? Между прочимъ, весьма немногоумная, но многоумствующая Ховрина. Меня увѣряли, что въ Пензѣ Блохина рѣшительно бѣснуется; не худо бы тебѣ посовѣтовать пріятелю своему архіерею и зятю своему губернатору, чтобы ее отчитывать».

Іюльскія книжки «Русской Мысли» и «Русскаго Богатства» содержатъ въ себѣ статьи, посвященныя такъ называемому сіонизму. Авторы этихъ статей стоятъ на діаметрально противоположныхъ точкахъ зрѣнія. Тогда какъ д-ръ Г. И. Гордонъ (авторъ статьи въ «Русской Мысли» подъ заглавіемъ «Сіонизмъ и христіане») является не только убѣжденнымъ сіонистомъ, но и однимъ изъ активныхъ дѣятелей, стремящихся воплотить сіонизмъ въ жизнь, г. І. Бикерманъ (авторъ статьи въ «Русскомъ Богатствѣ» подъ заглавіемъ «О сіонизмѣ и по поводу сіонизма») считаетъ самую идею сіонизма въ философскихъ ея обоснованіяхъ весьма близкой къ «философіи» антисемитизма и приходитъ къ убѣжденію, что сіонизмъ представляетъ собою не болѣе, какъ ублюдокъ изъ антисемитизма и націонализма, «помѣсь человѣческой злобы и человѣческой ограниченности». Д-ръ Гордонъ, слѣдуя примѣру нѣкоего Эмиля Кроненберга, издавшаго года два тому назадъ въ Берлинѣ книгу («Zionisten und Christen») съ мнѣніями о сіонизмѣ европейскихъ государственныхъ дѣятелей, ученыхъ, писателей и т. д., задумалъ собрать мнѣніе о томъ же предметѣ многихъ русскихъ писателей и публицистовъ. Полученные отвѣты на свои запросы съ

*) Извѣстныя лечебныя заведенія для сумасшедшихъ: Бэдламъ близъ Лондона, и Шарантонъ—недалеко отъ Парижа.

критикой авторомъ статьи каждаго изъ этихъ мнѣній въ отдѣльности и составляютъ содержаніе статьи г. Гордона въ «Русской Мысли». Вопреки рѣшительному осужденію г. Бикерманомъ идеи сіонизма, почти всѣ запрошенные г. Гордономъ русскіе писатели высказались о сіонизмѣ съ большимъ сочувствіемъ и разошлись между собою лишь въ большей или меньшей степени вѣры въ практическую осуществимость данной идеи. Г. Мордовцевъ прямо пишетъ, что «за великіе духовные дары, которыми еврейскій народъ обогатилъ весь цивилизованный міръ, этотъ міръ обязанъ, рано или поздно, заплатить свой неоплатный долгъ народу, духовная мощь котораго не изсякла въ теченіе тысячелѣтій, возвратить ему утраченную имъ родину, безбожно ограбленную насиліемъ». И г. Мордовцевъ глубоко убѣжденъ, что идея сіонизма осуществится въ дѣйствительности и что, «получивъ обратно въ свое владѣніе Палестину, еврейскій народъ, при его необычайной даровитости и поразительной энергіи духа, создастъ могущественное и богатое государство тамъ, гдѣ когда-то кипѣла дѣловая жизнь финикіянъ». Г. Милюковъ пишетъ такъ: «Принципіально я вполнѣ сочувствую смѣлой идеѣ сіонизма и могу лишь пожелать ему выйти побѣдителемъ изъ тѣхъ серьезныхъ затрудненій и противорѣчій, которыя возникаютъ на его пути при всякой попыткѣ идти впередъ, а не возвращаться назадъ. Самыя эти внутреннія противорѣчія между національно-политическимъ и національно-религіознымъ, культурнымъ и традиціоннымъ элементами вопроса только доказываютъ мнѣ, что даже, независимо отъ своей практической задачи, онъ можетъ имѣть сильное и плодотворное вліяніе на подъемъ культурнаго уровня еврейской массы. Если, несмотря на все это, я готовъ прибавить къ сказанному нѣкоторое «но», то лишь потому, что не вижу въ сіонизмѣ полнаго и окончательнаго рѣшенія еврейскаго вопроса». Сдѣлавъ критическое замѣчаніе относительно нѣкоторыхъ практическихъ пріемовъ въ сіонистическомъ движеніи, г. Милюковъ тутъ же прибавляетъ, что, по его мнѣнію, все-таки «для очень значительной массы путь къ національному самосознанію и гражданскому правосознанію идетъ до извѣстнаго пункта въ одномъ и томъ же направленіи. Это обстоятельство даетъ возможность и даже налагаетъ обязанность горячо привѣтствовать сіонизмъ даже и со стороны тѣхъ, которые разойдутся съ нимъ въ своихъ конечныхъ цѣляхъ и средствахъ». Г. Короленко также прямо заявляетъ, что «конечно, нельзя не сочувствовать стремленію гонимаго народа устроить собственное отечество въ той странѣ, куда и теперь безпрестанно направляются его чувства», но что здѣсь весь вопросъ въ практической осуществимости даннаго предпріятія. Указавъ на трудность препятствій, съ которыми пришлось бы считаться при этомъ евреямъ, г. Короленко прибавляетъ: «Представляются ли эти препятствія совершено неодолимыми,—мнѣ неясно, такъ какъ съ этимъ вопросомъ я знакомъ недостаточно». Г. Туганъ-Барановскій пишетъ: «Я отъ всей души сочувствую сіонистскому движенію, какъ протесту противъ того глубоко возмутительнаго отношенія къ евреямъ, которое господствуетъ въ современномъ обществѣ. Сіонистское движеніе вызываетъ симпатію съ моей стороны также и потому, что я вижу въ немъ проявленіе высокаго идеализма. Правда, ни

одно историческое государство не возникало такимъ образомъ, какъ хотятъ возстановить древнее еврейское царство сіонисты. Но прошлое не указъ для будущаго; образованіе еврейскаго государства было бы одною изъ величайшихъ побѣдъ человѣческаго духа, какія только извѣстны исторіи». Тою же глубокою симпатіею къ сіонизму проникнуто и письмо г. Максима Горькаго, который писалъ по этому поводу д-ру Гордону такія строки: «Мнѣ глубоко симпатиченъ великій въ своихъ страданіяхъ еврейскій народъ; я преклоняюсь передъ силой его измученной вѣками тяжкихъ несправедливостей души, измученной, но горячо и смѣло мечтающей о свободѣ. Хорошая, огненная кровь течетъ въ жилахъ вашего народа! Мнѣ говорятъ, что сіонизмъ—утопія: не знаю, можетъ быть. Но поскольку въ этой утопіи я вижу непобѣдимую, страстную жажду свободы, для меня—это реальность, для меня—это великое дѣло жизни. Всей душой моей я желаю еврейскому народу, какъ и другимъ людямъ, вложить всѣ силы духа въ эту мечту, облечь ее въ плоть и, напитавъ горячею кровью, неустанно бороться за нее, чтобы побѣдить все несправедливое, грубое, пошлое». Г. Михайловскій усматриваетъ противъ сіонизма два довода: «Мнѣ кажется,— пишетъ онъ,—что осуществленіе сіонистской задачи потребовало бы такихъ огромныхъ матеріальныхъ средствъ, какихъ никогда не окажется въ наличности; мнѣ кажется далѣе, что было бы очень прискорбно, если бы Европа лишилась такого энергичнаго и способнаго элемента, какъ еврейство». Съ симпатіей къ сіонизму отнеслись и многіе другіе русскіе писатели.

Рѣзко противоположнаго взгляда держится, какъ сказано, на это явленіе г. Бикерманъ. Онъ нападаетъ на сіонизмъ съ разныхъ сторонъ, вездѣ и всюду стремясь доказать его несостоятельность; въ качествѣ резюме своей статьи онъ говоритъ слѣдующее: «Задача сіонизма создать еврейское государство—химера. Задача сіонизма не только не выполнима, но не можетъ быть и выполняема. Не только нѣтъ достаточныхъ силъ, чтобы ее выполнить, но вовсе нѣтъ и не можетъ быть такихъ силъ, которыя направились бы на ея выполненіе. Задачи сіонизма въ дѣйствительности не существуетъ; существуютъ лишь разговоры объ этой задачѣ. Этой призрачности своей, чисто словесной своей природѣ, сіонизмъ, между прочимъ, обязанъ своимъ относительнымъ успѣхомъ. Сіонизмъ и еврейскій націонализмъ, порожденные реакціей, суть сами явленія реакціонныя. Сіонизмъ, по основному догмату своему о неизбѣжности и вѣчности вражды не-евреевъ къ евреямъ, есть антисемизмъ, возведенный въ принципъ. Националистически-сіонистская пропаганда имѣетъ чисто охранительную тенденцію и потому необходимо реакціонна». Вотъ сколько грѣховъ видитъ въ сіонизмѣ г. Бикерманъ. Выходъ изъ того невыносимо-тяжелаго положенія, въ которомъ находится масса еврейскаго народа, долженъ лежать, по мнѣнію г. Бикермана, тамъ же, гдѣ лежитъ онъ и для всякаго другого народа,—въ устраненіи *на мѣстѣ* условій, препятствующихъ его благоденствію и счастью. Выходъ этотъ, безъ сомнѣнія, имѣли въ виду и всѣ тѣ русскіе писатели, которые отнеслись къ сіонизму иначе, нежели г. Бикерманъ, и это, на нашъ взглядъ, вполнѣ понятно. Намъ кажется, что если сіонисты являются чрезмѣрными раціоналистами, и слишкомъ ужъ вѣрятъ въ силу разума и воли въ процессѣ

соціальнаго творчества, то г. Бикерманъ впадаетъ въ противоположную крайность; развѣ ужъ такъ-таки не существуетъ никакихъ объективныхъ условій, заставляющихъ массу еврейскаго народа *безсознательно* стремиться къ тому, чтобы сдѣлаться такимъ же народомъ, какъ и другіе, т. е. получить государственное бытіе. А если это такъ, то вліяніе «раціоналистическаго» элемента на подобную почву едва ли можетъ быть признано вполнѣ безплоднымъ и по результатамъ своимъ «химеричнымъ». Евреи отличаются отъ многихъ другихъ народовъ тѣмъ, что они утратили не только самостоятельное государственное бытіе, но и самую территорію, на которой оно нѣкогда протекало, но существуютъ народы (армяне, напр.), утратившіе лишь первое изъ этихъ условій и сохранившіе второе, — примѣнимы ли и къ нимъ выводы г. Бикермана? Слѣдуетъ ли смотрѣть и на ихъ стремленія къ разрѣшенію многихъ политическихъ и соціальныхъ задачъ на *національной*, а не интернаціональной почвѣ, какъ на «химеру?» Само собою разумѣется, что стремленіе къ созданію самостоятельнаго государства, въ качествѣ цѣли самой себѣ довлѣющей, не рѣшаетъ еще «еврейскаго вопроса», какъ не рѣшаетъ оно вопросовъ армянскаго и другихъ, но въ томъ-то и дѣло, что сіонизмъ, кажется, вовсе и не мечтаетъ почить на лаврахъ, какъ только поставленная имъ себѣ задача будетъ достигнута. Самостоятельное еврейское государство, какъ и всякое другое, должно будетъ подлежать развитію, совершенствованію. Въ немъ найдется, конечно, достаточно точекъ приложенія для воспріятія самыхъ широкихъ реформъ, какія только будутъ подсказаны потребностями времени. Но если бы (что конечно, гораздо вѣроятнѣй) задуманнаго сіонистами дѣла и не удалось довести до конца, то все же вызываемое имъ въ средѣ еврейскаго народа движеніе можетъ сыграть весьма значительную культурно-просвѣтительную роль. Исходя изъ этихъ основаній, нельзя не согласиться, вопреки всѣмъ доводамъ г. Бикермана, со словами г. Милюкова, что «для очень значительной массы (евреевъ) путь къ національному самосознанію и гражданскому правосознанію идетъ до извѣстнаго пункта въ одномъ и томъ же направленіи».

Въ рядѣ помѣщенныхъ въ «Русскомъ Богатствѣ» статей, подъ заглавіемъ «Народъ и книга», г. С. А. Ан—скій приводитъ многочисленныя свои наблюденія надъ несоотвѣтствіемъ между потребностями народа въ духовной пищѣ и обращающимися въ его средѣ для удовлетворенія этой потребности книгами. При чтеніи этихъ статей читателемъ не разъ овладѣваетъ тяжелое чувство, хотя наблюденія г. Ан—скаго и отличаются широтою, разнообразіемъ, искренностью. Не совсѣмъ ясны для насъ, однако, нѣкоторыя мысли автора статей въ его «заключеніи» («Русское Богатство»—августъ). «Народъ, можно смѣло сказать,—говоритъ г. Ан—скій,—*жадно ищетъ хорошую книгу* (курсивъ подлинника), которой онъ готовъ поставить самые серьезные запросы соціальнаго и моральнаго характера. Ему надо отъ книги не «развлеченія», не сентиментально-елейныхъ поученій грошевой морали, а серьезнаго отвѣта на грозный вопросъ: «какъ жить?» Какъ справиться съ тѣми до невѣроятности сложными условіями, которыя охватываютъ живымъ кольцомъ его жизнь, душатъ

его мысль, истощаютъ его силы, убиваютъ его энергію? На эти «вопросы жизни» онъ мучительно ищетъ отвѣта и въ фантастическихъ легендахъ, и въ сектантствѣ, и въ религіозной книгѣ. Онъ искалъ бы его и въ свѣтской книгѣ, если бы она сдѣлала хоть шагъ навстрѣчу этимъ серьезнымъ запросамъ?

«Что было сдѣлано *въ этомъ* отношеніи?

«Въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ наши дѣятели по народной литературѣ потратили массу силъ, энергіи и средствъ на то, чтобы передать народу интеллигентную литературу, хотя бы отрывки изъ произведеній великихъ писателей, *причемъ совершенно упускалось изъ виду, что не литература создаетъ культуру, а наоборотъ* (курсивъ нашъ). И всѣ попытки не дали почти никакихъ результатовъ. Онѣ, одна за другой, разбивались объ «упорство» народа, который ни за что не желалъ и не желаетъ принимать этихъ, хотя и геніальныхъ, крохъ съ богатаго стола нашей литературы. Онъ остается совершенно равнодушнымъ ко всѣмъ перламъ художественнаго творчества, которые предлагались ему чуть не даромъ. Ему, измученному и тѣломъ, и душой, голодному и матеріально, и духовно, не этого надо. Ему «не до соусовъ», не до тонкой эстетики. Нужна ему книга *житейская* въ прямомъ смыслѣ этого слова, книга, которая отвѣчала бы на запросы его настроенія.

«Кто дастъ ему эту книгу?

«И мнѣ припоминаются слова великаго писателя земли русской:

«Милліоны русскихъ грамотныхъ стоятъ предъ нами, какъ голодные галчата, съ раскрытыми ртами, и говорятъ намъ: господа родные писатели бросьте намъ въ эти рты достойной васъ и насъ умственной пищи; пишите для насъ, жаждущихъ живого литературнаго слова».

«Пора бы «роднымъ писателямъ» откликнуться на этотъ призывъ...»

Повторяемъ, мысли автора намъ неясны. Неужели же вся вина въ обрисованномъ г. Ан—скимъ положеніи вещей должна ложиться на однихъ лишь «родныхъ писателей», не внимающихъ обращаемымъ къ нимъ призывамъ? Неужели тутъ все дѣло въ нежеланіи писателей дать народу ту «житейскую» книгу, которая «отвѣчала бы на запросы его настроенія», а ни въ чемъ-нибудь другомъ? Авторъ утверждаетъ, бросая кому-то упрекъ «въ совершенномъ упусканіи этого изъ вида», что «не литература создаетъ культуру, а наоборотъ». Пусть такъ, да вѣдь и весь вопросъ въ томъ, какими же средствами создать эту «культуру». Литературой ее не создать, говоритъ нашъ авторъ, ибо литература не мать, а дочь культуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ призываетъ создать для народа нужную ему литературу. Придавая, разумѣется, огромное значеніе литературѣ въ дѣлѣ культурнаго развитія страны, мы, однако, думаемъ, что упрочить культуру можно лишь измѣненіемъ условій, среди которыхъ живетъ народъ. Какихъ же именно условій? Ну, хотя бы только тѣхъ, о которыхъ такъ единодушно заявляютъ знакомые съ жизнью деревни лица, работающія въ уѣздныхъ комитетахъ и земскихъ собраніяхъ. Тогда и книга найдетъ себѣ болѣе разумный, нежели нынѣ, пріемъ въ народной средѣ. А обвинять однихъ «родныхъ писателей», которые это-де совершенно упускаютъ изъ вида, а на это не хотятъ откликнуться,—не значитъ ли слишкомъ ужъ просто рѣшать очень сложный вопросъ?..

Жизнь въ деревнѣ становится, несомнѣнно, все сложнѣе и сложнѣе и не мало прорывается въ ней наружу накопившихся въ теченіе даннаго времени внутреннихъ противорѣчій. Явленія живой дѣйствительности и изображенія деревни, выступающія подъ перомъ талантливыхъ писателей, одинаково громко свидѣтельствуютъ объ этомъ фактѣ. Предъ нами помѣщенная въ іюль-августовской книжкѣ журнала «Образованіе» статья извѣстнаго земскаго статистика и писателя г. Бѣлоконскаго подъ заглавіемъ «Деревенскія впечатлѣнія. Это очень живой и интересный разсказъ объ обнаруживающихся въ послѣдніе годы въ деревенскихъ захолустьяхъ разнаго рода «настроеніяхъ». По должности завѣдующаго статистическимъ бюро въ одной изъ губерній, г. Бѣлоконскій пріѣхалъ въ деревню, носящую, по прихоти когда-то владѣвшаго ею помѣщика, оскорбительное названіе «Большіе дураки». Когда авторъ разсказа подъѣзжалъ къ этой деревнѣ, то къ нему въ телѣгу подсѣлъ мѣстный дьяконъ, повѣдавшій ему свое большое горе: его сынъ, Зосима, только что окончившій семинарію своимъ поведеніемъ разбиваетъ всѣ такъ долго лелѣевшіеся его родителями относительно его планы: не желаетъ жениться на дочери мѣстнаго священника, не хочетъ и слышать вообще о духовной карьерѣ и стремится проложить себѣ дорогу въ университетъ, хотя бы и томскій.

Дьяконъ приглашаетъ своего случайнаго спутника остановиться у него и занять комнатку Зосимы, котораго все равно по цѣлымъ днямъ нѣтъ дома. Тутъ авторъ узнаетъ, что мѣстный земскій начальникъ скоро уѣзжаетъ изъ села и потому надо было спѣшить повидаться съ нимъ, дабы исполнить кой-какія формальности относительно предстоявшихъ г. Бѣлоконскому статистическихъ работъ. Въ домѣ земскаго начальника и обнаруживаются нѣкоторые штрихи изъ современныхъ деревенскихъ настроеній. Въ ожиданіи свиданія съ «земскимъ» г. Бѣлоконскій находился въ сосѣдней комнатѣ, куда явственно доносилась громкая бесѣда земскаго съ старостой.

— Кто тебѣ это дознаніе писалъ?—предлагался вопросъ громкимъ властнымъ голосомъ.

— Сынишкѣ я сказывалъ, а онъ, значитъ, писалъ,—слышался робкій отвѣтъ.

— Гдѣ онъ учился?

— Да въ школѣ, что въ сторожкѣ при церкви.

— Грамотѣй, нечего сказать.

— Я ему сказываю: «ты пиши, какъ я тебѣ говорю, а самъ пунты проставь и «намирацію», какъ вы изволили сказывать, и «знаки».

— Дур-ракъ! Чтобы ты мнѣ больше такихъ писаній не приносилъ! Слышишь?

— Слушаю, ваше вскородіе!

— Самъ чортъ не разберетъ, что тутъ написано, особенно благодаря твоимъ «пунтамъ», намираціямъ» и «знакамъ». Да когда же я тебѣ говорилъ объ этомъ? Что ты врешь?

— Да вы изволили сказывать.

— Ну довольно... Разскажи на словахъ.

Идетъ разсказъ, изъ котораго обнаруживается, что вышло нѣкоторое недоразумѣніе, въ результатѣ котораго земскій спрашиваетъ:

— Значитъ надо было арестовать Андрея, а взять Василій?

— Точно такъ, ваше вскородіе.

Раздался рѣзкій звонокъ, и появился, видимо, письмоводитель.

— Вы кого вчера приказали арестовать?—послышался вопросъ.

— Какъ вы изволили приказать: сына Матрены Лаптевой.

— А вы знаете, что у нея двое сыновей?

— Нѣтъ.

— То-то же «нѣтъ»!

— Вы не изволили объяснить.

— А, чортъ бы васъ всѣхъ побралъ!.. Никакой сообразительности!.. Второй годъ вы служите, а никакого понятія не имѣете ни о чемъ! Напишите приказъ объ арестѣ Андрея Захарова, сына Матрены отъ перваго мужа.

— Да его нѣтути,—послышалось робкое сообщеніе.

— Какъ «нѣтути»? А гдѣ же онъ?

— Богъ его знаетъ, гдѣ онъ: сказывали ушелъ.

— Я знать ничего не хочу! Чтобы ты его доставилъ мнѣ сегодня же понимаешь?! Се-годня же! Вонъ! А вы немедленно составьте бумагу и покажите мнѣ...

Земскій вышелъ затѣмъ къ г. Бѣлоконскому, извинился, что забылъ было о немъ, такъ какъ, сказалъ онъ, «вы не можете себѣ представить, какая масса дѣла у нашего брата, какъ запуталась деревенская жизнь». Попросивъ своего собесѣдника перейти въ кабинетъ, земскій приказалъ принести то «донесеніе», о которомъ только что шла рѣчь.

— Вы никогда не были свидѣтелемъ землетрясенія?—началъ со страннаго вопроса Даніилъ Семеновичъ («земскій»).

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— Я тоже не имѣлъ удовольствія испытать настоящее землетрясеніе, но полагаю, что ощущеніе его то же самое, что испытываетъ теперь каждый искренній патріотъ, вникнувъ въ жизненный процессъ современной деревни.

Между тѣмъ, принесли «донесеніе», чрезвычайно безграмотное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайно любопытное.

Вотъ что гласилъ этотъ дословно воспроизводимый г. Бѣлоконскимъ документъ:

«Согласно личному приказу Вашаво Высокоблагородіи того числа произвели дознанія чему слѣдуютъ пунты: 1) у дома матрены Лаптевой диствительно былъ наротъ! 2) Матрена сказываетъ што: знать не знаю, ведать не ведаю не то, что она брешетъ. 3) акулька слыхала сама законъ, а што то обозначаетъ говорить не знаю. 4) Гараска пастухъ слихалъ законъ сказывалъ сынъ Матрены. 5) Патаму на другой день ввечери подашелъ я потихонку и вижу вокне огонь и наротъ: матрена, сидоръ; кузнецъ: никита суседъ; а сынъ за столомъ сидитъ и подперъ морду руками. 6) я въ хожу говорю? добрый вечѣръ отвечаютъ же поклономъ а онъ молчитъ и вносе ковиряетъ. 7) я говорю о чѣмъ балакаете, а онъ всерцахъ говоритъ тибе какое дѣло а я говорю; чего наротъ мутите а я говоритъ не мучу. 8) а я говорю какъ дамъ тебѣ

вморду не будишь мутить а онъ говоритъ попробуй 9) я сказываю барину пожалусь онъ тибе пропишетъ а онъ всырцахъ говорить не боюсь сказываить твоиво барина и на иво законъ ѣстъ 10) и еще сказываить и на твоиво ба-барина судъ есть а я говорю иди къ барину а онъ говорить пускай повестку повестку присылаетъ зачемъ я ему ежели законъ поиду а ежели закона нетути нипоиду? я говорю ну попомнишь сиби о чемъ имею честь донести вашему высокому благородію кусматренію сильской староста растапиринъ сило болшия дурака двадцатъ пятово маія».

— Любопытный документъ,—сказалъ я.

— Правда?

— Да.

— Вотъ не угодно ли вамъ возиться съ такими идіотами!..

Тутъ Даніилъ Семеновичъ неожиданно перешелъ къ вопросамъ важности государственной, заперевъ изъ предосторожности всѣ двери и понизивъ голосъ.

— Я полагаю, что мнѣ удастся убѣдить васъ и относительно полной невозможности производить съ настоящій моментъ описаніе Большихъ Дураковъ.

— Я, знаете ли, скептически отношусь къ такимъ опасеніямъ; вотъ уже болѣе десяти лѣтъ я занимаюсь статистикою, постоянно слышу подобныя вашимъ опасенія, но ни разу ничего не было...

— Ну, знаете ли, все это дѣлается постепенно, что ни говорите, а свободный безпрепятственный доступъ города въ деревню заражаетъ послѣднюю и она разлагается на глазахъ. Но я буду совершенно корректенъ и настаиваю лишь относительно Большихъ Дураковъ. Я вамъ рекомендую описать сейчасъ волость К—скую, Т—скую, затѣмъ Р—скую и тогда прибыть сюда; къ этому времени все будетъ выяснено...

— Позвольте васъ спросить: это предложеніе ваше или требованіе?

— Я бы васъ убѣдительно просилъ сейчасъ не трогать Большихъ Дураковъ.

— А если я «трону»?

— Вамъ не удастся собрать сходъ.

— Вы не позволите?

— Д-да, пожалуй.

Пришлось, конечно, разстаться какъ съ Даніиломъ Семеновичемъ, такъ и подождать произвести описаніе Большихъ Дураковъ. Проходя черезъ село, Бѣлоконскій увидѣлъ большое оживленіе. По приказу земскаго, искали Андрюшку Захарова.

— Да кто же это Андрюшка Захаровъ?—спросилъ г. Бѣлоконскій прохожую дѣвушку.

— Мастеровой изъ города.

— Что же онъ здѣсь дѣлалъ?

— На гармоніи игралъ. Пѣсни городскія научилъ насъ пѣть.

— А почему же его ищутъ?

— Онъ спуску никому не давалъ и насъ въ обиду не допускалъ. Соберемся, бывало, вотъ здѣсь у криницы: онъ играетъ, а мы поемъ; придетъ

староста или урядникъ, или десятскій и ну гнать, а онъ какъ крикнетъ: «По какому праву?» Развѣ нельзя народу пѣсни пѣть?! И никто ничего съ нимъ подѣлать не могъ.

У дьяконовской квартиры г. Бѣлоконскаго уже ждала толпа крестьянъ, желавшая принести какую-то жалобу. Изъ толпы слышались возгласы по адресу отсутствующихъ обидчиковъ: «Ты бить не смѣй!» «Такихъ правовъ нѣтъ!» «А то гляди какъ бы самому не влетѣло».

Не малаго труда стоило г. Бѣлоконскому убѣдить крестьянъ, что никакихъ жалобъ онъ принимать не имѣетъ права.

Между тѣмъ, авторъ встрѣтился съ Зосимой, который убѣдительно просилъ его дать ему мѣсто статистика. Дѣло можно было бы устроить, но затрудненіе состояло въ томъ, утвердитъ ли губернаторъ.

Когда г. Бѣлоконскій отправился изъ Большихъ Дураковъ и отъѣхалъ нѣсколько верстъ, то его возница обратился къ нему съ такой просьбой:

— Господинъ, не позволите ли человѣка одного подвезти?

— Пожалуйста. А гдѣ же этотъ человѣкъ?

— Немножко подальше, должно быть.

Возница сталъ во весь ростъ на телѣгу, осматривая мѣстность, поросшую мелкимъ кустарникомъ, и, немного спустя, тихо свистнулъ.

Въ отвѣтъ на это послышался тоже свистъ и не вдалекѣ показался человѣкъ городского типа: въ картузѣ, пиджакѣ, въ брюкахъ на выпускъ и съ гармоніей подъ мышкою.

Не трудно было догадаться, что это былъ Андрюшка. Онъ нерѣшительно подошелъ къ телѣгѣ...

— Садитесь,—сказалъ я ему, замѣтивъ его нерѣшительность.

Онъ переглянулся съ возницею, а послѣдній, потупивъ глаза, нерѣшительно заговорилъ со мною.

— Не позволите ли, господинъ, на станціи отскочить? Мы отъ нея будемъ проѣзжать верстахъ въ пяти...

— Если вамъ такъ нужно, что же могу я сказать?..

— Благодарю васъ, господинъ!

По дорогѣ Андрюшка (это, конечно, былъ онъ) спросилъ у г. Бѣлоконскаго, нѣтъ ли у него въ городѣ знакомыхъ адвокатовъ, и, когда послѣдній назвалъ нѣсколькихъ извѣстныхъ ему присяжныхъ повѣренныхъ, разговорился, «сталъ разносить деревенскіе порядки, каковые и заставили его, Андрея, бѣжать въ городъ, посовѣтоваться съ адвокатомъ и кромѣ того лично принести жалобу губернатору. Между прочимъ онъ сообщилъ мнѣ, что земскій начальникъ приказалъ волостному старшинѣ, чтобы тотъ добился приговора тѣлеснаго наказанія его, Андрея, а онъ, земскій начальникъ, утвердитъ этотъ приговоръ. «Тогда,—сказалъ начальникъ,—онъ броситъ свою фанаберію». Наконецъ, изъ разговоровъ выяснилось, что возница мой—солдатъ въ запасѣ и познакомился онъ съ Андреемъ еще въ городѣ».

Около станціи Андрей оставилъ автора разсказа.

Черезъ нѣкоторое время Зосима, къ великой его радости, былъ утвержденъ

губернаторомъ въ должности статистика, но радость его продолжалась недолго. Какъ-то разъ г. Бѣлоконскій и Зосима («работавшій, какъ волъ») были вмѣстѣ на изслѣдованіи. Во время совмѣстнаго переѣзда изъ одной деревни въ другую, «насъ нагналъ становой приставъ, предъявившій бумагу отъ губернатора, въ которой требовалось, чтобы статистическія изслѣдованія были немедленно прекращены и статистики составили уѣздъ.

«Зосима чуть не расплакался при этомъ извѣстіи, но это не помогло горю, и мы должны были съ нимъ разстаться причемъ я пообѣщалъ ему, въ случаѣ, если возобновятся работы, опять пригласить его, а быть можетъ зачислить въ постоянный составъ бюро, если все будетъ обстоять благополучно. Но, пріѣхавъ въ городъ, я узналъ, что статистическое бюро закрыто «впредь по выясненіи «дѣла», возникшаго при описаніи N—скаго уѣзда».

Такова эта интересная страничка изъ лѣтописи современнаго житья-бытья въ деревнѣ.

За границей.

Англійская общественная жизнь. Король Эдуардъ, тотчасъ же по своемъ восшествіи на англійскій престолъ, выказалъ намѣреніе измѣнить вѣками установленный обычай соблюденія воскреснаго дня въ Лондонѣ. Онъ пожелалъ ввести въ Лондонѣ обычай всѣхъ остальныхъ европейскихъ столицъ въ этомъ отношеніи, и это вызвало цѣлый переворотъ въ жизни лондонскаго общества. Лондонскій Вестъ-эндъ сталъ неузнаваемъ по воскресеньямъ, и на улицахъ этой части города господствуетъ по воскреснымъ днямъ такое же точно оживленіе, какое обыкновенно наблюдается только въ будни. Подъ вечеръ по улицамъ тянутся ряды экипажей, между тѣмъ какъ прежде считалось непозволительнымъ запрягать въ воскресенье. Многіе считали даже грѣхомъ ѣздить на извозчикѣ; теперь же извозчики встрѣчаются на каждомъ шагу, и лондонское населеніе уже привыкло къ этому и не бросаетъ болѣе негодующихъ взоровъ, заслышавъ въ воскресенье звуки военнаго оркестра. Король и принцесы часто по воскресеньямъ выѣзжаютъ на смотры и парады, чего никогда не бывало при королевѣ Викторіи. Но англиканское духовенство продолжаетъ въ ужасѣ спрашивать себя: что будетъ дальше? и съ негодованіемъ смотритъ на такое нарушеніе обычаевъ страны.

Въ прежнія времена лондонское общество обыкновенно покидало Лондонъ въ концѣ недѣли, убѣгая отъ скучнаго воскресенья; теперь уже въ этомъ нѣтъ надобности, и Лондонъ не пустѣетъ больше по воскресеньямъ. Митинги также часто устраиваются по воскресеньямъ. Въ одно изъ воскресеній происходилъ также митингъ, устроенный членами общества Рёскина съ цѣлью поставить коллегію Рёскина въ Оксфордѣ на болѣе солидныя и прочныя основанія. Коллегія имени Рёскина, открытая для рабочихъ при оксфордскомъ университетѣ, существуетъ уже болѣе трехъ лѣтъ и дѣятельность ея все болѣе расширяется. Особенно возрастаетъ число корреспондентовъ, достигающее въ настоящее время 3.000 человѣкъ, разбросанныхъ по всѣмъ британскимъ островамъ. На митингѣ,

который отличался многолюдствомъ, директоръ коллегіи Рёскина въ краткихъ словахъ изложилъ цѣли этого учрежденія и обрисовалъ его дѣятельность. Коллегія Рёскина не находится въ связи ни съ какимъ университетомъ и не стремится давать спеціальное классическое, коммерческое, техническое или артистическое образованіе. Какую же цѣль преслѣдуетъ коллегія? Она старается дать гражданское воспитаніе, обучить гражданскимъ обязанностямъ. Основатели коллегіи Рёскина, исходя изъ того убѣжденія, что гражданское воспитаніе находится въ Англіи въ нѣкоторомъ пренебреженіи, рѣшили на первомъ планѣ поставить обученіе гражданскимъ обязанностямъ. Рабочій гораздо болѣе извлечетъ для себя пользы изъ знанія конституціоннаго устройства и исторіи своей страны и политической экономіи нежели изъ того, что ему будутъ извѣстны названія всѣхъ острововъ Полинезіи. Но коллегія не преслѣдуетъ никакихъ практическихъ цѣлей и не имѣетъ въ виду обучать практическимъ знаніямъ и прикладнымъ наукамъ, которыя давали бы возможность человѣку зарабатывать средства къ жизни. Все, къ чему стремится коллегія—это сдѣлать человѣка хорошимъ и разумнымъ гражданиномъ, понимающимъ свои права и обязанности. Поэтому, въ коллегіи, прежде всего, обращается вниманіе на исторію учрежденій и идей въ лицѣ главныхъ ихъ представителей и дѣятелей. Въ заключеніе ораторъ выразилъ увѣренность, что коллегія Рёскина сыграетъ важную роль въ интеллектуальномъ пробужденіи страны.

Финансовое положеніе коллегіи, однако, оказывается не вполнѣ обезпеченнымъ и потому на митингѣ была принята резолюція о необходимости обратиться къ англійской публикѣ. Сочувствіе англійскаго общества, впрочемъ, находится на сторонѣ коллегіи и потому не можетъ быть сомнѣнія, что финансовая поддержка будетъ ей оказана. Тотчасъ же послѣ того, какъ состоялся митингъ, дирекція получила отъ двухъ джентельменовъ по 1.000 фунтовъ въ пользу коллегіи. Многія промышленныя общества также обѣщали свою поддержку.

Въ лондонскихъ газетахъ много шума возбудилъ инцидентъ, который произошелъ недавно въ одномъ изъ самыхъ фешенебельныхъ дамскихъ клубовъ. Одна изъ дамъ на засѣданіи высказала мнѣніе, что клубъ напоминаетъ зоологическій садъ, такъ какъ въ немъ собраны, какъ на выставку, различные болѣе или менѣе непріятные женскіе типы, которые въ обществѣ не бросаются въ глаза. Такое нелюбезное заявленіе произвело сильнѣйшій скандалъ, и даму немедленно исключили изъ клуба. Но возбужденіе не улеглось, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ дамъ объявили, что онѣ не могутъ не признать мужества своего бывшаго сотоварища, не побоявшагося откровенно и серьезно высказать свой взглядъ. Этотъ самъ по себѣ незначительный инцидентъ, однако, далъ поводъ къ тому, что во многихъ другихъ обществахъ былъ возбужденъ вопросъ объ искренности и о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ высказывать свои взгляды? Больше всего этотъ вопросъ занимаетъ женскія ассоціаціи, и уже во многихъ собраніяхъ этихъ ассоціацій была вотирована резолюція, выражающая одобреніе каждому свободно выраженному мнѣнію, и только нѣкоторыя резолюціи требуютъ все-таки, чтобы при этомъ были соблюдены извѣстныя формы обиходной вѣжливости.

Въ этомъ году былъ скромно отпразднованъ въ Лондонѣ столѣтній юбилей закона покровительства рабочимъ, вотированнаго англійскимъ парламентомъ въ 1802 году. Это былъ законъ Пиля объ охраненіи здоровья и нравственности учениковъ и другихъ рабочихъ, работающихъ на бумагопрядильныхъ и другихъ фабрикахъ, послужившій введеніемъ къ весьма обширному рабочему законодательству XIX-го вѣка. Законопроектъ Пиля заключалъ въ себѣ лишь самыя элементарныя предписанія относительно соблюденія чистоты, провѣтриванія мастерскихъ и т. п. и относится только къ шерстянымъ и хлопчатобумажнымъ фабрикамъ и къ находившимся на этихъ фабрикахъ дѣвочкамъ-ученицамъ. Эти дѣвочки были дѣти бѣдныхъ родителей, и община, бравшая ихъ на свое попеченіе, отдавала ихъ на продолжительный срокъ фабриканту, у котораго онѣ оставались обыкновенно до 21 года, какъ настоящія рабыни, работая отъ 12-ти до 16-ти часовъ въ сутки. Несчастныя дѣти раздѣлялись на дневную и ночную смѣну, такъ что они обыкновенно съ фабрики отправлялись въ постель, а съ постели на фабрику. Тѣ на которыхъ падало подозрѣніе, что онѣ хотятъ бѣжать, заковывались въ цѣпи. Главнымъ поводомъ къ введенію закона Пиля, была боязнь имущихъ классовъ, что эпидеміи, возникшія на фабрикахъ, вслѣдствіе такихъ невозможныхъ условій труда, получатъ распространеніе, и здоровье другихъ классовъ подвергнется опасности. Такимъ образомъ были введены первыя санитарныя мѣропріятія на фабрикахъ, и сдѣланъ первый шагъ къ введенію рабочаго законодательства, которое получило теперь такое широкое развитіе.

Въ Ирландіи положеніе дѣлъ не улучшается. Выселенія фермеровъ продолжаются и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ произошли столкновенія между фермерами и властью. Въ парламентѣ, какъ только вопросъ коснется Ирландіи, также постоянно происходятъ словесныя стычки между депутатами. Недавно во время дебатированія вопроса о содержаніи статсъ-секретаря Ирландіи ирландскіе депутаты тотчасъ же завели рѣчь объ ирландской полиціи и ея злоупотребленіяхъ, напомнивъ объ исторіи полицейскаго Шеридана, оказавшагося агентомъ провокаторомъ. По словамъ одного ирландскаго депутата, дѣло Шеридана вызвало въ Ирландіи, Шотландіи, Австраліи и Канадѣ такую же сенсацію, какъ и дѣло Дрейфуса во Франціи. Между тѣмъ, Шериданъ, хотя и былъ уволенъ отъ службы, но, тѣмъ не менѣе, не былъ подвергнутъ судебному преслѣдованію за свои поступки. Статсъ-секретарь Ирландіи Вандгэмъ оправдывался тѣмъ, что когда Шериданъ находился въ Ирландіи, то противъ него существовало только подозрѣніе и не было никакихъ доказательствъ его вины, такъ что къ нему нельзя было примѣнить строгость закона; теперь же онъ ускользнулъ изъ подъ власти этихъ законовъ. Конечно, такое оправданіе не удовлетворило ирландскихъ депутатовъ и, какъ всегда, послужило поводомъ къ очень горячимъ дебатамъ, во время которыхъ съ обѣихъ сторонъ были высказаны разныя непріятныя истины.

Дѣла въ Японіи. Маленькая Японія, съумѣвшая въ короткое время занять выдающееся мѣсто въ концертѣ европейскихъ державъ въ восточной Азіи, об-

ращаетъ на себя вниманіе Европы своимъ быстрымъ развитіемъ, въ особенности со времени своего вступленія въ союзъ съ европейскимъ государствомъ, Англіей, которой Японія старается во многомъ подражать. То, что въ японскомъ народѣ, привыкшемъ въ теченіе тысячелѣтій къ азіатскому деспотизму, такъ быстро пробудился интересъ къ государственнымъ дѣламъ и потребность принимать въ нихъ участіе и расширить свои права, въ самомъ дѣлѣ представляетъ любопытное и даже исключительное явленіе. Японія подвигается впередъ гигантскими шагами и народъ уже теперь начинаетъ принимать участіе въ управленіи страной. Стремленіе къ самоуправленію стало развиваться въ Японіи, начиная уже съ 1859 года, какъ только страна была открыта для иностранцевъ и японцы получили возможность ближе ознакомиться съ европейскими обычаями. Микадо пошелъ на встрѣчу желаніямъ общества и ежегодно созывалъ въ Токіо губернаторовъ провинцій, для совмѣстнаго обсужденія нуждъ и желаній народа. Между тѣмъ, въ народѣ стали образовываться небольшія политическія ассоціаціи, имѣвшія цѣлью вызвать движеніе въ пользу конституціоннаго управленія и введенія реформъ въ Японіи. Либеральное правительство не препятствовало развиваться этимъ политическимъ группамъ и мало-по-малу всѣ эти группы слились въ одну большую либиральную партію въ 1860 г., подъ руководствомъ Уягаки. Вскорѣ, однако, въ этой, партіи произошелъ расколъ, и наиболѣе передовые элементы вышли изъ нея и образовали партію прогрессистовъ съ графомъ Окума во главѣ. Обѣ партіи до сихъ поръ, вмѣстѣ съ феодальною партіей, остаются руководителями японской политики. Еще одна партія, націоналъ-уніонисты, образовавшаяся одновременно съ либеральною партіей, просуществовала, впрочемъ, очень недолго и вскорѣ распалась. Такое усиленіе прогрессистскаго движенія вынудило Микадо созвать въ 1889 году коммиссію изъ юристовъ и государственныхъ ученыхъ и предложить имъ выработать проектъ конституціи. Народу было обѣщано введеніе конституціи въ 1890 г., но на самомъ дѣлѣ оно состоялось раньше, и въ 1889 году наступленіе конституціональной эры было отпраздновано, какъ національный праздникъ. Дополнительное постановленіе 1900 года внесло нѣкоторые перемѣны въ избирательномъ правѣ въ томъ отношеніи, что право голоса получили всѣ 25-ти-лѣтніе граждане, уплачивающіе хотя бы минимальный налогъ. Такъ какъ въ Японіи даже небольшой доходъ рабочаго или ремесленника подлежитъ обложенію налогомъ, то, слѣдовательно, въ выборахъ не принимаетъ активнаго участія только пролетаріатъ, совершенно лишенный всякихъ опредѣленныхъ средствъ къ жизни.

Японскій парламентъ состоитъ изъ верхней и нижней палаты, и всякій законъ, для того, чтобы получить силу, долженъ предварительно получить одобреніе обѣихъ палатъ и затѣмъ уже онъ подлежитъ санкціи микадо. Такимъ же точно образомъ утверждается и государственный бюджетъ. Однако, Микадо управлялъ страной безъ парламента въ теченіе 8-ми лѣтъ по изданіи конституціи. Это было возможно благодаря слѣдующему параграфу японской конституціи: «Въ случаѣ войны или національныхъ волненій, монархъ управляетъ страной, не неся отвѣтственности передъ націей». Японскіе министры отвѣтственны только

передъ монархомъ согласно 55-й статьѣ конституціи, хотя они и должны скрѣплять своею подписью его рескрипты. Что же касается парламента, то они не обязаны даже давать ему никакихъ объясненій относительно своей политики и японскому министру вполнѣ предоставляется право отвѣчать или нѣтъ на запросъ, предложенный ему въ палатѣ, такъ какъ онъ не обязанъ входить ни въ какія объясненія. Кромѣ того, микадо обладаетъ неограниченными правами распускать парламентъ, и, благодаря этому праву, еще ни одинъ японскій парламентъ не дотянулъ до своего срока. Въ настоящее время въ Японіи существуетъ довольно сильное движеніе въ пользу пересмотра конституціи и измѣненія нѣкоторыхъ ея параграфовъ, съ цѣлью расширенія прерогативъ парламента.

Недавно обнародованная статистика труда въ Японіи указываетъ, что число работницъ на японскихъ фабрикахъ достигаетъ 35,000. Высшая заработная плата для женщинъ около 50 коп., низшая—25 коп. Женщины, работающія на фабрикахъ, раздѣляются на ночныя и дневныя смѣны, и каждая смѣна работаетъ 11 часовъ. Въ началѣ каждаго новаго года имъ дается недѣля отдыха и въ теченіе года еще 5 или шесть дней. Затѣмъ онѣ получаютъ отдыхъ каждую недѣлю въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, въ то время, когда, осматриваются и исправляются машины на фабрикахъ. Въ послѣдніе годы замѣчается движеніе въ пользу улучшенія быта работницъ, устраиваются для нихъ сберегательныя кассы, дешевыя помѣщенія со столомъ и даже школы. При многихъ фабрикахъ находятся также доктора, хотя въ большинствѣ случаевъ на ихъ долю приходится мало работы, потому что, въ общемъ, здоровье фабричныхъ работницъ въ Японіи довольно хорошее. Такъ, напримѣръ, на одной бумагопрядильной фабрикѣ въ Токіо, на которой работаютъ 1.700 дѣвушекъ, въ отчетномъ году было констатировано только четыре случая заболѣваній, да и то не особенно серьезнаго характера.

Дѣвушки получаютъ занятіе на фабрикѣ черезъ агентовъ, которые служатъ поручителями за нихъ передъ хозяиномъ фабрики, т.-е. ручаются за ихъ характеръ и способность къ работѣ. Конечно, агентъ получаетъ за это извѣстную мзду со своихъ кліентовъ при поступленіи ихъ на фабрику и въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ. На фабрикахъ въ Токіо можно встрѣтить работницъ, которыя больше 20 лѣтъ работаютъ въ одной и той же мастерской.

Въ Австріи. Служащія въ вѣнскомъ почтовомъ и телеграфномъ вѣдомствѣ женщины отпраздновали недавно юбилей вступленія женщинъ въ Австрія на государственную службу. Тридцать лѣтъ тому назадъ министръ торговли возбудилъ вопросъ «о пригодности женщинъ для общественной и отвѣтственной службы». Вопросъ этотъ вызвалъ довольно оживленныя пренія въ парламентѣ, и, въ концѣ концовъ, было рѣшено въ видѣ опыта принять на службу на государственный телеграфъ сорокъ женщинъ и положить имъ двадцать гульденовъ въ мѣсяцъ содержанія за двѣнадцать часовъ работы въ сутки. Эти сорокъ піонерокъ женскаго движенія выдержали испытаніе блестящимъ образомъ, и, благодаря имъ, число женщинъ, находящихся на государственной службѣ,

возросло теперь съ 40 до 3.000, такъ что уже многіе называютъ почтовую и телеграфную службу «монополіей женскаго труда».

Австрійскій министръ, принимая женщинъ на государственную службу, руководствовался, главнымъ образомъ, экономическими соображеніями. Женщинамъ было назначено крайне ничтожное жалованье за очень большой и утомительный трудъ, и, благодаря этому, министръ могъ сократить бюджетъ. Однако, достаточно было пріотворить двери женщинамъ, чтобы онѣ постепенно распахнули ихъ настежъ, и всѣ аргументы противниковъ женскаго труда рушились сами собой. Прогрессивная австрійская печать посвятила самыя сочувственныя статьи этому юбилею, указывая на его значеніе въ соціальномъ отношеніи и выражая желаніе, чтобы число этихъ работающихъ женщинъ продолжало увеличиваться и чтобы положеніе ихъ было уравнено съ положеніемъ мужчинъ, такъ какъ до сихъ поръ еще продолжаетъ существовать убѣжденіе, что работу женщины слѣдуетъ оплачивать меньше работы мужчины, хотя бы она и была одинакова въ качественномъ и количественномъ отношеніи.

Женское движеніе въ Австріи сдѣлало еще шагъ впередъ, благодаря учрежденію женскаго союза, который долженъ служить умственнымъ центромъ всѣхъ австрійскихъ женскихъ ассоціацій. Три года тому назадъ, г-жа Маріанна Гайнишъ, одна изъ выдающихся дѣятельницъ австрійскаго женскаго движенія, начала свою пропаганду въ пользу учрежденія такого общеавстрійскаго женскаго союза и, наконецъ, ей удалось достигнуть своей цѣли. На учредительномъ собраніи она объявила, что 19 женскихъ ассоціацій, преимущественно въ Вѣнѣ, Брюннѣ и Прагѣ, выразили согласіе вступить въ союзъ. Очень было трудно, конечно, объединить столько отдѣльныхъ ассоціацій, преслѣдующихъ часто совершенно различныя цѣли и зачастую расходящихся въ своихъ воззрѣніяхъ. Многія изъ женскихъ національныхъ ассоціацій, которымъ было послано приглашеніе присоединиться къ союзу, даже не сочли нужнымъ отвѣтить на это приглашеніе. У многихъ и теперь существуетъ опасеніе, что союзъ составитъ конкуренцію отдѣльнымъ ассоціаціямъ, но примѣръ Германіи, гдѣ общегерманскій женскій союзъ существуетъ съ 1894 года, указываетъ неосновательность подобнаго опасенія.

Въ своей рѣчи на учредительномъ собраніи союза г-жа Гайнишъ сказала «Мы всѣ, въ этомъ союзѣ, такъ и въ отдѣльныхъ ферейнахъ, преслѣдуемъ возвышенные цѣли и планы. Моя цѣль вамъ также извѣстна: это—равноправность женщины и мужчины. Тѣмъ не менѣе я бы не стала совѣтовать союзу— хотя я вамъ и покажусь ретроградной—теперь же вступить на этотъ путь. Натискъ мы можемъ совершить отдѣльно, союзъ же долженъ дѣйствовать въ согласіи со всѣми ферейнами, изъ которыхъ онъ состоитъ и медленно и осторожно подвигаться къ своей цѣли. Вы спросите меня: что же въ такомъ случаѣ долженъ дѣлать союзъ? Онъ долженъ пробуждать женщинъ. Женщины въ Австріи работаютъ очень много для семьи, но очень мало для соціальныхъ проблемъ. Зачастую можно услышать такія слова: «Меня это не касается». Но это очень неправильная точка зрѣнія. Напримѣръ: какъ обстоитъ дѣло въ госпиталяхъ въ Австріи? Тамъ ощущается недостатокъ въ женскомъ попеченіи

и заботливости. То же самое и въ сиротскихъ пріютахъ—дитя не находитъ тамъ любви. Въ тюрьмахъ и въ области общественной нравственности мы не встрѣчаемъ слѣдовъ дѣятельности женщинъ. Мы должны постепенно раскрыть женщинамъ глаза и въ этомъ наша задача!»

Въ связи съ этою точкою зрѣнія, была вотирована программа союза, устанавливающая на первомъ планѣ благотворительную и соціальную дѣятельность союза, но область женскаго вопроса, согласно предложенію г-жи Гайнишъ, пока еще не включена въ эту программу, для того, чтобы союзу не былъ сразу приданъ боевой характеръ.

Въ вѣнскомъ женскомъ клубѣ г-жа Милена Владимірская прочитала свой докладъ объ отношеніи женщинъ къ вопросу мира. Обостреніе борьбы за существованіе пробудило женщину; оно заставило ее выйти изъ той пассивной роли, которуя она играла еще въ прошломъ столѣтіи, и принять активное участіе въ событіяхъ общественной жизни. Въ настоящее время вопросъ мира уже тѣсно связанъ съ женскимъ вопросомъ, въ виду этого г-жа Владимірская предложила организовать международную патріотическую лигу, которая включила бы въ свою программу всѣ три вопроса, находящіеся между собою въ тѣсной связи: вопросъ мира, женскій и соціальный вопросъ.

Баронесса Зуттнеръ, извѣстная дѣятельница движенія въ пользу всеобщаго мира, возразила, что среди женщинъ, къ сожалѣнію, находится не мало такихъ, которыя любятъ и прославляютъ войну и военныя доблести, и поэтому, было бы опасно отожествлять женское движеніе съ движеніемъ мира, такъ какъ это послужило бы препятствіемъ къ его успѣшному развитію. Нельзя также требовать отъ политиковъ, чтобы они всегда были поборниками женской равноправности. Конечно, для дѣла мира было бы очень полезно, если бы женщины также имѣли политическую власть, но теперь еще рано настаивать на этомъ. Тѣмъ не менѣе, и въ этомъ направленіи уже многое достигнуто. Въ Норвегіи изданъ законъ, который распространяетъ и на женщинъ избирательное право. Кромѣ того, правительство внесло законопроектъ, открывающій женщинамъ доступъ на государственную службу. Все это факты огромной важности, значеніе которыхъ опредѣлится впослѣдствіи. «Я предвижу день,—прибавила г-жа Зуттнеръ, улыбаясь, — когда во главѣ перваго министерства мира будетъ стоять женщина!..»

Эти заключительныя слова рѣчи разумѣется вызвали громъ аплодисментовъ, и затѣмъ начались пренія, главнымъ образомъ, по вопросу о гаагской конференціи и ея значеніи, причемъ г-жа Зуттнеръ защищала гаагскій третейскій судъ и высказалась противъ учрежденія предложенной г-жею Владимірской международной патріотической лиги.

Борьба національностей въ Австріи настолько обострилась въ послѣднее время, что теперь націоналистскій вопросъ премируетъ надъ всѣми прочими. Въ сущности, въ Австріи нѣтъ австрійцевъ, а есть чехи, поляки, словены, кроаты, сербы, румыны, итальянцы, нѣмцы да еще сюда слѣдуетъ причислить тирольцевъ, штирійцевъ, цыганъ и т. д. Вначалѣ борьба велась изъ-за первоначальныхъ школъ; затѣмъ различныя національности стали добиваться соб-

ственныхъ среднихъ школъ, гимназій и лицеевъ, но только однимъ чехамъ удалось при министерствѣ Шаафе добиться учрежденія чешскаго университета рядомъ съ нѣмецкимъ университетомъ. Въ настоящее же время университетскій вопросъ выдвигается на первый планъ. Итальянцы требуютъ открытія въ Тріестѣ итальянскаго университета, и министръ просвѣщенія почти обѣщалъ имъ это. Теперь словены также начинаютъ волноваться и требовать учрежденія словенскаго университета въ Лайбахѣ, а руссины — руссинскаго университета въ Лембергѣ (Львовѣ), католики, въ свою очередь, требуютъ основанія католическаго университета въ Зальцбургѣ, а чехи находятъ, что спасеніе ихъ національности зависитъ отъ того, будетъ или нѣтъ открытъ второй чешскій университетъ въ нѣмецкомъ городѣ Брюннѣ. Три года тому назадъ, при министерствѣ Туна, въ этомъ городѣ была основана вторая католическая школа—чешская, несмотря на протесты нѣмецкихъ жителей и муниципальнаго совѣта. Но самое любопытное, что во всемъ этомъ движеніи никто, повидимому, не интересуется вопросомъ, откуда возьмутся деньги и профессора для этихъ новыхъ университетовъ. Устраиваются митинги, вотируются резолюціи и австрійскій рейхсратъ до такой степени заваливается требованіями и запросами по этому поводу, что депутаты совсѣмъ теряютъ голову. Во всякомъ случаѣ, вопросъ объ учрежденіи національныхъ университетовъ въ Австріи до сихъ поръ остается открытымъ.

Въ Темешварѣ образовалось оригинальное учрежденіе «Бѣлаго Креста» — дѣтскій рынокъ, устроенный съ цѣлью завязать непосредственныя сношенія между несчастными покинутыми дѣтьми или сиротами и бездѣтными людьми, желающими взять на свое попеченіе какого-нибудь ребенка. Конечно, на этомъ «рынкѣ» нѣтъ и рѣчи о куплѣ и продажѣ и все дѣло заключается въ передачѣ питомцевъ воспитательныхъ домовъ въ частныя руки. Въ этомъ году состоялась первая «дѣтская ярмарка» подобнаго рода. Въ девяти часамъ утра на рынокъ явились бездѣтные супруги изъ Темешвара и другихъ мѣстъ и имъ было представлено около 30 дѣтей, въ возрастѣ отъ одного года до девяти лѣтъ, не имѣющихъ никого на свѣтѣ. Четырнадцать дѣвочекъ и пять мальчиковъ нашли желающихъ усыновить ихъ. Среди этихъ желающихъ было нѣсколько ремесленниковъ; одна молодая жена каменьщика выразила даже желаніе взять сразу двоихъ дѣтей. Многіе, пришедшіе позже, не нашли подходящихъ для себя дѣтей изъ тѣхъ, которые остались, и ушли съ пустыми руками. Когда состоится слѣдующая ярмарка—еще не рѣшено, но полагаютъ, что она будетъ происходить ежегодно.

Новая французская школа. Школьный инспекторъ д-ръ Газицкій, командированный городомъ Берлиномъ на парижскую выставку, напечаталъ теперь свой докладъ о новой французской народной школѣ, въ которой обученіе нравственности замѣнило религіозное обученіе. Учитель новой народной школы не старается замѣнить ни священника, ни отца, но соединяетъ свои усилія съ ихъ усиліями, для того, чтобы сдѣлать изъ ребенка человѣка. Поэтому, онъ въ особенности настаиваетъ на человѣческихъ обязанностяхъ, которыя сбли-

*

жаютъ между собою людей, а не на догматахъ, которые ихъ раздѣляютъ. Преподаваніе нравственности не носитъ, такимъ образомъ, атеистическаго или религіозно-враждебнаго характера. Церковные догматы и конфессіональныя разногласія исключены изъ программы народной школы, которая опирается на тотъ принципъ, что каковы бы ни были религіозныя разногласія, которыя впослѣдствіи могутъ раздѣлять людей, въ школѣ ученики должны быть всѣ равны и считать другъ друга братьями.

Классъ этики начинается чѣмъ-то въ родѣ утренней молитвы, пѣніемъ и обсужденіемъ какого-нибудь нравственнаго правила. Обязанность учителя пріучить дѣтей уважать законъ и не относиться легко къ вопросамъ религіи и нравственности. Въ этомъ смыслѣ преподаваніе нравственныхъ началъ въ свѣтской французской школѣ мало отличается отъ религіознаго преподаванія въ католической школѣ. Гораздо характернѣе въ данномъ случаѣ политическое ученіе, которое находится въ связи съ нравственнымъ обученіемъ во французской народной школѣ. Божество, неограниченно господствующее въ этой области, зовется «отечествомъ». Храмомъ этого божества служатъ всѣ общественныя зданія, на которыхъ красуется девизъ: «свобода, равенство и братство», и каждый молодой французъ научается поклоняться этому божеству и считать величайшею честью умереть за славу своего отечества. Но главною характерною чертою патріотизма, преподаваемаго во французскихъ школахъ, является воинственность и идея реванша, которая отражается во всѣхъ французскихъ руководствахъ нравственности. Однако, одинъ изъ французскихъ народныхъ учителей сказалъ по этому поводу Гирецкому: «Этотъ шовинизмъ существуетъ гораздо болѣе въ книгахъ, нежели въ головахъ и сердцахъ учителей». Какъ бы то ни было, но шовинистскіе взгляды преподаются все-таки въ школѣ, наравнѣ съ республиканскою идеей, которую учитель старается внушить своимъ ученикамъ.

Но наряду съ этимъ ученики народной школы получаютъ также весьма много положительныхъ познаній относительно конституціи и управленія страной, такъ что въ этомъ отношеніи французская народная школа стоитъ впереди всѣхъ другихъ школъ и, дѣйствительно, приготовляетъ сознательныхъ гражданъ и избирателей. Совершенно особое мѣсто между нравственностью и политикой занимаютъ въ этой школѣ экономическіе вопросы. Цѣль жизни каждаго француза сдѣлаться рантье, и, поэтому, школа поощряетъ дѣтей къ бережливости, устраивая школьныя сберегательныя кассы. Вообще французская народная школа, какъ это признаетъ и нѣмецкій школьный инспекторъ, выпускаетъ учениковъ съ цѣлымъ запасомъ практическихъ свѣдѣній и жизненныхъ правилъ, изъ которыхъ онъ можетъ извлечь потомъ пользу въ дальнѣйшей своей дѣятельности. «Нѣтъ сомнѣнія,—говоритъ д-ръ Газицкій,—что воспитаніе, получаемое подростающимъ поколѣніемъ въ новой французской народной школѣ, должно будетъ выразиться въ скоромъ времени повышеніемъ нравственнаго уровня націи и школьные ученики внесутъ въ семьи новыя понятія о нравственности и косвеннымъ образомъ будутъ оказывать морализующее вліяніе на родителей. «L'enfant deviendra le moralisateur de la famille».

Французская печать много волнуется по поводу письма одного деревенскаго священника, Георга Руссака, который обратился къ епископу Орлеанскому съ прошеніемъ объ увольненіи отъ должности. Руссакъ объявляетъ, что онъ покидаетъ французскую церковь на томъ основаніи, что въ ней царитъ «политическая нетерпимость». Церковь эта стремится подчинить каждаго священника клерикальному господству и обратить его въ избирательнаго агента. Свои слова и объясненія Руссакъ подкрѣпляетъ доказательствами и фактами и говоритъ о притѣсненіяхъ, которыя ему приходится выносить, благодаря тому, что онъ отказался выступить противъ республиканцевъ, какъ того требуютъ французскіе клерикалы. При такихъ условіяхъ онъ считаетъ невозможнымъ примиреніе и сближеніе между церковью и современными идеями, и такъ какъ духовенство стремится замѣнить свой прежній религіозный апостолатъ свѣтскою властью, то онъ не находитъ возможнымъ долѣе оставаться въ рядахъ церкви, «превратившейся въ воинствующаго политическаго фактора».

Это письмо въ особенности вызвало бурю въ рядахъ «присоединившихся» клерикаловъ и клерикальной буржуазіи и, конечно, еще долго будетъ служить пищей для полемики, появившись въ самый разгаръ клерикальной борьбы во Франціи.

Школа тропической медицины. Въ 1899 году въ Лондонѣ была основана школа тропической медицины по идеѣ Чэмберлена, обратившагося съ воззваніемъ къ директорамъ морского госпиталя въ Гринвичѣ и просившаго ихъ содѣйствія въ дѣлѣ распространенія этой идеи въ публикѣ. Колоніальное управленіе пожертвовало 3.500 фунтовъ на учрежденіе этой школы, индійское правительство—1.000, а на общественномъ банкетѣ, на которомъ предсѣдательствовалъ Чэмберленъ, была подписана огромная сумма въ 16.000 фунтовъ. Такимъ образомъ, открытіе школы было обезпечено, и съ момента открытія недостатка въ студентахъ ни разу не ощущалось. Курсъ тропической медицины—трехмѣсячный, но къ слушанію его допускаются лишь люди, обладающіе соотвѣтствующими познаніями въ медицинѣ и нуждающіеся только въ дополненіи этихъ познаній тѣми, которыя необходимы для медицинской практики въ тропикахъ. Въ началѣ предполагалось принимать въ школу не больше 12-ти человѣкъ заразъ, но пришлось увеличить это число вдвое, въ виду огромнаго наплыва желающихъ. Школа командировала двухъ человѣкъ въ римскую Кампанью для изученія маляріи и средствъ борьбы съ нею. Другіе двое командированы въ Бразилію для изслѣдованія причинъ желтой лихорадки. Къ несчастью, оба заболѣли, и одинъ умеръ, но другой выздоровѣлъ и продолжалъ свои изслѣдованія. Благодаря бо̀льшему знакомству европейцевъ съ характеромъ тропическихъ болѣзней и особенностями тропическаго климата, многія мѣстности, гдѣ пребываніе считалось для европейцевъ крайне опаснымъ, теперь стали доступными европейской колонизаціи. Еще сравнительно недавно жизнь въ Калькуттѣ была сопряжена съ большою опасностью для здоровья европейцевъ, но теперь, благодаря санитарнымъ мѣропріятіямъ, положеніе измѣнилось, и европейцы могутъ, соблюдая извѣстныя мѣры предосторожности, жить въ Калькуттѣ, не подвергая

серьезной опасности свое здоровье. Островъ Барбадосъ, какъ извѣстно, пользуется очень дурной репутаціей, благодаря тому, что жители этого острова подвержены очень непріятной и неизлечимой накожной болѣзни, которая называется «элефантіазисомъ» ((Elephantiasis), но теперь, когда открыто паразитное происхожденіе этой болѣзни, д-ръ Патрикъ Мансонъ въ своемъ докладѣ въ обществѣ колоніальной медицины объявилъ, что болѣзнь эта можетъ быть совершенно уничтожена на островѣ въ теченіе одного только поколѣнія, если будутъ приняты извѣстныя мѣры противъ ея распространенія.

Д-ръ Патрикъ Мансонъ указываетъ въ своемъ докладѣ на огромную пользу, которую можетъ принести человѣчеству знаніе тропической медицины. Неопытный врачъ, отправляющійся въ тропики, въ концѣ концовъ пріобрѣтаетъ необходимую опытность въ обращеніи съ тропическими болѣзнями, но такое знаніе достается ему не легко и притомъ всегда бываетъ поверхностнымъ. Между тѣмъ, вслѣдствіе незнакомства европейскихъ врачей съ тропическими болѣзнями, смертность отъ этихъ болѣзней всегда бываетъ очень велика. Европейскій врачъ часто не умѣетъ распознать тропической болѣзни или замѣтить своевременно опасность. Д-ръ Патрикъ Мансонъ разсказалъ случай, когда призванный къ больному врачъ поставилъ діагнозъ простой лихорадки и не предвидѣлъ никакой опасности, между тѣмъ больной черезъ нѣсколько часовъ умеръ. У него была одна изъ тѣхъ безчисленныхъ тропическихъ болѣзней, симптомы которой могутъ быть не распознаны даже хорошимъ врачомъ, если только онъ не обладаетъ спеціальными познаніями въ области тропической медицины. Въ настоящее время эти познанія могутъ быть получены въ лондонской школѣ тропической медицины, но такъ какъ для успѣшнаго хода дѣла необходимы командировки въ тропическія страны и организація научныхъ изслѣдованій на болѣе или менѣе широкихъ основаніяхъ, то средства, которыми располагаетъ медицинская школа, оказываются недостаточными. Англійская печать, впрочемъ, старается возбудить своими статьями интересъ англійской публики къ этому учрежденію, и уже начинаютъ притекать пожертвованія для увеличенія средствъ лондонской школы. Кромѣ того, сэръ Фрэнсисъ Ловелль отправился путешествовать въ различныя тропическія страны, со спеціальною цѣлью заинтересовать тамошнихъ богачей въ этомъ дѣлѣ и побудить ихъ оказать финансовую поддержку лондонской школѣ. Въ Лондонѣ твердо увѣрены, что миссія сэра Фрэнсиса Ловелля увѣнчается полнымъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что лондонская школа тропической медицины представляетъ единственное въ своемъ родѣ учрежденіе въ цѣломъ мірѣ.

Туземный вопросъ въ Южной Африкѣ. Корреспонденты иностранныхъ газетъ въ Южной Африкѣ обращаютъ вниманіе на то, что въ настоящее время отношеніе южно-африканскихъ туземцевъ къ бѣлымъ сильно измѣнилось. Отчасти въ этомъ виновна трансваальская война, отчасти же пропаганда американской эфіопской миссіи, всего годъ тому назадъ начавшей свою дѣятельность, но уже получившей большое распространеніе среди туземцевъ. Миссія ставитъ своимъ девизомъ: «Африка для туземцевъ», и этотъ девизъ имѣетъ такое

вліяніе на туземныхъ учителей, что тысячи изъ нихъ выражаютъ полную готовность дѣлать правильные взносы въ кассу миссіи съ цѣлью «избавленія отъ ига бѣлыхъ». Одинъ изъ англійскихъ корреспондентовъ говоритъ, что если спросить любого туземца, что онъ понимаетъ подъ словами «иго бѣлыхъ», то онъ отвѣтитъ цѣлыми цитатами изъ Ветхаго завѣта. Туземные миссіонеры проповѣдуютъ «независимую туземную южно-африканскую церковь», и это движеніе представляетъ много привлекательныхъ сторонъ для туземцевъ объединяя ихъ подъ покровомъ религіи и ради общей цѣли. До настоящаго времени не существовало никакой объединяющей идеи, да и достигнуть подобнаго единенія было трудно уже потому, что туземцы раздѣлялись на безчисленныя племена, большею частью враждовавшія между собой. Но именно въ этой враждѣ и заключалась безопасность бѣлыхъ жителей Южной Африки. Въ сущности городскіе жители въ Южной Африкѣ почти совсѣмъ не знакомы съ образомъ мыслей туземцевъ и, поэтому, совершенно не замѣчаютъ надвигающейся опасности, которая, по мнѣнію англійскихъ корреспондентовъ, можетъ явиться для нихъ такою же неожиданностью, какъ нѣкогда ультиматумъ Крюгера. Въ южно-африканской печати ничего не говорится объ этомъ движеніи, и это объясняется тѣмъ, что большинство южно-африканскихъ журналистовъ пріѣзжаютъ изъ Англіи и совершенно незнакомы ни съ туземною жизнью, ни съ характеромъ туземныхъ жителей. Фермеры же, понимающіе дѣло, не пишутъ въ газетахъ и отъ этого газеты молчатъ о такомъ важномъ фактѣ, какъ туземное движеніе. Впрочемъ, годъ тому назадъ одна вліятельная газета высказала предостереженіе, но никто ни обратилъ вниманіе на это, и съ тѣхъ поръ мѣстная печать больше не затрогивала этого вопроса. Между тѣмъ, въ Южной Африкѣ, несомнѣнно, назрѣваетъ туземный вопросъ, который можетъ принять неожиданно для европейцевъ весьма опасный характеръ.

Изъ американской жизни. Нѣсколько времени тому назадъ въ Итакѣ, маленькомъ городкѣ съ 15.000 жителей, расположенномъ на берегу хорошенькаго озера въ западной части штата Нью-Іорка и обязанномъ своею извѣстностью корнелльскому университету, находящемуся въ этомъ городѣ, состоялся интересный ораторскій турниръ. На сценѣ театра Итаки, декорированной университетскими знаменами и звѣздными американскими флагами, собралось двѣнадцать студентовъ, одѣтыхъ во фраки и бѣлые галстухи. Они заняли мѣста по три человѣка за столами, находящимися другъ противъ друга, и на каждомъ столѣ поставленъ былъ кувшинъ съ ледяной водой и стаканъ. Зрительная зала, начиная отъ партера до галлерей, была переполнена публикой, состоящей изъ студентовъ, студентокъ, городскихъ обитателей съ семействами и профессоровъ. Вся эта публика, державшаяся очень корректно, несмотря на возбужденное состояніе, въ которомъ она находилась въ ту минуту, явилась въ театръ, чтобы присутствовать на ораторскомъ состязаніи или на «университетскихъ дебатахъ», какъ говорятъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Съ одной стороны находились представители университета Колумбія (штатъ Нь-Іоркъ), съ другой—ораторы университета Корнелля въ Итакѣ. Предметомъ дебатовъ служила доктрина Монроё. Поставленъ былъ вопросъ: «Слѣдуетъ ли Соединен-

нымъ Штатамъ воспротивиться силой, если къ тому представится надобность, колонизаціи Южной Америки какою-либо европейскою державой?» Университетъ Колумбія доказывалъ, что доктрина Монроё должна быть проведена безъ всякихъ колебаній и компромиссовъ вездѣ, корнелльскій университетъ настаивалъ на томъ, что необходимо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ обсудить всѣ обстоятельства дѣла и положенія вещей и дѣйствовать осмотрительно и съ должною умѣренностью. Каждая партія имѣла своего оратора, который и долженъ былъ развивать и поддерживать ея точку зрѣнія. Этотъ ораторъ выходилъ на авансцену, кланялся президенту собранія и затѣмъ обращался къ публикѣ, развивая свою аргументацію. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только десять минутъ, ни секунды болѣе. По прошествіи десяти минутъ колокольчикъ прерывалъ оратора, и ораторъ другой партіи занималъ его мѣсто. Публика съ большимъ интересомъ и безпристрастіемъ выслушивала каждаго оратора, апплодируя и выказывая свое одобреніе въ удачныхъ мѣстахъ, совершенно независимо отъ развиваемой ораторомъ точки зрѣнія.

Когда были произнесены всѣ шесть первыхъ рѣчей, то наступила очередь возраженій, которыя дѣлались на основаніи аргументовъ и взглядовъ, навѣянныхъ рѣчами ораторовъ и наскоро набросанныхъ во время этихъ рѣчей. Но на возраженія полагалось не болѣе пяти минутъ и именно тутъ то предоставлялось каждому выказать свою находчивость и свой импровизаторскій талантъ. Возражать, конечно, было труднѣе, чѣмъ произносить рѣчь, такъ какъ рѣчи обыкновенно составлялись заранѣе, и каждая группа распредѣляла между своими членами различные пункты аргументаціи, заранѣе уже установленной обѣими сторонами и только относительно возраженій предоставлялась полная свобода. Удачное возраженіе вызывало въ публикѣ восторгъ и поощреніе. Ораторъ, съумѣвшій краснорѣчивымъ образомъ развить свою точку зрѣнія, вложить пылкость въ свои рѣчи, выказать остроуміе, могъ разсчитывать на большой успѣхъ. Удачно сказанная эпиграмма или кстати приведенный анекдотъ, неизмѣнно приводили въ восторгъ всю аудиторію, но больше всего публика цѣнила звучность голоса и плавность рѣчи.

На происходившемъ турнирѣ наибольшій успѣхъ выпалъ на долю представителя корнелльскаго университета. Онъ очень остроумно построилъ свою рѣчь. Безъ сомнѣнія, въ пользу доктрины Монроё можно привести множество крайне серьезныхъ историческихъ доводовъ, сказалъ онъ, но изъ-за того, что она существуетъ 79 лѣтъ, еще не слѣдуетъ, что американская дипломатія должна вѣчно вращаться въ ея предѣлахъ. Прецедентъ остается прецедентомъ, но онъ не можетъ служить основаніемъ для дальнѣйшаго образа дѣйствій. Притомъ же никогда доктрина Монроё не примѣнялась съ такою непримиримою строгостью и въ дѣйствительности колонизація въ Южной Америкѣ совершалась безъ особенно сильнаго сопротивленія со стороны Соединенныхъ Штатовъ. Самъ авторъ доктрины Монроё, президентъ Адамсъ, находилъ, что необходимо изслѣдовать каждый случай отдѣльно, а не примѣнять во всѣхъ случаяхъ неизмѣнное и абсолютное правило, не взирая ни на какія обстоятельства и особенныя условія.

Развиваемый ораторомъ тезисъ имѣлъ успѣхъ, тѣмъ болѣе, что и другіе ораторы, поддерживавшіе его, оказались на высотѣ своего призванія. Трое изъ судей—три иностранныхъ профессора, находившіеся въ соперничествующихъ университетахъ, пришли къ заключенію, что ораторы корнелльскаго университета съ большимъ талантомъ, какъ относительно аргументаціи, такъ и относительно формы, развивали свою точку зрѣнія. Результаты приговора жюри были объявлены публикѣ при громѣ апплодисментовъ, въ то время, какъ побѣдители, такъ и побѣжденные крѣпко, «по-американски», жали другъ другу руки, какъ это бывало «во время оно» послѣ рыцарскихъ турнировъ. За дебатами слѣдовалъ банкетъ, соединившій противниковъ и служившій новымъ предлогомъ для рѣчей, исключительно уже являвшихся продуктомъ застольной импровизаціи.

Такого рода ораторскіе турниры устраиваются въ Америкѣ довольно часто, такъ какъ нигдѣ «искусство говорить», не имѣетъ такого значенія, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Американцы убѣждены, что никто не родится ораторомъ, и у нихъ ораторское искусство преподается систематически и сообразно извѣстному методу, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ.

Однако такъ называемые дебатирующія общества вовсе не составляютъ американскаго продукта; они народились въ Англіи, гдѣ и до сихъ поръ еще пользуются большимъ успѣхомъ, и оттуда уже завезены были въ Америку. Въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ, а затѣмъ и въ другихъ университетскихъ или школьныхъ мѣстностяхъ они служили настоящимъ разсадникомъ англійскихъ ораторовъ. Недавно одна англійская газета обратилась къ различнымъ англійскимъ государственнымъ дѣятелямъ съ вопросомъ объ ихъ отношеніяхъ къ этимъ существомъ. За малыми лишь исключеніями, почти всѣ изъ этихъ дѣятелей признали, что они обязаны очень многимъ названнымъ обществамъ. Чэмберленъ, напримѣръ, которому никакъ нельзя отказать въ ораторскомъ талантѣ, откровенно заявилъ, что онъ обязанъ развитіемъ своего краснорѣчія одному изъ провинціальныхъ дебатирующихъ обществъ.

Занесенныя въ Америку, дебатирующія общества пріобрѣли тамъ небывалое развитіе. Не только въ каждомъ университетѣ существуютъ ораторскіе клубы, но даже въ каждой деревенской школѣ устраиваются упражненія въ ораторскомъ искусствѣ. Филантропическія общества въ большихъ городахъ, маленькіе народные университеты, христіанскіе союзы молодежи, сиротскіе пріюты, школьныя попечительства и т. п. учрежденія имѣютъ каждое свою отдѣльную политическую организацію. Члены этой организаціи собираются разъ въ недѣлю, выбираютъ бюро, которое и вырабатываетъ темы для публичныхъ обсужденій. Каждый университетъ, кромѣ того, учреждаетъ премію, которая и выдается побѣдителю на ораторскомъ турнирѣ.

Въ теченіе года, въ различные періоды, молодые люди должны бываютъ произносить рѣчи передъ многочисленною аудиторіей и именно на этихъ конкурсахъ обнаруживаются будущіе ораторы и вожди партій. Вебстеръ дебютировалъ на одномъ изъ этихъ конкурсовъ, Брайянъ, считающійся лучшимъ ораторомъ въ Америкѣ, точно также проявилъ впервые свой ораторскій талантъ на такомъ же конкурсѣ. Онъ получилъ въ университетской коллегіи первый призъ

за рѣчи, произнесенныя о трудѣ и объ индивидуальной власти. Букеръ Вашингтонъ также разсказываетъ въ своей автобіографіи, что его любимымъ развлеченіемъ было посѣщеніе «debating society», когда онъ былъ въ негритянской школѣ въ Гэмптонѣ и впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался учителемъ въ одной негритянской деревнѣ, то онъ тамъ устроилъ такое общество, въ которомъ дебатировались различные вопросы политической и литературной жизни.

Однако, подготовка къ ораторской дѣятельности получается въ Америкѣ не въ однѣхъ только дебатирующихъ обществахъ. Въ большинствѣ американскихъ университетовъ учреждены каѳедры краснорѣчія. Въ корнелльскомъ университетѣ курсы ораторскаго искусства посѣщаются сотнями студентовъ, которые обучаются посредствомъ упражненій, устраиваемыхъ три раза въ недѣлю, какъ надо держаться оратору передъ публикой. Но, разумѣется, въ данномъ случаѣ главное значеніе имѣетъ способность импровизація, которая развивается постепенно, но всегда при этомъ молодые люди тщательно обдумываютъ предложенный имъ тезисъ и собираютъ документы, которые могли бы поддержать ихъ точку зрѣнія. Упражненія въ ораторскомъ искусствѣ обыкновенно состоятъ въ слѣдующемъ: сначала просто заучиваются наизусть отрывки изъ лучшихъ рѣчей, а затѣмъ предлагается уже самому составить коротенькую рѣчь на какую-нибудь современную тему. Ораторъ долженъ съумѣть въ наивозможно сжатой формѣ представить всѣ аргументы за и противъ дебатируемаго вопроса, напр., за или противъ законовъ о китайской иммиграціи или присоединенія Филиппинъ, за и противъ трёстовъ и т. д.

Заставляя, такимъ образомъ, молодыхъ людей обдумывать политическіе вопросы, подыскивать аргументы, цифры и документы, американцы не только приготовляютъ изъ нихъ ораторовъ, но и гражданъ, хорошо освѣдомленныхъ въ политическихъ дѣлахъ, внимательно наблюдающихъ за развитіемъ политической жизни и желающихъ играть въ ней активную роль. Корреспондентъ французской газеты «Temps», присутствовавшій на такихъ университетскихъ дебатахъ, гдѣ обсуждался филиппинскій вопросъ и негритянская проблема, былъ пораженъ солидностью аргументовъ и глубиною мыслей молодыхъ ораторовъ. Произнесенныя ими рѣчи сдѣлали бы честь любому политическому собранію.

Въ послѣднее время печать Соединенныхъ Штатовъ посвящаетъ особенное вниманіе вопросу о совмѣстномъ воспитаніи мальчиковъ и дѣвочекъ. «Co-education» имѣетъ много противниковъ въ восточныхъ штатахъ, но зато западные штаты горячо защищаютъ систему совмѣстнаго воспитанія, доказывая, что именно этой системѣ западно-американскія дѣвушки обязаны своимъ высокимъ умственнымъ развитіемъ. Приглашенный изъ Германіи въ гарвардскій университетъ профессоръ Гуго Мюнстербергъ высказалъ недавно опасеніе, что молодыя дѣвушки, вслѣдствіе преобладанія у нихъ умственныхъ интересовъ и умственной дѣятельности, перестанутъ чувствовать склонность къ семейной жизни. На это американскія газеты возражаютъ, что получившія университетское воспитаніе «western girls» (западныя дѣвушки) выходятъ замужъ также охотно, какъ и дѣвушки другихъ штатовъ. Возможность читать въ оригиналѣ Аристофана и разсуждать о проблемахъ политической экономіи и экспериментальной физикѣ

нисколько не мѣшаетъ имъ быть хорошими хозяйками дома, женами и матерьми. Что же касается опасностей, говорятъ американскія газеты, которыя чудятся противникамъ «co-education», то имъ стоитъ только присмотрѣться къ жизни въ такого рода воспитательныхъ учрежденіяхъ, чтобы убѣдиться въ неосновательности своихъ страховъ. Фешенебельные женскіе пансіоны восточныхъ штатовъ и Стараго Свѣта представляютъ гораздо болѣе благопріятныя условія для развитія опасной мечтательности и вредныхъ наклонностей у молодыхъ дѣвушекъ, нежели вполнѣ здоровыя и нормальныя товарищескія отношенія, которыя устанавливаются между молодыми людьми обоего пола, когда они находятся въ одной коллегіи. Молодыя дѣвушки часто опережаютъ въ занятіяхъ своихъ товарищей, да и вообще тѣ не имѣютъ никакихъ основаній считать себя выше ихъ, и между ними легко устанавливаются добрыя товарищескія отношенія.

Въ послѣднее время, впрочемъ, идея совмѣстнаго воспитанія начинаетъ мало-по-малу завоевывать мѣсто и въ восточныхъ штатахъ, хотя система «co-education» и подвергается нѣкоторымъ притѣсненіямъ въ этихъ штатахъ, въ виду того, что процентное содержаніе «college boys» и «college girls» одинаковое въ западныхъ штатахъ, далеко не такое въ восточныхъ штатахъ. Во всякомъ случаѣ система эта уже не пугаетъ теперь, какъ прежде и опытъ доказалъ, что она не только не оказываетъ вреднаго вліянія на нравственность учащейся молодежи, но, даже наоборотъ, повышаетъ ее.

Канцлеръ сиракузскаго университета въ сѣверо-западной области штата Нью-Іорка, Джемсъ Дэй, большой защитникъ системы «co-education», введенной, между прочимъ, и въ этомъ университетѣ, въ своемъ докладѣ говоритъ, что, дѣйствительно, число браковъ между студентами и студентками увеличилось со времени введенія этой системы, но, по его мнѣнію, это ни въ какомъ случаѣ нельзя поставить въ упрекъ университету, потому что, по его, канцлера, наблюденіямъ, такого рода браки между товарищами по школьной скамьѣ большею частью бываютъ счастливы. Между молодыми людьми существуетъ полная умственная гармонія и взаимное пониманіе, составляющія, конечно, одно изъ главныхъ условій для счастливой совмѣстной жизни.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Психологія будущихъ сраженій.—Воззрѣнія на смерть у различныхъ народовъ.—Современный поэтъ Индіи: Вайрами Малабари.—Вопросы воспитанія въ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ военныхъ кружкахъ Франціи много вниманія возбуждаетъ статья «Revue des deux Mondes», авторъ которой подробно обсуждаетъ переворотъ, вызванный современною военною техникой въ тактикѣ военнаго искусства. Говоря о будущихъ сраженіяхъ, авторъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на ихъ психическомъ вліяніи. «Продолжительность сраженій при современныхъ условіяхъ,—говоритъ онъ,—должна вести за собою значительное физическое изнуреніе, которое выражается сильнѣйшимъ нервнымъ напряженіемъ. Этимъ

объясняется то, что такъ часто люди падаютъ въ обморокъ послѣ битвы, все-равно одержали ли они побѣду или пораженіе, и совершенно не въ состояніи бываютъ преслѣдовать врага къ концу сраженія. И прежде такъ бывало, но теперь нервное напряженіе достигаетъ еще большей силы, особенно потому, что врагъ невидимъ. Невозможность видѣть непріятеля непосредственно дѣйствуетъ на нравственное состояніе человѣка, на его энергію и мужество. Воинъ, не видящій врага передъ собою, вынужденъ искать его въ разныхъ мѣстахъ и невольно ожидаетъ вездѣ увидѣть его. Отъ этого сознанія постоянной невидимой опасности до чувства страха—одинъ только шагъ. Кромѣ того, подобное сознаніе дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на состояніе духа сражающихся и въ южно-африканской войнѣ можно было часто наблюдать такое настроеніе войска. Такъ, напримѣръ, при Маджерсфонтейнѣ, Колензо, Паардергѣ и др. мѣстахъ войска находились на далекомъ разстояніи отъ непріятеля, но дѣйствіе ружейнаго огня оказывало на нихъ такое вліяніе, что совершенно лишало ихъ бодрости и они не могли двинуться съ мѣста. Затѣмъ въ сраженіяхъ на близкомъ разстояніи командиръ совершенно не можетъ оказывать никакого вліянія на ряды, находящіеся въ огнѣ. Даже дѣятельность офицеровъ, марширующихъ съ этими рядами, очень ограничена, такъ какъ не распространяется далѣе двухъ-трехъ человѣкъ, идущихъ рядомъ съ ними. Такимъ образомъ, каждый воинъ сражается самъ за себя и никогда индивидуальное значеніе солдата не играло такой роли какъ въ настоящее время. Каковы бы ни были стратегическія комбинаціи главнокомандующаго, превосходство численности и искусство стягивать свои силы,—все-таки побѣда не будетъ на его сторонѣ, если только его солдаты не умѣли дѣйствовать самостоятельно, безъ того, чтобы кто-нибудь наблюдалъ за ними, и если они не были лично воодушевлены твердымъ рѣшеніемъ либо побѣдить, либо умереть. Солдату приходится затрачивать теперь гораздо большую сумму энергіи, чѣмъ прежде, и притомъ ничто не приводитъ его теперь въ такое возбужденное состояніе, въ какое приводила его массовая аттака, дѣйствовавшая на него опьяняющимъ образомъ и поддерживавшая въ немъ энергію, благодаря этому возбужденію. Но при нынѣшнемъ оружіи каждый солдатъ дѣйствуетъ индивидуально и вполнѣ независимо; ему предоставлено самому заботиться о томъ, чтобы попасть въ непріятеля и уничтожить его Однако, утонченная цивилизація, связанная со скептическимъ настроеніемъ и склонностью презирать военное ремесло и избѣгать исполненія своего военнаго долга, привела къ тому, что значительная часть образованныхъ классовъ оказывается неспособной къ выполненію тѣхъ требованій, которыя предъявляются теперь современною войной. Китай обязанъ своимъ паденіемъ распространенію такого настроенія среди образованныхъ классовъ. Онъ не могъ устоять противъ горсти европейцевъ, несмотря на свое громадное войско и превосходное вооруженіе. Можно ли считать китайцевъ трусами? Ничуть не бывало. Они не боятся пассивной смерти и умѣютъ смотрѣть ей прямо въ глаза, безъ страха и стенаній. Но китаецъ не можетъ идти ей на встрѣчу, если для этого ему надо маршировать. Тогда у него слабѣютъ ноги и онъ перестаетъ соображать. Бывали случаи, когда солдаты убивали себя, чтобы не идти

въ сраженіе. Страхъ—это болѣзнь, такая же, какъ и всѣ другія, и профилактикой этой болѣзни является методическое воспитаніе физическихъ силъ, воли и энергіи у ребенка и юноши. Объ этомъ должны заботиться матери и школьные учителя, такъ какъ эти качества не могутъ развиться въ полку. Но духъ самоотверженія не пріобрѣтается посредствомъ теоретическаго комнатнаго преподаванія; онъ развивается въ юношахъ, дѣлающихся солдатами и получающихъ техническое образованіе, лишь въ томъ случаѣ, если офицеры, подъ предлогомъ дисциплины, не будутъ подавлять индивидуальность солдата. Какъ бы ни было великолѣпно оружіе и какъ бы ни было многочисленно войско, но побѣда не останется за нимъ, если на его сторонѣ нѣтъ нравственной силы. Стрѣльба съ бездымнымъ порохомъ и невидимый врагъ—это факторы, оказывающіе деморализующее вліяніе. Чтобы бороться съ этимъ вліяніемъ надо обладать силою воли и энергіей, и поэтому, теперь въ особенности, надо заботиться о воспитаніи и развитіи нравственныхъ силъ націи, о развитіи индивидуальности, а не подавленія ея дисциплиной, какъ практикуется вездѣ, такъ какъ только тогда войско въ состояніи будетъ выдержать трудное испытаніе, которымъ является современное сраженіе, гдѣ смерть исходитъ отъ «невидимаго и неслышимаго» врага.

Въ «Revue de Paris» помѣщена статья Ле-Браца о воззрѣніяхъ на смерть у различныхъ народовъ. Онъ разсматриваетъ эти воззрѣнія съ точки зрѣнія фольклёра. Кельты, говоритъ онъ, съ незапамятныхъ временъ вѣрили въ будущую жизнь и свыклись съ мыслью о смерти. Въ южной же Европѣ, наоборотъ, смерть внушала ужасъ и отвращеніе. Римляне изумлялись тому спокойствію, съ которымъ сѣверные, побѣжденные ими народы, смотрѣли въ глаза смерти. У галловъ было божество смерти и многіе изъ нихъ вѣрили, что все человѣчество произошло отъ этого божества. Древніе кельты вѣрили, что царство смерти лежитъ за морями и что оно дѣйствительно существуетъ. Въ древнѣйшемъ британскомъ фольклорѣ историки наталкиваются на слѣды этихъ воззрѣній, такъ какъ зачастую встрѣчаютъ разсказы объ опечаленныхъ вдовахъ, отправляющихся въ море съ твердымъ упованіемъ достигнуть «того берега», т.-е. царства смерти и отыскать тамъ своего супруга.

О привидѣніяхъ и призракахъ или духахъ мертвыхъ, которые возвращаются на землю, у кельтскихъ народовъ упоминается не раньше X-го столѣтія, но затѣмъ уже духи начинаютъ играть выдающуюся роль въ кельтской литературѣ и какъ въ Ирландіи, такъ и въ Бретани постоянно упоминается о духахъ, появленіе которыхъ предсказываетъ несчастье.

Бретань сохраняетъ до сихъ поръ свой средневѣковый характеръ и это въ особенности сказывается въ томъ болѣзненномъ интересѣ, который ея жители проявляютъ по отношенію къ смерти. Во многихъ бретонскихъ деревняхъ церковь до сихъ поръ называется «домомъ мертвыхъ», а не «домомъ Божіимъ», какъ вездѣ. Очень часто въ деревняхъ, кромѣ приходской церкви, есть еще часовня, посвященная культу мертвыхъ. Вокругъ этихъ часовень встрѣчаются надписи на латинскомъ, французскомъ и даже на кельтскомъ языкѣ, обращен-

ныя къ прохожимъ, которымъ онѣ напоминаютъ о смертномъ часѣ, и ежегодно, по всей Бретани, совершаются въ извѣстный день паломничества въ эти часовни. Въ послѣдніе годы муниципальныя власти попытались было перенести кладбища подальше отъ деревень, но благочестивые бретонцы возстали противъ этого, видя въ этомъ профанацію, такъ какъ, по ихъ мнѣніямъ, идеальная бретонская деревня должна быть построена вокругъ кладбища. Они считаютъ хорошимъ предзнаменованіемъ для новорожденнаго, если дорога къ церкви, куда его несутъ крестить, пролегаетъ черезъ кладбище; кладбище же является излюбленнымъ мѣстомъ свиданія влюбленныхъ. Вообще бретонцы съ трогательною заботливостью и вниманіемъ относятся къ своимъ кладбищамъ и украшаютъ могилы. Когда же бретонскій крестьянинъ пріѣзжаетъ въ Парижъ, то онъ любитъ проводить свободные часы и праздники на какомъ-нибудь парижскомъ кладбищѣ, такъ какъ тамъ онъ чувствуетъ себя болѣе дома, нежели на шумныхъ улицахъ столицы.

Е. Тиссо сообщаетъ въ «Bibliothèque Universelle» не лишенныя интереса свѣдѣнія о личности современнаго индусскаго поэта и общественнаго дѣятеля Байрама Малабари. Этотъ поэтъ, родомъ парсъ, происходитъ изъ очень бѣдной семьи и въ дѣтствѣ отличался весьма дурнымъ поведеніемъ, его гоняли изъ школы въ школу и вездѣ онъ навлекалъ на себя большія нареканія. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока не умерла его мать. Смерть эта такъ на него подѣйствовала, что характеръ его сразу измѣнился, и онъ началъ прилежно учиться и работать. Сдѣлавшись студентомъ въ Бомбеѣ, онъ съ жаромъ принялся изучать науки, но это давалось ему не легко и въ особенности много труда доставляла ему математика. Но зато онъ чувствовалъ неудержимое влеченіе къ поэзіи и, покончивъ съ ученіемъ въ Бомбеѣ, напечаталъ два тома стиховъ. Онъ женился, не имѣя ни гроша въ карманѣ, на своей хорошенькой сосѣдкѣ, надѣясь на то, что ему удастся заработать средства къ жизни литературой. Эта надежда не обманула его, хотя вначалѣ ему и пришлось очень круто. Вмѣстѣ съ тремя другими молодыми людьми, своими товарищами, онъ основалъ газету, которая, однако, не имѣла подписчиковъ, и, ему пришлось превратиться въ репортера другихъ газетъ и странствовать по разнымъ мѣстамъ, чтобы заработать что-нибудь. Наконецъ, счастье улыбнулось ему, и тогда онъ снова вернулся къ своей прежней газетѣ которая сдѣлалась вскорѣ одною изъ самыхъ распространенныхъ газетъ въ Индіи. Въ настоящее время онъ издаетъ, кромѣ того, ежемѣсячный журналъ «East and West», имѣющій цѣлью пробужденіе Востока посредствомъ западной цивилизаціи и ознакомленіе Запада съ Востокомъ. Съ самаго начала своей журнальной дѣятельности онъ мечталъ объ этомъ и проповѣдовалъ эту идею въ своихъ политическихъ статьяхъ. Съ этою же цѣлью онъ переводилъ для своихъ соотечественниковъ и произведенія извѣстнаго оріенталиста Максъ Мюллера.

Главною характерною чертою Малабари является его гуманное отношеніе къ человѣчеству. Но онъ, прежде всего, человѣкъ дѣла и стремится активнымъ образомъ выразить свою любовь къ человѣчеству и свою любовь къ оте-

честву—Индіи, раны которой отъ стремится залечить. Онъ сдѣлалъ своимъ девизомъ изрѣченіе: «Motion is the paetry of life» (Движеніе—это поэзія жизни). Малабари ни на минуту не остается въ покоѣ. Въ редактируемыхъ имъ органахъ онъ преслѣдуетъ и изобличаетъ различныя злоупотребленія и соціальныя несправедливости; онъ беретъ подъ свою защиту угнетенныхъ и несчастныхъ и горячо возвышаетъ свой голосъ въ ихъ пользу. Въ настоящее время онъ больше всего занимается положеніемъ и участью женщинъ въ Индіи. «Это положеніе,—какъ онъ говоритъ,—составляетъ величайшую язву въ тѣлѣ Индіи, величайшее зло, съ которымъ необходимо вести неустанную и постоянную борьбу. До тѣхъ поръ, пока не будетъ измѣнено положеніе женщины, Индія не въ состояніи правильно развиваться, и доля этихъ несчастныхъ будетъ тормозить прогрессъ страны»

Въ послѣднее время въ Соединенныхъ Штатахъ учительницы, по словамъ «Educational Review», начинаютъ вытѣснять учителей изъ школъ. Число учительницъ постоянно возрастаетъ сравнительно съ числомъ учителей, и то же самое явленіе наблюдается и въ муниципальныхъ школьныхъ совѣтахъ, гдѣ женщины мало-по-малу вытѣсняютъ мужчинъ. Въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ Америки, напримѣръ, въ Миннеаполисѣ, нѣтъ ни одного мужчины среди учебнаго персонала первоначальныхъ школъ. То же самое наблюдается въ Сан-Луи и почти на всемъ американскомъ Западѣ, и если такъ будетъ продолжаться дальше, то все первоначальное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ будетъ находиться въ рукахъ женщинъ.

Въ томъ же номерѣ «Educational Review» помѣщена статья Ридера объ исторической эволюціи книги для чтенія. Авторъ изслѣдуетъ педагогическое прошлое Соединенныхъ Штатовъ и прогрессъ элементарной книги для чтенія. Въ самомъ дѣлѣ, красивыя иллюстрированныя изданія, представляющія первоначальную библіотеку для чтенія, въ настоящее время далеко оставляютъ позади свой прототипъ XVII-го вѣка. Деревянная или картонная дощечка, съ наклееннымъ на ней листомъ бумаги, на которомъ были напечатаны буквы азбуки, затѣмъ фразы, представляющія нравственныя изреченія и молитвы—вотъ что было первоначальною книгою для чтенія въ тѣ времена и вмѣстѣ съ Библіей составляло школьную библіотеку. Оригинальная школьная литература и стремленіе придать школьному чтенію болѣе свѣтскій характеръ появились только послѣ войны за независимость, и съ той поры американская педагогическая литература стала быстро развиваться и постепенно теряла свой исключительно религіозный и нравственный характеръ; школьныя книги становились болѣе энциклопедическими, по мѣрѣ того, какъ расширялась программа первоначальныхъ школъ. Однако, теперь въ педагогической литературѣ первоначальной школы замѣчается новое движеніе: книга для первоначальнаго чтенія нѣсколько теряетъ свой энциклопедическій характеръ и становится сборникомъ избранныхъ мѣстъ.

Въ американской средней школѣ замѣчается также стремленіе къ упрощенію программъ; предметы распредѣляются по степени своей важности. Начиная

съ 1889 г., число учениковъ въ среднихъ американскихъ школахъ удвоилось. Въ университетахъ число слушателей также увеличивается. За послѣдній зимній семестръ (1901—1902 г.) университеты посѣщало 40.000 студентовъ. По многолюдности первое мѣсто принадлежитъ Гарвардскому университету (5.576 студентовъ).

Въ настоящее время американская печать очень интересуется вопросами объ учрежденіи въ Вашингтонѣ національнаго университета. Идея такого университета возникла уже съ первыхъ шаговъ американской независимости, но теперь этотъ вопросъ поставленъ на очередь и избранъ уже комитетъ для реализаціи этого проекта. Комитетъ этотъ долженъ рѣшить вопросъ, имѣетъ ли право федеральный конгрессъ отчислить часть государственныхъ доходовъ на учрежденіе и содержаніе національнаго университета Соединенныхъ Штатовъ и не будетъ ли это противорѣчить постановленіямъ великой американской конституціи? Говорятъ, что комитетъ пришелъ къ заключенію, что учрежденіе національнаго университета вполнѣ возможно.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Психо-физіологія червей.

Дарвинъ первый выступилъ съ утвержденіемъ о томъ, что черви надѣлены различными и очень высокими психическими способностями: умомъ, памятью и волей.

Въ доказательство этого знаменитый ученый приводитъ цѣлый рядъ явленій изъ жизнедѣятельности земляного червя, свидѣтельствующихъ о поразительной наблюдательности геніальнаго натуралиста, съ одной стороны, а съ другой— не менѣе поразительнаго антропоморфизма въ объясненіи этихъ явленій. Послѣ Дарвина появился длинный рядъ статей и замѣтокъ, подтверждавшихъ справедливость ихъ воззрѣній.

Вслѣдъ за этимъ только начинаются физіологическія изслѣдованія нервной системы червей, въ которыхъ авторы, по аналогіи съ высшими животными, открываютъ субстратъ этихъ умственныхъ способностей.

Февръ *) утверждаетъ, что сравнительная физіологія будто бы даетъ намъ право разсматривать гангліозную цѣпь насѣкомыхъ, какъ образованіе, аналогичное спинному мозгу высшихъ животныхъ. Мы, по утвержденію этого ученаго, находимъ у червей, какъ и въ мозгу позвоночныхъ животныхъ, двигательные и чувствительные элементы, съ тою разницею, что онѣ расположены въ обратномъ порядкѣ относительно тѣла животнаго. Февръ полагаетъ далѣе, что надлоточный узелъ соотвѣтствуетъ головному мозгу болѣе совершенныхъ животныхъ; что нижняя поверхность этого гангліа представляетъ центръ чувствительности, а верхняя возбуждаемости, и т. д.

Гофмейстеръ **) открываетъ, что лишь головной конецъ дождевого червя способенъ воспринимать свѣтовыя впечатлѣнія и т. д.

Паркеръ ***) по поводу Polygordius пишетъ, что, «по всей вѣроятности,

---

*) *Ernest Faivre*. Recherches experimentales sur la distinction de la sansibilité dans les diverses parties du systeme nerveux d'un insecte, le Dytiscus marginalis.

**) *Hoffmeister*. Die bis jezt bekannten Arten aus der Familie der Regenwürmer Braunschweig. 1845.

***) Т. Паркеръ. Лекціи по элементарной Біологіи. Переводъ В. Н. Львова. 1898 г.

вся центральная нервная система у Polygordius способна вызывать автоматическія движенія. Напомнимъ, говоритъ онъ, всѣмъ хорошо знакомый фактъ, что если тѣло дождевого червя разрѣзать на нѣсколько кусковъ, каждый изъ нихъ совершаетъ самостоятельныя движенія. Другими словами, все тѣло не парализуется въ движеніи съ удаленіемъ головного мозга, какъ у высшихъ животныхъ. Однако, нельзя сомнѣваться въ томъ, что совершенная координація, т.-е. регулированіе различныхъ движеній для общей цѣли, теряются съ потерей головного мозга».

Таковы соображенія общаго характера о психической роли нервной системы червей. Посмотримъ теперь, чѣмъ и какъ эти соображенія аргументируются.

Удаливъ часть нервной брюшной цѣпочки въ восьми или десяти гангліяхъ земляного червя Дарвинъ замѣтилъ, что сдѣланная операція не нарушила координаціи между передними и задними частями тѣла животнаго: когда передняя часть начинала ползать, задняя также дѣлала соподчиненныя движенія.

Когда онъ разрѣзалъ червя пополамъ и сшилъ его части, полная координація сшитыхъ частей сохранилась; именно: каждое волнообразное движеніе передней части вызывало соотвѣтствующее движеніе задней.

Фридландеръ также производилъ опыты надъ земляными червями; результаты его изслѣдованій въ главнѣйшихъ чертахъ слѣдующіе.

Послѣ удаленія надглоточнаго ганглія животныя оставались живыми; мало того: операція не вызывала значительныхъ измѣненій въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ червей. Они ѣли, вползали въ свои ходы и жили какъ нормальныя особи. Оперированныя особи казались только безпокойнѣе и при ползаніи имѣли положеніе передней части тѣла нѣсколько иное, чѣмъ нормальныя. Удаленіе подглоточныхъ и двухъ-трехъ ближайшихъ къ нимъ гангліевъ вызывало болѣе замѣтныя послѣдствія. Такіе черви, послѣ операціи, не вползали въ свои норы. Фридландеръ доказалъ, наконецъ, что перерѣзка нервной цѣпочки червей не влечетъ за собой потери способности къ сложнымъ координированнымъ движеніямъ.

Лёбъ предпринимаетъ цѣлый рядъ опытовъ надъ аннелидами, планаріями и другими червями, съ цѣлью выяснить психическую роль головного мозга этихъ животныхъ.

Вотъ результаты его изслѣдованій. Двѣ половины, на которыя онъ рѣзалъ червей, проявляли неодинаковую дѣятельность: та, которая обладала головой, рѣзко и характерно отличалась отъ другой, лишенной этого органа. Далѣе: родъ и сумма этихъ различій оказываются постоянными для каждаго даннаго вида и различными у различныхъ видовъ. Обезглавленные экземпляры *Thysanozoan Brachii*, напримѣръ, не проявляли произвольныхъ движеній, тогда какъ родственный имъ видъ, *Planaria torna*, послѣ той же операціи, обнаруживалъ таковыя движенія каждымъ кускомъ тѣла достаточной величины. Обезглавленные экземпляры *Cerebratulus* не зарывались въ землю; съ другой стороны, даже незначительный отрѣзокъ тѣла съ головою быстро закапывался въ песокъ. Изъ частей, на которыя разрѣзался Nereis, только передняя часть, снабженная головою, дѣлала произвольныя движенія и зарывалась въ песокъ.

У піявокъ, которыхъ онъ разрѣзалъ пополамъ, передняя и задняя части части тѣла, безъ замѣтнаго внѣшняго раздраженія, двигались; но разница между ихъ дѣятельностью была вполнѣ очевидна. Достаточно было малѣйшаго раздраженія, чтобы вызвать въ задней части плавательныя движенія, тогда какъ головной конецъ можно было принудить къ плаванію только посредствомъ очень частыхъ раздраженій. Незначительное раздраженіе задней присоски заставляло ее плотно присасываться; такое раздраженіе передней присоски не всегда вызывало аналогичную реакцію и часто даже совсѣмъ ее не вызывало. Когда перерѣзалась только брюшная нервная цѣпь, и связь между передней и задней частью тѣла удерживалась, то координированныя движенія при ползаніи удерживались, хотя иногда въ задней части тѣла проявлялась наклонность плавать, въ то время, какъ передній конецъ ползъ, или плотно присасывался къ предмету.

Изъ этихъ опытовъ Лёбъ выводитъ слѣдующее заключеніе: *передняя часть тѣла червей, содержащая въ себѣ головной мозгъ, опредѣляетъ біологическій и психическій характеръ вида.*

Максвеля *), такая общая форма заключенія не удовлетворила; онъ пошелъ дальше по намѣченному Лёбомъ пути и рѣшилъ опредѣлить участіе каждаго отдѣльнаго ганглія головного мозга. Свою задачу онъ опредѣляетъ слѣдующимъ вопросомъ: существуетъ или не существуетъ аналогія между функціями различныхъ частей мозга высшихъ животныхъ и различныхъ гангліевъ червей? Свои изслѣдованія Максвель дѣлалъ надъ дождевыми червями, піявками, морскими кольчатыми червями и особенно подробно изслѣдовалъ *Nereis*, на которыхъ мы и остановимся по преимуществу. Авторъ удалялъ одинъ или нѣсколько ганглій брюшной цѣпочки у Nereis, послѣ чего черви эти, при ползаніи, ясно обнаруживали потерю координаціи между обѣими частями тѣла. Случалось, что задняя часть пассивно тащилась въ то время, какъ передняя ползала или плавала. Иногда передняя часть плавала, въ то время какъ задняя ползала, иногда обратно. Наконецъ, иногда задняя часть, подъ вліяніемъ внезапнаго внѣшняго раздраженія; переползала черезъ не потревоженую переднюю половину тѣла, поскольку, разумѣется, это допускала уцѣлѣвшая между ними связь. Нормальный червь Nereis, помѣщенный въ акваріи съ морскою водою и пескомъ на его днѣ, тотчасъ же начинаетъ зарываться; движенія, которыя онъ при этомъ дѣлаетъ, продолжаются до тѣхъ поръ, пока все животное не погружается въ песокъ, за исключеніемъ небольшого числа хвостовыхъ сегментовъ. Послѣ этого червь долго лежитъ спокойно. Оперированный червь, подобно нормальному, начинаетъ зарываться, но задняя часть его тѣла не участвуетъ въ производимыхъ переднею половиной движеніяхъ. Когда червь углубится въ песокъ до того мѣста, на которомъ сдѣланъ перерѣзъ нервной цѣпочки, то зарывшаяся часть успокаивается, и червь цѣлыми часами лежитъ неподвижно, въ то время какъ его хвостовая половина остается на пескѣ незарытой. Изъ этихъ фактовъ авторъ заключаетъ, что импульсы, вызывающіе координиро-

*) *S. Maxwell.* Beiträge zur Gehirnphysiologie der Anneliden. Archiv f. d. g. Physiologie Dr. Pflüger. 1897 г.

ванныя движенія у нереидъ передаются отъ сегмента къ сегменту посредствомъ коммисуръ брюшной цѣпочки. Способность къ координированнымъ движеніямъ у оперированныхъ такимъ образомъ червей исчезаетъ, однако, не сполна. Къ сожалѣнію, опыты, доказывающіе это, описаны Максвелемъ недостаточно полно. Авторъ ограничивается по их поводу слѣдующимъ заявленіемъ: «Родъ и сумма такихъ координированныхъ движеній, во всякомъ случаѣ сильно отличались отъ того, что констатировано Фридлендеромъ для дождевыхъ червей». Наблюдая Nereis послѣ того, какъ у червя былъ удаленъ одинъ или нѣсколько ганглій въ брюшной цѣпочкѣ, авторъ замѣтилъ, что при покойномъ положеніи червя сегменты тѣла, лежащіе спереди раны ближе къ головѣ, имѣютъ болѣе глубокіе перехваты, тогда какъ между хвостовыми сегментами эти перетяжки менѣе явственны, вслѣдствіе чего сегменты этой части тѣла кажутся болѣе широкими и плоскими, чѣмъ сегменты передней части тѣла. Авторъ полагаетъ, что явленіе объясняется тѣмъ, что мускулы задней части тѣла теряютъ свое нормальное напряженіе, послѣ того какъ связь между ними и переднею частью тѣла прерывается. Онъ далѣе, что напряженіе это, все болѣе и болѣе ослабѣвая, въ концѣ-концовъ, можетъ вовсе исчезнуть. Послѣдняго факта онъ не наблюдалъ, потому что оперированные черви жили у него не болѣе 4—5 дней. Максвель присоединяетъ къ сказанному, что у обезглавленныхъ червей, повидимому, замѣчается подробное же ослабленіе. Черви безъ подглоточнаго ганглія, по утвержденію автора, проявляютъ гораздо менѣе произвольныхъ движеній, чѣмъ нормальные. Они лежатъ спокойно на поверхности песка въ акваріи, и если ползаютъ, то почти исключительно по краямъ сосуда. Кромѣ того, они не зарываются въ землю даже спустя три недѣли послѣ операціи, когда рана, повидимому, совершенно зажила и всѣ части червя казались совсѣмъ здоровыми. Вообще черви, лишенные подглоточнаго ганглія, представляютъ *картину полнаго спокойствія и сытаго довольства»*. Спокойствіе это, присовокупляетъ авторъ, подобно тому, которое наблюдалъ Гольцъ въ его опытахъ надъ собаками. Ученый этотъ нашелъ, утверждаетъ Максвель, что собаки, у которыхъ обѣ затылочныя доли были разрушены держатъ себя спокойно и мирно; если даже онѣ были раздражены передъ операціей, то послѣ нея онѣ дѣлались добродушными и двигались мало. Онѣ представляютъ полную противоположнесть съ тѣми, у которыхъ были удалены лобныя доли (Stirnlappen). Нереиды, у которыхъ вырѣзанъ подглоточный ганглій, не принимаютъ пищи, и даже не обращаютъ на нее никакого вниманія. Ослабленіе напряженія сказанныхъ мышцъ напоминаетъ аналогичное явленіе въ сегментахъ тѣла, лежащихъ позади вырѣзки нѣсколькихъ ганглій брюшной нервной цѣпочки. Черезъ нѣсколько недѣль глотка становится менѣе ослабленной и вытянутой впередъ и въ ней появляются даже небольшія движенія. Послѣ удаленія надглоточнаго ганглія произвольныя движенія у нереидъ увеличиваются. Животныя обнаруживаютъ постоянное безпокойство, которое представляетъ полный контрастъ съ покоемъ и бездѣйствіемъ особей, лишенныхъ подглоточнаго ганглія. Такъ, они ползаютъ въ сосудѣ больше, чѣмъ нормальные черви и такіе, у которыхъ удаленъ подглоточный ганглій, и не да-

ютъ засыпать себя пескомъ, подобно тому, какъ позволяютъ съ собою дѣлать эти послѣдніе. Явленіе это авторъ ставитъ въ параллель съ дѣйствіями лягушекъ, у которыхъ удаленъ мозгъ. Шредеръ, дѣлавшій изслѣдованія надъ этими животными, утверждаетъ, по словамъ Максвеля, что оперированныя такимъ образомъ лягушки чувствуютъ непреодолимое стремленіе ползти впередъ даже тогда, когда имъ попадаются на дорогѣ значительныя препятствія. Предоставленныя самимъ себѣ онѣ только тогда успокаиваются, когда попадаютъ головою въ уголъ и дальше идти не могутъ. Подобные же результаты, по мнѣнію Максвеля, получилъ и Гольцъ изслѣдуя собакъ, которымъ онъ вырѣзалъ переднія полушарія большого мозга. Эти собаки, будто бы, проявляли такое же безпокойство и такое же стремленіе двигаться впередъ.

Лишенные надглоточнаго гангліи черви не принимаютъ пищи; они повидимому теряютъ способность проявлять специфическія реакціи на химическое раздраженіе, получаемое отъ пищи.

Послѣ удаленія обоихъ гангліевъ головного мозга у животныхъ наблюдаются тѣ же дѣйствія, какъ и у червей, у которыхъ былъ вырѣзанъ только одинъ подглоточный ганглій. Они спокойны, не зарываются, и не ѣдятъ. «Я осторожно покрылъ нѣкоторыя экземпляры пескомъ, они два дня оставались въ такой искусственной ямѣ»,—говоритъ Максвель.

Прежде чѣмъ подвести итоги сдѣланнымъ наблюденіямъ и подвергнуть оцѣнкѣ устанавливаемыя на ихъ основаніи заключенія, я скажу нѣсколько словъ о своихъ изслѣдованіяхъ надъ піявками.

Изслѣдованія эти были мною предприняты для выясненія психо-физіологической роли головного мозга этихъ червей.

Я производилъ свои изслѣдованія надъ піявками: *Nephelis vulgaris* (сем. *gnathobdellidae*) и *Clepsina complanata* (сем. *Rhynchobdellidae*). Ихъ образъ жизни и дѣятельность въ нормальныхъ условіяхъ очень однообразны и сводятся къ слѣдующему.

Въ покойномъ состояніи онѣ сидятъ въ водовмѣстилищѣ, укрѣпившись присосками обоихъ концовъ тѣла, причемъ конская піявка Nephelis большею частью лежитъ безъ движенія, Clepsina же совершаетъ неправильныя волнообразныя движенія всѣмъ тѣломъ,—движенія, имѣющія своимъ назначеніемъ служить постоянному обмѣну окружающей ее воды. Перемѣщаются онѣ съ мѣста на мѣсто, либо плавая и изгибая извѣстнымъ образомъ свое тѣло, либо ползая, при помощи присосокъ: сначала заднюю придвигаютъ къ головѣ, потомъ головную отодвигаютъ какъ можно далѣе, потомъ снова придвигаютъ къ головѣ заднюю присоску, и т. д. Конская охотно плаваетъ, Clepsina, наоборотъ, чаще ползаетъ. Въ случаѣ опасности Nephelis или пытается защищаться, придвигая къ раздражающему ее предмему свою голову, либо уходитъ. Clepsina въ аналогичныхъ условіяхъ большею частью съеживаетъ свое тѣло и свертывается въ спираль съ головою въ центрѣ. Въ извѣстное время у піявокъ—у молодыхъ чаще, у старыхъ рѣже—сбрасывается кожица: онѣ линяютъ. Живутъ

піявки вообще довольно долго и безъ пищи могутъ оставаться отъ полу-до полутора года; зависитъ это отъ того, что піявка заразъ принимаетъ много пищи, которую перевариваетъ крайне медленно. Чѣмъ бо́льшимъ будетъ такой запасъ, тѣмъ долѣе, очевидно, будетъ продолжаться и жизнь животнаго безъ пищи.

Какое же значеніе имѣетъ для этого несложнаго образа жизни животнаго его голова?

Для рѣшенія вопроса нельзя просто отрѣзать голову піявкѣ, такъ какъ, съ одной стороны, ея внутренніе органы выступятъ въ отверстіе раны, а съ другой—вода, проникнувъ въ полость тѣла, вызоветъ патологическіе процессы, которые совершенно исказятъ картину явленій. Я перевязывалъ голову съ нѣсколькими ближайшими къ ней сегментами тѣла шелковою нитью настолько сильно, чтобы отдѣленныя другъ отъ друга части тѣла теряли другъ съ другомъ всякую связь. Такая операція устраняла сказанные недостатки простого перерѣзыванія тѣла животнаго. По прошествіи нѣкотораго, довольно продолжительнаго, времени отдѣленный нитью головной отрѣзокъ отваливался отъ тѣла, и на мѣстѣ перевязки, рана оказывалась, затянутой соотвѣтствующими тканями и зажившей. По вопросу, который насъ здѣсь интересуетъ, я ограничусь моими изслѣдованіями, главнымъ образомъ, надъ Clepsina Complanata.

Отмѣчу, прежде всего, что у піявокъ удаленіе подглоточнаго ганглія не влечетъ за собой потери ни одной реакціи. Максвель, вслѣдствіе этого, функцію подглоточнаго узла у этихъ червей приравниваетъ функціи всякаго другого ганглія брюшной цѣпи, изъ чего слѣдуетъ, что изслѣдованія вполнѣ обезглавленныхъ особей совершенно безошибочно выясняютъ намъ роль *именно головного мозга* для жизни животнаго, что особенно важно.

1-го августа наложеніемъ лигатуры мною была отдѣлена голова съ 6—7-ю, ближайшими къней, сегментами тѣла у Clepsina. Тотчасъ же послѣ операціи, піявка поднесла заднюю присоску къ головному концу, безпокойно водила около него нѣкоторое время; потомъ присосалась къ стѣнкѣ банки съ водой, куда была помѣщена, и безпорядочно изгибала свое тѣло, какъ бы стараясь избавиться отъ того, что ее безпокоило въ переднемъ концѣ тѣла. Съ теченіемъ времени движенія животнаго становились все покойнѣе и покойнѣе, а черезъ $1^1/_2$ часа піявка, придавъ своему тѣлу обычную плоскую форму, и присосавшись заднею присоской къ стѣнкѣ банки, совершенно правильно производила свои обычныя волнообразныя, ритмическія движенія, имѣющія цѣлью, какъ это уже было сказано, обновленіе воды для ея дыханія. То же дѣлала и посаженная съ нею въ одно помѣщеніе для контроля наблюденій здоровая особь. Стоило взять банку въ руки, какъ обѣ піявки, и здоровая, и обезглавленная, очевидно, почувствовавъ безпокойство, прекращали свои волнообразныя движенія, какъ бы выжидая, что̀ будетъ дальше, и слѣдуетъ ли принимать дальнѣйшія мѣры предосторожности въ виду того, что нарушило ихъ покой. Какъ только банка ставилась на мѣсто, движенія піявокъ возобновлялись. Если, напротивъ, безпокойство продолжалось, то онѣ сначала съеживаются, а потомъ нормальная—закручивается въ спираль, а обезглавленная—въ *первый день послѣ операціи не дѣлаетъ этого*, а образуетъ изъ своего тѣла

родъ небольшой дуги. Она не закручивается даже и въ такомъ случаѣ, если ее силою сдвинуть съ того мѣста, къ которому онаприсосалась. Я ни разу не видалъ, чтобы она плавала, какъ не видалъ, чтобы она плавала и въ нормальныхъ условіяхъ. Этимъ объясняется, между прочимъ, почему колебательныя движенія у Clepsina при дыханіи никогда не переходятъ въ плавательныя. На другой день (2-го августа) жизнь піявокъ шла обычнымъ порядкомъ, но обнаружилось и нѣчто новое. Безпокоя обезглавленную піявку, я замѣтилъ, что она сгибаетъ свое тѣло гораздо больше, чѣмъ наканунѣ. Оно при раздраженіи образовывало уже не дугу, а цѣлый кругъ. Очевидно, стало быть, что, лишившись той части тѣла, *съ которой обыкновенно начинается закручиваніе* (т.-е. головного конца), піявка не могла *сразу* оріентироваться въ новомъ положеніи, но съ теченіемъ времени какъ бы освоилась и *научилась этому*. 3-го августа ея искусство закручиваться въ спираль подвинулось такъ далеко впередъ, и совершалось такъ скоро въ отвѣтъ на раздраженіе, что заставило меня предположить существованіе какой-либо причины, обусловливающей такую практику животнаго. Не трудно было обнаружить, что такою причиною являлась сидѣвшая въ той же банкѣ маленькая рыбка, которая, проплывая мимо піявки, иногда хватала ея отдѣленный ниткою и безпорядочно торчавшій головной конецъ тѣла. Постоянно скручиваясь отъ такого нападенія піявка очень скоро и поразительно совершенно успѣла въ этомъ дѣлѣ. Пересадивъ рыбку въ другое помѣщеніе, я продолжалъ свои наблюденія надъ піявкой.

9-го августа перевязанный конецъ тѣла піавки (головной) отпалъ; мѣсто перевязки со стороны тѣла, очевидно, затянулось тканями, такъ какъ раны не образовалось, и животное продолжало жить попрежнему. Головной же конецъ былъ мертвъ и уже начиналъ разрушаться. 10-го августа имѣло мѣсто новое очень интересное явленіе. Все время, до 10-го августа, піявка сидѣла на днѣ банки. Здѣсь иногда ее безпокоила личинка поденки (ephemera vulgaris), садясь на нее; я не удалялъ насѣкомаго, такъ какъ вреда піявкѣ оно принести не могло. Но постоянное безпокойство, которое оно причиняло Clepsin'ѣ, очевидно, «надоѣло» ей, и она, наконецъ, всплыла со дна банки кверху и здѣсь помѣстилась среди водорослей. Такимъ образомъ, піявка не только приняла мѣры къ устраненію безпокойства, но и рѣшила свою задачу какъ нельзя болѣе цѣлесообразно: она помѣстилась тамъ, гдѣ поденка, плавающая, главнымъ образомъ, либо вдоль стѣнокъ банки, либо по ея дну, всего менѣе ее тревожила. Здѣсь, закрѣпившись присоской, она продолжала совершать свои обычныя волнообразныя движенія, какъ и контрольная особь. 13-го сентября я впервые замѣтилъ, что обезглавленная піявка начала линять, сбрасывая по частямъ свою кожу. Дальнѣйшая жизнь ея не представляла ничего замѣчательнаго, и мнѣ остается добавить, что одна изъ піявокъ этого вида прожила у меня въ банкѣ безъ головы съ небольшимъ 8 мѣсяцевъ, и погибла совершенно случайно.

Всѣ эти факты даютъ мнѣ право утверждать, что обезглавленіе піявокъ не влечетъ за собою не только потери способностей къ спонтаннымъ движеніямъ, которыя остаются такими же, какъ и у нормальной особи, кромѣ непосредственно связанныхъ съ передней присоской, но не лишаетъ ихъ даже спо-

собности совершать *чрезвычайно сложныя* и цѣлесообразные *инстинктивные акты*. А изъ этого уже самъ собою слѣдуетъ выводъ, которымъ категорически опровергается утвержденіе авторовъ о томъ, что головной мозгъ червей будто бы опредѣляетъ психику вида. Психика эта опредѣляется каждымъ гангліемъ животнаго, какъ носителемъ самостоятельныхъ психическихъ функцій (обстоятельство, скажу кстати, съ особенной ясностью выступающее у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ).
Максвеля о томъ, что головной мозгъ опредѣляетъ психику вида, опровергается фактами, ими самими добытыми. Факты эти, какъ въ этомъ не трудно убѣдиться, стоятъ въ открытомъ противорѣчіи съ устанавливаемымъ ими тезисомъ; и спеціальныя толкованія, къ которымъ прибѣгаютъ авторы, чтобы устранить это противорѣчіе, представляются весьма мало убѣдительными.

Вотъ эти факты и объясненія.

Лёбъ дѣлалъ надъ Lumbricus слѣдующіе опыты. Онъ помѣщалъ нормальныхъ и обезглавленныхъ червей въ сосуды, дно которыхъ на одной половинѣ покрывалось чистой пропускной бумагой, а на другой—веществами, обыкновенно встрѣчающимися въ нормальныхъ условіяхъ жизни червей. Оказалось, что обезглавленныя особи, какъ и нормальныя, собирались на землѣ, а съ пропускной бумаги уходили. Изъ этого опыта, очевидно, возможенъ только одинъ выводъ, а именно: что головной мозгъ у червей *не играетъ* роли, при исполненіи ими дачныхъ инстинктивныхъ дѣйствій, весьма сложныхъ и важныхъ для жизни вида.

Другого вывода, казалось, бы сдѣлать невозможно. Но такъ какъ, допустивъ его, мы съ этимъ вмѣстѣ обязывались бы признать аналогію между мозгомъ высшихъ животныхъ и червей невозможною, то и Лёбъ, и Максвель, и многіе другіе авторы предпочитаютъ отрицать въ описанномъ явленіи наличность всякаго психическаго элемента, чѣмъ допускать, что обезглавленныя животныя могутъ производить сложные психическіе акты. *Здѣсь, говорятъ они, не психологія, не инстинктъ* (такъ какъ съ устраненіемъ головного мозга не можетъ быть мозговыхъ функцій), *а простая физіологія*. Черви зарываются въ землю вслѣдствіе прямой реакціи организма на раздраженіе и вліянія свѣта.

Но вѣдь съ точки зрѣнія такой аргументаціи можно съ одинаковымъ основаніемъ утверждать, напримѣръ, что человѣкъ уставшій и сѣвшій на скамейку, чтобы отдохнуть, совершилъ актъ, который только потому можетъ быть названъ психофизіологическимъ, что человѣкъ этотъ былъ въ то время въ сапогахъ и въ шапкѣ. Если же на немъ не было бы этихъ частей туалета, то актъ его былъ бы ни психо-физіологическимъ ни инстинктивнымъ, а просто физіологическимъ отправленіемъ... Для того, чтобы утверждать это, необходимо было бы, прежде всего, и съ не подлежащей оспариванію точностью доказать, что психическіе и инстинктивные акты стоятъ въ непремѣнной зависимости отъ того: надѣты ли сапоги и шапка на свои мѣста, или нѣтъ. Лёбу и Максвелю для доказательства своего утвержденія, въ такой же степени и по той же причинѣ, было необходимо доказать, что психическіе и инстинктивные акты возможны лишь при наличности головного мозга, а потомъ уже утверждать,

что такъ какъ головной мозгъ у даннаго животнаго удаленъ то психическіе акты для него болѣе невозможны. Но этого-то именно авторами не только не доказано, но, какъ разъ наоборотъ, ими же добытыми фактами совершенно наглядно опровергается.

Самъ Максвель, желая доказать, что черви, лишенные подглоточного ганглія, теряютъ способность зарываться въ землю не потому, чтобы имъ мѣшала это дѣлать причиненная во время операціи рана, установилъ, фактъ что раздраженіе раны не мѣшаетъ червю зарываться, если у него подглоточный ганглій сохраненъ. Но если это такъ, то ясно, что раздраженіе, даже очень сильное, само по себѣ не можетъ ни вызвать, ни устранить и такого, сравнительно говоря, простого движенія, какъ зарываніе въ землю. Еще того менѣе способно оно, стало быть, вызвать такое движеніе, въ основѣ котораго лежитъ *выборъ*, хотя бы и инстинктивно производящійся. А отсюда уже само собою слѣдуетъ, что если зарываніе въ землю есть актъ психическій (по автору), то и выборъ мѣста червемъ, хотя бы и обезглавленнымъ, есть тоже актъ психическій; другими словами, головной мозгъ червей отнюдь не можотъ считатся центромъ психической дѣятельности этихъ животныхъ и психическаго характера вида опредѣлять не можетъ.

Авторы, исходящіе изъ идеи о соотвѣтствіи головнаго мозга червей головному мозгу высшихъ позвоночныхъ животныхъ, въ смыслѣ психическаго значенія этихъ орановъ нервной системы, конечно, не останавливаясь на одной только огульной аналогіи цѣлаго, и старались доказать справедливость своей идеи изслѣдованіями частей, розыскивая въ нихъ данныя, подтверждающія ихъ основное положеніе. Головной мозгъ червей въ своемъ цѣломъ, соотвѣтствуя, по ихъ мнѣнію, головному мозгу высшихъ позвоночныхъ животныхъ, соотвѣтствуетъ ему и въ своихъ частяхъ, а именно: надглоточные ганглiи соотвѣтствуютъ большимъ, а подглоточные малымъ полушаріямъ головного мозга позвоночныхъ.

Доказавъ несправедливость первой половины этого положенія, т.-е. аналогію цѣлаго, мы могли бы обойти вторую, т.-е. аналогію частей совершеннымъ молчаніемъ: ея неосновательность вытекаетъ изъ сказаннаго само собой. Я приведу, однако, нѣкоторыя данныя удостовѣряющія неосновательность этого тезиса и независимо отъ перваго.

Начать съ того, что функціи надъ и подглоточнаго гангліевъ у червей, въ предѣлахъ даже родственныхъ группъ могутъ быть различными. Послѣ удаленія поглоточнаго ганглія у піявки передняя присоска у нея *не дѣйствуетъ*; однако, по прошествіи 2—3 недѣль послѣ операціи, піявка получаетъ возможность не только присасываться къ лягушкѣ, но и производить своими челюстями пораненіе и сосать кровь. У другихъ аннелидъ мы этого не наблюдаемъ: послѣ удаленія подглоточнаго узла они пищи уже болѣе не принимаютъ. Причина явленія, какъ этого и слѣдовало ожидать, заключается въ томъ что у піявокъ челюсти и большая часть присоски инервируются не подглоточнымъ, а надглоточнымъ гангліемъ.

Стоя на этой единственно справедливой точки зрѣнія, какъ мы въ этомъ убѣдимся изъ совокупности очень большого числа данныхъ, мы получаемъ пол-

ное право утверждать, что въ различіи органовъ, инервируемыхъ тѣмъ или другимъ гангліемъ нервной системы червей (и суставчатоногихъ) и заключается главное и основное ихъ различіе между собою. Во всемъ остальномъ, т.-е. въ способности быть центромъ простыхъ или сложныхъ рефлексовъ, а также и инстинктивныхъ дѣйствій принципіальнаго различія между ними нѣтъ. Такъ, ганглій, который у Nereis находится на комиссурѣ, соединяющей надглоточный узелъ съ подглоточнымъ, даетъ вѣтвь, тутъ же подраздѣляющуюся на двѣ, идущія къ одному изъ брюшныхъ щупалецъ. Если надглоточный ганглій удалить, то раздраженіе щупальца вызываетъ соотвѣтствующія реакціи въ тѣлѣ животнаго; если же удалить и подглоточный ганглій, то эти реакціи прекращаются, но способность къ рефлекторнымъ движеніямъ самихъ щупалецъ не исчезаетъ. Ближайшія изслѣдованія доказываютъ, что центромъ этихъ послѣднихъ движеній является именно тотъ ганглій на камиссурѣ, о которомъ упомянуто выше. Интересно, что послѣ удаленія обоихъ головныхъ узловъ, раздраженіе щупальца не только влечетъ за собою опредѣленнаго отвѣтнаго движенія этого щупальца (оно прижимается къ тѣлу), но вызываетъ сверхъ этого движеніе и другого щупальца, которое инервируется вѣтвями нерва, отходящаго отъ того ганглія комиссуры, которымъ инервируется раздраженное щупальце. То же оказывается справедливымъ и для рефлекторныхъ движеній спинныхъ щупалецъ Nereis, которыхъ центры лежатъ на нервахъ соотвѣтствующихъ гангліевъ. То же, наконецъ, является справедливымъ и для параподій Nereis, какъ это доказалъ Максвель. Центры движеній этихъ органовъ находятся въ спеціальныхъ параподіальныхъ гангліяхъ, которые лежатъ близко у ихъ основанія на большихъ нервахъ, попарно выходящихъ въ каждомъ сегментѣ изъ брюшной цѣпи. Весьма вѣроятно, существованіе подобныхъ центровъ и для железъ.

Все дѣло въ вопросѣ о головныхъ и другихъ гангліяхъ нервной системы этихъ животныхъ сводится такимъ образомъ только къ тому, какіе органы интервируетъ данный центръ системы въ чемъ заключается его дѣятельность и велико ли значеніе даннаго органа. Сообразно съ этимъ она можетъ быть рефлекторной или инстинктивной. Принципіальнаго различія между функціями надъ и подглоточнаго гангліевъ, такого различія, которое мы замѣчаемъ между большими и малыми полушаріями головного мозга высшихъ позвоночныхъ, нѣтъ; то же слѣдуетъ и изъ прямыхъ наблюденій надъ этими органами нервной системы. Наблюденія эти, между прочимъ, доказываютъ, что удаленія подглоточнаго ганглія у піявокъ не влечетъ за собою потери ни одной функціи. Удаленіе подглоточнаго ганглія у Lumbricus влечетъ за собою потерю нѣкоторыхъ психическихъ способностей: онъ перестаетъ принимать пищу и не зарывается въ землю. Удаленіе надглоточныхъ ганглій у Lumbricus не лишаетъ его способности проявлять извѣстныя психическія акты, а у Nereis та же операція способности эти уничтожаетъ. Такъ, Lumbricus, лишенный сказанныхъ частей нервной системы, зарывается въ землю, а Nereis не закрывается; Lumbricus послѣ операціи принимаетъ пищу, а Nereis—не принимаетъ и т. п.

Однихъ этихъ анатомо-физіологическихъ данныхъ достаточно для того, чтобы

удержаться отъ дѣлаемой многими авторами аналогіи психологическихъ функцій над- и подглоточныхъ ганглій головного мозга червей съ функціями соотвѣтствующихъ мозговыхъ полушарій головного мозга высшихъ позвоночныхъ животныхъ.

Но, кромѣ сказанныхъ, у насъ есть еще и другія основанія, для того, чтобы утверждать это. Черви, лишенныя надглоточнаго узла, читаемъ мы у Максвеля, становятся безпокойными и проявляютъ усиленную спотанную дѣятельность, какъ высшія позвоночныя животныя послѣ удаленія у нихъ большихъ полушарій мозга (опыты Гольца). Посмотримъ, поскольку факты даютъ основаніе настаивать на справедливости подобнаго рода апологій.

Прежде всего скажу, что ссылка Максвеля на изслѣдованія Гольца сдѣлана имъ и не полно и не точно. Аналогія, о которой идетъ рѣчь, кажется нѣсколько правдоподобной до тѣхъ поръ лишь, пока дѣлается въ самыхъ общихъ чертахъ; въ такой степени общихъ, что обширныя изслѣдованія Гольца сводятся къ 5—6 строкамъ, за которыми исчезаетъ весь смыслъ этихъ изслѣдованій. А между тѣмъ, они— эти изслѣдованія—заключаютъ въ себѣ и нѣчто иное, сверхъ указываемаго Максвелемъ. Извѣстно, что животныя, лишенныя мозговыхъ полушарій, но обладающія еще субкортикальными центрами, не теряютъ, за малыми исключеніями ни одной функціональной способности; они обходятъ поставленныя передъ ними препятствія; птицы, подброшенныя на воздухъ, держатся такимъ образомъ, какъ будто онѣ въ состояніи своимъ взглядомъ измѣрить разстояніе и направленіе того мѣста, куда онѣ возвращаются,—животныя пролѣзаютъ черезъ отверстіе въ поставленной передъ ними преградѣ; они поворачиваютъ глаза въ сторону, откуда раздается звукъ. Лягушка, лишенная передняго мозга и посаженная на ладонь, при поворачиваніи послѣдней книзу, шагъ за шагомъ, мѣняетъ свое положеніе и переходитъ на тыльную сторону руки и т. д. Факты эти были извѣстны задолго еще до изслѣдованій Гольца; онъ присоединилъ къ нимъ новые, почерпнутые имъ изъ наблюденій надъ собаками. Гольцъ доказалъ, что послѣ удаленія полушарій головного мозга, и при наличности *однихъ только субкортикальныхъ центровъ*, животныя эти по своей дѣятельности представляютъ собою обычную собаку, за вычетомъ: ума, соображенія и нравственныхъ качествъ. Такая собака принимаетъ кормъ, съ жадностью ѣстъ, когда голодна, различаетъ вкусное отъ невкуснаго, на раздраженіе отвѣчаетъ ворчаніемъ, кусаетъ сторожа, когда тотъ беретъ ее изъ клѣтки и т. д., и т. д.

Обо всѣхъ этихъ и другихъ аналогичныхъ данныхъ изслѣдованія Гольца, которыя дѣлаютъ аналогіи Максвеля болѣе чѣмъ рискованными, *авторъ этотъ умолчалъ*. Онъ взялъ изъ нихъ только одно указаніе, а именно, что собака, лишенная большихъ полушарій мозга, «двигалась даже больше, чѣмъ обыкновенная собака», да и его приводитъ неполнымъ: Максвель ничего не говоритъ о томъ, что движенія оперированной собаки отъ нормальной въ сущности отличаются только тѣмъ, что первымъ изъ нихъ не достаетъ цѣлесообразности, то-есть тогоже ума, который исчезаетъ съ удаленіемъ переднихъ долей головного мога. Такимъ образомъ, изслѣдованія Гольца вовсе не да

ютъ основаній для того, чтобы разыскивать въ дѣятельности червей, которымъ былъ удаленъ подглоточный ганглій, увеличенія спонтанныхъ движеній, съ цѣлью подкрѣпить аргументацію въ пользу аналогіи этихъ частей ихъ нервной системы съ большими полушаріями головного мозга: увеличеніе спонтанныхъ движеній не является характернымъ для высшихъ животныхъ послѣ сказанной операціи.

Но если бы это было и такъ, если бы дѣйствительно было доказано, что высшія позвоночныя животныя, послѣ удаленія у нихъ большихъ полушарій головного мозга, проявляли усиленную спонтанную дѣятельность то, какъ мы сейчасъ увидимъ, Максвель ничѣмъ не доказалъ этого для червей. Онъ замѣтилъ, прежде всего, что оперированные черви ползаютъ больше, чѣмъ нормальные. Фактъ этотъ отмѣченъ, разумѣется, вѣрно, но для вывода, который изъ него дѣлаетъ авторъ, фактъ этотъ рѣшительно ничего не даетъ такъ какъ причина, которою объясняется это большее ползаніе, лежитъ отнюдь не въ томъ, что удаленъ надглоточный гангліи, лишеніе котораго будто бы увеличиваетъ спонтанныя движенія, а въ томъ, что тѣ органы чувствъ, которые иннервируются отъ надглоточнаго ганглія, не доставляютъ болѣе тѣхъ воздѣйствій, которыя необходимо получить животному, чтобы привести его въ покойное состояніе. А это вовсе не одно и тоже.

По заключенію Максвеля выходитъ, что надглоточный гангліи играетъ какую то активную роль, руководящую психикой животнаго, на самомъ же дѣлѣ онъ такой роли вовсе не играетъ и ничѣмъ по своему значенію въ этомъ смыслѣ отъ другихъ гангліевъ нервной цѣпи не отличается. Вся разница въ томъ лишь, что онъ иннервируетъ важныя для инстинктивной дѣятельности органовъ чувствъ. Когда дѣятельность этихъ органовъ прекращена, то одинъ изъ руководящихъ инстинктивную дѣятельность червя факторовъ прекращаетъ работу и, глядя по тому, какая именно дѣятельность животнаго имъ вызывалась, наступаетъ или большій покой или большая подвижность. Въ разсматриваемомъ случаѣ мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ потерей органовъ, показанія которыхъ для даннаго положенія животнаго необходимо; а такъ какъ инстинкты животнаго у обезглавленныхъ червей сохраняются, то они и заставляютъ ихъ искать указаній, которыхъ съ потерей соотвѣтствующихъ органовъ чувствъ животныхъ не достаетъ болѣе. Поясню сказанное примѣромъ болѣе наглядно иллюстрирующимъ сказанное, чѣмъ тотъ, о которомъ шла рѣчь.

Послѣ обезглавленія Nephila vulgaris (наложеніемъ лигатуры на переднюю часть ея тѣла), піявка тотчасъ же закрѣпилась своею присоскою къ отшнурованному переднему концу ея тѣла и начала быстро крутиться, вращаясь по большому діаметру образовавшагося тѣломъ овала, разъ 20—30 подрядъ. Такой способъ освобождать свое тѣло, ущемленнаго какимъ-нибудь предметомъ, составляетъ обычный инстинктъ нормальной особи, въ данномъ случаѣ неизмѣнно сохранившійся. Физическія страданія у безпозвоночныхъ проходятъ, однако, очень быстро. Нѣсколько минутъ спустя послѣ операціи піявка успокаивается прекращаетъ свои вращательныя движенія и вытягивается на днѣ сосуда. Съ этого момента начинается нѣкоторое различіе въ поведеніи обезглавленной піявки

отъ поведенія нормальной, которая для контроля изслѣдованій сажалась въ тотъ же акварій. *Въ то время какъ послѣдняя остается покойно лежащей на днѣ сосуда, обезглавленная производитъ постоянныя волнообразныя движенія.*

Слѣдуя объясненію явленія Максвеля, мы имѣемъ передъ собою совершенно очевидный фактъ увеличенія спонтанныхъ движеній вслѣдъ за удаленіемъ надглоточнаго ганглія. На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, и дѣло объясняется совершенно иначе. Всматриваясь ближе и внимательнѣе въ движенія, которыя производитъ піявка, не трудно убѣдиться въ томъ, что онѣ представляютъ собою тѣ именно движенія, которыя она дѣлаетъ въ обычныхъ условіяхъ жизни, когда собирается коснуться передней присоской находящагося впереди предмета. Попытка оканчивается неудачей; животное повторяетъ свою попытку снова,—новая неудача, и новое движеніе, разъ-за-разомъ, десятки, сотни, тысячи разъ.

Фактъ этотъ весьма убѣдительно доказываетъ, съ какою осторожностью нужно дѣлать заключенія на основаніи явленій, наблюдаемыхъ въ дѣятельности безпозвоночныхъ животныхъ, и какъ легко могутъ они вводить въ заблужденіе, если изслѣдователь не будетъ держать себя на сторожѣ отъ природной склонности человѣка къ сужденіямъ по аналогіи, вѣрнѣе отъ склонности къ антропоморфизму.

Въ одномъ мѣстѣ Максвель сообщаетъ объ одномъ *«замѣчательномъ явленіи»*, которое хотя и не стоитъ, по его мнѣнію въ противорѣчіи съ его основными воззрѣніями на нервные процессы червей, но которымъ онъ *объясненія не нашелъ*.

Вотъ это замѣчательное явленіе. Ученый пересадилъ нѣсколько Нереидъ, лишенныхъ надглоточнаго ганглія, изъ акварія съ закругленными углами въ четырехъугольный. На другой день онъ обнаружилъ во всѣхъ четырехъ углахъ вертикальные ходы, сдѣланные червями до дна акварія. Такой ходъ нѣкоторое время шелъ по дну, а потомъ опять поднимался кверху, и червякъ шелъ до угла, гдѣ снова углублялся, вертикально доходилъ до дна и т. д. «Произошло, такимъ образомъ,—выражаясь словами автора,—замѣчательное явленіе», котораго смыслъ для него остался темнымъ и которому объясненія поэтому, онъ не даетъ. Да и не можетъ дать, разумѣется, стоя на той точкѣ зрѣнія, которой держится въ своемъ взглядѣ на психическую роль головнаго мозга у червей. А между тѣмъ, дѣло совершенно просто, и самая правильность ходовъ представляетъ собою не загадку, а только строго опредѣленный отвѣтъ на вопросъ. Максвель, удаляя надглоточный ганглій, съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ онъ самъ это заявляетъ, долженъ былъ разрушать глаза. Животныя, которыя, передвигаясь съ мѣста на мѣсто, руководятся органами зрѣнія, будучи лишены этихъ органовъ, либо теряютъ вовсе способность къ перемѣщенію, либо двигаются *только по прямому направленію*, не сворачивая ни вправо, ни влѣво. И такая прямолинейность является отнюдь не актомъ психическимъ, а физіологическимъ слѣдствіемъ утраты требуемаго органа чувствъ. До тѣхъ поръ пока черви помѣщаются въ сосудѣ съ закругленными углами, форма сосуда незамѣтно для нихъ руководитъ ихъ движеніемъ и они двигаются «всегда по его краю», отмѣчаетъ авторъ, но никогда не зарываются. Какъ только такой

сосудъ замѣняется четырехугольнымъ, такъ червь, какимъ бы путемъ онъ ни пошелъ, въ концѣ концовъ, неизбѣжно, разумѣется, попадетъ въ уголъ акварія, а изъ угла другого пути для движенія по прямому направленію (т.-е. по направленію, которымъ онъ шелъ), какъ либо поднявшись вверхъ, либо углубившись внизъ, очевидно, быть не можетъ. Дѣлали ли они попытку идти вверхъ авторъ не упоминаетъ; во всякомъ случаѣ, изъ такой попытки никакихъ послѣдствій произойти бы не могло, и черви углубились вертикально внизъ ко дну. Получился результатъ не только не странный, но *единственно возможный* и потому ничего замѣчательнаго въ себѣ не заключающій *).

Приведу здѣсь аналогичный примѣръ изъ моихъ изслѣдованій надъ Nephila vulgaris. При раздраженіи (напримѣръ, уколѣ) нормальная піявка обороняется, приближая къ мѣсту раздраженія голову; повтореніе раздраженія заставляетъ ее *уходить*, просасываясь то передней, то задней присоской (пядями). Если уколы въ большомъ числѣ и быстро слѣдуютъ другъ за другомъ, то лишь послѣ этого піявка, наконецъ, уплываетъ; обезглавленная же особь уплываетъ тотчасъ же послѣ второго-третьяго укола.

Максвель объяснилъ бы это явленіе усиленіемъ спонтанной дѣятельности, вслѣдствіе обезглавленія; на самомъ дѣдѣ причина явленій гораздо проще. Различное отношеніе къ раздраженію піявокъ заключается просто въ томъ, что обезглавленная *не можетъ* двигаться *пядями*, т.-е. смѣняя присоски, ибо головной у нея нѣтъ, а движеніе головнымъ концомъ и невозможность за этимъ движеніемъ принять обычнаго положенія сами собой вызывали движеніе плавательное. Никакихъ другихъ фактовъ усиленія спонтанной дѣятельности, кромѣ указанныхъ, мы у автора не находимъ, и потому я считаю себя въ правѣ утверждать, что авторомъ наличность усиленія спонтанной дѣятельности не доказана. Также не доказано Максвелемъ состояніе «сытаго довольства и покоя», будто бы наступающаго у червей послѣ удаленія подглоточныхъ ганглій.

Спокойствіе это, по автору, выражается въ томъ, что спонтанныя движенія хотя и производятся ими, «но немного»; далѣе: что въ землю они не зарываются и пищи не принимаютъ. Оказывается, однако, во 1-хъ, что Нереиды не принимаютъ пищи и не зарываются послѣ удаленія у нихъ какъ подглоточныхъ такъ, и *надглоточныхъ ганглій*, хотя, какъ оно и слѣдовало ожидать, не по тожественнымъ въ обоихъ случаяхъ причинамъ. Интересно, что, анализируя эти причины, авторъ, на этотъ разъ совершенно справедливо, видитъ ихъ въ органахъ чувствъ, утраченныхъ червями, вслѣдствіе операціи, а не въ потери самихъ гангліевъ, какъ центровъ различной психической природы.

---

*) Съ этимъ заключеніемъ, повидимому, стоитъ въ противорѣчіи тотъ фактъ, что черви, достигнувъ дна и, по сказанной же выше причинѣ, двигаясь далѣе впередъ по дну акварія, не доходили до противоположной стѣнки, какъ бы этого слѣдовало ожидать, а поднимались кверху; но это противорѣчіе объясняется другимъ обстоятельствомъ, отмѣчаемымъ самимъ же Максвелемъ: большей раздражительностью червей, лишенныхъ подглоточнаго ганглія; обстоятельствомъ, которое лишало Максвеля возможности засыпать ихъ землей,—опытъ, легко удававшійся съ нормальными не оперированными особями.

Червякъ, лишенный подглоточныхъ узловъ, пишетъ авторъ, не принимаетъ пищи, потому что имъ утрачены органы чувства, которые давали ему возможность различенія годнаго для пищи отъ негоднаго; червякъ, лишенный подглоточныхъ ганглій не принимаетъ пищи потому, что глотка вслѣдствіе операціи, приходитъ въ паралечное состояніе. Остается вопросъ о меньшемъ количествѣ спонтанныхъ движеній, послѣ удаленія подглоточнаго узелка. Нѣтъ надобности распространяться о томъ, что это явленіе представляетъ собою простое слѣдствіе утраты тѣхъ органовъ чувствъ, которые побуждаютъ червя производить требуемыя движенія, а не того, что подглоточные ганглін являются центромъ соотвѣтствующей психической дѣятельности, устраненіе которыхъ, какъ таковыхъ, влекло бы за собой особенности поведенія. Мы видимъ здѣсь явленіе, хотя и противоположное тому, которое наблюдается послѣ удаленія надглоточныхъ ганглій, но сущность нервныхъ процессовъ и тамъ, и тутъ одна и та же, вслѣдствіе чего я не считаю нужнымъ останавливаться на объясненіи описываемаго явленія. Въ заключеніе отмѣчу еще одно обстоятельство.

Максвель, вообще очень подробно отмѣчающій результатъ своихъ изслѣдованій надъ червями, *ни разу и нигдѣ не говоритъ ни слова о томъ: усиливается ли раздражительность ихъ послѣ удаленія подглоточнаго ганглія.* Трудно допустить, чтобы онъ не дѣлалъ надъ оперированными такимъ образомъ червями того опыта, который производилъ надъ ними, изслѣдуя последствія удаленія надглоточнаго ганглія. Трудно потому, что всѣ остальные опыты производятся имъ всегда параллельно, съ цѣлью выяснить различіе между функціями, над- и подглоточныхъ гангліевъ. Фактъ таковъ, что раздражительность у червей, лишенныхъ подглоточнаго ганглія также увеличивается (и также увеличеніе это на самомъ дѣлѣ только кажущееся). Авторъ не упомянулъ о результатахъ своихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи, вѣроятно, просто потому, что не могъ ихъ себѣ объяснить; а сдѣлать этого онъ не могъ, потому, что результаты эти стоятъ въ противорѣчіи съ его заключеніемъ объ усиленіи спонтанныхъ движеній у червей, лишенныхъ надглоточнаго ганглія, и не находятъ себѣ въ его воззрѣніяхъ никакого объясненія въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ объ аналогіи подглоточнаго ганглія малымъ полушаріямъ головного мозга позвоночныхъ. Этимъ я и закончу изложеніе данныхъ, устанавливаемыхъ физіологическимъ методомъ изслѣдованія нервной системы червей, поскольку эти данныя имѣютъ отношеніе къ сравнительной психологіи.

Ближайшими выводами изъ сдѣланнаго очерка являются слѣдующіе.

1. Ходъ нервнаго процесса у червей, повидимому, отличается отъ того, что мы видимъ у позвоночныхъ животныхъ, тѣмъ, между прочимъ, что у червей, послѣ перерѣзки брюшной цѣпи, раздраженія одной половины тѣла не только передаются на другую, но даже вызываютъ въ отвѣтъ на такое раздраженіе координированныя движенія. Мало того: мы можемъ получить такія отвѣтныя движенія одной половины и послѣ того, какъ животное перерѣзывается пополамъ, а потомъ сшивается (опыты Дарвина, Фридлендера и Лёба).

2. Ближайшія послѣдствія обезглавленія у червей выражаются только

въ непродолжительномъ возбужденномъ состояніи; иногда, какъ у Clepsina com., возбужденіе это слабо и скоро преходяще.

3. Вліяніе массы нервной ткани на ея тонусъ удостовѣряется тѣмъ фактомъ, что если сдѣлать перерѣзку коммиссуръ брюшной цѣпи червямъ, у которыхъ раздраженіе отъ сегмента къ сегменту передается только этими коммиссурами, то пониженіе тонуса бываетъ тѣмъ значительнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ меньше отдѣленная отъ головного конца часть. Отдѣленіе только одной головы влечетъ за собою или очень незначительное и непродолжительное пониженіе тонуса, или вовсе его не вызываетъ, какъ это удостовѣряютъ изслѣдованія надъ піявками.

4. Обезглавленные анелиды не теряютъ способности къ спонтаннымъ движеніямъ, за исключеніемъ тѣхъ лишь, которыя стоятъ въ прямой зависимости и связи съ органами чувствъ головы. Nereis, Hirudo и Clepsina, руководясь въ своемъ перемѣщеніи глазами, съ потерею этихъ органовъ чувствъ двигаются впередъ только по прямому направленію. У Lumbricus удаленіе надглоточнаго ганглія не влечетъ за собой почти никакихъ измѣненій въ ихъ жизнедѣятельности; они вползаютъ въ свои входы и т. п.

5. Обезглавленные черви удерживаютъ свои *инстинктивныя* дѣйствія, даже тѣ, въ которыхъ голова принимаетъ прямое участіе. Такъ послѣ удаленія головного мозга мы наблюдаемъ у нихъ. A) *Инстинкты питанія.* Lumbricus питается, какъ нормальное животное. B) *Инстинкты обычной жизнедѣятельности.* Обезглавленные Lumbricus, будучи посажены въ помѣщеніе, котораго половина дна покрыта пропускной бумагой, а другая землею—собираются на этомъ послѣдней. C) *Инстинктъ самосохраненія.* Слабое колебаніе воды въ акваріи заставляетъ обезглавленную піявку (Clepsina) насторожиться, какъ и нормальную, онѣ прерываютъ дыхательныя движенія. D) *Инстинкты самообороны* производятся обезглавленными, какъ и нормальными особями: Nephila приближаетъ къ раздражающему предмету мѣсто, на которомъ находилась голова, чтобы защищаться и нападать, хотя органа нападенія и защиты уже не существуетъ. E) *Половой инстинктъ.* Lumbricus, по удаленіи надглоточнаго узла, спариваются.

6. Инстинкты, стоящіе въ полной зависимости отъ органовъ чувствъ головы, съ удаленіемъ головного мозга не проявляются, но причина явленія заключается отнюдь не въ задерживающихъ центрахъ головного мозга, а просто въ исчезновеніи тѣхъ органовъ чувствъ, съ которыми они связаны. Такъ, Clepsina перестаетъ нѣкоторое время закручиваться въ спираль, потому что *начинающій* этотъ актъ органъ—голова—отсутствуетъ. Lumbricus послѣ удаленія подглоточнаго узла, инервирующаго органы, руководящіе животнымъ при его ползаніи,—перестаетъ вползать въ норы, а Nereis зарываться въ песокъ. Нереиды, по удаленіи подглоточнаго ганглія, перестаютъ принимать пищу и не обращаютъ на нее вниманія: органы чувствъ, которые руководятъ червями въ этомъ случаѣ, прекращаютъ свою функцію, и такъ какъ у этихъ животныхъ (равно и у суставчатоногихъ) ни одинъ органъ для каждаго даннаго акта не можетъ замѣнять функцій другого

(зрѣніе—обонянія, напримѣръ, или наоборотъ), то животное не обращаетъ уже болѣе вниманія на пищу.

7. Роль головы въ процессахъ физіологическихъ: *дыханія, сердцебіенія и пищеваренія*, судя по продолжительной жизни обезглавленныхъ особей, совершенно ничтожна, если только вообще существуетъ.

8. Обезглавленіе червей влечетъ за собой пониженія у нихъ *нервнаго тона*, того постояннаго возбужденія, источникомъ котораго является живая сила раздражителей. Такъ какъ у червей головные органы (особенно у піявокъ и Lumbricus) играютъ въ смыслѣ прихода этой живой энергіи роль очень не важную, то у нихъ этотъ тонъ, если и понижается, то на степень трудно опредѣлимую. У Nereis дѣло обстоитъ нѣсколько иначе: за перерѣзкою коммиссуръ посерединѣ тѣла—отрѣзокъ по ту сторону отъ головы имѣетъ плоскую форму и дряблый видъ, тогда какъ въ головномъ концѣ онъ подобранъ и нормально напряженъ.

9. Роль головы для продолжительности жизни равна почти нулю: животное безъ головы можетъ, повидимому, жить столько, сколько можетъ жить безъ пищи.

10. Конечнымъ заключеніемъ изъ всего, что было сказано по поводу психофизіологіи червей, будетъ слѣдующее: данныя опыта и наблюденія не даютъ намъ ни малѣйшаго основанія для отожествленія функцій нервной системы червей съ таковою высшихъ позвоночныхъ животныхъ, и служатъ лишь новымъ аргументомъ для того, чтобы утверждать, что *измѣреніе психики червей масштабомъ психики человѣка невозможно.*

Владиміръ Вагнеръ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Кометы 1902 года.—Оживленіе сердца.—† *Вирховъ*.

Кометы 1902 года. Первая комета въ текущемъ году была открыта 2-го апрѣля *Бруксомъ* въ Женевѣ близъ Нью Іорка. Она явилась туманностью діаметромъ въ 3 минуты и имѣла небольшой хвостъ, который не достигалъ и 1/2 градуса. Комета приближалась къ солнцу къ которому и подошла 24-го апрѣля на разстояніе, составляющее 0,45 разстоянія земли отъ солнца, т.-е. около 67.700.000 километровъ; несмотря на это никакихъ интересныхъ явленій въ данной кометѣ не наблюдалось вслѣдствіе невыгоднаго расположенія ея орбиты относительно земли. Комета скоро перешла въ южное полушаріе и, постепенно ослабѣвая въ яркости, удалилась на большое разстояніе.

Гораздо выгоднѣе для насъ расположилась орбита второй кометы, открытой астрономомъ *Перрине* на обсерваторіи Лика 19-го августа и независимо отъ него 20-го августа астрономомъ *Боррелли* на парижской обсерваторіи. Комету увидали еще очень далеко отъ солнца. Вычисленные по первымъ наблюденіямъ элементы ея движенія показали, что она приближается къ нашему дневному свѣтилу, огибая землю. При этомъ она быстрымъ маршемъ проходитъ по всему

видимому теперь небу. Открыта комета въ созвѣздіи Персея, ниже извѣстной перемѣнной звѣзды Альголя. Нѣсколько уклоняясь направо, комета эта быстро поднималась къ созвѣздію Кассіопеи. Потомъ склоненіе начинаетъ измѣняться медленнѣе, комета перемѣщается, главнымъ образомъ по прямому восхожденію на западъ черезъ созвѣздія: Кассіопею, Дракона, Лебедя, Лиру и Геркулеса.

Въ зависимости отъ уменьшенія разстоянія кометы отъ солнца и, главнымъ образомъ, отъ земли, яркость ея быстро увеличивается. Въ моментъ открытія комета представляла слабую туманность съ звѣздоподобнымъ ядромъ 9-ой величины, а черезъ двѣ недѣли яркость ея уже въ три раза больше, черезъ мѣсяцъ—въ 20 разъ; между 21-мъ и 25-мъ сентября, когда комета находится въ наиболѣе близкомъ разстояніи отъ земли (равномъ 0,37 разстоянія земли отъ солнца, т.-е. 55 милліоновъ километровъ) яркость ея по теоретическому разсчету должна быть въ 28—29 разъ больше яркости при открытіи кометы. Затѣмъ комета Перрине начинаетъ удаляться отъ земли, видимо спускаясь все ниже и ниже къ экватору и 10-го ноября подойдетъ къ солнцу на разстоянія 0,4 разстояніе земли отъ солнца и выйдетъ изъ его лучей уже вѣроятно, недоступной или мало доступной наблюденіямъ на сѣверныхъ обсерваторіяхъ.

Подъ именемъ третьей кометы 1902 года въ списки занесена комета открытая *Грегомъ* на Новой-Зеландіи 9-го іюля. Она наблюдалась до конца іюля однимъ только лицомъ, открывшимъ ее.

Въ ноябрѣ астрономы ждутъ еще комету, движеніе которой впередъ извѣстно. Эта такъ называемая періодическая комета Темпеля-Свифта, которая обращается около солнца, какъ членъ нашей солнечной системы, по эллипсу, съ временемъ обращенія въ $5^1/_2$ лѣтъ. Впрочемъ, наблюдается она не при всякомъ приближеніи къ солнцу, а черезъ разъ, когда она находится между землей и солнцемъ, такъ что разстояніе ея отъ земли оказывается сравнительно невелико, около 16 милліоновъ километровъ. При другомъ приближеніи кометы къ солнцу, земля оказывается въ противоположной части своей орбиты на разстояніи уже около 300 милліоновъ и комету мы тогда не видимъ. Открыта эта комета въ первый разъ Темпелемъ въ 1869 году, потомъ въ 1880 году нашелъ ее Свифтъ. Она наблюдалась и еще въ 1891 году. Комета незначительной яркости, вполнѣ телескопическая, но, тѣмъ не менѣе, она весьма интересуетъ астрономовъ. Она принадлежитъ къ группѣ періодическихъ кометъ съ короткимъ временемъ вращенія, которыя подходятъ близко къ Юпитеру и претерпѣваютъ отъ него большія возмущенія. Астрономовъ интригуетъ вопросъ, не игралъ ли какой роли могучій Юпитеръ въ закрѣпленіи кометы въ предѣлахъ нашей солнечной системы, не могъ ли онъ своимъ вліяніемъ первоначально разомкнутую параболическую орбиту превратить въ замкнутую, эллиптическую. Возможно и, пожалуй, даже болѣе вѣроятно, что комета эта представляетъ собой часть, отдѣлившуюся подъ дѣйствіемъ внутреннихъ силъ отъ другой большой кометы, давно ушедшей въ безконечное пространство. Комета-родоначальница могла продолжать свое движеніе по параболѣ, отдѣлившаяся часть вслѣдствіе толчка, должна была идти по другому пути, который можетъ быть

и эллипсъ весьма небольшихъ размѣровъ. Въ этомъ отношеніи является особенно интереснымъ подобіе элементовъ кометы Темпеля-Свифта съ элементами нѣкоторыхъ другихъ періодическихъ кометъ. Возникаетъ вопросъ о взаимной связи всѣхъ этихъ кометъ, ихъ общемъ происхожденіи. Будетъ ли непремѣнно найдена комета нынѣшней осенью, конечно, поручиться нельзя.

К. Покровскій.

Оживленіе сердца. Давно уже извѣстно, что смерть организма—процессъ далеко не моментальный, онъ растягивается нерѣдко на многіе часы. Даже у теплокровнаго животнаго, не говоря уже о холоднокровныхъ, не всѣ ткани и органы прекращаютъ свою жизнедѣятельность одновременно. Со времени знаменитаго опыта Гальвани извѣстно, какъ долго сохраняютъ свою жизненность мышцы и нервы лапокъ лягушки, у теплокровныхъ же животныхъ и у человѣка давно наблюдалось, что, напр., клѣточки мерцательнаго эпителія дыхательнаго горла продолжаютъ мерцать своими рѣсничками много времени спустя послѣ видимой смерти организма и послѣ окончательной остановки кровообращенія.

У холоднокровныхъ животныхъ наравнѣ съ мышцами конечностей отличается большою живучестью также сердце, представляющее изъ себя въ сущности не что иное, какъ своеобразно измѣненный комплексъ мышцъ. Лягушачье сердце, вырѣзанное изъ животнаго и помѣщенное въ подходящія условія влажности и температуры, можетъ сокращаться втеченіе почти цѣлой недѣли, а сердце черепахи даже 10—12 дней.

Сердце теплокровныхъ животныхъ до послѣдняго времени считалось значительно менѣе живучимъ, однако, и по отношенію къ нимъ и даже по отношенію къ человѣку давно уже существовали нѣкоторыя наблюденія, говорившія за то, что сердце не утрачиваетъ вполнѣ способности сокращаться одновременно съ видимою смертью организма. Такъ. Чермакъ и Піотровскій въ 1857 году нашли, что у кролика послѣ обезглавленія сердце можетъ сокращаться еще впродолженіе 36 минутъ, а въ среднемъ (изъ 60 наблюденій) сокращается 11 минутъ 46 секундъ. Руссо наблюдалъ у гильотинированной женщины сокращеніе сердца черезъ 29 часовъ послѣ казни, а Вульпіанъ замѣтилъ у собаки сокращеніе праваго предсердія черезъ 93½ часа послѣ смерти. Броунъ-Секаръ наблюдалъ подобныя же сокращенія у собаки черезъ 53, у кролика—черезъ 34 и у морской свинки черезъ 13 часовъ послѣ смерти. Въ большинствѣ случаевъ, однако всѣ эти указанія имѣютъ въ виду лишь незначительныя, крайне слабыя и едва замѣтныя сокращенія сердца въ области праваго предсердія и полой вены. Вэллеру и Райду удалось, впрочемъ, констатировать и настоящія сердечныя сокращенія на сердцѣ собаки—черезъ 2 часа и на сердцѣ кошки—черезъ 23 минуты послѣ смерти.

Имѣя въ виду такія наблюденія, свидѣтельствующія о живучести сердца, вполнѣ естественно было попытаться оживить сердце погибшаго организма, создавъ для его дѣятельности условія, наиболѣе подходящія къ естественнымъ Такія попытки и дѣлались различными изслѣдователями (Арно, Гэдонъ и Жили, Лангендорффъ и др.),—они впрыскивали лишенную фибрина кровь или дру-

*

гія подходящія по составу жидкости въ сердце уже мертваго животнаго (въ одномъ случаѣ—даже обезглавленнаго человѣка) и получали на короткое время энергичныя сокращенія сердца.

Однако, лишь въ прошломъ 1901 году удалось выработать достаточно надежный и по своимъ результатамъ прямо блестящій методъ оживленія сердца. Честь этого открытія принадлежитъ англійскому физіологу *д-ру Локу*, но разработанъ методъ, открытый этимъ ученымъ, нашимъ соотечественникомъ *А. А. Кулябко*, предварительное сообщеніе котораго *) и легло въ основаніе этой замѣтки. Основываясь на точныхъ анализахъ крови, Локъ составилъ искусственную смѣсь, по своимъ свойствамъ наиболѣе подходящую къ плазмѣ крови. Составъ этой жидкости слѣдующій:

Хлористаго кальція	0,02%
Хлористаго калія	0,02%
Углекислаго натра	0,02%
Хлористаго натра	0,9%
Винограднаго сахара	0,1%
Воды	98,94%

Жидкость нагрѣвается приблизительно до температуры тѣла, насыщается кислородомъ и въ такомъ состояніи пропускается чрезъ вырѣзанное сердце,— черезъ нѣкоторое время сердце начинаетъ энергично сокращаться.

Постановка опыта до крайности простая. На стекляной трубкѣ съ краномъ виситъ привязанное мертвое сердце кролика или кошки. Экспериментаторъ поворачиваетъ кранъ, пускаетъ токъ жидкости и черезъ минуту сердце начинаетъ сокращаться, сперва слабо, потомъ все сильнѣе и сильнѣе, наконецъ, начинаетъ работать во всю, какъ при сильномъ сердцебіеніи. Поворачивая краны, регулирующіе притокъ жидкости и насыщающаго кислорода, экспериментаторъ по желанію заставляетъ сердце биться то сильнѣе, то слабѣе, регулируетъ его дѣятельность, какъ работу какого-нибудь часового механизма. Мы видимъ передъ собою сердце, настоящее живое сердце, несмотря на то, что оно было только что мертвымъ, неподвижнымъ! Оно ожило въ рукахъ человѣка и подчиняется его волѣ.

Работа сердца можетъ продолжаться безъ перерыва нѣсколько часовъ. Она можетъ быть пріостановлена путемъ прекращенія притока жидкости, затѣмъ снова возобновиться безъ всякой помѣхи. Простота постановки опыта позволяетъ изслѣдовать сокращенія сердца во всѣхъ деталяхъ, записывать на вращающемся барабанѣ движенія различныхъ частей его, видоизмѣнять различныя внѣшнія условія. Подробное изслѣдованіе оживленнаго сердца въ этомъ направленіи показало, что дѣятельность его ничѣмъ не отличается отъ дѣятельности внутри организма: на вырѣзанномъ сердцѣ удалось воспроизвести всѣ основные опыты относительно вліянія температуры, электрическаго и механическаго раздраженія и пр. и воспроизвести съ гораздо большей легкостью и простотою, чѣмъ при оперированіи на сердцѣ внутри организма.

*) «Опыты оживленія сердца». «Изв. Акад. Наукъ», 1902 г. № 3.

Большой интересъ представлялъ процессъ умиранія сердца, наблюдавшійся при прекращеніи притока жидкости. Кривая, вычерчиваемая сердцемъ, съ несомнѣнностью указывала на то, что разстройство въ дѣятельности праваго и лѣваго желудочка происходитъ не въ одинаковой степени: лѣвый желудочекъ обладаетъ большею массою мышцъ, и потому недостатокъ питательнаго матеріала и кислорода, доставляемаго жидкостью, сказывается ранѣе и сильнѣе на его дѣятельности, онъ начинаетъ работать слабѣе, въ то время когда правый, нуждающійся въ меньшемъ количествѣ пищи, еще сокращается довольно энергично.

Рядъ интересныхъ явленій наблюдался также при оживаніи сердца послѣ возобновленія притока жидкости.

Очень важно было рѣшить, сколько времени можетъ длиться перерывъ въ дѣятельности сердца безъ окончательнаго нарушенія его жизнеспособности,—иными словами, послѣ какого промежутка полнаго угасанія дѣятельности сердца, какъ бы полнаго замиранія ея, возможно еще оживленіе сердца.

Въ этомъ отношеніи наблюденія А. А. Кулябко поразительны: оказалось, что не только перерывъ въ питаніи сердца и охлажденіе его на 20—25 минутъ не убиваютъ этого органа, но даже *послѣ пребыванія вырѣзаннаго сердца на льду въ теченіе 18 и 24 часовъ удается еще возобновить его сокращенія путемъ циркуляціи той же жидкости Лока*. Самымъ удивительнымъ опытомъ въ этомъ отношеніи было оживленіе сердца, взятаго изъ труппа кролика, *пролежавшаго на льду 44 часа*!

До сихъ поръ опыты оживленія сердца производились исключительно надъ млекопитающими и птицами, но не подлежитъ сомнѣнію, что также оживлено можетъ быть и сердце человѣка *). У каждаго рождается невольно вопросъ,—не могутъ ли получить эти опыты какого-либо практическаго примѣненія и не возможно ли оживлять сердце, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ прекращенія сердечной дѣятельности?

Къ сожалѣнію, пока отвѣтъ долженъ быть отрицательный: техническія трудности въ данномъ случаѣ слишкомъ велики, чтобы можно было возлагать большія надежды на примѣненіе этого метода оживленія сердца въ медицинской практикѣ! Значеніе этого метода очень велико въ другомъ отношеніи,—онъ позволяетъ испытывать непосредственно на самомъ сердцѣ и изучать во всѣхъ подробностяхъ вліяніе на сердечную дѣятельность различныхъ веществъ, между прочимъ и тѣхъ, которые примѣняются или могутъ быть примѣнены къ леченію болѣзней сердца. Токсикологіи и фармакологіи этотъ новый методъ окажетъ, несомнѣнно, неоцѣнимыя услуги. Едва ли еще не важнѣе, однако, эти опыты въ теоретическомъ отношеніи—они показываютъ, что ткани сердца обладаютъ большой живучестью и при наличности условій, приближающихся къ нормальнымъ, могутъ возстановить свою уже совсѣмъ прекратившуюся дѣятельность.

---

*) Данная статья была уже набрана, когда мы узнали, что 16-го сентября г. Кулябко дѣлалъ докладъ о новыхъ своихъ опытахъ, при которыхъ ему удалось совершенно также «оживить» и сердце человѣка. *Ред.*

Возможно, что въ той или другой мѣрѣ это окажется впослѣдствіи справедливымъ и по отношенію къ другимъ тканямъ организма.

П. Ю. Шмидтъ.

---

† Рудольфъ Вирховъ. 5-го сентября въ Берлинѣ скончался Рудольфъ Вирховъ. Не прошло и года, какъ весь образованный міръ праздновалъ его восьмидесятилѣтнюю годовщину *), праздновалъ и радостно удивлялся необыкновенной бодрости и энергіи маститаго старца.

Вирхова не стало, но онъ выковалъ себѣ безсмертіе. Рѣдко кто совмѣщалъ такое упорное исканіе научной истины съ такою дѣятельною любовью къ справедливости; рѣдко кто передъ смертью могъ обозрѣть прожитую жизнь съ такимъ чувствомъ удовлетворенія, какъ Вирховъ.

Пройдутъ вѣка, разсыпятся многіе изъ современныхъ памятниковъ, но имя великаго создателя научной медицины и борца «за воздухъ, свѣтъ, здоровое жилище, образованіе и свободу для всѣхъ» останется навѣки въ лѣтописяхъ человѣчества **).

В. Аг.

---

*) См. «М. Б.», 1901, ноябрь, «Научная Хроника».

**) Віографію и характеристику научной и общественной дѣятельности Вирхова см. «М. Б.», 1898, «Рудольфъ Вирховъ», ст. Ю. Малисъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Октябрь 1902 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Метерлинкъ. «Жизнь пчелъ».—«Книга разсказовъ и стихотвореній».

Жизнь пчелъ. Мориса Метерлинка. Переводъ съ французскаго. Изд. товарищества «Общественная Польза» Спб. 1902. Настоящая книга знаменуетъ нѣкоторый поворотъ въ настроеніи и образѣ мыслей бельгійскаго поэта, который, обратившись къ непосредственнымъ наблюденіямъ жизни природы,—вмѣсто прежняго «умаленія» человѣка, представляемаго въ масштабѣ «кукольнаго театра», въ подчеркнутомъ ничтожествѣ разума и сознаніи людей передъ тайнами невѣдомыхъ силъ и глубиной безсознательнаго, теперь изслѣдуетъ разумъ даже въ низшихъ созданіяхъ, готовъ преувеличить его объемъ и, во всякомъ случаѣ, несказанно радъ его открытію. «Находя реальный слѣдъ разума внѣ насъ,—пишетъ теперь Метерлинкъ,—мы испытываемъ чувство, похожее на волненіе Робинзона, увидѣвшаго отпечатокъ человѣческой ноги на отмели своего острова. Намъ кажется, что мы менѣе одиноки на землѣ. чѣмъ думали». И тутъ же слѣдомъ авторъ распространяется о «чудной способности» разума «видоизмѣнять слѣпую необходимость, организовать, улучшать и увеличивать жизнь, давать отпоръ, задерживая силу смерти, великій безразсудный потокъ которой увлекаетъ почти все существующее въ вѣчную безсознательность» (136). Мы далеки отъ настроенія драмы «Слѣпые» того же автора, служившей символомъ безпросвѣтной тьмы, въ которой суждено блуждать всему человѣчеству; мы вмѣстѣ съ Метерлинкомъ словно «открываемъ» оплотъ противъ таинственной силы рока, находимъ нѣкоторое утѣшеніе противъ угнетающей, при постоянномъ напоминаніи объ ней, мысли о смерти («Смерть Тинтажиля», «Втируша», «Глубина души»), о неисповѣдимости судебъ, мистическаго преклоненія передъ тайнами безсознательнаго и непостижимаго, которые тщетно было бы испытывать слишкомъ ничтожному человѣческому разуму, подавленному необъятностью того, что лежитъ за предѣлами его пониманія. Метерлинкъ, конечно, не отрицаетъ и теперь этихъ предѣловъ: «Сознаніе предѣловъ человѣческаго пониманія—это, вѣроятно, все, чему человѣкъ можетъ научиться въ этомъ мірѣ» (4). Однако, такое «непониманіе», которое является въ результатѣ усилій раскрыть тайны природы, кажется теперь Метерлинку лучшимъ, «чѣмъ безотчетное самодовольное невѣдѣніе нашей собственной жизни». А главное, что присутствіе тайны не должно парализовать стремленія къ дѣятельности, и если истина намъ недоступна, то все же «самое прекрасное и интересное въ жизни есть стремленіе человѣка найти эту истину».

Что надо жить, хотя бы мы не знали цѣли жизни, надо работать и дѣйствовать, хотя бы мы не знали, къ чему приведутъ наши усилія, надо прислушиваться къ внушеніямъ разума, хотя ему недоступно многое,—этотъ урокъ бодрящей философіи, въ противоположность подавленному настроенію прежняго пессимизма Метерлинка, нашъ авторъ позаимствовалъ у маленькихъ «золотыхъ пчелокъ», послѣ многолѣтнихъ наблюденій надъ ихъ жизнью, организаціей ихъ общины, нравовъ и обычаевъ, излагая теперь результаты своихъ наблюденій. Авторъ отнюдь не выдаетъ свое произведеніе за научный трактатъ о пчелахъ, онъ имѣетъ сообщить лишь общеизвѣстные факты, провѣренные, правда, личнымъ опытомъ. Послѣднему онъ придаетъ большое значеніе и кстати высказываетъ замѣчаніе, по поводу работъ Бюхнера, что во многихъ научныхъ изслѣдованіяхъ чувствуется недостатокъ живого опыта; въ нихъ слишкомъ много предвзятыхъ заключеній, и «научный аппаратъ» этихъ трудовъ состоитъ изъ множества сомнительныхъ анекдотовъ, собранныхъ изъ разныхъ источниковъ *).

*) Отмѣтимъ странное недоразумѣніе въ переводѣ порусски даннаго мѣста. Въ русскомъ текстѣ напечатано: «наше сочиненіе скажетъ собственно о пчелахъ мало», и это заявленіе представляется по меньшей мѣрѣ удивительнымъ въ книгѣ, посвященной описанію жизни пчелъ. Дальше: «Но вѣдь и многія научныя изслѣдованія *по этому предмету* страдаютъ тѣми же недостатками» (5) и т. д. Все это мѣсто совершенно искажено въ переводѣ. Дѣло въ томъ, что Метерлинкъ, представляя оцѣнку труда Бюхнера, ставитъ ему въ укоръ чрезмѣрную «книжность» и замѣчаетъ по его поводу: «Cela ne sent ni le miel, ni l'abeille», т.-е. трудъ Бюхнера «не пахнетъ ни медомъ, ни пчелами», потому что авторъ, по предположенію Метерлинка, не наблюдалъ непосредственно природы, а черпалъ свой матеріалъ изъ книжекъ. «Этотъ недостатокъ (т.-е. чрезмѣрная «книжность») присущъ,—продолжаетъ Метерлинкъ,—многимъ научнымъ сочиненіямъ, въ которыхъ часто излагаются предвзятыя заключенія» и т. д. Такимъ образомъ, приписанное Метерлинку заявленіе, что въ его книгѣ о пчелахъ и въ другихъ научныхъ изслѣдованіяхъ «по этому предмету» говорится «мало собственно о пчелахъ», есть личная фантазія переводчика. Подобнаго рода недоразумѣній, къ сожалѣнію, не мало въ русскомъ переводѣ, который мы обозначили въ заголовкѣ этой замѣтки. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ. Въ гл. VII-ой первой книги Метерлинкъ отмѣчаетъ чрезвычайно развитое у пчелъ чувство общественности; уединеніе ихъ губитъ, тогда какъ «жизнь скопомъ (l'accumulation), община представляютъ невидимое, но столь же необходимое, какъ медъ, условіе существованія. Необходимо имѣть въ виду эту потребность [пчелъ къ совмѣстной жизни] для того, чтобы установить «духъ законовъ», управляющихъ жизнью улья. Индивидуумъ ничего не значитъ въ ульѣ; онъ существуетъ только условно, представляется безразличнымъ моментомъ (въ цѣломъ), крылатымъ органомъ вида». Русскій переводчикъ отнесъ къ улью все то, что говорится о роли индивидуума въ ульѣ: «Улей, повидимому, не представляетъ ничего особеннаго (?); онъ существуетъ лишь условно (?); онъ (т.-е. улей) безличный, хотя и окрыленный органъ вида» (стр. 24). Все это не даетъ никакого смысла. Крайне темной представляется слѣдующая фраза въ русскомъ переводѣ, стр. 70: «И, говоря это мимоходомъ, если бы мы, вообще, остерегались *ставить наше восхищеніе въ зависимость отъ остальныхъ обстоятельствъ, связанныхъ происхожденіемъ, и съ мѣстомъ, гдѣ его испытывалъ*, мы, навѣрно, гораздо чаще находили бы случай къ удивленію, открывая на явленія въ природѣ наши глаза, и нѣтъ ничего плодотворнѣе, какъ открывать ихъ такимъ образомъ». Это до нельзя запутанное предложеніе должно передать простую и просто выраженную мысль Метерлинка, что не слѣдуетъ портить впечатлѣніе величественныхъ (и въ маломъ раіонѣ) картинъ природы чрезмѣрнымъ анализомъ: «Если бы мы остерегались подчинять наше восхищеніе (при созерцаніи чудесъ природы) стольким соображеніямъ о мѣстѣ и происхожденіи (даннаго явленія), то мы меньше теряли бы случаевъ удивляться тому, что у насъ передъ глазами; въ высшей степени полезно смотрѣть просто на вещи». Въ главѣ VIII-ой второй книги переводчикъ высказываетъ, по поводу пчелиной общины, слѣдующія замѣчанія: «Много труда пришлось бы употребить, чтобы отыскать на нашей планетѣ республику, намѣренія которой обнимали бы столько серьезныхъ желаній («намѣренія» «обнимаютъ желанія»?); демократія или независимость являются болѣе совершенной и разумной формой (чѣмъ республика?), зато подчиненность—болѣе распространенной и болѣе прочной (?). Но намъ не найти ни одной общины, въ которой жертвы были бы такъ жестоки и деспотичны,

Какъ бы то ни было, точка зрѣнія Метерлинка иная, и его произведеніе, по живости изображенія и яркости красокъ, можетъ быть названо и романомъ, и поэмой, по интенсивности лирическаго настроенія автора, и философскимъ разсужденіемъ, по стремленію автора доискаться разрѣшенія высшихъ проблемъ человѣческой жизни, исходя изъ наблюденій надъ жизнью природы. Схема изложенія строго придерживается послѣдовательныхъ фазисовъ исторіи улья; она прелестна и сама по себѣ: въ умѣлой градаціи описывается сперва внѣшняя обстановка жизни пчелинаго роя, его организація, взаимоотношеніе членовъ общины, молодыя царицы; кульминаціоннымъ пунктомъ разсказа является описаніе «брачнаго полета», достигающее наибольшей поэтичности; но, увлекшись именно, какъ поэтъ, захватывающей картиной лучезарнаго брака, въ которомъ мгновеніе любви сопровождается неминуемой смертью «крылатаго» любовника» и вѣчнымъ заточеньемъ царицы-матки, которая только одинъ разъ въ жизни уносится въ лазурь, грѣется въ лучахъ солнца и любви, и потомъ порождаетъ милліоны жизней, сама будучи навсегда отрѣшена отъ общенія съ внѣшнимъ міромъ, Метерлинкъ затѣмъ самъ ставитъ вопросъ объ отношеніи поэзіи и дѣйствительности, раскрывая намъ обстоятельства описанной картины уже не въ лирической окраскѣ субъективныхъ ощущеній поэта-созерцателя, а въ непосредственной передачѣ натуралиста, изслѣдователя природы. Обѣ точки зрѣнія авторъ пытается примирить въ разсказѣ «о трехъ правдахъ», открытыхъ его другомъ.—За праздничной картиной «брачнаго полета» слѣдуетъ мрачный финалъ: умерщвленіе трутней, ставшихъ безполезными послѣ оплодотворенія царицы. Въ заключеніе авторъ приводитъ нѣсколько данныхъ и соображеній по «эволюціи пчелъ», отстаивая теорію трансформизма, доказывая, что и пчелиное царство отнюдь не неподвижно въ своей организаціи, что пчелы проявляютъ разумъ и сознаніе, и заканчиваетъ общимъ гимномъ разуму.

Аналогія, проводимая между человѣческимъ обществомъ и жизнью такихъ насѣкомыхъ, которые создаютъ подобіе общественной организаціи, конечно, не нова. Муравьи и пчелы особенно часто давали поводъ къ такимъ сравненіямъ. Разнообразятся лишь точки зрѣнія авторовъ, ихъ отношеніе къ предмету, а также тѣ «поученія», которыя они выносятъ изъ сравненія. Въ этомъ смыслѣ не безинтересно припомнить разсужденіе о «пчелахъ» Д. И. Писарева(«Соч.», т. II),

какъ здѣсь» (91). Въ оригинальномъ текстѣ совсѣмъ не то: «Трудно найти,—замѣчаетъ Метерлинкъ, человѣческое государство, въ задачи котораго входило бы (выполненіе) такого значительнаго числа желаній, присущихъ нашей планетѣ; (трудно найти) демократію, въ которой независимость (отдѣльныхъ членовъ) была бы одновременно болѣе совершенной и болѣе осмысленной, а подчиненіе (личности обществу) болѣе полнымъ и болѣе продуманнымъ». *Однако*, по мнѣнію Метерлинка, не найти въ человѣческихъ организаціяхъ и такого общественнаго устроенія, въ которомъ индивидуумы приносились бы въ жертву съ такой жестокостью и такъ всецѣло какъ у пчелъ. Ограничиваемся нѣсколькими указанными примѣрами неточности перевода. Конечно, стиль Метерлинка далеко не изъ легкихъ для точной передачи, но врядъ ли допустимо такое полное искаженіе смысла оригинала, какъ въ приведенныхъ цитатахъ. Есть недурныя страницы въ переводѣ и тѣмъ настоятельнѣе представляется необходимость внимательно его пересмотрѣть и исправить. Къ числу такихъ недосмотровъ, повидимому, принадлежитъ и упоминаніе о «концѣ природы» (вмѣсто «цѣли природы», стр. 253), и заявленіе, что *эволюція* защищаетъ трудолюбиваго раба въ мощной общинѣ, предоставляя *ею* какъ не имѣющаго опредѣленнаго долга (!), «въ жертву враждебнымъ силамъ» (320) (рѣчь идетъ о томъ, что *природа* ограждаетъ живущихъ въ общинѣ, тогда какъ «праздные прохожіе» (le passant sans devoirs dans l'association précaire) предоставлены всѣмъ превратностямъ различныхъ случайностей и т. п. Приводя, удобства ради, въ нашей замѣткѣ ссылки по русскому изданію, мы должны были всякій разъ свѣрять ихъ съ подлинникомъ и вносить кое какія поправки. Досадливыя погрѣшности русскаго переводаа, конечно, не мало затрудняютъ пониманіе текста и должны въ значительной мѣрѣ ослабить у читателя впечатлѣніе изящной простоты изложенія французскаго автора.

который также извлекъ нѣкотораго рода «поученіе» и для людей, изъ наблюденій надъ жизнью маленькаго насѣкомаго. Хотя Писаревъ, также какъ Метерлинкъ, начиналъ тоже съ выходки противъ «доктринеровъ», которые «комментируютъ и критикуютъ, не добираясь до самой жизни и принимая свои слова и понятія за существующія явленія», хотя и онъ ищетъ истину не въ «буквахъ, словахъ и фразахъ», а въ непосредственномъ наблюденіи *дѣйствительной* жизни, нечего и говорить, что его отношеніе къ предмету иное уже потому, что онъ ограничился прочтеніемъ двухъ, трехъ книжекъ о пчелахъ и пользуется готовымъ матеріаломъ, не всегда хорошо освѣдомленный въ деталяхъ, для чисто публицистическихъ цѣлей. Разсужденіе Писарева—остроумный памфлетъ и сохраняетъ свое значеніе, хотя бы вовсе не было пчелъ, къ дѣйствительной жизни которыхъ авторъ довольно равнодушенъ. Устанавливая различныя «касты» пчелинаго царства, распространяясь объ участи рабочихъ пчелокъ—«пролетаріевъ, задавленныхъ существующимъ порядкомъ вещей», сѣтуя о горькой участи этихъ добровольныхъ дѣвственницъ—«кастратовъ», и описывая жизнь «себѣ въ сласть» трутней-тунеядцевъ, Писаревъ не входитъ въ разсмотрѣніе того, что, такъ сказать, съ «пчелиной точки зрѣнія», участь пчелы-работницы, хотя и обреченной на дѣвственность, быть можетъ, ничуть не хуже участи царицы-матки, такъ какъ, обратно его мнѣнію о «необузданныхъ порывахъ чувственности» царицы и «пикникахъ пчелиннаго королевства», брачный полетъ царицы, какъ мы знаемъ, совершается только одинъ разъ. Пчела-работница пользуется жизнью, хотя и краткою, въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ оплодотворенная матка, которая исключительно занята своими «безконечными родами», всякій разъ «съ легкими спазмами», въ вѣчномъ заточеніи. А изъ «лордовъ трутней»—вѣдь только одинъ, самый сильный, самый развитой, достигаетъ на одно мгновеніе улетающую въ высь еще дѣвственную царицу, и «какъ только единеніе совершилось, желудокъ самца-трутня пріоткрывается... Крылья опускаются, и онъ, какъ бы сожженный брачной грозой, мертвымъ падаетъ на землю» (Метерлинкъ, о. с., 235). Итакъ, трутень, исполняя свое назначеніе,—ибо безъ этого, хотя и мгновеннаго единенія родъ пчелъ бы навсегда прекратился,—летитъ на вѣрную смерть. Остальные 300—400 трутней въ роѣ, оставшіеся такими же дѣвственниками, какъ пчелы-работницы, но не имѣя другихъ обязанностей, подвергаются, какъ указано, общему избіенію: «терпѣніе пчелъ не похоже на терпѣніе людей», замѣчаетъ Метерлинкъ, и «разжирѣвшіе лѣнтяи», воспитываемые, такъ сказать «про запасъ», до брачнаго полета, послѣ него погибаютъ почти безъ сопротивленія, по приговору жестокихъ, въ совершеніи акта справедливости, неутомимыхъ пчелъ-работницъ. Такимъ образомъ помилованіе трутней королевою, о которомъ писалъ Писаревъ, въ пчелиномъ царствѣ никогда не имѣетъ мѣсто. На его упреки и обличенія пчелокъ «въ глупости, тупоуміи» и т. п. можно было бы отвѣтить словами Метерлинка: «Напрасно хотятъ сдѣлать логичными и очеловѣчить до крайнихъ предѣловъ всѣ чувства этихъ маленькихъ существъ, столь отличныхъ отъ людей... Тѣ, которые считаютъ болѣе интереснымъ признавать пчелъ похожими на насъ, тѣ не имѣютъ еще достаточно яснаго представленія о томъ, что именно должно пробуждать интересъ въ искреннихъ умахъ» (244). Конечно, вопросъ не въ *искренности*, а въ отношеніи къ предмету: для одного писателя пчелки оказались лишь удобной фабулой для изложенія собственныхъ соображеній по вопросамъ общественности; для другого, заинтересовавшагося предметомъ по существу, въ качествѣ поэта, натуралиста и мыслителя, «поученія» вытекаютъ изъ самой сущности изучаемыхъ явленій, и его выводы пріобрѣтаютъ значеніе въ неразрывной связи съ болѣе или менѣе проникновеннымъ пониманіемъ самого предмета. И за всѣмъ тѣмъ оказывается, что «философія» обоихъ писателей не такъ уже расходится: Метерлинкъ, правда,

находитъ возможнымъ заступаться за «пчелиный міръ»; онъ искренно благоговѣетъ передъ самопожертвованіемъ этихъ маленькихъ существъ въ цѣляхъ сохраненія рода; онъ указываетъ, что прогрессъ требуетъ ограниченія эгоистичныхъ интересовъ; въ оправданіе несовершенствъ, съ точки зрѣнія чистаго разума, замѣчаемыхъ и въ жизни пчелъ, онъ предлагаетъ сравнить ошибки улья съ таковыми же нашего общества. «Если бы мы сами были пчелами и наблюдали за людьми, то удивленіе наше было бы велико при изученіи, напримѣръ, нелогичнаго и неправильнаго распредѣленія труда въ средѣ существъ, которыя, однако-жъ, казались бы намъ въ другихъ отношеніяхъ одаренными значительнымъ разумомъ...» (319). И отвѣтственность людей несравненно бо́льшая, ибо, замѣчаетъ Метерлинкъ въ другомъ мѣстѣ,—«человѣкъ имѣетъ способность не подчиняться законамъ природы» (25). Кореннымъ вопросомъ морали представляется вопросъ—нужно ли и въ какой мѣрѣ пользоваться этой способностью человѣку. Однако, Метерлинкъ признаетъ въ высшей степени интереснымъ «постараться уловить цѣль природы въ какомъ-нибудь другомъ, отличномъ отъ человѣка мірѣ». И вернувшись отъ теорій крайняго индивидуализма къ «естественному праву», Метерлинкъ усмотрѣлъ, что, хотя бы конечныя цѣли природы оставались для насъ окутанными непроницаемой завѣсой, наглядными и непререкаемыми, ближайшими цѣлями всякой общественной организаціи являются стремленія къ «общему долгу», направленному къ осуществленію блага будущаго, какъ бы это будущее ни отдалялось отъ насъ въ непроницаемой загадкѣ». Человѣкъ отдѣляетъ нравственный порядокъ отъ умственнаго, «признавая въ первомъ лишь то, что выше и прекраснѣе раньше созданнаго. И если его можно осудить за такое раздѣленіе, то потому, что люди поступаютъ въ жизни хуже, чѣмъ думаютъ» (241). У пчелокъ нѣтъ этой раздвоенности, и если у человѣка выше представленіе объ идеальномъ, или «нравственномъ» порядкѣ, то пчелы имѣютъ то преимущество, что онѣ въ высшей степени дѣятельны; къ тому же всѣ члены пчелиной общины существуютъ настолько, насколько они нужны для общаго дѣла; они подчиняются и своей царицѣ-маткѣ «не лично, но той миссіи, которую она выполняетъ, и тѣмъ судьбамъ улья, которыя она воплощаетъ» («царица въ сущности есть не что иное, какъ символъ», замѣчаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, стр. 69); безплодная матка, какъ и молодыя царицы, не нужныя для улья, какъ и трутни, ставшіе безполезными послѣ выбора одного самца (ихъ множество и совершенство типа сравнительно съ пчелами-работницами вызываетъ замѣчаніе автора: «Природа всегда щедра, когда дѣло идетъ объ обязанностяхъ и преимуществахъ любви. Она урѣзываетъ лишь органы и орудія работы. Она особенно строга ко всему тому, что люди назвали добродѣтелью...» (228),—все это подвергается безпощадному уничтоженію. Нельзя не задуматься, какъ это дѣлаетъ и Метерлинкъ, надъ глубокой разницей нравственныхъ идеаловъ человѣка и тѣмъ, что въ явленіяхъ природы можетъ быть названо «моралью рода» (подробнѣе о ней авторъ высказывается въ другомъ своемъ трудѣ: «Le temple enseveli»). Метерлинкъ, повидимому, раздѣляетъ вѣру, что, выражаясь принятыми у насъ терминами, въ концѣ концовъ правда-справедливость и правда-истина сольются. Пока онъ слѣдитъ съ усиленнымъ вниманіемъ за зарожденіемъ чувства солидарности у маленькихъ насѣкомыхъ. «Словно и природа полагаетъ, какъ Периклъ у Ѳукидида, что индивидуумы счастливѣе въ нѣдрахъ города, когда онъ процвѣтаетъ, хотя бы отдѣльныя личности въ немъ испытывали и страданія, чѣмъ если бы единицы пользовались всѣми благами въ ущербъ государству». «При своемъ зарожденіи идея братства, или альтруизмъ, принимаетъ еще вполнѣ матеріальную оболочку, пишетъ Метерлинкъ.—Она выражается въ заботахъ объ огражденія отъ холода, отъ голода, отъ страха—и все это еще не принимаетъ опредѣленной формы самостоятельной идеи». «Но и всякая новая мысль пробиваетъ себѣ путь лишь

ощупью среди мрака, окутывающаго все, что зарождается на землѣ» (фр. т., 284). Достаточно, однако, чтобы мысль проникла въ сознаніе и ее не удержать никакими запорами, особенно тогда, когда, какъ у пчеловъ, нѣтъ вышеуказанной раздвоенности между мыслью и дѣломъ. *Ѳ. Бат—овъ.*

Книга разсказовъ и стихотвореній. Изд. С. Курнина. Москва. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к. «Книга разсказовъ и стихотвореній»—сборникъ, куда вошли безъ какой-либо системы или подбора разсказы и стихотворенія самыхъ различныхъ авторовъ. Здѣсь наряду съ гг. Андреевымъ и Горькимъ взяты произведенія и старшихъ писателей, какъ Златовратскій и Маминъ-Сибирякъ, вмѣстѣ со стихотвореніями г. Бунина и стихи г. Бѣлоусова, произведенія гг. Семенова и Митропольскаго,—словомъ, предъ нами нѣчто въ родѣ хрестоматіи, составленной не изъ классическихъ, какъ раньше, произведеній, а изъ самыхъ современныхъ или, во всякомъ случаѣ, послѣдняго времени. Всѣ эти произведенія уже были напечатаны раньше, такъ что новизны въ сборникѣ тоже нѣтъ. Невольно возникаетъ вопросъ, какую цѣль имѣли въ виду составители подобнаго сборника? Можно бы подумать, что редакція—будь таковая была—желала составить сборникъ изъ перловъ новѣйшей художественной литературы и выбрала лучшія, безспорно всѣми признанныя образцовыми произведенія послѣдняго времени, не взирая на имена. Такая задача была бы сама по себѣ интересна, и сборникъ можно было бы рекомендовать, какъ хорошее чтеніе, знакомящее съ лучшими новѣйшими художественными произведеніями. Но именно такого критическаго отношенія къ помѣщеннымъ въ сборникѣ произведеніямъ нѣтъ и слѣда. Тутъ все, что называется, сваленно въ кучу, гдѣ дѣйствительно хорошія вещи валяются рядомъ съ никуда негоднымъ хламомъ, зачѣмъ-то вытащеннымъ на свѣтъ Божій изъ никому невѣдомыхъ дебрей. Хорошія, изящныя произведенія, какъ, напр., «Кусака» г. Андреева, «Гекторъ» г. Елпатьевскаго или «Дознаніе» г. Куприна и друг. тонутъ въ этомъ хаосѣ бездарныхъ и скучныхъ твореній, не давая въ то же время сколько-нибудь яснаго и яркаго представленія о самихъ авторахъ, такъ какъ названныя вещи, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, все же далеко не лучшія и не самыя характерныя изъ произведеній этихъ авторовъ, къ тому же это и не новыя, а давно напечатанныя въ такихъ распространенныхъ изданіяхъ, какъ «Журналъ для всѣхъ» или «Русское Богатство».

Такимъ образомъ, сборникъ г. Курнина не имѣетъ никакого литературнаго значенія и представляетъ просто издательскую аферу, разсчитанную на простодушіе читателя, который, соблазнившись именами, скупаетъ и все остальное. Что г. Курнинъ можетъ еще съ десятокъ такихъ сборниковъ выпустить себѣ на пользу, это его право. Но господамъ авторамъ врядъ ли слѣдуетъ идти на такія издательскія предпріятія, которыя не дадутъ имъ ни чести, ни славы, да едва ли и денегъ, такъ какъ все это вещи уже напечатанныя и, слѣдовательно, не могутъ быть очень высоко оплачены вновь. *А. Б.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

П. Струве. «На разныя темы». Сборникъ статей.

Петръ Струве. На разныя темы (1893—1901 гг.). Сборникъ статей. Спб. 1902. 555 стр. ц. 3 руб. Лежащій передъ нами изящно изданный сборникъ статей г. Струве представляетъ, помимо своего крупнаго научнаго и публицистическаго интереса, не менѣе крупный психологическій интересъ. По статьямъ вошедшимъ въ него можно прослѣдить біографію мятущагося въ поискахъ правды ума. Болѣе раннія статьи этого сборника проникнуты радостнымъ и

увѣреннымъ чувствомъ человѣка, нашедшаго эту правду, освѣтившую ему прошлое, настоящее и будущее человѣчества. Статьи эти продиктованы молодымъ, бодрымъ настроеніемъ, когда автору ихъ еще были новы всѣ впечатлѣнія марксистскаго бытія. Правда, уже и въ этихъ раннихъ статьяхъ, точно также какъ и въ своей нашумѣвшей книгѣ «Критическія замѣтки etc.», авторъ, выступая защитникомъ доктрины Маркса, не проповѣдывалъ, однако, этой доктрины во всей ея исторической неприкосновенности, не превращалъ идеи Маркса въ консервы, герметически закупоренные отъ всякаго сторонняго вліянія, онъ пытался уже тогда ассимилировать марксизму новыя философскія (критическая философія) и экономическія (брентанизмъ) идеи; онъ уже тогда заявилъ, что ортодоксіей онъ не зараженъ...

Но всѣ эти реформатскія идеи высказывались лишь вскользь, не получая дальнѣйшей обосновки, и всѣ силы уходили, съ одной стороны на оборонительную борьбу отстаиванія марксизма отъ нападенія на него русскихъ литературныхъ старѣйшинъ, а съ другой, наступательную борьбу съ ученіями народничества во всѣхъ его видахъ и развѣтвленіяхъ. Этою живою и здоровою атмосферою борьбы за марксизмъ проникнуты раннія статьи г. Струве.

Но вотъ марксизмъ изъ гонимаго теченія русской передовой журналистики становится теченіемъ господствующимъ, народническое направленіе начинаетъ обнаруживать рѣшительные признаки старческой слабости, и періоды бури и натиски начинаютъ смѣняться для марксизма періодомъ пересмотра своихъ собственныхъ основъ, періодъ борьбы съ «внѣшнимъ врагомъ» начинаетъ смѣняться для нашего автора періодомъ борьбы съ внутреннимъ врагомъ, т.-е. съ тѣмъ направленіемъ марксизма, который отстаиваетъ міровоззрѣніе Маркса во всей его исторической неприкосновенности.

Теоретическое міросозерцаніе Струве начинаетъ переживать жестокій кризисъ, который для своего утоленія поѣдаетъ одинъ за другимъ элементы марксистскаго міровоззрѣнія и сначала въ туманной дали вырисовываетъ основы новаго міропониманія, насквозь проникнутаго вліяніемъ идеалистически-метафизической философіи. Это новое міровоззрѣніе начинаетъ постепенно кристализоваться въ систему въ новѣйшихъ статьяхъ г. Струве и получаетъ наконецъ болѣе или менѣе законченный видъ въ статьѣ «Die Marx'sche Theorie der socialen Entwickelung», напечатанной въ архивѣ Брауна, и въ предисловіи къ книгѣ Бердяева. Это предисловіе и уазанная статья, къ сожалѣнію, не вошли въ лежащій передъ нами сборникъ, который оставляетъ мысль его автора еще тревожно блуждающей въ поискахъ за твердой точкой зрѣнія.

Однако, уже и тѣхъ послѣднихъ статей, которыя вошли въ этотъ сборникъ, совершенно достаточно для того, чтобы отмѣтить весьма сильную перемѣну въ воззрѣніяхъ нашего автора. Эта перемена навлекла на него одновременно яростныя нападки и со стороны его былыхъ критиковъ, и со стороны его былыхъ единомышленниковъ, причемъ по нашей русской привычкѣ здѣсь не обошлось безъ того психологическаго «чтенія въ душѣ» и приписыванія автору измѣненій взглядовъ на практическіе вопросы, противъ которыхъ такъ справедливо и горячо протестуетъ г. Струве въ одной изъ своихъ статей. Всякій, кому знакомъ литературный обликъ автора, ни на минуту не усумнится въ томъ, что такой человѣкъ, какъ бы ни были велики его теоретическія заблужденія, никогда не будетъ способенъ на *измѣну своимъ убѣжденіямъ*, онъ пришелъ лишь къ *измѣненію своихъ убѣжденій*, причемъ только слѣпые или временно ослѣпленные могутъ не видѣть тотъ огонь практическаго идеализма, который неугасаемо горитъ во главѣ угла всего міросозерцанія нашего автора.

Въ статьѣ «Противъ ортодоксальной нетерпимости» авторъ произноситъ pro domo sua слѣдующія прекрасныя слова: «Практическая нетерпимость въ особенности нужна и прямо незамѣнима въ эпохи, когда—по слову поэта—граж-

данина Ив. Аксакова—«сплошного зла стоитъ твердыня, царитъ безсмысленная ложь», когда она острыми зубьями впивается въ молодую развивающуюся жизнь и, не имѣя силъ побороть ее, наноситъ ей нестерпимую боль, плодя лицемѣріе, трусость и отступничество.

«Но практическая нетерпимость ко злу будетъ тѣмъ чаще и сильнѣе, чѣмъ полнѣе и живѣе она будетъ соединяться съ широкой терпимостью въ области теоретическихъ разногласій, разногласій не о томъ, что должно быть по нравственному закону, а о томъ, что было, есть и будетъ въ силу естественной необходимости.

«Именно, какъ жизненное и живое начало, практическая нетерпимость не должна связываться съ догматической, безжизненно сухой, мелко подозрительной нетерпимостью къ чужимъ взглядамъ. Не надо забывать, что тотъ путь, который ведетъ къ познанію практической правды, гораздо прямѣе и яснѣе извилистой и темной дороги къ теоретической истинѣ»... (293 стр.).

Мы бы готовы были подписаться подъ этими прекрасными словами, если бы только они не затемняли необходимость для всякаго убѣжденнаго писателя выставить яркую и не колеблющуюся «точку зрѣнія» и затѣмъ отстаивать эту точку соками нервовъ своихъ и кровью сердца своего. Если эта точка зрѣнія не только продумана, но и выстрадана писателемъ, если она выражаетъ цѣлую общественную программу, если она осмысливаетъ практическую дѣятельность, свѣтитъ ей, показывая кратчайшую и надежнѣйшую дорогу къ лучшему будущему, къ идеалу, то я спрашиваю, возможна ли, да и нужна ли при этомъ «терпимость»? Не слѣдуетъ только смѣшивать отсутствіе терпимости, которая по отношенію къ извѣстнымъ проблемамъ означаетъ отсутствіе всякаго писательскаго темперамента, съ нерѣдкимъ у насъ учиненіемъ обыска въ душѣ писателя, съ цѣлью удостовѣриться въ его благонадежности въ томъ или иномъ отношеніи, или съ полемикой съ представителями другой точки зрѣнія съ помощью «аргументовъ», заимствованныхъ у царевны изъ «Потока-Богатыря» А. Толстого...

Во всякомъ случаѣ, читатель въ правѣ предъявить къ писателю-публицисту требованіе выставить свою ясную точку зрѣнія, и, въ сущности говоря, публицистическая совѣсть обязуетъ каждаго писателя выработать у себя эту непоколебимую точку зрѣнія, разрѣшая ему лишь затѣмъ браться за перо.

И вотъ намъ кажется, что односторонній протестъ противъ «ортодоксіи» выразился мѣстами у Струве, въ сущности говоря, въ протестъ противъ выработки непоколебимой и не колеблющейся точки зрѣнія, и критицизмъ нашего автора, пока что, сопровождается именно отсутствіемъ подобной точки зрѣнія и неизбѣжно изъ этого вытекающимъ присутствіемъ цѣлаго ряда непослѣдовательностей.

Самою крупною непослѣдовательностью мы считаемъ странную, на нашъ взглядъ, претензію Струве продолжать называть себя марксистомъ, отрицая теорію трудовой цѣнности, проповѣдуя метафизическій идеализмъ, отрицая обостреніе соціальныхъ противорѣчій и т. д., и т. д. Въ упомянутой уже своей нѣмецкой статьѣ, подвергнувъ тонкой и рѣшительной критикѣ ученіе Маркса о соціальной эволюціи, Струве, однако, признаетъ себя марксистомъ и сторонникомъ экономическаго матеріализма. Но что же общаго съ этимъ матеріализмомъ имѣютъ его метафизическія паренія, его отстаиваніе самочинности этическихъ началъ или вотъ напр., такія его заявленія: «Проблема либерализма... шире и глубже проблемы демократіи». Исторически невѣрна, по мнѣнію Струве, «весьма популярная доктрина», согласно которой либерализмъ возникъ, какъ политическая система буржуазіи въ ея матеріальныхъ интересахъ. По мнѣнію же автора, «либерализмъ—общенароднаго (!) и идеальнаго происхожденія. Онъ возникъ въ отвѣтъ на запросы религіознаго (!) сознанія». Мнѣ такъ думается,

что подобная историческая философія ближе, пожалуй, къ Карлейлю, чѣмъ къ Марксу.

Позволю себѣ въ заключеніе маленькое замѣчаніе Pro doma sua—въ одномъ мѣстѣ г. Струве дѣлаетъ замѣчаніе, что пишущій эти строки, «кажется», больше сочувствуетъ ортодоксіи, чѣмъ критикѣ. Позволю себѣ замѣтить, что отъ выраженія сочувствія устойчивости и выработанности точки зрѣнія, каковыми качествами, какъ никакъ отличается и «ортодоксія», до сочувствія догматической ортодоксіи еще далеко. Я только думалъ и теперь думаю, что критика плодотворна только тогда, когда она исходитъ изъ опредѣленной и ясной точки зрѣнія, иначе она вырождается въ безплодный скептицизмъ. Да и въ безпардонномъ скептицизмѣ при желаніи можно отыскать элементы ортодоксіи—вѣдь, какъ уже было замѣчено, утверждая, что совсѣмъ нѣтъ достовѣрныхъ истинъ, скептицизмъ въ то же время признаетъ существованіе хотя одной достовѣрной истины, той именно, что на свѣтѣ нѣтъ достовѣрныхъ истинъ. Такимъ образомъ, и для самаго непримиримаго скептицизма нужна извѣстная «ортодоксія», или, попросту говоря, точка зрѣнія. Безъ присутствія этой точки зрѣнія, т.-е. безъ точки опоры, всякая критика будетъ безплодна, какъ евангельская смоковница, и всякій изслѣдователь оказывается въ положеніи барона Мюнхгаузена съ его попыткой вытащить самого себя изъ болота за собственную косу.

И недаромъ же про благороднаго философа Фихте, къ которому въ своемъ критическомъ настроеніи зоветъ теперь вернуться г. Струве, Шлегель шутливо писалъ:

«Zweifle an der Sonne Klarheit,
Zweifle an der Sterne Licht,
Leser, nur an meiner Wahrheit
Und an deiner Dummheit nicht» *).

Читателю могутъ показаться излишними подобнаго рода разсужденія по адресу такого писателя, какъ Струве, но, къ сожалѣнію,—мы повторяемъ это,—критическій періодъ литературной дѣятельности этого замѣчательнаго писателя и его односторонняя полемика съ ортодоксальнымъ марксизмомъ сопровождается именно этимъ отсутствіемъ яркой и не колеблющейся точки зрѣнія, а нѣкоторые изъ малыхъ сихъ «критическаго» направленія сдѣлались очень даже ортодоксальными послѣдователями отсутствія единой и объединяющей точки зрѣнія.

Въ предисловіи къ своей книгѣ авторъ отвѣчаетъ на подобныя обвиненія. Онъ пишетъ здѣсь:

«Въ 1894 г., когда авторъ опубликовалъ книгу «Критическія замѣтки etc.», онъ былъ въ философіи критическимъ позитивистомъ, въ соціологіи и политической экономіи рѣшительнымъ, хотя и вовсе не правовѣрнымъ марксистомъ. Съ тѣхъ поръ и позитивизмъ, и опирающійся на него марксизмъ перестали для автора быть всей истиной, перестали всецѣло опредѣлять и окрашивать его міровоззрѣніе. Ему пришлось на свой страхъ искать и вырабатывать себѣ новый строй идей. Злобствующій догматизмъ, не только опровергающій несогласно мыслящихъ, но и производящій надъ ними морально-психологическій сыскъ, видитъ въ такой работѣ только «эпикурейское порханіе мысли». Онъ не способенъ понять, что право критики само по себѣ есть одно изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ живой мыслящей личности. Отъ этого права авторъ не намѣренъ отказываться, хотя бы ему и угрожало постоянно находиться подъ обвиненіемъ въ неустойчивости».

Мы меньше всего склонны посягать на право критики, являющееся, по

---

*) Сомнѣвайся въ блескѣ солнца, сомнѣвайся въ блескѣ звѣздъ, читатель,—только не въ моей мудрости и въ твоей глупости.

справедливому замѣчанію Струве, однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ живой, мыслящей личности. Но неужели же мы, читатели, не въ правѣ ждать отъ писателя, трогающаго больные вопросы, чтобы онъ, пользуясь своимъ писательскимъ правомъ критики, не отнималъ и нашего читательскаго права требовать устойчивой точки зрѣнія? Увы, иные крицитисты, повидимому, склонны лишить читателя этого, тоже въ своемъ родѣ драгоцѣннѣйшаго права, и если г. Струве въ своемъ соч. «Критическія замѣтки etc.» писалъ, что «ортодоксіей я не зараженъ, если только подъ ортодоксіей не разумѣть стремленія къ послѣдовательному мышленію», то они пошли дальше и освободились отъ ортодоксіи, даже если подъ ортодоксіей подразумѣвать «стремленіе къ послѣдовательному мышленію»...

Въ книгѣ г. Струве всякій вдумчивый читатель получитъ обильную пищу для своего ума. Всѣ статьи этой книги были написаны вдумчивымъ, умнымъ наблюдателемъ, который «hat durchaus studirt Medicin, Philosophie und leider auch... Methaphysik», человѣкомъ съ благородною фаустовскою душою или точнѣе съ тѣми двумя фаустовскими душами, которыя стремятся одна отъ другой отдѣлиться. Эта «бурь душевныхъ красота» даетъ читателю рядъ сильныхъ и глубокихъ переживаній, заставляя его вмѣстѣ съ авторомъ напряженно искать истину.

Мы не дѣлаемъ разбора отдѣльныхъ статей, вошедшихъ въ сборникъ, въ виду того, что значительная часть статей, особенно второго періода въ развитіи идей г. Струве, напечатана въ журналѣ «Міръ Божій», и наши читатели имѣютъ о немъ, какъ писателѣ, достаточно яркое представленіе по такимъ его статьямъ, какъ: «Марксъ о Гёте» («М. Б.», 1898, янв.), «Ф. Лассаль» («М. Б.», 1900, ноябрь), «Еще о Лассалѣ» («М. Б.», 1901 г., мартъ, «На разныя темы»), «Замѣтки о Гауптманѣ и Ницше» (1901 г., янв.), «Противъ ортодоксальной нетерпимости», «Памяти Шелгунова» (1901 г., іюнь), «Памяти Вл. Соловьева» (1900 г., сент.), «Изъ лѣтнихъ наблюденій» (1900 г., сент.), «Къ вопросу о морали» (1901 г., окт.), «Историческое и систематическое мѣсто русской кустарной промышленности» (1898 г., апр.), «Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства» (1899 г., окт., ноябрь, дек.), «Основные вопросы политической экономіи» (1896 г., дек.), «Любопытный обывательскій протестъ противъ классицизма въ XVIII в.» (1901 г., іюль) и др.

П. Берлинъ.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Брюнгесъ «Рёскинъ и Библія»—*Паульсенъ.* «Шопенгауэръ, Гамлетъ. Мефистофель».—*Брагинскій* «Указатель переводной беллетристики въ журналахъ за 1897—1901 гг.

Г. І. Брюнгесъ. Рескинъ и Библія. Къ исторія одной мысли. Переводъ съ французскаго А. П. Никифорова. Изданіе «Посредника» для интеллигентныхъ читателей. Москва. 1902 г., стр. 157. Цѣна 90 коп. Эта книга является довольно типичнымъ образчикомъ любопытной (и рѣдкой) отрасли литературы—категоріи добросовѣстно написанныхъ и совершенно безполезныхъ книгъ. Русское общество, подобно остальной континентальной читающей публикѣ, заинтересовалось Рёскиномъ, собственно, только со времени его кончины (онъ умеръ 22-го января 1900 года); до той поры широко-популярно имя этого мыслителя было лишь на его родинѣ. Не рискуя впасть въ ошибку, мы утверждаемъ, что у насъ прежде всего и больше всего заинтересовались соціальными взглядами Рёскина, благороднымъ, искреннимъ, не вычитаннымъ изъ книжекъ, а самостоятельно вызрѣвшимъ въ душѣ негодованіемъ его про-

тивъ несправедливостей и неприглядностей общественнаго строя; заинтересовались также гармоническимъ соединеніемъ въ этой щедро одаренной индивидуальности своеобразнѣйшихъ эстетическихъ теорій съ вѣрою въ соціально-реформаторскую мощь эстетики и художественной красоты.

На русскомъ языкѣ появились и оригинальные очерки, и переводныя книги о Рескинѣ. Одна изъ этихъ монографій (которую даже англійскіе органы ставятъ чуть не во главѣ литературы предмета)—именно, французская книга Р. Сизеранна «Рёскинъ и религія красоты» — появилась даже въ двухъ переводахъ (Л. П. Никифорова, М., 1900) и Т. А. Богдановичъ (въ нашемъ журналѣ). Но въ наше кипуче-быстро летящее время, въ нашу эпоху безпрерывной смѣны и обновленія идей, перегоняющихъ другъ друга событій, преимущественный и детальный интересъ къ Джону Рёскину, и интересъ длящійся, былъ бы полнымъ анахронизмомъ. Имѣющаяся на русскомъ языкѣ литература о Рёскинѣ и, въ частности, указанная книга Сизеранна освѣтили весьма выпукло и разносторонне всѣ важнѣйшія стороны творчества эстетика-реформатора. Теперь фирма «Посредникъ» сочла необходимымъ для русскаго общества ознакомить его съ вліяніемъ Библіи на Рёскина. Вопросъ интересный, но настолько ли, чтобы послѣ всего, что уже знаетъ объ этомъ русскій читатель изъ вышеупомянутой общей литературы, посвящать подобному сюжету цѣлую книгу? Кому и зачѣмъ, кромѣ спеціалистовъ - «рёскинологовъ», можетъ быть интересна исчерпывающе-детальная разработка такой темы въ цѣломъ трактатѣ? Далѣе Г. І. Брюнгесъ долгомъ своимъ считаетъ вести свое повѣствованіе въ необыкновенно елейномъ тонѣ, отнюдь не способствующемъ украшенію его книги. Какъ умѣлъ передать всю поэзію Библіи—Гюйо! Какъ онъ ее тонко чувствовалъ! Съ какимъ восторгомъ онъ, *категорически невѣровавшій человѣкъ*, называлъ ея писателей «великими лирическими поэтами!» Невольно вспомнили мы безвременно умершаго автора «Искусства съ соціологической точки зрѣнія» и проникновенныя его страницы о поэтическомъ вліяніи Востока и Библіи: вспомнили по ассоціаціи діаметральныхъ противоположностей, ибо благочестиво-скучныя разглагольствія Брюнгеса меньше всего на свѣтѣ близки къ картинному, мастерскому изложенію Гюйо. Брюнгесъ много потрудился, откапывая всѣ безчисленныя цитаты изъ Библіи, поминаемыя у Рёскина, сличая взгляды Рёскина съ мыслями библіи, собирая всѣ (впрочемъ, уже извѣстныя) свѣдѣнія о чтеніи этой книги Рёскиномъ и его матерью; все это онъ, повидимому, сдѣлалъ добросовѣстно, но насколько подобный детальнѣйшій трудъ необходимъ и насколько не терпѣлось въ настоящій моментъ русской интеллигенціи узнать, гдѣ и какія строчки Рёскина сходятся со строчками Библіи — объ этомъ у насъ свѣдѣній не имѣется. Вѣроятно, они были у переводчика и издателей.

И что за несчастная способность у иныхъ слишкомъ благоговѣйныхъ біографовъ, malgré eux, ставить своихъ героевъ въ неловкое положеніе, нехотя представлять ихъ въ невыгодномъ освѣщеніи! У Рёскина много умныхъ и оригинальныхъ мыслей, но есть и неудачныя, слабыя. Но зачѣмъ же такъ старательно отрывать ихъ и съ восторгомъ выносить на свѣтъ Божій? Зачѣмъ съ упоеніемъ и гордостью обрисовывать Рёскина какимъ-то Кифою Мокіевичемъ или г-номъ Меньшиковымъ, кротко-задумчивымъ нововременцемъ, словоистекающимъ каждое воскресенье съ правильностью законовъ природы? Къ чему принижать большую фигуру благороднаго и высокоталантливаго англичанина? Зачѣмъ, напр., приводить съ глубокомысліемъ такую цитату о «травкѣ»: «Мнѣ кажется, что Спаситель не безъ особеннаго намѣренія въ моментъ совершенія того чуда, которое произвело на толпу наиболѣе сильное впечатлѣніе, — въ моментъ чуда съ пятью хлѣбами, повелѣлъ разсадить народъ «на зеленой травѣ». Онъ роздалъ имъ зерна травы и повелѣлъ имъ сѣсть на траву: трава,

этотъ неоцѣнимый даръ, наиболѣе согласовалась съ ихъ радостью и покоемъ, какъ и плодъ ея былъ самою подходящею пищею. Христосъ этимъ единымъ велѣніемъ и чудомъ, если правильно ихъ понимать, навсегда указывалъ на то, что Творецъ ввѣрилъ отраду, утѣшеніе, питаніе человѣка самой простой и презираемой семьѣ растительнаго царства на землѣ. И она честно выполняетъ свое назначеніе. Разсмотрите все, чѣмъ вы обязаны луговой травѣ, въ изумрудномъ величіи покрывающей мрачную землю полей своими тонкими, безчисленными, мирными былинками». И такихъ разсужденій, вовсе не характерныхъ для Рёскина, собрано для массы написанныхъ Рёскиномъ книгъ *очень мало*, но для 157-ми-страничной работы Брюнгеса — *слишкомъ много*; трагичнѣе всего тутъ то, что ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ біографовъ Рёскина не усердствуетъ такъ, какъ Брюнгесъ,надъ возвеличеніемъ своего героя... Такимъ образомъ, несмотря на всю добросовѣстность въ исполненіи своей спеціальной задачи,автору не особенно посчастливилось въ характеристикѣ Рёскина; можетъ быть, эта неудача и обусловливается нѣкоторою искусственностью въ самой постановкѣ темы: вѣдь кто-кто, а Рёскинъ имѣетъ право повторить о себѣ гордыя слова ибсеновскаго персонажа: «я—самъ!» То, что онъ оставилъ важнаго и долговѣчнаго, сдѣлано и сказано было имъ *по преимуществу оригинально*, и въ этомъ важномъ и долговѣчномъ, наиболѣе самостоятельно разработанномъ его мыслью,—*по преимуществу трудно* обнаружить ссылками и сличеніями вліяніе Библіи или какого-либо литературнаго источника. Такъ оно и должно было быть по природѣ вещей, такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ.

Сводъ библейскихъ ссылокъ у Брюнгеса обиленъ и, можетъ быть, даже исчерпывающе-полонъ (хотя ручаться возможно было бы, только продѣлавъ вторично работу Брюнгеса); но онъ безполезенъ для пониманія идейнаго творчества Рёскина и былъ бы годенъ развѣ лишь спеціалистамъ для справокъ; переводъ книги читается легко, изданіе хорошее, цѣна доступная, и тѣмъ болѣе жаль подтвердить полную ненужность этого литературнаго явленія.

Е. Т.

Фридрихъ Паульсенъ. Шопенгауэръ, Гамлетъ, Мефистофель. Три очерка изъ исторіи пессимизма. Переводъ съ нѣмецкаго С. Н. Зелинской. Кіевъ. 1902 г. Стр. III+163. Ц. 1 р. Въ этой книжкѣ, вышедшей на нѣмецкомъ языкѣ въ началѣ 1900 г., проф. Паульсенъ соединилъ 3 очерка, напечатанные имъ первоначально въ видѣ журнальныхъ статей въ 1882, 1889 и 1899 гг. Въ предисловіи самъ авторъ указываетъ общую мысль, связывающую всѣ 3 статьи, и пользу, которую онъ отъ нихъ ожидаетъ. Онъ вооружается противъ того духа отрицанія, злобы и унынія, которымъ такъ сильно заражено современное поколѣніе, вслѣдствіе увлеченія великими пессимистами—этими геніальными клеветниками человѣчества. Онъ хочетъ разрушить очарованіе пессимизма, раскрывъ его низменную нравственную подкладку. Конечно, Паульсенъ не дѣлаетъ общаго вывода, что всякій пессимизмъ дуренъ съ нравственной точки зрѣнія. Но онъ произноситъ безусловное осужденіе надъ тремя выбранными имъ пессимистами. Пессимизмъ Шопенгауэра, Гамлета и Мефистофеля есть, по существу своему—злорадство. Вотъ основная мысль Паульсена.

Съ очеркомъ о Шопенгауэрѣ читатели знакомы по переводу, помѣщенному въ №№ 1 и 2 «Міра Божія» за 1902 г. Въ личности Гамлета Паульсенъ находитъ тѣ же основныя черты, что и въ Шопенгауэрѣ. И Гамлета онъ считаетъ человѣкомъ ненормальнымъ въ моральномъ отношеніи, хотя отнюдь не душевно-больнымъ. И Гамлетъ представляется ему эгоистомъ, лишеннымъ всякаго благородства и живой любви къ людямъ. И въ міросозерцаніи Гамлета рѣшающую роль играетъ злая наклонность ухватываться съ радостью за все порочное, низменное и отвратительное, «чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ вытянуть его на свѣтъ и затѣмъ дать волю широкому остроумію или патетическому краснорѣчію. Не отно-

сительно Гамлета Паульсенъ высказывается не такъ рѣшительно, какъ относительно Шопенгауэра. Его смущаетъ легіонъ разнорѣчивыхъ толкователей Шекспира. Онъ допускаетъ, что могутъ быть и другія толкованія Гамлета. Онъ выражаетъ только скромное желаніе—не надѣясь, впрочемъ, на его осуществленіе—чтобы не очень долго продолжалъ храниться «обычай среди толкователей Гамлета считать другъ друга дураками».

Менѣе опредѣленное впечатлѣніе оставляетъ третій очеркъ—о Мефистофелѣ. Въ первыхъ двухъ очеркахъ Паульсенъ имѣетъ предъ собой прекрасную задачу—разрушить очарованіе дурного пессимизма. Но въ Мефистофелѣ, какимъ его рисуетъ Паульсенъ, очень мало пессимизма и еще меньше очаровательности. Поэтому роль автора порою сводится къ роли добраго пастора, въ доброй проповѣди ратующаго противъ злого дьявола. По словамъ самого Паульсена, Мефистофель чувствуетъ себя очень уютно въ компаніи пьяныхъ пошляковъ и восхитительно—въ чаду развратной оргіи. Онъ любитъ грубыя и низкія наслажденія, и если въ своихъ издѣвательствахъ надъ людьми ставитъ себя выше человѣческихъ слабостей, то это превосходство скорѣе всего напоминаетъ превосходство пресытившагося жуира надъ чувственнымъ юношей (ср. стр. 134), и, въ концѣ концовъ, прекрасно мирится съ стремленіемъ использовать силы разума для рафинированія чувственныхъ удовольствій (стр. 146). Нѣтъ, этотъ Мефистофель—не компанія Шопенгауэру и Гамлету. У Шопенгауэра насъ очаровываетъ глубина мысли, у Гамлета—глубина страданій. Въ Мефистофелѣ же нѣтъ ничего глубокаго. Гёте былъ слишкомъ холоднымъ оптимистомъ, чтобы его Мефистофель могъ быть глубокимъ пессимистомъ. Мефистофель Гёте—порожденіе оптимизма—если не пасторски-простодушнаго, то папски-величаваго, такъ что третья статья Паульсена съ гораздо бо̀льшимъ основаніемъ могла бы быть названа очеркомъ «изъ исторіи оптимизма», чѣмъ «изъ исторіи пессимизма». И тотъ родъ оптимизма, который обнаруживаетъ при этомъ самъ Паульсенъ, давая характеристику оптимизма Гёте, долженъ, намъ кажется, только ослабить впечатлѣніе отъ критики дурного, хотя и соблазнительнаго пессимизма Шопенгауэра и Гамлета. Какой скукой вѣетъ отъ настойчивыхъ разъясненій профессора, что, дескать, зло необходимо для вящаго торжества добра, подобно тому, какъ Мефистофель необходимъ для торжества Фауста и Гретхенъ, что безъ борьбы со зломъ добродѣтель заснула бы въ бездѣятельности, или, напр., отъ такихъ афоризмовъ: «Безъ борьбы... всякое духовное содержаніе становится блѣднымъ и бездѣятельнымъ. Истины, пользующіяся всеобщимъ признаніемъ, скучны» (стр. 153). Нѣтъ, наоборотъ: всякая борьба безъ стремленія къ совершенному уничтоженію зла, становится блѣдной и бездѣятельной; всякій нѣмецкій профессоръ, не ставящій своей цѣлью всеобщее признаніе признаваемой имъ истины, становится скучнымъ. И самую интересную и лучшую часть книги Паульсена составляютъ тѣ мѣста, гдѣ онъ безпощадно разоблачаетъ ядовитыя чары шопенгауэровскаго и гамлетовскаго пессимизма, не пытаясь оправдывать ихъ съ точки зрѣнія «метафизической необходимости зла». *А. Р—въ.*

Библіографическій указатель переводной беллетристики въ русскихъ журналахъ за пять лѣтъ, 1897—1901 гг. Составилъ и издалъ Д. Брагинскій. 68 стр. въ 2 столбца. Спб. 1902 г. Цѣна 60 коп. Складъ изданія: Литейный просп., д. № 15 кв. 8. Эта весьма полезная справочная книжка не вполнѣ точно озаглавлена: ея содержаніе шире ея заглавія, такъ какъ въ ней указаны не только переводныя беллетристическія произведенія, напечатанныя за послѣднія 5 лѣтъ въ нашихъ журналахъ, но во второй ея части помѣщенъ еще перечень отдѣльно изданныхъ переводныхъ книгъ по беллетристикѣ.

Настоящая работа составлена г. Д. Брагинскимъ не очень тщательно, и, внимательно просматривая его книжку, мы замѣтили не одинъ пропускъ: пропущенъ, напр., переводъ разсказа талантливой нѣмецкой беллетристки Елены

Белау «На сортировочной станціи». Этотъ переводъ былъ напечатанъ въ журналѣ «Русское Богатство» за 1897 г. Вибихъ называется то Фибихъ, то Вибихъ. Также, напр., Жебаръ именуется въ другомъ мѣстѣ Гебгартомъ. Включенъ рядъ переводовъ научныхъ книгъ, къ беллетристикѣ не имѣющихъ отношенія; напр., Дріо, «Исторія Европы въ концѣ XIX в.». Жюссеранъ «Исторія англійскаго народа въ его литературѣ», Лихтенберже, «Пессимизмъ Ибсена». Матушевскій, «Дьяволъ въ поэзіи», и т. п.

Было бы очень желательно имѣть и указатель всѣхъ переводныхъ стихотвореній за послѣдніе годы. А еще лучше было бы, хотя это труднѣе, издать указатель переводныхъ стихотвореній, беллетристическихъ произведеній, помѣщенныхъ въ нашихъ журналахъ за послѣднее полустолѣтіе, 1851—1900 гг.

Д. П. С.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Н. Карѣевъ. «Политическая исторія Франціи въ XIX в.».—*Н. Оглоблинъ.* «Къ характеристикѣ русскаго общества въ 1812 г. *Г.—Аванчсьевъ.* «Мирабо».—*К. Елпатьевскій.* «Историческая хрестоматія».

Н. И. Карѣевъ. Политическая исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Изданіе акціонернаго общества «Брокгаузъ Евронъ». Ц. 1 р. Спб. 1902 г. Представить картину соціальной и политической эволюціи Франціи за истекшее столѣтіе, въ сжатой формѣ, доступной широкому кругу читаталей,—задача и своевременная, и трудная. За ея исполненіе могъ взяться именно человѣкъ, какимъ является въ данномъ случаѣ проф. Н. И. Карѣевъ, не только глубоко владѣющій своимъ предметомъ, но и отлично умѣющій отдѣлить существенныя явленія исторіи отъ несущественныхъ. Однако, несмотря на свое внимательное и серьезное отношеніе къ предмету, и проф. Карѣевъ не могъ иногда избѣгнуть общаго недостатка сжатыхъ изложеній, а именно слишкомъ широкихъ обобщеній, въ которыхъ точность часто жертвуется краткости. Такъ напр., на стр. 75 мы читаемъ: «Извѣстіе о высадкѣ Наполеона, переполошившее правительство Людовика XVIII, было принято буржуазіей со страхомъ и негодованіемъ, такъ какъ буржуазія за возвращеніемъ Наполеона предвидѣла возобновленіе войны, хотя сама же раньше, недовольная Людовикомъ XVIII, не прочь была бы, чтобы Наполеонъ вернулся». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что французская буржуазія не могла быть особенно довольна Людовикомъ XVIII, несмотря на его такъ называемую сенъ-уэнскую декларацію (объ этомъ характерномъ документѣ г. Карѣевъ забылъ упомянуть), въ которой король обѣщалъ не посягать на *пріобрѣтенныя права*, другими словами, не отнимать у буржуазіи пріобрѣтенныя ею во время революціоннаго періода дворянскія имущества. Несмотря на это, повторяемъ, буржуазія не могла питать большого довѣрія къ новому режиму, но было бы очень рискованно заключать отсюда, что этотъ новый режимъ примирилъ ее съ Наполеономъ и что она «не прочь была бы, чтобы Наполеонъ вернулся». Первая реставрація, т.-е. промежутокъ съ возвращенія Бурбоновъ на французскій престолъ до высадки Наполеона съ острова Эльбы, охватываетъ нѣсколько мѣсяцевъ—періодъ слишкомъ ничтожный для такой крупной перемѣны въ классовой психологіи. Буржуазія, торжественно встрѣтившая союзныя войска, не могла такъ скоро забыть накопившуюся годами антипатію противъ военнаго режима Наполеона.

Книга проф. Карѣева имѣетъ въ виду главнымъ, образомъ, политическую исторію Франціи и тѣ явленія изъ ея соціальной и духовной жизни, которыя имѣли непосредственное отношеніе къ политикѣ. Поэтому, авторъ, между про-

чимъ, даетъ и сжатый очеркъ—по эпохамъ различныхъ соціальныхъ доктринъ. Въ этомъ направленіи онъ долженъ былъ бы пойти дальше и упомянуть въ очень общихъ чертахъ, конечно, и о рабочемъ законодательствѣ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что, излагая исторію второй имперіи, онъ приводитъ законъ 1864 г., давшій французскимъ рабочимъ право коалицій и стачекъ (стр. 239). Но логическимъ дополненіемъ этой мѣры явился законъ, изданный при третьей республикѣ въ 1884 г., обезпечившій свободу рабочихъ синдикатовъ. Мы не говоримъ уже о декретѣ и законахъ 1848 года (декреты временнаго республиканскаго правительства), 1872, 1893 и, наконецъ, законъ Коллья́ръ-Мильерана 1899 года, регулирующій трудъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей на фабрикахъ и заводахъ. Всѣ эти законы, повторяемъ, тѣсно связаны съ политической исторіей Франціи за прошлое столѣтіе, и о нихъ слѣдовало бы упомянуть.

Отмѣтимъ мимоходомъ нѣкоторыя фактическія ошибки, вкравшіяся въ книгу г. Карѣева. Всеобщая амнистія по политическимъ преступленіямъ была дана не въ 1857 году, какъ утверждаетъ авторъ, а въ 1859 г., во время итальянской компаніи. Жюль Греви требовалъ въ 1848 г. не «уничтоженія поста президента» (279), а лишь того, чтобы президентъ былъ выбираемъ парламентомъ, какъ это практикуется теперь. Наконецъ, знаменитая фраза: «клерикализмъ—вотъ врагъ», которая въ событіяхъ Франціи нашихъ дней получаетъ такое серьезное приложеніе, не принадлежитъ Гамбеттѣ, какъ утверждаетъ вмѣстѣ съ другими историками г. Карѣевъ, а депутату Пейро, редактору газеты «Avenir National». Гамбетта ее себѣ присвоилъ, но указалъ въ своей, если не ошибаемся, лилльской рѣчи, кому онa принадлежитъ.

Нельзя не выразить сожалѣнія, что г. Карѣевъ кончилъ свою книгу Парижской выставкой, а не дошелъ до самыхъ послѣднихъ дней, тѣмъ болѣе, что еще до выхода его книги, во Франціи произошли событія, представляющія глубокій историческій и соціологическій интересъ. Мы имѣемъ въ виду дѣятельность министерства Вальдека Руссо, о которомъ упоминается въ книгѣ г. Карѣева, лишь какъ о только что сформировавшемся. Правда, г. Карѣевъ имѣетъ въ виду только XIX столѣтіе, но дѣятельность министерства Вальдека Руссо могла быть использована для характеристики переходнаго времени конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія.

Нельзя не пожалѣть также о томъ, что авторъ, придерживающійся въ объясненіи французской исторіи единственно вѣрной точки зрѣнія классовой борьбы, не вышелъ изъ роли исторіографа, который только *объясняетъ*, и не показалъ, *чему насъ учитъ исторія* Всѣ согласны, что истекшее столѣтіе ознаменовалось еще далеко не законченнымъ торжествомъ демократіи, какъ творческой общественной силы. Но среди этой демократіи есть элементы, которые по своему экономическому и общественному положенію являются самыми передовыми. Еще сенъ-симонисты развивали теорію особой исторической миссіи пролетаріата—теорію, которую вся послѣдующая исторія еще болѣе подтвердила и утвердила.

Къ книгѣ г. Карѣева приложено нѣсколько картъ, облегчающихъ читателю ознакомленіе съ историческими событіями, и «Указатель книгъ и статей на русскомъ языкѣ къ исторіи Франціи въ XIX вѣкѣ». Хотя «Указатель» и не исчерпываетъ всего, что вышло въ Россіи по этому предмету, о чемъ заявляетъ и самъ проф. Карѣевъ, но онъ чрезвычайно полезенъ не только для широкой публики, но даже и для спеціалистовъ. *Х. Г. Инсаровъ.*

К. Елпатьевскій. Разсказы и стихотворенія изъ русской исторіи. Историческая хрестоматія для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1902 г. in 8—00 Стр. 398. Ц. 1 руб. 40 к. Новыми программами преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ введена въ курсъ I-го и II-го классовъ отечественная исторія. Хотя новыя программы отличаются пока вре-

меннымъ характеромъ, а самый вопросъ о возможности преподаванія какой-либо исторіи дѣтямъ въ возрастѣ указанныхъ классовъ рѣшается въ отрицательную сторону, тѣмъ не менѣе нашлись предприниматели, которые выпустили на книжный рынокъ соотвѣтственныя пособія. Въ числѣ этихъ предпринимателей выступилъ и г. Елпатьевскій. Его пособіе носитъ отвѣтственное названіе *«исторической хрестоматіи»* и по своему внутреннему содержанію совершенно не удовлетворяетъ послѣднему; въ немъ отсутствуетъ опредѣленная педагогическая задача, а подборъ отрывковъ сдѣланъ по устарѣвшему нынѣ хронологическому шаблону, при чемъ и въ рамкахъ кругозора составителя явственно выступаетъ неумѣнье критически отнестись къ наличной литературѣ. Составитель, взявшись за соблазнительное предпріятіе, не уяснилъ себѣ ни самаго понятія *исторіи* въ маленькихъ классахъ, ни, повидимому, тѣхъ возможныхъ пріемовъ, съ помощью которыхъ *исторія* превратилась бы въ допустимый для преподаванія въ маленькихъ классахъ предметъ. Составитель не считался въ своемъ пособіи ни съ возрастомъ учащихся, ни съ ихъ психологіей, ни съ тѣми цѣлями, какія вообще преслѣдуетъ или должна преслѣдовать въ данномъ случаѣ общеобразовательная средняя школа. Составитель болѣе чѣмъ некритиченъ, онъ *рѣзко тенденціозенъ*, что совсѣмъ не приличествуетъ для роли какого бы то ни было предпринимателя въ области учебныхъ изданій. Многіе отрывки говорятъ за то, что составитель приносилъ себя въ жертву какому-то неизвѣстному намъ идолу. Мы очень хорошо знаемъ тотъ коммерческій духъ, который свилъ себѣ удивительно прочное гнѣздо въ русской учебной литературѣ, но мы давно уже живемъ въ сладкой увѣренности, что грубая тенденціозность, буквоѣдство, томительная скука и ни зерна науки вотъ-вотъ отойдутъ въ область преданія. Увы! Мы все еще продолжаемъ встрѣчаться въ литературѣ съ этими старыми, но дорогими нашимъ предпринимателямъ чертами. Поэтому мы отнюдь *не* привѣтствуемъ появленія въ свѣтъ пособія г. Елпатьевскаго, которое послѣ работъ П. Г. Виноградова, П. Н. Милюкова, Р. Ю. Виппера, Н. А. Рожкова и В. О. Ключевскаго (если имѣть въ виду его «Краткое пособіе по русской исторіи) представляетъ собою сотню шаговъ назадъ.

Карамзинъ, Соловьевъ (исключая подъ № 62), Забѣлинъ и Костомаровъ составителемъ игнорируются вовсе, но въ хрестоматіи приведены выдержки изъ сочиненій такихъ писателей по русской исторіи, о которыхъ до сихъ поръ никто не слыхивалъ: на первый планъ выдвинуты лубочники, одобренія составителя удостоились статьи въ стилѣ Апраксина рынка и Никольской улицы или же выдержки изъ «народныхъ чтеній», предназначенныхъ для прочтенія вслухъ неграмотному деревенскому мужику. Есть въ хрестоматіи также стихотворенія, чуть ли не ради легкости чтенія напечатанныя прозою; быть можетъ, впрочемъ, и для того, чтобы ухо читателя не замѣчало нѣкоторой нескладицы въ стихосложеніи неопытнаго поэта: на стр. 320 напечатано стихотвореніе «*Громъ побѣды раздавайся! Веселися храбрый Россъ!*», а затѣмъ слѣдуютъ произведенія «классиковъ» русской поэзіи гг. Степанова, Яховтова, Матова, Навроцкаго etc., etc. Если обратиться непосредственно къ содержанію выдержекъ, то на первомъ планѣ война, битва, погромъ, кровь, герои, слава, блескъ, величіе, фантастика... Словомъ, все то, что давно перестало быть исключительно предметомъ историческаго изученія, но что съ особеннымъ удобствомъ поддается въ корнѣ фальшивому изображенію.

Вообще, хрестоматія г. Елпатьевскаго менѣе всего можетъ быть названа историческою, мы бы окрестили ее фантастической хрестоматіей для безграмотной деревенщины, а самого предпринимателя человѣкомъ историческимъ. Неужели дѣти ходятъ въ школу для того, чтобы изучать творенія лубочниковъ? Неужели наука русской исторіи настолько ничтожна въ данную минуту, чтобы въ книгѣ, предназначенной для школьнаго употребленія, выписывались

тирады изъ казенныхъ брошюръ для публичныхъ народныхъ чтеній, которыя даже для народа единодушно признаны негодными? Неужели въ младшихъ классахъ позволительно вмѣсто элементарной науки предлагать какую-то грубую фальсификацію отечественной исторіи? Всѣ эти вопросы остаются безъ отвѣта со стороны г. Елпатьевскаго. *В. Николаевъ.*

Н. Н. Оглоблинъ. Къ характеристикѣ русскаго общества въ 1812 году. Кіевъ. 1902 г. in 8-го. Стр. 2 нен. 84. Ц. не озн. Брошюра г. Оглоблина, не представляя изъ себя изслѣдованія въ собственномъ смыслѣ этого слова, полагаетъ собою удачное начало для документальнаго изученія русскаго общества въ 1812 году. До сихъ поръ это общество изображалось въ литературѣ тенденціозно и фальшиво: его рисовали чуть ли не сплошь состоящимъ изъ героевъ, чуть ли не въ каждой дикой выходкѣ видѣли патріотическій подвигъ... Авторъ склоненъ думать, что подобныя искаженія суть частью результатъ традиціи, частью естественное слѣдствіе того, что у насъ все еще сильны поклонники «историковъ извѣстнаго пошиба, изучающихъ исторію больше *по усердію*, чѣмъ по разуму». Матеріаломъ для работы г. Оглоблина послужили сборники документовъ о 1812 годѣ П. И. Щукина; авторъ оговариваетъ, что приступая къ выполненію своей задачи и желая избѣжать всякихъ упрековъ въ односторонности и предвзятости своихъ поисковъ, онъ «ревностно искалъ на пространствѣ тысячи страницъ сборника П. Щукина малѣйшихъ признаковъ высокаго подъема духа въ русскомъ обществѣ 1812 года». «Къ сожалѣнію, рѣшительно утверждаетъ г. Оглоблинъ, — мои поиски привели къ очень плачевнымъ результатамъ... Правда, *патріотическихъ фразъ* встрѣчалась масса: Наполеона и французовъ съ ихъ союзниками русскіе не иначе величали, какъ *злобнымъ врагомъ*, варварами, *всесвѣтными злодѣями*, неистовымъ врагомъ, *басурманами*, зловреднымъ непріятелемъ и т. п.», причемъ ругательства встрѣчаются даже въ оффиціальныхъ бумагахъ. Едва на пяти страницахъ говоритъ авторъ о свѣтлыхъ явленіяхъ 1812 года и свыше семи десятковъ страницъ своей работы посвящаетъ явленіямъ темнымъ. На этихъ послѣднихъ страницахъ встрѣчаются прелюбопытныя вещи, которыя ждутъ талантливаго пера критически настроеннаго историка, чтобы быть сопоставленными съ прелюбопытною грудою фактовъ изъ эпохи севастопольской компаніи и послѣдней восточной войны. Особенно цѣнны детали, которыя собираются въ брошюрѣ г. Оглоблина относительно подвиговъ Растопчина: это нѣчто невѣроятное, нѣчто миѳическое. Нисколько не пытаясь пошатнуть основательность выводовъ г. Оглоблина, мы должны ради интересовъ высшей научной справедливости сдѣлать два замѣчанія. Во-первыхъ, подборъ матеріала въ сборникахъ П. И. Щукина случаенъ и требуетъ значительныхъ пополненій; особенно цѣнной является въ немъ *частная* переписка изъ эпохи 1812 года и такого то рода матеріалъ какъ разъ долженъ подвергнуться наиболѣе значительному опубликованію, чтобы возможно было сдѣлать строго научный выводъ. Во-вторыхъ, посвящая не мало вниманія разсказу о грабежахъ войска и народа, авторъ нѣсколько грѣшитъ односторонностью, игнорируя психологію некультурной толпы среди чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Нельзя удивляться, что «грабили тогда въ Москвѣ не одно войско, но и народъ...» (стр. 29). Народъ нельзя и не слѣдуетъ историку идеализировать: грѣхи этого народа нѣчто по сравненію съ подвигами Растопчина и т. п. Съ этихъ послѣднихъ и надо прежде всего начинать отрицательныя характеристики общественныхъ типовъ 1812 года. Что же касается собственно народа, то трудъ историка будетъ плодотворнѣе, если онъ обратитъ преимущественное вниманіе на то, какъ сладко жилось этому народу въ началѣ XIX го вѣка и въ какомъ положеніи онъ очутился въ 1812 году (особенно въ той части, которую зовутъ войскомъ). Прекрасный трудъ г. Оглоблина, выпущенный въ свѣтъ отдѣльною брошюрой, первоначально появился въ XVI-ой книгѣ «Чтеній историче-

скаго общества Нестора лѣтописца»; на него необходимо обратить вниманіе большой публики. *В. Сторожевъ.*

Г. Е. Аѳанасьевъ. Мирабо. Публичныя лекціи. Цѣна 95 коп. Одесса. Еще не такъ давно съ именемъ Мирабо соединялось—и не у однихъ только школьниковъ—чуть не исключительно воспоминаніе о смѣлыхъ словахъ: «Подите и скажите вашему господину, что мы находимся здѣсь по волѣ народа и что мы выйдемъ отсюда лишь уступая силѣ штыковъ!» Исходя изъ этой фразы, можно сказать, дедуктивнымъ путемъ строили характеристику Мирабо, какъ народнаго трибуна, пламеннаго заступника правъ націй и національнаго собранія. Мирабо какъ будто бы только и появлялся, чтобы напугать этой страшной фразой злополучнаго де-Брезе; потомъ онъ какъ-то исчезалъ со страницъ исторіи. Въ старыхъ исторіяхъ революціи дѣло обстояло почти буквально такимъ образомъ. Потомъ выплыла на свѣтъ науки исторія пресловутой шкатулки Людовика XVI, въ которой нашли будто бы доказательства измѣны Мирабо. Отъ шкатулки, какъ и отъ фразы пошли снова общія точки зрѣнія: Мирабо—измѣнникъ, онъ предалъ революцію, онъ продался королю. Но шкатулка оказала Мирабо ту услугу, что такъ или иначе обратила вниманіе на его позднѣйшую дѣятельность.

Теперь, когда рядъ монографій былъ посвященъ выясненію истиннаго характера различныхъ фактовъ жизни Мирабо, вся его дѣятельность получаетъ нѣсколько иной видъ. Фраза, обращенная къ королевскому церемоніймейстеру въ устахъ Мирабо звучала не такъ, а была гораздо болѣе почтительна; исторія со шкатулкой потеряла значеніе, когда выяснилось, что Мирабо никогда не переставалъ быть монархистомъ. Біографы Мирабо, оцѣнивая его роль въ исторіи революціи, обращаютъ вниманіе на общій фактъ, покрывающій собою всѣ анекдотическіе или полуанекдотическіе эпизоды, выплывавшіе раньше на поверхность историческаго повѣствованія.

Среди дѣятелей учредительнаго собранія фигура Мирабо, несомнѣнно, является наиболѣе видной. Его внѣшность, которую всякій легко воспроизводилъ по самымъ общимъ описаніямъ, одна выдѣляла изъ толпы прочихъ членовъ собранія. Огромная голова въ напудренномъ парикѣ, лицо изрытое оспою, безобразное, почти ужасное, но обладающее благодаря горящимъ глазамъ какой-то страшной притягательной силой, крупная фигура въ щегольскомъ костюмѣ, величественныя манеры—внѣшность гиганта. У Мирабо были всѣ данныя чтобы увлекать, заражать настроеніемъ, и національное собраніе не разъ испытало на себѣ чары его волшебнаго слова. Но по настоящему Мирабо никогда не пользовался тѣмъ вліяніемъ, какимъ пользовались болѣе скромные собратья его: Сійесъ, Бальи, Мунье и др. Сорель прекрасно характеризуетъ отношеніе Мирабо къ чинамъ національнаго собранія: «Онъ увлекалъ ихъ, когда обращался къ ихъ страстямъ, но онъ былъ безсиленъ ихъ умѣрить, когда обращался къ ихъ разсудку... Его мысль проходила надъ ними, не проникая въ нихъ. его рѣчь волновала ихъ, не убѣждая». Гдѣ нужна была рѣшимость и гдѣ у другихъ ея не оказывалось, выступалъ Мирабо, и собраніе шло за нимъ, но почти ни разу Мирабо не удалось заставить собраніе пойти за собою въ важномъ принципіальномъ вопросѣ. Если мы спросимъ о причинахъ такого страннаго на первый взглядъ явленія, то тутъ-то и начнетъ выясняться тотъ капитальный фактъ біографіи Мирабо, о которомъ мы говорили выше.

Мирабо былъ политикъ-практикъ; онъ почти совершенно не былъ затронутъ идейнымъ движеніемъ, предшествовавшимъ революціи; въ этомъ отношеніи онъ кореннымъ образомъ отличался отъ большинства національнаго собранія. Онъ былъ чуть не единственнымъ человѣкомъ въ собраніи, котораго не приводила въ энтузіазмъ декларація правъ человѣка и гражданина; наоборотъ, онъ изо всѣхъ силъ старался охладить восторги передъ нею своихъ товарищей

и побуждалъ ихъ поскорѣе покончить съ декларацiей и перейти къ конституціи. Ему казалось гораздо болѣе важнымъ установить руководящія начала общественнаго строя Франціи, чѣмъ трактовать о новой декларации правъ, «примѣнимой ко всѣмъ широтамъ земного шара, нравственнымъ и географическимъ». Въ собраніи идеологовъ, какимъ была конституанта, Мирабо не заглядывалъ такъ далеко, какъ большинство, но онъ видѣлъ дальше, чѣмъ кто бы ни было изъ нихъ. Онъ былъ убѣжденнымъ противникомъ деспотизма и боролся съ нимъ въ первыхъ рядахъ, но онъ не хотѣлъ уничтоженія королевской власти, разъ ей поставлены границы; онъ опасался, что аристократія выродится въ олигархію, а демократія приведетъ къ цезаризму; онъ видѣлъ вредъ и несправедливость феодальныхъ правъ, но ночь 4-го августа (онъ не присутствовалъ на засѣданіи) не только не вызвала въ немъ энтузіазма, а еще подвергалась его критикѣ; онъ—быть можетъ, этотъ человѣкъ безъ предразсудковъ не былъ чуждъ кастоваго эгоизма—утверждалъ, что далеко не всѣ права могли быть уничтожены безъ выкупа. Когда онъ увидѣлъ, что собраніе противъ абсолютнаго вето короля и парламентскаго министерства, двухъ принциповъ, осуществленіе которыхъ онъ считалъ необходимымъ условіемъ правильнаго теченія дѣлъ, и убѣдился, что ему закрыта возможность сдѣлаться министромъ, онъ тайно поступилъ на службу ко двору и дѣятельно помогалъ ему совѣтами, ни на іоту въ то же время не измѣняя своимъ убѣжденіямъ. Но положеніе его дѣлалось все болѣе и болѣе тягостнымъ, ибо его секретныя сношенія со дворомъ были открыты и вызывали совершенно неправильное толкованіе. Смерть избавила его отъ осложненій.

Такова въ общихъ чертахъ судьба того замѣчательнаго человѣка, которому посвящена книга проф. В. Е. Аѳанасьева. Книга составилась изъ публичныхъ лекцій, и это обстоятельство наложило нѣкоторый отпечатокъ на изложеніе. За исключеніемъ первыхъ страницъ, она читается съ неослабнымъ интересомъ; этому, конечно, не мало способствуетъ самая тема. Едва ли въ огромной галлереѣ дѣятелей міровой исторіи найдется много такихъ, жизнь которыхъ была бы такъ же богата романическими эпизодами, какъ жизнь Мирабо. Біографу представляется въ высшей степени благодарная задача; единственное затрудненіе заключается въ томъ, что матеріалъ черезчуръ великъ, и въ выборѣ фактовъ частно-біографическаго характера приходится быть осмотрительнымъ. Г. Аѳанасьевъ съумѣлъ удержаться отъ искушенія и не загромождаетъ книги подробностями жизни Мирабо до его выступленія на политическое поприще. Общественная дѣятельность его изложена въ рамкахъ исторіи революціи, что единственно позволяетъ дать біографическимъ фактамъ надлежащее освѣщеніе. Не упускаетъ изъ виду авторъ и литературной дѣятельности Мирабо. Только первыя страницы книги, гдѣ г. Аѳанасьевъ дѣлаетъ попытку дать очеркъ подготовки революціи, вышли не совсѣмъ удачны; авторъ захотѣлъ сказать слишкомъ много; но онъ все-таки многое упустилъ изъ виду; а то, что сказалъ, вышло сухо. Это главный недостатокъ книги. Въ общемъ же она вполнѣ достигаетъ цѣли и даетъ вѣрную, хотя и нѣсколько прикрашенную характеристику знаменитаго политическаго дѣятеля. Въ приложеніи напечатанъ переводъ второй рѣчи Мирабо, по вопросу о правѣ объявленія войны (22-го мая 1790), гдѣ онъ, побѣдоносно полемизируя съ Барнавомъ, отстаивалъ принадлежность этого права королю. *А. Дживелеговъ.*

СОЦІОЛОГІЯ.

Тардъ. «Общественное мнѣніе и толпа».—*Сеньебосъ.* «Историческій методъ въ примѣненіи къ соціальнымъ наукамъ».

Г. Тардъ. Общественное мнѣніе и толпа. Переводъ съ французскаго подъ редакціей П. С. Когана. М. 1902 г. Стр. IV+200. Ц. 1 р. Часть этой книжки, состоящей изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ статей, уже была переведена на русскій языкъ и появилась въ другомъ сборникѣ статей французскаго соціолога, вышедшемъ подъ заглавіемъ «Соціальные этюды». Изъ отзыва посвященнаго «Соціальнымъ этюдамъ» въ № 8 «Міра Божія», читатели могли составить себѣ нѣкоторое представленіе объ общемъ характерѣ произведеній Г. Тарда. Названная новая книжка даетъ удобный поводъ сказать нѣсколько словъ о причинахъ широкой популярности писателя, котораго недостатки ясно бросаются въ глаза при самомъ первомъ знакомствѣ, и объ опасности этого рода популярности.

Есть читатели, которые изъ всѣхъ отдѣловъ въ газетахъ и журналахъ больше всего любятъ и уважаютъ, если не исключительно читаютъ, отдѣлъ, носящій скромныя названія: «Смѣсь» и «Мелочи». Есть газеты и журналы, которые, льстя празднословію и пустомыслію своихъ читателей—готовы всѣ отдѣлы и политическій, и экономическій, и литературный, и общественный превратить въ «Мелочи» и «Смѣсь». Есть, къ сожалѣнію, въ популярной, такъ называемой «научной» литературѣ цѣлыя направленія, которыя ту же любовь и вѣру въ мелочи распространяютъ подъ видомъ глубокомысленныхъ и серьезныхъ изслѣдованій. Яркимъ образчикомъ подобныхъ направленій можетъ служить «соціологія» Тарда.

Въ основѣ этихъ успѣховъ «мелочной» литературы лежитъ вовсе не одна только невинная любовь къ забавной шуткѣ, смѣшному анекдоту, къ ловкимъ фокусамъ и рѣдкостнымъ диковинкамъ и «играмъ природы». Развлеченіе и забава необходимы въ жизни, а слѣдовательно, и въ литературѣ. Но у обывателя, пробавляющагося «Мелочами», есть кромѣ того, инстинктивное стремленіе возвеличить мелочи насчетъ всего дѣйствительно важнаго и великаго. Ему мало время отъ времени посмѣяться надъ анекдотомъ, ему хотѣлось бы превратить въ анекдотъ всю человѣческую исторію. Трусливо отступая передъ серьезной работой мысли, чувствуя позорное безсиліе передъ основными вопросами жизни, онъ съ мелочной завистью относится ко всему великому въ исторіи. Онъ радъ услышать, что великій полководецъ проигралъ историческое сраженіе изъ-за насморка, что великій народный трибунъ измѣнилъ своему дѣлу изъ-за пустыхъ интригъ своей любовницы, что случайный дождикъ помѣшалъ великому государственному перевороту. Рабъ мелочей и пустяковъ, онъ въ то же время поклонникъ судьбы и слѣпого случая. Его любимая философія цѣликомъ выражается въ короткомъ полувопросѣ—«а вдругъ?..» «А вдругъ я выиграю сто тысячъ?..» и обыватель откладываетъ подальше прискучившую работу, напоминающую объ обязанности трудиться въ потѣ лица. «А вдругъ всѣ великіе люди—просто больные, сумасшедшія и всѣ великія идеи—просто галлюцинаціи?..» И обыватель глушитъ въ себѣ назойливые вопросы о добрѣ и злѣ и еще спокойнѣй, чѣмъ прежде, прощаетъ себѣ маленькіе грѣшки и большія прегрѣшенія.

Какъ нельзя болѣе подходятъ къ этимъ инстинктамъ нѣкоторыя направленія новѣйшей «такъ называемой» соціологіи. Ибо есть соціологія серьезная и есть соціологія, которую только и можно назвать «такъ называемой». Видя крушеніе самыхъ чистыхъ и возвышенныхъ замысловъ, наблюдая противорѣчіе и противоположность стремленій самыхъ благородныхъ личностей, многіе

мыслители отчаялись найти разгадку историческихъ вопросовъ въ сознательной человѣческой дѣятельности и обратились къ изученію безсознательной или вѣрнѣе несознательной стороны жизни человѣческихъ обществъ. Но увлекшись областью безсознательности, нѣкоторые поверхностные изслѣдователи стали совершенно забывать о великомъ значеніи нравственныхъ (въ широкомъ смыслѣ слова) вопросовъ, волнующихъ человѣческое сознаніе, вопросовъ, которые сами же и возбудили первоначально интересъ къ области безсознательнаго и которые въ дѣйствительности только одни и могутъ дать смыслъ и цѣну изысканіямъ въ этой области. И когда уваженіе къ серьезности нравственныхъ вопросовъ исчезло, міръ соціальныхъ явленій разсыпался передъ изслѣдователемъ въ безпорядочную смѣсь, въ кучу мелочей, которыя можно собирать въ причудливыя и забавныя комбинаціи, но для которыхъ нельзя найти никакого прочнаго порядка и закономѣрности. Въ самомъ дѣлѣ, если пренебречь оцѣнкой, примѣняемой къ поступкамъ и явленіямъ творческимъ общественнымъ сознаніемъ, то какъ отличить важное отъ неважнаго, мелочное отъ великаго? Почему различія въ чувствахъ симпатіи важнѣе чѣмъ различіе въ походкахъ или почеркахъ? Почему столкновеніе противоположныхъ религіозныхъ міросозерцаній серьезнѣе, чѣмъ споръ о выѣденномъ яйцѣ? До сихъ поръ люди все видѣли смыслъ исторіи въ такихъ вещахъ, какъ чувства симпатіи, религіозныя системы. А можетъ быть, самый - то настоящій смыслъ совсѣмъ въ другомъ лежитъ? «А вдругъ» вся разгадка великихъ событій въ различіяхъ походки или почерка?.. «А вдругъ» весь ключь исторіи въ спорахъ о выѣденномъ яйцѣ?.. «Я не утверждаю», можетъ сказать скромный изслѣдователь-соціологъ, «что мои изслѣдованія относительно споровъ о выѣденномъ яйцѣ прольютъ полный свѣтъ на прошлое и будущее человѣчества, и вообще приведутъ къ какимъ-нибудь результатамъ, я попытаюсь, я буду работать, собирать факты, я сдѣлаю все отъ меня зависящее; а если не получу окончательныхъ результатовъ, то быть можетъ, новое поколѣніе болѣе талантливыхъ ученыхъ посвятитъ свои силы также спорамъ о выѣденномъ яйцѣ и вырветъ, наконецъ, у природы ея тайну. А пока мы должны быть терпѣливы и довольствоваться скромнымъ «можетъ быть?..»

Противъ этого «можетъ быть» безсильны какіе бы то ни были аргументы, также какъ и противъ обывательскаго «а вдругъ». Докажите обывателю, что онъ не выиграетъ ста тысячъ! А если онъ можетъ выиграть, то почему же ему не отложить срочной работы въ надеждѣ на выигрышъ? И точно также, какъ доказать «соціологу», что его изученіе древнихъ и новыхъ споровъ о выѣденномъ яйцѣ не стоютъ выѣденнаго яйца? Вѣдь онъ «вѣритъ въ науку и только въ науку», а наука пока еще ничего не сказала и слѣдовательно можетъ еще все сказать.

Да не подумаетъ читатель, что сочиненія Г. Тарда не стоятъ выѣденнаго яйца! Напротивъ, вообще говоря, онъ писатель очень талантливый и свѣдущій. Его произведенія часто поражаютъ изяществомъ мысли, блескомъ остроумныхъ предположеній, тонкостью анализа и характеристики. Но тѣмъ досаднѣе, что все это богатство соединяется съ совершенно несерьезнымъ отношеніемъ къ самымъ серьезнымъ и важнымъ вещамъ. Строя догадку за догадкой, Тардъ, такъ сказать, ставитъ на карту будущность народовъ и человѣчества и ждетъ рѣшенія отъ какихъ-нибудь случайныхъ, ничтожныхъ, мелочныхъ явленій. И эта вѣра въ случайную, ничтожную сторону жизни дѣлаетъ Тарда столь доступнымъ и въ то же время столь опаснымъ для обывательскаго міросозерцанія, построеннаго на наивной и неопредѣленной надеждѣ «а вдругъ?..» Тардъ обыкновенно выхватываетъ изъ кучи «соціальныхъ явленій» какой-нибудь интересный фактъ, разсматриваетъ его отдѣльно отъ всѣхъ другихъ сторонъ жизни, превращая его тѣмъ самымъ въ какую-то вновь открытую историческую ди-

ковинку, и съ помощью своего талантливаго краснорѣчія раздуваетъ его значеніе до такихъ размѣровъ, что все остальное какъ бы исчезаетъ и случайно выхваченный фактъ дѣлается средоточіемъ или двигателемъ міровой исторіи. Затѣмъ выхватывается какой-нибудь другой фактъ, другая сторона жизни и опять возвеличивается до невѣроятности и т. д. Глава слѣдуетъ за главой. Книга пишется за книгой. И всюду принижается роль сознательнаго руководительства жизнью и возвеличивается царство случая, не поддающееся разумному контролю.

Въ лежащей передъ нами книжкѣ говорится о различіяхъ между толпой и публикой, объ общественномъ мнѣніи и разговорѣ, о преступныхъ толкахъ и сектахъ.

«Публика»—какъ ее понимаетъ Тардъ—создана новѣйшимъ развитіемъ печатнаго слова. Она—порожденіе типографскаго станка, желѣзныхъ дорогъ и телеграфа. И вотъ начинается возвеличеніе силы станка, телеграфа и желѣзныхъ дорогъ надъ силою тѣхъ общечеловѣческихъ свойствъ, которыя остаются неизмѣнными, дѣйствуетъ ли человѣкъ въ одиночку, или какъ участникъ толпы, или какъ читатель газетъ. Яркими красками расписываются громадныя перемѣны, которыя повлекло за собой «возникновеніе» публики. Вотъ, для примѣра, одинъ мазокъ изъ этой яркой картины: «Такимъ образомъ, благодаря превращенію всѣхъ соціальныхъ группъ въ разные виды публики, міръ идетъ по пути интеллектуализаціи» (стр. 33). Міръ идетъ по пути интеллектуализаціи! т.-е. въ будущемъ сократится роль чувства! Какая великая перемѣна! А какъ мало Тардъ задумался надъ доказательствомъ ея неизбѣжности: онъ основывается на томъ положеніи, что роль чувства въ «публикѣ» меньше, чѣмъ въ «толпѣ»,— замѣтьте: въ толпѣ, а не во всѣхъ вообще «соціальныхъ группахъ», и изъ спеціальнаго различія между публикой и толпой прямо заключаетъ къ общему значенію «публики» въ исторіи. Но совершенно ясно. что мы могли бы такъ заключать только въ томъ случаѣ, если бы всѣ соціальныя дѣйствія опредѣлялись въ прежнее время свойствами толпы, а теперь—свойствами «публики», Или вотъ большая статья, спеціально посвященная изслѣдованію «разговора». Подъ разговоромъ авторъ подразумѣваетъ «всякій діалогъ, не имѣющій прямой и непосредственной пользы. когда говорятъ больше для того, чтобы говорить, для удовольствія, для развлеченія, для вѣжливости» (74). Итакъ, рѣчь идетъ о разговорѣ для разговора, о болтовнѣ. . Кажется достаточно мелкая сторона жизни, чтобы не выдѣлять ее въ особый могущественный факторъ съ особымъ *самостоятельнымъ* вліяніемъ на развитіе человѣчества. Но именно на такія-то мелочи и изливается вся любовь, весь научный паѳосъ и усердіе нашего автора. Разговору приписывается громадное вліяніе на всѣ стороны жизни. «Религіи,—говоритъ, напр., Тардъ, —утверждаются и ослабляются не столько благодаря проповѣдямъ, сколько благодаря разговорамъ. Съ точки зрѣнія политической, разговоръ до прессы является единственной уздой для правительствъ»... и т. д. (стр. 113). Для изученія разговора, Тардъ желалъ бы создать цѣлую особую науку: «Если бы всѣ трудности, которыя представляетъ этотъ вопросъ, удалось побѣдить съ помощью коллективной работы многочисленныхъ ученыхъ, то нѣтъ сомнѣнія, что изъ сопоставленія фактовъ, полученныхъ по этому вопросу у самыхъ различныхъ между собою народовъ, выдѣлился бы большой запасъ идей, которыя позволили бы сдѣлать изъ *сравнительнаго разговора* настоящую науку, немного уступающую сравнительной религіи, сравнительному искусству и даже сравнительной промышленности, иначе говоря политической экономіи» (Предисловіе, стр. IV). Если же мы обратимся къ тѣмъ доказательствамъ, которыми Тардъ хочетъ насъ убѣдить въ великой роли разговора, то увидимъ, что сплошь и рядомъ понатіе разговора въ вышеописанномъ смыслѣ замѣняется безконечно болѣе

широкимъ понятіемъ всякой вообще человѣческой рѣчи. Такъ, говоря о политическомъ значеніи разговора, онъ приглашаетъ читателя подумать, что сталось бы съ политическими выборами, если бы граждане осуждены были на полное молчаніе: «Вообразите французскихъ гражданъ, запертыхъ въ одиночныя тюрьмы и предоставленныхъ собственнымъ размышленіямъ безъ малѣйшаго взаимнаго вліянія, и послѣ этого идущихъ вотировать... Но они не могли бы вотировать!» (стр. 122). Точно также разсуждая о вліяніи разговора на экономическую жизнь, Тардъ совершенно ясно даетъ понять, что разговоръ только тогда и не вліяетъ на товарный обмѣнъ, когда обмѣнъ происходитъ въ полномъ молчаніи (стр. 123); тутъ, слѣдовательно, Тардъ уже забываетъ, что предметъ своего изслѣдованія онъ опредѣлилъ, какъ «діалогъ, не имѣющій прямой и непосредственной пользы». Путемъ такого свободнаго обращенія съ терминами и опредѣленіями не трудно раздуть до фантастическихъ размѣровъ соціальное значеніе любого факта, любой стороны жизни.

Противорѣчій, подобныхъ только что указаннымъ, очень много въ книжкѣ Тарда. Но самое опасное въ ней не эти противорѣчія сами по себѣ, а та несерьезность, о которой говорилось выше, несерьезность, которая позволяетъ ради красивыхъ, но необоснованныхъ догадокъ относительно всякихъ мелкихъ фактовъ переворачивать то въ ту, то въ другую сторону то всю политику, то всю религію, то всю будущность народовъ и человѣчества. Этихъ несерьезностей не могутъ искупить ни внѣшнія достоинства изложенія, ни даже обиліе интереснаго фактическаго матеріала, которымъ французскій соціологъ всегда умѣетъ искусно пріукрасить свои рискованныя обобщенія.

Переводъ нельзя назвать вполнѣ удовлетворительнымъ. Иногда переводчикъ обнаруживаетъ не только небрежность, но, повидимому, и непониманіе французскаго построенія фразы. Приведемъ два примѣра: «Эпоха реставраціи... выработала свою романтическую поэтику, *не менѣе деспотическую для того, чтобы быть анонимной...*» (стр. 131). «Изъ этой же ошибки вытекаетъ вѣра въ судъ присяжныхъ, постоянно обманывающая и постоянно вновь возрождающаяся. Въ дѣйствительности *это* не просто собранія лицъ; *это* скорѣе корпораціи, въ родѣ большихъ религіозныхъ орденовъ или гражданскихъ, или военныхъ ополченій, *которыя* иногда отвѣчали потребностямъ народовъ» (стр. 146). Конечно, Тардъ вовсе не хотѣлъ сказать, что судъ присяжныхъ—корпорація, а не собраніе. Онъ хотѣлъ сказать, что народнымъ потребностямъ удовлетворяли скорѣе корпораціи, чѣмъ собранія.

Кстати, какъ характеренъ для Тарда этотъ мимоходомъ брошенный пренебрежительный отзывъ о судѣ присяжныхъ! Безъ всякихъ серьезныхъ доказательствъ, безъ оговорокъ, безъ разсмотрѣнія дѣла по существу, на основаніи одного попавшагося подъ руку, весьма и весьма тривіальнаго соображенія,—что, дескать, десять умовъ, собравшихся вмѣстѣ, не болѣе способны рѣшить сложный вопросъ, чѣмъ одинъ,—высказывается въ отрывочной небрежной фразѣ недовѣріе къ вѣковому общеевропейскому учрежденію, имѣвшему и имѣющему громадное политическое и нравственное значеніе. И это не изъ увлеченія какой-нибудь любимой идеей, а только изъ слабости къ быстрымъ обобщеніямъ и красивымъ аналогіямъ! *А. Рыкачевъ.*

Ш. Сеньобосъ. Историческій методъ въ примѣненіи къ соціальнымъ наукамъ. Переводъ подъ редакціею Когана. М. 1902 г. Ц. 1 р. Если и существуютъ науки, предметъ и методъ которыхъ установлены вполнѣ ясно и опредѣленно, то къ таковымъ, во всякомъ случаѣ, не принадлежитъ соціальная наука. Зародившись слишкомъ недавно, она не чувствуетъ подъ собою твердой почвы: среди ученыхъ и изслѣдователей споръ объ ея предметѣ и методѣ до сихъ поръ еще не прекращается. Этому же вопросу о предметѣ и методѣ соціальныхъ наукъ посвящена и вышеозначенная книжка Сеньобоса.

Методъ всякой науки зависитъ отъ характера ея объекта и исключительно опредѣляется его особенностями, поэтому первый вопросъ, который надлежитъ намъ рѣшить при оцѣнкѣ работы Сеньобоса,—вопросъ о томъ, насколько правильно и точно онъ установилъ объектъ соціальной науки.

Объектомъ соціальной науки авторъ считаетъ не всю совокупность соціальныхъ фактовъ, а талько часть ихъ, именно факты экономическіе и демографическіе, на томъ основаніи, что остальныя общественныя явленія въ ходѣ историческаго развитія постепенно подпали въ область особыхъ историческихъ дисциплинъ. Первая несообразность, бросающаяся въ глаза въ этомъ опредѣленіи, есть произвольное выдѣленіе въ качествѣ объекта соціальныхъ наукъ лишь части общественныхъ явленій, между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что всѣ они тѣсно связаны другъ съ другомъ и внѣ взаимной связи не поддаются никакому изученію. Поэтому-то и самъ авторъ въ ходѣ своего изслѣдованія неизбѣжно пришелъ къ необходимости расширить объектъ соціальной науки—вплоть до изученія всѣхъ безъ исключенія соціальныхъ фактовъ. Однако, если и ввести такую фактическую поправку, то дѣло отъ этого немного выиграетъ, ибо у автора остается вполнѣ невыясненнымъ основное понятіе «соціальнаго» факта. Вмѣсто его опредѣленія онъ перечисляетъ различные виды соціальныхъ фактовъ, что въ лучшемъ случаѣ можетъ дать туманное представленіе о соціальномъ феноменѣ, но никакъ не точную отчетливую идею о немъ. И въ дѣйствительности у автора на протяженіи всей работы фигурируетъ весьма смутное представленіе о соціальномъ фактѣ, ибо чѣмъ инымъ, какъ не смутнымъ представленіемъ, можно объяснить то обстоятельство, что онъ видитъ особенный характеръ соціальныхъ явленій въ ихъ субъективности. Всякій фактъ, изъ какой бы области мы его ни взяли, всегда и субъективенъ, и объективенъ; онъ субъективенъ постольку, поскольку является представленіемъ субъекта, объективенъ,—поскольку онъ есть представленіе о «предметѣ», явленіе «предмета». Вполнѣ субъективною можно назвать развѣ только саму являемость предмета субъекту; но она—не явленіе и не можетъ стать предметомъ изученія какой-либо науки. Поэтому, если и можно говорить о субъективномъ характерѣ явленій, то только въ относительномъ смыслѣ, именно въ смыслѣ противоположенія ихъ другимъ явленіямъ, познаннымъ уже вполнѣ; съ этой точки зрѣнія ,можно называть феномены любой науки, въ томъ числѣ и соціальной, субъективными, но,—во всякомъ случаѣ, субъективность отнюдь не можетъ быть специфическою особенностью соціальныхъ фактовъ. Поэтому, если мы хотимъ за даннымъ смутнымъ представленіемъ признать какой-либо смыслъ, то намъ остается одинъ выходъ отожествить понятіе «субъективный» съ понятіемъ «психическій», т.-е. допустить, что авторъ соціальные факты считаетъ фактами психическими. Однако, и при такомъ допущеніи опредѣленіе у автора премета соціальной науки не выигрываетъ ни въ точности, ни въ правильности: оно не выигрываетъ въ точности потому, что здѣсь нѣтъ яснаго разграниченія соціальныхъ фактовъ отъ другихъ психическихъ явленій; оно не выигрываетъ въ правильности потому, что соціальныя ,явленія, вслѣдствіе своего внѣшняго для индивидуума характера, не могутъ относиться къ разряду психическихъ феноменовъ.

Однако, отвлекаясь отъ неточнаго установленія авторомъ объекта соціальныхъ наукъ, постараемся разсмотрѣть его послѣдующую работу при условіи пониманія соціальныхъ фактовъ, какъ психическихъ; мы постараемся показать, насколько правильна его попытка ввести въ соціальныя науки новый историческій методъ, не имѣющій ничего общаго съ объективнымъ методомъ естественныхъ наукъ.

Психическій характеръ соціальныхъ феноменовъ обусловливаетъ, по мнѣнію Сеньобоса, невозможность пользоваться въ общественныхъ наукахъ объектив-

нымъ методомъ, ибо онъ уничтожаетъ совершенно специфическую особенность соціальныхъ фактовъ. И при описаніи соціальныхъ явленій, и при ихъ пониманіи неизбѣжно приходится, поэтому, прибѣгать къ субъективно-психологическому методу, историческому методу, который представляетъ изъ себя способъ вопросовъ. Для описанія какого-либо историческаго періода, изслѣдователю нужно заранѣе опредѣлить родъ необходимымъ для него фактовъ и порядокъ, въ которомъ онъ долженъ ихъ расположить. Выполненіе этой задачи достигается, по мнѣнію автора, единственно посредствомъ списка вопросовъ, который изслѣдователь можетъ составить, только исходя изъ своего собственнаго понятія о явленіяхъ, аналогичныхъ тѣмъ, которыя будутъ предметомъ его настоящаго изслѣдованія: кто ничего не зналъ бы о синдикатѣ, тотъ не могъ бы составить систему вопросовъ для изученія синдаката. Для пониманія соціальныхъ фактовъ и ихъ эволюцій, необходимо найти ихъ причины. Причинами же соціальныхъ фактовъ, какъ фактовъ психическихъ, могутъ служить внутреннія состоянія людей и ихъ побужденія. Поэтому, когда измѣнился какой-нибудь соціальный фактъ по количеству или по формѣ, изслѣдователю необходимо предложить себѣ вопросъ, какое произошло измѣненіе въ побудительныхъ причинахъ поступковъ. Для точной же формулировки вопросовъ необходимо предварительно опять-таки установить полную систему вопросовъ, исчерпывающихъ всѣ возможныя измѣненія: измѣненія расы, среды, духовныхъ, матеріальныхъ и экономическихъ привычекъ, соціальныхъ и политическихъ учрежденій и т. д., которыя могутъ быть причинами какого-либо преобразованія.

Однако психическій характеръ соціальныхъ явленій отнюдь еще не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ выдѣленія ихъ въ самостоятельную область явленій, которыя должны изучаться особеннымъ методомъ, отличнымъ отъ метода естественныхъ наукъ. Скорѣе такое выдѣленіе вполнѣ необоснованно, такъ какъ оно противорѣчитъ основному условію науки—монизму опыта, необходимости понимать всѣ явленія въ одномъ контекстѣ научнаго опыта. Для констатированія фактовъ какъ психическихъ, такъ и физическихъ, для описанія ихъ, а тѣмъ болѣе для пониманія необходимо объективное ихъ опредѣленіе во времени, что достижимо лишь по отношенію къ единому временному порядку, лежащему въ основаніи всѣхъ объективныхъ происшествій. Это же единство объективнаго временнаго порядка устанавливается черезъ единство каузальной связи явленій, субстратъ которой долженъ необходимо лежать въ природѣ. Послѣднее непосредственно слѣдуетъ изъ того, что такимъ субстратомъ должно быть нѣчто постоянное, это же и представляетъ изъ себя матерія. Такимъ образомъ, методъ для изученія всѣхъ явленій, въ томъ числѣ и психическихъ, поскольку, по крайней мѣрѣ, рѣчь идетъ объ ихъ познаніи, долженъ быть одинъ—методъ естественныхъ наукъ—причинное пониманіе всѣхъ явленій въ зависимости отъ измѣненія матеріи. Всякій же иной методъ, а, слѣдовательно, также и субъективно-психологическій, не можетъ доставить истиннаго познанія явленій. Цѣль субъективно-психологическаго метода (метода вопросовъ) дать возможность изслѣдователю, съ одной стороны, описывать соціальные факты, съ другой—объяснять ихъ. Въ первомъ случаѣ способъ вопросовъ предполагаетъ уже, какъ познанныя какимъ-то другимъ способомъ, по крайней мѣрѣ, въ основныхъ чертахъ, тѣ отношенія, на основаніи которыхъ построяется сама система вопросовъ. Во второмъ случаѣ онъ, какъ сознается и самъ авторъ, даетъ лишь гипотетическія объясненія: онъ позволяетъ найти лишь вѣроятную причину соціальнаго измѣненія, не не можетъ доказать, что другой причины не существовало. Поэтому, самъ Сеньобосъ соглашается, что для достиженія научнаго познанія соціальныхъ феноменовъ необходимъ иной методъ, индуктивный, мотодъ сравненія эволюцій фактовъ. Слѣдовательно, субъективно-психологическій методъ не достигаетъ своей цѣли: пользуясь имъ,

соціальная наука не въ силахъ выполнить свои задачи, для рѣшенія которыхъ она неизбѣжно должна возвратиться къ игнорируемому ею раньше объективному методу.

Итакъ, какъ при установленіи объекта соціальныхъ наукъ, такъ и при выводѣ ихъ метода, Сеньобосъ оказался не на высотѣ своего положенія,—даже болѣе—въ ходѣ изслѣдованія онъ самъ пришелъ къ полному отрицанію своихъ первоначальныхъ тезисовъ. Ограничивъ вначалѣ объектъ соціальной науки экономическими и демографическими фактами, онъ, въ концѣ-концовъ, неизбѣжно расширяетъ область соціальныхъ наукъ, введя въ нее всѣ безъ исключенія соціальные факты; установивъ для общественныхъ наукъ особый историческій методъ, онъ, въ концѣ-концовъ, принужденъ допустить необходимость для нихъ естественно-научнаго метода.

Единственно цѣнною въ книгѣ Сеньобоса остается, по нашему мнѣнію, та часть его труда, гдѣ онъ въ деталяхъ выясняетъ основныя условія установленія соціальныхъ феноменовъ и показываетъ, какъ осторожно и при соблюденіи какихъ правилъ должно пользоваться историческими документами. Но и здѣсь мы не можемъ согласиться вполнѣ съ его преувеличеннымъ мнѣніемъ относительно трудности установленія соціальныхъ феноменовъ. Авторъ забываетъ, что всякое соціальное явленіе, поскольку, по крайней мѣрѣ, оно цѣнно для изслѣдованія, есть явленіе массовое, а потому находитъ свое отраженіе во многихъ документахъ. Благодаря этому, значительно облегчается задача установленія соціальныхъ, ибо сравненіе документовъ уже позволяетъ въ большей или меньшей степени вѣрно установить ихъ истинный характеръ. Но если бы даже документъ и не гарантировалъ намъ надежнаго знанія о соціальномъ фактѣ, то и въ этомъ случаѣ не было большого ущерба для точности выводовъ соціальныхъ наукъ: никакой фактъ въ началѣ научной работы не устанавливается, какъ вполнѣ объективный, своей полной объектировки онъ достигаетъ только въ связи съ изученіемъ другихъ фактовъ, въ концѣ научнаго изслѣдованія.

N. N.

ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ.

Д. Кудрявскій. «Какъ жили люди въ старину».

Проф. Д. Кудрявскій. Какъ жили люди въ старину. Очерки первобытной культуры. Изданіе 2-ое Юрьевъ. 1902 г. 94 стр. Ц. 40 коп.

Авторъ этой небольшой книжечки задался цѣлью дать въ очень сжатомъ видѣ общій очеркъ жизни первобытнаго человѣка. Выяснивъ въ веденіи, что такое первобытный человѣкъ и первобытная культура, онъ въ трехъ главахъ излагаетъ вполнѣ общедоступно главнѣйшіе выводы современной науки относительно матеріальной жизни, возникновенія и различныхъ формъ общественной жизни и, наконецъ, относительно важнѣйшихъ проявленій умственной жизни первобытнаго человѣка. Поскольку вообще предметы столь общаго и захватывающаго интереса поддаются краткому изложенію—задача выполнена авторомъ вполнѣ удовлетворительно,—имъ выбрано, дѣйствительно, все, что наиболѣе важно и интересно, и изложеніе его не лишено живости. Должно, однако, замѣтить, что изложеніе въ то же время чрезвычайно конспективно, и книга способна заинтересовать неподготовленнаго читателя, но, несомнѣнно, оставитъ многіе, возникающіе у него при чтеніи, вопросы нерѣшенными. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ конспективность заходитъ даже слишкомъ, на нашъ взглядъ, далеко, такъ, напр., по вопросу о происхожденіи денегъ говорится всего лишь на 5 строчкахъ буквально слѣдующее: «Вскорѣ научились легко измѣрять цѣну всѣхъ другихъ товаровъ на вѣсъ золота и серебра, а потомъ стали и чеканить золотыя и серебряныя монеты опредѣленнаго вѣса. Такимъ образомъ произошли

деньги, которыя и до сихъ поръ ходятъ по всему свѣту» (стр. 72). При этомъ авторъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о промежуточныхъ стадіяхъ, когда мѣновой единицей служили скотъ, мѣха, кожаныя деньги и слитки благородныхъ металловъ, а это, безусловно, заслуживаетъ упоминанія, тѣмъ болѣе, что въ глухихъ уголкахъ нашего отечества и по сіе время всѣ разсчеты ведутся на «соболя», а въ центральномъ Китаѣ отрубаются ланы отъ серебрянаго прута. Авторъ довольно часто приводитъ примѣры изъ быта и исторіи племенъ, населяющихъ Россію, но намъ кажется, что число этихъ примѣровъ могло бы быть и еще болѣе увеличено, такъ, напр., прямо странно, почему при упоминаніи о культѣ животныхъ (стр. 89) авторъ не приводитъ столь блестящаго примѣра, какъ культъ медвѣдя и медвѣжьи праздники гиляковъ и айновъ? Увеличеніе примѣровъ изъ отечественной этнографіи значительно бы повысило интересъ этой, во всякомъ случаѣ, полезной книжечки. Кстати, въ виду того, что она только будитъ интересъ неподготовленнаго читателя (для котораго, очевидно, и предназначается), но не даетъ ему полнаго удовлетворенія, мы бы рекомендовали автору при слѣдующемъ изданіи приложить списокъ тѣхъ сочиненій (на русскомъ языкѣ) по первобытной культурѣ, которыя могутъ быть рекомендованы для болѣе близкаго ознакомленія съ этимъ предметомъ. Это было бы тѣмъ болѣе желательно, что за послѣднее время, наряду съ дѣйствительно хорошими сочиненіями, наша популярная литература наводнилась и большимъ количествомъ никуда негоднаго хлама. *П. Ю. Шмидтъ.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

К. Покровскій. «Успѣхи астрономіи въ XIX в».—*Д. Моргаузъ.* «Хаосъ міровъ».

Успѣхи астрономіи въ XIX столѣтіи. Общедоступные очерки К. Д. Покровскаго, астронома-наблюдателя юрьевскаго университета. Спб. Изд. журн. «Образованіе». 274 стр. 94 рис. Ц. 1 р. 20 к. Книга К. Д. Покровскаго пополнитъ существенный пробѣлъ нашей популярной литературѣ, до сихъ поръ исторіи астрономіи XIX-го столѣтія у насъ еще не было.

Авторъ указываетъ въ предисловіи, что стремится «отмѣтить лишь главнѣйшіе моменты въ исторіи астрономіи за XIX-ое столѣтіе», и потому книга не претендуетъ «на полноту въ количественномъ отношеніи».

Да развѣ нужна и даже достижима такая полнота въ какомъ-либо изданіи, кромѣ энциклопедическаго словаря?! Наоборотъ, намъ кажется даже, что авторъ мѣстами вдается въ излишнія для популярной книги детали, особенно при описаніи инструментовъ. Вообще, мы не назвали бы этихъ очерковъ вполнѣ «общедоступными». Для чтенія ихъ необходимо предварительное знакомство и съ астрономіей и съ физикой; мы сказали бы необходимо «среднее образованіе», если бы не боялись, что читатель подумаетъ при этомъ о нашихъ гимназіяхъ.

Г. Покровскій ведетъ свой разсказъ, конечно, не хронологически, а разбиваетъ тему на части. Охарактеризовавъ намъ въ краткихъ чертахъ «астрономическое наслѣдіе конца XVIII-го вѣка» и развитіе, какъ количественное, такъ и качественное, наблюдательныхъ средствъ въ XIX-мъ вѣкѣ, авторъ переходитъ, прежде всего, къ успѣхамъ непосредственнаго астрономическаго наблюденія (визуальныя наблюденія), затѣмъ къ астрофотографіи, астрофотометріи и спектрографіи и заканчиваетъ большой главой, посвященной теоретической астрономіи.

Изложеніе автора всегда точно и ясно, но нѣсколько отрывочно, эпизодично. Читатель знакомится съ результатами эволюціи науки, но не чувствуетъ ея хода, ея соціальныхъ и психологическихъ путей—этого дивнаго сплетенія необходимости и свободы. Каждое открытіе г. Покровскій связываетъ съ именемъ его автора. Исторія науки такого типа часто напоминаетъ нѣсколько собраніе

формулярныхъ списковъ чиновниковъ какого-нибудь департамента. Много именъ, но ни одной личности. Г. К. Покровскій страдаетъ этимъ недостаткомъ еще меньше другихъ авторовъ различныхъ «обзоровъ XIX-го вѣка». И лучше уклониться въ эту сторону, чѣмъ подъ видомъ общихъ, философскихъ обобщеній преподносить читателямъ собственныя фантазіи и искаженные факты.

Поэтому, указанную нами отрывочность и эпизодичность положенія г. Покровскаго, съ обычной точки зрѣнія, нельзя даже считать недостаткомъ. Мы не могли только не отмѣтить, что отъ автора—извѣстнаго спеціалиста и въ то же время прекраснаго популяризатора—мы ждали иной точки зрѣнія на взятую имъ на себя задачу. Но взгляды — вещь субъективная, а хорошая популярная книга, какой, безспорно, являются очерки г. Покровскаго, большая рѣдкость.

В. Агафоновъ.

Д. Моргаузъ. Хаосъ міровъ (Кругооборотъ жизни звѣздъ). Переводъ съ англійскаго. Библіотека современныхъ знаній. Спб. Изданіе А. Большакова и Д. Голова. 258 стр. Ц. 75 к. Книга задумана превосходно: дать въ формѣ сжатой, но не сухой и доступной всякому грамотному человѣку, картину міровой эволюціи, начиная съ туманнаго пятна и метеорной пыли вплоть до развитія современной научной мысли.

«Способствовать возбужденію всеобщаго интереса къ новѣйшимъ завоеваніямъ науки», показать толпѣ мощь науки въ дѣлѣ выработки міросозерцанія—задача почтенная и важная, особенно въ тѣ странныя, смутныя времена, когда о «банкротствѣ», безсиліи науки начинаютъ проповѣдывать не только беллетристы, философы и критики, но и патентованные естествоиспытатели. У автора были нѣкоторыя данныя, чтобы выполнить эту задачу болѣе или менѣе удовлетворительно: онъ умѣетъ выбрать главное и пишетъ живо, но эти достоинства тонутъ въ массѣ недостатковъ. Главный изъ нихъ—слишкомъ незначительный и недоброкачественный научный багажъ. Черпалъ свои свѣдѣнія г. Моргаузъ, видимо, изъ десятыхъ рукъ; немудрено, что многое переврано, спутано и неясно; несмотря на это, скромностью авторъ не отличается и сплеча дѣлаетъ такія обобщенія и выводы, что только диву даешься. Такъ, напр., авторъ утверждаетъ, что «Венера по всѣмъ вѣроятіямъ обитаема» (стр. 72), равно какъ и Марсъ и спутникъ Сатурна, что «между высшимъ человѣкомъ, какимъ-нибудь Дарвиномъ, Гексли или Геккелемъ, и австралійскимъ дикаремъ лежитъ пропасть больше, чѣмъ между низшимъ дикаремъ и высшей обезьяной» (стр. 186), что «всѣмъ другимъ расамъ (кромѣ арійской) предстоитъ погибнуть въ борьбѣ засуществованіе», что, «образуя отдѣльный организмъ, клѣточка развивается умственно, въ чемъ мы можемъ убѣдиться при помощи микроскопа» (стр. 230) и т. д., и т. д.

Въ лучшемъ случаѣ приводимыя авторомъ обобщенія спорны и гипотетичны, а онъ выдаетъ ихъ за общепризнанныя. Такъ, на стр. 140-й г. Моргаузъ пишетъ: «Первое возбужденіе молекулъ мозговыхъ клѣточекъ образуетъ замѣтку въ памяти, а послѣдующія впечатлѣнія усиливаютъ ее, пока она не пріобрѣтетъ преувеличеннаго относительнаго значенія, тогда человѣкъ становится предубѣжденнымъ въ этомъ направленіи. Такія впечатлѣнія могутъ сдѣлаться сильнѣе впечатлѣній, производимыхъ внѣшними предметами чрезъ посредство зрѣнія или слуха и, когда это случается, они могутъ быть для индивидуума такой же силы, какъ объективныя впечатлѣнія, или даже сильнѣе, и могутъ такимъ образомъ вызывать галлюцинаціи, или же, не доводя до галлюцинацій, мыслительныя привычки могутъ устанавливаться и увѣковѣчиваться по законамъ наслѣдственности точно такъ же, какъ передаются привычки къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ» (стр. 140).

Въ созданіи этого перла автору, конечно, помогъ и переводчикъ, вообще вполнѣ достойный г. Моргауза.

Хороши также экскурсіи автора въ область наслѣдственности и психо-фи-

зіологіи; онъ увѣряетъ бѣднаго читателя, что «болѣзни легкихъ, печени и душевныя болѣзни, особенности, подобныя гордости, честолюбію, опредѣленныя идеи (!) и вѣрованія (!) подлежатъ законамъ наслѣдственности» (стр. 150).

«Если,—утверждаетъ американскій энциклопедистъ, одна сторона мозга дѣйствуетъ на мгновеніе быстрѣе другой, то мы не имѣемъ средствъ судить о продолжительности времени, протекающаго между обоими дѣйствіями, и, вслѣдствіе двойственности впечатлѣнія, намъ приходитъ мысль, что мы уже видѣли то же самое раньше, можетъ быть, на нѣсколько лѣтъ раньше. Отсюда произошли нѣкоторыя суевѣрія».

Не знаешь, чему больше удивляться, невѣжеству автора и сумбуру, царящему въ его головѣ, или его поистинѣ американской смѣлости. Дѣйствительно «хаосъ», но не міровъ, а понятій! Подобныя натуръ-философскія измышленія пересыпаны въ книгѣ г. Моргауза прямыми фактическими невѣрностями, въ родѣ того, что молекула въ *тысячу разъ* меньше маленькаго зернышка, что геологическихъ эръ—5 и послѣдняя изъ нихъ четвертичная, что палеозойская эра называется также Силурійскимъ періодомъ, что въ этотъ періодъ жило «нѣсколько (?!) видовъ моллюсковъ, заключенныхъ въ раковинѣ», что «протоплазма есть однородное, слизистое, студенистое бѣлковое вещество; въ простѣйшей его формѣ даже самый сильный микроскопъ не обнаруживаетъ въ немъ никакой структуры» и т. д., и т. д.

Если можно говорить вообще о философскихъ воззрѣніяхъ автора, то вѣрнѣе всего назвать его матеріалистомъ, но это не мѣшаетъ ему употреблять терминъ «жизненная сила», питать слабость къ антропоморфизму и къ сентиментально-поэтическимъ изліяніямъ. «Возможно,—говоритъ онъ въ одномъ изъ такихъ мѣстъ (стр. 142),—что муравьи смотрятъ снизу вверхъ на насъ, большихъ людей, какъ на божественныя существа, создателей громадныхъ полей, которыя имъ случалось переходить, и маленькаго солнца и луны. Будемъ же справедливы и милосердны къ нимъ». Хотя сіе и невозможно, г-нъ Моргаузъ, но все же воевать съ муравьями намъ не зачѣмъ.

Не можемъ также не выписать слѣдующаго мѣста, характернаго для самовлюбленности и наивности автора. Онъ убѣжденъ, что кладезь премудрости, заключенный въ его «Хаосѣ», отвѣтитъ и на этическіе запросы читателя, внушивъ, напр., отвращеніе къ войнѣ. «Представьте себѣ всю нелѣпость такого зрѣлища,—восклицаетъ авторъ:—собраніе нѣсколькихъ атомовъ, преимущественно углерода и водорода, заключенное въ человѣческую кожу изъ того же матеріала, свирѣпо воюетъ съ другимъ такимъ же собраніемъ химическихъ продуктовъ въ кожной оболочкѣ изъ-за какой-нибудь эфемерной, ничтожной крошки. Таковъ результатъ людского самолюбія и честолюбія» и, прибавимъ мы отъ себя, умственнаго хаоса и верхоглядства.

Кажется, довольно курьезовъ; ими полна разбираемая книга.

Несчастный русскій читатель! Какой только макулатуры не преподносятъ ему подъ видомъ популяризаціи и «послѣднихъ словъ» науки, благо бумага все терпитъ, а читательская волна, идущая изъ нѣдръ Россіи, все поглотитъ.

Мы уже упоминали, что переводъ достоинъ оригинала. Тутъ и «проблески подавляющаго факта», и «спектральный анализъ Гюйгене», и уплотненіе паровъ «до твердаго шарообразнаго состоянія» и кремневое оружіе, найденное «въ булыжникѣ», и «выборъ товарища при спариваньи животныхъ», и тысячи другихъ перловъ почти на каждой страницѣ.

Непонятно, почему при такой удивительной изобрѣтательности переводчикъ не пытался перевести какъ-нибудь по своему латинскихъ названій и даже такое слово, какъ algae (водоросли), оставилъ безъ перевода.

В. Агафоновъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(отъ 15-го августа по 15-ое сентября 1902 г.),

Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ. Въ 2 том. Спб. 1902 г.

П. Морозовъ. Минувшій вѣкъ. Изд. журн. «Образованіе». Спб. 1902 г. Ц. 2 р.

Л. Е. Оболенскій. Научныя основы красоты и искусства. Изд. Гершунина. Спб. Ц. 75 к.

Д. Кайгородовъ. Изъ родной природы. Хрестоматія для школъ. Спб. Изд. Суворина. Ц. 1 р. 30 к.

П. Николаевъ. Вопросы жизни въ современной литературѣ. Мск. Изд. Ефимова. Ц. 2 р.

А. Ачкасовъ. Пѣсни русскихъ писателей о волѣ. Мск. Изд. Ефимова.

Н. Г. Помяловскій. Полное собраніе сочиненій. Спб. 1902 г. Ц. 2 р, 75 к.

Книга разсказовъ и стихотвореній. Изд. С. Курнина. Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

В. Желѣзновъ. Очерки политической экономіи. Мск. 1902 г. Ц. 3 р. 50 к.

П. Гальстремъ. Пустая трагедія. Перев. со шведск. Адамовъ. Юрьевъ. 1902 г. Ц. 25.

В. Львовъ. Въ полѣ и въ лѣсу. Мск. Сабашникова. 1902 г. Ц. 40 к.

В. Михеевъ. Фрося и Пестрянка. Изд. Курнина. Мск. 1902 г. Ц. 25 к.

Н. Толешовъ. Бѣлая цапля. Изд. Курнина. Мск. 1902 г. Ц. 25 к.

Н. Телешовъ. Елка Митрича. Изд. Курнина. Мск. 1902 г. Ц. 25 к.

И. Раковичъ. Графъ Аранда. Изд. Суворина. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Длусскій. Генералъ Онагренко и друг. разск. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

П. Полевой. Историческіе разсказы. Съ иллюстр. Спб. Маркса. 1902 г. Ц. 5 р. 50 к.

В. Михеевъ. Разсказы. Изд. Курнина. Мск.

Altalena. Министръ Гаммъ. (Кровь) Одесса. Изд. «Одесск. Новостей». Ц. 50 к.

Забрежневъ. Цѣна счастья. Спб. Арищенко. 1902 г. Ц. 70 к.

Наживинъ. Дешевые люди. Изд. Ефимова. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.

Любичъ - Кошуровъ. Картинки современ. жизни. Изд. Тоже. Ц. 35 к.

Любичъ-Кошуровъ. На зарѣ. Сонъ въ руку. Изд. тоже. Ц. 20 к.

Еврейскіе мотивы. Сборникъ сіонистск. стихотв. Гродно. Изд. Вецалелъ Яффе. 1902 г.

Бьернстенъ-Бьернсонъ. Свыше нашей силы. Драма. Изд. Ефимова. Мск. Ц. 50 к.

Г. Зудермана. Да здравствуетъ жизнь. Драма. Изд. тоже. Ц. 60 к.

В. Вересаевъ. Въ степи. Изд. Раппъ и Потапова. Харьковъ. 1902 г. Ц. 3 к.

Мельшинъ. Ферганскій Орленокъ. Изд. то же. Ц. 6 к.

Немировичъ - Данченко. Плевна и шипка. Романъ 2 ч. Изд. Сойкина. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

Б. Алмазовъ. Роландъ. Изд. Курнина. Мск. 1902 г.

Потапенко. Пьесы. Изд. Маркса. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гр. де-Волланъ. Полная чаша. Изд. Вольфа. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Загоскинъ. Брынскій лѣсъ. Ц. 30 к.

Его же. Кузьма Рощинъ. Ц. 10 к.

Его же. Аскольдова могила. Ц. 30 к.

Его же. Вечеръ на Хопрѣ. Ц. 12 к.

Его же. Юрій Милославскій. Ц. 25.

Его же. Рославлевъ. Ц. 35 к. Изд. Суворина. Спб. 1902 г.

Н. Рожковъ. Городъ и деревня въ русской Исторіи. Спб. 1902 г. Ц. 40 к.

Д. Максимовъ. Учебно-показ. мастерскія. Спб. 1902 г.

И. Тезяковъ. Рынки найма на югѣ Россіи въ санитарномъ отношеніи. Вып. I. Спб. 1902 г.

З. Рагозина. Исторія Халдеи. Спб. Марксъ. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ѳ. Смирнова. Передъ Некрасовскими днями. Яросл. 1902 г. Ц. 25 к.

Г. Шершеневичъ. Учебникъ русск. гражданск. права. Кзн. 1902 г. Ц. 5 р.

Дюрингъ. Высшее женское образованіе и университеты. Спб. «Образованіе». 1902. Ц. 40 к.

Князьковъ. Какъ начался расколъ русской церкви. Мск. Курнина. Ц. 35 к.

С. Андреевскій. Литературные очерки. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Руководство къ зоологическ. экскурсіямъ. Сост. комиссіей для изслѣд. фауны подъ ред. Кожевникова. Изд. Тихомірова Мск. 1902 г. Ц. 1 р.

Г. Ланге. Сто животныхъ. Изд. то же. 1902 г. 50 к.

Э. Пильцъ. Задачи и вопросы. Изд. тоже. 1902 г. Ц. 50 к.

Озеровъ. Итоги экономическ. развитія въ XIX в. Спб. 1902 г.

Треспе и Спасскій. Краткое руководство къ уходу за комнатн. растеніями. Изд. Тихоміровa. Мск. Ц. 1 р. 25 к. 1902 г.

Ясевичъ-Бородаевская. Сектантство въ Кіевской губ. Спб. 1902 г.

М. Лисовскій. Нѣмые страдальцы. Бесѣды о животныхъ. Спб. 1902 г.

Д. Кудрявскій. Какъ жили люди въ старину. Юрьевъ. 1902 г. Ц. 40 к.

Очередные вопросы въ Царствѣ Польскомъ. Очерки и изслѣдованія подъ ред. Спасовича и Пильца. Спб. Стасюлевичъ. 1902 г. Ц. 1 р.

Ф. Гецъ. Объ отношеніи В. Соловьева къ еврейскому вопросу. Мск. Кушнарева. Ц. 30 к.

Лебедевъ. Бѣлогородскіе архіереи и среда ихъ дѣятельности. Харьковъ. 1902 г. Ц. 2 р.

Памяти Близнина. Изд. Елисаветгр. земск. реальн. училища. 1902 г.

Коваленскій. Очерки всеобщей и русской исторіи. Мск. Карбасникова. 1902 г. Ц. 75 к.

Чигаговъ. Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ Дунайской арміи въ 1877 г. Спб. 1902 г. Ц. 60 к.

Моргулисъ. Вопросы еврейской жизни. Спб. «Помощь». 1902 г. Ц. 1 р.

Овсянико-Куликовскій. Вопросы психологіи творчества. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Карѣевъ. Учебная книга новой исторіи. Спб. Стасюлевича. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. Казариновъ. Опытъ о природѣ человѣческаго мышленія. Спб. Карбасникова. 1902 г. Ц. 50 к.

Новый типъ школы въ Россіи. Мск. Кушнерева. 1902 г. Ц. 20 к.

Павловская. Борьба съ бугорчаткой въ Россіи. Отт. изъ газеты «Русскій Врачъ».

Сакмина. Солнце. Под. ред. Ивановскаго. Мск. Курнинъ. Ц. 10 к.

Полторанова. Самоѣды. Ред. Изд. то же.

Анисимовъ. Вѣчный снѣгъ и ледъ. То же.

Добряковъ. Остяки. То же.

Ромодановская. Якуты и ихъ страна. То же.

Яньшинова. Чукчи. То же.

Пирамидова. Прибалтійскій край. То же.

Вульфсонъ. Киргизы. То же.

Катаевъ. Вотяки. То же.

Солодовниковъ. Жители Кавказа. То же.

Веселовская. Буряты. То же.

Веселовская. Амурскій край и наши переселенцы. То же.

Воробьевъ. Великоруссы. Тоже.

Бенуа. Исторія живописи въ XIX вѣка. Спб. «Знаніе». 1902 г.

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Перев. съ 5-ю изд. Юргенсона. Вып. VII. Мск. Ц. за 12 вып. 6 рублей.

М. Прухъ. Скрипка и ея исторія. Орелъ. 1902 г. Ц. 75 к.

Отчетъ о-ва для распространенія Св. Писанія въ Россіи за 1901 годъ.

Сборникъ Статист по Яросл. губ., вып. II. 1902 г.

Отчетъ. О дѣятельности врачебнаго совѣта при Моск. Городск. Упр. за 1901 г.

Отчетъ. рязанск. о-ва народн. развлеченіе за 1901—1902 г.г. по народн. образованію.

Отчетъ одесской городской управы о народн. образованіи за 1901 г.

Отчетъ О-ва по устройству народныхъ чтеній въ Тамбовѣ за 1901 г.

Памятная книжка тенишевск. училища въ Спб. за 1900—1901 уч. г. Ц. 50 к.

Арнольди. Ясли. Спб. 1902 г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Weltall und Menscheit» Geschichte der Erforschung der Natur und der Verwertung der Naturkräfte im Dienste der Völker. Herausgegeben von Hans Krämer. 100 Lieferungen. Berlin (*Bong und C°*). (*Вселенная и человечество*). Вышли семь первыхъ выпусковъ этого широко задуманнаго изданія, задача котораго—изобразить послѣдовательное развитіе земли, растительнаго и животнаго царства, а также представить въ понятной формѣ, какъ постепенно человѣкъ знакомился съ силами природы и научился подчинять ихъ себѣ и извлекать изъ нихъ пользу. Изданіе прекрасно иллюстрировано. Первый отдѣлъ, изданный подъ редакціей профессора Сеппера, называется «Изслѣдованіе земной коры». Въ первой главѣ о происхожденіи и строеніи земли излагаются въ общихъ чертахъ различныя теоріи происхожденія нашей планеты въ связи съ происхожденіемъ вселенной, которыя существовали въ самыя древнія времена вплоть до современныхъ ученій.

(Berliner Tageblatt).

«Kulturprobleme der Gegenwart» Herausgegeben von Leo Berg. Berlin (*Johannes Räde*). *1902* (*Культурныя проблемы настоящаго времени*). На книжномъ рынкѣ за послѣдніе годы усилился спросъ на всевозможныя энциклопедіи и сборники статей по различнымъ отдѣламъ знанія. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и названное изданіе, поставившее себѣ задачей обсужденіе культурныхъ проблемъ современной эпохи. Первые три тома посвящены вопросамъ современной соціальной политики.

(Berliner Tageblatt).

«Die Völker der Erde» von D-r Kurt Lampert. Eine Schilderung der Lebensweise, der Sitten, Gebräuche, Feste und Ceremonien aller lebenden Völker. 35 Lieferungen, mit etwa 650 Abbildungen nach dem Leben (*Deutsche Verlags Anstalt*) *Stuttgart und Leipzig* (*Народы земли*). Вышли три выпуска этого прекраснаго популярнаго изданія, имѣющаго цѣлью познакомить болѣе широкій кругъ читателей съ вопросами и проблемами современной этнографіи. Въ первыхъ выпускахъ изображены тихоокеанскія племена, полинезійцы, меланезійцы и др. обитатели острововъ, и третій выпускъ заканчивается характеристикой вымирающаго племени Маори въ Новой Зеландіи. Иллюстраціи превосходны.

(Frankfurt Zeit).

«Littérature japonaise» par W. G. Aston. Traduit de l'Anglais par Henry D. Davray (*Armand Collin*) *5 fr.* (*Японская литература*) Авторъ этой исторіи японской литературы долгое время служилъ секретаремъ-переводчикомъ при британскомъ посольствѣ въ Токіо и изучилъ японскій языкъ и литературу самымъ основательнымъ образомъ. Его трудъ раздѣляется на семь отдѣловъ или періодовъ, и первый—«архаическій»—обнимаетъ древнюю эпоху (700 лѣтъ до Р. Х.), послѣдній же доходитъ до нашихъ дней. Свою исторію японской литературы авторъ дополняетъ переводами избранныхъ мѣстъ изъ произведеній японскихъ писателей и чрезвычайно подробною библіографіей.

(Journal des Débats).

«Phylosophy and Life» by I. H. Muirhead. London (*Sonnenschenand C°*) *6 s.* (*Философія и жизнь*). Очень интересный сборникъ статей и лекцій профессора Мюиргэда, обсуждающихъ съ философской точки зрѣнія различныя проблемы современной жизни. Одна изъ статей сборника посвящена писателю Стивенсону и его философіи жизни. Профессоръ Мюиргэдъ посвятилъ также нѣсколько статей вопросамъ воспитанія и текущимъ политическимъ вопросамъ. Особенно заслуживаетъ вниманія его историческій очеркъ современнаго имперіализма.

(Daily News).

«Les Boxeurs» par le baron d'Authouard (*Plon*). *1902* (*Боксеры*). Авторъ описываетъ потрясающія событія боксерскаго возстанія въ Китаѣ и трагическое положеніе европейскихъ посольствъ въ Пекинѣ, а также испытанія, выпавшія на долю европейцевъ въ Тянь-Цзинѣ и др. мѣстахъ. Правдивый разсказъ автора, написанный просто и безъ всякой афектаціи, производитъ сильное впечатлѣніе и заставляетъ читателя переживать всѣ перипетіи драмы, разыгравшейся въ стѣнахъ столицы Небесной имперіи.

(Journal des Débats).

«Bismark intime» par Jules Hoche (*Iuven*) (*Бисмаркъ въ интимной жизни*). Авторъ этой интересной характеристики Бисмарка, касается не только его политической дѣятельности, но изучаетъ его, какъ человѣка на основаніи документовъ, воспоминаній, писемъ и т. п. стараясь быть безпристрастнымъ въ своихъ взглядахъ и сужденіяхъ о немъ. Онъ сообщаетъ много интересныхъ свѣдѣній, бросающихъ свѣтъ на этого человѣка характеръ. Онъ говоритъ, что со временъ Наполеона ни одинъ предводитель людей не презиралъ такъ человѣчество, какъ Бисмаркъ. «Онъ не только презиралъ людей, но испытывалъ какое-то жестокое наслажденіе, указывая имъ ихъ недостатки и стараясь ихъ за-

ставить почувствовать тщетность всѣхъ ихъ надеждъ и усилій. Бисмаркъ былъ въ своемъ родѣ юмористомъ; онъ обладалъ ѣдкимъ, парадоксальнымъ умомъ и умѣлъ сразить своею ироніей. Онъ насмѣхался надъ дипломатами, надъ государственными людьми, надъ журналистами и парламентскими дѣятелями. Но самою характерною чертой его цѣльной и высокомѣрной натуры было его презрѣніе къ слабымъ и идеалистамъ, къ гуманитарнымъ тенденціямъ. Онъ вѣрилъ только въ «силу дѣйствія и право сильныхъ». Обрисовывая такимъ образомъ Бисмарка, авторъ подтверждаетъ свою характеристику чертами интимной жизни Бисмарка, его корреспонденціей и его сношеніями съ людьми.

(Temps).

«The Confessions of a Carricaturist» by Harry Furniss. London (Fisher Unwin). (Исповѣдь каррикатуриста). Въ двухъ томахъ своей «исповѣди» авторъ разсказываетъ много интересныхъ исторій о разныхъ болѣе или менѣе знаменитыхъ людяхъ и общественныхъ и политическихъ дѣятелятъ, съ которыми ему приходилось имѣть столкновеніе по поводу своихъ каррикатуръ или по другимъ причинамъ. Въ его «Исповѣди» заключается также и исторія происхожденія многихъ его каррикатуръ.

(Daily News).

«Die Praxis des Journalisten». Ein Lehr und Handbuch für Journalisten, Redacteure und Schriftsteller. Von Johannes Frisenschaf. Leipzig (Walter Frdler). Практика журналистовъ). Книга эта преслѣдуетъ двойную цѣль: авторъ ея стремится лучше познакомить большую публику съ однимъ изъ важныхъ отдѣловъ общественной жизни, т.-е. съ журналистикой и затѣмъ онъ желаетъ облегчитъ, своимъ болѣе юнымъ коллегамъ первые шаги на трудномъ журнальномъ поприщѣ. Что касается первой задачи, то авторъ хорошо справился съ нею и читатель можетъ получить весьма полное представленіе о журнальномъ дѣлѣ, прочитавъ эту книгу. Что же касается второй цѣли книги—служить руководствомъ для вступающихъ на журнальное поприще, то хотя въ книгѣ и заключается много полезныхъ совѣтовъ и указаній, но врядъ ли они представляютъ нѣчто новое и неизвѣстное уже раньше тѣмъ, кто выбираетъ карьеру журналиста.

(Berliner Tageblatt).

«The Criminal Mind» by D-r Maurice de Fleury. London 3 c. 6 d. (Downey and C°). (Преступная душа). Авторъ предпослалъ своему крайне интересному и въ высшей степени цѣнному психологическому изслѣдованію очеркъ анатоміи и физіологіи мозга. Онъ указываетъ на громадное значеніе новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій для криминалогіи и на настоятельную необходимость профилактическихъ методовъ и леченія. Хотя авторъ и отвергаетъ преувеличенные взгляды крайней итальянской школы, но въ то же время онъ соглашается съ тѣмъ, что преступленіе въ большинствѣ случаевъ должно быть разсматриваемо, какъ міровая болѣзнь и надѣется, что въ будущемъ, когда общее воспитаніе достигнетъ извѣстнаго прогресса, явится возможность относиться къ преступленію, какъ къ патологическому явленію и примѣнять къ нему соотвѣтствующіе методы лѣченія. Авторъ горячо вѣритъ въ значеніе воспитанія и среды и говоритъ, что дурная наслѣдственность, которая обыкновенно замѣчается у преступниковъ, въ свою очередь является продуктомъ дурного воспитанія и среды. Онъ настаиваетъ на важности борьбы со всякаго рода болѣзнями, указывая на тѣсную связь между болѣзнью и преступленіемъ. Но въ особенности важное значеніе авторъ придаетъ воспитанію, не только оказывающему морализующее вліяніе но пріучающему также мозгъ противодѣйствовать дурнымъ импульсамъ. Авторъ предлагаетъ различныя мѣры борьбы съ преступностью и обращаетъ главное вниманіе на лѣченіе въ дѣтствѣ эпилептиковъ, неврастеническихъ и истерическихъ субъектовъ, а также дѣтей съ отсталымъ умственнымъ развитіемъ и дурными наклонностями. Его книга представляетъ поэтому огромный интересъ нетолько для кримонологовъ, но и для всѣхъ тѣхъ, кто интересуется реформами воспитанія.

(Daily News).

«Le charme de L'histoire». Etudes diverses,—par Eugène Marbeau. (A. Picard). (Привлекательность исторіи). Въ книгѣ собраны различныя статьи и лекціи, прочитанныя авторомъ въ обществѣ историческихъ изслѣдованій на различныя историческія темы. Авторъ рисуетъ картину нравовъ, совершенно отличающихся отъ нашихъ современныхъ нравовъ но при этомъ изображаетъ аналогичныя положенія тѣмъ, которыя мы переживаемъ и сравнивая ихъ, старается показать намъ какимъ образомъ наши предки перенесли свои испытанія и какія качества и усилія помогли имъ снова подняться. «Изучая прошлое, говоритъ онъ, мы можемъ найти утѣшеніе въ тѣхъ испытаніяхъ, которыя выпадаютъ на нашу долю въ настоящемъ».

(Journal des Débats).

«Justice et Liberté» par E. Goblet, professeur à la Faculté des Lettres de l'Université de Caen (Felix Alcan). (Справедливость и свобода). Въ этой превосходной маленькой книгѣ авторъ анализируетъ идею долга, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ сознаніи каждой человѣческой личности, имѣя при этомъ въ виду впрочемъ, только современнаго представи-

теля бѣлой расы, цивилизованнаго человѣка.

(Journal des Débats).

«The Romance of Religion» by Olive Vivian and Herbert Vivian with thirty two illustrations. London (Arthur Pearson). 6 s. (Романическая сторона религіи). Очень интересная книга, описывающая религіозные обычаи и церемоніи, являющіеся пережиткомъ болѣе раннихъ и болѣе вѣрующихъ эпохъ. Авторъ сообщаетъ чрезвычайно любопытныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ религіозныхъ ассоціаціяхъ и ихъ обрядахъ.

(Daily News).

«Live of the Hunted» by Ernest Seton Thompson. London (David Nett). (Жизнь тѣхъ, за которыми охотятся). Авторъ этой книги любитъ природу и животныхъ, и эта любовь говоритъ въ каждой строкѣ его произведенія. Онъ хорошо изучилъ жизнь животныхъ и описываетъ ее съ большою художественностью и юморомъ, являясь горячимъ противникомъ безжалостнаго истребленія дикихъ животныхъ и часто безцѣльной и жестокой охоты за ними. Его описанія жизни этихъ животныхъ и различныхъ охотничьихъ приключеній представляютъ очень занимательное чтеніе, могущее заинтересовать каждаго, кто любитъ природу и всѣ ея творенія.

(Daily News).

«Quand les peuples se relèvent...» par Henri Mazel (Perrin et C°) 3 fr. 50 (Когда народы поднимаются...) Авторъ «Synergie sociale» разбираетъ въ этомъ новомъ своемъ произведеніи недостатки, пробѣлы и противорѣчія современнаго общества. Его книга написана въ формѣ діалоговъ и не лишена юмора. Выводы, къ которымъ онъ приходитъ въ общемъ,—весьма благопріятны для французскаго народа.

(Journal des Débats).

«Kulturgeschichte der Neuzeit» von Kurt Breysig. Alterthum und Mittelalter als Vorstufen der Neuzeit. Entstehung des Christenthums. — Jugend der Germanen. Berlin (Georg Bondi). (Исторія культуры новаго времени). Вышелъ третій томъ этого широко задуманнаго труда, авторъ котораго поставилъ себѣ задачей изобразить сравнительную исторію развитія руководящихъ народовъ Европы. Въ этомъ томѣ авторъ даетъ прекрасную картину возникновенія и развитія христіанства и значенія этой новой религіи для человѣческой личности и исторіи.

(Berliner Tageblatt).

«Le Socialisme et la question sociale» par Octave Noel, professeur d'économie politique à l'Ecole des Hautes Etudes commerciales (Pedone) 1902 (Соціализмъ и соціальный вопросъ). Авторъ задался цѣлью изслѣдовать соціализмъ въ его различныхъ формахъ и проявленіяхъ и представить возраженія противъ нѣкоторыхъ сторонъ этого ученія и методовъ проповѣдуемыхъ нѣкоторыми соціалистскими сектами. Онъ старается угадать, какое дѣйствіе долженъ былъ бы оказать соціализмъ на главныя экономическія и соціальныя явленія, на организацію собственности, капитала, труда, на религіозный и семейный вопросы, на народное образованіе, армію, магистратуру, финансы. Во второй части своей книги авторъ говоритъ о средствахъ и разрѣшеніяхъ соціальнаго вопроса, защищая принципъ экономической свободы, авторъ высказывается впрочемъ въ пользу болѣе альтруистическихъ взглядовъ и говоритъ о необходимости проведенія ихъ въ экономическія отношенія.

(Journal des Débats).

«Les Temps héroiques» Etude préhistorique d'aprés les origines indo-européennes par A. de Paniagua, avec préface de Louis Rousselet. (E. Leroux, 1902 (Героическія времена). Въ этомъ значительномъ трудѣ, авторъ собирается передѣлать исторію первобытныхъ цивилизацій на совершенно новыхъ основаніяхъ. Пораженный, какъ и многіе другіе преподаватели, совпаденіемъ внѣшнихъ формъ первобытныхъ миѳовъ, авторъ принялся розыскивать ихъ общій источникъ происхожденія и, послѣ долгихъ и терпѣливыхъ изслѣдованій, пришелъ къ заключенію, что колыбелью всей человѣческой миѳологіи была Индія. Онъ старается доказать, что первая цивилизація явилась отъ Индіи и охватила въ теченіе перваго періода Западъ и что мало-по-малу въ понтійской области выросла новая цивилизація и послѣ многочисленной борьбы, измѣнившей условія власти, сыны эта цивилизаціи, арійцы, распространили ее на Западѣ и на Востокѣ. Авторъ высказываетъ въ своей книгѣ много смѣлыхъ и новыхъ взглядовъ, но всегда старается обосновать ихъ и опирается на чрезвычайно тщательныя изслѣдованія и историческіе документы.

(Journal der Débats).

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

попадались роскошныя и особенно характерныя для глубоководной фауны морскія лиліи. Послѣднія, надо сказать, извѣстны на глубинахъ въ количествѣ 7 родовъ, которые отчасти близки къ вымершимъ уже формамъ. Наша экспедиція добыла, какъ мнѣ сообщаетъ проф. Дёдерлейнъ, 5 родовъ, представленныхъ 8 видами. Представителей новыхъ родовъ не было получено, но зато оказалось, что, за исключеніемъ одного единственнаго вида (*Rhizocrinus Rawsoni*), описаннаго ранѣе, всѣ остальные новы. Изъ отсутствующихъ въ нашихъ сборахъ двухъ родовъ одинъ представленъ въ Вестъ-Индіи, другой—въ Тихоокеанскихъ водахъ.

Еще при описаніи самаго глубокаго изъ произведенныхъ нами уловъ въ антарктической области, вблизи земли Эндерби, мы указывали на то, что нами было получено два вида родовъ *Hyocrinus* и *Bathycrinus*; особенно богатой морскими лиліями оказалась, однако, впадина Ментавей, гдѣ мы нашли не менѣе 4 новыхъ видовъ. Изъ нихъ три оливково-зеленые вида принадлежатъ къ роду *Pentacrinus*, добытому у острова Сиберутъ, и три желтоватыхъ относятся къ роду *Metacrinus* (рис. 78), добыты въ Южно-Ніасскомъ проливѣ и представляютъ изъ себя едва ли не красивѣйшіе экземпляры нашей коллекціи. Всѣ эти виды не имѣютъ особаго зоогеографическаго интереса, такъ какъ найдены недалеко отъ извѣстныхъ уже ранѣе областей распространенія но зато очень существенно расширяетъ наши познанія о распространеніи новый видъ *Rhizocrinus*, добытый у Сомалійскаго берега на глубинѣ 1.644 и 1.668 метровъ. Это очень нѣжныя морскія лиліи, и, къ сожалѣнію, онѣ были нами добыты почти сплошь съ обломанными руками—онѣ стоятъ близко къ *Rhizocrinus Lofotensis*, открытому Михаиломъ Сарсомъ у Лофотскихъ островов, но отличаются и величиной, и строеніемъ.

Изъ морскихъ лилій, не имѣющихъ стебелька во взросломъ состояніи, также было добыто довольно значительное количество видовъ на различныхъ глубинахъ. Арктическихъ *Antedon prolixa* и атлантическихъ *Antedon phalangium* мы вылавливали огромное количество во впадинѣ Фарерскихъ островов и на банкѣ Жозефины. Изъ рода *Eudiocrinus* мы нашли особенно красивые сѣрно-желтые виды у Сомалійскихъ береговъ на глубинѣ 1.289 метровъ.

Что касается до морскихъ звѣздъ, которыя, какъ извѣстно, дѣлятся на *настоящихъ морскихъ звѣздъ* и *офіуръ*, то слѣдующія данныя говорятъ сами за себя объ удивительномъ разнообразіи и богатствѣ формъ на глубинахъ. Изъ офіуръ экспедиція, по предварительному сообщенію Цурштрассена, добыла около 30 родовъ и 220 видовъ, между которыми многіе роды и виды новы. Изъ 115 уловов, произведенныхъ нами траломъ, не менѣе 84 заключали офіуръ.

Самая замѣчательная форма была добыта нами на Агуласской банкѣ съ глубины 400—500 метровъ въ пяти экземплярахъ. У этой офіуры (рис. 79) первые 7 члениковъ лучей настолько расширены, что сталкиваются между собою и образуютъ почти прямую линію, усаженную зубчиками. По угламъ такого пятиугольника выдаются еще короткіе членики лучей, которые почти у всѣхъ экземпляровъ обломаны. Несмотря на это отклоненіе въ строеніи лучей, данный видъ выдѣляется по примитивности строенія нѣкоторыхъ частей своего скелета изъ всей группы офіуръ.

Настоящія морскія звѣзды были и ранѣе подробно изслѣдованы цѣлымъ рядомъ ученыхъ, потому особенно интересно узнать, въ ка-

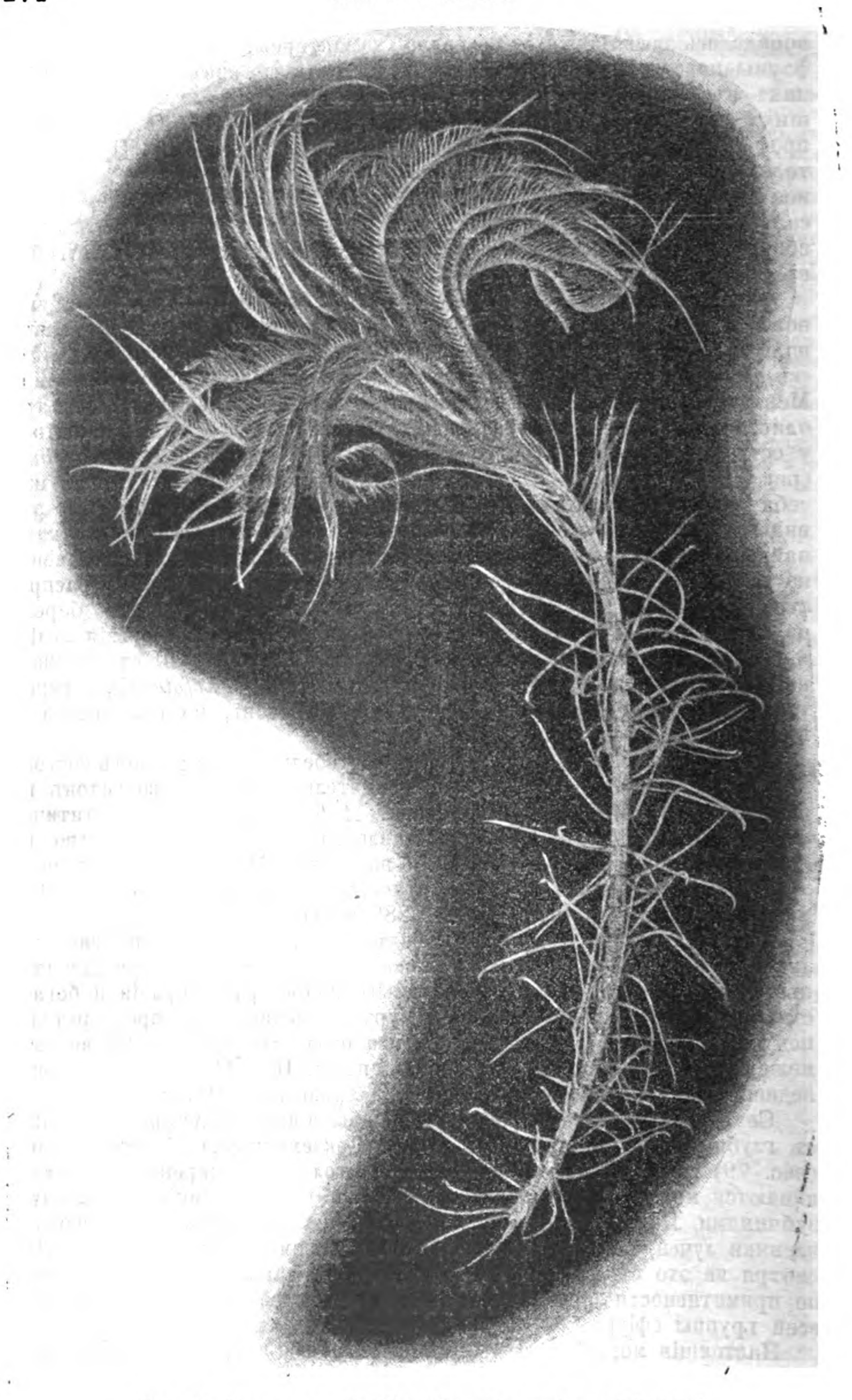


Рис. 78. Морская лилія *Metacrinus* (съ глубины 470 метр.).

кой мѣрѣ экспедиція «Вальдивіи» расширила существовавшія свѣдѣнія. Привожу данныя, сообщенныя проф. Лудвигомъ, извѣстнымъ знатокомъ иглокожихъ.

Звѣзды, добытыя въ Атлантическомъ океанѣ, представляютъ мало интереса, такъ какъ большею частью мы получили здѣсь лишь уже извѣстныя формы, иногда, впрочемъ, въ видѣ чрезвычайно красивыхъ экземпляровъ. Впрочемъ, все же и здѣсь нами были добыты новые виды, относящіеся къ семейству *Porcelanasteridae*, характерному для большихъ глубинъ. Въ Гвинейскомъ теченіи, на глубинѣ 4.990 метровъ, мы добыли видъ *Hyphalaster*, названный въ честь нашего судна *Hyphalaster Valdiviae*.

Особенно характерны глубоководные представители того же семейства съ шипами на спинной сторонѣ лучей. Такая звѣзда *Styracaster* (стр. 250) была добыта самымъ глубокимъ изъ нашихъ траловъ съ 5.248 метровъ и другой антлантическій видъ былъ полученъ съ 2.492 метровъ, послѣ того, какъ мы оставили Камерунъ.

Рис. 79. Глубоководная офіура съ расширенными лучами (съ глубины 500 метр.).

Сборы морскихъ звѣздъ становятся интереснѣе съ посѣщенія Агуласской банки, столь любопытной въ зоогеографическомъ отношеніи. Здѣсь появилась огромная звѣзда *Dipsacaster Sladeni*, добытая «Инвестигаторомъ» у Андаманскихъ островоъ на незначительной глубинѣ, здѣсь же была получена красивая звѣзда *Gnathaster*, отличающаяся похожимъ на соты узоромъ спинной стороны, образованнымъ бугорками.

Съ точки зрѣнія зоогеографическаго распространенія морскихъ звѣздъ, особый интересъ представляли наши сборы у острова Бувэ. Найденныя тамъ антарктическія формы относятся къ 7 родамъ, и связь найденныхъ видовъ съ тѣмъ, что было ранѣе извѣстно изъ морскихъ звѣздъ антарктической области, послѣ болѣе подробнаго изученія представитъ несомнѣнный интересъ.

Со вступленіемъ въ Индійскій океанъ, мы добыли цѣлый рядъ формъ, извѣстныхъ уже по изслѣдованіямъ «Инвестигатора». Въ западной части, до островов Хагосъ, и въ особенности во впадинѣ Ментавей, на ряду съ извѣстными видами, мы нашли значительное количество новыхъ формъ изъ семейства *Brisingidae*. Къ нимъ присоединялись виды изъ родовъ *Pararchaster*, *Pentaster* и др.

Въ западной части Индійскаго океана, вдоль восточно-африканскаго побережья, нами былъ добытъ особенно обильный матеріалъ по морскимъ звѣздамъ. Повидимому, исключительно этой области свойственъ очень выдающійся по своей внѣшности и интересный новый родъ и видъ *Pectinidiscus Annae*, который большинствомъ своихъ признаковъ примыкаетъ къ роду *Ctenodiscus*, встрѣчающемуся лишь въ арктическихъ и антарктическихъ водахъ, но отличается отъ него очень существенно тѣмъ, что краевыя пластинки въ углахъ между лучами начи-

наются съ непарной пластинки. Тамъ же были найдены нами многочисленные представители семействъ *Archasteridae* и *Astropectinidae*. Особенно интересенъ *Pentagonaster excellens* (рис. 81) съ Сомалійскаго берега тѣмъ, что на его брюшной сторонѣ паразитируетъ большое количество брюхоногихъ моллюсковъ.

Къ наиболѣе хорошо извѣстнымъ глубоководнымъ иглокожимъ относятся морскіе ежи, которымъ Агассицъ посвятилъ цѣлый рядъ цѣн-

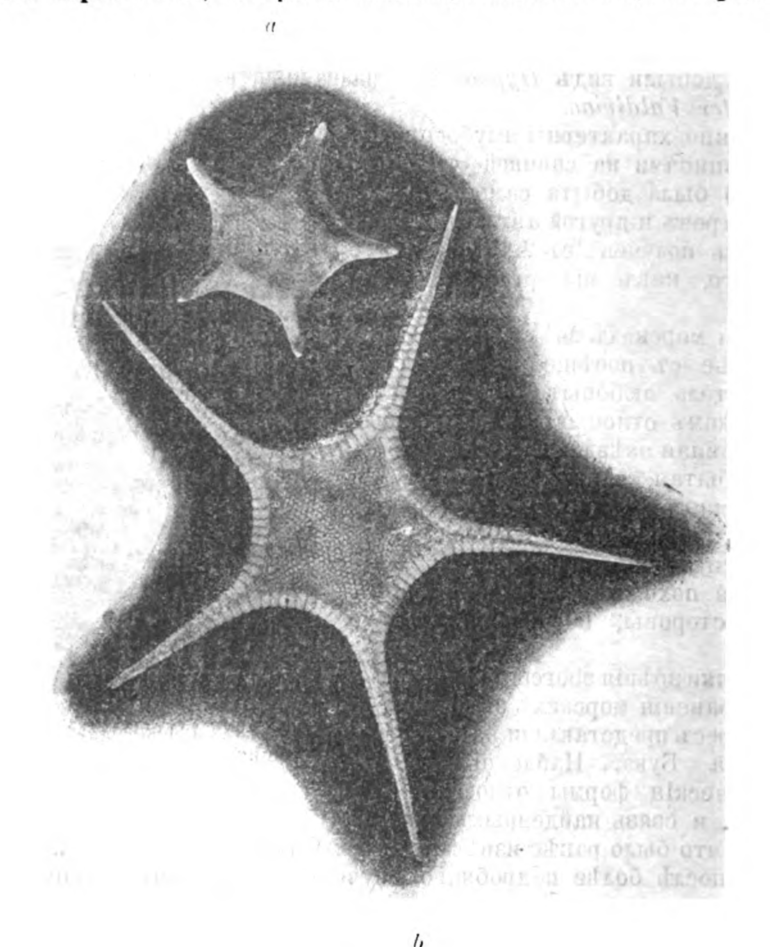


Рис. 80. Глубоководныя морскія звѣзды—*a*—*Pentagonaster abyssalis* (съ глубины 2255 метр.).—*b*—Nymphaster Alcocki (съ глубины 1469 метр.).

ныхъ монографій. Экспедиція добыла около 50 видовъ морскихъ ежей и между ними, по сообщенію проф. Дёдерлейна, около 12 новыхъ. Новые виды приходятся преимущественно на Индійскій океанъ; въ томъ числѣ находится одинъ новый родъ, который приближается къ роду *Eupatangus* и былъ названъ Дёдерлейномъ *Cymnopatangus*. Въ антарктической области былъ добытъ у острова Буве одинъ экземпляръ рода *Schizaster*.

Что касается до морскихъ ежей индійской области, то, какъ было замѣчено уже выше, они начинаются съ Агуласской банки, гдѣ встрѣчаются совмѣстно съ атлантическими и антарктическими видами. Лишь

немногія изъ найденныхъ нами были ранѣе извѣстны, большинство или новы, или представляютъ разновидности. Между замѣчательными представителями семейства *Echinoturidae* былъ найденъ родъ *Sphaerosoma*, открытый всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Атлантическомъ океанѣ, — нами онъ былъ найденъ у восточныхъ береговъ Африки; оттуда же происходитъ единственный добытый экземпляръ рода *Asthenosoma*, близкаго къ японскому виду *Asthenosoma longispinum*. Зато какъ во впадинѣ Ментавей, такъ и на восточно-африканскомъ берегу мы часто встрѣчали представителей рода *Phormosoma*, характернаго мягкою кожею, совершенно лишенною твердыхъ известковыхъ пластинокъ, и своими ядовитыми шипами. Особенно интересны многочисленные въ индійской области представители семейства цидаридъ. Бросается въ глаза признакъ, отличающій большинство относящихся сюда видовъ *Stereocidaris* и *Dorocidaris*, найденныхъ между Капландомъ и Суматрой, — именно присутствіе на шипахъ ихъ двухъ или трехъ продольныхъ реберъ, выдающихся листовидно, какъ это наблюдалось до сихъ поръ исключительно у *Dorocidaris Alcocki*.

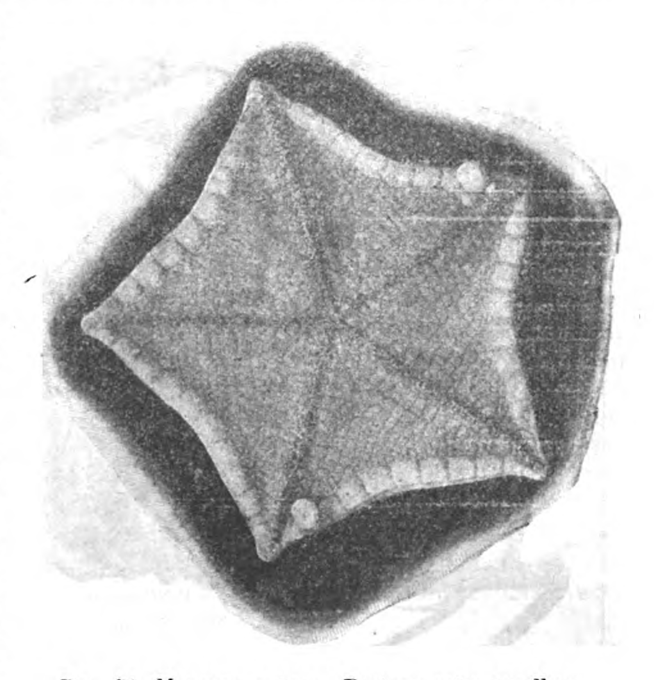


Рис. 81. Морская звѣзда *Pentagonaster excellens* (съ глубины 628 метр.).

Особенно заслуживаетъ вниманія нахожденіе въ индійской области двухъ родовъ діадемовыхъ морскихъ ежей *Aspidodiadema* и *Dermatodiadema*; первый родъ представленъ новымъ видомъ, который крупнѣе всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ, послѣдній—двумя новыми видами.

Къ наиболѣе интереснымъ формамъ Индійскаго океана относится новый видъ рода *Palaeopneustes*, — онъ былъ нами во множествѣ добытъ въ Южномъ Ніасскомъ проливѣ. Бросается въ глаза, что по всей индійской области не было найдено замѣчательнаго рода *Pourtalesia*, столь широко распространеннаго въ Атлантическомъ океанѣ.

Я не говорю здѣсь о голотуріяхъ, хотя онѣ и попадались намъ довольно часто вплоть до самыхъ большихъ глубинъ, имѣя въ виду, что наиболѣе интересный представитель этой группы будетъ нами разсмотрѣнъ ниже.

Ракообразныя типичны для глубинъ не менѣе, чѣмъ иглокожія.

Останавливаясь, прежде всего, на крабахъ, долженъ сказать, что мы добыли почти всѣ болѣе интересные роды, которые были получены предыдущими экспедиціями. Въ индійской области бросается въ глаза,

прежде всего, огромное количество треугольныхъ крабовъ (*Oxyrhyncha*). Мы уже упоминали выше объ интересныхъ представителяхъ родовъ *Cyrtomaja* и *Platymaja*.

Къ наиболѣе интереснымъ открытіямъ на восточно африканскомъ берегу относится новый представитель семейства гомолидъ (рис. 82), отличающійся тѣмъ, что самая задняя пара ногъ его снабжена клешнями. По всей вѣроятности, этотъ крабъ носитъ своими клешнями различные посторонніе, защищающіе его, предметы, подобно тому, какъ это дѣлаютъ родственныя формы, водящіяся въ мелководной области. Мы добыли много экземпляровъ этого удивительнаго краба, окрашен-

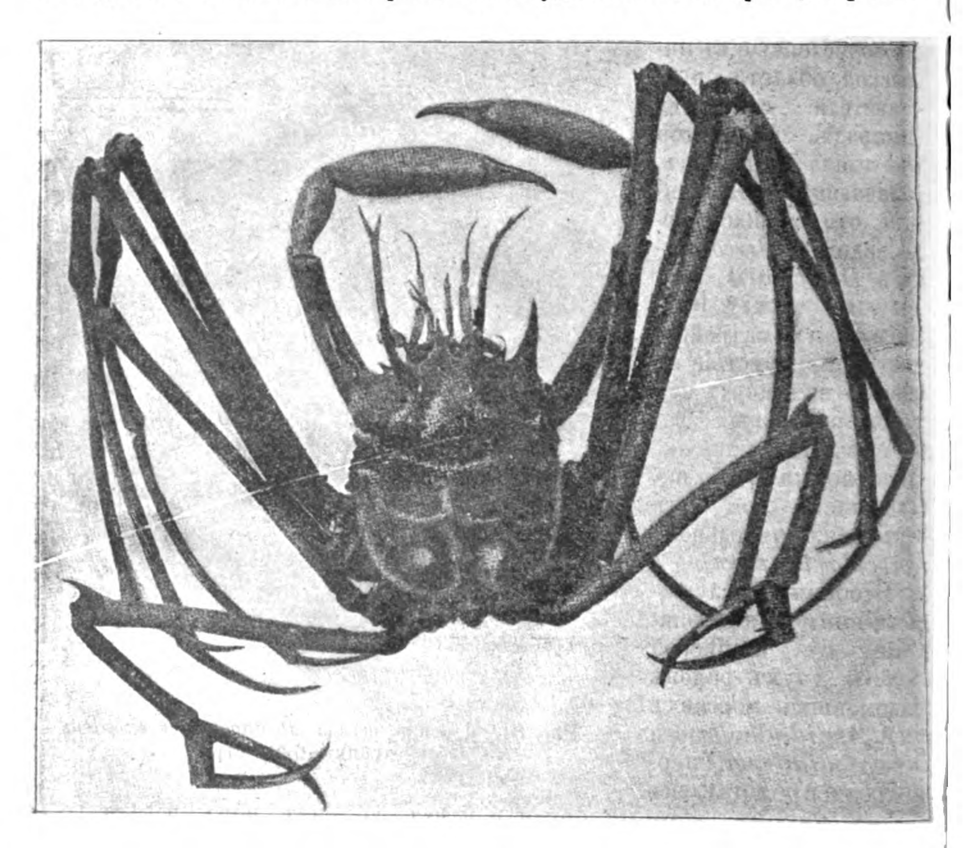


Рис. 82. Крабъ изъ семейства гомолидъ (съ глубины 977 метр.).

наго при жизни въ темно-розовый цвѣтъ, съ глубины въ 977 метровъ. Глубоководные крабы отличаются обыкновенно яркой окраской, преимущественно красныхъ тоновъ, въ рѣдкихъ случаяхъ они бѣловаты или желтоваты, примѣромъ чему можетъ служить гигантскій представитель рода *Geryon*, добытый на Сомалійскомъ берегу съ глубины 1.362 метровъ.

Бросается также въ глаза, какъ мнѣ сообщаетъ д-ръ Дофлейнъ, что у глубоководныхъ формъ икринки значительно крупнѣе, чѣмъ у мелководныхъ. По всей вѣроятности, личинки вылупляются на болѣе поздней стадіи развитія и не продѣлываютъ такого сложнаго превращенія, какъ у мелководныхъ.

Близко родственны къ крабамъ представители родовъ *Lithodes* и *Echinoplax*, характерные цѣлымъ лѣсомъ шиповъ на верхней сторонѣ тѣла. Во время отыскиванія въ тралѣ глубоководныхъ рыбъ нерѣдко приходилось сильно накалываться на ихъ шипы.

Въ особенномъ изобиліи были нами добыты во впадинѣ Ментавей и на Сомалійскомъ берегу раки-отшельники. Они, какъ извѣстно, имѣютъ обыкновеніе прятать свое мягкое, несимметрично изогнутое брюшко въ пустыя раковины моллюсковъ или полые куски дерева. Одинъ изъ такихъ видовъ отыскиваетъ себѣ крупныя раковины зубовика (*Dentalium*) и закрываетъ входъ сильно развитой клешней первой пары конечностей. Вмѣстѣ съ представителемъ другого рода *Xylopagurus*, этотъ отшельникъ обладаетъ не свернутымъ, а прямымъ брюшкомъ. *Xylopagurus* помѣщаетъ свое брюшко въ выдолбленные куски дерева и закрываетъ ихъ заднее отверстіе твердымъ и расширеннымъ въ видѣ крышки послѣднимъ членикомъ тѣла.

Подобно тому, какъ въ мелководной области, мы и на значительныхъ глубинахъ нерѣдко встрѣчаемъ отшельниковъ въ сожительствѣ съ актиніями изъ родовъ *Zoanthus* и *Adamsia*. Актиніи *Zoanthus* растворяютъ при этомъ известковую раковину, въ которой сидитъ ракъ, но зато защищаютъ послѣдняго тѣмъ, что пріобрѣтаютъ сами хрящеватую консистенцію и достигаютъ нерѣдко значительныхъ размѣровъ.

Близкія къ отшельникамъ галатеи представлены на глубинахъ родами *Munida* и *Munidopsis*, которые часто блещутъ необыкновенно яркими красками красныхъ тоновъ. На болѣе значительной глубинѣ интенсивный красный цвѣтъ переходитъ въ нѣжный мясо-красный и и при этомъ утрачивается пигментъ въ глазахъ.

Между длиннохвостыми раками должно упомянуть, прежде всего, попадавшихся всѣмъ глубоководнымъ экспедиціямъ представителей рода *Glyphocrangon*, являющихся, вѣроятно, чрезвычайно хорошо защищенными раками. Они снабжены чудовищно большими глазами, и панцырь ихъ усаженъ огромными шипами, притомъ задніе сегменты брюшка обладаютъ такимъ замыкающимся аппаратомъ, что могутъ дѣлаться несгибающимися и своими торчащими во всѣ стороны остріями великолѣпно защищаютъ рака отъ его враговъ.

Семейство астацидъ, къ которому относится и нашъ рѣчной ракъ, представлено на глубинахъ родомъ *Nephrops*, одинъ изъ видовъ котораго, именно *Nephrops andamanicus*, добытый «Инвестигаторомъ», мы нашли во впадинѣ Ментавей. Тамъ же поразило насъ появленіе другого вида, близкаго къ описанному Агассицемъ съ тихоокеанскаго побережья Америки *Nephropsis occidentalis*, который по внѣшности близко походитъ на рѣчного рака, обладаетъ коричневымъ тѣломъ, нѣжно-красновато окрашенными ногами и покрытъ густыми тонкими волосками (рис. 83). Въ качествѣ приспособленія къ жизни на глубинахъ, глаза его превратились въ маленькіе, лишенные пигмента, зачаточные органы.

Одной изъ знаменитѣйшихъ находокъ экспедиціи «Чэлленжера» можетъ считаться открытіе тѣхъ глубоководныхъ раковъ, которые до того были извѣстны намъ лишь въ видѣ прекрасно сохранившихся отпечатковъ въ литографскомъ сланцѣ Золенгофена. Эти ракообразныя, получившія названіе эріонидъ (*Eryonidae*), обитали, повидимому, въ юрскомъ періодѣ въ поверхностныхъ слояхъ моря, какъ это ясно изъ общаго характера золенгофенской фауны. Позднѣе они переселились на морскія глубины и при этомъ утратили совершенно свои глаза, такъ

что у нѣкоторыхъ видовъ даже не замѣтно глазныхъ полостей на панцырѣ. Относящіеся къ эріонидамъ роды *Pentacheles, Willemoesia* и *Polycheles* характерны для всевозможныхъ глубинъ,—намъ удалось достать у восточно-африканскаго побережья одного изъ представителей ихъ, покрытаго цѣлымъ лѣсомъ осязательныхъ щетинокъ и характернаго своей розовато-мѣловой окраской.

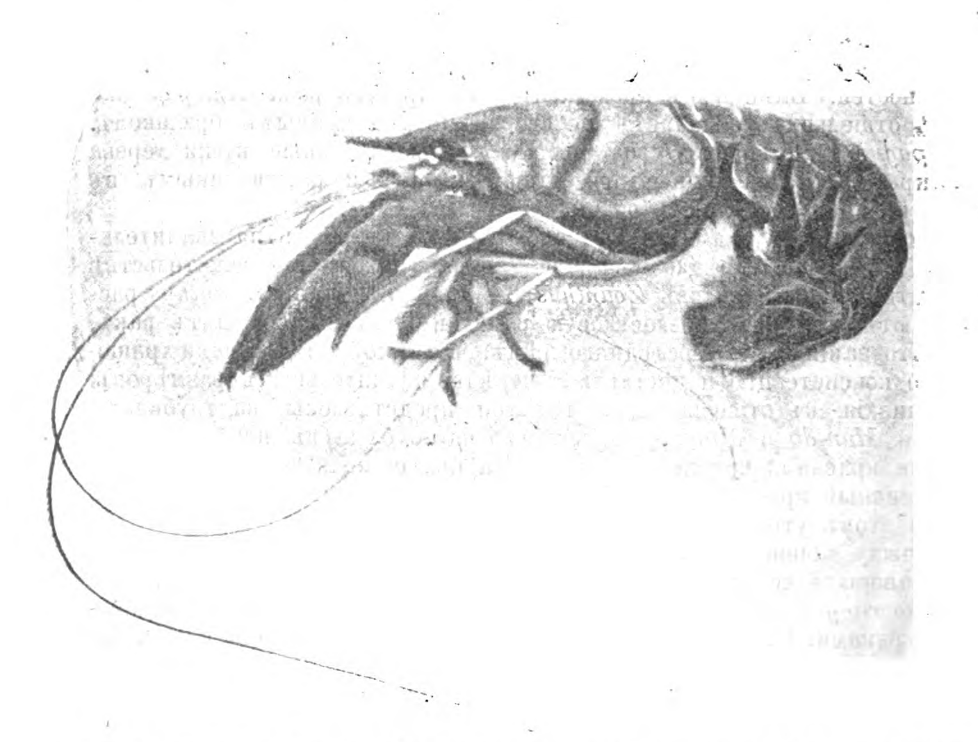


Рис. 83. Десятиногій ракъ *Nephropsis* съ зачаточными глазами (Ніасскій проливъ 614 метр.).

Нами было добыто также значительное количество креветокъ, обращающихъ на себя вниманіе своей ярко-красной окраской. Несмотря на то, что всѣ онѣ превосходные пловцы, все же нѣкоторое количество видовъ креветокъ держится, повидимому, у самаго дна. Всѣ они снабжены хорошо развитыми глазами и обращаютъ на себя вниманіе чудовищнымъ развитіемъ своихъ усиковъ. На Сомалійскомъ берегу мы нашли на глубинѣ 977 метровъ представителей рода *Aristaeopsis*, которые при длинѣ тѣла въ 28 сант. имѣли усики длиною почти въ полтора метра! Особенно своеобразное приспособленіе къ плаванію въ водныхъ слояхъ выказываютъ представители рода *Nematocarcinus*, у которыхъ всѣ 10 ногъ головогруди чудовищно вытянуты въ длину, какъ ноги паука, и оканчиваются пучками осязательныхъ щетинокъ. Притомъ у нихъ замѣчаются превосходные тона окраски и у одного изъ представителей, пойманнаго во впадинѣ Ментавей, красныя и бѣлыя полосы.

Глубоководныя креветки нерѣдко попадали въ такомъ количествѣ

въ наши тралы, что мы прямо не знали, откуда найти посуду, чтобы ихъ законсервировать. Въ двухъ уловахъ 25-го марта у Сомалійскаго берега, на глубинѣ 638 и 977 метрахъ, мы выловили тысячи экземпляровъ изъ родовъ *Heterocarpus* и *Plesionika*. Мы совершенно не могли одолѣть всей этой благодати, и потому часть была сварена и подана къ завтраку. Если подумать, во что обошелся Германіи этотъ нашъ вкусный завтракъ, то, пожалуй, и Лукуллъ бы покачалъ головою!

Изъ другихъ поселяющихся на глубинахъ раковъ мы остановимся лишь на усоногихъ. Они прикрѣпляются ко всему, что только можетъ дать имъ твердую опору, и потому ихъ приходится ловить не только на камняхъ и пустыхъ раковинахъ моллюсковъ, но и на шипахъ морскихъ ежей и на панцыряхъ крабовъ. Въ Южномъ Ніасскомъ проливѣ мы добыли съ глубины 470 метровъ изображенный здѣсь превосходный экземпляръ усоногаго, который является въ настоящее время наиболѣе крупнымъ представителемъ всей группы.

Наконецъ, должно упомянуть и о курьезныхъ морскихъ паукахъ или *пикногонахъ*,—животныхъ съ тѣломъ очень небольшимъ по сравненію съ чудовищно развитыми четырьмя парами ногъ, внутри которыхъ находятся отростки кишечника. У Кэргуэльскихъ острововъ мы нашли уже на незначительной глубинѣ въ 80 метровъ гигантскихъ кроваво-красныхъ представителей изъ рода *Colossendeis*. Въ Индійскомъ океанѣ пикногоны также не отсутствовали на большихъ глубинахъ.

Если мы не останавливаемся здѣсь подробнѣе на моллюскахъ глубоководной фауны, то это обусловливается, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что мы совершенно не были въ состояніи разобраться въ томъ огромномъ количествѣ брюхоногихъ моллюсковъ, пластинчатожаберныхъ и зубовиковъ, которыхъ приносили наши тралы. Можно лишь указать на то, что и нѣкоторыя изъ головоногихъ приспособились къ существованію на днѣ. На восточно-африканскомъ берегу мы добыли между 400 и 700 метровъ глубины необыкновенно крупные экземпляры рода *Rossia*, а также и рода *Cirrhoteuthis*, встрѣчающагося и во впадинѣ Ментавей; этотъ послѣдній родъ характеризуется округлымъ, плоскимъ, шеколадно-коричневымъ тѣломъ. Наиболѣе замѣчательной находкой было огромное свѣтло-фіолетовое головоногое съ 8-ю щупальцами, пойманное у Сомалійскаго берега на глубинѣ 749 метровъ. Отъ конца тѣла до края мантіи въ немъ 21 сант., и щупальца его снабжены лишь однимъ рядомъ присосокъ; самая длинная пара щупалецъ, спинная, въ сокращенномъ состояніи длиною въ 40 сант. Наиболѣе важный признакъ этого новаго рода—присутствіе широкой каймы въ видѣ плавательной перепонки на наружной поверхности щупалецъ. Послѣднія отгибаются обыкновенно на тѣло животнаго, такъ что головоногое прикрывается этими расширенными перепонками, какъ мантіей.

Что касается до придонныхъ рыбъ глубоководной области, то онѣ относятся, главнымъ образомъ, къ тѣмъ же семействамъ, которыя представлены и въ болѣе мелководной области. Мы добыли представителей большинства глубоководныхъ семействъ, но значительная часть ихъ уже извѣстна, и лишь нѣкоторое количество видовъ и родовъ новы. Рыбы вообще гораздо болѣе подвижны, чѣмъ другія глубоководныя формы, изъ которыхъ многія ведутъ сидячій образъ жизни, и этимъ объясняется, что мы въ еще неизслѣдованныхъ областяхъ Индійскаго океана нашли придонныхъ рыбъ, которыя до того были извѣстны либо

изъ Атлантическаго, либо изъ Тихаго океана. Лишь позднѣйшее болѣе внимательное изученіе нашихъ сборовъ покажетъ, свойственны ли дѣйствительно Индійскому океану извѣстные характерные для него одного типы или же нѣтъ. На первый взглядъ кажется, что свойственны.

Мы утомили бы читателя, если бы стали перечислять всѣ семейства рыбъ, водящихся на глубинахъ. Достаточно сказать, что тамъ представлены, помимо костистыхъ рыбъ, также круглоротыя (миноги) скаты, акулы и химеры. Въ особенности опять-таки восточно-африканское побережье дало намъ интересныя формы,—мы нашли тамъ, напримѣръ, небольшую новую глубоководную акулу чернаго цвѣта, съ расширенной головой и крупными зеленоватыми глазами, на глубинѣ 1.840 метровъ, тамъ же былъ добытъ съ 823 метровъ новый видъ чрезвычайно красиваго электрическаго ската (*Torpedo*). Между костистыми рыбами почти всегда присутствовали представители семейства макруридъ съ ихъ огромными головами и нерѣдко съ гигантскими глазами,—это наиболѣе обыкновенныя и встрѣчающіяся въ большомъ количествѣ видовъ глубоководныя рыбы. На ряду съ ними попадаются часто представители тресковыхъ, слизистыхъ (*Ophidiidae*), лапчатыхъ (*Pediculatae*), угревыхъ и, наконецъ, совершенно лишенныхъ чешуй алепоцефалидъ. Между ними иногда попадались гигантскія формы, являющіяся наиболѣе крупными въ данномъ семействѣ. Такъ, напримѣръ, во впадинѣ Ментавей мы добыли черную глубоководную рыбу, оказавшуюся наиболѣе крупной изъ алепоцефалидъ, и точно такъ же у Сомалійскаго берега была поймана на 1.289 метрахъ глубины черная рыба самой необычайной формы и 90 сант. въ длину, оказавшаяся новымъ родомъ изъ слизистыхъ (*Ophidiidae*). Этотъ огромный обитатель глубинъ близокъ къ индійскому роду (*Lamprogrammus*), но отличается отъ него отсутствіемъ боковой линіи. Настоящія глубоководныя рыбы характеризуются въ общемъ слабымъ развитіемъ брюшныхъ плавниковъ, длиннымъ заостреннымъ хвостомъ, ртомъ на брюшной сторонѣ, нерѣдко сплющеннымъ тѣломъ и плавниками, превращенными въ подпорки. Иногда къ этому присоединяется исчезновеніе глазъ и уменьшенія количества пигмента.

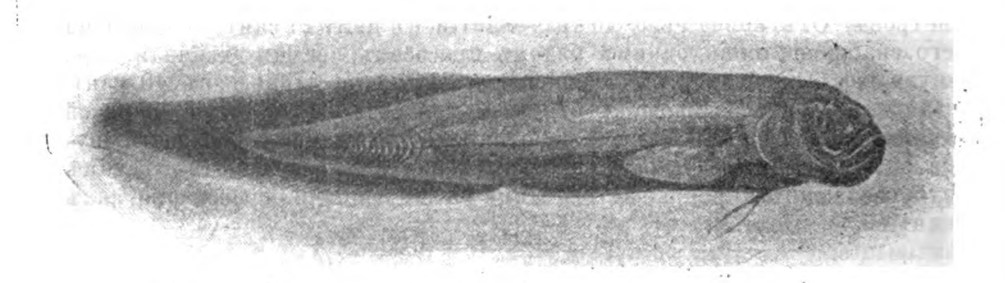


Рис. 84. Слѣпая рыба *Barathronus bicolor* съ глубины 1289 метровъ.

Такую слѣпую рыбу, извѣстную уже изъ Атлантическаго океана, гдѣ она была добыта судномъ «Блэкъ», мы изображаемъ здѣсь (рис. 84); она была поймана на 1.289 метрахъ глубины у Сомалійскаго берега. Скелетъ ея совершенно хрящеватый, кожа полупрозрачная, окрашенная въ нѣжно-розовый цвѣтъ, чрезъ нее просвѣчиваются крове-

носные сосуды и тончайшія развѣтвленія. Внутренности ея незамѣтны, такъ какъ полость тѣла выстлана темно-фіолетовымъ пигментомъ, благодаря чему ей и дали видовое названіе *Barathronus bicolor* (двуцвѣтный). Глаза ея совершенно недоразвиты и вмѣсто нихъ находятся параболическія вогнутыя зеркальныя поверхности, блестящія золотистымъ отблескомъ.

2. Пелагическая фауна глубинъ.

Мы указывали уже неоднократно на то, что мощные слои воды между поверхностью и дномъ не лишены жизни, а содержатъ обильную фауну организмовъ, изъ которыхъ одни соотвѣтствуютъ живущимъ у поверхности, другіе же чрезвычайно своеобразны. Наши ловы замыкающимися сѣтями, которыхъ мы произвели болѣе сотни, столь сильно убѣждаютъ въ этомъ, что врядъ ли можетъ еще теперь кто-нибудь сомнѣваться въ существованіи пелагической глубоководной фауны. Мы самымъ добросовѣстнымъ образомъ старались устранить всѣ источники ошибокъ и можемъ все же съ увѣренностью сказать, что ни въ одномъ изъ полученныхъ нами улововъ замыкающимися сѣтями не отсутствовали вполнѣ живые организмы. Что касается до количества живой органической матеріи, то весь водяной столбъ моря можетъ быть раздѣленъ на три этажа. Самый верхній этажъ спускается до 80 метровъ и характеризуется тѣмъ, что въ слояхъ его низшіе растительные организмы роскошно развиваются подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта, который позволяетъ имъ усвоять (ассимилировать) неорганическія существа и расти за счетъ ассимилированныхъ веществъ. Второй этажъ простирается отъ 80 и приблизительно до 350 метровъ глубины. Онъ отличается тѣмъ, что тамъ находится относительно немного растительныхъ организмовъ, независимо отъ самыхъ различныхъ наблюдаемыхъ тамъ температуръ. Эта «тѣневая флора», какъ ее назвалъ профессоръ Шимперъ, составляется немногими родами діатомовыхъ и шарообразными водорослями рода *Halisphaera*. Ниже 350 метровъ и вплоть до дна простирается третій этажъ, гдѣ не могутъ уже существовать растительные организмы. Добытые оттуда организмы носятъ постоянно явственные слѣды разложенія, сказывающагося, прежде всего, въ ненормальномъ скопленіи ихъ хроматофоръ и крахмальныхъ зеренъ. Какъ мы пытались уже выяснить выше, растительные остатки съ болѣе или менѣе разлагающимся содержимымъ скопляются массами и опускаются внизъ, чѣмъ и обусловливается нахожденіе въ лежащихъ ниже темныхъ областяхъ богатой фауны животныхъ организмовъ. Однако, наши ловы замыкающимися сѣтями указываютъ на то, что начиная съ 800 метровъ идетъ уменьшеніе количества животныхъ организмовъ, возрастающее пропорціонально съ глубиною.

Одиѣми изъ тѣхъ формъ, которыя не отсутствовали почти ни въ одномъ уловѣ замыкающими сѣтями, являются представители радіолярій изъ семействъ акантометридъ, фэодарій, чэлленжеридъ и тускароридъ, которыя по нашимъ изслѣдованіямъ являются типичными глубоководными формами. Точно также не отсутствовали вплоть до самыхъ значительныхъ глубинъ и ракообразныя изъ отрядовъ остракодъ и копеподъ. На среднихъ глубинахъ отъ 1.000 до 3.000 метровъ, къ нимъ присоединялись сагитты, личинки червей (*Pelagobia*) и кольчатые черви изъ семействъ *Tomopteridae* и *Typhloscolecidae*. Далѣе

почти постоянно находились живыя медузы, и именно трахомедузы, сифонофоры и изъ раковъ—представители амфиподъ и эвфаузій.

Нерѣдко мы наблюдали также моллюсковъ изъ класса крылоногихъ и маленькихъ, относящихся къ скопелидамъ рыбокъ (*Cyclothone*). Изо всѣхъ вышеназванныхъ отрядовъ мы находили одновременно и личинокъ, и насъ чрезвычайно поражало, что даже на самыхъ значительныхъ глубинахъ отъ 5.000 до 4.000 метровъ мы встрѣчали личинокъ рачковъ копеподъ, такъ называемыхъ науплiусовъ, которые, будучи подняты на поверхность, тѣмъ не менѣе двигались очень оживленно. Къ нимъ присоединялись личинки характерныхъ для болѣе значительныхъ глубинъ десятиногихъ раковъ изъ отряда сергестидъ. Упомянемъ при этомъ случаѣ, что въ послѣднемъ изъ нашихъ улововъ замыкающимися сѣтями, предпринятомъ у Расъ-Гафунъ между 5.000 и 4.000 метровъ былъ добытъ огромный кроваво-красный ракъ *Sergestes*, у котораго глаза оказались бѣловатыми, сильно уменьшенными и лишенными пигмента.

Мы всегда старались изслѣдовать содержимое уловов замыкающимися сѣтями сейчасъ же послѣ поднятія сѣти и немедленно отмѣчали тѣ формы, которыя были еще живыми или, по крайней мѣрѣ, съ хорошо сохранившимся тѣломъ и безъ признаковъ разложенія. Принимая во вниманіе, что въ этихъ изслѣдованіяхъ принимали участіе всѣ наши зоологи, вмѣстѣ съ ботаникомъ, и что результаты изслѣдованій въ виду высокаго біологическаго интереса тутъ же постоянно обсуждались, можно съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что нами прилагалась постоянно самая безпощадная критика къ добытому матеріалу и къ безупречности дѣйствія сѣтей.

Замыкающаяся сѣть, однако, какъ ясно уже изъ перечисленія вышеназванныхъ организмовъ, при своемъ короткомъ подъемѣ въ открытомъ состояніи (сѣти были устроены у насъ такъ, что по желанію могли проходить открытыми на разстояніи отъ 20 до 600 метровъ) и при своемъ маломъ діаметрѣ, добываетъ лишь болѣе мелкіе организмы.

Мы имѣли, однако, основаніе предполагать, что на большихъ глубинахъ водятся и крупныя формы, и это было доказано въ дѣйствительности при помощи лововъ нашими огромными вертикальными сѣтями. Широкое примѣненіе этихъ сѣтей составляетъ совершенно оригинальную сторону нашей экспедиціи и привело къ тому, что мы можемъ не только внести поправки къ прежнимъ представленіямъ относительно образа жизни глубоководныхъ организмовъ, но и открыли цѣлый рядъ новыхъ формъ, которыя возбудили особый интересъ среди зоологовъ.

Мы можемъ далѣе утверждать, основываясь на сотняхъ произведенныхъ нами лововъ вертикальными сѣтями на различныхъ глубинахъ, что наиболѣе интересные представители пелагической глубоководной фауны встрѣчаются лишь ниже 600—800 метровъ. Въ виду того, что вертикальная сѣть вылавливаетъ все водящееся какъ на глубинѣ, такъ и вблизи поверхности, мы предпринимали неоднократно на одномъ и томъ же мѣстѣ послѣдовательные ловы съ различныхъ глубинъ. При этомъ оказалось, что своеобразныя формы получаются лишь въ томъ случаѣ, когда сѣть опускается ниже 800 метровъ.

Прежде чѣмъ касаться біологическихъ особенностей нѣкоторыхъ изъ этихъ пелагическихъ глубоководныхъ формъ, мы познакомимъ читателя съ ними ближе.

Изъ низшихъ формъ, изъ простѣйшихъ, поражаетъ, прежде всего,

богатство радіоляріями. Геккель изобразилъ радіолярій экспедиціи «Чэлленжера» въ огромной монографіи, иллюстрированной 140 таблицами большого формата. Позволяю себѣ высказать увѣренность, что тому, кто будетъ обрабатывать добытыхъ нами радіолярій, придется написать не менѣе объемистый трудъ, если онъ задастся цѣлью охарактеризовать подробнѣе все то обиліе формъ, которое относится отчасти даже къ еще неизвѣстнымъ семействамъ. Мы пользовались для сохраненія мягкаго тѣла радіолярій новѣйшими методами консервированія и въ этомъ отношеніи обработка нашихъ сборовъ явится, по всей вѣроятности, желательнымъ дополненіемъ къ труду Геккеля.

Между медузами мы также натолкнулись на цѣлый рядъ формъ, которыя частью были добыты еще прежними экспедиціями, частью являются новыми. Д-ръ Фанъ Гоффенъ, занимавшійся во время пути спеціально медузами, сообщаетъ, что изъ крупныхъ сцифомедузъ добыто 14 родовъ, представленныхъ 21 видомъ, между ними три рода и 9 видовъ новы. Мы имѣемъ всѣ основанія, какъ предполагалъ уже Геккель, считать роды *Atolla* и *Periphylla*, характерные своей пурпуровой, фіолетовой или коричневатой окраской настоящими глубоководными медузами, тѣмъ болѣе, что мы добыли молодой экземпляръ *Periphylla regina* въ одномъ изъ уловов замыкающеюся сѣтью съ глубины 1.500—1.000 метровъ. Болѣе крупные старые экземпляры *Atolla* держатся, повидимому, ближе къ дну, такъ какъ иногда намъ приходилось ихъ добывать въ огромномъ количествѣ траломъ. Эти красивыя медузы настолько же приковывали наше вниманіе, какъ и прозрачные или же красные или темнофіолетовые представители гидромедузъ, попадавшіеся нерѣдко въ наши сѣти.

Какъ доказалъ еще Штудеръ во время экспедиціи «Газели», и нѣкоторые изъ сифонофоръ—этихъ замѣчательныхъ плавающихъ колоніальныхъ полиповъ—являются также настоящими пелагическими глубоководными животными. Въ особенности таковыми оказываются ризофизы, которыя нерѣдко какъ во время прежнихъ экспедицій, такъ и при нашей работѣ запутывались на лотлинѣ и тросѣ служившемъ для драгированія и приносились съ большихъ глубинъ на поверхность. Стволъ ихъ можетъ вытягиваться удивительно длиннымъ: однажды мы измѣрили ризофизу въ 4 метра длины. Интересныхъ представителей ауронектидъ, добытыхъ «Чэлленжеромъ», намъ поймать не удалось, но зато мы нерѣдко встрѣчали новыя формы физофоръ, отличавшіяся темно-фіолетовымъ цвѣтомъ.

Пріятнымъ сюрпризомъ для насъ было нахожденіе также и гребневиковъ (ктенофоръ), характерныхъ для глубоководной области. Они являются первыми, полученными съ большихъ глубинъ, ктенофорами, и потому мы скажемъ о нихъ нѣсколько словъ. Какъ въ Атлантическомъ, такъ и въ Индійскомъ океанѣ мы нашли по одной мертензіи, сплюснутое тѣло которой шириною въ 4—5 сант. и бросается въ глаза своимъ бѣлымъ молочнымъ цвѣтомъ и черно-фіолетовымъ желудкомъ. Желудокъ оканчивается широкимъ ротовымъ отверстіемъ, темныя края губъ котораго то прижимаются одинъ къ другому, то широко раскрываются. Мы пробовали держать этихъ ктенофоръ въ охлажденной водѣ, но онѣ приходили на поверхность обыкновенно въ полуживомъ состояніи; плавательныя пластинки ихъ еще двигались, но своихъ нитевидныхъ щупалецъ онѣ не разворачивали. Однажды мы добыли къ сожалѣнію сильно пострадавшій экземпляръ кроваво красной цидипидды цилиндрической формы, съ желудкомъ густого чернаго цвѣта. Любопытно, что

у этихъ рѣдкихъ ктенофоръ также проявляются тѣ фіолетовые и черноватые тона, которые свойственны и глубоководнымъ медузамъ и совершенно отсутствуютъ, по крайней мѣрѣ, изъ ктенофоръ у формъ, водящихся на поверхности.

Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ открытій находившейся подъ начальствомъ Агассица американской экспедиціи судна «Альбатросъ» было нахожденіе въ Тихомъ океанѣ у береговъ Америки свободно плавающаго иглокожаго изъ класса голотурій. Проф. Лудвигъ описалъ это животное на основаніи рисунковъ Агассица и очень несовершенно сохранившагося экземпляра подъ названіемъ *Pelagothuria*(рис. 85). Уже въ Атлан-

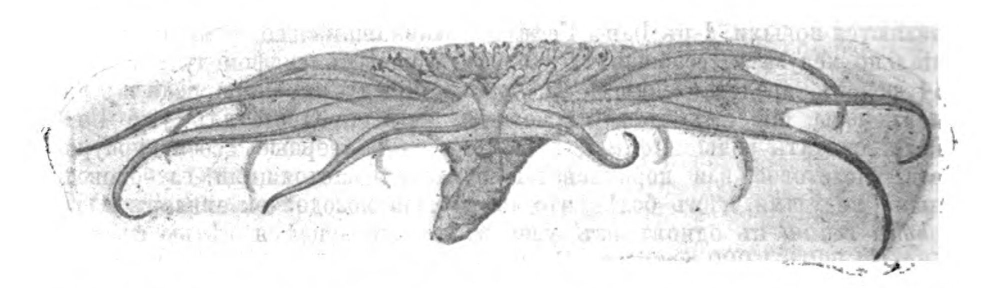


Рис. 85. Глубоководная пелагическая голотурія *Pelagothuria Ludwigi*. (Индійскій океанъ, 2000 метр.).

тическомъ океанѣ мы находили молодыя стадіи развитія этой голотуріи, а въ Индійскомъ океанѣ, именно во время поѣздки отъ Сейшелльскихъ острововъ къ восточно-африканскому берегу, намъ удалось получить и половозрѣлыхъ животныхъ. Врядъ ли имѣется между пелагическими глубоководными животными болѣе нѣжная и въ то же время болѣе нѣжная и въ то же время болѣе изящная форма, какъ это курьезное существо, напоминающее на первый взглядъ медузу или актинію. Студенистое тѣло, совершенно лишенное столь типичныхъ для иглокожихъ известковыхъ тѣлецъ, окрашено въ самый свѣтлый розовый цвѣтъ и лишь на заднемъ концѣ замѣчается болѣе темный фіолетовый оттѣнокъ. Что эта голотурія типичное глубоководное животное, которое можетъ, впрочемъ, приближаться и къ поверхности, показываетъ намъ нахожденіе ея въ уловѣ замыкающейся сѣтью между 1.000—800 метровъ. Въ виду того, что прежнія изображенія давали лишь очень несовершенное представленіе объ этомъ удивительномъ организмѣ, мы позволимъ себѣ воспроизвести здѣсь набросокъ, сдѣланный съ живого экземпляра, содержавшагося въ охлажденной водѣ. Въ поясненіе добавимъ, что наиболѣе замѣчательный признакъ этой голотуріи состоитъ въ превращеніи ея 12 щупалецъ, соединенныхъ между собою перепонкой въ огромную плавательную пластинку. Щупальца эти симметрично располагаются по отношенію къ срединной плоскости совпадающей съ вытянутымъ въ длину ротовымъ отверстіемъ. Боковыя щупальца нѣсколько длиннѣе остальныхъ и достигаютъ у наиболѣе крупныхъ экземпляровъ 8 сант. Внутри вѣнца щупалецъ, образующихъ плавательную пластинку, располагается второй вѣнецъ болѣе короткихъ и имѣющихъ на концѣ жаберныя вѣточки. Количество ихъ не соотвѣтствуетъ количеству большихъ, такъ какъ ихъ 14. Они также располагаются симметрично и соединены студенистой тканью съ ниж-

ними. Ротовой дискъ, окруженный этими двумя вѣнцами щупалецъ, несетъ кругловатое ротовое отверстіе, которое въ спокойномъ состояніи имѣетъ видъ щели. Передняя кишка переходитъ въ завернутую петлею среднюю кишку, за которой слѣдуетъ открывающаяся на заднемъ концѣ тѣла задняя кишка. Кишечникъ былъ постоянно наполненъ желтовато-коричневой массой, которая при микроскопическомъ изслѣдованіи оказалась скопленіемъ радіолярій, глобигеринъ и діатомовыхъ раковинокъ. На той сторонѣ тѣла, которую считаютъ обыкновенно спиною, просвѣчиваютъ двѣ половыя железы, открывающіяся, быть можетъ, вмѣстѣ каменистымъ каналомъ (отверстіемъ такъ называемой амбулакральной системы сосудовъ) на удлиненномъ сосочкѣ. У индійской формы вокругъ этого сосочка располагаются двѣ пары короткихъ щупалецъ, которыя напоминаютъ собою амбулакральныя ножки. Въ щупальцахъ замѣтны продольныя мышечныя волокна и нервы. Послѣдніе отходятъ отъ нервнаго кольца, окружающаго ротовой дискъ; нервы щупалецъ отходятъ симметрично отъ 4 радіальныхъ нервовъ задней головной области. При спокойномъ плаваніи ротъ направленъ обыкновенно вверхъ и плавательная пластинка, образованная 12 щупальцами и окаймляющей ихъ нѣжной студенистой перепонкой, развертывается то горизонтально, то отгибается внизъ и закрываетъ червеобразное тѣло. Движенія эти, впрочемъ, настолько медленны, что не вызываютъ, какъ у медузъ, перемѣщенія тѣла, что обусловливается также и нѣжностью мускулатуры.

Индійскій видъ представляетъ такія бросающіяся въ глаза отличія отъ тихоокеанскаго, что они не могутъ быть отнесены къ недостаточности наблюденій надъ послѣднимъ. Это, несомнѣнно, новый видъ, который я предлагаю назвать въ честь установившаго родъ *Pelagothuria Ludwigi*.

Изъ червей въ содержимомъ глубоководныхъ сѣтей никогда не было недостатка въ крупныхъ сагиттахъ съ желтоватымъ или красноватымъ кишечникомъ. Рѣже попадались красные и оранжевые *Typhloscolecidae*, въ антарктической же области почти въ каждомъ глубоководномъ уловѣ встрѣчались превосходные прозрачные *Tomopteridae*, почти въ палецъ длиною, съ розоватыми параподіями. Пріятнымъ сюрпризомъ для насъ было нахожденіе ведущей пелагическій образъ жизни немертины. Эта группа червей обитаетъ почти исключительно на морскомъ днѣ, но участникомъ экспедиціи «Чэлленжера» Мозели былъ описанъ по молодымъ экземплярамъ родъ *Pelagonemertes*, ведущій пелагическій образъ жизни. Намъ удалось добыть цѣлый рядъ хорошо сохранившихся экземпляровъ съ сильно развѣтвленнымъ краснымъ или оранжевымъ кишечникомъ и надо ожидать, что детальное изслѣдованіе ихъ дастъ много новыхъ интересныхъ выводовъ относительно этой своеобразной формы.

Цѣлыя полчища ракообразныхъ кишатъ въ глубокихъ слояхъ. Постоянно голодныя и съ жадностью набрасывающіяся на добычу, они стараются защититься отъ своихъ враговъ шипами и остріями различныхъ отростковъ, выискиваютъ добычу при помощи своихъ огромныхъ усиковъ и глазъ, иногда, впрочемъ, отсутствующихъ, привлекаютъ ее къ себѣ яркими фонарями и захватываютъ своими клешнями или ножками, превращенными нерѣдко въ настоящія копья.

Находятся ли между низшими ракообразными, главнымъ образомъ, копеподами, типичныя глубоководныя формы—это покажетъ болѣе подробное изслѣдованіе матеріала. Присутствіе и на самыхъ значительныхъ глубинахъ было доказано нашими замыкающимися сѣтями. Во

всякомъ случаѣ мы знаемъ, что между остракодами цѣлый отрядъ, именно *Halocypridae*, состоитъ изъ типичныхъ пелагическихъ обитателей глубинъ. Глаза у этихъ рачковъ атрофируются; при нормальныхъ условіяхъ они никогда не поднимаются на поверхность. Мы встрѣтили между ними настоящихъ гигантовъ, длиною болѣе одного сантиметра; прежде всего брасается въ глаза новый видъ съ шарообразной раковинкой, которая окрашена въ оранжевый цвѣтъ,—въ области головы на ней находятся блестящіе, какъ перламутръ, рефлекторы. Свѣченія этихъ оригинальныхъ образованій мы не замѣтили, и потому трудно сказать, какова ихъ роль въ дѣйствительности. Такіе рачки-великаны были найдены нами какъ въ Атлантическомъ, такъ и въ Индійскомъ океанѣ, вплоть до восточно-африканскаго берега.

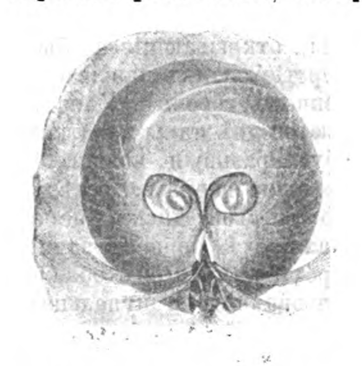


Рис. 86. Гигантскій глубоководный рачекъ изъ *Ostracoda* (Увел. 2 раза).

Должно упомянуть, что и цѣлый рядъ амфиподъ держится также на глубинахъ. Нерѣдко мы встрѣчали ярко-красныя или темно-коричневыя формы съ выродившимися глазами или же совсѣмъ безъ глазъ, и постоянно обращалъ на себя особое вниманіе удивительный прозрачный рачокъ изъ амфиподъ, открытый еще экспедиціей «Чэлленжера» и описанный подъ названіемъ *Thaumatops*. Иногда онъ попадался въ видѣ гигантскихъ экземпляровъ, фасеточные глаза которыхъ сходились на лбу и являлись положительно самыми крупными по своимъ размѣрамъ глазами членистоногихъ.

Наиболѣе типичнымъ отрядомъ глубоководныхъ ракообразныхъ являются расщепленогія (*Schizopoda*), между ними особенно замѣчательны представители родовъ *Nematoscelis* и *Stylocheiron*, встрѣчающіеся начиная съ 500 метровъ глубины въ огромныхъ количествахъ. Присутствіе ихъ между 1.000 и 2.000 метровъ было доказано неоднократно нашими замыкающимися сѣтями, и дѣйствительно эти хищники съ огромными ногами, оканчивающимися клешнями или стилетами, съ чудовищно удлиненными усиками и превосходными, раздѣленными на двѣ части, глазами, наконецъ, со спеціально развитыми органами свѣченія, являются самыми характерными изъ глубоководныхъ формъ.

Интересной находкой экспедиціи «Чэлленжера» были гигантскія формы расщепленогихъ, названныя *Gnathophausia*. Это кроваво-красные раки, о которыхъ слѣдовало бы сказать еще при характеристикѣ придонной фауны глубинъ. Если мы упоминаемъ о нихъ здѣсь, то, главнымъ образомъ, въ виду того обстоятельства, что намъ неоднократно приходилось ловить ихъ вертикальною сѣтью на 1.000 или 2.000 метровъ надъ морскимъ дномъ.

Очень характерными представителями пелагической глубоководной фауны являются десятиногіе раки изъ семейства сергестидъ. Они постоянно попадались въ вертикальныхъ сѣтяхъ при опусканіи послѣднихъ на значительныя глубины. Мы уже упоминали выше, что одинъ изъ представителей ихъ былъ найденъ въ уловѣ замыкающейся сѣти съ 5.000—4.000 метровъ. Глаза ихъ рѣдко недоразвиты, но при томъ сергестиды поражаютъ чудовищно-длинными усиками, которые

въ десять-двадцать разъ длиннѣе ихъ тѣла. Точно также должно причислить къ пелагической глубоководной фаунѣ нѣкоторыхъ изъ крупныхъ десятиногихъ раковъ, относящихся къ родамъ *Acanthephyra* и *Notostomus*. Цѣлый рядъ новыхъ видовъ этихъ красивѣйшихъ раковъ былъ выловленъ нашими сѣтями. Родъ *Notostomus* былъ открытъ первоначально экспедиціей «Альбатроса» и считался до сихъ поръ принадлежащимъ къ придонной фаунѣ. То же самое можно сказать и о нѣкоторыхъ представителяхъ эріонидъ: они относятся къ роду *Eryonicus* и отличаются отъ живущихъ на днѣ родственныхъ видовъ *Pentacheles* и *Willemoesia* тѣмъ, что тѣло ихъ красной и молочно-бѣлой окраски, приспособляясь къ свободно плавающему образу жизни, раздуто въ видѣ шара.

Моллюски, плавающіе на большихъ глубинахъ, представлены, главнымъ образомъ, крылоногими, обращающими на себя вниманіе какъ своимъ строеніемъ, такъ и величиною. Между прозрачными киленогими моллюсками, также встрѣчавшимися намъ, отмѣтимъ здѣсь нахожденіе гигантской формы *Carinaria*, пойманной вертикальною сѣтью послѣ того, какъ мы вышли съ Цейлона. Моллюскъ этотъ достигаетъ 53 сант. и является наиболѣе крупнымъ изъ всѣхъ извѣстныхъ киленогихъ.

Особенно обильно представлены въ нашихъ уловахъ головоногія, ведущія пелагическій образъ жизни,—они постоянно встрѣчались въ большомъ количествѣ, какъ только сѣть опускалась ниже 1.000 метровъ. Нѣкоторыя изъ этихъ чрезвычайно прозрачныхъ и нѣжныхъ формъ являются новыми. Мы скажемъ о нихъ подробнѣе ниже.

Пелагически живущимъ головоногимъ должно считаться также и то существо, которое является одною изъ наиболѣе цѣнныхъ находокъ экспедиціи—именно пойманная нами живою въ Южномъ Ніасскомъ проливѣ *Spirula* (рис. 87). Она оказалась висящей въ сѣти нашего трала, опущеннаго на 594 метра, но тралъ этотъ не достигъ, повидимому, дна и содержалъ, кромѣ *Spirula*, лишь медузу *Atolla* и одну пелагически живущую глубоководную рыбу. На нашемъ экземплярѣ ясно видна на заднемъ концѣ тѣла часть раковины, завернутой, какъ почтовый рогъ, и замѣтенъ придатокъ, удивительно похожій на присоску. Превосходный старинный наблюдатель Румпіусъ описалъ въ 1705 году въ своемъ сочиненіи «Камера раритетовъ Амбоины» первый сильно разложившійся экземпляръ *Spirula* и высказалъ при этомъ предположеніе, что животное присасывается къ скаламъ. Позднѣйшіе наблюдатели также разсматриваютъ данное образованіе, какъ присоску. Строеніе его такъ мало, однако, напоминаетъ подобныя же образованія на щупальцахъ головоногихъ, что мнѣ кажется скорѣе можно считать придатокъ этотъ соотвѣтствующимъ тому, который извѣстенъ у ископаемыхъ головоногихъ подъ названіемъ «rostrum» и достигаетъ нерѣдко сильнаго развитія на ихъ раковинахъ.

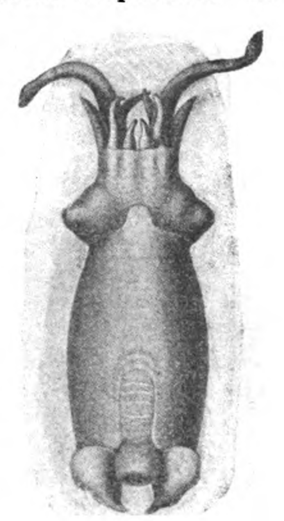


Рис. 87. Головоногій моллюскъ *Spirula*.

Изъ типа оболочниковъ мы находили иногда въ замыкающихся

сѣтяхъ сальпъ и представителей рода *Doliolum*, но всѣ они относятся къ видамъ уже извѣстнымъ изъ поверхностныхъ слоевъ. Сомнительнымъ является также, представляютъ ли нѣкоторые изъ видовъ пирозомъ, столь замѣчательныхъ своимъ великолѣпнымъ свѣченіемъ, также исключительно обитателей глубинъ. Можно, однако, предполагать, что это такъ,—тралъ въ Индійскомъ океанѣ приносилъ иногда на поверхность прямо кашицу изъ розоватыхъ пирозомъ.

По отношенію къ классу оболочниковъ, которые живутъ исключительно пелагически, именно къ классу аппендикулярій, можно съ увѣренностью сказать что были добыты представители никогда не наблюдавшіеся на поверхности. Если принять во вниманіе, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ обыкновенно передъ собою очень мелкіе организмы, для изученія которыхъ приходится употреблять сильныя увеличенія, то можно себѣ представить наше изумленіе когда мы добыли двѣ совершенно прозрачныя и безцвѣтныя гигантскія аппендикуляріи въ 8,5 сант. длины, наиболѣе крупной изъ извѣстныхъ до сихъ поръ аппендикулярій была *Megalocereus abyssorum*, которую я добылъ прежде на глубинахъ Средиземнаго моря, но она является прямо карликомъ по сравненію съ этими великолѣпными формами, найденными въ двухъ экземплярахъ при приближеніи нашемъ къ Капланду въ вертикальной сѣти, опущенной до 2.000 метровъ. Въ виду того, что открытіе этихъ гигантскихъ формъ возбудило особый интересъ среди зоологовъ, да будетъ мнѣ позволено коснуться ихъ строенія подробнѣе и привести изображеніе этого интереснаго животнаго.

Рис. 88. Аппендикулярія *Bathochordaeus Charon* (Южн. Атлант. океанъ, 2500 метр., натур. вел.).

Каждая аппендикулярія дѣлится на два отдѣла—туловище и хвостъ; у формъ, водящихся на поверхности, туловище достигаетъ величины булавочной головки, а у представителей рода *Fritillaria* такъ мало, что не можетъ быть разсмотрѣно невооруженнымъ глазомъ. У нашихъ гигантскихъ формъ туловище величиною съ орѣхъ, именно имѣетъ 25 мм. въ длину и 19 мм. въ ширину и сплюснуто. На брюшной сторонѣ начинается хвостъ длиною въ 7 сант. и со своими окаймляющими его плавниками шириною въ 3 сант.

Изъ внутреннихъ органовъ легко разсмотрѣть простымъ глазомъ кишечникъ на всемъ его протяженіи (р. 88). Онъ состоитъ у всѣхъ аппендикулярій изъ дыхательнаго жабернаго отдѣла и пищеварительнаго. У нашего вида дыхательный отдѣлъ проявляетъ въ томъ отношеніи уклоненіе, что жаберная часть кишечника, снабженная двумя жаберными щелями, очень мала, тогда какъ слѣдующая за ней глотка развита сильно. Задняя кишка дѣлаетъ сильный заворотъ по направленію къ серединѣ брюшной поверхности и открывается наружу у основанія хвоста. Пищеводъ ведетъ въ желудокъ съ сильно развитымъ печеночнымъ придаткомъ, открывающимся въ желудокъ на лѣвой сторонѣ. Расположенный на спинной сторонѣ ротъ чрезвычайно малъ по сравненію съ обоими жаберными щелями, лежащими на брюшной сторонѣ. Щели эти открываются въ широкіе мѣшки, сообщающіеся съ глоткой.

Кромѣ того на брюшной сторонѣ глотки лежитъ мѣшочекъ, заключающій свойственный всѣмъ оболочникамъ эндостиль, который является центромъ аппарата, предназначеннаго для привлеченія пищи потокомъ воды. Отъ него проходятъ три полосы покрытыя мерцательными рѣсничками къ пищеводу и двѣ полосы къ ротовому отверстію. Щелевидныя отверстія жабръ также окаймлены мерцающими полосками.

Изъ остальныхъ органовъ отмѣтимъ лишь смѣщенный къ правой сторонѣ нервный ганглій съ прилежащей къ нему обонятельной ямкой и расположенное на брюшной сторонѣ сердце, быстрыя сокращенія котораго замѣтны уже простымъ глазомъ. Сильно развитая лопастная половая железа занимаетъ боковыя стороны туловища.

Въ хвостѣ замѣчается прежде всего свойственная и низшимъ позвоночнымъ спинная струна (*chorda dorsalis*), которая у этой аппендикуляріи такой же толщины, какъ у миноги, и приводится въ движеніе двумя толстыми мышечными тяжами.

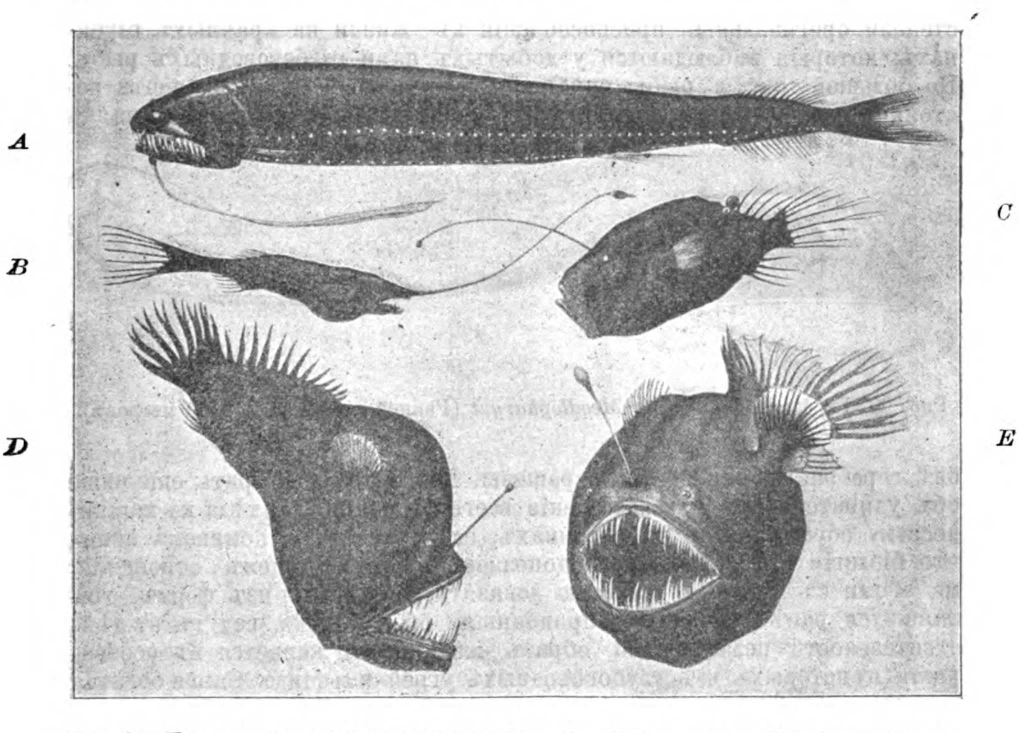


Рис. 89. Пелагическія глубоководныя рыбы.—*A*.—*Echiostoma sp.* (Индійскій океанъ, 1024 метр.).—*B*.—Рыба изъ семейства *Ceratiidae* (Индійскій океанъ, 1500 метр.).—*C*.—*Cryptopsaras sp.* (Аденскій заливъ, 1840 метр.).—*D* и *E*.—*Melanocoetus sp.* (Гвинейскій заливъ и Индійскій океанъ).

Аппендикуляріи выдѣляютъ студенистую оболочку, которую онѣ могутъ, однако, легко покидать. Разсмотрѣнная нами форма также обладаетъ, вѣроятно, такой оболочкою, такъ какъ передняя часть спинной поверхности тѣла обладаетъ железистой тканью, образующей около ротового отверстія 4 выступа похожихъ на усы. Студенистой оболочки мы не добыли, но, имѣя въ виду, что она обыкновенно значительно больше, по сравненію съ тѣломъ, надо думать, что въ данномъ случаѣ она не менѣе тыквы.

*

Если изображенная нами гигантская форма и представляетъ нѣкоторыя особенности, позволяющія отнести ее къ новому роду, то все же, съ другой стороны, ожиданіе наше, что она выяснитъ сколько нибудь ближе связь оболочниковъ съ позвоночными, не оправдалось. Она является во всѣхъ отношеніяхъ типичной аппендикуляріей и ни одинъ изъ органовъ ея не выходитъ изъ обычныхъ рамокъ.

Что касается до пелагически живущихъ рыбъ, то врядъ ли можно будетъ насъ обвинить въ преувеличеніи, если мы скажемъ, что примѣненіе вертикальныхъ сѣтей открыло передъ нами цѣлый міръ новыхъ формъ. Обрабатывающій рыбъ д-ръ Брауеръ сообщаетъ, что онѣ принадлежатъ не менѣе какъ къ 180 видамъ, между которыми огромное количество не можетъ быть отожествлено съ уже извѣстными. Большая часть рыбъ принадлежитъ къ семействамъ скопелидъ, стоміатидъ, лофіидъ и угрей. Не столько, однако, большое количество новыхъ видовъ, родовъ и даже семействъ поражаетъ насъ здѣсь, сколько тѣ удивительныя, чудовищныя формы и иногда въ высшей степени оригинальныя приспособленія къ жизни на мрачныхъ глубинахъ, которыя наблюдаются у добытыхъ нами глубоководныхъ рыбъ. По большей части рыбы окрашены въ черный цвѣтъ и почти постоянно онѣ снабжены органами свѣченія; въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ

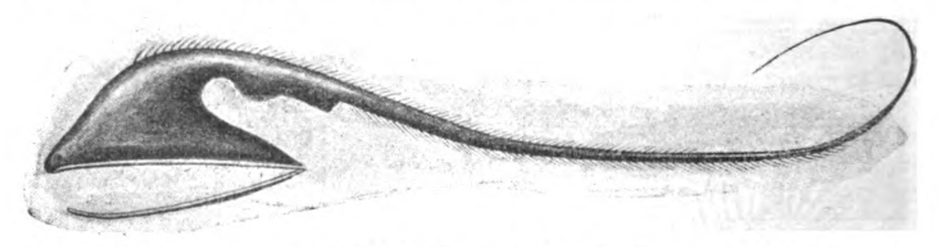
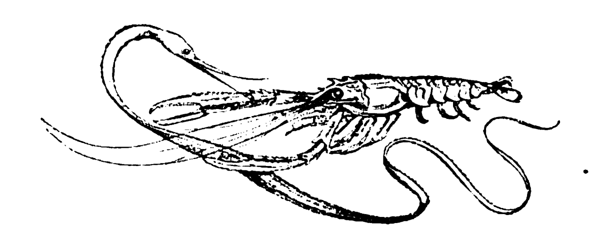
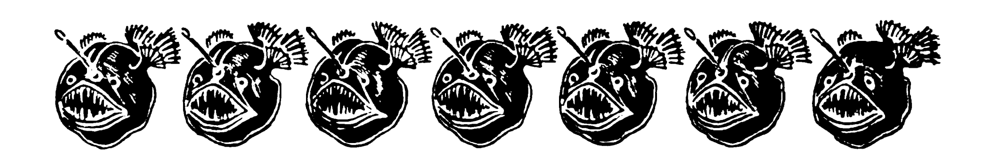


Рис. 90. Глубоководная рыба *Megdlopharynt* (Гвинейскій заливъ, 3500 метровъ).

онѣ серебристы или пестро окрашены. Мы будемъ говорить еще ниже объ удивительномъ приспособленіи всего строенія ихъ тѣла къ хищническому образу жизни на глубинахъ, здѣсь же мы упомянемъ лишь, что біологія ихъ была нами дополнена въ слѣдующемъ отношеніи: мы могли съ большою ясностью доказать, что многія изъ формъ, считавшихся ранѣе типичными придонными обитателями, ведутъ въ дѣйствительности пелагическій образъ жизни. Это касается въ особенности нѣкоторыхъ изъ глубоководныхъ угрей и лофіидъ. Самая богатая фантазія какого-нибудь геніальнаго художника не могла бы воспроизвести на полотнѣ столь чудовищныя формы, какъ тѣ, которыя были нами добыты. Представители рода *Melanocoetus*, найденные нами въ видѣ многихъ новыхъ видовъ, считались прежними изслѣдователями, и въ особенности извѣстнымъ ихтіологомъ Гюнтеромъ типичными обитателями глубоководнаго ила и даже въ популярныхъ книгахъ изображались обыкновенно зарывшимися въ илъ. Мы находили ихъ почти исключительно живущими пелагически и даже на много тысячъ метровъ надъ поверхностью дна. До какой глубины спускаются эти рыбы, сказать пока трудно. Онѣ не попадаютъ въ замыкающіяся сѣти или если и попадаютъ, то лишь наиболѣе обыкновенныя формы, напримѣръ представители рода *Cyclothone*, принадлежащаго къ скопелидамъ, попадались и въ нашихъ уловахъ замыкающимися сѣтями, на глуби-

нахъ 1.700—1.600 метровъ. Благодаря, быть можетъ, теченіямъ, идущимъ со дна или же какимъ-либо другимъ способомъ подобныя пелагическія глубоководныя формы могутъ увлекаться иногда и въ верхніе слои воды,—такъ, напримѣръ, одинъ изъ курьезнѣйшихъ представителей глубоководныхъ угрей *Saccopharynx ampulaceus* извѣстенъ до сихъ поръ лишь въ пяти экземплярахъ, которые были добыты на поверхности моря плавающими въ совершенно безпомощномъ состояніи. Чтобы познакомить читателей съ этими чудовищными по своей формѣ глубоководными угрями, обладающими огромной пастью и тонкимъ тѣломъ, мы приводимъ здѣсь изображеніе представителя новаго рода *Megalopharynx* добытаго нами въ Гвинейскомъ заливѣ вертикальною сѣтью, опущенною на 3.500 метровъ.





ГЛАВА XXI.

Біологическія особенности глубоководныхъ организмовъ.

Во время нашего пути мы захватили въ районъ нашихъ изслѣдованій четыре океаническія области, которыя по составу своей фауны выказываютъ извѣстныя особенности; это были: арктическая область, затронутая нами лишь въ своей южной части, именно въ Фарерско-Шетландской впадинѣ, затѣмъ атлантическая, антарктическая и индійская области.

Хорошо уже изслѣдованный Атлантическій океанъ далъ относительно небольшое количество новыхъ видовъ, поскольку дѣло касается придонныхъ формъ. Добытыя нами уже извѣстныя формы подтверждаютъ то представленіе, что придонная фауна Атлантическаго океана обладаетъ извѣстными характерными для нея чертами и представляетъ изъ себя одно цѣлое. Виды, которые были до сихъ поръ извѣстны лишь съ американскаго берега, выплыли здѣсь снова на поверхность у западно-африканскаго побережья.

Условія мѣняются со вступленіемъ въ антарктическую область. Поскольку дѣло касается глубоководной фауны, добытой у острова Бувэ, то сообщенія отдѣльныхъ спеціалистовъ, обрабатывающихъ коллекціи, сводятся къ тому, что этой области свойственно большое количество новыхъ формъ. Въ особенности представляются важными въ зоогеографическомъ отношеніи добытыя тамъ въ изобиліи кишечнополостныя, морскія звѣзды и раки.

Наконецъ, относительно Индійскаго океана мы указывали уже выше что впадина Ментавей, какъ можно было, впрочемъ, предсказать и заранѣе, проявила много общихъ чертъ съ изслѣдованнымъ «Инвестигаторомъ» Бенгальскимъ заливомъ. До нѣкоторой степени это можетъ быть сказано и относительно центральнаго Индійскаго океана, и относительно формъ, добытыхъ у восточно-африканскихъ береговъ. Но именно эта послѣдняя область дала намъ и необыкновенное множество новыхъ и въ высокой степени своеобразныхъ животныхъ.

Хотя и нельзя отрицать, что каждой изъ этихъ областей свойственно извѣстное количество типичныхъ для нея формъ, но, съ другой стороны, все же должно отмѣтить нахожденіе многочисленныхъ формъ, извѣстныхъ до сихъ поръ лишь изъ Атлантическаго океана въ Индійскомъ. Южная Африка никоимъ образомъ не представляетъ изъ себя непреодолимой преграды между обоими бассейнами. Мы имѣли уже случай выше обращать вниманіе читателя на замѣчательное смѣшеніе атлантическихъ, индійскихъ и антарктическихъ формъ на Агуласской

банкѣ. До обработки только что еще распредѣленнаго между специалистами матеріала было бы слишкомъ преждевременно разсматривать здѣсь подробнѣе вопросъ, насколько мы въ правѣ приписывать выше названнымъ четыремъ бассейнамъ самостоятельную, свойственную имъ только однимъ глубоководную фауну и возможно ли считать ихъ отдѣльными зоогеографическими глубоководными областями.

Точно также не можемъ мы еще пока касаться и столь жгучаго въ настоящее время вопроса о конвергенціи, т.-е. совпаденіи и внѣшнемъ сходствѣ арктической и антарктической фауны. Нельзя отрицать, что въ антарктической области появляются часто формы, представляющія поразительное сходтво съ арктическими. Это касается не только отдѣльныхъ видовъ, но и общаго характера фауны. Мы не знаемъ, однако, до сихъ поръ все же ни одного единственнаго вида, который встрѣчался бы на сѣверѣ и на югѣ въ совершенно тожественныхъ экземплярахъ. Можно ли сдѣлать такой же выводъ по собранному нами матеріалу, мы будемъ въ состояніи сказать лишь послѣ тщательнаго изслѣдованія и сравненія. Надо думать, что и въ данномъ случаѣ взгляды изслѣдователей будутъ расходиться—одни будутъ предполагать, что сходство обусловливается одинаковыми условіями существованія, другіе же будутъ считать это сходство за доказательство родственной связи обѣихъ фаунъ и будутъ разсматривать арктическія и антарктическія глубоководныя формы до нѣкоторой степени, какъ членовъ одной семьи, разъединенныхъ преградою, какою являются промежуточныя области. Если же окажется возможнымъ доказать, что въ обширныхъ, простирающихся на много градусовъ широты промежуточныхъ областяхъ сохранились все же еще отдѣльные остатки членовъ этой семьи на глубинахъ, то, несомнѣнно, сходство между арктическими и антарктическими видами будутъ считать также и результатомъ переселенія по глубинамъ. Если существованіе подобныхъ связующихъ членовъ не будетъ доказано, то придется принять теорію, защищаемую Мёрреемъ и Пфефферомъ, по которой морское дно было покрыто первоначально, до наступленія третичной эпохи, однообразной фауной, переселившейся съ измѣненіемъ условій существованія въ экваторіальныхъ и умѣренныхъ областяхъ къ обоимъ полюсамъ.

То, что мы сказали здѣсь относительно придонной фауны, не можетъ быть безъ оговорокъ перенесено всецѣло на пелагическую глубоководную фауну. Однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ результатовъ нашей экспедиціи является, прежде всего, доказательство, что именно пелагическая глубоководная фауна во всѣхъ областяхъ моря представляетъ въ высшей степени однородный характеръ. Такой удивительно большой процентъ пелагическихъ глубоководныхъ рыбъ былъ нами найденъ въ совершенно тожественныхъ формахъ какъ въ Атлантическомъ, такъ и въ Антарктическомъ и въ Индійскомъ океанахъ, что врядъ ли удалась бы попытка раздѣлить пелагическія глубины также на отдѣльныя зоогеографическія области. То же самое можно сказать и о пелагическихъ глубоководныхъ головоногихъ, ракообразныхъ, сагиттахъ, медузахъ и другихъ животныхъ. Мы не будемъ здѣсь приводить тому примѣры, но можемъ съ увѣренностью утверждать, что такихъ примѣровъ представляется множество. Если интересныя пелагическія глубоководныя формы и встрѣчались иногда лишь въ одной изъ этихъ областей, то обусловливается это, прежде всего, тѣмъ обстоятельствомъ, что мы имѣемъ

здѣсь дѣло вообще съ рѣдко встрѣчающимися организмами, которые попадали въ наши вертикальныя сѣти въ очень немногихъ экземплярахъ.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ пелагическими организмами поверхности и между ними, прежде всего, съ низшими растительными формами, привязанными къ освѣщеннымъ областямъ моря. Они чрезвычайно тонко реагируютъ на всѣ различныя условія существованія въ отдѣльныхъ областяхъ теченій,—на температуру, содержаніе соли и удѣльный вѣсъ воды, такъ что нерѣдко можно бываетъ съ микроскопомъ въ рукахъ доказать вступленіе въ новое теченіе лишь на основаніи измѣненія состава растительнаго планктона.

Многія и изъ животныхъ формъ, привязанныхъ къ поверхности, выказываютъ такую же чувствительность по отношенію къ измѣненіямъ внѣшнихъ условій и являются типичными для отдѣльныхъ теченій. Но, на ряду съ тѣмъ, имѣется и извѣстное количество организмовъ, періодически появляющихся на поверхности и мало чувствительныхъ къ измѣненіямъ температуры, освѣщенія и солености. Они появляются на поверхности въ совершенно опредѣленныя времена года съ поразительной правильностью, размножаются здѣсь нерѣдко въ такомъ количествѣ, что образуютъ громадныя скопленія и затѣмъ исчезаютъ такъ же быстро, какъ появились. Въ остальное время года тщетно приходится искать ихъ на поверхности, но зато изслѣдованіе болѣе глубокихъ слоевъ воды тонкими сѣтями показываетъ, что они не отмираютъ окончательно, а лишь переселяются въ болѣе прохладныя области. Объ этихъ перемѣщеніяхъ въ вертикальномъ направленіи экспедиція, перемѣняющая со дня на день свое мѣстопребываніе, не можетъ составить себѣ никакого понятія—это задача мѣстныхъ изслѣдователей, которые могутъ въ теченіе болѣе продолжительнаго періода наблюдать на одномъ и томъ же мѣстѣ за періодическими появленіями и исчезаніями пелагическихъ организмовъ поверхности.

Во всякомъ случаѣ, мы можемъ подтвердить то положеніе, что и въ открытомъ океанѣ наблюдается перемѣщеніе организмовъ въ вертикальномъ направленіи. Приведемъ тому нѣсколько примѣровъ. По вступленіи въ холодную область между Капштатомъ и островомъ Бувэ мы добыли при помощи замыкающейся сѣти съ глубины 1.600—1.100 метровъ одного изъ оболочниковъ, именно *Salpa fusiformis*, являющагося типичной формой пов рхностныхъ слоевъ. Находкой этой всѣ такъ живо заинтересовались, что въ тотъ же самый день мы рѣшили опустить еще разъ замыкающуюся сѣть на ту же глубину, и снова нашли ту же самую форму въ содержимомъ улова сѣти. Другой подобный же примѣръ касается тѣхъ изящнѣйшихъ колоній свободно плавающихъ полиповъ сифонофоръ, которыя въ областяхъ теплыхъ теченій Атлантическаго океана покрываютъ поверхность во второй половинѣ зимы и весною. У Канарскихъ островвъ около этого времени колоніи агальмидъ и въ особенности рода *Crystallomia* встрѣчаются въ такомъ множествѣ, что являются наиболѣе обыкновенными пелагическими организмами. Тщетно стали бы мы ихъ, однако, искать лѣтомъ или осенью. Онѣ, впрочемъ, не отмираютъ совершенно, а лишь переселяются въ болѣе глубокіе слои воды,—въ области какъ Гвинейскаго, такъ и Южно-Экваторіальнаго теченія мы добывали ихъ вертикальными сѣтями въ то самое время, когда онѣ совершенно отсутствовали на поверхности.

Вертикальныя перемѣщенія, предпринимаемыя нѣкоторыми изъ организмовъ поверхности, объясняютъ намъ также, почему пелагическіе организмы, появляющіеся на поверхности періодически, получаютъ

почти всемірное распространеніе по всѣмъ океаническимъ областямъ. Если прежде мы склонны были считать теченія, сказывающіяся на югъ отъ Капланда барьеромъ, препятствующимъ проникновенію атлантическихъ формъ въ Индійскій океанъ, то теперь оказывается, что барьеръ этотъ является препятствіемъ лишь для тѣхъ обитателей поверхности, которые въ дѣйствительности никогда не спускаются въ глубже лежащіе слои. Если же они или въ видѣ личинокъ или въ видѣ взрослыхъ формъ примѣшиваются къ типичной пелагической глубоководной фаунѣ, то путемъ обмѣна глубокихъ слоевъ воды и смѣшенія они заносятся изъ одного океаническаго бассейна въ другой и распространяются, положительно, по всему свѣту.

Наконецъ, эти вертикальныя перемѣщенія даютъ намъ ключъ къ истолкованію тѣхъ явленій, о которыхъ мы говорили выше,—именно къ выясненію вопроса о сходствѣ арктическихъ и антарктическихъ организмовъ. Поверхностный пелагическій міръ холодныхъ областей совершенно отличенъ отъ міра, населяющаго области теплыхъ теченій. Ничто не поражаетъ такъ, какъ это внезапное, полное измѣненіе состава планктона поверхности при переходѣ изъ теплой воды въ холодную. Намъ удалось испытать такое измѣненіе, когда мы между мысомъ Доброй Надежды и областью Бувэ вступили изъ послѣднихъ вѣтвей Агуласскаго теченія въ районъ антарктической холодной воды. Съ того момента, какъ были замѣчены внезапные температурные скачки поверхностной воды, указывающіе на вліяніе холодной области, всѣ организмы, попадавшіеся намъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ теплыхъ областяхъ, сразу исчезли. На ихъ мѣсто появился новый органическій міръ, съ которымъ намъ пришлось имѣть дѣло до тѣхъ поръ, пока между Кергуэльскими островами и островомъ св. Павла мы не вступили снова въ область теплой воды Индійскаго океана.

Антарктическій планктонъ поразительно богатъ самыми различными формами, которыя сдѣлались точнѣе извѣстны лишь благодаря работамъ «Вальдивіи». Во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что общій характеръ его представляетъ извѣстное соотвѣтствіе съ арктическимъ планктономъ. Соотвѣтствіе это заходитъ такъ далеко, что въ обоихъ полярныхъ областяхъ встрѣчаются формы, совершенно отсутствующія въ той обширной полосѣ теплыхъ водъ, которая разграничиваетъ обѣ области. Одинъ изъ видовъ сагитты, напримѣръ, *Sagitta hamata*, распространенъ какъ въ арктическихъ, такъ и въ антарктическихъ холодныхъ водахъ, точно также,—чтобы привести новый примѣръ—извѣстная до сихъ поръ лишь изъ арктической области небольшая сифонофора *Diphyes arctica* встрѣчается и въ антарктическихъ водахъ.

Если бы мы удовольствовались лишь изученіемъ поверхностныхъ слоевъ воды, то подобное сходство являлось бы для насъ совершенно непонятнымъ. Оно находитъ, однако, вполнѣ естественное объясненіе въ томъ фактѣ, что обитатели холодной воды проникаютъ на глубины и находятъ возможнымъ существовать подъ относительно тонкими теплыми слоями воды умѣренныхъ и тропическихъ областей. Въ глубокихъ и холодныхъ водахъ тропической области, дѣйствительно, какъ показываютъ уловы замыкающимися сѣтями, происходитъ обмѣнъ между арктическими и антарктическими поверхностными формами.

Вполнѣ естественно, что глубоководные организмы и по своему внѣшнему строенію проявляютъ приспособленность къ своеобразнымъ

условіямъ существованія въ холодныхъ и лишенныхъ свѣта водахъ глубинъ! Прежде всего такое приспособленіе сказывается въ уменьшеніи и исчезновеніи глазъ. Между обитателями придонной фауны мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ формъ, у которыхъ находятся всѣ стадіи отъ начинающагося уменьшенія глазъ и до полнаго ихъ отсутствія. Нашъ матеріалъ, также какъ и матеріалъ предшествовавшихъ экспедицій, даетъ чрезвычайно поучительные примѣры въ этомъ смыслѣ,—въ особенности между рыбами и ракообразными. Нѣкоторыя ракообразныя, напримѣръ, эріониды становятся совершенно слѣпыми и утрачиваютъ всѣ слѣды глазныхъ стебельковъ и органовъ зрѣнія. Между придонными рыбами является типичнымъ примѣромъ хотя бы изображенный нами выше *Barathronus* съ полнымъ отсутствіемъ глазъ, вмѣсто которыхъ у него находятся два вогнутыхъ зеркала, имѣющихъ золотистый металлическій блескъ.

Однако, и въ тѣхъ случаяхъ, когда глаза, повидимому, хорошо сохранились и снаружи замѣтна лишь нѣкоторая бѣдность ихъ пигментомъ, анатомическое изслѣдованіе показываетъ нерѣдко глубокое вырожденіе этихъ органовъ зрѣнія. Это касается, напримѣръ, ракообразныхъ галатеидъ, сѣтчатая оболочка которыхъ такъ перерождается, что строеніе ихъ не можетъ быть признано болѣе нормальнымъ. Притомъ сохранившійся снаружи въ хорошемъ состояніи глазъ выполняется соединительной тканью, въ которой развѣтвляется на множество вѣтвей толстый нервъ.

Между пелагическими глубоководными формами атрофія глаза встрѣчается рѣже. Мы не знаемъ до сихъ поръ еще ни одной пелагической рыбы безъ глазъ или съ зачаточными глазами; у ракообразныхъ, наоборотъ, у многихъ замѣчается или полное исчезновеніе глазъ или сильное уменьшеніе ихъ, какое наблюдается, напримѣръ, у амфиподъ. Между десятиногими раками нѣкоторыя сергестиды обладаютъ сильно уменьшившимися глазами и, наконецъ, ведущіе пелагическій образъ жизни эріониды (*Eryonicus*) точно также лишены глазъ и глазныхъ стебельковъ, какъ и ихъ родственники, водящіеся на днѣ.

Нельзя отрицать, что все же у относительно небольшого количества глубоководныхъ животныхъ постоянное пребываніе на неосвѣщенныхъ глубинахъ вызываетъ утрату глазъ. По сравненію съ глубоководной фауной фауна пещеръ, напримѣръ. проявляетъ несравненно болѣе общую утрату органа зрѣнія. Присутствіе у рыбъ и ракообразныхъ, обитающихъ въ вѣчно темныхъ подводныхъ областяхъ, хорошо развитыхъ и даже нерѣдко чрезвычайно увеличенныхъ глазъ приводило въ немалое недоумѣніе біологовъ. Предполагали, что, быть можетъ, ультрафіолетовые лучи или лучи неизвѣстнаго еще намъ рода проникаютъ на глубины и обусловливаютъ развитіе зрительныхъ органовъ. До сихъ поръ, однако, физика не доказала намъ, чтобы ниже 600 метровъ могли проникать какіе-либо лучи, и пока это не будетъ доказано, намъ приходится искать другихъ источниковъ свѣта, которыми могли бы пользоваться глубоководные организмы. Чрезвычайно заманчивымъ является предположеніе, что свѣтъ, дѣйствительно, производится самими глубоководными животными и давно уже непосредственное наблюденіе сдѣлало фактъ этотъ не подлежащимъ сомнѣнію. Волшебное зрѣлище представляетъ изъ себя вертикальная сѣть или же тралъ, выходящій на поверхность ночью,—въ немъ шевелятся, блистая своими свѣтящимися органами и испуская яркій фосфорическій свѣтъ, пойманные глубоководные организмы. Иногда глубоководныя

животныя испускаютъ свѣтящуюся слизь, иногда свѣтится все ихъ тѣло или же способность свѣченія ограничивается лишь извѣстными органами. На вѣтвяхъ морскихъ перьевъ, которыя были добыты у Сомалійскаго берега, мелькали отъ полипа къ полипу яркіе огоньки. Простѣйшіе, черви, открытая Асбьерпсономъ морская звѣзда *Brisinga*, многочисленныя ракообразныя глубокихъ водъ и, прежде всего, уже значительная часть глубоководныхъ рыбъ обладаютъ способностью свѣченія. У нѣкоторыхъ изъ рыбъ органы свѣченія окружаютъ боковыя части тѣла или брюшную поверхность въ видѣ фонарей, снабженныхъ вогнутыми зеркалами и выпуклыми чечевицами, тогда какъ другія рыбы, настоящіе Діогены морскихъ глубинъ, снабжены фонаремъ на головѣ или на нижней челюсти. Даже лучи плавниковъ, область передъ хвостовымъ плавникомъ и конецъ хвоста могутъ нести на себѣ органы свѣченія. Органы эти встрѣчаются какъ у рыбъ съ сильно развитыми зубами, такъ и у тѣхъ, у которыхъ зубы слабые, они могутъ развиваться у нѣкоторыхъ видовъ очень сильно и отсутствовать у ближайшихъ родственниковъ. Въ виду того, что эти органы свѣченія, считавшіеся прежде по своему сходству съ органами зрѣнія за добавочные глаза, снабжены нервами, надо предположить, что процессъ свѣченія зависитъ отъ воли животнаго.

Не должно, однако думать, что замѣчательное явленіе свѣченія глубоководныхъ организмовъ можетъ легко быть наблюдаемо. Большинство животныхъ приходитъ на поверхность мертвыми или же настолько ослабленными, что надо положительно считать за особое счастье, если удастся наблюдать несомнѣнное свѣченіе. Я обыкновенно, какъ только мы добывали какую-нибудь болѣе или менѣе замѣчательную глубоководную рыбу, отправлялся съ ней тотчасъ же въ темную камеру, чтобы посмотрѣть, не свѣтится ли она. Хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, но свѣченіе можно было констатировать. Наблюденія эти были тѣмъ болѣе важны, что всѣ свѣтящіеся органы легко замѣтны и имѣютъ общія черты въ строеніи, такъ что если удастся замѣтить свѣченіе одного изъ нихъ, то несомнѣнно, что и другія похожія на него образованія также представляютъ изъ себя органы свѣченія.

Чтобы пояснить сказанное примѣрами, укажу, прежде всего, на замѣчательную черную рыбу, являющуюся новымъ представителемъ рода *Echiostoma*. У нея замѣчалось превосходное голубоватое фосфорическое свѣченіе треугольнаго органа, расположеннаго на верхней челюсти, позади глазъ. Органъ этотъ прикрытъ прозрачной и выпуклой въ видѣ роговицы частью кожи и можетъ притомъ ворочаться при помощи мышцъ такъ, что свѣченіе то исчезаетъ, то снова появляется. Мы могли также замѣтить свѣченіе у многихъ представителей стоміатидъ и скопелидъ, но не могли доказать его у тѣхъ курьезныхъ глубоководныхъ рыбъ, которыя принадлежатъ къ семейству цератіидъ. У этихъ чудовищныхъ формъ, напр., у *Melanocoetus* (p. 89), на лбу между глазами или же на концѣ морды поднимается длинный придатокъ въ видѣ прута съ расширеніемъ на концѣ. Послѣднее снабжено органами, которые, по сообщенію д-ра Брауера, судя по ихъ строенію, являются органами свѣченія. Прежде эти удивительные придатки считались соотвѣтствующими первому лучу спинного плавника, сильно подвинутаго впередъ. Не говоря уже о томъ, что прикрѣпленіе этихъ придатковъ на концѣ морды трудно совмѣстимо съ такимъ объясненіемъ, мы не можемъ не указать также при этомъ случаѣ, что многія род-

ственныя придонныя рыбы изъ семейства *Pediculata* обладаютъ также весьма курьезными образованіями, несомнѣнно соотвѣтствующими этимъ прутьямъ рыбъ, ведущихъ пелагическій образъ жизни. На прилагаемомъ рисункѣ (рис. 91) мы воспроизводимъ нѣкоторыя изъ этихъ формъ, обладающія подобными органами

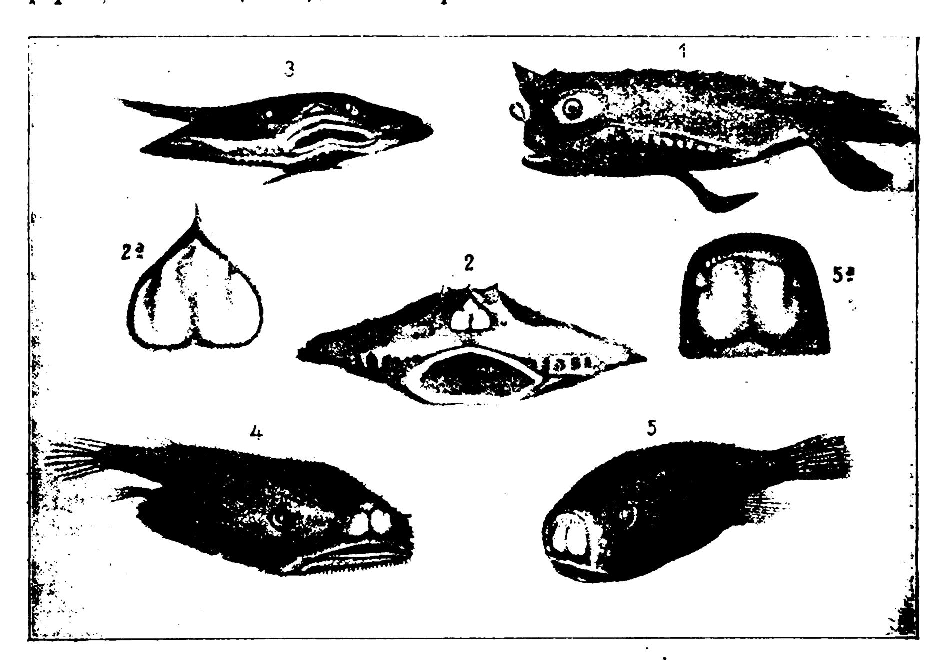


Рис. 91. Глубоководныя рыбы изъ сем. *Pediculata* съ загадочными органами на головѣ.—1.—*Malthopsis luteus*.—2.—*Halicmetus sp.*—2a.—Носовой органъ этой рыбы, увеличенный.—3.—*Halicmetus sp.*—4 и 5.—Рыбы изъ сем. *Onchocephalidae*.—5a.—Носовой органъ одной изъ нихъ.

У рода *Malthopsis* прутьевидный органъ *Melanocoetus*'а укоротился и превратился въ пуговку на стебелькѣ. У другихъ видовъ онъ все болѣе и болѣе втягивается въ полость, образовавшуюся у конца морды, и принимаетъ двулопастную форму, напоминая носовыя придатки вампировъ. Когда мы впервые выловили этихъ курьезныхъ рыбъ, относящихся къ семейству *Onchocephalida*, мы думали первоначально, что у нихъ повреждена передняя часть морды и выступаютъ огромныя обонятельныя дольки головного мозга. Болѣе подробное изслѣдованіе показало, однако, что рыбы эти не повреждены и что онѣ обладаютъ органами совершенно особаго рода, между которыми къ тому же замѣчаются всѣ переходы къ длиннымъ прутьеобразнымъ придаткамъ *Melanocoetus*'а и другихъ цератіидъ. Являются ли эти органы органами свѣченія, можно будетъ сказать лишь послѣ болѣе подробнаго анатомическаго изслѣдованія ихъ.

Чтобы привести кое-какія новыя наблюденія относительно свѣченія другихъ организмовъ, упомянемъ здѣсь о ракообразныхъ изъ рода *Gnathophausia*, принадлежащаго къ расщепленогимъ. У основанія второй пары нижнихъ челюстей его Вильмесъ Зумъ нашелъ ярко пигментированое вздутіе, которое онъ считалъ за добавочный глазъ. Обрабатывавшій расщепленогихъ экспедиціи «Чэлленжера» знаменитый

норвежскій изслѣдователь Г. Сарсъ не могъ признать строенія этого органа сходнымъ съ глазомъ и предполагалъ, что это органъ свѣченія. Въ этомъ предположеніи онъ и не ошибся, какъ мы убѣдились уже при началѣ нашего пути на пойманномъ экземплярѣ *Gnathophausia*. Ракъ выдѣляетъ изъ этого железистаго органа слизь, тянущуюся длинными нитями и испускающую очень яркій фосфоресцирующій свѣтъ.

Не могу не привести еще какъ примѣръ одного изъ свѣтящихся головоногихъ. Этотъ представитель рода *Enoploteuthis* обладаетъ 24 органами свѣченія, расположенными очень своеобразно. На каждомъ изъ двухъ длинныхъ щупалецъ располагается по два такихъ органа; у нижняго края глазъ ихъ по пяти, а остальные находятся на брюшной сторонѣ, распредѣляясь такъ, какъ это видно на рисункѣ. Окраска этихъ органовъ поразительно красива — положительно можно подумать, что тѣло окружено ожерельемъ блестящихъ драгоцѣнныхъ камней. Средній изъ глазныхъ органовъ синяго цвѣта, боковые имѣютъ блескъ перламутра, передніе органы брюшной стороны похожи на краски рубиновъ, тогда какъ задніе бѣлы, за исключеніемъ самаго средняго, который голубой. Эти органы свѣченія имѣли видъ ямокъ, наружная поверхность которыхъ выпукла въ видѣ чечевицы, внутренняя же выложена чернымъ или коричневымъ пигментомъ. При консервированіи въ темной комнатѣ онѣ испускали еще слабый свѣтъ. У цѣлаго ряда собранныхъ нами пелагическихъ глубоководныхъ головоногихъ подобные органы замѣчались въ области глаза. Повидимому, эти же органы наблюдались стариннымъ изслѣдователемъ Рюппелемъ у *Enoploteuthis margaritifera*, но наблюденія его были почти забыты.

Рис. 92. Глубоководный головоногій моллюскъ *Calliteuthis* съ органами свѣченія. (Индійскій океанъ, 1500 метровъ).

Подобные же, но нѣсколько меньшіе органы занимаютъ у рода *Calliteuthis* (рис. 92) всю поверхность тѣла, начиная со щупалецъ и до хвостовыхъ плавниковъ. Брюшная поверхность обильнѣе снабжена ими, чѣмъ спинная. Мы не видѣли ихъ, къ сожалѣнію, свѣтящимися, но надо думать, что зрѣлище представляемое этимъ животнымъ въ естественномъ видѣ, великолѣпно.

Трудно сказать, каково біологическое значеніе свѣтящихся органовъ. Величина и расположеніе ихъ настолько измѣнчивы у близко

родственныхъ формъ, что хотя они и могутъ служить хорошимъ систематическимъ признакомъ, но, съ другой стороны, представляютъ изъ себя для того, кто желаетъ опредѣлить въ данномъ случаѣ ихъ біологическое значеніе, настоящую загадку. Иногда органы эти лежатъ спереди на головѣ и позволяютъ животному распознавать находящіеся передъ нимъ предметы, что особенно важно для хищниковъ, иногда они располагаются по бокамъ, на брюхѣ или на хвостѣ, такъ что исходящій изъ нихъ свѣтъ не попадаетъ непосредственно въ глаза несущаго ихъ животнаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, быть можетъ, органы свѣченія служатъ для того, чтобы сдѣлать возможнымъ нахожденіе самцами самокъ, или же, чтобы облегчить особямъ одного вида держаться вмѣстѣ стаей. Врядъ ли, однако, можно предположить, какъ

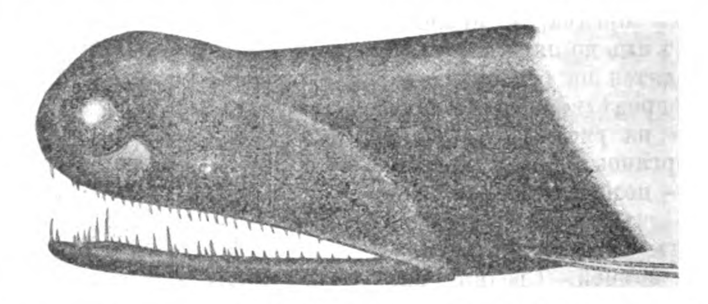


Рис. 93. Голова глубоководной рыбы *Malacosteus* съ двумя парами органовъ свѣченія.

это высказывалось неоднократно, что бы органы эти могли устрашать враговъ. Свѣтъ не только не устрашаетъ, но даже привлекаетъ пелагическихъ животныхъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться, если опустить надъ поверхностью моря электрическую лампу,—около нея въ короткое время собирается огромное количество пелагическихъ организмовъ. Такимъ образомъ, скорѣе можно считать органы свѣченія средствомъ для привлеченія добычи, идущей въ пищу носителю этихъ органовъ. Свѣтятся также и многія прикрѣпленныя къ морскому дну или слабо двигающіяся животныя, напримѣръ, мягкіе морскіе кораллы и морскіе звѣзды, и надо думать, что этимъ свѣченіемъ они также привлекаютъ къ себѣ подвижныхъ пелагическихъ животныхъ, становящихся ихъ добычею.

Итакъ, существованіе органовъ свѣченія у обитателей глубинъ, какъ мы говорили уже выше, объясняетъ то обстоятельство, что у многихъ глубоководныхъ формъ имѣются хорошо развитые и часто даже чудовищно огромные глаза.

Между ведущими пелагическій образъ жизни глубоководными формами встрѣчаются такія, у которыхъ глаза утратили свою шарообразную форму и приняли видъ телескоповъ. Прежде всего подобное преобразованіе глазъ стало намъ извѣстнымъ у ракообразныхъ изъ амфиподъ и расщепленогихъ. У нихъ часть простыхъ глазковъ, составляющихъ сложный фасеточный глазъ, вытянулась такъ сильно, что глазъ раздѣлился на два—на передній и на боковой. Мы еще ранѣе, на основаніи физіологическихъ изслѣдованій Экснера, пытались доказать, что передніе глаза съ ихъ чудовищно удлиненными простыми глазками являются особенно пригодными для того, чтобы улавливать предметы, находящіеся въ движеніи, тогда какъ боковые глаза приспособлены

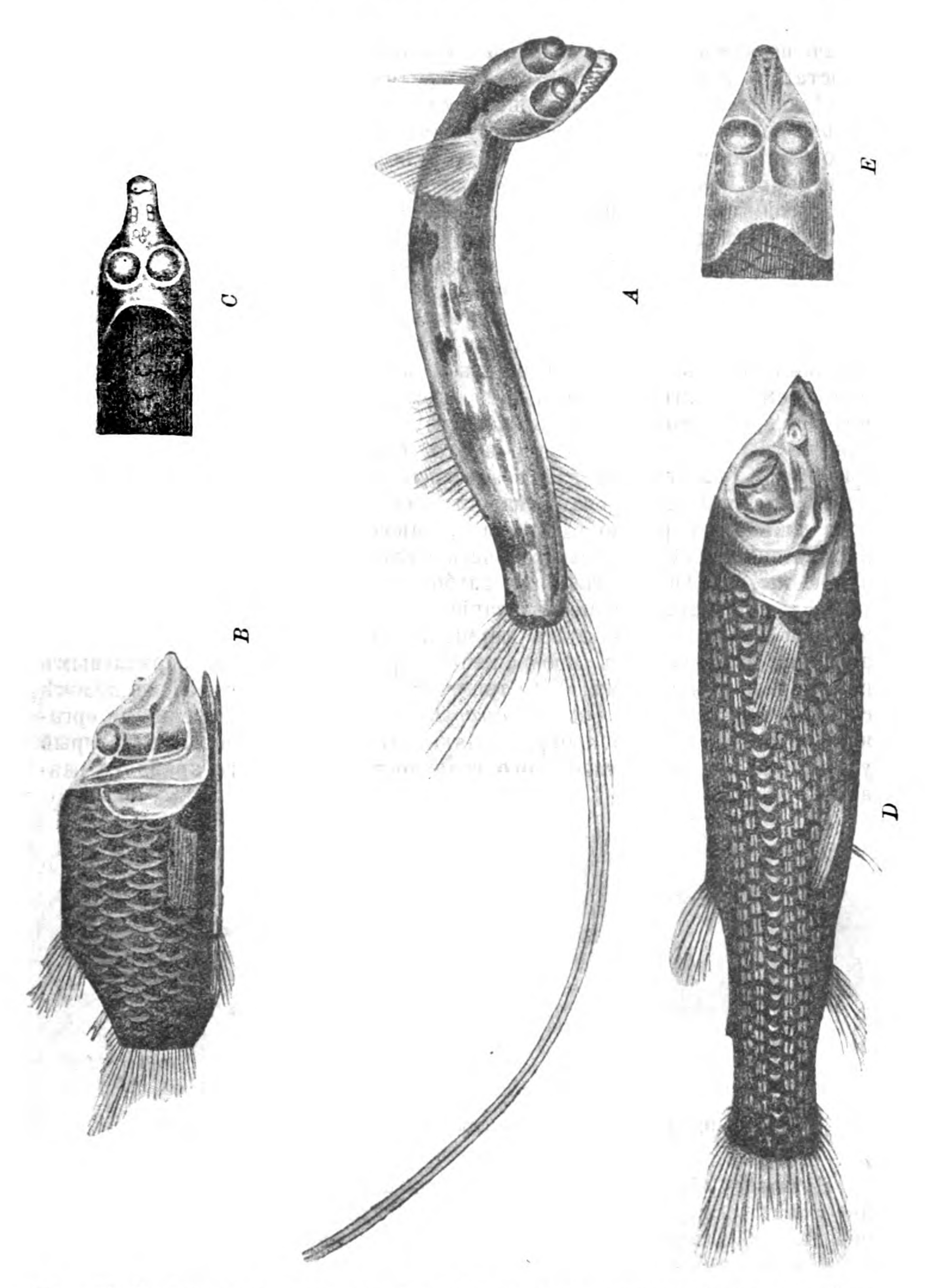


Рис. 94. Глубоководныя пелагическія рыбы съ телескопическими глазами. *A*.—Глубоководная рыба новаго семейства съ телескопическими глазами, направленными впередъ (Гвинейскій заливъ, 2500 метр.).—*B.C.*—*Opisthoproctus soleatus* съ глазами направленными вверхъ и ея голова сверху. (Гвинейскій заливъ, 4000 метр.).—*D,E*.—Рыба, принадлежащая къ новому семейству съ глазами направленными впередъ (Гвинейскій заливъ. 1200 метр.).

для воспріятія деталей картины. У нѣкоторыхъ ракообразныхъ, ведущихъ пелагическій образъ жизни, боковые глаза совершенно исчезли и остались лишь передніе, удлиненные въ видѣ телескоповъ.

Доказательство, что подобное видоизмѣненіе глазъ свойственно не только ракообразнымъ, но и нѣкоторымъ пелагическимъ рыбамъ и головоногимъ, является однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ результатовъ нашей экспедиціи. Мы даемъ здѣсь изображенія нѣкоторыхъ изъ этихъ рыбъ, обладающихъ телескопическими глазами. Лишь одна изъ нихъ *Opisthoproctus* была добыта французскими изслѣдователями въ видѣ молодой формы, причемъ, однако, наиболѣе замѣчательный признакъ ея, именно, превращеніе глазъ въ цилиндры, направленные кверху, не упоминается въ описаніи. Какъ видно изъ рисунковъ, подобные глаза являются то горизонтальными и направленными впередъ, то вертикальными, направленными вверхъ. Двѣ изъ изображенныхъ рыбъ принадлежатъ къ новымъ семействамъ, изъ нихъ одна, густого чернаго цвѣта, съ прозрачною на концѣ мордою, приближается къ скопелидамъ, тогда какъ другая не выказываетъ родства ни съ одною изъ извѣстныхъ формъ (рис. 94). Тѣло ея обладаетъ замѣчательнымъ металлическимъ блескомъ, огромная пасть снабжена острыми зубами, нижніе лучи хвостоваго плавника курьезно удлинены и, наконецъ, лежащіе горизонтально, направленные впередъ телескопическіе глаза дѣлаютъ ее, положительно, одною изъ замѣчательнѣйшихъ глубоководныхъ рыбъ.

Болѣе тщательное изслѣдованіе строенія покажетъ, надо думать, что всѣ изображенныя здѣсь формы глазъ являются лишь конечными звеньями цѣлаго рядъ превращеній, претерпѣваемыхъ нормальнымъ шарообразнымъ глазомъ. Уже теперь мы находимъ на глазномъ яблокѣ серебристой рыбы изъ рода *Argyropelecus*, снабженной огромными органами свѣченія, начало превращенія въ телескопическій глазъ, который у другихъ представителей этого рода достигаетъ своего крайняго развитія.

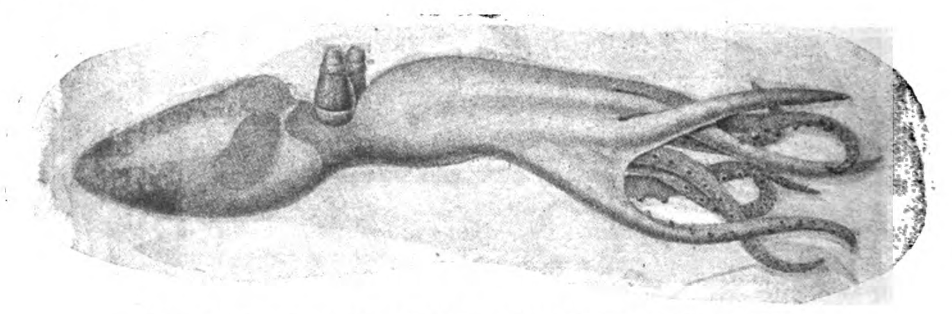


Рис. 95. Головоногій моллюскъ съ телескопическими глазами.

Никоимъ образомъ формы, обладающія телескопическими глазами не стоятъ между собою въ ближайшемъ родствѣ. Мы имѣемъ здѣсь передъ собою скорѣе явленія совпаденія (конвергенціи) въ строеніи самыхъ различныхъ пелагическихъ глубоководныхъ формъ. Что подобное явленіе свойственно и головоногимъ, показываетъ прилагаемое изображеніе (рис. 95), осьминога, добытаго нами въ Агуласскомъ теченіи: животное это со своими вертикально стоящими глазными цилиндрами производитъ чрезвычайно курьезное впечатлѣніе.

Лишь болѣе подробное изученіе этихъ формъ глаза позволитъ вы-

60
40
20
0
ЮЖНАЯ
АМЕРИКА
20
40
60

яснить ихъ физіологическое значеніе; пока мы предполагаемъ,—но это не болѣе, какъ гипотеза,—что такіе глаза особенно хорошо приспособлены для воспріятія движеній.

Какое значеніе имѣетъ то обстоятельство, что у многихъ молодыхъ формъ рыбъ (рис. 96), добытыхъ нами частью въ антарктической области, частью въ Индійскомъ океанѣ, глаза сидятъ на длинныхъ стебелькахъ, удлиненныхъ къ тому же часто до чудовищныхъ размѣровъ, также трудно пока рѣшить. Если предположить, что благодаря подобному способу прикрѣпленія органовъ зрѣнія животное можетъ обо-

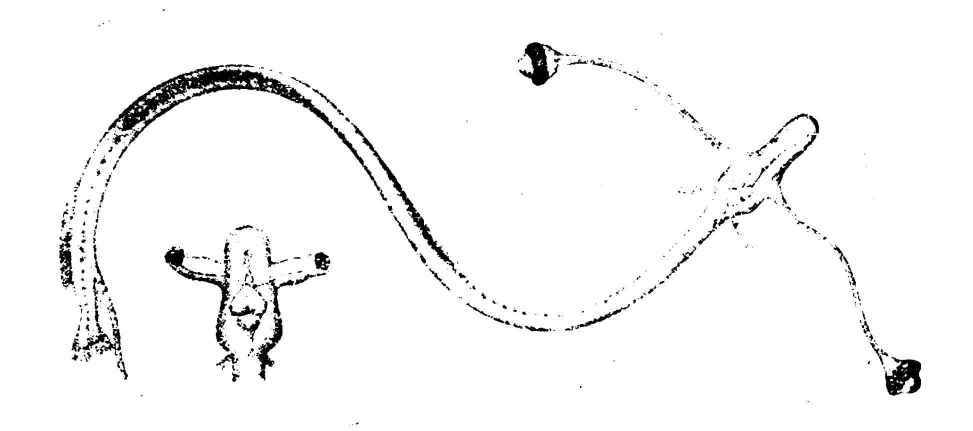


Рис. 96. Молодая рыба со стебельчатыми глазами. (Индійскій океанъ, 2000 метровъ). Слѣва голова другой рыбы съ болѣе короткими стебельками глазъ.

зрѣвать болѣе значительный районъ, то это, въ сущности, будетъ не болѣе, какъ пересказъ наблюдаемаго явленія другими словами. Можно лишь замѣтить, что чрезъ этотъ стебелекъ проходитъ не только глазной нервъ, но и шесть превратившихся въ тонкіе тяжи глазныхъ мышцъ.

Въ виду того, что мы остановились теперь на различныхъ замѣчательныхъ превращеніяхъ глаза, скажемъ уже кстати, что у нѣкоторыхъ скопелидъ на темени головы наблюдается прозрачное образованіе, покрытое выпуклой роговицей—оно соотвѣтствуетъ такъ называемому темянному (паріетальному) глазу нѣкоторыхъ пресмыкающихся Дѣйствуетъ ли это образованіе у глубоководныхъ рыбъ, какъ глазъ, покажетъ впослѣдствіи болѣе подробное анатомическое изслѣдованіе.

Вѣчный голодъ налагаетъ особый отпечатокъ на глубоководные организмы, которымъ съ такимъ трудомъ достается пища. Нерѣдко даже во время подъема сѣти въ прикрѣпленномъ къ ней концевомъ сосудѣ разгоралась сильнѣйшая борьба за существованіе, и намъ порою приходилось сожалѣть, что какая-нибудь глубоководная рыба проглотила по дорогѣ другіе интересные пелагическіе организмы или же со своей стороны была перекусана и растерзана клешнями какого-нибудь крупнаго рака.

Вся организація у формъ, ведущихъ хищническій образъ жизни, проявляетъ нерѣдко удивительнѣйшее приспособленіе къ добыванію

трудно достижимой пищи. У ракообразныхъ конечности превращаются часто въ органы нападенія, вооруженные либо шипами, либо клешнями, либо настоящими копьями или стилетами. Пасть у нѣкоторыхъ пелагическихъ глубоководныхъ рыбъ достигаетъ такого чудовищнаго развитія, что составляетъ болѣе трехъ четвертей длины тѣла; вся рыба какъ бы превращается въ одну сплошную пасть, вооруженную чудовищно развитыми зубами, которые не позволяютъ уйти добычѣ, превращаясь либо въ рѣшето, либо въ крючья, захватывающіе ее. Нѣкоторые изъ представителей рода *Labichthys* (рис. 97), выказываютъ замѣчательнѣйшее превращеніе своей челюсти, которая вытянута въ длинный придатокъ, въ родѣ прута, кончающійся расширеніемъ. Челюсть усажена мелкими зубами, и потому, надо полагать, особенно пригодна для того, чтобы въ ней запутывались пелагическіе организмы.

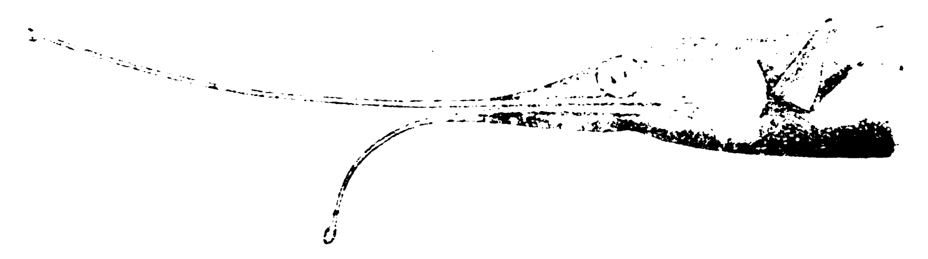


Рис. 97. Голова рыбы *Labichthys elongatus*. (Восточно-африкан. берегъ 1668 метр.).

Нельзя отрицать, что существуетъ нѣкоторая связь и соотношеніе между развитіемъ глазъ и развитіемъ пасти, — именно, у нѣкоторыхъ рыбъ, обладающихъ самою чудовищною пастью, имѣются какъ разъ маленькіе глаза, тогда какъ у нѣкоторыхъ формъ съ поразительно малою пастью, глаза сильно развиты и превращены въ телескопическіе. Впрочемъ, иногда эти отношенія являются и обратными.

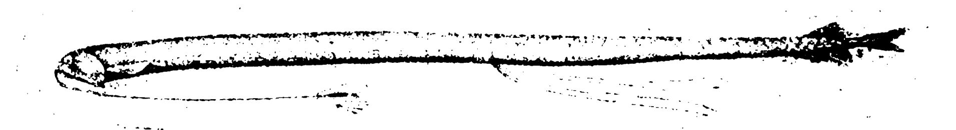


Рис. 98. Глубоководная рыба. *Stomias sp.* (Индійскій океанъ, 2000 метровъ). Черныя точки на брюхѣ и подъ глазомъ—органы свѣченія.

Повышеніе способности воспріятія аппаратовъ, служащихъ для познаванія окружающей среды, выражается еще въ необыкновенномъ развитіи усиковъ. У нѣкоторыхъ глубоководныхъ формъ, ведущихъ хищническій образъ жизни, они достигаютъ такого развитія, что превышаютъ длину тѣла въ 10—20 разъ. Это наблюдается въ особенности у ракообразныхъ—сергестидъ и глубоководныхъ креветокъ, у нѣкоторыхъ изъ нихъ мы находили усики въ полтора метра длины (*Aristaeus*). Здѣсь такіе усики соединяются съ хорошо развитыми органами зрѣнія, но у слѣпыхъ глубоководныхъ ракообразныхъ тѣло нерѣдко усѣяно цѣлымъ лѣсомъ чувствительныхъ волосковъ, какъ это особенно бро-

сается въ глаза у эріонидъ. Между глубоководными рыбами встрѣчаются также подобные чрезмѣрно развитые органы осязанія, въ видѣ сидящихъ на нижней челюсти усиковъ или необыкновенно удлиненныхъ лучей плавниковъ, которые иногда оканчиваются замѣчательными образованіями, имѣющими видъ пуговокъ.

Если бы мы задались цѣлью выяснить всѣ своеобразные приспособленія глубоководныхъ животныхъ къ ихъ условіямъ существованія, то намъ не хватило бы ни силъ, ни мѣста. Каждый изъ обитателей глубинъ вызываетъ цѣлый рядъ соображеній о вліяніи внѣшнихъ условій на его организацію и притомъ не только на наружную, но и на внутреннюю, и даже на его развитіе. Если взять хотя бы глубоководную рыбу, то мы видимъ, прежде всего, что кожа ея усѣяна мельчайшими нервными окончаніями, которыя стоятъ въ связи или съ сильно развитой системой боковыхъ линій, или же съ органами свѣченія, иногда же представляетъ изъ себя совершенно неизвѣстныя намъ образованія, значеніе которыхъ трудно понять. Органы чувствъ также развиты чрезмѣрно: глаза обращаютъ на себя вниманіе не только своеобразною формою глазного яблока, но и внутреннимъ строеніемъ сѣтчатки, съ ея необычайно удлиненными зрительными палочками; у органовъ слуха части, служащія для сохраненія равновѣсія, именно полукруглые каналы, развиты такъ сильно, что центральная нервная система и отходящіе отъ нея головные нервы едва находятъ себѣ мѣсто,—наконецъ, органы осязанія развиты настолько многосторонне, что приходится лишь изумляться могущественной способности природы создавать такія своеобразныя формы. Если изслѣдовать затѣмъ нервную систему и связанный съ нею теменной органъ, то опять приходится встрѣтить особенности строенія, которыя не совмѣщаются съ тѣмъ, что намъ извѣстно по отношенію къ формамъ, обитающимъ на морской поверхности. Не менѣе своеобразно также расположеніе и микроскопическое строеніе мышечныхъ волоконъ и скелета. Послѣдній бѣденъ известью или же вообще у пелагическихъ глубоководныхъ рыбъ развитъ лишь въ видѣ хрящевого скелета и потому является такимъ же приспособленіемъ къ свободно плавающему образу жизни, какъ развивающаяся у многихъ другихъ глубоководныхъ формъ студенистая соединительная ткань. Мы не будемъ говорить здѣсь объ особенностяхъ въ строеніи органовъ питанія,—скажемъ лишь, что изученіе одной единственной глубоководной рыбы могло бы составить вполнѣ достойный объектъ для работы изслѣдователя въ теченіе всей жизни. Нѣкоторыя особенности въ строеніи, напримѣръ, строеніе глаза могутъ быть подвергнуты строгому физическому анализу, тогда какъ другія особенности представляютъ изъ себя задачу, гдѣ открывается обширное поле для всевозможныхъ гипотезъ и даже фантастическихъ построеній.

То, что мы сказали здѣсь о глубоководныхъ рыбахъ, приложимо и къ каждому изъ обитателей глубоководныхъ областей, не исключая даже наиболѣе просто организованныхъ существъ—простѣйшихъ. Кто можетъ охватить этотъ міръ чудесъ, водящійся на глубинахъ, со всѣми подробностями его существованія и кто рѣшится утверждать, что уже въ настоящее время исчерпано все, что въ немъ есть оригинальнаго и интереснаго? Все здѣсь чуждо для насъ, невиданно и поражаетъ насъ въ высокой степени. И, тѣмъ не менѣе, никогда не встрѣчаемъ мы здѣсь совершенно новыхъ условій организаціи, новыхъ типовъ, у которыхъ не было бы аналогіи на поверхности! Все вращается здѣсь постоянно

около приспособленія и видоизмѣненія тѣхъ же формъ, которыя въ своемъ построеніи подвластны тѣмъ же законамъ, какіе управляютъ всѣмъ остальнымъ органическимъ міромъ. Кажется, что слышишь старую, давно знакомую мелодію, которая здѣсь повторяется въ новыхъ, захватывающихъ, безконечныхъ варіаціяхъ!..

Конецъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.